Человек на Балканах

в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в.

«Алетейя»
2002

inslav

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

inslav

inslav

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в.

Научное издание

Редколлегия:
Г. Г. Литаврин, Р. П. Гришина *(отв. редакторы)*,
Т. В. Волокитина *(бригадир)*, Е. Л. Валева

Издательство
«Алетейя»
Санкт-Петербург
2002

inslav

ББК Т3(476)
УДК 943.7
Ч 38

Ч 38 Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века/ Научное издание/ Редакционная коллегия: Г. Г. Литаврин, Р. П. Гришина (отв. редакторы), Т. В. Волокитина, Е. Л. Валева — СПб.: Алетейя, 2002. — 480 с.
ISBN 5-89329-514-5

Книга посвящена междисциплинарному изучению Балканского региона в XX в. В ней представлены работы историков, демографов, социологов, языковедов, и др., отражающие современную точку зрения на актуальную проблематику перехода от традиционного общества к гражданскому. На обновленной источниковой базе рассматриваются вопросы мироощущения и ментальности балканских народов, демографическая и конфессиональная картина на Балканах в XX в., особенность региона как зоны столкновения геостратегических интересов. Предпринята попытка проанализировать истоки и характер современного югославского кризиса.

Для специалистов, преподавателей и студентов вузов и всех интересующихся историей и современным развитием балканских стран.

Издание подготовлено и осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, № № грантов: 00-06-85027, 01-06-87014)

ISBN 5-89329-514-5

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2002 г.
© Институт Славяноведения РАН, 2002 г.
© Коллектив авторов, 2002 г.

inslav

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Вниманию специалистов и широкой научной общественности предлагается сборник статей, посвященных ряду наиболее актуальных и острых проблем в жизни народов Балканского полуострова в XX столетии (включая проблему Косова на современном этапе).

Статьи написаны российскими и болгарскими учеными на основе докладов, прочитанных на конференции, состоявшейся в Москве 11–13 апреля 2000 г. в рамках Российско-болгарской исторической комиссии.

Конференция была организована после длительного перерыва в работе Комиссии, обусловленного общими для обеих стран материальными затруднениями. Запланированный несколько лет назад на указанную в заглавии тему российско-болгарский научный форум состоялся наконец благодаря финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований.

Кратко о наиболее важных особенностях сборника. Во-первых, его статьи отличает обилие свежего материала, привлеченного из ставших доступными архивов ряда балканских стран и России, что позволило более глубоко и во многом по-новому взглянуть на ход событий на Балканах в XX в.

Во-вторых, для большинства статей сборника характерна новая постановка вопросов: в центр внимания авторов поставлены проблемы мироощущения, общественного и индивидуального, светского и религиозного, особенности демографической и конфессиональной ситуации в балканском обществе на переломных этапах истории полуострова, включая такие новые для нашей науки аспекты, как проблемы модернизации и традиционализма в общественной и духовной жизни народов.

В-третьих, существенно обновлен авторами инструментарий научного поиска. Авторы сборника более широко и последовательно используют статистические материалы, применяют системный анализ, историко-сравнительный и междисциплинарный методы исследования (помимо исторического аспекта, авторы ряда докладов рассматривают поставленные ими вопросы также в аспектах культурологии, социологии, этнологии и антропологии).

В-четвертых, впервые в современной российской и болгарской историографии последовательно, глубоко и всесторонне изучено место и значение конфессионального фактора в общественной, социальной и полити-

inslav

ческой жизни и в межнациональных отношениях балканских народов в течение последнего столетия.

В-пятых, наконец, конкретные исторические события на Балканах исследуются авторами в неразрывной связи с международной обстановкой и с геополитическими интересами на полуострове крупнейших держав Европы (в том числе России и Советского Союза).

Литаврин Г. Г.

inslav

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга содержит материалы международной конференции «Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в.», проведенной в Институте славяноведения РАН 11–13 апреля 2000 г. К участию в ней были привлечены специалисты в области демографии, этнологии, социологии, истории, литературоведения, языкознания — столь широкого представительства потребовал междисциплинарный характер самой темы. Помимо ученых различных учреждений РАН и других российских научных учреждений, в конференции активное и заинтересованное участие приняли специалисты Института истории Болгарской Академии наук во главе с его директором проф. Г. Марковым. Статьи, представленные в настоящем сборнике, написаны на основе прочитанных на конференции докладов.

К Балканам как особому региону научный интерес в Институте славяноведения существует давно. Опыт изучения Homo balkanicus традиционного общества акад. В. Н. Топоровым и его последователями, как и опыт анализа проблемы «Этнос—народность—нация—государство» применительно к странам Юго-Восточной Европы VI–XV вв., накопленный в Отделе истории Средних веков Института славяноведения РАН, руководимого акад. Г. Г. Литавриным, показал необходимость именно комплексного, междисциплинарного подхода к изучению балканского человека, особенно с учетом антропологического аспекта исследования.

Регулярный характер имеют интердисциплинарные встречи ученых, ищущих, исследуя толщу веков с глубокой древности до наших дней, «"балканское" в балканском»[1]; ими введено в научный оборот понятие «Балканская модель мира (БММ)». Говоря о некоторых ее свойствах, акад. В. Н. Топоров обращает внимание прежде всего на особенности балканского пространства с его чрезвычайной изрезанностью («ажурностью») береговой линии, с горными вертикалями и долинными горизонталями, с открытостью к семи морям и не только локальными закрытостями на пути к северу. «Балканское пространство, — пишет он, — в его геофизическом (уже — ландшафтном) и природно-экологическом аспекте (...) выступает как **мать** всего порождаемого им в себе самом, как подлинная **матрица**, в соответствии с которой штампуется человеческая жизнь.

[1] См., например: В поисках «балканского» на Балканах. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1999.

inslav

"Балканский" модус жизни в течение тысячелетий как раз и определялся структурой этой матрицы — балканским пространством, хотя и не только им»[1]. Чем глубже в древность, тем выше степень этой детерминированности. Геофизические и природные условия Балкан объясняют, по мнению ученого, характер расселения и формы поселений и социальной организации населения, а также род его занятий, т. е. тот тип культуры, который стал основным и передавался как типично балканская институция во времени[2].

Свои особенности имела и сфера культурно-исторического. В. Н. Топоров фиксирует внимание на том, что население Балкан (а наши знания, отмечает он, с известной надежностью простираются до III–II тысячелетий до н. э.) всегда было полиэтнично; отношения были разными, в том числе и резко враждебными, но так или иначе определенное равновесие восстанавливалось, хотя бы на бытовом уровне. «Следовательно, — заключает академик, — Homo balcanicus исходил из признания таких антитетических идей, как стабильное и изменяющееся, архаизм и инновация, свое и чужое (или, модернизируя, **Я** и **другой**)»[3]. Это было своего рода «балканской философией»: балканское «Я» амбивалентно, умеет работать — в зависимости от ситуации — в двух не только разных, но и противоположных режимах, при одном из которых нечто жертвуется, при другом же — возмещается, компенсируется. Но это и практика: балканский житель — то преследователь, то преследуемый; то убийца, то жертва; то мирный земледелец — то разбойник.

Российские ученые, разрабатывающие теоретически балканскую модель мира, не случайно связывают ее с западноевропейским термином *ментальность*. Они отмечают, что объект их поиска является чем-то неуловимым, хотя ощущается как нечто «единое и цельное», динамичное и в то же время стабильное до консервативности (определяемой древностью существования) (Т. В. Цивьян[4]); что неясность, зыбкость, расплывчатость объекта исследования отражает прежде всего незавершенность поиска его самого; однако это «не означает отсутствия верных интуиций относительно этого объекта и даже отдельных прорывов к нему» (В. Н. Топоров[5]).

Такой Homo balkanicus, строящий свою жизнь в согласии с природой и развивающий свою культуру «в той мере, в какой природа освобождает для нее место», дожил, по мнению Топорова, чуть ли не до рубежа XIX–XX вв. А именно тогда страны Балканского полуострова ощутили себя в

[1] *Топоров В. Н.* Балканский макроконтекст и древнебалканская нео-энеолитическая цивилизация (общий взгляд) // Материалы к VI международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София, 30. VIII–6. IX 1989 г. Лингвистика. С. 10.

[2] Там же. С. 13–14.

[3] Там же С. 14.

[4] *Цивьян Т. В.* Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М., 1999. С. 7–8.

[5] *Топоров В. Н.* Указ. соч. С. 3.

inslav

положении вынужденных «догонять» (и не только экономически) своих соседей по европейскому континенту, уже прошедших к тому времени определенные стадии капиталистической модернизации.

Насколько они были подготовлены к такой гонке, материально и психологически?

Один из первых, если не первый, ученых, обратившихся к теории модернизации, М. Вебер уделил отдельное, самостоятельное внимание проблеме духовных предпосылок генезиса капитализма, перехода от традиционного общества к буржуазному, поставил вопрос об определяющей роли социально-культурных факторов в формировании «системы общезначимых мотиваций предпринимательской деятельности буржуазного типа»[1].

Конечно, исходным моментом, толчком к трансформации всей жизни традиционного общества, как это было в Западной и Центральной Европе, является исчерпание ресурсов экстенсивного развития аграрной экономики; из возникающего на этом фоне кризиса общественного сознания, отражающего потребности зарождающегося гражданского общества, происходят важные изменения в социокультурной сфере и, в частности, в такой интимной, подчас иррациональной области, как религия.

Веберовский анализ результатов Реформации XVI–XVII вв., распространения «пуританской этики», приведших к формированию в людях нового отношения к труду, к «труду постоянному, неутомимому, квалифицированному», и к получаемому в итоге богатству, но получаемому не ради самого богатства, а «для Бога», создает почти наглядное представление о произошедшем в это время накоплении энергии человеческого духа огромной силы, которая и позволила европейской цивилизации совершить прорыв в буквальном смысле слова в новое измерение. Недаром М. Вебер называет это время «героической эпохой капитализма»[2].

Заявляя, что у колыбели современного «экономического» человека стоял пуританизм, М. Вебер поясняет: «Повсюду, где утверждалось пуританское мироощущение, оно при всех обстоятельствах способствовало установлению буржуазного *рационального* с экономической точки зрения образа жизни, что, конечно, имеет неизмеримо большее значение, чем простое стимулирование капиталовложений»[3].

Исходным пунктом протестантской этики и ее сравнительно быстрого, хотя и не без ожесточенной борьбы, распространения было обращение к массовой религиозности тогдашних людей, чувства которых к Богу при этом никоим образом не оскорблялись, а, скорее наоборот, возносились, ибо подчеркивалось: «Не для утех плоти и грешных радостей, но *для Бога следует вам трудиться и богатеть*». И более пространно: «Если

[1] *Зарубина Н. Н.* Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. С.-Пб., 1998. С. 3.

[2] *Вебер М.* Протестантская этика. Сборник статей. Ч. II. М., 1973. С. 91.

[3] Там же. С. 101.

inslav

Бог указует вам путь, следуя которому вы *можете* без ущерба для души своей и не вредя другим, законным способом *заработать больше*, чем на каком-либо ином пути, и вы отвергаете это и избираете менее доходный путь, то вы тем самым *препятствуете осуществлению* одной из целей призвания, вы отказываетесь быть управителем Бога и принимать дары Его для того, чтобы иметь возможность употребить их на благо Ему, когда Он того пожелает»[1]. В трактовке протестантов труд, таким образом, выходил за рамки обычного и скучного дела, становился целью всей жизни человека, поставленной Богом, когда, отмечал М. Вебер, и слова апостола Павла «Не трудящийся да не ест» становятся общезначимым и обязательным предписанием[2].

Новые ценности, новое мироощущение и формировали буржуазный дух «экономического человека» эпохи раннего капитализма, эпохи революционного, по сути, прорыва европейцев Запада. Как же сильно их общественное воспитание того времени отличалось от балканского, особенно там, где преобладало православие. Конечно, национальная церковь балканских народов, на несколько веков попавших под гнет Оттоманской империи, сыграла огромную роль в сохранении и отстаивании их самосознания. Но к моменту освобождения от власти османов в XIX в., открывавшего сравнительно широкие возможности для самостоятельного развития, православная этика продолжала культивировать в пастве «нестяжание», презрение к богатству, героизацию бедных и больных.

К сожалению, в историографии существует известный пробел в изучении жизни балканских народов XVI–XVII вв., что не позволяет составить ясной картины подготовительного этапа в развитии экономических, политических, идеологических и других структур, создававших основу для перехода на Балканах от традиционного общества к буржуазному, внутренних источников этого процесса. Впрочем, это замечание относится не только и не столько к балканскому региону, сколько к проблеме в целом. Как пишет М. Н. Кузьмин, «основная трудность здесь — отсутствие у нас сегодня новой парадигмальной характеристики Средневековья, раскрывающей поэтапную динамику этой гигантской исторической эпохи и особенно переходный период кризиса аграрной экономики экстенсивного типа и соответствующих социальных структур и политических форм и переход к интенсивной экономике, процесс синтеза новых форм, открывающих путь к перерастанию общества традиционного типа — в гражданское»[3].

Население балканских стран, испытавших и испытывающих на себе приливы волн собственной модернизации, для которой характерными оказались разновременность и разностремительность («ударность») дей-

[1] *Вебер М.* Указ. соч. С. 87.

[2] Там же. С. 82.

[3] *Кузьмин М. Н.* Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 58.

inslav

ствия как в отношении материальной, экономической области жизни общества, так и в отношении различных пластов «человеческого материала», также пережили и переживают связанную с этим сложным историческим процессом ломку самосознания и национальной психологии. Хотя региональная «матрица традиционализма» не слишком охотно впитывала в себя изменения. И в XIX в., и в большей части XX в. для балканских государств оставалась характерной неполная социальная структура, сохранение огромного массива крестьянства — до 70–80% всего населения; не решались до конца аграрные проблемы, между тем как аграрная реформа является одним из важнейших предусловий модернизации.

Примечательно, что мобилизационные ресурсы балканских стран после их освобождения оказались сосредоточены в очень большой степени на стремлении осуществить «национальную идею»: от задачи добиться независимости и суверенности (главным образом для населения македонских и албанских земель) или полного национального объединения (Болгария) до выдвижения претенциозной «Мегали идеи» в Греции (прототип «Великой Греции»). Но при этом самым важным и принципиальным было создать в каждом случае собственное «государство-нацию».

Эту во многом идеологическую задачу можно увязать с еще сохранявшей в XIX в. некоторую силу западной тенденцией строительства в предшествующие века именно государств-наций; на Балканах же, оказавшихся в положении «догоняющих», попытки реализовать «национальную идею» приобрели почти самодовлеющее значение. Впрочем, не только в XIX в., но и в XX в., в том числе в самом его конце. Замечание этнолога М. Ю. Мартыновой, относящееся к странам Восточной Европы уже постсоциалистического периода: «Национальный вопрос стал краеугольным камнем социальной и политической мобилизации и превратился в сильнейшую общественную силу»[1], на наш взгляд, может быть целиком отнесено ко всему двадцатому столетию.

Получив (или закрепив) право на свободное государственное развитие в результате, почти без исключений, вмешательства великих держав (так было и в 1878 г., и в 1918–1919 гг., и в 1944–1945 гг.), балканские страны, с одной стороны, испытывали на себе их благотворное модернизационное влияние, но, с другой стороны, оказываясь в тенетах их благосклонности либо, наоборот, недоброжелательства, становились объектом манипулирования в стремлении этих «великих» максимально использовать в собственных интересах выгоды геостратегического положения Балкан.

Это положение зависимости «балканского человека» от заинтересованных в своем влиянии на регион различных так называемых международных факторов за прошедшие до нашего времени, по крайней мере, полтора столетия стало одним из компонентов самосознания народов полу-

[1] *Мартынова М. Ю.* Предисловие // Этнические проблемы и политика государств Европы. М., 1998. С. 5.

inslav

острова. Отсюда балканские русо-, германо-, англо- и другие «филы» и «фобы» в их общественной и политической жизни.

XX век с его двумя мировыми и несколькими балканскими войнами, в ходе которых население региона понесло огромные людские потери и хозяйственный ущерб от боевых сражений, ведшихся на его земле; XX век с его революционными социально-политическими потрясениями, которые хотя и протекали здесь в основном в смягченной форме «бархатных революций», но, несомненно, оказывали огромное психологическое воздействие на людей, особенно если учитывать цивилизационную разнонаправленность революций 1940-х и 1990-х гг.; XX век с его глобальными научно-техническими прорывами, втягивавшими в сферу своего воздействия и страны Юго-Восточной Европы — все это импульсы, влиявшие и влияющие не только на сознание Homo balkanicus, но и на подсознательные, ментальные установки его поведения.

В предлагаемой работе сделана попытка дать антропологический «срез» балканского человека XX в. в нескольких плоскостях. Аналитические статьи сгруппированы в разделы. Раздел 1-й посвящен теме: «Мироощущение и ментальность балканских народов. Национальные идеалы, ценности и герои».

Сосредоточив внимание на выявлении структурных изменений в обществе в рамках экономического и общественного развития (динамика общественно-политических систем, развитие государственности, вопросы консолидации нации), на проблеме расширения связей балканского региона с Европой и миром, сопровождавшегося сменой традиционных партнеров и поиском новых, и, главное, на выяснении характера восприятия (так или иначе зафиксированного) этих факторов «человеком на Балканах», изменений в его мироощущении и миропонимании, авторы раздела подводят читателя к нескольким важным выводам.

Во-первых, на протяжении всего XX в. в социальном поведении основных групп населения балканского региона фиксируется проявление своеобразной дихотомии. На одном ее полюсе — повышенное стремление сохранить национальную аутентичность, самобытность, традиционализм[1], укрепить национальную государственность, а на другом — не меньшее стремление «не отстать от Европы» (или в свое время от страны «передового общественного строя» — СССР), приобщиться к благам более высокой цивилизации. Эти явления сопровождались соперничеством между отдельными балканскими нациями и государствами за внимание со стороны того или иного сильного «международного фактора», а также желанием добиться наибольших выгод подчас за счет соседа, что отнюдь не способствовало укреплению горизонтальных связей в балканском сообществе и формированию интегрального единства на региональном уровне.

[1] Не забудем про общую «балканскую матрицу»! Как пишет социолог П. Кандель, системы приходят и уходят, а регион остается.

inslav

Во-вторых, при сопоставлении национальных идеологий и особенностей современного национального сознания на Балканах, воплощенных в виде «Великой идеи» в таких национальных доктринах, как «Великая Греция», «Великая Болгария», «Великая Сербия», «Великая Албания» и т. п., в определенном смысле и «Великая Югославия» при Й. Б. Тито, налицо оказывается местный государственный национализм с его типичным признаком — конфронтационностью по отношению к соседям.

В-третьих, анализ новых тенденций в сознании и мироощущении современного жителя Балкан, прежде всего в странах, охваченных процессами «ухода» от социалистического прошлого, крушения «биполярного» мира, смены ценностных ориентаций в условиях глобальных потрясений конца XX в., специфического восприятия постиндустриального общества в системе приобщения к западноевропейской модели «либерального постмодернизма» позволяет говорить о невероятно сложной картине морально-психологического состояния общества переходного периода. Здесь встают вопросы и о «появлении новых возможностей и возможности использования новых возможностей», по выражению киргизского кинорежиссера Т. Океева, т. е. о степени адапатации людей к новым условиям, и о поиске выхода из хаотичного, кризисного и нестабильного периода жизни на основе общечеловеческих ценностей и нравственных принципов.

Своеобразным дополнением темы славянской ментальности стали статьи этого раздела, посвященные восприятию балканских проблем в России, выводы авторов которых, в частности, основанные на не слишком известных результатах социологических замеров российского общественного мнения последнего времени, являются во многом неожиданными.

Во II-м разделе сборника представлены статьи, призванные отразить «Демографическую и конфессиональную картину на Балканах на протяжении XX в.». Идеальным было бы проанализировать роль и место религии в системе общественно-политических, социальных и нравственно-духовных явлений в жизни балканских народов в XX в., тем более что Балканы являются зоной перекрестья трех культурно-цивилизационных влияний: восточно-православного христианства, римско-католической церкви и мусульманства, и каждый из этих пластов довольно велик и самодостаточен, хотя и не локализован в одном месте. Но дойти до глубин этой проблемы при нынешнем уровне профессионального знания пока не удается и, очевидно, что скорее это дело будущего, причем не только, а возможно и не столько, для исследователей — атеистов, настоящих или бывших.

Предварительно можно сделать вывод о том, что если в XIX в. христианство, например, играло у ряда балканских народов (греки, сербы, болгары, черногорцы) роль доминирующего элемента национальной консолидации, сохранения культурных традиций, развития национального самосознания и государственности, то в XX в. эта роль в значительной степени была утрачена. В организации жизни общества все большую роль стали играть государство и политические партии, которые по мере надобности использовали институт церкви в своих интересах.

inslav

К сожалению, в сборнике в целом остался не отраженным вопрос о роли ислама на Балканах в XX в., хотя конец этого столетия показал, что ислам набирает силу как мощный духовный и объединяющий общественный фактор, т. е. стремится к тому значению, которое имело православие для ряда балканских этносов в XIX в. и в более раннее время. Предстоит выяснить, насколько серьезные конфронтационные ферменты содержит в себе этот фактор, какое влияние он оказывает на ментальность отдельных балканских этносов.

Изучение темы III-го раздела сборника — «Балканы — зона столкновения геостратегических интересов» велось авторами на основе современных методов конфликтологии, при опоре на анализ мотивации и сущности международных конфликтов с точки зрения геополитики, связи доктринальных основ деятельности государства с географическо-природными условиями, что позволяет сделать вывод: Балканы являлись и являются потенциальной зоной конфликтности, притом не только (и не столько) в силу особенностей внутреннего культурного, политического, экономического, этноконфессионального развития последних полутораста лет, но и в силу — и это главное — геополитического назначения региона служить мостом между Западом и Востоком. Контроль над Балканами означал контроль над Средиземноморским и Черноморским бассейнами, здесь пересекались интересы многих государств.

Специальный подраздел посвящен югославскому этнополитическому кризису и гражданской войне 1990-х гг. Исходя из необходимости по возможности всесторонне осветить глобальный смысл этого конфликта, который явился следствием конца «биполярного» мира и одновременно порождением внутреннего исторического развития Югославии, редколлегия сборника включила в него статьи авторов, отстаивающих несовпадающие точки зрения, в частности, относительно роли Запада и особенно США в развитии «Югокризиса» (от переложения на Запад главной вины за кризис на Балканах до мнения, что подобный подход является отражением «антизападных стереотипов мышления»).

Редколлегия, считая, что предлагаемый вниманию научной общественности сборник является лишь одним из первых шагов в деле междисциплинарного изучения в антропологическом аспекте «человека XX в. на Балканах» будет благодарна читателям за все возможные замечания, критические оценки и проч.

Научно-организационная работа по подготовке сборника к изданию проведена М. И. Леньшиной.

В организации конференции большое участие приняла безвременно ушедшая от нас Т. А. Воздвиженская, много лет отдавшая укреплению отношений между Россией и Болгарией.

Р. П. Гришина

inslav

I раздел

МИРООЩУЩЕНИЕ И МЕНТАЛЬНОСТЬ БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕАЛЫ, ЦЕННОСТИ И ГЕРОИ

Г. Г. Литаврин
Институт славяноведения РАН

ЭТНОС — НАРОДНОСТЬ — НАЦИЯ

С 60-х гг. XX в. историки-слависты Института славяноведения РАН изучали (среди прочих) проблемы этногенеза и этнической истории народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Было издано несколько тематических сборников на эту тему. По инициативе заведовавшего в то время сектором истории Средних веков В. Д. Королюка в конце 70-х гг. было решено проследить судьбы этнического самосознания славян в Средние века. Поскольку сходной проблемой для нового времени занимался тогда другой научный коллектив Института, возникла идея создать серию трудов по этой теме, начиная с древнейших времен до середины XIX в., т. е. от появления славян на исторической арене до оформления существующих и ныне славянских наций.

Медиевисты должны были завершить свои изыскания по крайней мере первыми десятилетиями XVIII в. Время, однако, внесло свои коррективы, и ученые довели свои исследования только до начала XVI в., признав после коллегиального обсуждения, что для последующего времени изучение данной проблемы целесообразно, как показал полученный опыт, лишь в рамках индивидуальных монографий — отдельно для каждого славянского народа.

Что касается территориальных рамок темы, то предполагалось уделить равное внимание всему славянскому миру. Однако во втором томе, охватывающем в основном XIII–XIV вв., авторы отступили от этого принципа, оставив в стороне восточных славян по причинам скорее органи-

inslav

зационным, чем принципиально научным. При переходе в дальнейшем к XV в. эта лакуна была восполнена, в том числе ретроспективно и для XIII–XIV вв. Итак, в 1982 г. был издан первый том обобщающего труда, завершающийся для разных его частей X–XII вв.[1] В 1991 г. был опубликован второй том, доведенный до конца XIV в.[2], и, наконец, в 1995 г. вышел в свет третий том, посвященный XV в.[3] Поскольку в современной науке общепризнано, что при исследовании этнических вопросов (во всяком случае для Средних веков) наиболее плодотворен комплексный метод, предполагающий совместные усилия специалистов нескольких гуманитарных дисциплин, постольку лингвисты Института были привлечены к изучению проблемы с древнейших времен до конца XIV в. При крайнем недостатке письменных источников участие лингвистов представлялось тем важнее, чем древнее исследуемый период. В первом томе лингвисты рассмотрели значение этнического субстрата в этногенезе славян на Балканах, место языковой дифференциации в процессе оформления славянских народностей и роль старославянской письменности в этом процессе у южных и восточных славян.

Интеграция работы историков и лингвистов стала еще более тесной при изучении следующего периода, охватывающего XIII–XIV вв. Помимо двух глав, имевших общеметодологическое значение (о роли старославянского и латинского языков в развитии славянских литературных), судьбы этнического самосознания каждой славянской народности рассматривались в соавторстве историком и лингвистом. Что же касается посвященного XV в. третьего тома, то лингвисты не приняли в нем участие: столетний период был признан языковедами слишком коротким для суждений о значении в эволюции этноса малозаметных за это время сдвигов в языке.

Изучение проблемы оформления и эволюции этнического самосознания осуществлялось с учетом социально-экономического и политического развития каждой славянской общности. Отдавая себе отчет в огромном значении религии в Средние века, авторы неизменно уделяли повышенное внимание конфессиональному фактору, в особенности — принятию христианства, а затем — и последствиям разделения церквей.

Усложнение процессов общественного и духовного развития славян и увеличение материала источников позволило во втором и третьем томах расширить аспекты исследования, учтя появление новых факторов, способных влиять на формы и темпы эволюции этнического самосознания. Назову для примера некоторые из них. Так, было изучено влияние на

[1] См.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья / Редкол.: Заборовский Л. В., Иванов Вяч. Вс., Королюк В. Д. (отв. ред.), Литаврин Г. Г. (зам. отв. ред.), Толстой Н. И., Флоря Б. Н. М., 1982.

[2] См.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма / Отв. ред. Литаврин Г. Г., Иванов Вяч. Вс. М., 1989.

[3] См.: Этническое самосознание славян в XV столетии / Редкол.: Литаврин Г. Г. (отв. ред.), Флоря Б. Н. (зам. отв. ред.), Мельников Г. П., Рогов А. И. М., 1995.

inslav

этническое самосознание феодальной раздробленности, иноэтнической колонизации, роста численности чужеземного бюргерства в славянских городах, углубления социальных различий в обществе, а также постепенного распространения грамотности и появления, говоря условно, прослойки средневековой интеллигенции. Большое внимание было уделено специфике судеб этнического самосознания славянских народов, не имевших собственной государственности (полабские славяне и словаки) или ее утративших (словенцы в IX, болгары в XI–XII и XV вв.).

Наиболее трудным было уяснение особенностей обыденного этнического самосознания широких слоев общества, поскольку источники свидетельствуют главным образом о представлениях на этот счет высших социальных слоев или во всяком случае — образованных кругов общества. Что касается раннего периода, то для решения этой задачи анализировалось содержание этнонимов как высшей универсальной и конкретной санкции этнического чувства, а также учитывались данные об этнообразующих факторах, устанавливаемых археологами (а именно: вид жилища — землянка с печкой-каменкой в одном из углов, лепная керамика и в особенности обряд погребения). Приходилось прибегать и к такому методу, как анализ поведения масс населения в экстремальных для судеб этноса ситуациях (например, внешняя опасность, измена, оскорбление этнического достоинства).

Новизна, неразработанность и сложность поставленных вопросов естественно предполагали необходимость прежде всего определить исходные методологические принципы и наиболее эффективные средства исследования. Изучение этнической темы обязывало к применению теоретического арсенала современной этнологии. Известно, однако, что сами этнологи придерживаются весьма разных взглядов на теоретические аспекты проблемы этнического самосознания.

По мнению одних, этническое самосознание — сугубо этническое чувство, осознаваемое как единство собственного происхождения и языка с таковыми у представителей обширной исторически сложившейся этнической общности, т. е. оно определяется в сущности единственным этим фактором. По мнению других, это гораздо более сложная система духовных ценностей и представлений не только об единстве происхождения и языка, но и о государственной принадлежности и конфессиональной общности, т. е. обусловлено в Средние века по крайней мере тремя главными этнообразующими факторами. Именно они обеспечивали устойчивое существование этнического единства любого таксономического уровня. Помимо трех основных признаков иерархическая структура этнического самосознания включает в себя представления об общей территории расселения этноса, об особенностях родной природы, историческую память о главных событиях в истории этноса, о ее героях и мучениках, о собственных предках («отеческих гробах»), об обычаях и нравах, одежде, привычной кухне и бытовом распорядке, о народных песнях и празднествах, музыкальных мотивах и ритмах и т. п.

inslav

Именно эти теоретические положения были положены в основу изучения поставленной проблемы, так как они позволяют исследовать этнические представления индивида как цельной личности, как члена общества, сугубо этническое сознание которого является лишь производной от системы его мироощущения в целом. Вне длительного присутствия в пределах данной системы, без живого, хотя бы эпизодического общения с себе подобными этнические представления индивида неизбежно становятся функционально бесплодными и обречены на затухание. Иными словами, этническое самосознание является неотъемлемым элементом духовного мира представителя этнической общности, которая обладает устойчивой социальной структурой и определенной политической организацией, обеспечивающей ему условия самостоятельного или автономного существования.

При таком подходе к проблеме этническое самосознание оказывается органичным атрибутом определенного этно-социального организма в целом и каждого его члена в отдельности. При этом этно-социальным организмом признается (на разных уровнях его развития) любая этническая общность, начиная с племени и кончая нацией. Эволюция этнического самосознания как функции этно-социального организма, реализуемой прежде всего в отношении с внешним миром, ставится, таким образом, в зависимость от перемен в условиях социально-экономической, политической и культурной жизни этноса.

Среди всех этнообразующих факторов этническое самосознание является доминирующим. Оно зависит не только (и не столько) от уз кровного родства, но прежде всего от культурной принадлежности индивида, которая в любом случае предполагает непременное приобщение к историческому и духовному опыту этнического массива, признаваемого родным.

Среди важнейших методологических принципов следует назвать также историко-сравнительный метод, который применялся тем последовательнее, чем более типологически близкими оказывались сопоставляемые этнические общности (например, поляки и чехи в XII–XIV вв. и безгосударственные этнические общности — полабские славяне, словаки и словенцы в IX–XIV вв.).

Что касается источников, на которых основывалось исследование, то решительный приоритет был отдан письменным памятникам любого жанра и типа, разумеется, не без критики их свидетельств. Исходным являлся единственно приемлемый в данном случае принцип — привлечение по возможности исчерпывающим образом всего фонда сохранившихся источников, при стремлении выявить и интерпретировать любой факт, способный хотя бы отчасти содействовать уяснению изучаемой проблемы.

Естественно, что предпочтение отдавалось отечественным (для каждого исследуемого этноса) памятникам, а среди них — созданным одновременно с рассматриваемым периодом. Широко привлекались, разумеется, и письменные свидетельства, принадлежавшие перу представите-

inslav

лей ближних и дальних соседей славян. Данные археологии и ономастики (особенно для наиболее древней эпохи) историки использовали в той их интерпретации специалистами, которая нашла отражение в новейшей историографии.

С целью обеспечения наибольших успехов от применения историко-сравнительного метода исследовательский коллектив согласился с необходимостью следовать при организации и изложении материала единой композиции, с тем чтобы поставить в каждом очерке одни и те же важнейшие вопросы и попытаться найти на них ответы (конечно, в той мере, в какой источники позволяют это сделать). В частности, одним из таких наиболее общих вопросов был вопрос о формах возможных проявлений общеславянского самосознания у представителей разных славянских общностей на разных этапах их средневековой истории.

В результате оказалось возможным сформулировать следующий вывод: относительную устойчивость этническое самосознание славянских этнических общностей обрело на уровне оформления раннесредневековых народностей. Их становление представляло собой последнюю стадию славянского этногенеза. Для этнического самосознания на данном таксономическом уровне были характерны зафиксированные в этнониме и в объективно существующем единстве языка и образа жизни представления об общности происхождения, единстве вероисповедания и, наконец, общем подданстве единой верховной власти, компетенция которой простирается на территорию этноса и реализуется через применение официально признанных законов и обычаев. Отсутствие хотя бы одного из названных выше трех этнообразующих признаков (язык, религия, подданство) не дает права на заключение, что данное этническое единство оформилось в устойчивую средневековую народность. Иначе говоря, окончательное становление этнического самосознания средневековых славянских народностей (как, разумеется, и их самих) произошло лишь в эпоху государственной истории славян и только в результате усилий аппарата верховной власти, которая всеми доступными ей средствами внутренней и внешней политики и пропаганды стремилась к консолидации подвластного ей этноса. Я имею в виду насильственную ликвидацию остатков племенного партикуляризма, уничтожение центров и святилищ былых союзно-племенных объединений и княжений, замену внешних племенных границ новыми охраняемыми государством рубежами, новое административное деление, нередко физическое уничтожение верхушки племенной знати, установление единой системы управления, права и судопроизводства, налогового обложения и отбывания воинской повинности, пропаганду верности отечеству и престолу и в особенности — утверждение христианства, обеспечивавшего массовую нивелировку мироощущения подданных, в том числе — их этнического самосознания.

Анализ содержания этнонимов и их классификация (в результате исследования установлено в целом четыре разновидности) привел ученых в выводу, что процесс становления средневековых славянских народностей

inslav

и, соответственно, их этнического самосознания совершался в три этапа. На первом, наиболее древнем, определяемом ретроспективно, в сущности — гипотетически и логически, иерархия этнического самосознания ограничивалась только двумя таксономами — племенным (фиксируемым соответствующим самоназванием, часто — эпонимом, т. е. именем воображаемого предка) и общеславянским. На втором этапе, к которому восходят древнейшие письменные известия о славянах, они в основном уже были объединены в военно-территориальные союзы, носившие либо наименование господствующего в союзе племени, либо новое, возникшее в ходе и результате объединения (от топонима, от этникона, т. е. имени, данного соседями иной этнической группы, от числа вступивших в союз племен и т. п.). Если военно-территориальный союз обнаруживал устойчивость и тенденцию к превращению в княжество-протогосударство (в византийских источниках такие союзы обычно определялись как «славинии» помимо индивидуального наименования у каждого из них), структура самосознания их обитателей становилась трехчленной, включая племенной, общеславянский и союзно-племенной уровни. Ценностное соотношение компонентов самосознания претерпевало изменения. Причем именно союзно-племенное приобретало доминирующее значение. В содержании этнонима упрочивались при этом представления о занятой союзом территории как об «отечестве» и «земле предков», а также о верности вождю (князю) и главенствующему роду как о естественном всеобщем долге.

Что касается последнего (государственного) этапа, соответствующего времени завершения становления раннесредневековых народностей, то об этом в целом уже было сказано выше. Видимо, при этом четвертый уровень — уровень народностного самосознания через какое-то время либо вытесняет, либо ослабляет предшествующий по времени его возникновения, т. е. союзно-племенной уровень. Важная черта самосознания средневековой славянской народности — отсутствие представления о языке родной этнической общности как об особом варианте среди других славянских наречий.

С учетом всех этих факторов время завершения процессов становления этнического самосознания различных славянских раннесредневековых народностей датируется по-разному, от второй четверти X (болгары) до XII в. включительно (поляки, древние русы). Причем что касается сербов и хорватов, то оформление их народностей признано исследователями незавершившимся в раннее средневековье.

При членении темы на три периода, соответствующим трем томам, коллективной работы, авторы-историки имели в виду, безусловно, принятую в отечественной историографии периодизацию стадий развития феодального общества (в частности, это нашло очевидное отражение в заглавии второго тома). Во введениях к томам и в каждом из очерков приведены достаточные, как представляется, аргументы, характеризующие особенности социально-экономической, политической и культурной жизни славянских народов в каждый из трех периодов, влиявшие на эволю-

inslav

цию их этнического самосознания. Осмелюсь поэтому утверждать, что и в настоящее время вряд ли возможно существенно изменять означенную периодизацию. Тем более, что для каждого из периодов действительно удалось установить общее и специфическое для самосознания каждого из славянских этносов.

Несмотря на асинхронность хода и темпов эволюции разных славянских народностей, можно указать на важнейшие общие особенности этнического самосознания славян в период до конца XIV в. Отмечу, во-первых, значительное усложнение иерархии самосознания — оно стало более многовариантным в пределах одной народности, в зависимости от социального статуса людей, их политического положения, уровня образованности. Во-вторых, пришло отчетливое осознание специфики родного языка среди других славянских: родную речь стали называть в соответствии с собственным этнонимом. В-третьих, неизмеримо возросло значение конфессионального фактора в иерархии самосознания. В-четвертых, в результате распространения грамоты и улучшения информации упрочилось в качестве одного из элементов самосознания представление о культурном своеобразии своего этноса и особых путях его исторических судеб. В-пятых, наконец, оказалось, что так называемая «феодальная раздробленность» ни для одной славянской народности не сопровождалась заметным ослаблением ее этнического самосознания.

Что касается отделения от сербов боснийцев, то этот вопрос остался остро дискуссионным, так как жители Боснии продолжали употреблять в качестве своего этнонима понятие «сербы». Хотя и наименование «боснийцы» в канун османского завоевания, помимо значения политонима, имело тенденцию обрести также и этно-культурное содержание. Для славян восточнохристианского региона (болгар, сербов и русских) существенным устойчивым элементом в иерархии самосознания стало представление не только об этнической общности, но и более тесном вероисповедном единстве — о принадлежности к Pax Orthodoxa в противоположность Pax Latina. Раскол христианской церкви на два основных ареала, граница между которыми пролегла в основном через славянский этнический массив, именно в этом период также в полной мере стал одним из главных факторов, определяющих этническое самосознание славян.

В XV в. указанные выше общие черты славянского этнического самосознания приобрели гораздо более четкие формы. Так, дальнейшее увеличение роли конфессионального фактора сделало его подлинным субститутом этнического чувства, выдвинув на первое место в иерархии самосознания. В славянских регионах, оказавшихся под властью иноземцев (на Балканах, в Литве и в Польше), религия стала основным фактором сохранения славянами своей этнической идентичности.

Резко возросло в XV в. влияние на структуру и содержание этнических представлений высшей («университетской») интеллигенции, выступившей в роли хранительницы этнического достоинства своего народа. Однако благодаря трезвым и горьким размышлениям интеллектуалов над

inslav

судьбами родного этноса в содержании этнонима-автостереотипа отныне стали находить отражение не только чисто комплиментарные, но и критически-отрицательные оценки.

Характерная черта наиболее развитых в культурном отношении славянских народов в XV в. (чехов, поляков, сербов) — явное возрождение общеславянского самосознания, с существенными, однако, отличиями сравнительно с предшествующим периодом. Попеременно в пределах того или иного этноса возникала, а затем переходила от одного славянского этноса к другому идея принадлежности к «избранному (или богоизбранному) народу» как наиболее добродетельному, обладающему более высокими духовными (и даже физическими) качествами, а поэтому имеющему право руководить другими славянскими народами. Одновременно утверждалось, что именно на земле «избранного народа» находится и «прародина» всего славянства.

Итак, этническое самосознание сложившихся в раннее Средневековье славянских народностей обнаружило в целом, непрерывно обогащаясь в ходе следующих периодов, значительную устойчивость, несмотря на все превратности их исторических судеб. Единственная из рассмотренных славянских этнических общностей — моравская — стала уже в X–XI вв. этнографической группой, но она и не успела стать народностью в краткий период существования Великой Моравии. Такими же этнографическими группами стали и не имевшие своей государственности полабские славяне, но завершение этого процесса произошло уже за рамками изучаемого периода.

Чрезвычайно важным является наблюдение, согласно которому материал русских летописных сводов не позволяет говорить об отражении в этническом самосознании восточных славян в XV в. заметных признаков постепенного разделения единой древнерусской народности на три ветви (русскую, белорусскую и украинскую).

Конечно, уяснение истории этнического самосознания славян на протяжении тысячелетия (с VI до начала XVI в.) при существующем состоянии источников и методики их изучения нельзя признать полностью завершенным. Многие из выдвинутых в ходе исследования положений — не более чем научные гипотезы. Главная цель состояла в том, чтобы предложить предварительное решение проблемы и привлечь к ней внимание научной общественности в надежде на последующую плодотворную дискуссию.

Между тем перспективы дальнейшего успешного изучения вопросов становления и развития этнического самосознания славян значительно возросли в последние годы: археологами собран, обработан и опубликован гигантский археологический материал, освещающий самые различные стороны материальной (а отчасти — и духовной) жизни славянства[1].

[1] См. напр.: *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982; Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993; *Он же.* Славяне в древности. М., 1994; *Он же.* Славяне в раннем Средневековье. М., 1995.

inslav

Почти ежегодно увеличивается число документальных данных о социально-политических организациях славян (о славиниях) на Балканах: археологи открывают здесь все новые и новые сфрагистические памятники — моливдовулы (свинцовые печати), содержащие сведения об именах славянских вождей (князей), о названиях подвластных им славиний (в том числе не известных ранее ни по каким иным источникам), о характере их отношений с Византийской империей в VII–IX вв.[1]

Новые материалы позволяют шире и конкретнее применять метод историко-сравнительного исследования протогосударственных славянских образований, в том числе той кардинальной проблемы, всестороннее изучение которой способно значительно уточнить наши представления о соотношении внутренних и внешних факторов в процессе формирования как самих раннесредневековых славянских государств, так и славянского этнического самосознания.

[1] См. напр.: *Seibt W.* Neue Aspekte der Slawenpolitik Justinians II. Zur Person des Nebulos und der Problematik der Andrapoda-Siegel // Визант. временник. Т. 55 (80). Ч. 2. М., 1998. С. 126–132; *Idem.* Siegel als Quelle für Slawenarchonten in Griechenland // Визант. временник. Т. 58 (83). М., 1999.

inslav

Г. Марков
Институт истории БАН

БАЛКАНЫ И «БАЛКАНИЗАЦИЯ». ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ В XX ВЕКЕ

Любознательный читатель, желающий заглянуть в крупные энциклопедии, рядом со словом «Балканы» увидит многозначительное «балканизация». В одном этом слове собрано все негативное: раздробленность, враждебность, противостояние, постоянно тлеющие очаги конфликтов, опасность для дела мира[1]. И сверх всего этого — печальная слава Балкан как «порохового погреба Европы». И, может быть, поэтому стародавнее понятие «Балканы» стало заменяться теперь понятием «Юго-Восточная Европа», указывающим на то, что Балканы — это часть Европы, к тому же освободившаяся от своего мрачного прошлого.

Каждый народ на Балканах имеет собственную историческую судьбу, сильно отличающуюся от судьбы соседей. Но как только историк оставит подробности и сравнит исторические пути балканских народов, он увидит, что при всем различии этих путей народы на Балканах имеют, в сущности, одну общую судьбу, имя которой «балканизация». Тревожные события конца XX века показывают, что этот рок перекочует и в XXI век, что призывает заняться поиском исторических корней общего наследия.

С постепенным вытеснением Османской империи с Балкан в XVIII–XIX вв. здесь появляются небольшие национальные государства, стремящиеся стать крупными. Ни один балканский народ не освободился собственными силами, что сделало их в той или иной степени зависимыми от великих держав, а последние не были заинтересованы в скоропостижной смерти обреченного «больного человека на Босфоре». Будущее вновь возникших государств явилось частью Восточного вопроса, на развитие которого балканские народы могли оказывать влияние, но не разрешить его.

Запоздалое и незавершенное национальное объединение балканских народов заставило их искать покровителей вовне и — за высокую цену — оказаться впряженными в коалиционные стратегии, выходящие за пределы Балканского полуострова. Всего несколько месяцев Болгария переживала эйфорию от Сан-Стефанского договора, но он остался для нее на-

[1] Petit Larousse. 1991. P. 114.

inslav

циональным идеалом. Сербия неуклонно следовала «Начертанию Гарашанина», превращаясь в «Пьемонт южных славян». Греция была опьянена имперской славой «Мегали идеи». Румыния также стремилась к расширению территории во всех направлениях. Все они поглядывали на богатое наследство Османской и Габсбургской империй, которое им принадлежало по этническому и историческому праву[1]. Однако их расчеты не оправдались, ибо не соответствовали интересам великих держав, для которых Балканы были лишь перекрестком между Европой, Азией и Африкой, а вовсе не системой «государств-дворов», окруженных высокими стенами.

В начале XX века Балканы попали в поле напряжения между Антантой и Тройственным союзом. Стремление к заветным Проливам пересеклось германским планом постройки Багдадской железной дороги. На смену вековому соперничеству между Россией и Австро-Венгрией явилось растущее с каждым годом противоречие между Великобританией и Германией. Аннексия в 1908 году Боснии и Герцеговины подтвердила намерения Габсбургской монархии обеспечить свое существование путем наступления на юг. Ущемленная Сербия требовала «компенсации» за счет большей части «османского наследства». Объявившая независимость Болгария приступила к поиску союзников против «векового врага»[2]. В Афинах поняли, что Греция сама не может получить хотя бы один остров в Эгейском море.

Создание в 1911–1912 гг. Балканского союза временно сблизило христианские народы Балкан, стремившиеся посчитаться с Османской империей. Россия взяла на себя высочайший арбитраж, правда, с условием использовать новую коалицию в приближавшейся войне с Австро-Венгрией. В территориальных условиях договоров между Болгарией, Сербией, Грецией и Черногорией предусматривалось «укрупнение» этих государств за счет «больного человека». Балканский союз начал и выиграл войну против «общего врага», чем и был положен конец этому сугубо временному военному союзу. На мирной конференции в Лондоне великие державы не решились помочь в распределении освобожденных в результате войны земель до линии Мидия — Энос, ограничившись Албанией и островами Эгейского моря[3].

Попытки России посредничать между Болгарией и противостоявшими ей Сербией и Грецией основывались не столько на стремлении соблюсти условия договоров, сколько на стратегических расчетах на близкое будущее. А они были предельно простыми: если помочь Болгарии получить свое, согласно договорам, то она сразу оказывается противопоставленной другим балканским государствам в неблагоприятном для себя со-

[1] *Трайков В.* Националните доктрини на балканските страни. София. 2000. С. 11–94.

[2] *Малинов Ал.* Странички от нашата нова политическа история. София. 1938. С. 149–152.

[3] *Кесяков Б.* Принос към дипломатическата история на България. Т. 1. София. 1925. С. 51–52.

inslav

отношении 1:5. Нападение, совершенное болгарской армией в Македонии 16 июня 1913 г., было ожидаемо и было использовано бывшими союзниками, а также Румынией и Турцией для разжигания войны против «Великой Болгарии» в исключительно невыгодных для последней международных обстоятельствах. Бухарестский договор от 28 июля 1913 г. явился вторым после Берлинского конгресса 1878 г. международным актом, заложившим основу «балканизации»[1]: политики, охваченные головокружением от успехов, не хотели понимать, что то, что несправедливо для одного народа, не может быть справедливо для других.

Существует жестокая притча о ненависти между родственными в племенном и религиозном отношениях народами Балканского полуострова: одному балканцу обещали — то, что он пожелает для себя, удвоится для других; и он сразу спросил: «Распространяется ли это на моего брата?»; получив утвердительный ответ, балканец без колебаний сделал заказ: «Выколите мне один глаз!». «Балканский синдром» зла — скорее братоубийственен, чем направлен на другие народы. Поговорка «Лучший друг — это сосед моего соседа» отражает отношения, когда родным и соседям есть что делить.

В убийстве эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево (15 июня 1914 г.) великие державы нашли свой повод для десятилетиями готовившейся мировой войны, в которой удвоившая свою территорию Сербия поставила в повестку дня еще и расширение на запад. Четырехлетняя бойня сопровождалась «балканизацией» Европы и мира.

«Европеизация» Балкан была в сущности длительным процессом одностороннего влияния, с отзывчивостью принимавшегося другой стороной, что не очень дорого стоило великим державам «Европейского концерта».

Летом 1915 г. Антанта, чтобы привлечь на свою сторону в Дарданелльской операции Болгарию, потребовала от Сербии и Греции уступить ей некую частицу Македонии. Хотя за это Белграду и Афинам было обещано многократно большее вознаграждение, их ответ был категоричен: «Лучше пусть будет австрийской эта частица или турецкой, но не болгарской!»[2]. В их расчеты не входило вступление Болгарии в Антанту, чтобы не делить с нею плоды конечной победы.

После краха Османской империи никто не мог позволить образования на Балканах одного большого государства. Балканский полуостров слишком тесен для осуществления «великих» национальных идеалов населяющих его народов, государственные деятели которых часто страдали максимализмом. Если в 1916 г. царь Фердинанд вообще не видел Сербии на политической карте Европы и настаивал на общей границе Болгарии с Венгрией, то в 1917 г. сербское правительство включило в перечень своих территориальных претензий район болгарских шахт Перника и превра-

[1] *Тошев Ан.* Балканските войни. Т. 2. София. 1931. С. 418–426.

[2] Дипломатически документи по намесата на България в Европейската война. Т. 1. София. 1920. С. 202–204.

inslav

щение Софии в пограничный город. Греция, объявив себя наследницей Византии, хотела присоединить к себе всю территорию к югу от гор Стара Планины вплоть до «середины» Малой Азии. В свою очередь Румыния предпочитала видеть нижний Дунай своей внутренней рекой[1]. Чрезмерные амбиции выражались с такой непримиримостью, что великим державам без большого труда удалось связать своих малых союзников европейского юго-востока крепкими узами.

Понятие «равновесие по-балкански» толкуется всеми сторонами расплывчато, но лишь до тех пор, пока дело не идет о собственных интересах. В 1885 г. Сербия выступила с оружием в руках против болгарского Соединения, а в 1913 г. Румыния нанесла Болгарии удар в спину из-за «нарушенного равновесия». Это, однако, не помешало Сербии и Румынии на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. удвоить и утроить свои территории. Тогда никто из них не вспоминал о «равновесии», но говорил о «необходимости»: государственные границы прокладывались не по этническому принципу, а исходя из стратегических интересов — по рекам и горным хребтам.

Версальской системой мирных договоров страны были поделены на «победителей» и «побежденных». Дело, однако, в том, что на Балканах «победителей» больше, чем «побежденных». После того как Турция освободилась от Севрского договора, только Болгария, как страна «побежденная», оказалась в положении наказанной[2]. Дошло до того, что широко распространилось заявление, приписываемое британскому политическому деятелю А. Идену, касательно того, кто сможет выиграть новую мировую войну: «Господа, давайте подождем и увидим, к какой коалиции присоединится Болгария!».

Когда обычный нормальный человек видит себе подобного, лишенного одной ноги, ему естественно почувствовать онемение в собственной ноге. Злорадство государств «победителей» лишило их сострадания. Граница между Болгарией и Югославией породила так называемую «двувластную собственность», когда двор отрезан от дома. Граница между Болгарией и Румынией отделила мертвых от живых, кладбища от сел. Все это широко известно, однако не находило отзвука с «другой стороны». Народы болеют, как и люди, притом во много раз сильнее, но это можно почувствовать, только когда у тебя самого отрежут часть тела.

Вместо смягчения традиционной непримиримости «победители» образовали в 1934 г. Балканский пакт, цель которого — защитить послевоенное статус кво от ревизионистских стремлений Болгарии. Более того, генеральные штабы разработали план дележа балканской «черной овцы»[3].

---

[1] *Христов Хр.* България, Балканите и мирът 1919 г. София. 1984. С. 32–42.

[2] Българската делегация за мира. Документи по договора в Ньой. София. 1919. С. 27.

[3] *Манчев Кр., Бистрицки В.* България и нейните съседи. 1931–1939. София. 1978. С. 104–109.

inslav

Этот план, однако, никак не мог помочь им противостоять угрозе «версальскому порядку», исходившей от сил вне Балкан. Зацикленные на своих непосредственных соседях, стремящиеся выиграть за счет других, они все вместе были заглочены как кролик удавом.

С появлением вермахта на Балканах осенью 1940 г. возникла идея антигитлеровского блока. Греция уже воевала с фашистской Италией. Югославию манил выход в Эгейское море через Салоники. В Болгарии никто не хотел защищать «версальские» границы. Румыния стремилась получить «компенсацию» в Бессарабии и Таврии[1]. Столько было заклинаний о сохранении сотрудничества, а в решительный час каждый пошел своим путем. Балканский пакт вообще не был приведен в действие.

Черчилль, не сумев осуществить в 1944 г. свой «Балканский вариант», пошел на соглашение со Сталиным о разделе Юго-Восточной Европы. Никто до сих пор не производил дележа с точностью до процента[2]. И хотя в дальнейшем возникали новые обстоятельства, в целом соглашение было соблюдено. Ни один советский танк не появился на побережье Эгейского моря. Гражданская война в Греции бушевала до 1949 г., но помощь коммунистам оказывалась только поставками оружия (в отличие от гражданской войны в Испании). Югославия, после идеологического скандала со Сталиным, ускользнула в положение нейтралитета. Болгария и Румыния оказались в советской зоне.

Фронт «холодной войны» прошел и по Балканам и сохранялся там с некоторыми изменениями вплоть до ее окончания. В противостояние НАТО и Варшавского договора включилась даже нейтральная Югославия, заключившая в 1954 г. военный союз с Грецией и Турцией. Албания вышла из Варшавского договора в 1968 г. Румыния также стала отдаляться военно-политически от Москвы[3]. Спешно предпринятая Л. Брежневым в сентябре 1971 г. поездка Будапешт—Белград—София создала впечатление, что на Балканах отнюдь не «все спокойно». США — другая сверхдержава — завязла на другом полуострове — Индокитайском.

Если кто-то и может сожалеть о «равновесии» периода «холодной войны», то это бывшая Югославия. Эту многонациональную и федеративную страну поддерживали все великие державы[4]. На похороны Тито в мае 1980 г. в Белград съехались политические деятели, которые наедине друг с другом не могли дышать одним воздухом.

За девять лет до падения Берлинской стены появились признаки очередной порции «балканизации» Балкан в перспективе. Федерализм на Балканах умер вместе с Тито, но тогда многие делали вид, что не замечают этого, и лишь немногие говорили об этом вслух.

---

[1] *Генчев Н.* Външната политика на България. 1938–1941. София. 1998. С. 173–183.

[2] *Чърчил У.* Мемоари. Т. 6. София. 1995. С. 218–219.

[3] *Мигев Вл.* Съветският опит и съветският пример в България. 1948–1968// България и Русия през XX век. София. 2000. С. 273.

[4] *Кенеди П.* Възход и падение на великите сили. София. 1997. С. 65.

inslav

В 1990-е годы Балканы вошли в «новый мировой порядок» еще более раздробленными и враждебно настроенными. Подавленные десятилетиями национальные чувства взорвались, как вулкан. Югославия распалась по своим внутренним границам[1]. Болгария и Румыния сменили просоветскую ориентацию на евроатлантическую. Албания с огромным запозданием пытается стать «Великой». Греция и Турция, хотя и являются созниками по НАТО, следят за всеми событиями с подозрительностью.

Есть нечто символичное в картине того, как войска НАТО высаживались в начале 1999 г. в Салониках — как Антанта в 1915 г. — и наступали на север в Македонию, но теперь не для того, чтобы помочь Сербии, а чтобы «ударить» по ней. Статус «черной овцы» на Балканах — изменчив. Этот статус — наказание, и он не должен больше вызывать злорадства. До недавнего времени в Белграде упорствовали, что такая роль — не для них и они ее не станут играть. Произошло обратное — Сербии пришлось сыграть эту неблагодарную роль. И вместо того чтобы упиваться возмездием, спросим: «Кто следующий?». Режиссеры спектакля в театре «Балканы» распределяют роли в соответствии со своими эгоистичными интересами[2]. Великие державы, однако, приходят и уходят, а соседи остаются.

Нет на Балканах нации, которая бы не пережила своей катастрофы. С Болгарией это случилось несколько раз. Греция нашла ее в Малой Азии в 1921 г. Сербия, хотя и считавшая, что «катастрофа» — это к ней не относится, дважды уничтожалась и вновь возрождалась большой и сильной. Но с окончанием «холодной войны» Югославия уже не нужна для равновесия между Западом и Востоком в балканском регионе, и ее бросили на распадение в кровопролитии, чему все мы очевидцы. Бывшие социалистические страны на Балканах являются в большей мере побежденными, чем Польша, Чехия и Венгрия: у них не было восстания 1956 г., «Пражской весны» 1968 г. и «Солидарности» 1980-х гг. И тем не менее было бы неразумно говорить о «необратимости» развития международных отношений.

* * *

Настоятельный призыв сменить «балканский менталитет» на «европейский» — это не просто переложить партийный билет из одного кармана в другой. Речь идет о сложившейся веками народной психологии. Такую перемену нельзя произвести постановлением, необходима трудная и постепенная работа всего общества — сверху донизу. Каждый народ Старо-Планинского полуострова, если нас обременяет название «Балканский», идет «к Европе» своим путем, сохраняя особенности национальной самобытности.

[1] *Ullman R.* The World and Yugoslavias Wars. New York. 1996. P. 24.

[2] Косово. Международные аспекты кризиса. Москва. 1999. С. 301–302.

inslav

«Этнические чистки» — не плод какого-то «балканского синдрома». Это явление известно и в других частях старого континента. Стоит напомнить, что по решению «Большой тройки» — Сталина, Рузвельта и Черчилля в 1945 г. были изгнаны все до одного 10 миллионов немцев из Восточной и Западной Пруссии, Померании и Силезии, Судетской области и Трансильвании, из Югославии и других стран. Это было самое большое и притом принудительное переселение людей после Великого переселения народов в I–IV веках.

Нынешняя глобализация в экономике не означает, что европейцы станут одинаковыми до такой степени, чтобы не знать, кто они. Культура была и будет национальной. Различие ведет к «единству в многообразии» и не является препятствием для приобщения к достижениям других. Уже более ста лет известно, что «Соединенные штаты Европы» — утопия: действительно, в Европе по-прежнему живут народы вековой истории и культуры. История предупреждает: «Европа граждан» не может вместить «Европу наций» и «Европу отечеств». Никому не мешает быть прежде всего самим собой, то есть иметь национальную принадлежность, а уже потом быть европейцем вообще.

Балканцы не являются европейцами «второго сорта». Демократия родилась здесь 25 веков тому назад, когда другие части Европы переживали этап племенных союзов. Балканы, в зависимости от угла зрения, могут быть не только окончанием, но и началом Европы. В сущности, балканские народы возвращаются сегодня не в Европу, а к забытым экономическим и политическим ценностям. Унаследованные распри могут быть преодолены, но не выброшены из памяти, как просто «препятствия» для примирения: историю надо знать, чтобы худшее в ней не повторилось.

Чем выстраданнее уроки, тем они ценнее для поколений. Балканские народы страдали и страдают от «балканизации», которая не врачевалась, но, наоборот, умышленно поддерживалась «великими докторами». Чтобы залечить глубокие раны, народы Балкан должны сделать как раз то, что запрещено в медицине — заняться самолечением. Пусть каждый возьмет из прошлого в новый XXI век не накопленную взаимную ненависть, но исторические уроки и мудрость. Скажем «прощай» «балканизации» и докажем, что Балканы — это неразрывная часть Европы.

Перевела Р. Гришина

inslav

А. Л. Шемякин
Институт славяноведения РАН

СЕРБСКОЕ ОБЩЕСТВО НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И МОДЕРНИЗАЦИЯ. ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Говоря о специфике данного материала, следует сразу же оговориться, что сделанная в нем попытка «антропологически ориентированного исследования»[1] носит чисто постановочный характер и, следовательно, никак не претендует на полный и всесторонний охват заявленной в названии темы. Амбиции автора значительно скромнее. Они касаются лишь двух аспектов. Во-первых, мы бы хотели вычленить основные тенденции общественного развития суверенной Сербии на переломном этапе ее истории. И во-вторых, касаясь «взгляда изнутри», важно показать, как воспринимались и через призму традиционного сознания преломлялись европейские идеи и понятия в стране, которая только в XIX веке начала выходить из сферы оттоманской цивилизации, испытывая при этом растущее влияние Европы. «Народ — консерватор по инстинкту, — писал А. И. Герцен. — ... Чем дальше народ от движения истории, тем он упорнее держится за усвоенное, знакомое. Он даже новое принимает в старых одеждах»[2]. Последнее замечание классика особенно значимо, так как позволяет объяснить ту разницу между буквой и духом в традиционном понимании современных категорий — государства, демократии, парламентаризма, прогресса и т. д., которая нередко ускользает от внимания исследователей.

* * *

Один из самых авторитетных современных сербских историков, профессор Белградского университета Радош Люшич, подразделяет историю Сербии Нового времени на три периода: 1804–1835 гг. — Сербская революция; 1835–1878 гг. — вассальное княжество; 1878–1918 гг. — независимое государство. В социальном плане первый период соответствует фе-

[1] *Гуревич А. И.* Изучение ментальностей: социальная история и поиски исторического синтеза // Советская этнография. 1988. № 6. С. 17.

[2] *Герцен А. И.* К старому товарищу // Герцен А. И. Собрание сочинений в 30-ти тт. М., 1960. Т. 20(2). С. 589.

inslav

одальному обществу. Второй — это борьба с турецким наследием и начало эпохи национального романтизма, т. е. время *сербизации сербского общества*. В рамках же третьего — Сербия открывается Западу. Европейские влияния становятся доминирующими. Наступает время *европеизации сербского общества*[1]. Изящная схема, но спрашивается — так ли все линейно и поступательно происходило в действительности, особенно на заключительном этапе?

Как показывает анализ историографии, многие авторы синхронизируют два различных (хотя и тесно взаимосвязанных) процесса — политической и общественной модернизации, что для конца XIX в. являлось синонимом «европеизации» или «вестернизации», как это принято говорить сейчас. Обретение в 1878 г. независимости и создание системы государственных институтов по образу и подобию Европы как бы тождественно для них европеизации общества. А между тем эти процессы на Балканах развивались отнюдь не параллельно, о чем подробнее мы скажем ниже.

В случае с независимой Сербией политическая модернизация заметно обгоняла общественную, что вполне объяснимо, ибо уже с 30-х годов XIX в. она существовала как фактически самостоятельное национальное государство, ограниченное во внешнеполитической практике, но способное к внутреннему саморазвитию. По замечанию сербского историка Слободана Йовановича, «наше общественно-экономическое развитие шло с примитивной крестьянской медлительностью, а потребности государственной организации развивались с динамичностью современной европейской культуры»[2]. Что же представлял собой сербский социум на рубеже XIX–XX вв.? Его главными особенностями были:

Во-первых, аграрный характер. На протяжении всего периода независимости доля крестьянства в структуре населения не опускалась ниже 87%[3]. По данному показателю Сербия опережала своих балканских соседей — Румынию, Болгарию, Грецию.

Во-вторых, чисто аграрный тип. Компактно-континентальное географическое положение создавало практически «стерильную» социальную модель, без вкраплений иных общественно-хозяйственных типов. Например, морского, особенно характерного для Греции[4].

В-третьих, выраженный эгалитаризм. Крестьянское население было наделено землей достаточно равномерно, вследствие чего расщепление интересов в его среде шло крайне медленно.

---

[1] *Љушић Р.* Турско наслеђе у Кнежевини и Краљевини Србији // Ислам, Балкан и велике силе (Зборник радова). Београд, 1997. С. 279. См. также: *Љушић Р.* Државно-друштвена и генерацијска периодизација нововековне Србије // *Љушић Р.* Историја 19. века. Београд, 1998. Књ. 2. С. 18.

[2] *Јовановић С.* Влада Милана Обреновића. Београд, 1934. Књ. 1. С. 398.

[3] *Ђорђевић Д.* Српско друштво 1903–1914 // Марксистичка мисао. 1985. Бр. 4. С. 126.

[4] См.: *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 106, 117.

inslav

В-четвертых, в результате радикального решения аграрного вопроса в 1835 г. сербские крестьяне являлись *собственниками* своих наделов.

В-пятых, национальная гомогенность. На протяжении XIX в. турецкое население постоянно выдавливалось из Сербии. После 1878 г. его фактически не осталось.

В-шестых, конфессиональная однородность. До 1912 г., когда к Сербскому королевству была присоединена Старая Сербия (ныне — Косово и Метохия), свыше 98% его граждан исповедовали восточно-православную веру[1].

Ко всему этому добавим неполную социальную структуру. Сербское общество было исторически лишено аристократической и буржуазной надстроек. В нем имелось как бы два полюса — с одной стороны, крайне малочисленная (вышедшая из «низов») элита; с другой — однородная крестьянская масса. Причем городское население, доля которого в населении страны составляла 12%, являлось весьма размытой категорией. По свидетельству офицера русского Генерального штаба Н. Р. Овсяного, описавшего Сербию в 1898 г., «значительная часть горожан по роду занятий мало отличается от поселян... Из трех горожан двое тоже живут земледелием и скотоводством»[2].

Итак, очевидно, что сербское общество на рубеже XIX–XX вв. во многом сохраняло свой прежний аграрно-патриархальный характер, демонстрируя враждебность развитию индустрии и города. Сербия была единственной в своем роде страной свободных мелких собственников, пользовавшихся немалыми правами. Не случайно английский дипломат Герберт Вивиан назвал ее в 1897 г. «раем для маленького человека»[3]. Как таковая, на наш взгляд, она являет собой идеальную лабораторию для исследования модернизационных процессов в традиционной среде. Их углубление действительно было связано с обретением страной независимости, но так ли уж гладко, а главное — *органично*, проходила ее «европеизация», как это представлено в схеме профессора Люшича? Для ответа на этот вопрос сначала следует осветить процесс модернизации как бы на макроуровне, т. е. проанализировать те сдвиги, которые в последней четверти XIX в. произошли в стратегии развитых стран Запада; а также то, как повлияли они на эволюцию новой Сербии.

* * *

Провозглашение сербской независимости совпало по времени с серьезной перестройкой европейской политики. Завершение промышленной революции и окончательная национально-политическая консолидация

[1] *Ђорђевић Д.* Српско друштво... С. 127.

[2] *Овсяный Н. Р.* Сербия и сербы. СПб., 1898. С. 113.

[3] *Vivian H.* Serbia, the poor man's paradise. London, 1897.

inslav

(объединение Германии и Италии; установление в большинстве стран буржуазно-либеральных режимов) сделали Европу тесной для предприимчивого западного духа, развязав и направив вовне его энергию. После 1875 г., указывал Арнольд Тойнби, «индустриальная система начала резко наращивать свою активность, так что размах ее деятельности обрел глобальный характер»[1]. Те же факторы сформировали и устойчивое представление Запада о себе как носителе цивилизующей миссии, следствием чего стал навязчивый экспорт западной парадигмы общественного развития на периферии — открытые захваты и грабеж колоний, усилившись сами по себе, сопровождались теперь «воспитанием» покоренных народов и насаждением среди них «единственно верных» ценностей. В последней четверти XIX в., таким образом, «просвещенная» Европа инициировала первую волну глобализации, т. е. «универсализации развития по модели центра»[2].

Балканские народы, воспринимавшиеся тогда на Западе как крайне отсталые[3], подлежали «цивилизации» в первую очередь — уход теряющей силу Турции из центральной части полуострова как бы возвращал их в Старый Свет. Роль «наставника» в этом деле предназначалась Австро-Венгрии, тем более что и подходящий полигон для экспериментов (переданные ей в управление Босния и Герцеговина) находился рядом. Механизм реализации проекта «австро-венгерских Балкан» на примере Сараево детально исследован в работах Славенко Терзича[4]. Сербии был уготован схожий путь. Особенно если иметь в виду то место, какое она занимала в геополитических планах венского кабинета[5]. Ведь как справедливо, хотя и несколько категорично, высказался американский социолог Баррингтон Мур, «определяющие факторы политики малых стран находятся вне их границ»[6]. И, думается, что не только политики, но и развития вообще.

---

[1] *Тойнби А.* Постижение истории. М., 1991. С. 19. См. также: От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. М., 1998. С. 369.

[2] *Федотова В. Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 119.

[3] *Тодорова М.* Имагинарни Балкан (перевод с английского издания). Београд, 1999. С. 196.

[4] *Терзић С.* Пројект «Аустро-Угарског Балкана» у Босни и Херцеговини // Босна и Херцеговина. Од средњег века до новијег времена (Зборник радова). Београд, 1995. С. 407–423; *Он же.* Религија као фактор обликовања националног идентитета Срба // Сусрет или сукоб цивилизација на Балкану (Зборник радова). Београд, 1998. С. 299–300.

[5] По словам австро-венгерского посла в Петербурге Г. Кальноки, «стержневой осью нашей политики на юго-востоке является Белград». Почему так? «Если мы будем хозяевами в Сербии, — следует ответ, — тогда наше могущество на Балканах будет покоиться на прочной основе» (Цит. по: Краткая история Венгрии. М., 1991. С. 231).

[6] *Moore B.* Social origins of Dictatorship and Democracy // Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, 1967. P. XIII.

inslav

Мощный внешний импульс был «уловлен» и в столь же императивной форме ретранслирован прозападной частью сербской элиты — повернувшись в 1880 г. лицом к Вене, князь Милан Обренович четко обозначил намерение *во что бы то ни стало* через нее «втянуть» Сербию в Европу. Во исполнение этого призванные к власти напредняки (прогрессисты) — группа проевропейски ориентированных интеллектуалов во главе с Миланом Пирочанцем — сделали ставку на прямое заимствование, т. е. «пересадку» результатов западного опыта в местную почву, без учета ее адаптивных возможностей. По словам современников (русского офицера и бельгийского ученого-экономиста), они собирались «насадить в Сербии европейскую культуру»[1] и при этом «насиловать и подавлять население для того, чтобы ускорить путь и в короткое время приблизиться к Западу»[2].

Понятно, что брошенный столь явно вызов не мог остаться без ответа, и это вносило в развитие страны черты неизвестной прежде биполярности. Стремление кабинета «преодолеть пространство истории в самые сжатые сроки»[3] вызвало резкий протест оппозиции, принадлежавшей к Народной радикальной партии (НРП). Отрицая универсальный характер пути Европы и ее образцов, радикалы провозгласили в качестве главной задачи защиту сербской самобытности, каковую отождествляли с только что завоеванной независимостью. Острая борьба, развернувшаяся между представителями обеих тенденций, никого не оставила в стороне, что не удивительно, ибо сила воздействия «реформаторов» пропорциональна жесткости отпора «охранителей»; под последними же в данном случае следует понимать социальный монолит (все те же почти 90% крестьян примерно равного состояния) — единый, прочно сцепленный патриархальными представлениями и предводимый традиционной контрэлитой.

В основе конфронтации лежало отношение к Европе и современной (modern) европейской цивилизации. «Либеральная идея и традиция» — эта сквозная дихотомия определяла все зигзаги сербской истории двух последних десятилетий XIX в., санкционируя в каждом конкретном случае направление внутренней политики, внешнеполитическую ориентацию, культурные пристрастия. Она порождалась амбивалентным характером общества, «разрывавшегося» между патриархальностью — т. е. закрытым типом социума, который сербский народ создал, дабы сохранить себя под турками, — и началами модернизации[4].

---

[1] *Овсяный Н. Р.* Сербия и сербы... С. 90.

[2] *Лавелэ Э. де.* Балканский полуостров. М., 1889. Ч. 1. С. 204.

[3] *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М., 1992. С. 270.

[4] *Перовић Л.* Српски социјалисти XIX века. Београд, 1995. Књ. 3. С. 10; *Шемјакин А. Л.* Либерална идеја и традиција: унутрашња борба у Србији у првој деценији независности // Српска политичка мисао. 1997. Бр. 1–2. С. 119–136.

inslav

* * *

А теперь, наполняя данную концепцию конкретным содержанием, обратимся к вопросу о том, как же в своей реальной жизни сербский крестьянин воспринимал государственную власть, парламентаризм, демократию, прогресс, т. е. те базовые категории, что лежат в основе понятия модернизации (европеизации). И здесь мы сталкиваемся с обозначенным выше несоответствием, которое заключается в том, что содержание всех этих категорий и оценка их массой вряд ли могут быть сопоставимы. Без понимания этой разницы и ее объяснения трудно до конца разобраться в подлинном характере «европеизации» по-сербски.

1. Народ и власть

Мы уже говорили, что характерной чертой истории новой Сербии являлось опережающее развитие государства и его институтов по сравнению с темпами изменения общества[1]. Патриархальные крестьянские представления о собственной государственности как органичном «продолжении» традиций задруги и общины, когда государство воспринимается в виде «многократно увеличенной копии своего микромира»[2], очень скоро столкнулись с жесткой логикой формирующегося Княжества, которая проявилась в его централизации и институционализации. И действительно, объективная потребность внутренней консолидации государства стягивала всю его территорию единой волей центра, что имело своим последствием постепенное выдавливание избираемых населением и отвечающих перед ним местных старейшин (*своих*) назначаемыми сверху чиновниками — проводниками этой самой воли (*чужими*). Собрание и договор как основа прежнего порядка все более заменялись прямыми указаниями из столицы. Централизуясь, власть неизбежно отчуждалась от общества, а следовательно, менялся и сам характер управления. На смену традиционной авторитарности «семейного» типа, когда крестьянин *лично* выбирал старейшину, которому верил, а потому и подчинялся, приходила безликая тирания государственного аппарата. Процесс политической модернизации, таким образом, рвал узы привычной интимности в отношениях верхов и низов, возводя между ними непроницаемую бюрократическую стену, что вызывало в народе открытое недовольство. Его патриархальное сознание не успевало за переменами, а не успевая, пыталось их затормозить. Многочисленные крестьянские выступления, которыми был так богат сербский XIX век, прекрасное тому подтверждение.

Впрочем, говоря о негативном отношении сербского крестьянства к своему государству, изжитом лишь после смены династий в мае 1903 г.,

[1] *Ђорђевић Д.* Огледи из новије балканске историје. Београд, 1989. С. 198.

[2] *Данилова Л. В., Данилов В. П.* Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 23.

inslav

следует подчеркнуть, что оно во многом было спровоцировано самой властью: вольно или невольно, но модернизирующаяся элита усугубляла раскол. И если Милош Обренович — неграмотный и деспотичный правитель, но вместе с тем прирожденный политик и «популист», всегда умевший с тем же крестьянством обходиться, ладить и даже идти навстречу в ущерб собственной бюрократии, — имел право патетически воскликнуть: «О народ, ты моя сила!», то его наследники, принадлежавшие уже к категории «просвещенных» монархов, были людьми другого склада. В своей политике они мало прислушивались к бившемуся в сербской глубинке пульсу общественного бытия, полагаясь в основном на силу государства и рационалистических доктрин, что в традиционном обществе отнюдь не гарантировало успешного и гармоничного правления. Им не хватало, как когда-то выразился русский публицист Н. Н. Страхов, «признания за жизнью большего смысла, чем тот, который способен уловить наш разум»[1]. Трагическая судьба, постигшая каждого из них, не кажется нам случайностью.

По словам С. Н. Трубецкого, «сила государства — в его жизненных принципах, во внутреннем единстве духа, которое обусловливает его политический и культурный строй»[2]. В независимой Сербии при последних Обреновичах (королях Милане и Александре) такого «внутреннего единства» не было, ибо не было порождавшей его сбалансированности отношений между государством и обществом, т. е. «политическим и культурным строем». И в результате, когда король Милан выражал недовольство своим «безумным народом»[3] за непонимание и саботаж его государственнических устремлений, последний через своих представителей в Скупщине отвечал ему тем же, кляня за то, что он вел страну «путем чуждым и глубоко противным сербским традициям»[4]. А крестьяне из села Гуча, что под Чачком, провозглашали в августе 1883 г. такой тост в честь своего земляка — знаменитого народного трибуна Ранко Тайсича: «Дай Бог долгих лет жизни Ранко Тайсичу, он — наша крестьянская гордость. Бог даст, станет королем, а нынешний король нам не нужен»[5].

Очевидно, что при столь взаимоисключающих посылках надеяться на компромисс не приходилось. Тимокское восстание осени 1883 г. и последовавшие за ним события прозвучали для Обреновичей похоронным звоном. Кровавый переворот 29 мая 1903 г. окончательно покончил с ними.

---

[1] *Страхов Н. Н.* Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом. СПб., 1885. С. 215–216.

[2] *Трубецкой С. Н.* О природе человеческого сознания // Вопросы философии и психологии. 1891. № 2. С. 152.

[3] Подлинное выражение Милана Обреновича. См: АС. Фонд Милутина Гарашанина. Бр. 1058. Л. 18 (М. Обреновић — М. Гарашанину. Ниш, 28 новембар 1886 г.).

[4] Никола Пашић у Народној скупштини. Приредила Л. Перовић. Београд, 1997. Књ. 2. С. 543 (документ 114, примечание 20).

[5] АС. Фонд «Поклони и откупи». Заоставштина Доброслава Ружића. Кутија 27. Бр. 183 (поверливи деловодник краља Милана). 30 август 1883 г.

inslav

Короля Александра не спасли ни акцентирование внимания страны на том, что его избранница, крайне непопулярная Драга Машин — это первая, в отличие от предшественниц, «королева сербка», ни отказ от европейского стиля и придание своему Двору «национального» колорита[1], ни попытка взять на вооружение традиционную манеру общения с народом в стиле родоначальника династии (прием мнóжества депутаций из глубинки и личное участие в решении их проблем)[2] — т. е. целый комплекс мер, должных символизировать возвращение власти в русло патриархально-привычных представлений о ней.

Впрочем, и не могли спасти, поскольку «возвращение» это было действом чисто внешним, продиктованным политической конъюнктурой — необходимостью реанимировать сошедшую на нет былую популярность. Подлинное же отношение молодого и амбициозного монарха к своим подданным мало чем отличалось от позиции родителя. «Я огорчен и разочарован: с этими чертовыми крестьянами ничего нельзя сделать»[3] — говорил король-сын французскому историку Альберу Мале. Видимо, поэтому он и предполагал в качестве опоры трона создать некое подобие сербского дворянства[4]. В конце концов, неудивительно, что народ возненавидел его столь же единодушно, как и предшественника. Побывавшая в 1902 г. на Балканах английская путешественница Мэри Дэрам вспоминала: «Во всей Сербии я не слышала о короле ни одного доброго слова. Он скорее безумен, нежели порочен — это лучшее из того, что о нем говорилось. По отношению к нему я не видела ничего, кроме презрения»[5]. Его конец был по-балкански жесток...

Вступивший на сербский престол король Петр Карагеоргиевич был человеком иного склада. 60-летний, умудренный жизнью и многолетней эмиграцией вдовец, он старался править строго в рамках закона и конституции, хотя и не был полностью свободен в своих действиях, — группа военных участников майского заговора, «освободивших» для него трон, стремилась всеми средствами сохранить свой привилегированный статус при новом режиме. Понятно, что они не ладили с гражданскими властями. И нередко, чтобы избежать нежелательных толков, монарх приглашал главу правительства Николу Пашича на аудиенцию... с черного хода.

---

[1] *Столић А.* Двор у Београду (1880–1903). Између традиционалног и модерног // Србија у модернизацијским процесима XIX и XX века. Књ. 2. Положај жене као мерило модернизације. Београд, 1998. С. 111–112.

[2] См., например: *Тодоровић П.* Пријем у двору (Сећање из прошлости) // *Тодоровић П.* Огледало. Зраке из прошлости. Приредила Л. Перовић. Београд, 1997. С. 95–96.

[3] *Мале А.* Дневник са српског двора. 1892–1894. Превела и приредила Љ. Мирковић. Београд, 1999. С. 186–187.

[4] АСАНУ. Бр. 9327/XVI. Дневник Милана Милићевића. Свеска 16. Л. 2820.

[5] *Дарам М.* Кроз српске земље. Превео и приредио В. Милановић. Београд, 1997. С. 201.

inslav

Давний соратник и личный друг Петра Карагеоргиевича еще со времен эмиграции, священник Милан Джурич объяснял подзабывшему сербские обычаи суверену всю бесперспективность *таких* приглашений: «Если Пашич не сможет войти во дворец с парадного входа, он вообще не придет». И далее, еще более жестко: «Если ты, государь, думаешь, что в случае выбора между тобой и Николой народ выберет тебя, то ты глубоко ошибаешься»[1].

Фраза чрезвычайно показательна как по форме (обращение приходского священника к королю на «ты»), так и по сути (содержащаяся в ней скрытая угроза). Она с предельной ясностью выразила то патриархально-семейное отношение сербов к власти, о котором мы уже говорили.

Во-первых, оно характеризовалось полным отсутствием какой бы то ни было *сакрализации* верховной власти, носитель которой, согласно традиционным представлениям, должен быть, как глава большой семьи (или отец), всего лишь «первым среди равных», а не возноситься на недостижимую высоту, изолируясь от общества[2]. «Блестящую изоляцию» своих венценосцев сербы переносили с трудом. «"Где бы я могла видеть короля и королеву?" — вспоминала свой разговор в одной из гостиниц Белграда М. Дэрам. — Официант, принесший кофе, посмотрел на меня с каким-то особенным выражением. "Вы хотите видеть нашего короля? Вы его не увидите. Он не выходит из дворца. Пьян, наверное" — добавил он презрительно»[3].

И во-вторых, довольно странное для «нормального» монархического сознания сопоставление обычного политика и помазанника Божьего, причем явно не в пользу последнего, было весьма органичным для Сербии — в этом присутствовала уже указанная логика восприятия власти. Но почему такое вообще оказалось возможным? Отсутствие традиции сакрализации монарха приводило к тому, что отношение сербов к нему всегда было слишком «приземленным» — все мы родом из одного корня (феномен национальных, крестьянских по происхождению, не слишком укорененных в прошлое и изначально выборных династий). Вследствие этого авторитет и доверие (в случае отсутствия таковых у правителя) могли переноситься на популярного политика, который лучше вписывался в пат-

[1] Цит. по: *Игњић С.* Народни трибун прота Милан Ђурић. Ужице, 1992. С. 168–169. См. также: *Јовановић-Стојимировић М.* Прота Ђурић // *Јовановић-Стојимировић М.* Силуете старог Београд, 1987. С. 151–152.

[2] «Ваша Светлость! — обращался к Милану Обреновичу священник из села Любичева Никола Крупежевич в мае 1875 г. — Народу всегда приятно видеть своего государя, но ему еще более приятно, когда тот входит в народную среду, с намерением узнать его (народа) потребности и желания. Ведь непосредственный договор государя с народом всегда имел добрые последствия как для него лично, так и для народа» (Радикална странка у Србији пре Тимочке буне према архивској грађи из збирке музеја у Смедереву. Приредио Л. Павловић. Смедерево, 1984. С. 147).

[3] *Дарам М.* Кроз српске земље... С. 112.

inslav

риархальные представления народа о власти. Явление вполне типичное — на протяжении XIX в. в Сербии было немало харизматических народных вождей. Высшим авторитетом, таким образом, наделялось не положение, а конкретный человек. В сравнении с королем Петром (поначалу в общем-то чужаком, уважаемым в народе лишь как внук легендарного Карагеоргия) таким человеком и оказался Никола Пашич. Но почему именно на него пал бы выбор народа в случае их гипотетического соперничества?

Дело в том, что Н. Пашич вполне соответствовал народным представлениям о власти. Являясь *безальтернативным* вождем НРП — этой единственной общенациональной организации, объединявшей в своих рядах десятки тысяч членов, — он никогда не стремился встать *над* партией, но всегда был с нею и в ней. По словам его старого соратника и земляка — крестьянина из Заечара Джордже Лазаревича, «на наших съездах Пашич обычно молчал, а солировал Пера Тодорович. Он умел так воодушевлять и зажигать словами, как никто другой, и вообще был таким оратором, каких давно уже нет. Но когда дело доходило до выборов председателя, мы все дружно голосовали за Пашича»[1]. Что ж, по всей видимости, он того заслуживал: требуя от партии жертв, не укрывался от них сам и был готов даже умереть за нее — свидетельства тому история сохранила[2]. Между ним и партийной «базой» сложились отношения той доверительной авторитарности, которая, как уже говорилось, лежала в основе патриархальных представлений о власти вообще. А потому и голосовали «все дружно» именно за Пашича. И так сорок пять лет подряд[3]. Он всегда оставался для партии *своим;* она же была для него «первой и единственной политической любовью»[4].

Мало того, по мере выбытия из состава партийного руководства «отцов-основателей» и притока в него представителей новых генераций, для которых борьба первопроходцев в бурные 80-е годы была уже овеяна легендой, «вечный» Байя[5] сам превращался в легенду, становясь персонификацией сербского радикализма — этого, по выражению современника, «народного верую», т. е. «новой религии, в которую народ фанатично верил»[6]. Именно здесь истоки мощной харизмы Николы Пашича. «Пашич принадлежит нам, мы принадлежим Пашичу»[7] — как заклинание повто-

[1] *Лазаревић Ђ.* Сећања на Николу Пашића // Политика. 12 децембар 1926 г. Бр. 6694.

[2] Подробнее об этом см.: *Шемякин А. Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998.

[3] Н. Пашич являлся бессменным лидером Сербской народной радикальной партии с момента ее основания в январе 1881 г. и до собственной смерти в декабре 1926 г.

[4] *Казимировић В.* Никола Пашић // Развитак. Зајечар, 1996. Бр. 196–197. С. 26.

[5] Байя (Баја) — сербское прозвище Н. Пашича.

[6] *Жујовић Ј.* «Српска радикална странка». Говор Ј. М. Жујовића на збору самосталних радикала у Јагодини 10 августа 1903 г. Београд, 1903. С. 9.

[7] Самоуправа. 17 децембар 1936 г.

inslav

ряли радикалы после его смерти. «Радикальная партия — это Никола Пашич, Никола Пашич — это радикальная партия»[1], — тогда же признавал его политический оппонент.

И, как следствие такого восприятия, сам образ вождя радикалов постепенно трансформировался в сознании многих в некий миф, спасительный талисман, без которого правильно не решаются никакие дела. Эту явную иррациональность в отношении сербов к Пашичу чутко уловил А. Мале, проведший полтора года в Белграде в качестве педагога короля Александра: «Пашич ... создал вокруг себя ореол легенды, став в народе олицетворением какой-то страшной силы. Если что-то не в порядке, отовсюду слышится: "Ах, если бы Пашич был здесь. Когда же он будет здесь? К счастью, остается Пашич!". Эту легенду следует развеять, и тогда радикальная партия развалится»[2]. Во всем был прав наблюдательный француз, кроме одного — подлинную легенду о человеке может создать только народ...

После насильственной смены династий в 1903 г. радикальная партия пришла к власти в Сербии «всерьез и надолго». В демократической стране с парламентским правлением сложилась по сути дела однопартийная система (или, точнее сказать, «полуторапартийная»: с одной стороны, радикалы, с другой — все остальные, т. е. «не-радикалы»[3]), и такая власть одной партии была добровольно принята и поддержана сербским крестьянством. Вершителями судеб государства стали Н. Пашич — этот, по точному (и идеально вписавшемуся в рассуждения священника М. Джурича) определению Л. Д. Троцкого, «некоронованный король Сербии»[4] и его соратники.

Кстати, страной он руководил так же, как и собственной партией, всегда оставаясь с ней, а не над ней. Российский посланник при сербском королевском дворе князь Г. Н. Трубецкой, имевший возможность близко наблюдать премьера во время Первой мировой войны, писал: «С раннего утра Пашич отправлялся в министерство и с небольшим перерывом сидел там целый день. *Фактически он был распорядителем судеб Сербии и решал все крупные и мелкие дела* (выделено нами. — *А. Ш.*). Он достигал этого не только благодаря своему официальному положению, но и громадному личному авторитету». И далее: «Члены кабинета были много моложе Пашича. Он смотрел на них как на молодых людей, говорил им "ты" и звал по уменьшительному имени. Это было вполне в нравах патриархальной Сербии. В Нише (временной столице Сербии в 1914–1915 гг. — *А. Ш.*) все министры занимались в одной большой зале. Пашич сидел в

[1] *Simplex*. Личност Николе Пашића // Нова Европа. 22 јуна 1926 г. Књ. XIII. Бр. 12. С. 415.

[2] *Мале А.* Дневник са српског двора... С. 199.

[3] *Стојановић Д.* Партијске елите у Србији 1903–1914. Улога и начин владања // Југословенски историјски часопис. Београд, 1997. Бр. 2. С. 47.

[4] См.: *Троцкий Л. Д.* Сочинения. М.; Л., 1926. Т. 6. Балканы и Балканская война.

inslav

другом углу комнаты за общим столом. Получалось впечатление профессора и учеников». И наконец: «Он правил Сербией немножко наподобие сельского старосты в большом, но малоустроенном селе. Зная всех и каждого, он ловко умел устранить политическое соперничество... Всего более (а это уж точно маленький шедевр. — *А. Ш.*) напоминал он мне сельского старосту в своих отношениях с богатой помещицей Россией. Он знал, что помещица может наехать, рассердиться и накричать, а он молча потрет себе бороду, а потом еще выхлопочет своему селу и деньжонок, и леску на хозяйство»[1]. Такая власть *своего* «старосты» вполне устраивала сербского селяка, который даже в самые тяжелые для него минуты фаталистически замечал: «Байя знает, что делает» («Зна Баја, шта ради»), а значит — все образуется.

Национальный консенсус, таким образом, вызревал в Сербии после 1903 г. на базе старых, традиционных понятий о власти, требовавших соблюдения скорее обычая, чем закона. Очень точно сказал об этом современник — поэт, философ и дипломат Йован Дучич: «Пашич правил по конституции, но олигархически. Он не был столь уж строгим педантом в отношении статей конституции, как того желал король Петр, но никогда не нарушал ее без необходимости. У нас тогда была счастливая эпоха — никто не выступал против конституции, но и не особенно-то взыскивалось за нарушение закона... До самой смерти Пашича, когда наступил закат той великой эпохи, в нашей стране случаи беззакония были нередки, однако оно никогда не становилось системой»[2]...

И в этой связи нам особенно значимым видится отношение простых сербов к демократии и парламентаризму. Иными словами, что представляли собой данные институты в традиционном обществе?

2. Восприятие демократии и парламентаризма

Активная реформаторская деятельность напредняков в начале переломных 1880-х годов ускорила процесс политической модернизации, что проявилось в дальнейшей дифференциации власти, создании целостной системы государственных институтов, реформировании армии. В 1888 г. в результате острой внутренней борьбы в стране был принят либеральный Основной Закон, в оценке которого исследователи практически единодушны: новый Устав ввел в Сербии конституционный порядок и парламентаризм[3]; в ее истории начался период парламентской демократии[4].

[1] *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 88–90.

[2] *Дучић Ј.* Личност Николе Пашића // *Дучић Ј.* Сабрана дела. Сарајево, 1969. Књ. 6. Стазе поред пута. С. 192.

[3] *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958. С. 362.

[4] *Протић М.* Успон и пад српске идеје. Београд, 1994. С. 107.

inslav

На первый взгляд, такие оценки как будто убедительны — формальный анализ статей конституции действительно дает основания для подобных суждений. Однако сразу же встает вопрос — насколько тождественно содержание понятий *демократия, парламентаризм, конституционный порядок* в политической традиции Западной Европы и Балкан, в частности Сербии — этого типичного государства «догоняющего развития», только вступавшего на путь европеизации.

Данный вопрос для нас принципиально важен. Настоятельную необходимость его постановки подтверждает и поистине знаковое свидетельство одного из видных сербских интеллектуалов конца XIX в. Косты Стояновича. «Демократия, парламентаризм, гражданские свободы, прогресс, культура и другие понятия, что составляют основу политического словаря нынешних балканцев, — писал он в своих заметках, — суть слова и выражения, никак не укорененные в их мировоззрении, но, будучи "общепринятыми", призванные прикрыть жесткие подсознательные стереотипы, которые только и мотивируют все их действия и поступки»[1]. То есть за вербально-европейским фасадом в мышлении многих балканских политиков могли скрываться глубоко традиционные навыки и подходы. Буква выхолащивала дух.

Подтверждение такого несоответствия нам дают суждения сербских крестьян — той массы, на основе представлений которой традиционная контрэлита (радикалы) и строила свою идеологию.

Так, выступая на сессии Великой Народной скупщины в декабре 1888 г. (где была принята новая конституция) и участвуя в дискуссии о парламентаризме, один из депутатов от села заявил: «Только когда крестьянский очаг нельзя будет пустить с молотка за гроши, правительство будет считаться парламентским»[2]. Данное высказывание точно и емко передает суть коллективных представлений крестьян о содержании, смысле и целях борьбы за введение в Сербии парламентаризма. Любые государственно-политические реформы, по их разумению, оправданны лишь тогда, когда направлены на сохранение социального status quo, т. е. содержат в себе экономическую доминанту. Парламентский режим, таким образом, ассоциировался в сознании массы с консервацией традиционных условий ее существования.

Характерный пример этой жесткой обусловленности любого политического действия и лозунга *своим* чисто экономическим интересом, имманентно присущей мышлению крестьянина, мы находим в протоколе заседания Главного комитета НРП от 5 апреля 1883 г., на котором обсуждался подготовленный комиссией ГК проект новой конституции и решался вопрос — из скольких палат должно состоять народное представитель-

[1] АСАНУ. Бр. 10133. *Стојановић К.* Слом и васкрсење Србије (рукопись). Л. 102.

[2] Цит. по: *Поповић-Обрадовић О.* О идеолошком профилу радикала у Србији. 1903–1914 // Токови историје. 1994. Београд, 1996. Бр. 1–2. С. 59.

inslav

ство. Так вот, выслушав все аргументы и объяснения, уже известный нам Р. Тайсич в конце дискуссии признал, что поначалу «он думал, что верхняя палата — это двухэтажный дом и что каждый крестьянин получит тогда дом о двух этажах»[1]. Несмотря на очевидную курьезность такого «предположения», оно отразило одну из важнейших констант патриархального менталитета сербского села.

Что касается политического аспекта парламентаризма, т. е. функционирования институтов законодательной и исполнительной власти в рамках демократической процедуры, то его крестьянское восприятие заметно отличалось от европейского. В предложении Народной скупщине от 20 мая 1880 г., подписанном 37 крестьянскими депутатами, содержится следующая формула: «Представительная система или народное представительство (скупщина) приобретает свою совершенную форму, когда для решения всякого отдельного вопроса и принятия всякого отдельного решения народ избирает своих представителей. Чем больше времени народные представители пользуются полномочиями народа выступать от его имени в решении обычных и экстраординарных вопросов, тем больше сам народ лишается права непосредственно управлять судьбой своего отечества»[2]. И еще одна дефиниция, касающаяся как взаимоотношений большинства и меньшинства, так и трактовки самой демократической процедуры. «Если скупщина избрана демократическим и парламентским путем, — говорил 5 июня 1893 г. все тот же Р. Тайсич, — и так же составлен кабинет, то решать все вопросы должно большинство, не обращая внимания на то, что думает меньшинство из десятка человек»[3].

Перед нами — выраженное в чеканной форме патриархальное видение народного представительства и демократии.

В рамках такого видения высший представительный орган — это народный собор с эксклюзивными правами (своего рода сербский Конвент), и близко не напоминающий классическую ассамблею. Суть же демократии заключалась в том, что свободно выраженная политическая воля целой корпорации парила в своем могуществе высоко над всякой отдельно взятой волей, подминая ее под себя, ибо «государство и нация не должны пониматься как сумма их индивидуальных членов, напротив, индивидуум должен пониматься как часть более широкого целого»[4].

Истоки таких (солидаристских) представлений о демократии следует искать в том, что ключевым в сербской культуре XIX века понятием являлась «общность», т. е. община, народ, этнос, а не «индивид», как на Запа-

[1] АСАНУ. Бр. 9778. Протоколи седница Главног одбора Народне радикалне странке.

[2] Никола Пашић у Народној скупштини. Приредила Л. Перовић. Београд, 1997. Књ. 1. С. 437–438 (документ 196).

[3] Записници са седница клуба посланика Народне радикалне странке у Народној скупштини, године 1893 / / Архивски преглед. 1994–1995. Бр. 1–4. С. 56.

[4] *Манхейм К.* Консервативная мысль / / Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 618.

inslav

де. В условиях, когда гражданское общество в стране только зарождалось, внутри него преобладало однонаправленное движение от коллектива к отдельному человеку. Обратной связи практически не существовало. Поэтому, как удачно выразил суть данного явления для типологически родственной сербам России отечественный философ И. К. Пантин, «согласование личных и общественных интересов подменялось здесь их отождествлением, за счет низведения первых до степени несуществующего»[1]. На базе этого, универсального для всякого традиционного общества, принципа социокультурной регуляции и формировалась архаическая модель общинной «демократии консенсуса»[2], не терпящей диссидентства и часто превращавшейся в террор большинства. По точной оценке французского философа Жана Бешлера, «община предлагает исключительно чистую транскрипцию демократических принципов»; однако «ее институты не имеют ничего общего с теми, которые создала современная эпоха»[3].

На базе этого, глубоко патриархального, понимания демократии сербские радикалы строили свою политическую теорию, в основе которой лежала доктрина «народного суверенитета», типологически восходившая к гердеровскому учению о народном духе. Оно же, по оценке немецкого социолога Карла Манхейма, «всегда было связано с неосознанным желанием не позволить человеку и обществу выйти за пределы данного состояния»[4], т. е. сохранить status quo. Стратегические помыслы радикальных верхов и низов, как видим, действительно смыкались...

И последнее соображение, показывающее практическую нереализуемость в условиях Сербии конца XIX в. *чистых* парламентских форм. Демократическая избирательная процедура, за введение которой Н. Пашич и его соратники активно боролись (почему, кстати, и прослыли в целом ряде исторических трудов завзятыми европеистами), приводила здесь к иным, чем в Европе, результатам — в социально однородном и политически не структурированном обществе она не только не обеспечивала торжество плюрализма, но напротив — закрепляла политическую монополию одной-единственной партии, выражавшей интересы подавляющего большинства населения. И чем шире бы были политические права и свободнее выборы, тем больше бы шансов имела эта партия править вечно.

Как видим, в сербских условиях даже парламентский механизм (регулярные выборы, ответственность совета министров перед народным представительством, вторичность королевской власти) шел радикалам на поль-

---

[1] *Пантин И. К.* Драма противостояния. Демократия и либерализм в старой и новой России // Полис. 1994. № 3. С. 79.

[2] *Дого М.* Србија и Срби у модерним временима: европски модели и комуницирање са спољним светом // Европа и Срби (Зборник радова). Београд — Нови-Сад, 1996. С. 573.

[3] *Бешлер Ж.* Демократия. Аналитический очерк. М., 1994. С. 156.

[4] *Манхейм К.* Человек и общество в эпоху преобразования // Манхейм К. Диагноз нашего времени... С. 284.

inslav

зу. И действительно, во время их первого «серьезного» пребывания у власти (в 1889–1892 гг., т. е. еще при Обреновичах), санкционированного как раз либеральной конституцией 1888 г., Сербия являла собой типичный образец *партийного государства* — открытую диктатуру победившего большинства[1]. Что ж, как указывал немецкий философ Альфред Вебер, «там, где отсутствуют предпосылки, парламентское правление невозможно либо, по меньшей мере, оно действует плохо»[2]. Несмотря на наличие вывески, добавим от себя.

3. Отношение к прогрессу

Для рассмотрения отношения сербского крестьянства к идее прогресса мы избрали его подход к железной дороге. Дело в том, что до середины 1880-х гг. Сербия (наряду с Черногорией) оставалась единственной страной в Европе, не имевшей собственных магистралей. Напредняцкое правительство М. Пирочанца поставило данный вопрос ребром, заключив с французской компанией «Юнион Женераль» договор о строительстве дороги Белград—Ниш—Вранье. Переданный на ратификацию в скупщину, он вызвал ожесточенную дискуссию, каковая и является объектом нашего внимания.

Уже беглое сравнение аргументации, которой при обсуждении документа пользовались представители власти, с одной стороны, и члены оппозиции, с другой, открывает характерное сопротивление первым симптомам грядущей модернизации. И это не удивительно, ибо «модернизация всегда провоцировала ответную реакцию слаборазвитого общества, вызывая в нем страх неизвестности»[3]. Причем наиболее отчетливо эта закономерность *вызова—ответа* «работала» именно в случаях со строительством железных дорог, которые для XIX века являлись, пожалуй, самым ярким примером того, как, по выражению академика А. М. Панченко, «техническое новшество затрагивало духовную жизнь и естественным образом порождало сложные проблемы»[4]. Можно, наверное, даже утверждать, что отношение к ним служило тогда определяющим критерием принадлежности элиты из развивающихся стран к команде модернизаторов или лагерю приверженцев традиции.

---

[1] Подробный разбор механизма функционирования «радикального режима» содержится в: *Шемјакин А. Л.* Устав осуђен на неуспех. Српски устав из 1888. године // Годишњак за друштвену историју. Београд, 2000. Свеска 2–3. С. 164–189.

[2] *Вебер А.* Идеи к проблемам социологии государства и культуры // Вебер А. Избранное: кризис европейской культуры. М., 1999. С. 91.

[3] *Ђорђевић Д.* Стојан Новаковић. Историчар, политичар, дипломата // Ђорђевић Д. Портрети из новије српске историје. Београд, 1997. С. 356.

[4] *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. Т. 3 (XVII — начало XVIII века). М., 1996. С. 12.

inslav

Значение железной дороги как символа столкновения агрессивного нового и отступающего под его напором старого подтверждает и тот факт, что она, а особенно мчащийся по ней поезд, стали самостоятельными художественными образами в европейской культуре прошлого столетия, несущими мощную полисмысловую нагрузку[1]. Для России и русских эту ее многозначность удачно передал американский культуролог Джеймс Биллингтон. «Из всех материальных свидетельств масштабных перемен в послекрымской России, — пишет он, — ни одно не было столь неизбежным и одновременно столь значимым по своим последствиям, как строительство железных дорог. Ничто так непосредственно не затрагивало русскую провинцию и так драматично не давало ей понять, что рождается какой-то новый и неведомый мир, как прокладка магистралей из северо-западного угла России в ее внутренние регионы в 1860–1870-е гг.»[2]. Паровозные гудки заглушали звон валдайского колокольчика. Под их аккомпанемент наступал век скорости, действия и движения. Он ломал мир покоя, созерцания и заданности. «Время, вперед!» — это оттуда...

В Сербии железная дорога порождала аналогичные проблемы и противоречия. Дискуссия в Народной скупщине наглядно подтверждает это. Во время обсуждения железнодорожного договора под ее сводами бурлили эмоции. Причем так, словно воистину решался вопрос — быть или не быть Сербии. Со скамей крестьянских депутатов звучали даже голоса, что в случае его принятия «может повториться косовская трагедия»[3]. Психологически такой эсхатологизм понятен и легко объясним — слишком велик был страх шумадийского крестьянина перед столь радикальным техническим новшеством, как железная дорога, которую он и в глаза-то не видел.

Но не один только страх перед неизведанным порождал неприятие железной дороги. Депутаты из народа воспринимали ее как враждебную силу, активно вторгающуюся в их традиционный мир и грозящую ему гибелью. Иностранный капитал, по их разумению, был способен бросить Сербию в новое экономическое рабство. «По Сербии, — подчеркивал священник М. Джурич, — тяжелой цепью проляжет мировой путь», и в результате, «сербский народ окажется в положении раба европейских капиталистов, поскольку все, чем он владеет, со временем перейдет в их руки. Такие цели теперь достигаются не мечом, но экономическими средствами — капиталом». Магистраль, следовательно, — это «холодная змея, ко-

[1] Об этом сюжете см.: *Шемякин А. Л.* Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880-е годы) // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000. С. 228–255.

[2] *Billington J.* The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture. London, 1966. P. 382.

[3] Цит. по: *Перовић Л.* Политичка елита и модернизација у првој деценији независности српске државе // Србија у модернизацијским процесима XX века. Београд, 1994. Књ. 1. С. 239–240.

inslav

торую сербский народ будет греть у себя на груди до тех пор, покуда она сама его не проглотит»[1]. (Поразительно, но и тридцать лет спустя, в 1910 г., М. Джурич продолжал твердить о «змее, ползущей с Запада», которая «нас задушила, ...и в результате наши простые, но славные обычаи начали отступать перед обычаями западных народов»[2].)

Железная дорога, таким образом, построенная во исполнение чуждой воли и должная служить чуждым же интересам, ставила под удар саму суть сербства, олицетворенную в социальном равенстве народа. Одобрив железнодорожный договор, говорил крестьянский депутат Марко Петрович, Сербия рискует повторить «судьбу американских индейцев», ибо «открыв Америку, Колумб принес ей европейскую культуру, а вместе с ней и цепи рабства, чем она обернулась для местного населения. Та же судьба, — заключал оратор, — может постигнуть и наш народ под воздействием так называемой культуры, которую нам силой навязывает Запад»[3].

В данном случае менталитет закрытого, традиционного общества восставал против перспективы соприкосновения с *чужим* (а потому — неведомым и страшным) миром; соответственно весь огонь критики был сконцентрирован на материальном средстве, делавшем такое соприкосновение неизбежным. Именно на этом, идущем из народных глубин отрицании перемен замешивали радикалы свою доктрину неприятия Запада. И первое, что сделало радикальное правительство Савы Груича, придя к власти в 1889 г., — это выкупило сербскую железную дорогу из рук иностранных владельцев...

---

[1] Цит. по: *Игњић С.* Народни трибун прота Милан Ђурић... С. 56–57.

[2] Цит. по: *Поповић-Обрадовић О.* Демократија у Србији 1903–1914 // О демократији. Београд, 1995. С. 180.

Известный сербский (югославский) политик Милан Стоядинович, имевший в свои школьные годы возможность часто слушать выступления М. Джурича, подметил одну их характерную особенность: «Главным его аргументом была апелляция к "прадедовским костям". Он обычно говорил: "Прадедовские кости требуют от нас..."». Или: "Кости наших прадедов смотрят на нас из могил..." Этот патриотический настрой его речей всегда имел большой успех» (*Стојадиновић М.* Ни рат, ни пакт. Ријека, 1970. С. 15). Мы обратили внимание на это тонкое наблюдение будущего премьера межвоенной Югославии в связи с тем, что одной из базовых традиционалистских установок была идея *преемственности*, т. е. «солидарности поколения живущего с поколениями умершими» (*Шацкий Е.* Утопия и традиция. М.,1990. С. 230) или «участия минувших поколений в современности». (*Манхейм К.* Консервативная мысль // Манхейм К. Диагноз нашего времени... С. 610). Сама же *современность* при таком подходе признавалась традиционалистами «несущественной фазой в развитии истории» (Там же). Отсюда и отрицание ими всего нового.

[3] Цит. по: *Перовић Л.* Политичка елита и модернизација у првој деценији независности српске државе... С. 239–240.

inslav

* * *

Итак, как мы старались показать, реальная жизнь Сербии на рубеже XIX–XX вв. далеко не соответствовала тем формам, в которые ее облекали представители местной реформистской элиты, пытавшиеся представить свою родину в глазах «просвещенной» Европы вполне современным государством[1]. Последняя же, в отличие от большинства потомков (в том числе и историков), уже тогда показала себя более проницательной. Так, суммируя в 1893 г. свои размышления о степени европеизации Сербии, А. Мале высказал суждение, из которого следует, что, несмотря на все усилия сербских властей, процесс этот находился еще в самом начале: «Внешний лак цивилизации — это то, что свидетельствует в пользу сербов и вводит в заблуждение проезжего иностранца. Лак цивилизации, потрескавшийся в тысяче мест, — это то, что открывается человеку, который имеет возможность рассматривать все не спеша и в деталях, и делает из него врага первоначального ложного образа»[2]. Десять лет спустя М. Дэрам также сделала вывод, не столь, правда, метафизически эффектный, но не менее точный по сути: «Несмотря на весь свой западноевропейский облик, Сербия еще совсем не научилась спешить»[3]...

[1] «Здешние официальные круги, — записал в дневнике А. Мале, — очень желают, чтобы на Западе сложилось позитивное мнение об их стране» (*Мале А.* Дневник са српског двора... С. 202). М. Дэрам также отметила, что Сербия «всячески стремится предстать в глазах Европы в лучшем виде» (*Дарам М.* Кроз српске земље... С. 128).

[2] *Мале А.* Дневник са српског двора... С. 204.

[3] *Дарам М.* Кроз српске земље... С. 114.

inslav

О. Н. Исаева
Саратовский государственный университет

ОБРАЗ ЦАРЯ ФЕРДИНАНДА В ДОНЕСЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ

Личность Фердинанда Саксен-Кобург-Готского, более тридцати лет (1887–1918 гг.) находившегося на болгарском престоле, привлекала и привлекает внимание исследователей. При нем Болгария приобрела независимость и стала из княжества царством (1908 г.), добилась роли лидера в регионе и сумела одержать впечатляющие победы над своей вековой угнетательницей — Османской империей (1912 г.). Но уже очень скоро, летом 1913 г., Болгария потерпела сокрушительное поражение от своих соседей и недавних союзников, понесла большие потери. Первая национальная катастрофа 1913 г. проложила дорогу ко второй, постигшей страну на исходе мировой войны в 1918 г. Это новое поражение стоило Фердинанду Кобургскому трона.

О царе Фердинанде написано достаточно много, особенно при его жизни, и если судить только по отечественной литературе, то видно, как существенно менялись оценки первого «царя болгар» от крайне упрощенных и чисто негативных (агент австро-германского империализма, ограниченный и недальновидный авантюрист) до более взвешенных и положительных (интересная и сложная личность, наделенная разнообразными интеллектуальными качествами, склонная к политической игре и авантюризму)[1].

Авторы исторических исследований, вслед за современниками военных событий на Балканах начала XX в., неизменно пытались решить вопрос о степени ответственности Фердинанда Кобургского за национальные катастрофы 1913 г. и 1918 г., определить, кто был больше виноват в крушении национального дела — достижении границ Сан-Стефанской Болгарии — монарх или народ. Практически всегда основная часть вины возлагалась на царя, именно Кобург считался главным виновником национальной драмы Болгарии. В лучшем случае, упоминалось, что Фердинанд

[1] См.: *Жебокрицкий В. А.* Болгария накануне Балканских войск 1912–1913 гг. Киев. 1961; *Он же.* Болгария в период Балканских войн 1912–1913 гг. Киев. 1961; *Вознесенский В. Д.* Кобурги в Болгарии // Новая и новейшая история. 1992. № 3.

inslav

не был одинок и за его спиной стояли шовинистическая буржуазия и военщина. Расхожим стало мнение, что истинным несчастьем для Болгарии являлось то, что династия не была национальной, а царь не был болгарином, что Фердинанд — немецкий принц, австрийский поручик, собственник имения в Венгрии — в силу своего происхождения, воспитания, образования, культуры не мог способствовать достижению национального идеала[1].

Важным источником, способствующим прояснению позиции царя Фердинанда в решающие для судьбы Болгарии моменты, уяснению психологической мотивации его действий, являются донесения российских посланников, аккредитованных в разное время в Софии, Д. Сементовского-Курило, А. Неклюдова и А. Савинского. Часть этих донесений была опубликована, остальные продолжают храниться в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Эти материалы дают представление также о тактике и методах царской дипломатии, о ментальности ее представителей — людей, различающихся по своим способностям и уровню профессионализма, но объединенных дворянским происхождением, образованием, культурой и призванием отстаивать интересы Российской империи на внешнеполитической арене.

Все российские дипломаты сходились в том, что Фердинанд играет главную роль в жизни государства и последнее слово в решении всех важных вопросов остается за ним. Они отмечали его ум и хитрость, таланты прирожденного дипломата и изворотливого политика, особо подчеркивали его осторожность и благоразумие. Фердинанда Кобургского они считали эгоцентриком, озабоченным в первую очередь упрочением своей власти и династии. Оказавшийся волею случая на болгарском престоле Фердинанд все время чувствовал себя чужаком, постоянно испытывал боязнь конкуренции и потери статуса. Царские посланники отмечали атмосферу недоверия, сложившуюся вокруг Кобурга, «тот разлад, который всегда существовал между ним и управляемым им народом, в результате чего та власть, тот престиж, то тонкое умение владеть людьми, словом, тот личный режим, который он так долго и с таким упорством создавал, не дают ему уверенности ни в личной безопасности, ни в будущности своей династии». Это ощущение непрочности и заставляло немца и католика Фердинанда стараться быть бóльшим болгарином, чем сами болгары, в решении самых главных для них вопросов — завершении национального объединения и превращении Болгарии в полноценное европейское государство[2].

Основное внимание в донесениях уделялось внешней политике царя Фердинанда, заключавшейся в ловком маневрировании между Веной и Петербургом, чье соперничество на Балканах ожесточилось после известных событий 1908 г. Нарастание регионального кризиса, связанного с уси-

[1] *Семов М.* Великите сили и българската национална драма. София 1991. С. 172.

[2] АВПРИ. Ф. Политархив. 1909–1911. Д. 2255. Л. 258.

inslav

лением национально-освободительного движения в Албании и Македонии и начавшейся осенью 1911 года итало-турецкой войной, поставило Болгарию перед необходимостью сделать свой внешнеполитический выбор. Российские представители отмечали, что открыто войти в орбиту политического влияния Австро-Венгрии Кобургу мешала поддержка Веной в 1911–1912 гг. проекта создания автономной Албании, включавшей в себя значительную часть Македонии. Отмечая большую тревогу Фердинанда, вызванную развитием албанского национального движения, они считали, что Фердинанд никогда не сможет отказаться от западной части Македонии и Солуни. Неклюдов в беседах с царем поддерживал его опасения относительно проекта «Великой Албании», полагая, что боязнь быть отрезанным от долины Вардара и Солуни, к «обладанию коими болгары столь неуклонно стремятся, заставит их усиленно дорожить нашей дружбой и следовать нашим благоразумным советам». В то же время Неклюдов считал, что не следует и чрезмерно запугивать болгар, успокаивая их тем, что «образ автономной Албании не так близко и с этой опасностью можно бороться мирным путем»[1].

Судя по донесениям, возможность обретения «расширенной» Албанией автономии превратилась в сильную психологическую угрозу для Болгарии и Сербии, опасавшихся за македонские и старосербские территории, и стала мощным стимулом их сближения, завершившегося в начале 1912 г. подписанием союзного договора. Правда, у ряда царских дипломатов его заключение не устранило застарелого недоверия к политике Кобурга. Посланник в Белграде Н. Гартвиг писал: «Камертоном для балканской политики царя Фердинанда служат австро-болгарские отношения. Малейшее недовольство Веной тотчас вызывало заигрывание Болгарии с соседними государствами в целях будто бы создания союза; и наоборот, как только Фердинанд заручался какими-либо серьезными обещаниями Австро-Венгрии, неожиданно наступало охлаждение в отношении Сербии»[2]. В дипломатических кругах было хорошо известно пренебрежительное и высокомерное отношение Фердинанда к Сербии и Греции и их правителям.

Сомнения русской дипломатии не разделяло, однако, тогдашнее болгарское правительство. На вопрос русского военного агента в Болгарии полковника Романовского — не является ли болгаро-сербское соглашение ловким политическим маневром царя и искренно ли он его желает, С. Данев, председатель Народного собрания, ответил, что, «конечно, царь прежде всего эгоист и ловкий политик, но в данном случае интересы его вполне совпадают с желаниями и вожделениями Болгарии и он вполне сознает, что от Австрии ему ожидать нечего»[3]. Следует подчеркнуть, что и ранее, осенью 1909 г., Сементовский-Курило, передавая мнение тогда-

[1] МОЭИ. Серия II. Т. XVIII. Ч. I. М. 1938. С. 155.
[2] АВПРИ. Ф. Политархив. 1911. Д. 526. ЛЛ. 118–119.
[3] МОЭИ. Т. XIX .Ч. 2. М. 1938. С. 417.

inslav

шнего главы кабинета Малинова, писал, что «Фердинанд в деле обеспечения будущего болгар может стоять только на почве славянских национальных помыслов»[1].

Отмечая принципиальное совпадение национальных стремлений болгар с целями царя Фердинанда, российские дипломаты указывали и различие в способах их достижения. «Болгары, — писал Неклюдов, — желают достичь **всего** и не согласны ни на какие уступки; Фердинанд склонен по самому характеру своему к более осторожному поступлению и согласен был бы на исполнение **половины** программы с тем, чтобы со временем осуществить и другую. Болгары готовы пойти на больший риск в уверенности, что и при полной неудаче им не дадут пропасть как народу и государству; Фердинанд, не будучи вовсе уверен в подобной "стихийной" устойчивости своего трона, гораздо менее склонен к риску и бесповоротным решениям»[2].

Относительная умеренность и осторожность царя Фердинанда были поколеблены взрывом национальных чувств, сотрясшим болгарское общество в канун и период Балканских войн 1912–1913 гг. Начиная с осени 1911 г., русская дипломатия стала сообщать о растущем давлении на царя и правительство со стороны общественных и военных кругов, пораженных «преувеличенным национализмом» и «самообольщением». Донесения российских дипломатов позволяют сделать важный вывод о том, что общественное мнение в Болгарии стало мощным фактором, влиявшим на правящие круги, и что имела место зависимость монарха от настроений в обществе и армии. Прогноз Неклюдова, сделанный им летом 1912 г., что «болгары пойдут напролом, увлекая за собой короля», оказался точным.

Неклюдов писал, что Фердинанд опасался войны, что ему « более по сердцу перенесение вопросов на почву дипломатических переговоров, к которым он чувствует себя гораздо более способным и призванным, нежели к рассечению Гордиева узла мечом». Но открытые обвинения царя в трусости перед турками и измене национальному делу, шедшие со стороны почти всех слоев общества, заставляли его идти навстречу «вкоренившимся народным пониманиям» и воевать из-за Македонии Сан-Стефанских границ. «Для Фердинанда, — писал Неклюдов, — противиться войне значило бы отказаться от власти. Фердинанд боится пуще всего восстановить против себя болгарское офицерство, т. е. единственную силу, на которую он в сущности в течение 25 лет опирался». Офицеры же, по словам Неклюдова, превращенные фаворитизмом и соглядатайством в «янычар» Фердинанда, не питали к своему повелителю ни уважения, ни истинной преданности[3].

Следует отметить, что в тот период офицерство во всех балканских странах стало активно вмешиваться в политику, везде полным ходом шли

[1] АВПРИ. Ф. Политархив. 1908. Д. 2251. Л. 123.

[2] МОЭИ. Т. XVIII. Ч. 1. М. 1938. С. 303.

[3] Там же. Т. XX. Ч. 2. М. 1940. С. 77. АВПРИ. Ф. Политархив. 1915. Д. 5358. Лл. 67–68.

inslav

военные реформы, увеличивались и перевооружались армии, росло желание ускорить крушение Османской империи. Российские представители на Балканах отмечали, что самовластная насильственная отмена некоторых постановлений Берлинского трактата в 1908 г., в том числе и провозглашение Болгарией себя независимым царством, породило в умах балканских политиков представление о том, что любое нарушение международных актов может пройти безнаказанно, раз оно совершено в удачно выбранный момент и гарантировано желанием Европы во что бы то ни стало сохранить мир. Убежденные в неизбежной поддержке и помощи России славянские страны решили не упускать благоприятного случая, чтобы, как писал один русский дипломат, «заварить с крупной надеждой на успех балканскую кашу». Болгария, как свидетельствовали сообщения, делала все возможное для разрыва с Турцией и вовлечения России «на буксире» в военные действия на Балканах.

Война за освобождение европейских владений Турции, начатая балканскими государствами осенью 1912 г., к лету 1913 г. стала перерастать в войну за их завоевание. Отсутствие точно зафиксированных обязательств по территориальным вопросам в договорах, заключенных между членами Балканского союза, не было случайным: монархи не хотели связывать себе руки. Болгарские правящие круги стали требовать, чтобы сербские и греческие войска были выведены с тех македонских территорий, на которые распространялись их претензии. Сербия и Греция между тем заключили соглашение о совместной защите занятых территорий и их разделе между собой. Фердинанд отправил 11 июня 1913 г. телеграмму Николаю II, в которой возлагал ответственность за назревавшее между союзниками столкновение на Сербию, указывая, что как он, так и болгарское правительство стремятся избежать братоубийственной войны, но не могут идти против «единодушного возмущения народа» Сербией, пытающейся отнять у Болгарии плоды ее побед.

Анализируя причины, толкнувшие Фердинанда на выступление против союзников в конце июня 1913 г., Савинский считал, что этот «безумный шаг Болгарии можно объяснить тем опьянением, которое охватило страну и ее правителей после всех предыдущих побед». Помимо этого, по мнению Савинского, свою роль сыграло и давление либералов на Фердинанда, пригрозивших ему участью Стамболова в случае отказа отдать приказ об атаке против союзников. Отмечались и угрозы со стороны македонских комитетов[1]. Того же мнения был и Неклюдов. Он считал Фердинанда неврастеником и слабовольным человеком, который принимал окончательные решения исключительно под давлением чьей-либо сильной посторонней воли. «Дважды за последние годы, — писал Неклюдов, — именно в 1908 г. при провозглашении независимости и царства и в 1913 г., когда решено было изменническое нападение на сербские войска, Фердинанда должны были принудить к принятию этих решений окружающие. В пер-

[1] МОЭИ. Серия III. Т. II. М. 1933. С. 433–436.

inslav

вом случае путешествующие с ним члены кабинета Малинова; во втором — явившиеся к нему с угрозами македонцы: Геннадиев, Ризов и полковник Нерезов»[1]. В момент военных неудач Болгарии лидеры либералов Радославов, Геннадиев, Тончев потребовали от Фердинанда открытого сближения с Австро-Венгрией и были призваны царем к власти.

Тема страха Фердинанда за престол постоянно присутствует в сообщениях дипломатов. Неуверенность в своем положении особенно усилилась у царя после Межсоюзнической войны, когда Австро-Венгрия не могла еще простить ему союз с Сербией, а Россия — ослушание летом 1913 г. В это время Кобург по-прежнему продолжал свою «двойную игру», или политику «сидения на 2-х стульях», искусно демонстрируя перед русскими представителями свое показное смирение. «За нами есть грехи, мы сделали массу ошибок, — говорил Фердинанд новому посланнику в Софии Савинскому, — но из милостивых слов государя я вижу с благодарностью, что Россия все-таки смотрит на нас как на свое детище и готова нам простить наши заблуждения». Резюмируя донесения из Софии, министр иностранных дел С. Сазонов заключил в начале 1914 г.: «Изворотливый ум Фердинанда побуждает его лавировать между многочисленными затруднениями запутанного внутреннего положения и желанием заручиться, по возможности, благожелательным отношением России, не компрометируя отношений с Австрией, симпатиями с коей связано нынешнее его правительство»[2].

Своей главной задачей Савинский, назначенный в Софию в конце 1913 г., считал отстранение австрофильского кабинета и передачу власти людям, вызывавшим доверие России. Для этого он пытался сыграть и на «необъяснимом и чисто болезненном страхе» Фердинанда за престол. Он убеждал царя в том, что угроза исходит не из Петербурга, что государь император не может желать антидинастического переворота хотя бы во имя самого монархического принципа, а опасность для династии идет от возмущения болгарского народа, которому навязывают «противную его сознанию немецкую политику»[3].

Действия Савинского привели лишь к тому, что Фердинанд обвинил посланника не только в посягательстве на суверенитет Болгарии, но и на свою жизнь. Летом 1914 г. в послании болгарскому представителю в России Фердинанд сообщал: «Русский посланник здесь продолжает свои подлые операции против моей личности, использует разных болгарских и сербских анархистов с явной целью создать в скором времени повторение сараевского дела. Россия жестоко ошибается, так как с моей смертью она потеряет последнюю надежду на всякое влияние в Болгарии»[4]. Активность Савинского не нашла поддержки в Петербурге. Не было поддержа-

[1] АВПРИ. Ф. Политархив. 1915. Д. 5358. Л. 68.
[2] МОЭИ. Т. I. С. 468, 472.
[3] Там же. С. 438.
[4] Там же. Т. IV. М., 1931. С. 261.

inslav

но и его предложение «затратить средства на приобретение расположения болгарской печати». Руководство Министерства иностранных дел предложило посланнику относиться ко всему происходившему в Болгарии вполне спокойно, исходя из того, что «в конце концов мы гораздо более нужны Болгарии, чем она нам. Рано или поздно она это поймет, и тогда обращение ее к нам будет более искренно и плодотворно»[1]. Как известно, надежды на включение Болгарии в сферу влияния России, приобщение ее к лагерю Антанты не оправдались. Очевидно, что помимо прочих причин в этом свою роль сыграл эмоциональный компонент политики болгарского монарха.

Учитывая настроения Кобурга, пережившего крушение своих честолюбивых замыслов, Савинский в феврале 1914 г. просил Сазонова для «нравственного удовлетворения» Фердинанда оказать ему моральную поддержку и высказать в той или иной форме сожаление о том, что «справедливое пожелание царя получить остров Самофракию осталось безрезультатным». Савинский считал полезным поддержку этой просьбы царя, и с этим был согласен император Николай II, оставивший свою пометку «Верно» на телеграмме посланника, но Сазонов ответил отказом. Министр иностранных дел считал неудобным выступление, заранее обреченное на провал, и подозревал Фердинанда в том, что тот хочет сделать «лишнюю неприятность Греции за наш счет»[2]. Ранее российский МИД отверг настояния Фердинанда о передаче Болгарии Родосто — города на побережье Мраморного моря. Требования Самофракии и Родосто показывали масштабы личных амбиций честолюбивого Фердинанда, которые не были идентичны национально-государственным интересам болгарского народа.

В разгар Первой мировой войны, когда Болгария уже воевала в составе австро-германского блока, в российском МИД стала обсуждаться возможность перехода Болгарии на сторону Антанты. По этому поводу свои соображения, изложенные в специальных записках, высказали Неклюдов, бывший в то время царским посланником в Стокгольме, и Савинский, служивший в аппарате министерства. Первый считал, что для полной перемены фронта Болгарии необходимо взаимодействие армии, народа и царя. Касаясь последнего, Неклюдов отметил, что совершенно немыслимо ожидать желаемого поворота от личной решимости и от личного режима Фердинанда, и поэтому следует обдумать «изгнание или иной способ его устранения»[3].

Савинский также считал, что переговоры с болгарами были бы возможны и целесообразны после изгнания Фердинанда «путем внутренней революции». Он полагал, что России как монархической державе не следует принимать активного и явного участия в династическом перевороте.

[1] МОЭИ. Т. III. С. 187.
[2] Там же. Т. I. С. 364–367.
[3] АВПРИ. Ф. Политархив. 1915. Д. 5358. Л. 68.

inslav

«Нужно только, — писал он, — осторожно вселить в умы болгар, что не только лично король, но и вся его династия не внушают нам доверие». Кандидатура наследника Бориса отвергалась Савинским по причине его открытой симпатии к немцам и австрийцам и германофильской политике его отца. В случае обращения Фердинанда с манифестом к болгарскому народу, в котором он бы признавался, что вел политику с целью возвеличивания Болгарии, но ошибся в расчетах и посему удаляется в свои венгерские поместья, оставляя престол сыну (о наличии такого плана сообщали итальянские источники), по мнению Савинского, «неизбежно повторится история Милана и Александра, и Фердинанд явится опять, но в новой роли, злым гением Болгарии, а безвольный молодой король — его послушным орудием»[1].

В Петрограде полагали совершенно необходимым устранение Кобурга с болгарской политической арены, так как именно царь считался бесспорным и единственным виновником участия Болгарии в войне на стороне Центральных держав. Разница в мере вины царя и народа ясно подчеркивалась и в министерских инструкциях, получаемых в начале войны российским посланником в Софии, и в официальных обращениях императорского правительства в тот период.

Интересно, однако, отметить и определенное расхождение во взглядах царских дипломатов относительно степени ответственности самого болгарского народа и болгарских политических деятелей за все случившееся. По мнению Савинского, афоризм, что каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает, трудно применить в полной мере к «некультурному, забитому болгарскому народу, бывшему веками в рабстве. 35 лет не могли сделать из него политически зрелого организма, тем более, что ему была дана самая либеральная из всех европейских конституций — бельгийская, с которой болгарские политические деятели обращались, как дети с огнем. Винить народ за случившееся нельзя; даже строго осуждать короля трудно, так как он остается тем, чем родился, — немцем; винить нужно тех, кто с бесконечностью садил на болгарский престол немцев»[2].

Неклюдов же считал, что ничего не может быть ошибочнее, чем утверждение, что болгары, приученные 500-летним рабством к слепому повиновению, находятся всецело в руках своего владыки, который и направляет этих «природных рабов» куда захочет. Он считал, что болгарские политические деятели — без различия партий — являлись «верным отзвуком народных черт и народных вожделений», что степень их влияния на принятие решений монархом достигала большой силы, и поэтому нельзя говорить о том, что вся болгарская политика зависела и зависит исключительно от Фердинанда[3].

[1] Там же. Л. 15.
[2] Там же. Л. 13–14.
[3] Там же. Л. 67.

inslav

Весьма показателен еще один пассаж из «Записки по болгарскому вопросу» авторитетного в дипломатических кругах Савинского, в котором он высказал свою точку зрения на дальнейшее государственное устройство Болгарии. По его глубокому убеждению, восстановление монархии в Болгарии после изгнания Фердинанда было бы для России крайне невыгодно. «Всякий иностранный принц не только из ныне дружественных нам Домов, но даже из нашего Царствующего Дома, а тем более основатель национальной династии, сделавшись болгарским королем, будет неизбежно, силою вещей, стараться увеличить территорию и мощь своей новой страны, и чем ближе он будет к нам, тем нам будет труднее противиться его планам. Поэтому было бы практичнее всего способствовать будущему временному правительству превратиться в республиканское или федеральное. При страшной склонности болгар к политиканству такое правительство на многие годы занялось бы своими внутренними делами, и таким образом одна из наших задач на Балканах воспрепятствовать созданию слишком сильных государств была бы достигнута»[1].

Донесения российских дипломатов позволяют проследить сложный и длительный процесс формирования политической судьбы Фердинанда Кобургского, оказавшейся тесно связанной с решением национально-государственных задач, поставить вопрос о соотношении личности первого «царя болгар» и интересов болгарской нации. Привлеченные материалы позволяют признать, что сильный личностный момент, вносимый монархом в осуществление задач внешней политики Болгарии, не мог быть решающей причиной тяжелых неудач, постигших страну в 1913 г. и 1918 г. Конечно, личные свойства Кобурга, моменты эмоционально-психологического характера влияли на руководство им страной, но задачи этого руководства определялись не царем самим по себе, а сложившейся ситуацией, реалиями того времени. Фердинанду Кобургскому выпало править в кризисную эпоху, насыщенную политическими событиями и военными конфликтами, ему пришлось столкнуться с невиданной ранее активностью масс, резким усилением военной элиты и небывалым взрывом национальных чувств. В погоне за призраком «Великой Болгарии» он превратился из носителя «национальной идеи» в ее заложника и поплатился за это короной.

[1] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 5358. Л. 16.

inslav

Г. Д. Шкундин
Институт славяноведения РАН

ПОРТРЕТЫ БОЛГАРСКИХ ДИПЛОМАТОВ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДИМИТР РИЗОВ И СИМЕОН РАДЕВ

Около восьмидесяти лет назад один злоязычный болгарский острослов, неплохо знавший тогдашние балканские реалии, заявил с изрядной долей горечи: «На Балканах возможно все, но совершенно невообразимы три явления: греческая конница, румынский флот и болгарская дипломатия». Сказано хлестко, хотя сентенция явно сомнительна. В значительной степени она вызвана стереотипом, который именно тогда — после понесенных Болгарией сокрушительных поражений 1913 и 1918 гг. — начал укореняться в исторической памяти болгар.

И поныне на обывательском уровне существует мнение, что, обладая в ушедшем веке самой мощной армией на Балканах, Болгария, тем не менее, не смогла пожать плоды военных побед из-за того, что не имела, в отличие, например, от соседней Румынии, ни квалифицированной дипломатии, ни сильной внешнеполитической пропаганды[1]. Дескать, сначала правящая элита ввязалась в Балканские войны, не до конца подготовленные дипломатически, затем по наущению «непрофессиональных» дипломатов дважды вовлекла страну в мировые конфликты «не на той стороне». Тем не менее армия героически сражалась, но каждый раз болгарские представители на послевоенных конференциях якобы неумело отстаивали национально-государственные интересы своей страны, не могли убедить победителей в справедливости ее территориальных претензий и в результате неизменно упускали за столами, покрытыми зеленым сукном, все те приобретения, которых добились воины на полях кровавых сражений. По логике выходило, что неблагоприятными итогами войн, называемыми в болгарской историографии национальными катастрофами, и нерешенностью национального вопроса в том идеальном (сан-стефан-

[1] Среди иностранных политиков одним из первых это подметил лидер германской католической партии Центра М. Эрцбергер. Он отмечал: «В Балканской войне Болгария показала миру, что мало давать и выигрывать битвы — нужно завоевать для себя общественное мнение невоюющего мира» (См.: *Эрцбергер М.* Германия и Антанта. М., 1923. С. 13).

inslav

ском) виде, которого добивались несколько поколений, страна во многом «обязана» своим дипломатам.

В последние годы историки Болгарии сделали многое для того, чтобы, оставив в стороне вполне объяснимые эмоции, уйти от такого категоричного негативизма и восстановить подлинные страницы дипломатической истории страны. Общепризнано, что болгарская внешняя политика знала и длительный период восхождения — от освобождения от османского ига в 1878 г. до Балканских войн[1]. Удачные эпизоды случались и позднее, например, в 1940 г. Тогда болгарская дипломатия, воспользовавшись благоприятной международной конъюнктурой, сумела добиться бескровного и окончательного возвращения румынами Южной Добруджи. По окончании Второй мировой войны этот факт был признан всеми державами-победительницами, несмотря на то, что к тому времени Болгария уже имела статус побежденного государства.

Но в данной статье мы обращаемся к годам Первой мировой войны. Тогда Болгария, воевавшая в составе Четверного союза, потерпела поражение от антантовского блока, что юридически было зафиксировано в Нейиском мирном договоре 1919 г.

Говорят, что победителей не судят. А побежденных, как видно на болгарском примере, судят, и сурово! Виновники поражения в войне были преданы суду. Таким образом, драматизм ситуации на порядок превысил пределы, допустимые для каждого побежденного в войне государства. Конечно, судьбоносное решение о вступлении в войну на стороне Центральных держав принимали не дипломаты, а высшее политическое руководство в лице царя Фердинанда Кобургского и главы правительства «либеральной концентрации» В. Радославова, не выпускавшего из своих рук также портфель министра иностранных дел. Они же руководили и действиями Болгарии в коалиционной войне — Радославов до своей отставки в июне 1918 г., а царь до фиаско, которое последовало спустя еще три с половиной месяца.

Но и от дипломатических представителей за рубежом тоже кое-что зависело. Ведь они поставляли монарху и главе кабинета информацию, достоверность которой во многом влияла на эффективность принимавшихся внешнеполитических решений. В идеале они же должны были осуществлять и предварительную экспертизу данных решений. Не несут ли и эти дипломаты среднего ранга свою долю вины за национальную катастрофу 1918–1919 гг.? Для того чтобы посмотреть, как все обстояло в действительности, заглянем в галерею портретов болгарских дипломатов и перелистаем некоторые страницы дипломатической истории страны.

В этой галерее внимание наблюдателя неизбежно привлекут два самых колоритных, на наш взгляд, персонажа — Димитр Ризов и Симеон Радев. Первый до мая 1915 г. был болгарским представителем в Риме, а

[1] *Стателова Е., Попов Р., Танкова В.* История на българската дипломация 1879–1913. София, 1994.

inslav

затем занимал ключевой пост посланника в Берлине вплоть до своей смерти, последовавшей весной 1918 г. Второй же в 1913–1916 гг. представлял интересы своей страны в Бухаресте, а затем в течение непродолжительного времени руководил болгарской миссией в Швейцарии.

На первый взгляд, между этими двумя фигурами было мало общего. Слишком уж они различались по возрасту и по дипломатическому стажу. Ризову к началу мировой войны исполнилось 52 года, служба в Берлине была венцом его многолетней карьеры. Радев был на семнадцать лет моложе. Он представлял собой начинающего дипломата, который, впрочем, быстро набирался профессионального опыта.

Разнились их партийно-политические пристрастия. Ризов часто менял свои политические позиции и поэтому заслужил прозвище «человека сотни мнений». В молодости он отдал дань социализму, затем тяготел к либеральной партии и в октябре 1914 г. даже заявил ее лидеру Радославову о своем желании вступить в ряды либералов[1]. Радев же первоначально симпатизировал народно-либеральной партии (стамболовистов), даже считался одним из близких сподвижников ее лидера Н. Геннадиева, благодаря которому в 1913 г. был принят на дипломатическую службу[2]. Но вскоре он разочаровался в этой партии и отошел от нее, сохранив, впрочем, добрые личные отношения с Геннадиевым. Более того, именно под давлением последнего царь Фердинанд, не любивший Радева и за глаза называвший его «Симо-Иуда», согласился подписать указ о его назначении посланником в Бухаресте. Спустя полвека, вспоминая эти события, Радев признался, что принял это назначение, поскольку, по его словам, оставаясь в Болгарии, отойти от Геннадиева было невозможно[3].

Не во всем совпадали и внешнеполитические симпатии двух дипломатов. Ризова в молодости отличали русофильские взгляды. Он бывал в Ясной Поляне у Л. Н. Толстого, часто общался с М. Горьким[4] и другими выдающимися представителями русской культуры, с некоторыми политическими и общественными деятелями России, до мировой войны находился в хороших отношениях с русскими дипломатами. Например, прослуживший много лет на Балканах Ю. Я. Соловьев считал его убежденным русофилом и не изменил своего мнения даже после мировой войны[5]. Между тем с началом войны Ризов непоколебимо уверовал в непобедимость Германии и в то, что только в союзе с ней Болгария сможет осуществить свои национальные идеалы.

---

[1] ЦДА. Ф. 313. Оп. 1. А. е. 952. Л. 6–7.

[2] Сохранились письма Геннадиева, возглавлявшего тогда внешнеполитическое ведомство, царю. В них он дал Радеву блестящую характеристику. См.: ЦДА. Ф. 3. Оп. 8. А. е. 1213.

[3] Александър Балабанов, Симеон Радев в спомените на съвременниците си. София, 1983. С. 272, 471–472.

[4] См. подробнее: *Вильчинский В. П.* Д. Ризов и М. Горький // М. Горький и его современники. Л., 1968. С. 204–214.

[5] *Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата (1893–1922). М., 1959. С. 149.

inslav

Радев, напротив, всегда относился к России более чем сдержанно, заслужив у некоторых современников и позднейших историков репутацию крайнего русофоба[1]. По своей утонченности, изысканности, блестящему знанию основных западноевропейских (в первую очередь, французского) языков, по всему складу ума он больше походил на европейца, чем на выходца с Балкан. Ризов же всегда оставался балканцем. Он разговаривал на всех балканских языках, включая турецкий[2]. По словам неплохо знавшего его российского дипломата А. В. Неклюдова, «это был, без сомнения, интеллигентный и проницательный человек, получивший определенное культурное развитие; он знал, как ему адаптироваться в дипломатическом окружении, которое казалось столь неподходившим для бывшего бедного школьного учителя из Македонии»[3].

У этих двух дипломатов сложился разный имидж в историографии. Результаты деятельности Ризова исследователи оценивали, главным образом, отрицательно[4]. А объективно оценить Радева как дипломата трудно из-за несовершенства архивного законодательства Болгарии. Доступ к его дипломатическим мемуарам, находящимся в собственности Болгарской Академии Наук, разрешен только одному исследователю — его сыну д-ру Т. Радеву. Он же по своему усмотрению выборочно публикует отрывки из воспоминаний отца и старательно утверждает в историографии чрезвычайно положительную оценку его деятельности, подтвердить или опровергнуть которую другие исследователи не имеют возможности.

Но, несмотря на все перечисленные различия, между двумя персонажами было нечто общее, которое позволило нам рассмотреть их дипломатическую деятельность в рамках одной статьи. Во-первых, оба являлись не просто дипломатами, но также публицистами и журналистами. В годы великой войны каждый из них — в меру своих способностей и с разной долей успеха — пропагандировал болгарские национальные идеалы. А во-вторых, оба были выходцами из Македонии (Ризов — из Битоли, Радев — из Ресена). И вот эта боль за свою родину, за Македонию, страстное стремление навсегда воссоединить ее с «матерью-Болгарией» красной

[1] *Грънчаров С.* Някои проблеми на съвременната българска историография за международните отношения в епохата на капитализма // Методологически и историографски проблеми на историческа наука. София, 1983. Т. 3. С. 220.

[2] *Мюър Н.* Димитър Станчов. Патриот и космополит. София, 1991. С. 120.

[3] *Nekliudoff A.* Diplomatic Reminiscences Before and During the World War 1914–1917. L., 1920. P. 88.

[4] *Влахов Т.* Отношенията между България и Централните сили по време на войните 1912–1918 г. София, 1957. С. 176–178, 227; *Лалков М.* Балканската политика на Австро-Унгария (1914–1917 г.). София, 1983. С. 299; *Илчев И.* България и Антантата през Първата световна война. София, 1990. С. 49, 235–236; *Он же.* Родината ми — права или не! Външнополитическа пропаганда на балканските страни (1821–1923). София, 1996. С. 193, 269, 418, 478; *Марков Г.* Голямата война и българският ключ за европейския погреб. 1914–1916. София, 1995. С. 52, 160–161, 181.

inslav

нитью проходит через их дипломатическую корреспонденцию — и у экспансивного Ризова, не скрывавшего своих эмоций, и у более сдержанного Радева.

Попытаемся проследить, как вырабатывались и концентрировались тактические приемы болгарской дипломатии в годы Первой мировой войны.

Эта война с самого начала отличалась коалиционным характером. Поэтому главный вопрос, по которому должны были определиться все болгарские дипломаты в первый год мирового конфликта, звучал так: должна ли страна сохранить нейтралитет или воевать ради достижения своих национальных идеалов? Во втором случае неизбежно было присоединение к одной из двух враждовавших коалиций — Антанте или блоку Центральных держав.

Из всех болгарских дипломатических представителей в европейских столицах только Ризов в дни июльского кризиса 1914 г. безоговорочно советовал своему правительству вмешаться в войну на стороне Германии. Это целиком соответствовало внешнеполитическим планам Кобурга и Радославова. В условиях личного режима Фердинанда царь и правительство слышали из уст болгарских представителей за рубежом лишь то, что они хотели услышать. Но, как говорится, язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли. В Софии же опасались, что, болея душой за родную Македонию, не в меру словоохотливый Ризов раньше времени раскроет козыри, которыми располагала Болгария в большой дипломатической игре. Ризов — бывший комита[1], исходя из прежнего опыта полагал, что в Македонии могут произойти события, которые поставят Болгарию в трудное положение, несмотря на ее стремление остаться нейтральной. Поэтому Радославов 1 августа предписал ему: «Воздерживайтесь от излишнего македонствования. Будьте прежде всего болгарином и не забывайте, что интересы Болгарии требуют сохранения до конца строгого нейтралитета».

Но Ризов не привык, чтобы ему читали лекции по дипломатии. Спекулируя на близком родстве с Радославовым, он, в свою очередь, часто считал допустимым менторски поучать главу кабинета. В данном же случае он только отпарировал: «Прошу Вас не сомневаться в моей безусловной лояльности, а также и благоразумии. Мои македонские чувства я не делаю достоянием иностранцев. Однако думаю, что болгарские представители за рубежом должны быть не только репортерами, но и высказывать своему министру мнения, которые, разумеется, для того не являются обязательными». Ризов привел в пример глубоко почитаемого им Бисмарка, который любил выслушивать мнения своих дипломатов[2].

В принципе такой подход дипломата к исполнению своих обязанностей можно считать добросовестным. Ведь известно, что не в каждой из

[1] Комита — бунтовщик, борец за освобождение Болгарии в период османского ига.

[2] *Марков Г.* Указ. соч. С. 52.

inslav

сложившихся к тому времени дипломатических школ это приветствовалось. Например, у британских представителей за границей было принято воздерживаться от каких-либо личных комментариев перед собственным начальством. Они стремились «уйти» от выражения своего мнения по поводу текущих дипломатических проблем, дабы не брать на себя никакой ответственности, и тем самым превращались в «почетных почтальонов», более или менее аккуратно передававших по назначению полученную ими информацию[1]. Ризова, как видим, такой подход не устраивал. Но его ретивость не встретила понимания в Софии. «Министру незачем говорить академически», — написал Радославов на полях этой «извинительной» депеши Ризова.

Непоколебимую веру в непобедимость германской военной машины Ризов сохранил и после присоединения Болгарии к Центральному блоку, до конца жизни. В посланиях из Берлина, относящихся к 1917 и началу 1918 г., он не только умалчивал о назревавшем экономическом и политическом кризисе в Германии, но даже опровергал подобного рода данные, получаемые в Софии из других источников. Ризов самоуверенно предрекал: «Эта война может вызвать революцию повсеместно, но Германия будет последней страной, где революция может вспыхнуть». К его советам прислушивались в Софии, поскольку они ласкали слух царя, хотя Фердинанд относился к Ризову с нескрываемой иронией. На полях этой депеши Кобург начертал: «Наконец-то г-н Ризов изрек великую истину!»[2].

Ризов платил царю тем же. Он знал о нерасположении в Берлине к Кобургу и разжигал его. Приведем один пример. Весной 1916 г. после военного разгрома Сербии царь заявил о болгарских претензиях на Косово (Призрен, Приштину) и на часть территории Албании. Ризов же в беседе с австро-венгерским послом в Берлине князем Н. Гогенлоэ утверждал, что Болгария не имеет никаких претензий на албанские земли. По его словам, только «этот ненасытный Бурбон», т. е. царь, ослеплен желанием албанских территорий.

Ризов говорил также о «женской психологии» царя, который, по его словам, представлял для Болгарии наибольшую опасность. Он утверждал, что Радославов имеет те же мысли, что и он, Ризов, но боится энергично выступить против царя, ибо тот уже думает о том, как удалить от власти Радославова, ставшего для царя слишком крупной политической фигурой, и заменить его какой-либо безгласной личностью. Ризов обвинял Фердинанда в том, что при этом он заигрывал с людьми, которые совсем открыто поддерживали связи с Антантой, и что якобы имел чудовищное намерение поручить этим людям еще в ходе войны формирование правительства. Поэтому он выразил готовность, «как честно мыслящий болгарин», сделать все, чтобы помешать царю толкнуть страну в авантю-

[1] *Никольсон Г.* Дипломатия. М., 1941. С. 72.

[2] Дипломатически документи по участието на България в Европейската война. Т. 2. София, 1921 (далее — ДД). № 1156. С. 741–742.

inslav

ру, «для чего бы уже нашлось подходящее средство». Поскольку ранее Ризов был комитой и руководил вторжением болгарской четы в Македонию, последнее его замечание произвело тяжелое впечатление на Гогенлоэ, ибо выражение «подходящее средство» могло вполне подразумевать физическую ликвидацию царя.

По мнению Ризова, было бы хорошо, если бы Германия и Австро-Венгрия, несмотря на то, что в Болгарии есть много, по его словам, разумных людей, противостоящих ненасытности царя, в подходящий момент недвусмысленным и категоричным демаршем заявили болгарскому правительству, что оно должно быть счастливо тем, что получило границы, оговоренные в союзном болгарско-германском соглашении от 6 сентября 1915 г., и что в будущем нечего и просить области за пределами этих границ.

Докладывая 26 апреля об этом разговоре своему начальству в Вену, князь Гогенлоэ писал: «Г-н Ризов, по моему мнению, всем тем, что он сказал, выразил свое настоящее убеждение, хотя и способом, чересчур удивительным для посланника в отношении властителя его страны». Те же мысли Ризов высказал и руководителю германской дипломатии Г. фон Ягову, причем у последнего сложилось впечатление, что Ризов узнал, будто царь Фердинанд хочет отозвать его с должности посланника в Берлине и поэтому зол на него[1].

Таким был Димитр Ризов — всегда самоуверенный, наступательный, в той или иной степени позер. Свои давние повадки комиты он перенес и в дипломатию.

Сложнее обстояло дело с Радевым. Он хотя и разделял внешнеполитическую ориентацию царя и Радославова, все же с начала мировой войны придерживался мнения, что Болгарии не следует связывать себя договорами, а надо ждать развития событий и сохранять силы до конца. Во многих материалах, появившихся в Болгарии в 1999 г. к 120-летию со дня рождения Симеона Радева, подчеркивалась его дипломатическая прозорливость, помогавшая ему ориентироваться «в дебрях международных взаимоотношений. Он познавал в тонкостях капризы великих держав, маскарад интересов, где под образами херувимов скрывались хищники с налившимися кровью глазами и с разинутыми пастями. Он видел гораздо дальше современных ему болгарских государственных деятелей и поражался их близорукости, наивности, отсутствию у них творческой фантазии»[2]. В сентябре 1994 г. в беседе со мной д-р Т. Радев даже утверждал, будто его отец с самого начала войны знал, что ничем хорошим для Болгарии ее союз с Центральными державами не закончится, поэтому, дескать, и оставил дипломатическую службу в 1917 г.[3].

[1] *Avramovski Ž.* Ratni ciljevi Bugarske i Centralne sile. 1914–1918. Beograd, 1985. S. 246–247.

[2] Македония. 1999. 20 януари. № 3.

[3] Сам Радев в 1929 г. в беседе с журналистом Х. Брызицовым объяснял причины этой отставки желанием заняться исследованиями по истории Македонии и болгарского Возрождения. (См.: Александър Балабанов, Симеон Радев... С. 253.)

Inslav

Между тем анализ дипломатической корреспонденции, вышедшей из-под пера Радева в годы войны, свидетельствует о том, что в главном для Болгарии вопросе — определении стратегического, судьбоносного для страны выбора: с кем идти? — Радев тоже проявил политическую близорукость, подобно Радославову и Ризову.

Приведу адресованное главе правительства письмо Радева из Берна от 19 марта 1916 г.: «...Получил с бескрайним душевным удовлетворением телеграмму, в которой Вы были так добры мне сообщить, что довольны моей деятельностью в Бухаресте. Благодарю Вас за этот знак доверия, как и за поощрение, которое Вы мне даете по этому поводу. Прошу Вас быть уверенным, что как прежде, так и в будущем я приложу все свои старания для честного и разумного выполнения миссии, которую царь и Вы возложили на меня, еще такого молодого и неопытного. Я буду вечно гордиться тем, что смог быть на моем скромном участке деятельности одним из ратников торжествующей и дальновидной политики, которой сегодня следует Болгария»[1]. Комментарии, как говорится, излишни!

В частных же вопросах Радев, действительно, проявлял редкую для начинающего дипломата дальновидность. Например, по вопросу о том, на чьей стороне будет воевать Румыния. Уже в июне 1914 г., после констанцского свидания императора Николая II и румынского короля Кароля I, Радев, анализируя известные ему факты, был достаточно убедителен в своих рассуждениях и категоричен в оценке. Он полагал, что окончательная ориентация Румынии на Антанту это только вопрос времени и чуть более настойчивых действий российской дипломатии[2].

Но даже будучи уверенным в том, каким будет окончательный внешнеполитический выбор румынского правительства, Радев прилагал все усилия для того, чтобы как можно более оттянуть развитие событий в неблагоприятном для Болгарии направлении. В начале августа 1914 г. он, подобно другим иностранным дипломатам, перебрался из Бухареста поближе к Синае, летней резиденции Кароля. Там, в карпатском селе Буштень, его застало известие о начале европейской войны. Все напряженно ждали заседания коронного совета, который должен был определить поведение Румынии. Радославов посчитал данный момент подходящим для того, чтобы оказать давление на румынские правящие круги. По требованию правительств Германии и Австро-Венгрии он дал указание Радеву сообщить главе румынского правительства И. Брэтиану, что Болгария не останется нейтральной, если Румыния решит действовать против Центральных держав. В Берлине и в Вене были убеждены, что при такой декларации со стороны Болгарии румынский король получит поддержку в коронном совете, когда выступит против объявления войны Австро-Венгрии.

---

[1] ЦДА. Ф. 313. А. е. 926. Л. 3.

[2] *Стоименов Н.* Руско-румънските отношения през погледа на българския пълномощен министър в Букурещ Симеон Радев // Известия на Военноисторическото научно дружество. София, 1994. Т. 56. С. 193.

inslav

Но Радев медлил с объявлением требуемой декларации. Центральные державы уже находили опасным бездействие болгарского представителя в Бухаресте и подыскивали мотивы для того, чтобы потребовать от Софии его замены.

О дальнейшем развитии событий повествует П. Нейков, бывший тогда первым секретарем болгарской миссии в Румынии: «Симеон Радев поступил как политик, а не как чиновный бюрократ, и не исполнил предписание. Сразу по получении телеграммы (от Радославова. — *Г. Ш.*) мы взяли такси и поехали в Плоешти. Там, в комнате почтово-телеграфной станции, где в нашем распоряжении был один телеграфист, между Симеоном Радевым, находившимся на одном конце провода, и Радославовым на другом развернулся беспрецедентный спор в виде обмена телеграммами, которые я непрерывно шифровал и дешифрировал. Этот спор длился целых четыре часа, и наконец к десяти часам вечера Радославов отозвал свое предписание». Спустя много лет, уже сам будучи маститым дипломатом, Нейков задавался вопросом: «Кто другой из наших дипломатических представителей имел бы в подобный решительный момент не только политическое чутье, но и личную доблесть для того, чтобы проявить такое упорное сопротивление категоричному приказу своего начальства?». Симеон Радев не был профессиональным дипломатом. Этим обстоятельством, по мнению Нейкова, и объяснялось его поведение в данном эпизоде[1].

Радославов же записал в своем дневнике: «...Я сообщил Радеву требование Берлина и Вены, но Радев мне высказал некоторые аргументы в пользу откладывания такой декларации, тем более что она не произведет желаемого эффекта, а может иметь обратный, плохой эффект нам во вред. И таким образом, мы бы вынудили Румынию скорее перейти на сторону Тройственного согласия. Я согласился отложить это заявление»[2].

В период своего пребывания в Бухаресте Радев стремился отстаивать болгарские национально-государственные интересы, проводить самостоятельную политику, несмотря на давление со стороны германского и особенно австро-венгерского посланников. Они жаловались на Радева Радославову, обвиняли его в «перманентном русофильстве» (? — *Г. Ш.*), требовали его отзыва. В Вене не могли даже предположить, что зачастую Радев действовал по своей инициативе[3].

Племянник Геннадиева писатель И. Венедиков привел в своих воспоминаниях случай, рассказанный ему самим Радевым. В 1916 г. Фердинанд пригласил дипломата во дворец и спросил, вступят ли румыны в войну или останутся нейтральными. Радев якобы ответил царю: «Ваше Величество! Считайте, что они уже вступили». Тогда царь начал высказывать соображения в пользу того, что Румыния все же останется нейтральной, но Радев не изменил свою точку зрения. Наконец, Кобург раскрыл тайный смысл своего допроса. Оказывается, германский и австро-венгерский

[1] *Нейков П.* Спомени. София, 1990. С. 161.
[2] *Радославов В.* Дневни бележки 1914–1916. София, 1993. С. 65.
[3] *Лалков М.* Указ. соч. С. 123, 180.

inslav

императоры уверяли его в том, что румыны обещали сохранять нейтралитет до конца войны. В таком случае, по мнению Фердинанда, три болгарские дивизии, стоявшие на добруджанской границе, можно было бы перебросить на Салоникский фронт против войск Антанты. Но Радев продолжал упорно стоять на своем.

Через несколько месяцев после этой аудиенции Румыния вступила в войну на стороне антантовского блока. Радев совершил долгое и утомительное путешествие из Бухареста через Россию, Швецию и Германию в Софию. Вскоре после возвращения домой он был приглашен к царю на обед, во время которого Фердинанд показал ему берлинские и венские газеты. В них высказывалось недовольство деятельностью внешнеполитических ведомств Германии и Австро-Венгрии и их представителей в Бухаресте. Журналисты возмущались: почему маленькая Болгария сумела получить правильные и своевременные сведения о прекращении румынского нейтралитета, а две империи с давними дипломатическими традициями, с разветвленной сетью агентов не только в Румынии, а во всем мире, оказались обманутыми?

Таким образом, Симеон Радев продемонстрировал свое глубокое понимание внутренней ситуации в Румынии. Он был настолько убедителен, что Фердинанд выполнил его рекомендации, не послушавшись советов двух императоров. Это случалось с Кобургом крайне редко[1]. После этого эпизода царь пожаловал Радеву знаки Ордена св. Александра с мечами на шею. Столь высокое отличие являлось совершенно необычным знаком монаршей милости. Ранее лица, не состоявшие на военной службе, не имели права носить этот орден[2].

Но вернемся к Ризову. Были случаи, когда и он проявлял большую прозорливость, отстаивая болгарские национально-государственные интересы перед партнерами по Четверному союзу. К 11 декабря 1915 г. болгарская армия завершила операции против сербов в Вардарской Македонии и остановилась на сербско-греческой границе, не переходя ее. Это было сделано согласно пожеланиям германского командования, дабы не дать повод Греции примкнуть к Антанте, которая начала высадку своих войск в Салониках еще 5 октября. Немцы стремились оттянуть на Балканы с Западного фронта как можно больше британско-французских сил, «сковав» их болгарской армией. В то же время они понимали, что после военного разгрома Сербии остается мало шансов заставить болгар участвовать в военных действиях на других фронтах. Ведь оккупацией Вардарской Македонии Болгария добилась осуществления своей основной военно-политической цели, ради которой она вступила в европейский конфликт[3].

---

[1] *Венедиков И.* Спомени за Симеон Радев // Литературна мисъл, 1987. № 6. С. 92.

[2] АВПРИ. Ф. Отдел печати и осведомления. Оп. 478. Д. 353. Л. 227.

[3] *Фалькенгайн Э.* Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях. М., 1923. С. 169, 174–175, 178.

inslav

В депеше от 17 декабря 1915 г. Ризов поделился с Радославовым своими тревогами: «С тех пор, как наши войска остановились на греческой границе, для меня Салоники стали кошмаром потому, что я глубоко убежден, что если в самом скором времени не будут изгнаны англичане и французы из Салоник, нас может постичь страшная катастрофа. Английские, французские, итальянские и российские газеты все более осознают судьбоносное значение Салоник в этой войне»[1].

Ризов был убежден в том, что необходимо перенести наступательные операции на греческую территорию. «Коленопреклоненно, со слезами на глазах прошу Вас, — заклинал он царя, главу правительства и главное болгарское командование, — не соглашайтесь останавливать наши войска на греческой границе. Этого хотят иностранцы из-за своих интересов, но это означает создание нового фронта, который будет гибелью для Болгарии и для всего дела»[2]. Поистине пророческие слова! Как явствует из резолюции Фердинанда, он разделял это беспокойство Ризова. Но никаких конкретных дипломатических и военных действий не последовало. Салоникская экспедиция Антанты на протяжении трех лет оставалась угрожавшей Болгарии миной замедленного действия. Эта мина взорвалась в сентябре 1918 г. и похоронила все успехи, достигнутые болгарским оружием в 1915–1916 гг.

Ризов одним из первых болгарских дипломатов уяснил коалиционный характер европейской войны. Он понял раньше других, что победы болгарской армии, сами по себе важные, не могут привести к почетному миру, если не будут подкреплены успехами войск всего Четверного союза на основных фронтах, прежде всего на Западном. Именно этим отличалось участие Болгарии в Первой мировой войне от всех предшествовавших вооруженных конфликтов балканского, т. е. регионального характера.

Ризов проникся психологией большой войны. Поэтому в своих донесениях из Берлина он проецировал болгарские и балканские дела на общеевропейский уровень. Его интересовали и развитие внутриполитической ситуации в России, и отношения Британии с ее колониями и доминионами в годы войны. Ризову было «тесно» на Балканском полуострове, который как бы останавливал полет его мысли, сковывал его творческое воображение. Ему хотелось держать в руках нити мировой политики. Он был вполне искренне убежден, что успех Четверного союза будет обеспечен, если кайзер Вильгельм II прислушается к его рекомендации, кого лучше назначить канцлером Германии, а генерал Э. Людендорф по его совету выберет участок на Западном или Восточном фронте, где лучше нанести удар по врагу.

Он выражал свое мнение часто, шумно, по разным поводам, в большинстве случаев через телеграммы царю и главе кабинета, с целью, чтобы они сообщили эту точку зрения туда, куда следовало. По словам одно-

[1] ДД. № 173.

[2] Цит. по: *Тодоров П.* Политически образи. София, 1939. С. 69.

inslav

го из современников Ризова, тот «был склонен на самые крутые повороты уже усвоенной политической линии; он готов был разбить и свою собственную голову, если бы какой-то сильный авантюрист избрал его своим советником»[1].

Правоту этих слов подтвердила миссия Ризова в Скандинавии. За несколько недель до Февральской революции он посетил А. В. Неклюдова и К. Н. Гулькевича, российских посланников в нейтральных Швеции и Норвегии. Болгарин пытался склонить Россию к сепаратному миру с германским блоком. Хотя Ризов заявлял, что действует исключительно от своего имени, Антанте с самого начала было ясно, что за его спиной стояла Германия[2]. Догадка оказалась верной: канцлер Т. Бетман-Гольвег почему-то питал иллюзию, что Ризов пользуется влиянием в российских либеральных кругах, и с согласия Фердинанда избрал его для столь щекотливой миссии. Тот же принял предложение быть главным фигурантом в этой акции, даже не посчитав нужным предварительно уведомить о ней Радославова.

Российские дипломаты, давно знавшие Ризова, дали ему убийственную характеристику «совершенно неблагонадежного и способного на все политического интригана, в сравнении с коим сам Фердинанд может считаться образцом прямоты и политической честности»[3]. Тем не менее об этом странном визите были немедленно оповещены союзники России по Антанте. Глава МИД Италии С. Соннино, знавший Ризова по римскому периоду его деятельности, заявил, что он не встречал человека более фальшивого и что он не мог бы назвать ни одного его хорошего качества. Французский посол в Петрограде М. Палеолог квалифицировал Ризова как очень интеллигентного человека, но «хитрого бандита, способного на все». Его коллега в Риме К. Баррер утверждал, что ничего, кроме предательства, от Ризова ожидать нельзя[4].

Естественно, при таком отношении к эмиссару никакой доверительный обмен мнений с ним был невозможен, даже если бы, вопреки действительности, царизм в последние недели своего существования был склонен к сепаратному выходу из войны. Но, получив от российских дипломатов отрицательный ответ, Ризов не унывал. Как будто предчувствуя, какие кардинальные перемены скоро произойдут в Петрограде, он заявил Неклюдову, что надеется через два месяца возобновить свой шаг и найти более благоприятный прием[5].

---

[1] *Тодоров П.* Указ. соч. С. 66.

[2] L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la Première guerre mondiale. T. I. Des origines à la déclaration de la guerre sous-ma rine a outrance (aout 1914 — 31 janvier 1917). P., 1962. P. 522–524, 564, 569–571.

[3] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3806. Л. 14; Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 776. Л. 13об.; Константинополь и Проливы. Т. II. М., 1926. С. 384–385; *Nekliudoff A.* Op. cit. P. 88, 459–463.

[4] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3806. Л. 19–21, 25; *Илчев И.* България и Антантата... С. 235.

[5] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3806. Л. 35.

inslav

И действительно, он не заставил себя долго ждать. В марте 1917 г., узнав, что министром иностранных дел Временного правительства России стал давний болгарофил П. Н. Милюков, Ризов обратился с новым письмом к Гулькевичу, а затем 11 апреля встретился с ним в Христиании (Осло). Ризов рассчитывал на свое многолетнее знакомство с новым руководителем российской дипломатии и даже просил Гулькевича передать министру послание от него. Но Милюков, который за двадцать лет до этого дал Ризову рекомендательное письмо для Л. Н. Толстого[1], теперь инструктировал Гулькевича: «Вам следует избегать каких-либо письменных сношений с Ризовым, дабы не оставлять в руках этого ненадежного лица никаких документов»[2].

У Милюкова возник другой замысел. С порога отвергнув возможность сепаратного мира России с Четверным союзом, он решил не упускать случая и поручил Гулькевичу вступить в обмен мнениями с Ризовым на предмет перехода Болгарии в лагерь Антанты[3].

Беседа длилась более двух часов. Основной пафос разглагольствований Ризова сводился к доказательству выгодности мирного договора для судеб русской революции. Эту идею он выдвинул и в статье «Русская революция. Ее корни, надежды и будущее», опубликованной 4 апреля 1917 г. в газете «Берлинер тагеблатт». Здесь проводилась мысль о необходимости для России республиканского строя, Учредительного собрания и прекращения войны с Германией. В заключение предсказывалась будущая дружба русского и немецкого народов[4].

Однако для Гулькевича безрезультатность обмена мнениями с Ризовым вскоре стала явной. Иначе и не могло быть, поскольку слишком различались цели партнеров по переговорам. Ризов и стоявшая за ним Германия добивались сепаратного мира, но для России, а не для Болгарии, что подразумевал Милюков в стремлении продолжить войну с Германией.

Вся инициатива Ризова с самого начала несла на себе отпечаток авантюризма и несерьезности. У него не оказалось того качества, которое необходимо для человека, занявшегося так называемой «параллельной дипломатией»: он не умел расположить к себе партнера, внушить ему доверие. Радев же, напротив, этим свойством обладал в полной мере. Так, в сентябре 1915 г., когда уже проявилась его прогерманская внешнеполитическая ориентация, французский журналист М. Дюнан написал: «Это публицист неоспоримого таланта, написавший самую хорошую книгу, которую только европейцы читали о его стране (имелась в виду книга

---

[1] *Вильчинский В. П.* Димитр Ризов в России // Славянские литературные связи. Л., 1968. С. 253.

[2] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3806. Л. 46.

[3] См. подробнее: *Шкундин Г. Д.* Болгарское фиаско П. Н. Милюкова в 1917 г. // Новая и новейшая история, 1993. № 5. С. 197–209.

[4] *Risoff D.* Bulgarien und Russland // Flugschriften des Berliner Ta geblatt. H. II. Berlin, 1917. S. 57–58.

inslav

«Строители современной Болгарии». — *Г. Ш.*)... Г-н Радев, охотно декламировавший целые поэмы Виктора Гюго и Поля Верлена, является единственным среди балканских политиков, который может поддержать разговор об истории французской литературы и искусства»[1].

Поэтому, когда в марте 1917 г. Радев неожиданно покинул пост посланника в Берне, в дипломатических канцеляриях стран Антанты сразу же стали распространяться слухи (не оправдавшиеся), будто ему поручат миссию, аналогичную скандинавской миссии Ризова. И его имя вызывало у антантовских дипломатов гораздо большую симпатию, чем персона Ризова.

Последний же не успокоился. В мае 1917 г. он написал письмо М. Горькому, в котором в очередной раз предлагал заключение Россией сепаратного мира с Четверным союзом, опять мотивируя его необходимость интересами российской революции. Одновременно Ризов пытался убедить адресата в правоте принятого болгарским правительством решения воевать на стороне Германии[2]. Горький опубликовал это послание в газете «Новая жизнь», снабдив его нелицеприятным для Ризова комментарием. Тем самым он предал гласности все предыдущие контакты российских дипломатов с болгарином[3]. В петроградской печати поднялся шум, а любая гласность для «параллельной дипломатии» смертельна.

Так бесславно закончилась попытка Ризова взять на себя роль миротворца в российско-германских отношениях, хотя умер он, по словам Радославова, «с убеждением, что способствовал заключению мира между Россией и Центральными державами»[4]. В своей депеше Радославову из Берлина, датированной 17 ноября 1917 г., т. е. уже после октябрьских событий в Петрограде, Ризов писал: «С особенным личным удовлетворением констатирую, что в России уже восприняли два моих предложения — о перемирии и о созыве Учредительного собрания, — предложения, которые я сделал в столь раскритикованном письме к Максиму Горькому. Не сомневаюсь, что они восторжествуют, поскольку русский народ и русская революция неотложно нуждаются в мире, порядке и земле»[5].

После подписания Брестского мира с Советской Россией у Радославова возникла идея направить Ризова в Москву во главе временной болгарской миссии. «Таким образом, он и будет устранен из Берлина, и будет более полезен», — мотивировал глава кабинета свое решение в послании к царю 11 апреля 1918 г.[6]. Как видим, обоих стала раздражать чрезмер-

[1] *Дюнан М.* Българското лято. Юли 1915 — октомври 1915. София, 1993. С. 223–224.

[2] *Митев Й.* Едно писмо на Димитър Ризов до Максим Горки от 1917 г. // Известия на Военно-историческото научно дружество. София, 1980. Т. 30. С. 136–142.

[3] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3806. Л. 84; Ф. Отдел печати и осведомления. Оп. 477. Д. 377. Л. 12; Новая жизнь, 1917. № 26. 18(31) мая.

[4] *Радославов В.* България и световната криза. София, 1993. С. 189.

[5] ДД. № 1373. С. 862.

[6] ЦДА. Отделение «Чуждестранни архиви». КМФ-19. Инв. бр. 714/6. Л. 36.

inslav

ная услужливость Ризова в отношении германских правящих кругов. Ризов же ничего не подозревал об этом. Полагая, что его московская миссия не продлится долго, он не хотел оставлять пост посланника в Берлине. Ризов опасался, что он окажется, по его собственным словам, в положении «полномочного министра без епархии», а его семья останется на улице[1]. Скоропостижная кончина Димитра Ризова положила конец всем интригам вокруг него и его имени.

Ризова и Радева сближало то, что в годы войны они оба иногда выдвигали проекты, явно расходившиеся с планами Фердинанда и Радославова. Так, в конце 1916 г. в Четверном союзе оживленно обсуждалась будущая судьба т. н. «остаточной» Сербии, т. е. сербских территорий, оставшихся после аннексии болгарами Вардарской Македонии и Поморавья. Кобург и Радославов больше всего желали элиминирования Сербии, стремились к тому, чтобы само это название исчезло с географической карты, а династия Карагеоргиевичей ушла в небытие. Они выдвинули план присоединения «остаточной» Сербии к Черногории[2].

В такой ситуации главу болгарского правительства беспокоило поведение Ризова. Радославов признался германскому посланнику, что Ризов, вопреки инструкциям, воодушевлен идеей обновления сербского государства. Глава кабинета предупредил, что послания по сербскому вопросу он будет направлять лично Бетман-Гольвегу, ибо не уверен, что Ризов правильно интерпретирует точку зрения своего правительства[3].

Радев также выступил с идеей восстановления сербского государства, пусть даже уменьшенного и ослабленного. Он полагал, что такой вариант был бы для Болгарии выгоднее, чем раздел сербских земель с Австро-Венгрией. Посланник исходил из мысли, что во втором случае сербы, оставшиеся в Болгарии, неизменно стремились бы к объединению с единоплеменниками в рамках Австро-Венгрии. Это стало бы причиной постоянного антагонизма между дуалистической империей и Болгарией. Радев осознавал непопулярность такой точки зрения у себя на родине, но полагал, что в определенный момент Фердинанд, Радославов и германское общественное мнение вынуждены будут примириться с восстановлением независимой Сербии, тем более что этого, скорее всего, потребует Россия в качестве условия заключения мира[4].

В годы войны Радев и Ризов придавали большое значение пропаганде в Европе болгарских военно-политических целей. Радев еще в начале XX в. предлагал создать в Париже специальную информационную службу, которая бы знакомила европейское общественное мнение с македонской проблемой[5]. Такую деятельность он развил в Берне в конце 1916 —

[1] *Панайотов П.* Българо-съветски отношения и връзки (1917–1923). София, 1982. С. 68.

[2] *Avramovski Ž.* Op. cit. P. 270.

[3] Ibid. P. 271.

[4] Ibidem.

[5] *Илчев И.* Родината ми... С. 127.

inslav

начале 1917 г.[1]. Радев полагал, что во внешней пропаганде всегда необходимо придерживаться умеренности и толерантности[2]. Он так умело и изящно защищал болгарские интересы в швейцарской прессе, что его оппонент Э. Стайку, пропагандировавший там же шаги румынской внешней политики, говоря о Радеве, подчеркивал, что в Болгарии «разбой является либеральной профессией»[3].

Совсем других принципов придерживался во внешнеполитической пропаганде Димитр Ризов. В 1917 г. совместно с братом Николой он издал атлас «Болгары в их исторических, этнографических и политических границах» на английском, французском и немецком языках[4]. Книга предназначалась для защиты болгарских интересов на будущей мирной конференции. Ризов осуществил свою идею без использования финансовой помощи болгарского правительства, при его неодобрительном молчании. Когда же атлас был опубликован, эксперты указали на очевидные недостатки этого издания Радославову. Тот понял, что атлас может быть использован противниками Болгарии, поскольку в него были включены карты, ясно показывающие, что страна претендует, помимо прочего, и на территории, никогда не принадлежавшие ей и на которых нет значительного болгарского населения. Глава кабинета направил специальное письмо болгарским представителям за границей со следующей резолюцией: «Атлас является частным делом Ризова. Правительство не согласно с ним»[5].

Опасения Радославова оправдались уже после смерти Ризова. Накануне и во время Парижской мирной конференции 1919 г. в своей борьбе за Фракию греческие пропагандисты часто ссылались на атлас Ризова, дабы доказать, что никогда в своей истории, за редким исключением, Болгария не имела выхода к Эгейскому морю, на который она стала претендовать после Балканских войн. Греческий посланник в Берне А. Александри составил в 1918 г. брошюру-ответ Ризову под названием «Балканы и болгарские претензии на балканскую гегемонию»[6]. Уже в 1920 г. крестьянский лидер А. Стамболийский, ставший к тому времени главой правительства, в сердцах признался: «Покойный Ризов своим пустым атласом нанес больше вреда, чем какая бы то ни было другая книга. Он украл у нас Эгейскую Фракию»[7]. Хотя премьер явно сгустил краски, все же эта своеобразная оценка являлась лишним доказательством того, что эффективность пропагандистских усилий Ризова была обратна ожидаемой.

[1] См. подробнее там же. С. 165–166, 274, 316.

[2] Там же. С. 411.

[3] Там же. С. 433.

[4] Die Bulgaren in ihren historischen, ethnographischen und politischen Grenzen. (Atlas mit 40 Landkarten). Berlin, 1917.

[5] ЦДА. Ф. 176. Оп. 3. А. е. 612. Л. 8.

[6] Les Balkans et les prétentions bulgares a l'hégémonie balkanique. Réponse au ministre de Bulgarie à Berlin, M. Rizoff par le ministre de Grèce à Berne M. A. Alexandri. Lausanne, 1918.

[7] *Илчев И.* Родината ми... С. 478.

inslav

Личные взаимоотношения Ризова и Радева не всегда складывались гладко. В 1913 г. во время Бухарестской мирной конференции Ризов, узнав о предполагаемых условиях мирного договора, направил из Рима Радеву, члену болгарской делегации, гневную телеграмму: «Неужели ты, македонец, подпишешься под установлением нового рабства для Македонии?». Радев ответил довольно резко. Позднее в мемуарах он написал: «Ризов, македонец, мог мне телеграфировать, но не с укором, а с состраданием, что этот долг падает на меня»[1]. В годы мировой войны два дипломата много размышляли о судьбе многострадальной Македонии, обменивались мыслями. Их отношения сгладились. В 1917 г. Ризов прислал земляку свой атлас с надписью: «Любимому сыну Македонии и моему другу Симеону Радеву»[2].

Во время войны оба дипломата, независимо друг от друга, высказывали некоторые ценные мысли, например, призывали отделить позицию Италии по болгарскому вопросу от позиции ее союзников по Антанте[3]. Такая идея содержала рациональное зерно. Ведь между Италией и Болгарией до войны не существовало никаких серьезных противоречий, никаких проблем, которые имели бы исторические корни и тяжелым грузом давили на выработку их внешнеполитических курсов. По ряду причин Консульта[4] была заинтересована в сохранении после войны сильной Болгарии, особенно через призму противоречий Италии с Сербией и Грецией.

Но, к сожалению, эта идея не была востребована кабинетом Радославова. А зря! Ведь именно Италия могла стать для болгар своеобразным троянским конем, с помощью которого при желании удалось бы «проникнуть» в лагерь Антанты и завязать предметный разговор о сепаратном выходе Болгарии из мировой бойни. Это могло повлиять на исход войны для болгар. И кто знает, может быть, не пришлось бы тогда Симеону Радеву в конце сентября 1918 г. при весьма печальных обстоятельствах — прорыв Салоникского фронта армиями Антанты (осуществление ризовского пророчества!), восстание отступавших болгарских солдат и их поход на Софию — снова возвращаться на дипломатическую службу.

Радеву предстояло выполнить ответственную, но неприятную миссию — он был прикомандирован в качестве эксперта к делегации, которая должна была заключить с представителями победившей Антанты соглашение о перемирии, а фактически о капитуляции болгарской армии. В Салониках ему пришлось пережить горькие минуты, когда командующий войсками Союзников французский генерал Л. Франше д'Эспере специально приурочил к ключевому моменту переговоров с болгарами сообще-

[1] *Радев С.* Конференцията в Букурещ и Букурещкият мир от 1913 г. София, 1992. С. 66.

[2] Там же. С. 137.

[3] ЦДА. Ф. 176. Оп. 3. А. е. 468. Л. 59; А. е. 615. Л. 41; *Salandra A.* Souvenirs de 1914–1915. La neutralité italienne et l'intervention. P., 1932. P. 95–96.

[4] Консульта — министерство иностранных дел Италии.

inslav

ние о том, что город Ресен в Македонии, «малая родина» главы делегации А. Ляпчева и его родственника и протеже Радева, занят индокитайскими отрядами французской армии и находится в их полной власти. По словам Ляпчева, поначалу Франше д'Эспере проявлял к Радеву особенную неприязнь, очевидно, по наущению сербских представителей при его штабе. Однако вскоре дело поправилось, и переговоры пошли нормально, чему способствовало совершенство Радева во французском языке[1].

Французы представили проект соглашения о перемирии и с видимой готовностью предложили болгарской делегации представить свой контрпроект к следующему заседанию. За время перерыва Симеон Радев его подготовил. Но здесь болгар ожидал новый неприятный сюрприз. Прежде чем приступить к рассмотрению радевского текста, Франше д'Эспере и начальник его штаба генерал Ш. Шарпи предложили свой второй проект соглашения, в котором явственно ощущалось влияние притязаний со стороны Греции. В частности, был добавлен пункт об оккупации Струмицы греческой армией. Объяснялось все довольно просто. Оказывается, в перерыве между заседаниями в штаб антантовских войск прибыл глава греческого правительства Э. Венизелос, который и подверг французских генералов соответствующей антиболгарской «обработке».

Изменилась и общая атмосфера на переговорах. Французы стали более нетерпимы к болгарским аргументам. Ляпчев резко протестовал против вмешательства посторонних факторов в ход переговоров. Французский командующий, зная о мощном солдатском восстании и революционном кризисе в Болгарии, поставил под сомнение полномочия Ляпчева: «Мы не знаем, что происходит возле Софии. Может быть, Вы уже не министр». В этот критический момент Франше д'Эспере и Шарпи вышли в соседнюю комнату. Радев пошел за ними и сумел повлиять на то, чтобы злополучный пункт о Струмице был удален из проекта соглашения. Вскоре все трое вышли к Ляпчеву. Еще в дверях Франше д'Эспере начал со слов: «Франция великодушна... Струмица остается в ваших руках...»[2]. Во французский проект соглашения о перемирии внесли кое-какие изменения, предложенные в контрпроекте Радева. С подписанием 29 сентября 1918 г. Салоникского перемирия мировая война для Болгарии закончилась.

По возвращении в Софию Ляпчев доложил Фердинанду, которому оставалось пребывать на троне считанные дни, что заслуга в оставлении Струмицы за Болгарией принадлежит Радеву. Но и последний не мог совершить невозможного. Салоникское перемирие стало прологом Нейского мирного договора 1919 г., отрезавшего от Болгарии не только Струмицу, но и бóльшую часть македонской земли, которая была столь дорога сердцам Радева и умершего к тому времени Ризова[3].

---

[1] Абдикацията на цар Фердинанд. Документи, спомени, факти. София, 1993. С. 49.

[2] Там же. С. 23, 51.

[3] См. подробнее: *Шкундин Г. Д.* Салоникское перемирие как пролог мирного договора с Болгарией // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 53–85.

inslav

Оба они были личностями интересными и неординарными. Будучи выходцами с Балкан и неся на себе «родимые пятна» балканской ментальности, оба (каждый по-своему и с разной долей успеха) стремились стать европейцами. От большинства остальных представителей болгарского дипломатического корпуса они отличались самостоятельностью, независимостью во взглядах, широтой суждений. Жизнь и деятельность каждого из них заслуживают того, чтобы стать предметом специального изучения. Единственное, от чего хотелось бы предостеречь будущих исследователей, это от однозначности и категоричности оценок этих неординарных исторических персонажей.

inslav

Т. Ф. Маковецкая
Институт славяноведения РАН

БОЛГАРИЯ: КОНЕЦ 1918 — НАЧАЛО 1920 ГГ. ОБЛИК ВЛАСТИ

Итоги Первой мировой войны оказались фатальными для Болгарии. Они буквально перевернули складывавшийся в течение предшествующих почти сорока лет уклад жизни страны. Более того, последствия участия Болгарии в этой войне, несомненно, затормозили непростое, но, бесспорно, поступательное ее продвижение в направлении консолидации собственной государственности. И если после поражения во второй балканской войне страна находилась в состоянии активного поиска путей для выхода из неблагоприятной ситуации (что и привело ее в Четверной союз), то рассматриваемый период с полным правом можно охарактеризовать как состояние растерянности и шока.

Применительно к истории Болгарии рубежа 10–20-х годов XX в. марксистской историографией было предложено и укоренилось на десятилетия определение «революционная ситуация»[1]. Если исходить из существа событий, заполнивших этот отрезок времени, то упомянутый термин вряд ли может быть отброшен категорически и безусловно. Однако он слишком вмонтировался в марксистскую схему, узаконивавшуюся для подхода к рассматриваемым явлениям. В результате современный автор оказывается перед необходимостью освободиться от жесткой заданности в выборе методики исследования и неизбежно сопровождающей ее предопределенности в отборе фактов и, соответственно, вытекающей из последнего весьма ограниченной возможности для полноценного анализа существа избранного объекта изучения.

Исходя из исключительной значимости для страны последствий событий названного периода, степени драматизма их развития, представляется более уместным и правомерным пользоваться определением «смутное время». Встав на очень ответственный для исследователя путь демон-

[1] Наиболее полное обоснование это определение получило в двух монографических исследованиях, представлявших, соответственно, болгарскую и советскую исторические школы: *Христов Х.* Революционната криза в България.1918–1919 г. София, 1957; *Бирман М. А.* Революционная ситуация в Болгарии в 1918–1919 гг. М., 1957.

inslav

тажа стереотипов, применительно к избранной теме было бы правомерно поставить вопрос о расширении хронологии охвата этого понятия. Основанием к тому может стать оценка установившегося в 1920 г. режима Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) с точки зрения его легитимности. Речь идет о соответствии основных параметров режима нормам действовавшей Тырновской конституции. Это специальная тема, к которой мы уже обращались[1]. В данном случае представляется целесообразным сконцентрировать внимание на обозначенном в названии настоящей статьи периоде. По силе резонанса в жизни Болгарии он с полным правом может быть поставлен в один ряд с т. н. «режимом полномочий» (1881–1883 гг.), с событиями, связанными с отречением князя Александра I Баттенбергского от престола (1886 г.), а также с пребыванием у власти премьера С. Стамболова (1887–1894 гг.).

С лета 1918 г., когда антивоенные выступления в болгарской армии и в тылу приобретали невиданный ранее размах и национальная катастрофа — поражение страны в Первой мировой войне в составе Центрального блока — надвигалась все неотвратимее и очевиднее, определение «германофильство» в плане негативной оценки деятельности представителей высшего эшелона власти становилось все более востребованным в обществе, оно на длительный срок приобретало универсальное значение.

Находившиеся у власти в годы войны партии т. н. «либеральной концентрации» (Либеральная, Младо-либеральная и Народно-либеральная) безоговорочно подпадали под такое определение и в результате оказались сметенными с политической сцены столь стремительным развитием событий. Они навсегда утрачивали свою прежнюю значимость и весомость, насколько подобные понятия уместны применительно к политической жизни Болгарии всего предшествующего периода. Либералы[2] исключались из ряда сменявших друг друга у власти партий, а их лидеры, начиная с бывшего премьера В. Радославова, неизбежно попадали в разряд «виновников национальной катастрофы». Тем самым ощутимо обеднялась болгарская политическая палитра.

Однако более знаковым для будущего страны стало достаточно неожиданное решение судьбы ее монарха — царя Фердинанда, роль которого являлась стержневой в консолидации национальной государственности, всего лишь десятилетие назад восстановленной в полноценном вари-

[1] В сентябре 1999 г. на организованной в Институте славяноведения РАН конференции «Конституционализм на Балканах. XIX–XX вв. К 120-летию Тырновской конституции» автором был сделан доклад «Земледельческий режим и Тырновская конституция. 1920–1923. Вынужденное сосуществование». В нем речь шла о том, что в годы правления крестьянская партия в своих наиболее принципиальных проявлениях вступала в противоречие с основными положениями действовавшей конституции.

[2] В тексте настоящей статьи упоминание либералов, демократов, народняков, прогрессистов, радикалов не несет на себе оценочной нагрузки, а лишь отражает принадлежность политиков к той или иной болгарской партии.

inslav

анте независимого Царства Болгария. Будучи носителем разделявшейся подавляющим большинством болгар идеи Великой, а по сути Сан-Стефанской Болгарии, Фердинанд во многом определял поиск путей для достижения этой цели особой общенациональной значимости.

Выбор одного из таких путей в октябре 1915 г. оказался фатальным, что дало Антанте основания через три года (в конце сентября 1918 г.) в ходе заключения Салоникского перемирия поставить перед болгарскими представителями вопрос о нежелательности пребывания Фердинанда на престоле[1]. Будучи опытным и изощренным политиком и государственником, способным адекватно оценивать ситуацию, Фердинанд в течение нескольких дней проанализировал свои возможности и в конечном счете 3 октября 1918 г. уступил трон старшему сыну Борису.

Вместе с Фердинандом должна была уйти в историю и сложившаяся за годы более чем тридцатилетнего правления этого монарха персонифицированная им система власти, получившая в литературе, как представляется, весьма абсолютизированное исследователями (не говоря уже о политиках) определение «режим личной власти».

Важно особо отметить, что в ходе усиливавшейся кампании по отмежеванию от германофилов поток критики в адрес экс-монарха был более сдержанным. Лидеры антантофильских партий — Демократической (ДН) и Народной (НП), памятуя о своем поочередном участии в управлении страной вместе с Фердинандом, в известной мере демонстрировали приверженность этическим нормам и воздерживались от чрезмерно демонстративного дистанцирования от него. В итоге обличительная волна в полной мере обрушилась прежде всего на руководство либеральных партий, а Фединанд оставался мишенью для, главным образом, левой части болгарского политического спектра.

Борис III наследовал, на первый взгляд, лишь прерогативы, гарантировавшиеся болгарскому монарху весьма либеральной Тырновской конституцией. Однако утверждать это можно с элементом условности, учитывая в первую очередь стереотип поведения, сложившийся в среде болгарской политической элиты, отмеченный выраженным пиететом по отношению к монарху. Тем более нет достаточных оснований для однозначно пессимистической оценки положения Бориса как весьма ущемленного или даже ущербного по сравнению с положением его предшественника, для восприятия перспектив только что вступившего на престол царя как маргинального придатка стремительно и в новом ключе обновлявшейся власти. Борис в глазах внешнего мира начинал как бы с чистого листа. В поверженной Болгарии с этим фактом связывались надежды на смягчение условий будущего мирного договора с победителями.

В сложной ситуации, обусловленной усилением внутренней нестабильности, а также уязвленностью и неопределенностью внешнеполити-

[1] См.: *Бирман М. А.* Революционная ситуация... С. 159.

inslav

ческого положения страны, новый монарх должен был действовать быстро, но вместе с тем обдуманно и осторожно. Он был обречен искать себе опору в лице опытного и авторитетного премьер-министра, способного предложить пути для выхода из создавшегося положения. Именно на исполнительной власти, на правительстве надлежало сделать особый акцент уже в силу того, что парламент в лице XVII Обыкновенного народного собрания (ОНС) по составу представлял собой большинство скомпрометировавших себя в общенациональном масштабе либеральных партий, к тому же срок его полномочий давно истек. Он все больше воспринимался в обществе как политический анахронизм.

Выбор Бориса остановился на прежнем премьере А. Малинове, возможностям которого как политика государственного масштаба воздавал должное еще Фердинанд, в 1908 г. безошибочно увидевший в нем наиболее достойного партнера в сложной борьбе с внешним миром за демонтаж Берлинской системы[1] — придание Болгарии статуса независимого государства. Малинов принадлежал к достаточно узкому кругу образованных и респектабельных болгарских политиков. За ним стояла наиболее стабильная и многочисленная до Первой мировой войны партия, которая своими корнями восходила к Либеральной партии П. Каравелова и П. Славейкова. Объявив задачей нового правительства «успокоить возмущенную общественную совесть» и стабилизировать «государственно-конституционный режим»[2], Малинов в середине октября 1918 г. привел с собой на ключевые посты в нем соратников — цвет ДП, по преимуществу членов ее руководства, уже имевших опыт управления министерствами. Наиболее значительной фигурой среди этих политиков был европейски образованный, проявивший себя как незаурядный дипломат А. Ляпчев, в активе которого в том числе значились судьбоносные для страны переговоры в 1908–1909 гг. по международному признанию ее независимости, а также недавнее участие в заключении Салоникского перемирия, подписанного 29 сентября 1918 г. Демократы М. Такев, А. Ляпчев и Н. Мушанов возглавили, соответственно, министерства внутренних дел, финансов, путей сообщения и средств связи; кроме того, в ведении ДП временно находилось министерство земледелия, которое планировалось передать БЗНС.

Внешнеполитический аспект деятельности правительства должен был обеспечиваться Т. Теодоровым, представителем руководства второй по численности партии — НП, во время войны так же, как и ДП, объявившей себя сторонницей Антанты. С таким подбором состава этой части правительства, по сути, его бо̀льшинства, связывалась надежда на возможность расположить к Болгарии державы-победительницы.

[1] Речь идет о заключенном между «Европейским концертом» и Турцией 1 июля 1878 г. Берлинском договоре, который узаконивал и одновременно рядом своих позиций ущемлял болгарскую национальную государственность.

[2] Стенографски дневници на XVII Обикновено народно събрание. IV извънредна сесия. София, 1931. С. 16.

inslav

Однако весьма знаковым для страны, особенно важным для ее внутренних устоев в облике новой команды было другое — четыре министерских портфеля оказались предназначенными представителям т. н. «левых» партий — БЗНС, Болгарской рабочей социал-демократической партии (объединенной) (БРСДП (о)) и Радикально-демократической партии (РДП). Они, за исключением радикалов, впервые вступали на болгарский политический «Олимп». Не будучи до войны ни многочисленными, ни особенно влиятельными, в накаленной ситуации последних месяцев 1918 г. эти партии явно приобретали весомость и значимость.

Программа правительства «широкой коалиции» была ориентирована на все слои населения побежденной страны, которой пришлось в ходе войны пережить сверхмобилизацию людских и материальных ресурсов. Реакция на такую программу в обществе была преимущественно положительной. В ходе парламентских дебатов содержание этого документа анализировалось весьма тщательно и оценивалось главным образом со знаком «плюс». Было очевидно, что в обществе правительству отводилась роль стабилизирующего начала и той организующей и ответственной силы, которая способна восполнить дефицит власти и привести страну от перемирия к миру с возможно минимальными издержками.

Выражая весьма распространенное в парламенте, да и в обществе в целом мнение относительно облика новой власти, лидер не участвовавшей в кабинете т. н. «буржуазной» Прогрессивно-либеральной партии (ПЛП) С. Данев определял ее как феномен. Он считал целесообразным для Болгарии ввести практику формирования кабинетов «широкой коалиции»[1]. Более того, глава прогрессистов оптимистически утверждал, что подобный кабинет, созданный после вступления на престол нового царя, означает «наступление новой эры» в управлении страной. С. Данев предрекал этому кабинету существование, по крайней мере, до заключения мирного договора о победителями[2].

Однако та часть общества, которая питала столь оптимистичные надежды, очень скоро должна была пережить разочарование. Потеря Южной Добруджи, остававшейся в составе Болгарии после заключения Салоникского перемирия, и передача ее Антантой Румынии заставили А. Малинова в день получения извещения об этом (19 ноября 1918 г.) подать в отставку. Для ДП сразу же приобретало подчеркнуто негативное значение пребывание Малинова на посту главы предшествующего кабинета — с июня 1918 г., когда страна оставалась в составе прежней коалиции. Теперь всячески игнорировалось то обстоятельство, что тогда предпринимались отчаянные попытки найти пути для выхода из войны.

Новое правительство «широкой коалиции» (сформировано 28 ноября 1918 г.), возглавленное теперь уже Т. Теодоровым, по сути, принимало эстафету — обязательства выполнить задачи предшественника, развер-

[1] Стенографски дневници... С. 118, 119.
[2] Там же. С. 119.

inslav

нув или дополнив их наиболее настойчиво предлагавшимся «левыми» набором мер общегражданской или социальной направленности, главным образом, касавшихся узаконения широкой амнистии за преступления военного или политического характера, а также упорядочения отношения к ряду форм собственности и капитала, нажитых во время войны (изъятия в пользу государства сверхприбылей, а также незаконно полученного имущества), и других[1].

Соотношение же мест в новом правительстве (6:4) было уже явно в пользу «левых» партий, хотя тем достались далеко не ключевые министерства. Становилось очевидным, что власть утрачивала свою преимущественно демократическую окраску, т. е. ДП, в силу столь неблагоприятного для нее развития событий, оказывалась несостоявшейся политической доминантой. Правда, не так легко было отказаться от накопленного ею политического багажа — опыта участия в государственном управлении. За ДП оставались два важнейших министерства — внутренних дел и военное, возглавленные соответственно Мушановым и Ляпчевым, чей интеллектуальный потенциал все еще оставался остро востребованным.

Но не менее знаменательным был другой факт: в число «левых» министров, где большинство составляли представители БЗНС, должен был войти лидер наиболее радикальной его части А. Стамболийский. Совсем недавно (в конце сентября 1918 г.) он публично скомпрометировал себя тем, что, будучи включенным в состав делегации представителей политических партий по умиротворению восставших солдат, провозгласивших республику, неожиданно принял сторону повстанцев, а затем быстро покинул их и перешел на нелегальное положение. Среди «правых» в правительстве в качестве министра финансов оказался С. Данев.

Таким образом, можно говорить, что в сохранявшейся экстремальной ситуации в стране открыто перечеркивались вырабатывавшиеся десятилетиями нормы допустимого в политике и формировались новые представления об этом. В сложившихся условиях позволительным становился болезненный эксперимент над общественным достоинством, когда ненужным оказалось соблюдение внешних приличий, а отбор кандидатур во власть осуществлялся исходя исключительно из принципа возможности и целесообразности, с позиций жесткого прагматизма, издержки следования которому списывались на чрезвычайные обстоятельства.

«Левые» безошибочно уловили признаки новой тенденции — нарастания их общественной значимости, еще совсем недавно несвойственной политической жизни Болгарии. Лидеры этих партий не имели опыта пребывания на государственных постах, за исключением радикалов С. Костуркова и Й. Фаденхехта, которые, участвуя в правительствах в коалиции с демократами, по существу оставались бледной тенью последних. В итоге «левые» политики оказались перед острой потребностью координации своих усилий. В ноябре 1918 г. они объявили о создании комитета «Левого блока». Однако непомерные амбиции участников этого, главным об-

[1] Там же. С. 233.

inslav

разом, номинального объединения, значительно превосходившие реальный политический вес каждого из партнеров, отсрочили реальные шаги Блока до февраля следующего года.

Со временем становилось очевиднее, что атмосфера всеобщего недовольства в стране демонстрировала явную потребность общества все больше дистанцироваться от своего недавнего прошлого, связанного с войной, а также справиться с вызванными ею непосильными издержками как морального, так и материального плана. Выдвинутая правительствами А. Малинова, а затем Т. Теодорова задача «умиротворить страну» оказалась чрезвычайно сложной для решения и прежде всего в силу весьма ущербной материальной базы исполнительной власти. Не сработало должным образом в этом направлении и инициированное правительством Теодорова принятие XVII ОНС закона о широкой амнистии в конце 1918 г.

В подавляющей своей части уставшем от безысходности, а потому все больше политизировавшемся обществе шел спонтанный процесс поиска новых путей для радикального изменения ситуации, и соответственно, формировался повышенный спрос на исполнителей такой задачи. Это очень чутко уловило руководство «левых» партий, в т. ч. и не представленной в исполнительной власти Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) (БРСДП(т. с.)), с мая 1919 — Болгарской коммунистической партии (тесных социалистов) (БКП(т. с.)), которые в течение весны—лета 1919 г. осуществили ревизию собственных возможностей. Они провели свои съезды, уточняя численный состав и осовременивая программные установки. Каждая из «левых» политических сил имела основания для известного оптимизма. Налицо был стремительный и невиданный ранее рост рядов как самих партий, так и связанных с ними различных организаций — молодежных, женских, а также профсоюзов и т. д.

Однако это обстоятельство порождало и серьезные проблемы внутри «Левого блока», угрожая объявленному, но в сущности эфемерному объединению распадом, поскольку каждая из составляющих Блока все больше воспринимала себя как особая политически значимая сила. И одновременно такая тенденция стимулировала «левых» в борьбе за назначение выборов в новое — XVIII ОНС, чему по разным причинам противостояли все партии, которые в марксистской историографии принято называть «буржуазными». Для последних было ясно, что инициативу перехватывали политические нувориши. Это было время, когда присущие политической жизни Болгарии демагогия и популизм оказались чрезвычайно востребованными.

Участвовавшие во власти «левые» безошибочно определили для себя идеальный момент для укрепления позиций. Нацелившись на наиболее сильного своего соперника — ДП, в мае 1919 г. они спровоцировали правительственный кризис. В среде демократов давно адекватно оценивали нараставшую неблагоприятную для них тенденцию и открыто подчеркивали, что в набиравшей обороты кампании ведущая роль принадлежит Стамболийскому, который после амнистии занял свой министерский

inslav

пост. Лидер все больше обособлявшегося в БЗНС радикального крыла еще в марте 1919 г. категорически отметал подобные обвинения, появившиеся в печатных органах ДП, квалифицируя их как «глупое и необоснованное подозрение»[1]. Он апеллировал к тому, что «оказавшееся перед мировым судом... отечество нуждается в сотрудничестве всех политических групп», и назвал шесть партий, составивших опору правительства, «политической комбинацией, наиболее соответствующей моменту».[2]

В то же самое время ориентировавшееся на Стамболийского большинство «земледельческой» парламентской фракции, уже находившееся, как справедливо отмечает болгарская исследовательница Д. Петрова, в полуоппозиции к правительству[3], своими резкими демонстративными шагами — в связи с требованием к нему осуществить ряд компенсационных мер в пользу крестьянства — вело дело к кабинетному кризису[4].

В качестве повода для отставки правительства «левые» воспользовались действиями министра-демократа Н. Мушанова, который по распоряжению главы кабинета из-за боязни беспорядков воспротивился проведению в Софии грозившего стать чрезвычайно многочисленным съезда БЗНС.

Борис III не мог допустить паралича власти в столь ответственный для страны период — приближения срока заключения мирного договора с Антантой. Он предпочел путь обновления власти, что должным образом было воспринято большинством как «правых», так и демонстрировавших вялый, декларативный антимонархизм «левых». Преобладающая на тот момент среди политиков оценка решительных действий монарха очень точно формулировалась представителем руководства РДП Т. Влайковым, выразившим «удовлетворение» по этому поводу[5].

Царь поручил формирование кабинета прежнему премьеру — Теодорову, за которым осталось и министерство иностранных дел. Еще один представитель руководства НП М. Маджаров становился военным министром. Прогрессист С. Данев сохранил за собой пост министра финансов. В то же время «левые» расширили свое представительство в правительстве — радикалы получили в нем два министерских портфеля, а столь важное в напряженной ситуации послевоенной Болгарии министерство внутренних дел возглавил теперь К. Пастухов, член руководства БРСДП(о), которая, однако, в целом не увеличила своего численного присутствия в исполнительной власти. Последнее относилось и к «земледельцам», представите-

[1] Земеделско знаме. 28.III.1919.

[2] Там же.

[3] *Петрова Д.* Самостоятелното управление на БЗНС. 1920–1923. София, 1988. С. 18.

[4] Там же.

[5] *Влайков Д.* Днешният политически момент и Радикалната партия. Реч, произнесена при откриване на извънредния радикален конгрес на 29 май 1919 г. София, 1919. С. 47.

inslav

лям радикального крыла в Союзе, которые, будучи инициаторами выдавливания из власти демократов — своего самого серьезного политического противника, расплачивались с поддержавшими их соавторами правительственного кризиса согласием на весьма скромные по значимости три министерства — земледелия, путей сообщения и средств связи, а также общественных работ и благоустройства. Во главе них остались, соответственно Д. Драгиев, лояльный к «правым», Ц. Бакалов и А. Стамболийский.

Демократы, возмущенные вероломством своих бывших младших партнеров, тем не менее посторонились, пропуская вперед неудержимо рвавшихся наверх новых лидеров. А оказавшийся в центре политической круговерти Стамболийский теперь уже не скрывал своей причастности к осуществленному плану и от имени сторонников в руководстве БЗНС с удовлетворением констатировал: «мы гордимся таким развитием событий»[1].

В столь пестрый по своему персональному составу ансамбль плохо вписывался Драгиев с его идеализированными представлениями об обязательности соблюдения этических норм в политике и искренней убежденностью в необходимости сотрудничества всех политических сил в переживавшейся страной экстремальной ситуации. Не менее проблематичным было его участие и в «земледельческом» министерском трио. Нараставшее противостояние между Драгиевым и Стамболийским в вопросах идеологии и политической линии БЗНС вылилось в явную несовместимость этих двух лидеров крестьянской партии. Один из основателей Союза обвинил своего более молодого коллегу в «материализме», «революционности» и «властолюбии», противопоставив всему этому собственную систему идейных взглядов и нравственных ценностей — следование христианским нормам, «Евангелию в политике», а также эволюционистский подход к проблемам общественного развития[2]. Конфликт приобрел такой масштаб, что уязвленный некорректным отношением к нему со стороны бравших верх в руководстве БЗНС радикально настроенных элементов (сподвижников Стамболийского) Драгиев в начале июня 1919 г. поставил вопрос о своем выходе из правительства, создавая таким образом угрозу его стабильности. Нацелившийся на власть Стамболийский не мог допустить подобного развития событий и был вынужден сгладить ситуацию.

Результатом успеха «левых» было не только изменение характера партийного представительства в исполнительной власти, но и содержание программы нового правительства, где присутствовали пункты о предстоящих парламентских выборах и необходимых для их проведения условиях — отмене цензуры и обеспечении свободы собраний.

Приближение назначенных на 17 августа выборов в XVIII ОНС окончательно разводило по разные стороны недавних вынужденных союзни-

[1] Земеделско знаме. 13.V.1919.

[2] *Драгиев Д.* Една политическа изповед. София, 1919. С. 8–12.

inslav

ков, включавшихся теперь в ожесточенную борьбу за электорат. На лидирующие позиции в этой гонке быстро вышел БЗНС, в котором после XV съезда в июне 1919 г. и произошедшего на нем раскола преобладающим окончательно становится радикальное крыло, потеснившее сторонников Драгиева.

Стамболийский и его сподвижники обнародовали программу, импонировавшую значительной части населения аграрной страны. А орган БЗНС газета «Земеделско знаме» широко пропагандировала традиционный «земледельческий» постулат об основной роли крестьянства в производстве материальных благ, обосновывавший его исключительное право на ведущее положение в обществе[1].

Результаты выборов подтверждали всплеск сильных симпатий в обществе к «левым». Сторонники Стамболийского лидировали, набрав почти 28% голосов и получив 85 депутатских мандатов, что, правда, не обеспечивало им необходимого парламентского большинства и в известной мере обмануло их надежды. Сам же Стамболийский смотрел в будущее с большим оптимизмом, склоняясь к тому, что для достижения цели нужна «еще длительная и упорная работа», чтобы обойти «городские партии», которые вновь получили перевес[2].

И уже совсем неожиданным было то, что за «земледельцами» с более чем 18% голосов и, соответственно, 47 депутатскими мандатами следовали не располагавшие какими бы то ни было рычагами власти коммунисты. Замыкали эту тройку с почти 13% голосов и 37 депутатскими мандатами не менее лидеров обманувшиеся в своих надеждах социал-демократы, в распоряжении которых оставалось министерство внутренних дел. Всего же за «левых», с учетом 8 депутатских мандатов радикалов, было подано 63% голосов избирателей.

И уже в известном отдалении от них с оставшимися 37% голосов находились «правые», первыми среди которых были демократы с 27 депутатскими мандатами, за ними следовали народняки и прогрессисты, получившие соответственно 19 и 8 мандатов. Замыкали этот список либералы — т. н. германофилы, располагавшие 3 депутатскими мандатами[3].

Итоги выборов в XVIII ОНС и их последствия часто попадали в поле зрения исследователей, однако они все еще не стали объектом всестороннего и исчерпывающего анализа. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на весьма любопытный и в литературе не комментировавшийся подход к их оценке со стороны представителей тех «правых» партий, ко-

[1] Земеделско знаме. 23.V.1919; 1.VI.1919.

[2] ЦДА. Ф. 255. Оп. 1. А. е. 8. Л. 1.

[3] О результатах выборов см. подробнее: Стенографски дневници на XVIII ОНС. I редовна сесия. Кн. 2. София, 1920. С. 1349–1353; Статистически годишник на Българското царство. Години V–XIV (1913–1922). София, 1924. Раздел XIII. С. 59.

inslav

торые удерживались в политическом пространстве страны. На взгляд И. Гешова — лидера народняков и дуайена болгарского политического корпуса (он еще в 1879 г. был председателем Областного собрания Восточной Румелии, являлся министром в ряде правительств и даже премьером, в течение более четверти века возглавлял Болгарскую академию наук), такой итог демонстрировал внешнему миру, «что болгарский народ никогда не был германофилом и заслуживает лучшей судьбы»[1].

Подобный акцент в условиях существовавшей внешне и внутриполитической конъюнктуры, бесспорно, содержал в себе аргумент в пользу того, что общенациональные ценности сохраняли приоритетное значение для ряда ведущих болгарских политиков и на них, несмотря ни на что, попрежнему был спрос в обществе.

В новой политической ситуации, вопреки сложившейся в Болгарии практике, когда утверждавшееся монархом правительство проводило парламентские выборы в нужном для себя ключе (Тырновской конституцией не устанавливалась прямая зависимость состава Совета министров от состава Народного собрания, поскольку для признания полномочий первого не требовалось вотума доверия второго), начинала действовать иная схема. Борис III, следуя утвердившимся европейским нормам, предоставлял Стамболийскому, как лидеру партии, получившей наибольшее число депутатских мандатов, премьерские полномочия с правом на формирование кабинета.

Однако созданный вариант исполнительной власти не давал адекватного выражения распределения симпатий электората. В правительство отказались войти коммунисты, которые не были готовы взять на себя ответственность за управление страной, да еще в союзе с «партией сельской буржуазии», как они квалифицировали БЗНС. Социал-демократы же продемонстрировали непомерные претензии на ключевые министерства, в т. ч. на министерство внутренних дел. В свою очередь, радикалы (с ними тоже велись переговоры) не видели для себя политических перспектив от участия в коалиции со столь превосходящим по силам партнером.

Тогда Стамболийский, демонстративно проигнорировав своих наиболее опасных конкурентов — демократов, пригласил в правительство представителей руководства тех партий, чей успех на парламентских выборах по сравнению с лидерами был весьма скромным. Новый премьер остановился на Народной и Прогрессивно-либеральной партиях. На последней, правда, лежала тень инициатора подготовки Балканского союза, пребывания у власти в период балканских войн и, соответственно, связанных с этим негативных последствий для Болгарии. Однако в ее активе была оппозиционность в отношении «либеральной концентрации» в ходе Первой мировой войны.

[1] *Гешов И.* След двете катастрофи. Поуки от близкото минало // Съвременник. София, 1922. Кн. 7–8. С. 408.

inslav

Включение в состав правительства народняков М. Маджарова (министр иностранных дел и вероисповеданий) и А. Бурова (министр торговли, промышленности и труда), а также прогрессиста С. Данева (министр финансов), которые вместе со сподвижниками Стамболийского А. Димитровым, Р. Даскаловым, Ц. Бакаловым и Н. Турлаковым составляли явно вынужденную коалицию, не сулило последней перспектив на длительное существование. Во-первых, представленные в исполнительной власти партии не обеспечивали такой коалиции необходимой опоры в возглавленном «земледельцем» Н. Атанасовым XVIII ОНС. Во-вторых, исходя из потенциальных возможностей команды в целом, где лидировали имевшие весьма скромный опыт пребывания у власти представители радикального большинства крестьянской партии, уступившие важные «неполитические» министерства своим партнерам, ей вряд ли под силу была реализация принципиальной позиции правительственной программы — «создать... твердую власть во всех областях управления», равно как и «усилить все сферы национального производства»[1]. Более того, в этом весьма насыщенном по набору намечавшихся для исполнения пунктов документе, составлявшемся в послевыборный период Стамболийским вместе с представителями руководства БРСДП(о) и отразившем, главным образом, обнародованные в ходе избирательной кампании требования «левых», содержались положения, нацеленные на коррекцию частной собственности и даже ее передел[2].

Воспользовавшись ощутимым перевесом в исполнительной власти, «земледельцы» сделали все возможное, чтобы заставить работать ту часть программы, которая обслуживала интересы основной части их электората. Они инициировали принятие парламентом ряда законов, направленных на улучшение положения болгарского села.

Подобный крен в деятельности новой власти ускорил вызревание неизбежного по своей сути конфликта между лидерами предвыборной гонки — БЗНС, с одной стороны, и БКП и БРСДП, с другой. Завершение формирования кабинета последние восприняли как сигнал к последующему тотальному отрицанию наиболее принципиальных его проявлений, означавшему «сжигание мостов».

В условиях острой внутренней нестабильности, в течение 1919 г. выражавшейся прежде всего в массовых акциях протеста со стороны экономически наиболее уязвленных категорий населения[3], БКП и БРСДП ста-

[1] Стенографски дневници на XVIII ОНС. I редовна сесия. София, 1919. Кн. 1. С. 6.

[2] В этот разряд попадали прежде всего пункты программы о смягчении остроты жилищного кризиса, обеспечении трудовой земельной собственности и конфискации незаконно нажитого богатства. См.: Стенографски дневници на XVIII ОНС. I редовна сесия. Кн. I. С. 7.

[3] Как констатировал М.А. Бирман, в 1919 г. в стачечном движении в Болгарии принимало участие в два раза большее число рабочих, чем за десять предвоенных лет (1904–1914). См.: *Бирман М. А.* Революционная ситуация... С. 379.

inslav

ли инициаторами невиданной по масштабам страны стачки железнодорожников и почтово-телеграфных служащих. Она продолжалась с конца декабря 1919 г. до середины февраля 1920 г.

Такое из ряда вон выходящее для Болгарии событие сделало фактическими (но временными) союзниками представителей тех сил, которые еще совсем недавно считались непримиримыми противниками или нежелательными конкурентами. К поддержавшим правительство Стамболийского политическим партиям присоединились и разные по численности и степени влияния в обществе политические и общегражданские объединения и группы, среди них были и только что оформившиеся для противодействия опасности радикальных социальных перемен, возможных по инициативе оказавшихся во власти «земледельцев»[1].

Подавление стачки было расценено Стамболийским и его сподвижниками как благоприятный старт в борьбе за установление собственной, однопартийной власти, поскольку основные политические конкуренты представлялись им поверженными, а потенциал остальных бывших серьезных соперников расценивался как незначительный. В этой ситуации Стамболийский склонил Бориса III к роспуску XVIII ОНС и назначению даты новых парламентских выборов.

Таким образом, развитие событий в Болгарии на рубеже 10-х–20-х годов с явными чертами смутного времени (слабость власти, отсутствие у нее внутренней и внешней опоры, утрата авторитета в обществе прежними политическими и государственными деятелями, калейдоскоп сменявших друг друга правительств, девальвация прежних норм политического поведения и т. п.) открыло путь для выхода на политическую арену новых сил и новых лидеров, готовых пытаться коренным образом изменить облик государственной власти и осуществить серьезную коррекцию социальных устоев.

[1] См. подробнее: *Георгиев В.* Буржоазията и транспортната стачка. 1919–1920 г.//Известия на Института по история на БКП. София, 1979. Т. 41. С. 67–88.

inslav

А. Н. Горяинов, М. Ю. Досталь
Институт славяноведения РАН

ПРОФЕССОР С. Б. БЕРНШТЕЙН О БОЛГАРСКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ
(по воспоминаниям ученого)

На протяжении своей долгой жизни профессор Самуил Борисович Бернштейн (1911–1997) — крупный советский лингвист, автор многочисленных трудов по славянскому языкознанию, самое пристальное внимание уделял изучению языка и культуры болгарского народа. Помимо чисто научных занятий, Бернштейн проявлял большой интерес к повседневной жизни болгар, их обычаям, поведению, отношению к представителям других народов. Эти живые наблюдения частично нашли отражение в воспоминаниях ученого, ныне опубликованных лишь в небольшой своей части. Мемуары С. Б. Бернштейна пронизаны любовью к Болгарии. Они написаны в необычной манере. Это — дневниковые записи с частыми и довольно подробными экскурсами в дальнее и близкое прошлое. Такое построение позволило автору остановиться на множестве памятных событий, но привело к мозаичности текста и повторениям. Характеру воспоминаний соответствует заглавие: автор назвал их «Зигзаги памяти».

Специализироваться в области болгаристики Самуил Борисович начал еще во время учебы в 1929–1931 гг. на цикле южных и западных славян этнологического факультета Московского университета. Он слушал лекции российских профессоров А. М. Селищева и Г. А. Ильинского, усердно занимался болгарским языком под руководством политэмигрантки Мары Колинкоевой. Вместе с тем, книголюб и книгочей (он подробно пишет в воспоминаниях о своих книжных увлечениях), студент Бернштейн самостоятельно изучал книги и статьи болгарских ученых, читал болгарскую художественную литературу, пробовал переводить произведения болгарских писателей. Впечатления от книг дополнялись и расширялись знакомством с Болгарией и болгарами «через живых людей» (1955, 5)[1]. Уже в студенческие годы Самуил Борисович столкнулся с разными взглядами болгар на ценности национальной культуры. Речь идет о политэмигрантах, живших в годы его учебы в Москве. В воспоминаниях красочно

[1] Здесь и далее ссылки на неопубликованные воспоминания С. Б. Бернштейна даны в тексте; указывается год записи и номер страницы в пределах этого года.

inslav

рассказано о первой встрече молодого болгариста с известным болгарским коммунистом Георгием Бакаловым (1873–1939). «...Я познакомился в оригинале с рассказами Елина-Пелина, — пишет Самуил Борисович, — и горячо полюбил его...В конце зимы 1928/29 гг. я перевел рассказ «Андрешко», написал краткий очерк о писателе и послал все это в издательство...» Неожиданно Бернштейна пригласил на беседу Г. Бакалов, которому рукопись была передана на отзыв. Он заинтересованно расспрашивал студента о причинах его интереса к Болгарии, но затем заявил о несвоевременности издания в СССР произведений «нашего врага, друга царя Бориса». «Придет время, и русский читатель его узнает. Но сейчас издавать его нельзя», — сказал о Елине-Пелине болгарский коммунист. Правильно оценить вульгарно-социологический подход Бакалова помогли Самуилу Борисовичу другие болгарские политэмигранты. Правда, деятель Крестьянского Интернационала Иван Орманов (Горов), которому Бернштейн рассказал об отзыве Бакалова, осторожно промолчал; однако его преподавательница М. Колинкоева страшно возмутилась и назвала Бакалова «узколобым сектантом». «По своему содержанию Елин-Пелин является прогрессивным писателем, его симпатии всегда на стороне угнетенных и обездоленных. А это самое главное», — сказала Колинкоева (1953, 10).

После окончания университета Самуил Борисович поступил в аспирантуру, одним из первых в СССР защитил кандидатскую диссертацию и в 1934 г. был назначен заведующим кафедрой языка и литературы Одесского пединститута. В первой половине 1930-х гг. Одесса являлась центром болгарской диаспоры юга СССР. Там обосновалось много болгарских коммунистов-политэмигрантов. В пединституте существовал специальный сектор, готовивший учителей национальных школ для болгарского населения советского юга. Главным помощником С. Б. Бернштейна в пединституте стала болгарская коммунистка, вдова одного из соратников Д. Благоева Райна Кандева, у которой «был большой опыт преподавания болгарского языка в средней школе...». Кандева познакомила Самуила Борисовича со своими товарищами-политэмигрантами. Он часто посещал ее квартиру на Садовой улице, где по субботам обычно собирались болгары. На встречах у Кандевой обсуждались исключительно события внутренней жизни Болгарии. «Я с большой пользой для себя купался в живой болгарской речи, узнавал много интересных фактов из политической жизни Болгарии начала века», — вспоминал С. Б. Бернштейн (1954, 9).

Работая в Одессе, С. Б. Бернштейн мог посещать расположенные на Украине и в Бессарабии места компактного проживания болгарских колонистов. Он упоминает в мемуарах о своем участии летом 1935 г. в праздновании десятилетия болгарского национального района Украины с центром в селе Романовка (которое в то время в честь одного из руководителей Болгарской компартии и Коминтерна называлось Коларовкой), о позднейших посещениях мест компактного проживания болгар на Украине и в Молдавии. Ученый констатирует наличие негативного отношения к переселению болгар в Россию со стороны болгарских ученых и политиков XIX в., опасавшихся быстрой ассимиляции колонистов русским населе-

inslav

нием. Самуил Борисович называет «отрицательные эмоции» по этому поводу «странными и непонятными», поскольку переселенцы нашли в плодородных землях Бессарабии и Таврии «подлинное богатство». Он подчеркивает, что и в семидесятых годах XX в. у советских болгар, несмотря на неблагоприятные для этого условия, «этническое самосознание хорошо сохраняется», а «болгарщина в любой форме вызывает у населения положительные эмоции». В то же время он упрекает руководителей народно-демократической Болгарии в невнимании к советским болгарам, в том, что они «бросили» почти 350 тысяч своих сородичей (1977, 21).

Вспоминая о посещении в 1949 г. болгарского села Преслав на Украине, С. Б. Бернштейн попытался сравнить свои впечатления 1930-х и конца 1940-х гг. В Преславе в 1949 г. перед ним предстали болгары, «плохо владеющие родным языком (не только литературным, но и диалектом), совсем не связанные со своей страной, не знающие ни истории Болгарии, ни литературы, но в то же время остро сохраняющие свое болгарское этническое самосознание, свою принадлежность к болгарскому племени». Причиной этого Самуил Борисович считал полное отсутствие связей преславчан с Болгарией и болгарской культурой (что, кстати, вполне вписывалось в развязанную в эти годы советским руководством кампанию «борьбы с космополитизмом»). «Парадокс, но до войны болгары Преслава были тесно связаны со своей родиной через многочисленных представителей болгарской политической эмиграции, — с горечью писал он. — Теперь же местные болгары полностью оторваны от родной Болгарии». Ученый отмечал, что если до 1938 г. на Украине издавалась болгарская газета, в Одессе работал болгарский театр, а в Преславе школьное преподавание велось на болгарском языке и для болгар существовал техникум, то в конце 1940-х гг. «никто из жителей Преслава не получает болгарских газет», а «местные власти неодобрительно относятся к проявлению болгарских симпатий, к выписке газет и журналов» (1949, 21).

Суммируя впечатления от общения с населением Преслава, С. Б. Бернштейн отмечает сильное влияние на язык местных болгар русского и украинского языков. Если до войны в селе хорошо сохранялся местный диалект, то «теперь знающих литературный язык нет совсем, — констатирует ученый. — Но и диалект за эти годы подвергся глубокому воздействию русского и украинского языков. Теперь в Преславе живет много русских и украинцев, много смешанных браков. Неприятно слушать исковерканный болгарский язык» (1977, 28–29).

До смерти Сталина Бернштейн был «невыездным», в мемуарах он неоднократно отмечает тщетность своих попыток выехать с научными целями за рубеж даже на непродолжительный срок. Положение изменилось в 1954 г. 5 июня Самуил Борисович известил Райну Кандеву, что приедет в 1955 г. в Болгарию «на целый месяц» (1954, 9). Эта поездка, ставшая первым выездом ученого за рубеж, состоялась осенью 1955 г. В начале октября С. Б. Бернштейн отправился в Болгарию во главе группы сотрудников Института славяноведения в составе Н. И. Кравцова, В. И. Злыднева и И. М. Шептунова. Об этой поездке он рассказывает особенно подробно и

inslav

красочно. «Ночью переехали Дунай по новому мосту, — с волнением вспоминает он, —... Дорога на Софию...Здесь наблюдаем чудесный горный (точнее, скальный) пейзаж. Вот она, Стара Планина. Гигантские скалы, напоминающие динозавров и ихтиозавров. Трудно передать волнение, которое охватывает меня. Оно сродни волнению, которое испытывает человек, возвращающийся после многих лет разлуки на свою родину. Кажется, я вижу места, где я родился, где прошло мое детство, где я был вскормлен молоком матери. Удивительно! ...Я весь переполнен болгарщиной» (1955, 10).

Советских славистов принимали на самом высоком академическом уровне. Достаточно сказать, что Самуил Борисович два раза был на приеме у президента Болгарской Академии наук Тодора Павлова. Павлов одобрил предложенную ученым из Советского Союза идею создания совместно советскими и болгарскими исследователями многотомного «Болгарского диалектологического атласа» и обещал ему свою поддержку. С целью подготовки к этой работе С. Б. Бернштейн вместе с будущим руководителем коллектива составителей атласа с болгарской стороны Стойко Стойковым (1912–1969) отправился в поездку по Южной и Юго-Западной Болгарии.

Выбор Самуилом Борисовичем маршрута поездки был обусловлен его давним интересом к Македонии и «македонскому вопросу». Этот интерес он унаследовал от своего учителя А. М Селищева. В Одессе 1930-х годов при встречах с болгарскими политэмигрантами на квартире Р. Кандевой он сначала не все понимал, когда слышал яростные споры об этнической принадлежности жителей края. «Редкая встреча обходилась без обсуждения македонского вопроса, — вспоминал ученый. — В те годы Болгарская коммунистическая партия защищала лозунг "Македония для македонцев", что практически означало признание самостоятельной македонской нации со своим языком и со своей культурой. В несколько иной формулировке защищал его и я...Гости Кандевой решали этот вопрос по-разному...» (1954, 10).

Как вскоре заметил Самуил Борисович, уроженцы Северо-Западной Болгарии были убежденными сторонниками официальной линии БКП, что же касается выходцев из Македонии, то они чувствовали себя ущемленными позицией партии, поскольку считали, что она «превращает их во второсортных болгар». Налицо было, таким образом, стремление представителей македонского населения не обособляться от болгарской нации. С. Б. Бернштейн свидетельствует, что на встречах у Р. Кандевой на почве отмеченных им противоречий «порой возникали очень опасные ситуации, которые могли перейти в драку», и спасало положение лишь умение хозяйки квартиры «тушить пожар» (1954, 10).

В годы Второй мировой войны македонский вопрос также обсуждался политэмигрантами. На этот раз в дискуссии участвовали как болгарские, так и югославские коммунисты. Их подходы столкнулись в 1944 г. на одном из заседаний Славянской комиссии АН СССР, где с докладом о македонском вопросе выступил уроженец Пиринской Македонии Д. Влахов (1878–1953). С. Б. Бернштейн, присутствовавший на докладе, вспоминает, что Влахов отмечал: славянское население Македонии является бол-

inslav

гарским, и ее история — органическая часть истории Болгарии, однако в XIX в. начался процесс обособления македонцев в самостоятельную нацию. Влахов повторил лозунг «Македония для македонцев». «В будущей балканской федерации, — записал С. Б. Бернштейн слова Влахова, — Македония должна быть самостоятельным государством, она должна объединить все земли в границах исторической Македонии» (1944, 4).

Влахову возражали югославы Франич и Густинчич. Они, по словам С. Б. Бернштейна, «решительно отвергли основные положения докладчика о прошлом и настоящем Македонии и македонских славян», но никаких доказательств в поддержку своих тезисов привести не смогли (1944, 4). По просьбе Влахова Самуил Борисович составил для него документ «Несколько замечаний о македонском литературном языке». В нем были изложены соображения о диалектной основе будущего литературного языка македонцев. По мнению С. Б. Бернштейна, этот язык «должен опираться на самые характерные, типичные говоры, отражающие самые существенные признаки македонского языка», и в его основе должны лежать говоры Прилепа, Битоли и соседних областей. «Новый литературный язык должен отличаться как от болгарского языка, так и от сербского», — считал ученый (1944, 22).

Прибыв в Болгарию, Самуил Борисович решил составить собственное непредвзятое мнение о населении Македонии. «Я своими глазами и ушами хочу познакомиться с македонским населением Болгарии, — отмечал он, — узнать его настроения, степень его обособления от болгар. Пока по этим вопросам имею противоречивые суждения» (1955, 12). С. Б. Бернштейн решительно отказался от первоначально предлагавшегося болгарами маршрута ознакомительной поездки по северной части страны и прямо сказал Стойкову, что хочет посетить Родопы и Пиринский край. Он, конечно, знал об изменении в конце 1940-х годов официальной позиции БКП по македонскому вопросу и сразу заметил, что его просьба «вызвала некоторое замешательство». «Однако моя настойчивость победила», — отмечает ученый. (1955, 12).

В Родопах Бернштейн и Стойков записывали на магнитофон речь местных жителей. С. Б. Бернштейн вспоминает, что в посещенных им селах «отлично сохраняется старый болгарский говор не только у стариков, но и у молодежи», отмечает большую роль в жизни местных жителей, со всех сторон окруженных болгарами-мусульманами (помаками), православной церкви. С большим уважением пишет он о носителях местного диалекта в селе Широкая Лука. «Это одно из наиболее культурных родопских сел, — отмечал ученый. —... Местный диалект функционирует не только как устная речь малограмотного населения. На нем говорит местная интеллигенция, существуют пьесы, написанные на диалекте, которые с успехом идут на сцене местного клуба...» (1955, 15).

Ознакомившись с родопскими говорами, Бернштейн и Стойков выехали в Пиринский край. По дороге Самуилу Борисовичу пришлось наблюдать поразившее его отношение Стойкова к помакам. Однажды во время краткой остановки болгарский диалектолог отказался выйти из маши-

inslav

ны, так как не хотел ступать на землю, осквернённую насилиями помаков над соотечественниками-христианами в годы турецкого владычества. «Новая для меня проблема, — пишет по этому поводу С. Б. Бернштейн. — Я читал в записках Захария Стоянова о зверствах помаков, но как-то не придавал этому большого значения. Думал, что все это давно забыто. Но вот интеллигентный столичный житель, предки которого не страдали от помаков, носит в своем сердце обиду на своих сородичей, которые в свое время приняли мусульманство и были в первых рядах угнетателей» (1955, 15).

«Путешествие по Пиринской Македонии, — отмечает Самуил Борисович Бернштейн, — было очень интересным» (1955, 15). Вместе с тем он сетует, что «не мог производить своих наблюдений легко и свободно», поскольку Стойков пристально наблюдал за каждым его шагом и «довольно умело все вопросы македонского языка и македонской нации переводил в плоскость диалектологии». Все же С. Б. Бернштейну удавалось иногда общаться с местными жителями без свидетелей и составить себе представление об их настроениях. В результате ученый сделал вывод о подвижках в этническом самосознании местного населения. Из его изложения видно, что в сравнении с тем, как идентифицировали себя выходцы из Македонии, с которыми Самуил Борисович встречался в Одессе в 1930-е годы, теперь люди уже не опасались, что их посчитают второсортными болгарами. «Местное городское население не причисляет себя к болгарам. Сельское население индифферентно», — пишет ученый, подводя итоги своим наблюдениям (1955, 16).

В связи с работой над болгарским диалектологическим атласом С. Б. Бернштейн в середине 1950-х годов каждый год по нескольку недель проводил в командировках в Болгарии. Уже после поездки 1956 г. он с удовлетворением смог заявить, что в ходе диалектологических поездок ему удалось посетить большое число сел и хорошо познакомиться с болгарским крестьянином, с его психологией и укладом жизни. На основе своих наблюдений Самуил Борисович сделал вывод, что болгары «в массе своей очень симпатичный народ, гостеприимный, смелый. Не боятся говорить о всех сторонах своей жизни, часто критикуют действия властей. Свободно держатся перед микрофоном, беседу ведут непринужденно, любят веселые истории, все поют и танцуют» (1956, 9). Особенно большое впечатление произвели на Самуила Борисовича крестьянские дети. Он с симпатией отмечает их свободное, раскованное, но не переходящее границ дозволенного поведение. Вместе с тем, рассказывая о встречах с болгарами, С. Б. Бернштейн отмечает, что среди них «большая редкость» такие качества, как «четкость в суждениях и поступках, эрудиция» (1955, 12), и что «их всегда нужно гладить по шерсти, иначе сразу же будут забыты все прежние “заслуги”». В подтверждение последнего положения Самуил Борисович ссылался на отчет В. И. Григоровича о поездке в 1869 г. по Бессарабии, в котором русский славист отрицательно оценил возможность организации обучения бессарабских болгар на родном языке[1] (после

[1] *Григорович В. И.* Донесения об испытаниях в Тираспольском уездном училище, Кишиневской гимназии и о болгарских народных училищах в Бессарабии,

inslav

публикации отчета, как выяснил С. Б. Бернштейн, «началась дикая кампания против Григоровича... Не скупились на самые грубые и подлые выражения...»), и на рассказ Н. С. Державина о давлении на него болгарских ученых с целью исключить из печатавшейся в Болгарии магистерской диссертации Державина всех упоминаний о гагаузах, в результате чего все они были отнесены диссертантом к болгарам (1976, 13–14).

С. Б. Бернштейн пишет, что в Болгарии он «на каждом шагу» ощущает к себе «внимание, трогательную заботу и даже любовь» (1955, 13), но в то же время наблюдает симптомы, свидетельствующие об ухудшении отношения болгарского населения к советским гражданам, по сравнению с довоенными и военными годами. Если в болгарском народе еще со времен османского ига «утвердились глубокие симпатии к русскому народу», — замечает ученый, то уже к концу XIX в. болгарская буржуазия и болгарская интеллигенция «в своей массе...стали ориентироваться на Запад (г[лавным] о[бразом] на Германию и Австро-Венгрию)», хотя «это не коснулось болгарского крестьянства, которое продолжало оставаться русофильским». По мнению С. Б. Бернштейна, «Великая Отечественная война вновь всколыхнула старые русофильские настроения...». В послевоенный же период наблюдается их дальнейший спад. Самуил Борисович отмечает, что для него неожиданностью было плохое понимание болгарами русского языка при хорошем знании местной интеллигенцией немецкого.

Причиной негативных для СССР изменений в настроениях болгарского общества являлось, по мнению С. Б. Бернштейна, то обстоятельство, что после 1944 г. в Болгарию «понаехало много советских людей, людей грубых и бесцеремонных», которые отличались поразительной алчностью и повадки которых «активно шокировали болгар», что в стране «под формулой использования советского опыта» насаждались «советские принципы и обычаи, совершенно чуждые местному населению», сопровождаемые «бесконечными напоминаниями об освобождении болгар русскими» (1955, 19).

Воспоминания С. Б. Бернштейна — ценный источник не только для изучения истории советской действительности и советской науки 1920–1950-х гг., но и для изучения Болгарии и, в частности, болгарского менталитета. Об этом свидетельствуют как приведенные выше его высказывания, так и другие уже опубликованные отрывки из его рукописи[1]. Сейчас авторами настоящего сообщения завершается подготовка к изданию первой части мемуаров С. Б. Бернштейна (записи 1943–1961 гг.).

представленные попечителю округа ординарным профессором Одесского университета В. И. Григоровичем // Циркуляр по управлению Одесским учебным округом. Одесса, 1869. № 7. С. 283–308 (перепечатано в кн.: *Григорович В. И.* Собр. соч. Одесса, 1916. С. 118–145).

[1] *Бернштейн С. Б.* Из книги «Зигзаги памяти», год 1950 / Публ. В. П. Гудкова // Вестник Моск ун-та. Сер. 9. Филология. М., 1997. № 4. С. 175–190; *Он же.* Из «Зигзагов памяти» / Публ. А. Н. Горяинова и М. Ю. Досталь // Славяноведение. М., 1998. № 1. С. 89–100.

Л. В. Ревякина
Институт истории БАН

КОМИНТЕРН И СУДЬБА «ЛЕВЫХ» В БАЛКАНСКИХ КРЕСТЬЯНСКИХ ПАРТИЯХ

В первые два десятилетия XX века под влиянием российских революций 1905–1917 гг., с одной стороны, и послевоенного кризиса в европейских странах, особенно в Восточной и Юго-Восточной Европе, с другой стороны, повсеместно возросло стремление к осознанию общественной роли крестьянства. Теоретики РСДРП(б), а позже РКП(б)/ВКП(б) на основе опыта трех российских революций пришли к выводу, что для победы социалистической революции в экономически слабо развитых странах, где основную массу населения составляет крестьянство, необходим союз рабочих и крестьян. Созданный в 1919 г. Коминтерн на своих первых конгрессах — Втором (1920 г.) и Четвертом (1922 г.) — в контексте разработки стратегии и тактики мирового коммунистического движения выдвинул проблему единого фронта рабочих и крестьян.

Общественно-политические перемены в Европе после Первой мировой войны, в том числе выход крестьянства из состояния политической пассивности, расширение влияния крестьянских партий на политическую жизнь своих стран, их участие в ряде стран в правительствах («земледельческое» правительство А. Стамболийского в Болгарии, а также коалиционные кабинеты с участием представителей крестьянских партий в Польше, Чехословакии, Латвии, Эстонии) в еще большей степени усилили интерес руководства Коминтерна к крестьянству как общественному фактору. На Третьем пленуме Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) (12–23 июня 1923 г.) при рассмотрении вопроса о едином фронте рабочих и крестьян родилась идея создания Крестьянского Интернационала, который объединил бы вокруг компартий и Коминтерна не только революционно настроенное крестьянство, но и радикальные силы внутри самих крестьянских партий. Толчком для принятия такого решения послужил переворот 9 июня 1923 г. в Болгарии и свержение правительства А. Стамболийского. Это — момент поворота Коминтерна «лицом» к крестьянству.

В 1923–1924 гг. некоторые из советских и коминтерновских руководителей, ревниво защищавшие тезис о роли пролетариата как гегемона

inslav

революции, были близки к признанию и за крестьянством революционной силы, равной по значению силе пролетариата [1].

Период существования Крестинтерна (1923–1931 гг.) может быть назван «крестьянской фазой» в деятельности Коминтерна. Именно тогда больше всего сил и средств было «брошено» на привлечение крестьянства и его политических организаций на сторону коммунистического движения. Крестинтерн, будучи официально беспартийной организацией, должен был рассеять недоверие крестьян к коммунистам и прежде всего войти в крестьянскую среду, установить организационные связи с крестьянскими политическими, экономическими и другими организациями, а затем через создание в них комфракций и левых групп привлечь крестьянство на свою сторону — в поддержку рабочего движения в борьбе за установление диктатуры пролетариата.

Задачей автора настоящей статьи является рассмотреть вопрос о судьбе левого (прокоммунистического) руководства в крестьянских партиях на Балканах. При этом очевидно, что политика Коминтерна в отношении крестьянских партий не ограничивалась балканским регионом, и ее основные принципы распространялись на все те страны Восточной Европы, где действовали крестьянские партии или существовало сильное крестьянское движение.

Следует сразу же оговориться, что едва ли можно утверждать, что Коминтерн и Крестинтерн ставили своей задачей в полном смысле этого слова формирование, или, точнее, воспитание, из крестьян или деятелей крестьянских партий руководителей прокоммунистического типа. В период до создания Крестинтерна при обсуждении вопросов о работе коммунистов в деревне или о руководстве крестьянским движением на конгрессах Коминтерна и на заседаниях ИККИ всегда имелось в виду, что такая работа должна вестись крестьянами-коммунистами. После возникновения Крестинтерна его руководство, казалось бы, должно было поставить вопрос о создании своих собственных кадров из радикально настроенных крестьян-некоммунистов, которые, являясь носителями крестьянской психологии и идеологии, одновременно поддерживали бы идею революционной борьбы за рабоче-крестьянское правительство (диктатуру пролетариата). Однако этого не произошло.

Причины были разные. Во-первых, создавался Крестинтерн не как централизованная организация (по типу Коминтерна), а как руководящий центр, которому еще только предстояло сформировать интернациональное объединение крестьянских партий и организаций. При объявлении о создании Крестинтерна он еще не располагал никаким членским составом. В этой ситуации было решено, что Крестьянский интернационал первоначально будет действовать как широкая крестьянская организация, использующая такие методы, как распространение воззваний, манифес-

[1] *Jackson G.* Comintern and Peasant Europe. 1919–1930. New York. 1966. P. 54.

inslav

тов и т. п.[1]. От идеи превращения Крестинтерна в централизованную организацию руководители Коминтерна в целом не отказывались, но считали это возможным лишь в перспективе (которой так и не суждено было осуществиться). Перед «избранным» на Первой международной крестьянской конференции (октябрь 1923 г.) руководящим органом Крестинтерна — Международным крестьянским сове́том (МКС) была поставлена задача создания в каждой стране своей секции в лице крестьянских организаций. При положении, что Крестинтерн оказался организацией без структурных звеньев, исполнение решений ИККИ и МКС по крестьянским вопросам и посредничество между ними и крестьянскими партиями и организациями было поручено коммунистическим партиям. Они стали той политической силой, которая должна была проникнуть в крестьянские партии и организации и быть в них проводником коммунистического влияния, содействовать их присоединению к Крестьянскому интернационалу. В результате МКС был составлен из деятелей национальных компартий, а Крестинтерн, не имея собственной организации и идеологии, остался (в лице МКС) не более чем прокоммунистическим центром в Москве.

Во-вторых, в Коминтерне смотрели на крестьянские партии как на партии, полные внутренних противоречий. К тому же их считали временным явлением: согласно коммунистической доктрине, после победы социалистической революции, «при диктатуре пролетариата, когда исчезнет политическое угнетение и эксплуатация крестьянских масс, исчезнет и необходимость политической борьбы, и политическая крестьянская организация легко может быть перестроена и переставлена на рельсы экономической деятельности. А коммунистическая партия будет политической силой, которая защищает интересы не только рабочего класса, но и крестьянства»[2].

В-третьих, в ИККИ не было доверия даже к тем мероприятиям, которые в МКС разрабатывались коммунистами, не говоря уже о том, чтобы поручать работу членам крестьянских партий. А у сотрудников МКС не было ни возможности что-либо сделать из-за политической и финансовой зависимости от ИККИ, ни стремления что-либо предпринимать из-за боязни допустить ошибки[3]. Сделанное в 1927 г. заместителем председателя Президиума МКС Т. Домбалем предложение ИККИ о предоставлении Крестинтерну известной самостоятельности в работе, о разрешении ему использовать свои формы деятельности среди крестьянства не получило одобрения[4]. Что лишний раз подтвердило фактическую незаинтересованность коммунистов в формировании собственных кадров Крестинтерна.

О том, что ИККИ и МКС никогда серьезно не задумывались о подготовке кадров из числа крестьянских деятелей, свидетельствует и реше-

[1] РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 163. Л. 7.
[2] Там же. Д. 44. Л. 129.
[3] Там же. Д. 195. Л. 3.
[4] Там же. Д. 24. Л. 163–166; Д. 26. Л. 171–183.

inslav

ние состоявшегося в декабре 1924 г. совместного заседания представителей ИККИ, МКС и Балканской коммунистической федерации (БКФ), посвященное работе компартий среди крестьянства и в его организациях. В решении предусматривалось: 1) в странах, где нет крестьянских партий, но влияние компартий на крестьянские массы велико, союз рабочих и крестьян осуществляется путем непосредственного воздействия коммунистов на неорганизованную крестьянскую массу; 2) в странах, где имеются крестьянские партии, задачей МКС является привлечение этих партий в Крестьянский интернационал при условии принятия ими его программы (борьба против империалистического гнета, блок с рабочим классом, борьба за рабоче-крестьянское правительство, борьба против угрозы войны); 3) в отношении крестьянских партий должна вестись политика, направленная на очищение их от кулацких элементов и на подчинение их идейному влиянию коммунистических партий. В случае, когда этого невозможно добиться, МКС не должен останавливаться перед расколом крестьянской партии и объединением беднейших крестьянских элементов в беспартийные крестьянские союзы, руководимые коммунистами; 4) в странах, где крестьянские массы идут за буржуазными и мелкобуржуазными партиями, компартии должны создавать крестьянские союзы, руководимые коммунистами[1]. Применительно к отдельным партиям эта программа была более подробно развита В. Коларовым, Ю. Красным и Д. Мануильским в документе «Отношение коммунистических партий к крестьянским партиям и организациям»[2], ставшем своего рода директивой для работы компартий среди крестьянства. В этом документе, как и в решении совместного заседания ИККИ, БКФ и МКС речь шла о прямом руководстве крестьянским движением со стороны компартий и о создании классовых организаций крестьянства. На Втором пленуме МКС (апрель 1925 г.) Т. Домбаль подтвердил важность исполнения компартиями этих постановлений[3].

Не спешили устанавливать контакты с Крестинтерном и крестьянские руководители левой ориентации. Правда, попадавшие в СССР по той или другой причине деятели крестьянских партий иногда пытались связаться с только что созданным Крестинтерном, как, например, члены БЗНС, вынужденные покинуть Болгарию после Сентябрьского восстания 1923 г. Но поднявшиеся на защиту своего свергнутого правительства деятели БЗНС, среди которых были и бывшие депутаты Народного собрания, оказывались неподходящими для работы в организации коминтерновского типа, какой был Крестинтерн. Там доверяли таким людям, как Т. Домбаль. Вначале член Польской крестьянской партии «Пяст», Домбаль, вернувшись по окончании Первой мировой войны в родной город Тарнобржег (Западная

[1] Там же. Д. 30. Л. 99–100.

[2] Там же. Д. 44. Л. 172–179; Д. 85. Л. 382–389; ЦДА. Ф. 147 Б. Оп. 2. Д. 779. Л. 1–17.

[3] Там же. Д. 17. Л. 237.

inslav

Галиция), вступил в Радикальную крестьянскую партию, агитировал за проведение радикальной аграрной реформы и вскоре стал членом Коммунистической партии Польши (КПП). Как член КПП, был избран в сейм, но в 1922 г. арестован и приговорен к 6 годам тюремного заключения. В марте 1923 г. советское правительство обменяло его на нескольких поляков, арестованных в Москве. Ко времени создания Крестьянского интернационала Домбаль, очевидно, уже расстался с крестьянским мировоззрением.

Некоторые крестьянские деятели, попадавшие в СССР, проходили через школы Коминтерна — ленинские курсы, Международную ленинскую школу (МЛШ), Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), и их готовили для работы уже как коммунистов. Обычная же судьба политэмигрантов-деятелей крестьянских партий в СССР — расселение по различным районам и городам, работа в колхозах. Кое-кто из них стремился вернуться на родину, но для этого нужно было преодолеть огромные трудности: обычно советские государственные органы не разрешали им выезд из Советского Союза.

Показательна в этом отношении судьба болгарского эмигранта Ивана Гутова, члена БЗНС с 1905 г. После поражения Сентябрьского восстания 1923 г. он вместе с единомышленниками бежал в Турцию, а затем, как только советские органы дали согласие принять их без необходимых для въезда в страну документов, отправился в СССР. Здесь занимался земледелием. Когда в феврале 1926 г. правительство А. Ляпчева объявило об амнистии, Гутов решил вернуться в Болгарию. Получив отказ, поехал в Минск, откуда нелегально переправился в Польшу, где, однако, был арестован и посажен в тюрьму. Его выручил Г. М. Димитров (Гемето), участвовавший в проходившем в это время в Варшаве заседании Молодежного союза Зеленого интернационала: с его помощью Гутов был освобожден и отправлен в Болгарию. Позже Гутов стал членом БЗНС «А. Стамболийский», руководимого Г. М. Димитровым, и активно участвовал в подготовке в конце 1940 — начале 1941 гг. организованной британской секретной службой (УСО) в Болгарии и возглавленной Г. М. Димитровым попытке переворота с целью свержения прогерманского правительства Б. Филова и предотвращения вступления германских войск в Болгарию[1].

Обстоятельство, что некоторые левые руководители крестьянских партий приезжали в Москву на специализацию или для переговоров, не меняет существа дела. В большинстве случаев крестьянские деятели преследовали цель установления начальных связей с Крестинтерном. МКС после выяснения с ними некоторых вопросов и предъявления им своих рекомендаций старался как можно скорее отправлять их обратно в страну, где их некем было заменить: в сельских партиях и организациях левые

[1] АМВР. С. Д. 101392 (Г. М. Димитров). Т. Ш. С. 136–137.

inslav

группы прокоммунистической ориентации обычно были немногочисленны, их руководители насчитывались единицами и работали полулегально.

Интерес руководителей некоторых крестьянских партий к Крестинтерну, как к организации, которая может помочь им в их борьбе, как правило, быстро исчезал. После первых контактов они отказывались от подобного «сотрудничества». Характерен случай со Степаном Радичем, объявившим в советской столице о присоединении Хорватской республиканской крестьянской партии (ХРКП, позже ХКП) к Крестьянскому интернационалу. Возвращаясь из Москвы в Загреб, на вопрос встречавшего его в Вене заместителя председателя ХРКП В. Мачека, чего он добился в Москве, Радич ответил: «Ничего. Коммунистам нужны не союзники, а только слуги»[1].

Не получили развития и установленные в 1925 г. контакты с руководителем Земледельческой демократической партии Сербии Радосавом Джокичем, приехавшим в Москву в надежде получить здесь финансовую помощь и готовым за это выполнять указания Крестинтерна. Джокич также оформил присоединение своей партии к Крестьянскому интернационалу. Но как только выяснилось, что МКС отказывается предоставить ему сумму, необходимую для покрытия долгов партии, Джокич прервал с ним все контакты[2]. Не принесли больших результатов и поддерживавшиеся МКС в 1925–1928 гг. связи с сплитскими диссидентами во главе с Джирличем, с отделившейся от ХКП группой вокруг депутата С. Буча, с кооперативным деятелем П. Булатом. Если эти группы и следовали указаниям МКС, то лишь до тех пор, пока это отвечало их интересам[3]. Заигрывание Крестинтерна с одним из руководителей Царанистской партии Румынии Н. Лупу, на имя которого посылались телеграммы с предложением присоединиться к Крестинтерну, дало обратный результат, настроив не только Лупу, но и всю партию против красного Крестинтерна[4]. На Пятом пленуме ИККИ (март 1925 г.) МКС был вынужден признать, что не располагает, в отличие от Коминтерна, симпатизирующими ему партийными крестьянскими организациями, на основе которых он мог бы строиться[5].

Подразделения (секции) МКС и действовавшего при нем Международного аграрного института (МАИ) состояли в большинстве случаев из видных старых российских большевиков и эмигрантов-коммунистов, назначавшихся национальными компартиями для работы в МКС и МАИ, хотя до этого они никогда раньше не занимались аграрно-крестьянскими

[1] *Maček Vl.* In the Struggle for Freedom. New York. 1957. P. 100.

[2] РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 191. Л. 35–41, 47, 50, 70–71, 73–83, 84–98, 100, 103–105, 125–126.

[3] Там же. Ф. 535. Оп. 1. Д. 104. Л. 47-49, 58-59; Д. 135. Л. 145; Д. 162. Л. 128; Д. 208. Л. 22.

[4] Там же. Д. 45. Л.131, 132, 159; оп. 2. Д. 133. Л. 22–25, 54.

[5] К пленуму МКС // Крестьянский Интернационал. 1925. № 1–2 (январь–февраль). С. 4.

inslav

вопросами. Не удивительно, что в предлагавшихся ими разработках отсутствовал глубокий анализ проблем курируемых ими стран, равно как и рациональные предложения для выработки принципов эффективной коммунистической деятельности среди крестьянства и его партий. Обсуждение текущих событий с участием в них крестьянских партий сводилось к тому, чтобы доказывать правильность теории о руководящей роли коммунистической партии в борьбе крестьянства. К примеру, в связи со съездом Национал-царанистской партии (НЦП) в Альба-Юлии (май 1928 г.), призвавшим к борьбе против правительства национал-либералов во главе с Й. Брэтиану и проложившим путь к приходу в конце 1928 г. НЦП к власти, Президиум МКС заявил, что события в Альба-Юлии являются свидетельством нового подъема крестьянского движения в Румынии, с которым НЦП вынуждена считаться, но что она делает все возможное, чтобы не допустить революционных действий крестьян, удержать их под своим контролем и направить движение в строго легальные рамки. В оценке МКС событий в Альба-Юлии не было даже намека на то, что инициатором и руководителм разраставшегося крестьянского движения в Румынии была именно НЦП[1].

И тем не менее формирование левых, прокоммунистически настроенных крестьянских руководителей имело место. Оно происходило под влиянием общения крестьянских деятелей с представителями компартий, с сотрудниками МКС, в результате совместного выполнения поставленных задач. Происходил своего рода естественный отбор людей из среды крестьянских деятелей, имевших крайне левую ориентацию. Их было немного, и для них была характерна раздвоенность — и теоретическая, и практическая — между собственным пониманием задач крестьянской борьбы и навязывавшимся коммунистами. И лишь единицы из них сформировались как коммунистические деятели. Применительно к балканским странам можно указать только на одного человека — на Лазаря Станева. Следует сказать, что до террористического акта в церкви «Св. Неделя» члены БЗНС Д. Грынчаров и Н. Петрини тесно сотрудничали с БКП. Грынчаров, считавшийся в 1924–1925 гг. идеологом прокоммунистического крыла в БЗНС, отказался следовать идее рабоче-крестьянского правительства, предлагавшейся коммунистами, и стал ориентироваться на крестьянско-рабочее или даже крестьянское правительство. В свою очередь Г. Драгнев, взявший на себя по выходе из тюрьмы в феврале 1926 г. инициативу установления отношений с Крестинтерном и являвшийся в 1926–1931 гг. вместе с Л. Станевым руководителем левицы БЗНС, отказался в 1930–1931 гг. от сотрудничества с БКП, во-первых, из-за несогласия с оценкой БЗНС-Врабча-1 (куда входила и левица БЗНС), который БКП и ИККИ называли аграр-фашистской партией, а во-вторых, считая, что движение 1930–1934 гг. по созданию в Болгарии сельских комитетов должно быть делом левицы БЗНС и не желая проводить эту работу как акцию единого фронта и под руководством БКП. Последним «могиканом» сотрудничества

[1] РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 173. Л. 73.

inslav

левицы БЗНС с БКП оставался лишь Л. Станев, который вплоть до запрещения в Болгарии в 1934 г. всех партий и организаций занимался созданием крестьянских комитетов под руководством БКП, а в 1934 г. стал членом Рабочей партии и возглавил в ней отдел по работе на селе.

На сотрудничество с коммунистами не шли люди даже из круга радикально настроенных крестьянских деятелей. Причиной было бесцеремонное навязывание им коммунистической идеологии и революционных методов борьбы, игнорирование их мнения.

Из-за полного отсутствия организаций в составе Крестьянского интернационала, равно как и крестьянских кадров, с которыми он мог бы работать, специальная комиссия, созданная ИККИ (В. Коларов, О. Пятницкий, И. Корнблюм, И. Орманов, О. Куусинен, А. Хевеши, В. Пик и другие), приняла в январе 1931 г. решение о роспуске Крестинтерна. Роспуск состоялся вскоре после триумфально проведенного им в марте 1930 г. (при организационном и финансовом обеспечении со стороны Коминтерна) Европейского крестьянского конгресса.

Настаивая на роспуске Крестинтерна, член Политсекретариата ИККИ О. Пятницкий отмечал: нет смысла в существовании организации, которая вместо работы в массах крестьянства при опоре в первую очередь на крестьянских деятелей занимается руководством деятельности компартий среди крестьянства или работает среди крестьян-коммунистов. 50% делегатов Европейского крестьянского конгресса, продолжал Пятницкий, являлись коммунистами. Что касается балканских стран, то от Болгарии, например, было 5 делегатов, а именно: Г. Драгнев, Л. Станев и М. Денев — все из левицы БЗНС, а также д-р П. Вичев и д-р Ас. Панев — в качестве «представителей крестьянства», хотя на самом деле они были членами Добруджанской революционной организации. Румыния была представлена одним политэмигрантом, Албания — Фан Ноли, являвшимся руководителем Национального комитета освобождения Албании[1].

Тактика компартий в отношении крестьянских партий и организаций, разработанная Коминтерном в середине 20-х гг. (раскол крестьянских партий, отстранение «правого» руководства, утверждение во главе партий своих ставленников), была использована в середине 40-х гг., когда коммунистические партии из «совместно управляющих» превратились в правящие. Притом не только в балканских странах, но и во всех государствах Восточной и Центральной Европы, попавших в «зону советского влияния». «Приобщение» крестьянских партий к новой власти осуществлялось с помощью «чрезвычайных», силовых методов.

Вот тогда-то вспомнили о деятелях крестьянских партий, работавших в 1920-е гг. с коммунистами, рассчитывая на их опыт «сотрудничества» с компартиями 20-летней давности. Действительно, некоторые из них попробовали сделать еще одну попытку найти общий язык с коммунистами, как, например, Г. Драгнев — бывший член БЗНС, сторонник единого фронта рабочих и крестьян; постигшее его новое разочарование застави-

[1] Там же. Ф. 495. Оп. 60. Д. 181. Л. 2–83.

inslav

ло его навсегда оставить политическую сцену. Ряд руководителей крестьянских партий, входивших в созданные коммунистами в годы Второй мировой войны отечественные, народные или национальные фронты, — Н. Петков, А. Держанский, Ас. Павлов, Б. Бумбаров (все БЗНС «А. Стамболийский»), Д. Йованович, В. Чубрилович (сербский Союз земледельцев) и другие хотели, надеясь на равноправные коалиционные отношения с коммунистами, продолжить сотрудничество с ними. Однако их надежды скоро сменились разочарованием и отрезвлением, следствием чего стал выход представителей крестьянских партий из первых «народно-демократических» правительств. Они же возглавили оппозиционное движение в своих странах.

Трансформация так называемой «народной демократии» в «социализм» стала возможной лишь после того, как было сломлено «правое» крыло крестьянских партий. Летом 1947 г. были арестованы лидер НЦП Ю. Маниу в Румынии, Н. Петков в Болгарии. Маниу приговорили к пожизненному заключению, Петкова — к виселице. Специальным декретом была распущена чехословацкая Республиканская партия земледельцев. В октябре 1947 г. эмигрировал из Польши, чтобы спастись, лидер Польской крестьянской партии С. Миколайчик. В мае 1948 г. эмигрировал и Ференц Надь — руководитель венгерской Партии мелких крестьянских собственников. Так был положен конец крестьянскому движению в странах, волею судьбы попавших в «социалистический лагерь».

Продолжили свое существование только те крестьянские партии, точнее их части, в составе которых нашлись деятели, способные воспринять создавшееся положение и соотношение сил как неизбежность и сумевшие приспособиться к новым условиям. Некоторые из них и прежде сотрудничали с коммунистами, другие, наоборот, были ярыми антикоммунистами (Ал. Оббов из БЗНС), но те и другие приняли руководство компартии, ее идеологию и программу. Среди балканских крестьянских партий сохранить свое существование удалось лишь БЗНС в Болгарии; среди восточноевропейских — Объединенной крестьянской партии в Польше. Так что только в условиях сосредоточения власти в странах Восточной и Юго-Восточной Европы в руках коммунистов им удалось «воспитать» в кое-где сохранившихся крестьянских партиях свои «прокоммунистические» кадры.

Насколько неправомерно и искусственно была произведена насильственная ликвидация большой части крестьянских партий в странах Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, а также «приобщение» некоторых их руководителей к установленным там коммунистическим режимам, показали революционные события 1989–1990-х гг.: в новых условиях крестьянские партии «возвращаются к жизни» одними из первых, в то время как их прокоммунистические «сестры» распались, как карточные домики.

Перевела Р. Гришина

inslav

А. С. Аникеев
Институт славяноведения РАН

И. БРОЗ ТИТО — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ? АБЕРРАЦИЯ ИДЕОЛОГИЗИРОВАННОГО СОЗНАНИЯ

В истории XX века имя югославского коммунистического лидера Иосипа Броз Тито, вероятно, будет стоять в одном ряду с крупнейшими мировыми политическими фигурами, даже несмотря на то, что дело его жизни — построение особой модели социализма в Югославии, завершилось, как и в Восточной Европе, в течение жизни двух поколений. Также в последние годы ушло на периферию и разработанное при его активном участии движение неприсоединения, объединявшее в неприятии блоковой политики Югославию и крупнейшие афро-азиатские страны. Спустя десять лет после смерти патриарха, отдавшего все силы для поддержания стабильности и сохранению «братства и единства» в раздираемой национальными проблемами стране, распалась и сама Югославия. Между тем новая Югославская федерация знала после войны лучшие времена, главным образом в 50–70-е годы. В чем же причина того, что период успешного развития «второго» («первым» называют межвоенную Югославию) югославского государства был столь краток, а его распад приобрел такой драматический характер? Отвечая на первую часть вопроса, следует сказать, что коммунистическое однопартийное государство, развиваясь в послевоенные годы от тоталитарной, советской модели к автократической форме правления, достигло определенного социального и экономического прогресса, в значительной степени благодаря весомой финансовой поддержке Запада, оказанной стране в 50-е и 60-е годы. Западная помощь помогла югославскому руководству начать и некоторые экономические реформы, давшие толчок развитию способного к конкуренции на мировых рынках производства. Подъем экономики позволил поставить, в рамках дальнейшего развития марксистской практики, эксперимент с самоуправлением. В то же время коммунисты в Югославии (как, впрочем, в СССР и в других восточноевропейских странах), отказавшись от эволюционного пути, нарушили традиционный уклад югославянской политической и экономической жизни, обеспечивавший относительную преемственность исторического развития и его плавный ход. Попытавшись воплотить на практике заимствованную идеологическую схему, к которой югославское руководство подходило как к научной истине, оно своей политикой по-

inslav

степенно подрывало внутренние скрепы национального государства, что способствовало ускорению изначально существовавших в нем мощных центробежных тенденций. Известно, что коммунисты во главе с Тито получили тяжелое наследие от бывшего югославского монархического государства, в котором накануне войны получила автономию Хорватия, что должно было стать первым шагом к созданию федерации. Между тем попытка коммунистов решить после войны национальные проблемы, опираясь на заимствованную у СССР концепцию федеративного устройства, не обернулась их решением, поскольку созданное государство стало в сущности централизованным и процесс перешел в фазу вялотекущего кризиса, с постепенной кристаллизацией сепаратизма в каждой из республик.

ФНРЮ (позднее СФРЮ) ослабляли многие факторы: страшная ипотека военных лет с массовой резней сербов усташами на территории Хорватии и Боснии, сохранявшаяся с того же периода в определенных кругах общества оппозиция коммунистической власти, рост хорватского, албанского и мусульманского национализма. Уже с начала 70-х годов эти латентные противоречия в межнациональной сфере, особенно по линии серб-хорватских отношений, стали проявляться все заметнее. Они с трудом удерживались и регулировались стареющим Тито, авторитет которого был все еще непререкаем. Республиканская партийно-бюрократическая элита (этнократия), набиравшая силу, в том числе и благодаря скороспелым партийным решениям и законодательным реформам, продолжала требовать для своих республик новых льгот и преференций, что подрывало общефедеральные политические и экономические связи, усиливая импульсы к отделению, и в итоге взорвало страну изнутри. Внешним же побудительным стимулом сепаратизма, как бы подстегнувшим процесс, стали революции конца 80-х годов в Восточной Европе, распад «социалистического лагеря», а затем и СССР.

* * *

О послевоенной истории Югославии написаны десятки научных и публицистических работ. И главным их героем всегда остается Тито. Без преувеличения можно сказать, что он в значительной степени персонифицировал новейшую югославскую историю. Его идеи, как и мысли его ближайших соратников, прошедшие через автохтонное, двоящееся сознание (и подсознание) «балканского человека», формировавшееся в условиях многовекового имперского гнета, конструировали, как им казалось, идеальную модель будущей Югославии, гармоничное, поступательное развитие которой направлялось бы мудрой партийной верхушкой, свободной от влияния внешнего фактора. Но ирония заключалась в том, что сложный исторический процесс взаимодействия причинно-следственных связей не всегда подвластен человеческим желаниям и намерениям, в том числе стремлениям и расчетам югославских коммунистов, видевших в марксизме универсальное средство для построения югославского общества. Возможно, последнее обстоятельство способствовало накоплению

inslav

ошибок на этапе разработки и принятия решений, что неизбежно должно было вызвать на определенном этапе сбой в работе партийно-государственного механизма, определявшего политику страны.

Жанр и объем данной статьи позволяет лишь эскизно осветить поставленный вопрос, обратить внимание на ключевые эпизоды, в которых проявились наиболее характерные черты нашего героя. При этом хронологически наиболее ярким и насыщенным событиями следует признать драматичный период первого послевоенного десятилетия, время создания основ новой Югославии. Тогда под его руководством были продолжены начатые в годы войны реформы в сфере политики и экономики. Большая их часть была не всегда адаптирована к местным реалиям и являлась калькой с советских образцов, как, к примеру, принятая в 1946 году югославская Конституция. Переломным для Югославии стал советско-югославский конфликт 1948 г., после которого Югославия оказалась за пределами лагеря «народных демократий», а затем вынуждена была пойти для решения внутренних и внешних проблем на сближение с Западом. Тогда же Белград приступил к некоторым, не менявшим сути власти, скорее декоративным реформам в рамках марксистской доктрины. Некоторые социопсихологические характеристики Тито также достаточно четко обозначились именно в эти годы противостояния с Кремлем и поиска нового политического курса.

Возглавив накануне Второй мировой войны югославскую компартию, Тито должен был проводить на Балканах линию Коминтерна, а значит, ВКП(б) и лично Сталина. Организаторские способности и поддержка партийных товарищей позволили консолидировать компартию, а начавшаяся война вывела ее на передний край борьбы за освобождение от оккупантов и социальную революцию. Благодаря верно избранной стратегии (несмотря на некоторую полемику на первом этапе с Коминтерном) сражаться одновременно с оккупантами и своими политическими противниками, КПЮ и ее вооруженные отряды уже к 1943 году становятся ведущей силой Сопротивления в Югославии, а через некоторое время и признанной частью антигитлеровской коалиции. К этому времени югославским коммунистам удалось создать на освобожденных территориях свои органы власти и выступить перед союзниками с требованием их признания. Тито, секретарь КПЮ и маршал, выходит на уровень мировой политики, и вопрос об отношении к нему и его движению обсуждается между СССР, США и Великобританией. В 1944 г. он встречается с Черчиллем, правительство которого перестает поддерживать четников и короля Петра II и вскоре, вместе с американцами, признает югославского лидера и его вооруженные силы единственным законным представителем движения Сопротивления в стране. На завершающем этапе войны югославскому руководству приходилось решать значительное число проблем, связанных с конституированием новой власти и формулированием новой внешнеполитической программы. Планы территориальных приобретений у

inslav

соседей , позиция в вопросе о балканской федерации показывали, что югославское руководство фактически выступало с претензиями на руководящую роль на Балканах. При этом становилось все заметнее стремление копировать советский опыт и поведение и в этой области, с чем Москва, связанная договорными обязательствами с западными союзниками, не могла согласиться. Амбициозная, не учитывающая интересы Кремля региональная политика Белграда осложняла советские отношения с США и Великобританией и все чаще становилась предметом обсуждения между Москвой и Белградом.

Превращение возглавляемого югославскими коммунистами Сопротивления в ведущую силу на Балканах, успехи в борьбе с оккупантами и внутренней оппозицией, вероятно, оказали влияние на югославское руководство и самого Тито, сделав их менее зависимыми (в интенции) от внешнего фактора, критичными по отношению к своим планам и предпринимаемым действиям, что не осталось незамеченным для окружающих. Г. Димитров, беседовавший с Тито во время его визита в Москву в апреле 1945 г. о положении в Югославии, о возможном заключении договора о союзе между Югославией и Болгарией, взаимоотношениях с США и Великобританией, после встречи записал в дневнике: «Общее впечатление: недооценка сложности положения и предстоящих трудностей, сильно самонадеян, большая степень высокомерия и несомненное "головокружение от успехов". На словах, конечно, все как будто в порядке». На следующий день Димитров, у которого югославский лидер, проведший за годы войны не одну успешную кампанию против оккупантов, вызывал, очевидно, смешанные чувства ревности и восхищения, но также и обиды, направил письмо Сталину, в котором содержалась также оценка позиции югославского руководства. Не называя имен, он писал, что у «ряда югославских товарищей имеются нездоровые настроения, определенное "головокружение от успехов" и неправильное, высокомерное отношение к Болгарии и даже к болгарской компартии»[1].

Обвинения югославов имели под собой основания. Во время югославо-болгарских переговоров в Москве в январе 1945 г. по вопросу о создании федерации двух стран они настойчиво стремились к такому варианту соглашения, по которому Болгария фактически лишалась бы своего государственного суверенитета и входила бы в объединение на тех же правах, что и сербы, хорваты, словенцы, македонцы и другие народности Югославии. В случае одобрения этих планов, как полагало югославское руководство, будущая федерация смогла бы «внутренними усилиями правильно воздействовать на Болгарию»[2]. Против подобной федеративной идеи, которая очевидно получила одобрение и самого Тито, выступали не только болгары, но и Сталин, много раз, осенью 1944 г. и зимой 1945 г., подчеркивавший необходимость создания равноправного союза двух балканских

[1] *Димитров Г.* Дневник. 9 март 1933 – 6 февруари 1949. София. 1997. С. 474.

[2] Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. Москва; Новосибирск. 1997. С. 128–129.

inslav

государств, а не т. н. «семичленной» федерации (югославские республики плюс Болгария). «Левацкие перегибы» югославского руководства, обнаружившиеся в подходе к вопросу о федерации с Болгарией, проявились и в выдвижении территориальных требований к другим соседям, в том числе и к тем, кто не входил в число бывших германских сателлитов. Это относилось, в частности, к Греции, от которой югославы рассчитывали оторвать и присоединить к себе Эгейскую Македонию. Комментируя югославские планы, Сталин сказал: «Создается положение, в котором вы оказываетесь во враждебных отношениях с Румынией, Венгрией, Грецией, собираетесь воевать со всем миром; не имеет смысла создавать подобного положения» [1].

Весной 1945 г., во время кризиса вокруг Триеста, Тито, недовольный позицией Кремля, требовавшего отвода югославских войск из города, заявил, что югославы не хотят платить по чужим долгам, не хотят быть разменной монетой и не желают, чтобы их вмешивали в политику сфер интересов [2]. Последняя фраза заставляет предположить, что Тито был знаком (возможно от англичан) с советско-британским соглашением о разделе сфер влияния на Балканах, заключенным в октябре 1944 г. в Москве между Сталиным и Черчиллем. Если это так, то данное обстоятельство могло вызвать у него переоценку советской политики и способствовать формированию новых подходов к сотрудничеству с Кремлем. Знание о том, что Югославия была разделена поровну между СССР и Великобританией, могло дать ему в критической ситуации дополнительное ощущение независимости от Кремля и его хозяина и в то же время сформировать готовность к контактам с британцами, получившими свою «долю» в этой балканской стране. Известно, что глава британской военной миссии при штабе Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) Ф. Маклин был другом Тито, который после событий 1948 г. даже приезжал в Белград уговаривать югославов отказаться от поддержки греческих партизан. Версия о том, что Тито каким-то образом рассчитывал использовать эту ситуацию, нуждается в специальной проверке. Несомненно, однако, что англичане стремились и после войны сохранить за собой право на 50% влияния в коммунистической Югославии. Договоренности о сферах влияния на Балканах сохраняли свое значение и для Сталина. Во время Берлинской (Потсдамской) конференции Черчилль напомнил кремлевскому хозяину о договоренности по Югославии, сказав, что сейчас там соотношение не 50:50, а 99:1 не в пользу Англии. Сталин, по словам британского лидера, утверждал, что соотношение там 90 процентов в пользу Англии, 10 процентов в пользу Югославии и 0 процентов в пользу России. «Советское правительство часто не знает, что собирается предпринять Тито», — добавил он. Несмотря на очевидную иронию сталинской реплики, в ней возможно была и известная доля истины, принимая во внимание недав-

[1] Там же. С. 130.

[2] *Ђилас М.* Пад нове класе: повест о саморазању комунизма. Београд. 1994. С. 69.

inslav

ний кризис вокруг Триеста. Между тем Сталин обратил внимание своего собеседника на то, что он был уязвлен американскими требованиями сменить правительство в Румынии и Болгарии, в то время как он не вмешивается в греческие дела (там соотношение было 90 : 10 в пользу англичан). По его мнению, американцы поступали несправедливо[1]. Нельзя исключить того, что в Лондоне, зная об известной самостоятельности Тито и его определенной непредсказуемости, могли строить в отношении него какие-то планы, в расчете на сохранение своего влияния в Югославии. Еще летом 1944 г. в британских дипломатических документах, в которых анализировалась ситуация на Балканах с точки зрения восприятия там грядущей советской оккупации, отмечалось растущее беспокойство среди политических сил такой перспективой и готовность к сотрудничеству с Великобританией. Одним из относящихся к этой категории был назван «генерал Тито»[2]. Вероятно, англичанам стало известно (возможно, через офицеров британской миссии) о каких-то высказываниях югославского лидера или его окружения, позволивших сделать эти выводы. Если учесть, что практически все документы британского внешнеполитического ведомства того периода, относящиеся к СССР, просматривались работавшим на Москву Д. Маклином, то не исключено попадание такого рода «компромата» на кремлевский стол Сталина, который мог хранить его, по своей привычке, до лучших времен. В этой связи интересны также материалы, содержащиеся в мемуарах сербского политика С. Иовановича. Согласно его воспоминаниям, в феврале 1945 г. британский дипломат Ранделл сообщил ему, что Тито скоро сойдет с политической сцены в Югославии, а в ответ на удивленный вопрос, каким образом это может произойти, он услышал, что это сделают сами русские[3].

Тито в те годы невозможно представить во всей полноте без его сопоставления со Сталиным, без выяснения того, что объединяло эти две фигуры и что их разнило. Вождь советской России представал тогда для югославских коммунистов в ореоле славы и божественной харизмы. Литературно одаренный коммунист-идеалист М. Джилас так описывал свои ощущения накануне встречи со Сталиным в апреле 1944 г. «Быть принятым у Сталина — это было наивысшим признанием героизма и страданий партизанских бойцов и нашего народа. Сталин был чем-то большим, чем вождь в борьбе. Он был воплощением идеи, был претворен в коммунистических головах в чистую идею, а тем самым в нечто непогрешимое. Сталин был нынешней победной борьбой и грядущим братством человечества. Вмиг исчезло все отрицательное в СССР, а все недоразумения между нами и советскими руководителями потеряли значение и вес, как будто их не бывало. Все отталкивающее исчезало перед потрясающими разме-

[1] *Черчилль У.* Вторая мировая война. М. 1991. Книга третья. С. 662.

[2] *Barker E.* British Policy in South — East Europe in the Second World War. London. 1976, p. 141.

[3] *Јовановић С., Павловић К.* Слободан Јовановић у емиграцији. Разговори и записи. Београд. 1993. С. 84.

inslav

рами и красотой того, что во мне происходило. Что значила моя личная судьба в сравнении с масштабами борьбы и наши недоразумения в сравнении с грядущим осуществлением идеи?»[1] Возможно, что и отношение самого Тито к Сталину было, с небольшими вариациями, таким же. Персонификация актуальной марксистской идеи в образе Сталина являлась в тот период обычной для большинства зарубежных коммунистов. Между тем у югославского руководства, людей «балканских», это восхищение и обоготворение вождя не приняло клинической формы, не выключило их рефлексию, как это видно из размышлений Джиласа. Наблюдателей удивлял независимый стиль общения Тито со Сталиным, его способность, на фоне советского партийно-бюрократического раболепия перед вождем (обусловленного в первую очередь страхом), возражать оппоненту в ходе дискуссии. Джилас отмечал, что во взаимоотношениях Сталина и Тито можно было заметить что-то особое, невысказанное — как будто бы они испытывали недовольство друг другом, но каждый из них сдерживался, исходя из своих соображений. Сталин старался ни в коем случае не обидеть Тито лично, но в то же время он не упускал случая как бы невзначай «поддеть» его в связи с положением в Югославии. Со своей стороны, Тито относился к Сталину с уважением, как и положено к старшему, но чувство обиды, особенно когда Сталин делал замечания по поводу положения дел в Югославии, давало о себе знать[2].

Сталин, как опытный византийский политик, использовал для контроля над коминтерновскими деятелями, разъехавшимися в конце войны из Москвы по «национальным квартирам», разные методы и приемы — от вполне невинных до кровавых. Тито и его соратники, поднявшие восстание в Югославии и взявшие власть с оружием в руках, были не из их числа, что, вероятно, ставило перед Сталиным определенные проблемы. Во время визита югославской делегации во главе с Тито в СССР в мае 1946 года его отношение к югославам, если верить Джиласу, приобрело оттенок какой-то нарочитой лести и даже подобострастия. Во время одного из застолий в Кунцево он три раза повторил, что Тито нужно беречь, что он нужен Европе. На одной из последующих встреч, где присутствовали Г. Димитров, В. Коларов и Т. Костов (последний через три года по сталинскому приказу, как «титоист», был отправлен на виселицу), Сталин совершенно беспардонно унижал болгар, ставил Тито как политического деятеля выше Димитрова. Во время церемонии похорон М. Калинина, скончавшегося в те дни, Сталин пригласил Тито занять место между членами советского политбюро. Джилас видел в таком поведении Сталина определенное коварство — рисуя перед Тито некую радужную перспективу, он в действительности думал о другом[3].

---

[1] *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М. 1992. С. 47.

[2] *Гиренко Ю. С.* Сталин—Тито. М. 1991. С. 268.

[3] *Билас М.* Пад нове класе... С. 71.

inslav

Визит 1946 г. был последним для Тито, больше он со Сталиным не встречался: в Москву приезжали только люди из его ближайшего окружения. Между тем список советских, а точнее сталинских, претензий к Тито постепенно становился все длиннее, и к концу 1947 г. на первое место вышла албанская проблема, которую в Кремле рассматривали как тест на верность Белграда интернациональному долгу, а может быть, если принять версию Джиласа, как своего рода ловушку, в которую Сталин собирался поймать «независимого» Тито. Еще в начале войны Коминтерн дал поручение югославскому руководству оказать помощь в создании албанской компартии, что было реализовано в ноябре 1941 г.[1]. В годы войны югославо-албанские межпартийные связи, основанные на совместной борьбе с оккупантами, стали приобретать строго иерархический характер с доминацией КПЮ, а после 1945 г. Белград уже рассматривал Албанию фактически как одну из республик федеративной Югославии, оказывая ей политическую поддержку и предоставляя значительную экономическую помощь. Сталин, однако, видел Восточную Европу, и Балканы в частности, как зону совместного управления центра (Москва) и местного вассала (Белград) и не собирался отдавать свои права Тито. В июне 1946 г. советский посол в Югославии А. Лаврентьев во время встречи с албанским партийным лидером Э. Ходжей «указал» на необходимость укрепления отношений между Албанией и Югославией. «Ориентация Албании на близость с Югославией будет вместе с тем означать ориентацию Албании на близость с Советским Союзом», — разъяснял своему собеседнику позицию Москвы советский посол. Он также сказал, что СССР будет оказывать Албании, как братской республике, всяческую поддержку, но «эту поддержку не нужно афишировать и подчеркивать, чтобы не повредить Албании». Лаврентьев дал албанцу совет подписать договор о взаимной помощи между Югославией и Албанией, чтобы, как он отметил, «укрепить позицию Албании в отношении Греции и Италии»[2]. Югославское руководство, которое получило указание из Москвы развивать сотрудничество с Албанией, продолжило начатую раньше политику с удвоенной силой, но, как показали дальнейшие события, переусердствовало. В августе 1947 г. Тито в беседе с Лаврентьевым выражал недовольство позицией Нако Спиру (член политбюро КПА), который, по его мнению, проводит политику отрыва Албании от Югославии. Он «считал целесообразным» пригласить в Белград Э. Ходжу и К. Дзодзе и предложить албанцам во время встречи отстранить Спиру от работы[3]. Осенью конфликт в албанском руководстве между сторонником ориентации на Москву Н. Спиру и на Югославию К. Дзодзе и Э. Ходжа, подогреваемый Белградом через

[1] *Смирнова Н. Д.* Сталин и Балканы в 1948 г. Проблемы национальной безопасности СССР // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. М. 1999. С. 37.

[2] АВП РФ. Ф. 067. Оп. 14. Д. 9. П. 104. Л. 1.

[3] Восточная Европа... Т. 1. С. 687–688.

inslav

своего представителя при ЦК КПА С. Златича, достиг кульминации и его результатом стало самоубийство Н. Спиру 21 ноября[1].

В феврале 1948 г., когда югославы были вызваны в Москву для обсуждения среди прочего и албанского вопроса, эти трагические события в ходе встреч не были упомянуты, но, оставшись за кадром (правда, с сарказмом Сталин и Молотов сообщили, что советскому руководству известно о намерении Югославии «проглотить» Албанию), они не могли не оказать влияния на общую тональность переговоров. Югославам было поставлено в вину другое. Сталин, знавший от разведки о готовности американцев ввести свои войска в Грецию в случае продолжения помощи греческим партизанам со стороны Югославии, Болгарии и Албании, резко выступил против решения югославского руководства отправить в Албанию, в район албано-греческой границы, две дивизии. Он полагал, что такое решение Белграда может спровоцировать американцев на интервенцию против Югославии, под предлогом защиты Албании от оккупации, в отношении которой в годы войны между СССР, США и Великобританией была достигнута договоренность о защите ее независимости[2]. Этими же соображениями диктовалось и его требование к югославам и болгарам, также участвовавшим в этих переговорах, прекратить помощь греческим партизанам.

Накануне визита югославов в Москву Тито вынужден был объяснять свое, принятое им, как отмечает Джилас, практически единолично решение советскому послу Лаврентьеву, которому Сталин через Молотова поручил выяснить все подробности. Обвинительный тон советских телеграмм нарастал, и после передачи Тито последней, от 1 февраля 1948 г., Лаврентьев сообщал в Москву: «Тито, прочитав телеграмму два раза, крайне взволнованный, сказал, что не ожидал, что Советское правительство придает этому делу такое значение. Он признает, что им была допущена ошибка, нужно было предварительно проконсультироваться с Совпра, и такая консультация по внешнеполитическим вопросам впредь проводиться будет. Он понимает, что за такие неправильные внешнеполитические шаги реакция возложит ответственность на Советский Союз. Югославская дивизия не будет введена в Албанию». Далее Тито попытался снять вину с югославского правительства и перевести ее на себя как главнокомандующего, подчеркнув, что это мероприятие, основанное на согласии с албанским правительством, по его мнению, не являлось таким шагом, который требовал бы консультации с Москвой, тем более что прошлым летом в Албании был временно дислоцирован югославский авиационный полк, что не вызвало никаких возражений[3].

Грубое давление Сталина на Тито, «разнос», данный югославам и болгарам во время встречи в Кремле, объяснялись желанием защитить интересы СССР и его сателлитов на Балканах, которым грозило вмешательство со стороны Запада, а форма, в которой он сообщал зарубежным ком-

[1] Там же. С. 735–737.

[2] *Димитров Г.* Указ. соч. С. 598–599.

[3] *Гиренко Ю. С.* Указ. соч. С. 336–338.

inslav

мунистам о советских мотивах, лишь соответствовала стандартам привычного сталинского общения со своими подчиненными. Кроме того, важно отметить, что категоричный тон и резкость Сталина были вызваны также и тем, что от разведки он знал об истинных планах и намерениях западных держав гораздо больше, чем балканские коммунисты, которые поэтому воспринимали его аргументацию как противоречивую и недостаточно убедительную.

События зимних месяцев 1948 года стали переломными в отношениях Югославии и Советского Союза. Тито, который на Балканах постепенно входил в роль Сталина, в виде его уменьшенной и гораздо менее зловещей копии, объективно, учитывая все заслуги и достижения, не готов был подчиняться жесткому внешнему давлению, хотя обязан был, согласно иерархической дисциплине, выполнять все партийные приказы Кремля. Позже он сам признавал, что принять решение в связи с позицией Сталина было даже тяжелее, чем начать борьбу против Гитлера в 1941 г., «поскольку мне, как дисциплинированному коммунисту-интернационалисту», подчеркивал он, «было страшно трудно пойти на такой шаг». Дальнейшие объяснения своей позиции, которые он представил в интервью «Борбе» в мае 1974 г., были уже адаптированы к реалиям того периода и были явно шире тех мотивов, которыми он руководствовался в марте 1948 года, когда на заседании политбюро ЦК КПЮ шла речь о сопротивлении сталинскому диктату. Согласно его словам, принять бесповоротное решение заставило понимание того, что случай с Югославией был для Сталина только пробным шаром, а в действительности «речь шла о вопросе дальнейшего развития социализма в мире и социалистических отношений, о вопросе, какими должны быть отношения между социалистическими странами»[1]. Постоянные попытки Сталина поставить Тито в один ряд с другими зарубежными коммунистическими лидерами вызывали сопротивление. При этом, как у всех диктаторов, собственные интересы в сознании Тито отождествлялись с интересами руководимого им государства. В ходе исторического по своим последствиям мартовского заседания политбюро югославской компартии политика СССР по отношению к Югославии подверглась резкой критике. Тито говорил о несправедливости советских обвинений в связи с Албанией, которую Югославия «взяла на себя в качестве бремени в 2 миллиарда», подчеркнув при этом, что «нефть Советы забрали». «Мы обратили на это внимание албанцев», — отметил он. Смешанные советско-югославские экономические общества были названы им позорными и неравноправными. Сообщил он участникам заседания также об ограничении поставок вооружений для югославской армии и о переносе советской стороной сроков заключения торгового соглашения на 1948 г. с мая на декабрь. Констатировав, что «русские оказывают экономическое давление на нас», Тито призвал «выдержать это давление», пояснив, что «здесь речь идет о независимости нашей страны». Э. Кардель, один из участников февральской встречи в Москве, отметил в дискуссии,

[1] *Гиренко Ю. С.* Указ. соч. С. 342–343.

inslav

что «русские не хотят, чтобы в этих странах («народных демократий») создавалась определенная формация, позволявшая им развиваться в направлении социализма, что существуют идеологические разногласия по проблеме развития социализма». М. Джилас подчеркнул, что весь вопрос заключается в том, «будет ли социализм развиваться свободно или посредством расширения СССР», а С. Вукманович-Темпо сказал, что «русские проводят курс, направленный на то, чтобы поставить нас в зависимость от них». Завершая обмен мнениями, Тито затронул вопрос о болгаро-югославской федерации, о которой шла речь на московских переговорах, причем Сталин требовал, чтобы София и Белград договорились о подписании соглашения в самое ближайшее время — «завтра, если можно». В качестве одной из основных причин, не позволявших пойти на объединение, югославский лидер указал на существующие между двумя партиями идеологические разногласия («это был бы «троянский конь» в нашей партии»), а также различия в подходе к национальному вопросу. По его мнению, было бы ошибкой соблюдать в этой недостаточно ясной ситуации коммунистическую дисциплину, если это в ущерб какой-либо новой концепции... «Мы не пешки на шахматной доске. Мы должны ориентироваться только на собственные силы», — добавил он. Политбюро одобрило итоги визита югославской делегации в Москву и идею Тито об опоре на собственные силы[1]. Таким образом, Тито получил почти единодушную поддержку своих партийных товарищей, что, вероятно, оказало решающее влияние на его дальнейшую судьбу и определило новые горизонты в развитии Югославии. Единственным, кто оказался не согласен с мнением высшего партийного органа, был С. Жуйович, сообщивший о заседании советскому послу, который передал информацию в Москву. Сталин высоко оценил полученный материал, а Молотов поручил Лаврентьеву передать югославскому товарищу благодарность ЦК ВКП(б), считая, «что он делает хорошее дело как для Советского Союза, так и для народа Югославии, разоблачая мнимых друзей Советского Союза из югославского ЦК»[2].

Вскоре в Москве пришла в движение хорошо отлаженная партийная машина, задачей-максимум которой было добиться отстранения и наказания югославского руководства. Сталин, глубоко уязвленный «предательством» Тито, лично направлял действия всех звеньев тоталитарного механизма, будучи уверен в скорой победе над еретиком. Известна его знаменитая фраза того периода, переданная Хрущевым: «вот шевельну мизинцем — и не будет Тито. Он слетит...». Однако Тито удалось удержаться, несмотря на все старания Кремля, включая и террор, его убрать. Одним из самых тяжелых был для него 1949 год: процессы над «титоистами» в странах «народной демократии», вторая резолюция Информбюро, после которой Тито ожидал нападения на Югославию со стороны Румынии, Болгарии и Венгрии. Между тем он, уверенный в правоте избранного курса, ощущая поддержку партии (оппозиция была не очень многочис-

[1] Там же. С. 343–346.

[2] Там же. С. 353.

inslav

ленной), не думал о сдаче позиций. В один из дней этой полной неизвестности поры, прогуливаясь с Джиласом по парку бывшего дворца принца Павла, он воскликнул: «Погибнуть на своей земле! По крайней мере, память останется»[1]. Как отмечал Джилас, у Тито опасения за судьбу страны, за революцию сплетались с опасениями по поводу личной власти и судьбы. Он постоянно заботился о своем «месте в истории». Особой сферой был его престиж, где он был, как ребенок, мелочен и педантичен. Его пристрастие к роскоши во всем было прямо с этим связано, поскольку он рассматривал обладание дорогими дворцами, машинами, яхтами, охотничьими угодьями как форму выражения власти. Даже мощная критика со стороны партийных интеллектуалов и идеалистов, достаточно многочисленных среди его окружения в первые послевоенные годы, не могла изменить его представлений и образа жизни. Вместе с тем, по мнению Джиласа, он не был интриганом, был сдержан и внимателен к своим товарищам[2]. Следует, правда, уточнить, что он не прощал отступничества в своем окружении, и в 50-е годы и 60-е годы перевоспитывал в тюрьме Джиласа, одного из своих ближайших товарищей, за критику новой партноменклатуры.

Основные этапы советско-югославского конфликта уже подробно восстановлены документально и получили оценку историков, вполне справедливо возложивших всю вину за его возникновение на Сталина. Стоит лишь отметить, что данные югославами на заседании 1 марта 1948 г. оценки советской политики, как и высказанные мысли о необходимости изменения характера отношений между социалистическими странами, стали ядром будущей югославской концепции плюралистического социализма, подорвавшей сталинскую монополию на безраздельную власть в «социалистическом лагере». Тито спустя некоторое время приобрел дополнительную славу борца со сталинизмом не только на Западе, но и внутри страны. Осанна национальному герою, в которой сливались события партизанской войны и сопротивления Коминформу, становилась всеобщей. Партийная пропаганда, согласно логике собственного функционирования, многократно усиливала звучание хора и оркестра. Как было видно, югославского вождя это не смущало, ему нравилась народная любовь, он считал ее заслуженной. Была ли эта, переходившая в культ любовь отражением искаженного идеологией сознания, трудно сказать. Возможно, и так. Скорее, однако, это были реалии авторитарного, однопартийного, но с некоторыми либеральными элементами общества, где не были сформированы гражданские структуры и господствовал «массовый человек», с его специфическими страстями и интересами. Таких обществ во всем мире было не так мало. Югославия была и остается тем пространством на земле, жители которого продолжают находить себе политиков-героев, не перестающих удивлять других обитателей планеты.

[1] *Ђилас М.* Пад нове класе... С. 264.
[2] Там же. С. 262.

inslav

Т. В. Никитина
МГУ

АДМИНИСТРАЦИЯ Э. ВЕНИЗЕЛОСА И МОДЕРНИЗАЦИЯ ГРЕЦИИ (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX В.)

Емкий термин «модернизация» подразумевает изменения общества в целом, включая экономическое, социальное, политическое и культурное развитие. В нашем случае — это «эволюция», процесс развития Греции в результате внутренней политики либеральных кабинетов Э. Венизелоса по западной модели (правильнее было бы сказать «вестернизация» Греции).

С одной стороны, Греция принадлежит к западноевропейскому региону, с другой — испытала сильное влияние восточного традиционализма (наследие византинизма, а затем — четыре столетия турецкого господства). Одним из условий успешной модернизации является возникновение сильного национального государства с эффективным централизованным управлением. Как увидим далее, эти-то условия и отсутствовали в Греции, так что вначале их надо было создать. Проблема политической модернизации страны стояла в Греции с момента обретения ею независимости в 1830 г. Парламентская система утвердилась в Греции в 1843–1844 гг., а в 1864 г. была принята конституция, предоставившая избирательное право мужскому населению. Однако сложившаяся в 1844 г. политическая система не только не способствовала разрешению социально-политических проблем страны, а скорее наоборот, оказывала противоположное воздействие.

Клиентелизм был одной из главных особенностей социально-политической действительности. Благодаря патронату члены различных политических группировок могли заявить, что представляют частные интересы людей данной местности. Характерными для политической жизни Греции были фаворитизм, непотизм и систематическая коррупция, мошенничество с выборами, постоянное вмешательство короля, борьба политических группировок, образованных по клановому принципу, которые в историографии принято называть «традиционными элитами»[1]. Выбранные в парламент депутаты должны были представлять интересы своей группи-

[1] *Сефериадис С.* Политическая модернизация в процессе формирования греческого государства. 1872–1934 // Греческий мир между Востоком и Западом в 1453–1981. Афины, 1999. С. 94. (На греч., англ.)

inslav

ровки не иначе как добиваясь для своих людей различных административных должностей. Политическая система клиентелизма, глубоко пронизывая всю административную систему, сковывала государственный аппарат, делая его громоздким и неподвижным. В результате политические кризисы стали обычным явлением для Греции.

Что же касается модернизации страны, то она мыслилась правящими кругами в виде территориального роста государства. В 1844 г. была провозглашена государственная программа воссоединение исконно греческих территорий (о. Крит, Эпир, Фессалия не вошли в состав государства в 1830 г.).

Первая крупная программа модернизации страны была провозглашена в конце XIX в. Х. Трикуписом, который в 1875 г. основал Новую партию. Приступая к реформам, он попытался разрушить основы клиентелизма, установив в 1882 г. определенный срок пребывания в должности государственного служащего, а также увеличив в 1886 г. размер парламентского округа от епархии до префектуры, сократив таким образом число депутатов от 245 до 150, что сделало прямой патронаж более дорогим[1].

Эти меры вызвали недовольство традиционных элит, которые объединились вокруг «Национальной партии», образованной противником Трикуписа — Деяллиянисом. Находясь у власти, в конце XIX века Деяллиянис отменил все нововведения Трикуписа. Таким образом, традиционный политический истеблишмент не был заинтересован в усилении государственного аппарата, который вышел бы из-под его контроля.

Именно либералы в Греции были заинтересованы в создании крепкого национального государства, способного, в случае необходимости, с применением силы проводить благоприятную для предпринимателей торговую политику, а также стимулировать развитие хорошей инфраструктуры. Каким образом осуществлялась модернизация Греции, как либералы преодолевали или использовали традиционализм — вот те вопросы, ответ на которые можно найти в исследовании внутренней политики либеральных кабинетов в первой трети XX в.

К началу XX в. Греция представляла собой отсталую аграрную страну с чрезвычайно слабой экономикой, нестабильным обществом, сильно зависевшую от политики великих европейских держав. Все это обострялось ирредентизмом — движением греков, оставшихся за пределами греческого государства, за воссоединение с родиной. К этому также следует добавить недостаточную зрелость греческого политического мира; партии, существовавшие в стране, были, по существу, личностными политическими группировками, основанными на клановых традициях.

За это время усилилось экономическое проникновение Запада на Балканы и Ближний Восток, что привело к заметным переменам в стране. Особенно быстро шли изменения с 1910 по конец 1920-х гг., и связаны они были как с внутренней, так и с внешней политикой четырех admini-

[1] *Clogg R.* A short history of Modern Greece. Cambridge, 1979, P. 90–92.

inslav

страций Э. Венизелоса — 1910–1915 гг., 1916–1917 гг., 1917–1920 гг., 1928–1932 гг.[1].

Э. Венизелос вошел в историю как западник, англофил и националист (в европейском смысле этого слова), сами греки его считают национальным героем (не случайно у здания греческого парламента ему поставлен памятник).

В своей политике Э. Венизелос преследовал две цели: первая — модернизация страны, создание либеральной, прогрессивной Греции, вторая, связанная с национальными устремлениями греков, проживающих за пределами государства, виделась как создание Великой Греции путем территориальных расширений. Именно в этот период его правления Греция участвовала в четырех войнах (две — балканские, Первая мировая, греко-турецкая война 1919–1922 гг.) и собрала большое число греков внутри территориально выросшего государства. В этот же период произошло разделение политического мира Греции на европеизаторов и их оппонентов.

Для Венизелоса было очевидно, что парламентаризм, экономика, финансы, правосудие, армия, образование и даже религия в стране находятся в глубоком кризисе. Тяжелейшие условия жизни вынуждали население эмигрировать, причем эмиграция приняла колоссальные масштабы. Поэтому он был намерен срочно провести оздоровительные реформы в области социальной и политической жизни. Именно с этой целью в 1910 г. он создал первую крупную политическую партию в стране — Либеральную, представлявшую интересы растущей торгово-промышленной буржуазии, банковского и судовладельческого капитала, а также части землевладельцев, которые переходили к новым методам хозяйствования. В нее вошли также юристы, учителя, служащие, часть офицеров из Военной лиги, требовавших реформ в армии, а впоследствии — часть крестьянства и рабочих. Либералов поддерживали и финансировали богатые предприниматели греческой диаспоры за пределами страны, надеявшиеся, что Венизелос сделает Грецию политически стабильной, создаст необходимые условия для экономического роста и, возможно, расширит границы государства[2].

Либеральная партия руководствовалась уже не клановыми и местническими интересами, но политической программой обновления Греции по западной модели. Ее реализация положила начало переходному этапу от традиционно присущего греческой социальной структуре клана к партийно-политической системе европейского толка.

На протяжении длительного пребывания либералов у власти проводилась структурная перестройка государственно-административной системы в целом, и первым толчком к ней были политические реформы. По ходу их

[1] Архив Э. Венизелоса, Т. А–Г. Афины, 1981. (На греч.)

[2] См.: *Никитина Т. В.* Греция накануне Первой мировой войны: особенности внутриполитического развития. М., 1984.

inslav

изменена была избирательная система, что не замедлило дать результаты. Яркой иллюстрацией прихода к власти новых людей явились выборы в декабре 1910 г.: 67% депутатов никогда ранее не избирались в парламент, 20% — впервые были избраны в августе 1910 г. и лишь 13% — являлись депутатами до 1910 г. Наиболее важным было то, что члены Либеральной партии заняли 300 депутатских мест из 364[1].

Придя к власти в 1910 г., либералы сразу же осуществили пересмотр конституции 1864 г. В неприкосновенности остались статьи о форме государственной власти и праве на престолонаследие. Греческое государство оставалось конституционной монархией, династия Глюксбургов сохранялась. Наиболее важные изменения касались дальнейшего разделения полномочий законодательной, исполнительной и судебной властей; уточнения функций короля, парламента и правительства. Права и «обязанности» парламента, который был подчинен королю и созывался по его указанию, расширились и конкретизировались. Он превращался в высший, постоянно действующий орган государственной власти страны. Полномочия парламента расширялись: ни один законопроект не мог быть принят без его предварительного обсуждения и одобрения путем голосования. Распускать парламент король имел право только раз в год. Одной из основных функций парламента являлось утверждение государственного бюджета. Устанавливалось, что никакой налог не может быть собран без специального закона, за исключением тех, что взимались с торговцев иностранными товарами в обычном порядке. Эта поправка полностью отвечала требованиям развивавшейся национальной промышленности страны. Укреплению государственного аппарата способствовало восстановление арбитражного совета судей — Ареопага[2]. Для повышения эффективности государственного аппарата вводились экзамен для кандидатов на занятие должности перед назначением на государственный пост, а также вознаграждение за безупречную службу всем государственным служащим[3]. Таким образом, парламентаризм и административная система в Греции при либералах были подняты на новый, более современный и действенный уровень.

Большое внимание греческое правительство уделило реформе в армии. Были приглашены иностранные военная и морская миссии для реорганизации военно-морского флота и сухопутных войск. Полученный заем в 110 млн. драхм от Англии и Франции направлялся на переоснащение армии[4]. В результате модернизации страна получила действительно бое-

[1] *Mavrogordatos G.* Stillborn republic: social coalitions and party strategies in Greece, 1922–1936. Berkeley, 1983. P. 68.

[2] *Сволос А.* Греческие конституции 1822–1952. Конституционная история Греции. Афины, 1972. (На греч.)

[3] *Andreopoulos G.* Liberalism and the formation of the nation State // Journal of Modern Greece Studies (Vol. 7, No. 2). P. 201–202.

[4] *Никитина Т. В.* Указ. соч. С. 72–73.

inslav

способную армию, одержавшую убедительную победу в балканских войнах.

Одним из главных направлений в политике либералов стал аграрный вопрос. Его решение диктовалось как экономическими, так и социальными условиями. В 1896 г. обследование Фессалии — самого плодородного района Греции показало, что 48,5% крестьян — это мелкие свободные держатели земли, 47,4% — издольщики, 4,1% — поденные работники[1]. Большую часть земли составляла крупная земельная собственность — чифтлик (поместье), причем чифтликовладельцами были как греки, так и турки. Весной 1910 г. в Фессалии вспыхнуло массовое восстание крестьян, которые требовали экспроприации чифтликов[2]. Восстание было жестоко подавлено. В августе того же года фессалийцы избрали в парламент 46 депутатов от Либеральной партии в надежде, что правительство Венизелоса ускорит проведение земельной реформы[3]. В 1911 г. Ревизионное собрание, на котором пересматривалась конституция, внесло поправки, допускавшие экспроприацию частной собственности, если этого требует «общественная польза», но только при условии компенсации, и если это не идет вразрез с международными соглашениями. Тем самым была заложена юридическая основа развития Греции по фермерскому пути. Венизелос считал, что создание мелких фермерских хозяйств прежде всего в Фессалии поднимет экономику на более высокую ступень развития. Правительство приняло решение ликвидировать десятину, натуральную ренту и другие феодальные повинности[4]. Таким образом, те, кто с надеждой ожидал земельную реформу, испытывали удовлетворение: экспроприация была конституционно узаконена. Обещание компенсации с одобрением встретили чифтликовладельцы[5].

Однако претворение в жизнь всех этих законов затянулось на десятилетие. В 1917 г. парламент принял аграрный закон, по которому экспроприации подлежали все крупные частные владения от 100 га и выше, а также монастырская крупная земельная собственность. Крестьяне за полученную землю обязывались выплатить в течение 30 лет выкуп. При этом устанавливалась местная норма надела. Различные уточнения и дополнения к аграрному закону были сделаны в 1919 и в 1920 гг., но действительная экспроприация и раздача земли начала осуществляться лишь в 1923 г., когда в Грецию хлынула огромная масса беженцев после «малоазийской катастрофы»[6]. К началу 30-х гг. в результате аграрной реформы

[1] *Вергопулос К.* Аграрная проблема в Греции. Афины, 1975. С. 151. (На греч.)

[2] *Кордатос Я.* История крестьянского движения в Греции. Афины, 1973. С. 282. (На греч.)

[3] *Дафнис Г.* Греция между двумя войнами. Афины, 1961. С. 105. (На греч.)

[4] *Никитина Т. В.* Указ. соч. С. 86.

[5] Там же, С. 87.

[6] «Малоазийская катастрофа» — поражение Греции в войне с Турцией 1919–1922 гг., сопровождавшееся выселением из Малой Азии (Анатолии) около 1,5 млн. греков.

inslav

из общей площади чифтликов (около 15 млн стремм[1]) было роздано крестьянам около 10 млн стремм, что составляло 1 млн га. Причем беженцы получили больше земли, чем коренные жители (600 тыс. га — беженцы, 400 тыс. га — коренное население)[2].

В дальнейшем проблема беженцев являлась главным средством националистического подстрекания масс. Для создания национально-гомогенного государства в 20-е годы правительство греческих либералов произвело перемещение населения. За исключением Западной Фракии, мусульмане (турецкое население) с других присоединенных территорий были перемещены в Турцию, болгары в Болгарию. Греки же беженцы (в основном из Малой Азии) поселились в Македонии, Эпире и на Крите. Однако некоторое славяноговорящее население осталось в Македонии, в особенности в окрестностях Флорины и Пелласа. В отношении этих людей была предпринята политика эллинизации. Даже в 1929 г. Э. Венизелос продолжал считать, что главным объектом внимания правительства оставались северные области — Фессалия, Македония[3]. Так решение аграрного вопроса оказалось тесно связанным с проблемой национальных меньшинств в Греции.

В годы Первой мировой войны наряду с аграрной реформой возникла необходимость налоговой реформы. О ней Венизелос заявил еще в 1910 г. Однако в период с 1910 г. по 1915 г. правительство либералов пыталось лишь улучшить сбор существующих налогов, не изменяя налоговой системы. Война требовала от государства колоссальных денежных средств, это и явилось стимулом к тому, что в 1917 г. кабинет Венизелоса приступил к реализации намеченного. В то время как аграрная реформа изменяла систему отношений между собственниками земли и издольщиками, налоговая реформа лишь перераспределяла обложение налогами как среди зажиточных и беднейших слоев общества, так и между различными регионами Греции. После балканских войн в Греции действовало восемь различных налоговых систем. Старая Греция, Лакония, Ионические острова, Македония, Крит, Митилене, Самос, Хиос — каждый из этих регионов имел собственную налоговую структуру. (Например, подушный налог собирался, варьируясь от 4,5 драхм в Митилене до 15 драхм на Крите)[4]. Государственные доходы в основном зависели от косвенных налогов. В 1917 г. отсутствовали налог на наследство, на прибыль с капитала, а в Старой Греции налоги с фермеров частично все еще собирались натурой, т. е. сельхозпродукцией. Сразу же в годы войны был введен налог на военную прибыль, который взимался в основном с торгового флота. Введение этого налога либералы объяснили необходимостью переложить налоговое бремя с экономически слабых на сильных[5].

[1] Стремма — 0,1 га.

[2] *Вергополус К.* Указ. соч. С. 154. (На греч.)

[3] АВП РФ. Ф. 084. Оп. 10. П. 117. Д. 1. Л. 16.

[4] Газета парламентских дебатов 1–14–12–18. С. 574. (На греч.)

[5] «Афины» 4–17–10–17. (На греч.)

inslav

Основная налоговая реформа была представлена в виде трех законов. Первый закон устанавливал налог на наследство, второй — налог с прибыли на капитал, третий — отменял множество косвенных налогов в различных налоговых зонах и заменял их единым национальным налогом на чистую прибыль, подоходным налогом[1]. Свою налоговую политику либералы аргументировали стремлением к социальной справедливости и национальному объединению. Действительно, налоговыми нововведениями наносился ощутимый удар по местничеству, что вызвало сильную оппозицию их принятию. Тогда в ход был пущен третий аргумент. Находясь в Париже, Венизелос потребовал немедленного утверждения налоговых законов по причинам внешнеполитическим[2]. Речь шла о завоевании большего доверия к Греции за рубежом, по существу, об имидже государства на международной арене: «Государство, — писала газета "Афины", — представляющее нашу нынешнюю неуравновешенную и ненаучную налоговую систему, не может рассматриваться как полностью цивилизованное»[3]. Ссылка правительства на авторитет европейских держав принесла свой результат — законы были приняты. В целом правительство Венизелоса преподнесло общественности свою налоговую реформу как демократическую и национально консолидирующую государство. Бесспорно, подобная система налогообложения способствовала быстрому росту государственных доходов.

В сфере экономики сторонники Венизелоса выступали за свободу торговли и предпринимательства, вмешательство же государства в эту сферу допускалось лишь в годы войны. «Государство по своей природе не может стать хорошим предпринимателем, а тем более торговцем»[4], — говорил лидер либералов . Тем не менее в последующие годы в экономическом развитии Греции все большая роль отводилась государству. Одним из препятствий на пути индустриализации Греции был недостаток капиталов в стране. В то же время многие греки за рубежом владели огромными состояниями. Проблема заключалась в том, чтобы привлечь эти капиталы для финансирования широкомасштабной индустриализации. Акционерных обществ было мало, из 282 компаний, нанимающих более 25 рабочих, только 56 были акционерными обществами. Из них половина принадлежала иностранным владельцам и в основном специализировалась на горной промышленности, остальные же занимались морскими грузоперевозками[5]. Чтобы гарантировать зарубежным грекам надежность их вложений в производство, либералы ввели правительственный надзор за

[1] Газета парламентских дебатов. 1–14–12–19–18. С. 570–573.

[2] «Афины» 9–22–12–19–18.

[3] Там же. 12–25–12–19–18.

[4] Политическое завещание Э. Венизелоса. Афины, 1969. С. 489. (На греч.)

[5] *Золотас Кс.* Греция на пути индустриализации. Афины, 1964. С. 76. (На греч.)

inslav

деятельностью акционерных компаний, требуя частичной отчетности об их деятельности[1]. Большая роль в промышленном развитии отводилась иностранному капиталу. Осенью 1918 г. в Англию была отправлена специальная миссия с целью посетить там фабрики и договориться с предпринимателями о возможности товарообмена с ними и инвестирования их капитала в Греции. В январе 1919 г. Венизелос заключил соглашение с Франко-греческим нефтяным синдикатом, предоставив ему возможность исследовать, а в случае обнаружения и добывать нефть в западной части Греции[2]. Однако в условиях послевоенного времени оказалось довольно сложно привлечь большие иностранные капиталы. В течение 1917–1920 гг. самым крупным вливанием в экономику стали деньги, переведенные через банки США греками, эмигрировавшими в Америку. До 1920 г. эти суммы постоянно росли, но с уходом Венизелоса с поста правительства резко снизились. Если в 1917 г. было переведено через банки США 80 млн. золотых франков, то в 1920 — уже 670 млн., а в 1922 — только 200 млн[3].

В знаменитой речи в Салониках, произнесенной накануне выборов 1928 г., Венизелос огласил свое кредо и программу модернизации на четыре года с сформулированным в общей форме обещанием сделать Грецию снова «великой».

Модернизация подразумевала укрепление и развитие народного хозяйства, сокращение концессионного капитала, усиление сухопутного и морского вооружения, а также строительство железных и шоссейных дорог, носящих в основном стратегический характер. В социальной сфере либералы обещали поддержку малоимущим слоям населения, а также беженцам[4].

В целях постепенного освобождения национального хозяйства и финансов из-под опеки кабального иностранного капитала либералы наметили принять меры по защите собственной промышленности и земледелия от иностранной конкуренции. Но этому помешал разразившийся в 1929 г. мировой экономический кризис[5]. На фоне усиления роли иностранного капитала в Греции, в особенности английского, экономический кризис проявился в денежном голоде, застое в коммерции, в участившихся банкротствах, росте дороговизны жизни, ухудшении условий труда, снижении заработной платы. Все это привело к мощному всплеску социального протеста рабочих, служащих, ремесленников и крестьян, принимавшего подчас резкие формы. Например, в Агринионе рабочие-табачники вышли на баррикады и на нескольких часов оказались хозяевами города[6].

[1] Газета правительства 28–11–5–1918. С. 598. (На греч.).
[2] Там же. 3–16–7–1920. (На греч.).
[3] *Золотас Кс.* Указ. соч. С. 47.
[4] АВП РФ. Ф. 084. Оп. 8. П. 113. Д. 4. Л. 131.
[5] Там же.
[6] Там же. Оп. 9. П. 115. Д. 2. Л. 37.

inslav

Именно поэтому в 1929 г. был принят печально известный закон «Идионимо» — чрезвычайный закон против коммунистов, который наносил ощутимый удар и по рабочему движению, закон, диссонировавший с прежней политикой либералов в отношении рабочих.

Будучи прагматиком, Венизелос понимал опасность, которую могло представлять для его реформаторской деятельности рабочее движение. Еще в 1911 г. ст. 11 Конституции официально признала профсоюзы, а в 1911–1912 гг. в стране было принято рабочее законодательство[1] — Закон 3934/1911 об охране здоровья и безопасности рабочих на производстве, а также о сокращении рабочего дня, и закон 429/1912, регламентирующий труд женщин и детей. Однако на практике эти законы применялись не очень широко.

В 1930 г. в парламенте неоднократно обсуждался чрезвычайно острый хозяйственный кризис, вызванный тем, что греческая промышленность, лишенная местных источников топлива, оказалась зависимой от импортеров угля и нефти. Что касается использования водно-энергетических ресурсов, то это дело требовало огромных затрат и могло быть осуществлено лишь при условии новых займов у иностранного капитала, и без того державшего Грецию в кабальной зависимости. Даже в аграрном секторе наблюдалось засилие иностранцев, которые мешали крестьянам развивать свое хозяйство. В качестве иллюстрации депутат парламента от Республиканской партии Л. Накос рассказал о положении крестьян в Беотии. В то время как крестьяне крайне нуждались в земле, ее лучшая часть в районе озера была предоставлена одной английской компании[2]. Говоря о пагубных последствиях присутствия англичан в Греции, Л. Накос привел пример со строительством железной дороги между Афинами и Ларисой. Это предприятие, в которое греки вложили свои средства, было заброшено англичанами и закончено уже за счет правительства. Хищнической он назвал деятельность и другой английской компании, Пауэр, снабжавшей Афины электричеством и поставлявшей транспортные средства (автобусы). Л. Накос считал, что будущее Греции — в торговом мореплавании. Здесь она стоит на прочной основе и пока успешно конкурирует даже с англичанами[3].

Большое внимание уделили либералы реформе образования. Средневековый язык кафаревуса, на котором велось обучение, как неотъемлемый компонент традиционализма, затруднял восприятие греками западной культуры. Поэтому уже в конце 1917 г. учебники для начальной школы были написаны на димотике — доступном народном языке. Причем если старые учебники были насквозь пропитаны религиозной интерпретацией мира, то новые отличались наличием критической мысли, изобиловали примерами из области индустриального развития, частной инициативы, социальной кооперации. Прототипами персонажей в этих книгах

[1] Архив Э. Венизелоса, Т. Г. С. 97. (На греч.)
[2] АВП РФ. Ф. 084. Оп. 10. П. 117. Д. 1. Л. 167.
[3] Там же. Л. 168.

inslav

выступали реальные современники, а не мифические герои[1]. На таких книгах должны были воспитываться граждане, подготовлявшиеся к участию в индустриализации страны. Причем следует отметить, что учебники на димотике для начальной школы в первую очередь посылались на вновь присоединенные территории, где нужно было обучать греческому языку иноговорящее население. В дополнение к школьной реформе правительство стало способствовать активному распространению английской культуры в Греции. Например, в Афины присылали из Англии гувернанток, открывали англоязычные детские сады, появился Британский колледж в Афинах, в Афинском университете был сформирован профессорский состав для преподавания английского языка. Так создавалась «новая Греция», ориентированная на Запад, освобождавшаяся от религиозных предрассудков и средневекового невежества. Иными словами, греки пытались интегрироваться в европейский цивилизованный мир. В 1920 г. антивенизелисты, пришедшие к власти, восстановили в начальной школе кафаревусу.

Подведем некоторые итоги. В первой трети XX в. в Греции шли быстрые изменения во всех сферах общественной жизни, которые были связаны с реформаторской деятельностью либеральных кабинетов.

Усилия лидера либералов Э. Венизелоса как реформатора были направлены на то, чтобы сделать Грецию национально гомогенной, экономически сильной, политически либеральной и интеллектуально современной по умонастроениям страной, т. е. с западноевропейской ментальностью.

Многого либералам удалось достичь в значительной степени благодаря тому, что задачи по созданию «Великой Греции» одновременно решались ими как во внутренней, так и во внешней политике. Насколько это было возможно, правительство Э. Венизелоса стремилось координировать внутреннюю политику с внешней. Большим подспорьем в этом было чрезвычайно развитое национальное чувство греков. Национальная идея как один из элементов традиционализма была взята на вооружение; именно под знаменем «Великой идеи», «Великой Греции» осуществлялась модернизация страны. Именно благодаря национальной идее, которую Э. Венизелос поставил во главу своей политики, он сумел консолидировать греков и привлечь нацию на свою сторону в процессе модернизации.

Социально-экономические и военная реформы, а также сильная централизаторская роль государства обеспечили стране победу в двух балканских войнах и почти удвоили размеры Греции (население выросло с 2 млн. 800 тыс. до 4 млн. 800 тыс. человек).

Строительство нового государства либералы осуществляли по западноевропейскому образцу. Правильнее сказать, восприняв модель запад-

[1] *Франгудакис А.* Реформа образования и либеральные интеллектуалы. Кердос, 1977. С. 37. (На греч.)

inslav

ноевропейского развития, греческие либералы применили ее к условиям своей страны.

В итоге модернизации Греция приобрела массу специфических черт и особенностей. Одна из них — новое идеологическое обоснование традиционной «Великой идеи», реальное воплощение которой вылилось в национализм; безудержное же следование ему в свою очередь привело греческое государство к «малоазийской катастрофе» в 1922 г.

Если в осуществлении радикального пересмотра аграрных отношений и в создании гомогенного государства либералы достигли определенных успехов, то устранить вмешательство европейских государств в греческие дела им так и не удалось. Более того, вступив на путь западноевропейского развития, Греция оказалась сильнее привязана к интересам великих держав.

Главным же итогом реформаторской деятельности либералов явилось создание территориально выросшего, национально-консолидированного государства с эффективным централизованным управлением, что создавало условия для дальнейшей модернизации.

5 Зак. 3317

inslav

Е. Г. Круговая
МГУ

«ЧЕРНЫЕ ПОЛКОВНИКИ» В ГРЕЦИИ: КТО ОНИ?

21 апреля 1967 г. в Греции произошел государственный переворот. К власти пришло военное правительство, управлявшее страной вплоть до 1974 г. В историографии до сих пор не существует единого мнения о том, что представлял собой этот военный режим. В советской историографии он характеризовался исключительно как «военно-фашистская диктатура». Зарубежные историки семилетний период правления военных называет «авторитарным» режимом, «военной диктатурой». Приход военного правительства к власти сравнивают с утверждением режима А. Пиночета в Чили и военным переворотом в Турции в 1960 г.

Несомненно, между этими режимами существует много общих черт, позволяющих объединить их, а именно: установление авторитарного режима на базе ограниченного консенсуса; стремление к модернизации общества в сфере экономики.

После переворота 21 апреля в Греции авторитарная власть характеризовалась следующими основными чертами: доминирование власти над обществом; примат исполнительной власти во всех сферах общественной жизни; ограничение (вплоть до полного запрещения) легальной оппозиции[1].

Новое правительство не собиралось коренным образом менять социально-экономическую политику, проводившуюся предшествующими правительствами.

Сами военные основными причинами захвата власти называли опасность победы коммунистов в результате парламентских выборов 1967 г., а также невозможность разрешения кризиса власти, наблюдавшегося в стране в течение последних двух лет, в результате чего был полностью прекращен процесс экономической модернизации Греции, начатый в период первой администрации К. Караманлиса.

Что же на самом деле представлял собой режим, правивший в Греции на протяжении семи лет и вошедший в историю как «режим черных полковников»? Почему военным удалось продержаться у власти столь долгое время, но в результате все-таки передать власть в руки гражданских политиков?

[1] Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М. 1996. С. 16.

inslav

На эти вопросы автор попытался дать объективные ответы. В качестве основного источника были использованы материалы Архива внешней политики РФ.

Военные точно рассчитали момент взятия власти: в связи с назначением парламентских выборов на 28 мая 1967 г. парламент в соответствии с греческой Конституцией был распущен на 45 дней до дня голосования, и на это время бывшие депутаты лишались неприкосновенности.

Король Константин ничего не знал о готовящемся перевороте, он был проинформирован о случившемся одновременно с членами правительства и после недолгих колебаний поддержал новый режим (соответствующий указ был опубликован вечером 21 апреля). Армия также встала на сторону нового правительства, несмотря на то, что ее элитные части не приняли участия в непосредственном акте переворота.

Придя к власти, новое правительство объявило в стране военное положение, в соответствии с которым парламентские выборы откладывались на неопределенный срок, политические партии распускались, вводилась цензура, выступления оппозиции были запрещены, начались массовые аресты.

Первоначально население индифферентно отнеслось к установлению военного режима. Оно не испугалось прихода военных. Рядовые греки сохранили веру в «человека с ружьем». Роль военных всегда была значительна в Греции, традиционно образ военных несколько идеализировался в глазах населения: воины-освободители, избавившие страну от турецких завоевателей, сражавшиеся с итальянскими и немецкими оккупантами, Военные приходили к управлению страной в момент кризиса гражданского правления, однако, как правило, достаточно быстро передавали власть новому гражданскому правительству, выполнив роль «справедливого судьи». Основу среднего и младшего офицерского состава греческой армии, как правило, составляли выходцы из средних и нижних слоев общества, поскольку армия была порой единственным способом получить образование (гражданское образование было платным в отличие от военного, а у большинства греков не было денег на его получение) и работу. Альтернативой службы для большинства населения была эмиграция в страны Западной Европы. С другой стороны, в самой армии надо было заполнить пустоты, которые образовались после Второй мировой и гражданской войн. В 50–60-х гг. активно призывались резервисты, молодежь, обозначившая процесс «пролетаризации» военной элиты. Именно выходцы из среднего класса, в основном из крестьян, пришли к власти 21 апреля 1967 г. Апелляция к тому факту, что они не понаслышке знают чаяния большинства греков, поначалу привлекла некоторые слои общества к новому режиму.

Кем же были военные, пришедшие к власти в апреле 1967 г.?

Лидер нового режима Г. Пападопулос родился в небольшой деревушке в северной части Пелопоннеса, в Морее. Эта часть Греции являлась

inslav

экономически отсталым регионом, большинство ее трудоспособного населения эмигрировало в США в поисках работы, оставшиеся занимались сельским хозяйством. Отец Пападопулоса — сельский учитель, поэтому его считали выходцем из семьи интеллигентов. После окончания школы Пападопулос поступил в Военную академию, поскольку родители не могли оплатить обучение в университете. Военная карьера полковника складывалась вполне успешно: в течение долгого времени Г. Пападопулос был вторым человеком в Центральной службе информации (КИП) — греческом аналоге ЦРУ и выступал в роли связующего звена между американским и греческим разведывательными сообществами, координировал деятельность греческой контрразведки и ЦРУ, накануне переворота служил в должности заместителя начальника Третьего бюро Генерального штаба. Будучи профессиональным сотрудником спецслужб, Г. Пападопулос был крайне осторожным и замкнутым человеком.

Пападопулос обладал исключительной работоспособностью. Он приходил на работу рано утром и уходил далеко за полночь, прочитывая абсолютно все документы и справки, приготовленные для него сотрудниками аппарата. Пытаясь вникнуть во все дела, Пападопулос окружил себя огромным количеством советников, экспертов, специалистов. Он выслушивал точку зрения каждого из них, но всегда оставался при своем мнении, которое никто не мог изменить. Речь его было очень лаконичной, строгой по форме, можно даже сказать «ограниченной», она не могла привлечь слушателей, тем более увлечь за собой.

К середине 1973 г. Пападопулос сконцентрировал в своих руках практически всю власть: президент страны (в результате всенародного референдума в 1973 г. в Греции была отменена монархия, а страна провозглашена республикой), премьер-министр, министр национальной обороны, министр иностранных дел, председатель Координационного совета (минипарламента, полностью подконтрольного правительству), министр национального образования. Пытаясь ограничить власть Пападопулоса, бывшие соратники в ноябре 1973 г. отстранили его от власти в ходе нового военного переворота.

Абсолютно противоположными качествами обладал другой член «революционного комитета» — Николас Макарезос. Это был очень жесткий, хитрый и умный человек. По свидетельству очевидцев, одной из главных черт его характера являлось умение находить и претворять в жизнь новые, оригинальные идеи. Он всегда внимательно прислушивался к советам специалистов, оценивал их предложения с точки зрения эффективности. Макарезос отвечал за наиболее важное направление деятельности военного правительства — экономику, поскольку именно путем достижения успехов в этой области новое правительство стремилось завоевать доверие греков. Понимая, что успешные реформы в экономике возможны только при стабильной внутриполитической ситуации, он предпочел, чтобы номинально другие лица осуществляли эту «стабилизацию». Будучи убежденным сторонником республиканского строя, он с 1968 г. пропове-

inslav

довал идею проведения плебисцита, на котором народ сделает выбор между короной и гражданским правлением. Подобное волеизъявление проходило в Греции в 1924 г., когда население страны проголосовало за упразднение монархии и установление республиканского правления.

Третьим членом триумвирата стал Стиллианос Паттакос. Это был военный до корней волос. Человек весьма ограниченный, он, однако, и не стремился выглядеть интеллектуалом, представителем высшего общества. Паттакос закончил Военную академию вместе с Г. Пападопулосом в 1940 г., в последующие годы принимал участие во Второй мировой и гражданской войнах, сражаясь в последней против коммунистов. Как и большинство греков, Паттакос был очень религиозен и, чтобы еще больше подчеркнуть это, всюду возил за собой фамильную икону. Паттакос испытывал острую неприязнь к гражданским политикам, считая их лживыми, нескренними людьми. Он активно ездил по стране, вступал перед студентами, рабочими, регулярно посещал островную часть Греции. Речи Паттакоса всегда дышали энергией, казалось, что он говорит искренне. Однако он редко шел на компромисс, и было невозможно представить, чтобы он мог сотрудничать с гражданскими лицами.

Придя к власти, военные пообещали провести экономические реформы, призванные вывести Грецию на уровень развитых западноевропейских стран (Греция была ассоциированным членом ЕАС с 1959 г., а к 1984 г. рассчитывала стать полноправным членом этой организации). Провозгласив своей основной миссией экономическое и социальное возрождение Греции, на самом деле военное правительство продолжило тот курс реформ, который проводил К. Караманлис.

Основной упор режим сделал на укрепление промышленной базы, поскольку считалось, что «в долгосрочном плане только промышленность может предоставить необходимые средства для требуемого и желаемого развития и сделать поставленные задачи достижимыми»[1]. В определенной степени военному правительству удалось решить эту задачу: если в середине 60-х гг. доля промышленности в ВВП едва достигала 10%, то в 1972 г. этот показатель достиг 32,3%, а к 1987 г. предполагалось довести этот показатель до 42,2%[2]. Приоритеты отдавались наиболее перспективным отраслям греческой промышленности, таким как металлургия, судостроение, химическая, текстильная и пищевая промышленность.

Главную роль в индустриализации страны должна была сыграть «частная инициатива» как местных, так и иностранных предпринимателей. Хотя специалисты и признавали «эффективную и передовую роль государственного сектора» в промышленности некоторых западных стран, в то же время в применении к греческой действительности они выдвигали многочисленные условия, ограничивающие роль государства в промышленном развитии страны лишь «оказанием содействия частной инициати-

[1] АВП РФ. Ф. 84. Оп. 56. П. 70. Д. 6. Л. 1.
[2] Там же. Л. 3.

inslav

ве и созданием для нее подходящих условий деятельности». В случае вынужденного создания государственных промышленных предприятий рекомендовалась их дальнейшая передача частному сектору. Государству отводилась роль защитника интересов частного капитала, а основная его задача состояла в создании стимулов для активизации частной инициативы[1].

Особое значение уделялось региональному развитию производства. Дело в том, что около 80% промышленных предприятий было сконцентрировано в двух крупнейших городах Греции — Афинах и Фессалониках. Вывод предприятий за их пределы решал две проблемы — перенаселения мегаполисов и безработицы в сельских районах Греции. Правительство Пападопулоса разработало систему мер, направленных на поощрение развития производства в регионах: так, например, представлялись льготные кредиты (около 8% в год) предпринимателям, строящим свои предприятия в провинции, давались дополнительные ссуды на расширение уже существующих фабрик и заводов[2].

Что касается сельского хозяйства, то новое правительство было решительно настроено на его коренную реорганизацию. Доля сельскохозяйственного сектора в ВВП должна была быть сокращена с одновременным ростом стоимости сельскохозяйственного производства. Реализовать данную программу предполагалось путем увеличения площади существующих земельных наделов с параллельной модернизацией хозяйств. Основной упор в развитии сельского хозяйства делался на интенсификацию его производства путем стимулирования создания крупных ферм, активизации деятельности сельскохозяйственных кооперативов, проведения ирригационных работ (орошаемая площадь должна была составить в 1987 г. 14 млн. стремм против 7,3 млн. стремм в 1972 г.), использования современной техники и т. д. Предусматривалось расширенное строительство предприятий по переработке продукции сельского хозяйства, в том числе заводов по производству сахара, фабрик по консервированию овощей и фруктов, мясо-молочных комбинатов.

Достигнутые успехи во многом объяснялись отсутствием какой-либо оппозиции со стороны гражданских политиков, любое недовольство населения подавлялось военными незамедлительно. Политическая стабильность, которой так не хватало К. Караманлису, явилась результатом жесточайших репрессий. К тому же военные, опираясь на определенные круги предпринимателей, были вынуждены проводить реформы с учетом интересов этой части населения.

Вместе с тем военное правительство практически ничего не сделало для улучшения условий жизни большинства греческого населения, ни одна социальная реформа не была доведена до конца. Объявив реформу

[1] Там же. Л. 1.

[2] Там же. Оп. 55. П. 69. Д. 710. Л. 8.

inslav

образования одной из важнейших задач, «полковники» провели языковую реформу, затруднившую получение высшего образования для большей части греческого населения. Дело в том, что до 1965 г. (правительство Г. Папандреу) преподавание в вузах велось на «мертвом языке» — кафаревусе, которым владела лишь наиболее просвещенная часть населения. Большинство греков говорило на народном языке, димотике, сильно отличавшемся от «средневековой» кафаревусы. В 1965 г. Г. Папандреу провел реформу образования, приведшую к тому, что преподавание стало вестись на димотике, тем самым делая образование доступным большинству населения. Военное же правительство вновь ввело закон, согласно которому вступительные экзамены в высшие учебные заведения должны были проходить на кафаревусе, что привело к снижению числа потенциальных студентов.

Будучи уверенными в изначальной порочности партийной системы, военные не ставили перед собой задачи создания собственной партии или движения, полагая, что успехи, которые будут достигнуты в социально-экономической жизни страны, смогут поддержать авторитет их власти среди населения.

Основой «идеологии» нового правительства послужила «Мегали идея» — доктрина греческой великодержавности, провозглашенная Иоаннисом Каллетисом еще в 1844 г. Эта «идея» в XIX в. предусматривала воссоздание Великой Византийской империи в ее исторических границах. В конце XX в. изменить существующие границы государств практически невозможно, военное правительство это понимало, поэтому упор был сделан на «возрождение великого духа нации», который должен базироваться на традиционных для греческого общества ценностях: семья и церковь. В качестве объединительной идеи было выбрано христианство (греки исповедуют православие). Следует заметить, что религия и церковь всегда были сильны в обществе, церковь обладала большим авторитетом в Греции. Военное правительство придумало новый ход, противопоставив церковь и христианство коммунизму и заявляя, что «идеология греческого христианства и постулаты греко-христианского духа» не приемлют саму идею коммунизма. В большинстве населенных пунктах страны были выставлены трафареты, выполненные в белом и голубом цветах (национальные цвета Греции), размером 1 м × 1,5 м с текстом «Греция — страна христиан, в ней нет места коммунизму»[1].

Однако к середине 60-гг. Греция становится светским, современным государством, поэтому религия уже не смогла стать той объединительной идеей, вокруг которой объединились бы все слои населения. Консолидация общества на базе исповедуемой религии могла быть и была осуществлена во время турецкой оккупации, но в 60-х гг. такая объединительная идея потеряла свою актуальность.

[1] Там же. Ф. 167. Оп. 34. П. 43. Д. 7. Л. 91.

inslav

Другой составляющей новой идеологии был антикоммунизм. Компартия была запрещена сразу же после окончания гражданской войны в 1949 г., правительство К. Караманлиса проводило жесткую репрессивную политику по отношению ко всем сторонникам левых взглядов, в стране существовали концлагеря для политзаключенных, для поступления на работу требовалась справка о благонадежности и т. д. Идея борьбы с коммунизмом тем не менее также не смогла стать стержнем идеологической базы нового режима.

Большинство греков достаточно пассивно отнеслись к установлению военной диктатуры; организованных выступлений против режима не наблюдалось вплоть до 1971 г. Можно найти этому несколько причин для объяснения: усталость большинства населения от тягот войны 1940–1949 гг., политических репрессий в отношении сторонников левых взглядов, продолжавшихся на протяжении всего послевоенного периода, вера в «человека с ружьем», который сможет справедливо разрешить все имевшиеся противоречия, как это неоднократно бывало в истории страны. Постепенно, однако, население пришло к пониманию, что новый режим действует в интересах все той же верхушки истеблишмента, что определяла развитие страны в течение последних двадцати лет.

Первые массовые выступления против режима были зафиксированы 21–22 апреля 1971 г. в Афинах, где состоялись демонстрации студентов, в которых приняло участие около 200 человек. Несмотря на относительную немногочисленность демонстраций, наблюдатели сочли их политическое значение весьма серьезным, поскольку они явились первыми открытыми демонстрациями за время существования в Греции военной диктатуры.

Усилению антиправительственных настроений способствовало также и заметное ухудшение экономического положения страны, на которое из-за зависимости Греции от мирового капиталистического рынка оказал существенное влияние кризис валютной системы Запада. Валютный кризис 1973 г. привел к резкому обострению инфляционных процессов в греческой экономике, выразившемуся в росте цен, сокращении инвестиций в промышленность, стремлении населения к быстрому превращению бумажных денег в «реальные ценности» путем покупки акций, квартир и т. д.

Военное правительство, пришедшее к власти 21 апреля 1967 г. под лозунгами восстановления и развития греческой экономики, улучшения социального положения греческого населения и общей стабилизации внутриполитической ситуации, на самом деле оказалось неспособным решить до конца вышеозначенные проблемы. Сочетание либеральных мер в экономике и жестких, репрессивных действий в общественной жизни, по мнению военных, должно было вывести Грецию на уровень развития стран Западной Европы, равноправным партнером которых она должна была стать к 1984 г. Однако высокие темпы экономического развития Греции в 1967–1973 гг. на самом деле явились следствием практически бесконтрольного напряжения, «перегрева» экономики. На фоне кризиса го-

inslav

сударственной финансовой системы к концу 1973 г. начали отмечаться признаки сокращения промышленного производства в ряде отраслей, что привело к снижению доходов населения. Продолжавшиеся репрессии против недовольных военным режимом, сохранение системы концлагерей для политических заключенных способствовали тому, что все большее число жителей Греции открыто высказывали свое неприятие военной диктатуры. Провал военной авантюры на Кипре в 1974 г. привел к тому, что военный режим был вынужден передать власть демократическому правительству во главе с вернувшимся из добровольной эмиграции К. Караманлису.

События 1967–1974 гг. в Греции доказали, что в конце XX в. военные режимы уже не в состоянии решать внутриполитические проблемы. Постепенное и последовательное развитие страны возможно только при условии существования демократического строя.

inslav

Н. В. Васильева
Институт военной истории МО РФ

РОССИЙСКИЙ ВОИН НА БАЛКАНАХ В ДВУХ МИРОВЫХ ВОЙНАХ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И РЕАЛИИ ПОВЕДЕНИЯ (дискуссионные аспекты)

Вопросы участия российского воина в двух мировых войнах за пределами своей страны, в том числе и на Балканах, на первый взгляд, могут показаться достаточно простыми и давно решенными с точки зрения историко-хронологических и фактологических аспектов.

Однако современные условия, особенно использование российского воинского контингента в миротворческих операциях, а также другие проблемы, связанные с критериями и законодательной базой применения военной силы за рубежом, делают актуальным обращение к российскому историческому опыту.

Уровень современного знания и организации научного поиска позволяет комплексно подойти к сложным проблемам, лежащим на стыке многих научных дисциплин, таких как соотношение национальных интересов страны с истинными намерениями политических сил, стоящих у власти, или преломление политических целей в военной политике в армии, в ее военно-психологической подготовке к решению военных задач, в том числе и к участию в боевых действиях за пределами Родины. Принципиальное значение имеют также вопросы осознания войсками мотивов участия в боевых действиях за рубежом, тех идей, ради которых солдат готов отдать свою жизнь, соотношение между понятием патриотизма и выполнением союзнического долга и пр. Особое значение ныне приобретают проблемы международно-правового характера, связанные с выполнением тех или иных международных обязательств страны, предусматривающих военное участие российских вооруженных сил в боевых операциях на территории зарубежных государств, их последствия, включая проблемы военнопленных, взаимоотношения с местным населением и пр.

Опыт Первой и Второй мировых войн дает богатейший материал для нового, более глубокого осмысления перечисленных проблем в их кон-

inslav

кретно-историческом измерении на основе расширения источниковой базы и методологических подходов.

Учитывая обширный круг вопросов указанной тематики, тезисно остановимся лишь на некоторых ее малоисследованных аспектах.

Дискуссионными, например, остаются проблемы Первой мировой войны, связанные с выяснением целей царского правительства в связи с направлением русских бригад для участия в операциях войск Антанты, в частности, на Салоникском фронте. По сей день мы мало знаем об этой странице российской истории. Можно назвать всего несколько работ по данной тематике: это публикации представителя русского зарубежья, генерала от инфантерии Ю. Н. Данилова, российского историка-слависта Ю. А. Писарева, а также современного исследователя Ю. А. Павлова[1].

Известно, что с инициативой направления русских войск на Балканы выступила Франция. В России это предложение не было воспринято однозначно. Например, посол России в Париже А. П. Извольский согласился с мнением французского генерала М. Саррайля о том, что появление русских солдат в Македонии окажет моральное воздействие на болгарских солдат [2]. Начальник же штаба Ставки Русской императорской армии генерал М. В. Алексеев отнесся к французскому предложению отрицательно [3].

При принятии решения о направлении русских войск на Балканы одним из мотивов вновь использовался «славянский фактор». Есть реальные доказательства, что этот фактор был не только идеологическим, мобилизующим и пропагандистским лозунгом, обосновывавшим вступление России в Первую мировую войну в защиту своих единокровных братьев — сербов, но также и военно-политическим, принимавшимся командованием во внимание при реальных военных расчетах. Например, ряд исследователей считают, что Николай II после «измены» Болгарии «славянскому делу» и ее вступления в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии поддался иллюзии, будто высадка русских войск на Салоникском фронте может оказать моральное воздействие на болгарскую армию, которая в результате откажется сражаться против русских войск, что и приведет к изменению ситуации в Болгарии и ее возвращению в ряды «славянских братьев». Такое мнение бытовало среди многих русских военных. Начальник Экспедиции особого назначения контр-адмирал М. М. Веселкин еще в октябре 1915 г., до вступления Болгарии в войну, предлагал высадить

[1] *Данилов Ю. Н.* Русские отряды на Французском и Македонском фронтах 1916–1918 гг. Париж, 1933; *Писарев Ю. А.* Русские войска на Салоникском фронте в 1916–1918 гг. // Исторические записки. 1966, № 79; *Павлов А. Ю.* Вопрос о направлении русских войск на Балканы в отношениях между Россией и ее союзниками в 1914–1915 гг. // Международные отношения. Современность и история. Вып. 1. СПб., 1994 и др.

[2] *Павлов А. Ю.* Русские войска на Македонском фронте во время Первой мировой войны // Новый часовой. СПб., 1997. № 5. С. 86.

[3] Там же. С. 7.

inslav

российский десант на болгарское побережье Черного моря. Он писал по этому поводу: «Стоит в данную минуту ослабить Болгарию и высадить там хотя бы две дивизии наших войск, как настроение моментально и в армии, и в народе выскажется в нашу пользу»[1].

Однако расчеты на силу воздействия «русского фактора» в данном случае оказались тщетными. Болгарские войска на македонском фронте с равным упорством сражались как против сербских, французских, так и против русских войск.

Скорее правы те, кто считает, что в основе решения о направлении русских бригад во Францию и на Салоникский фронт лежали более прагматичные цели и интересы, увязывавшиеся с тем, что, согласно подписанному в мае 1916 г. соглашению между представителями Антанты Р. Вивинани и А. Тома и начальником штаба Ставки Русской императорской армии генералом М. В. Алексеевым, Франция брала на себя обязательства по урегулированию вопросов снабжения «русского фронта артиллерий и выражала готовность оказать помощь России в организации внутреннего военного производства»[2]. То есть вопрос решался очень просто: русская кровь в обмен на французские пушки!

Вообще очевидность жертвенной роли России на протяжении всей Первой мировой войны, в том числе и на Салоникском фронте, не вызывает сомнения. В поставке «неистощимого запаса человеческого материала» английские и французские партнеры видели роль России в коалиционной стратегии Антанты[3].

Необходимо обратить внимание на вопрос о статусе русских бригад и условиях их использования. Так, по соглашению 1916 г., сами русские бригады находились под непосредственным командованием русских генералов (2-й особой бригадой командовал до 1917 г. генерал-майор М. К. Дитерихс, а 4-й особой бригадой — генерал Леонтьев, долгое время являвшийся военным агентом сначала в Софии, а затем в Константинополе)[4]. Но фактически бригады подчинялись в оперативном отношении главнокомандующему союзными войсками на Балканах французскому дивизионному генералу Морису-Полю-Эммануэлю Саррайлю; в юридическом и организационном отношении они подчинялись представителю Верховного командования Русской армии за границей генералу от кавалерии Я. Г. Жилинскому. Без санкции Военного министерства России французское командование не имело права вмешиваться в определенные уставом внутренние дела русских войск[5].

Однако после Октябрьской революции в России юридический статус русских бригад на Балканском фронте оказался довольно неясным. Вос-

[1] Цит. по: *Шкундин Г. Д.* Болгарская дилемма в дипломатической стратегии Антанты // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 168–169.

[2] *Данилов Ю. Н.* Указ. соч. С. 37, 51.

[3] Исторические записки. 1965. Т. 75 С. 127.

[4] *Данилов Ю. Н.* Указ. Соч. С. 41.

[5] *Писарев Ю. А.* Указ. Соч. С. 113–114.

inslav

пользовавшись моментом, французское правительство в нарушение соглашений с царским правительством распорядилось судьбой русских частей на Салоникском фронте по своему усмотрению. Известно, что в конце января 1918 г. русским войскам было объявлено, что те русские, которые на добровольной основе согласятся продолжать участие в боевых действиях в качестве волонтеров, в принципе оставались в российской военной юрисдикции. Те же, кто перешел на положение рабочих, были поставлены под действие французских законов; часть из них, отнесенных к категории «недобровольных рабочих», были направлены в Северную Африку, где находились практически на положении военнопленных. Часть солдат бывших русских бригад использовалась на трудовых работах в тылу Салоникского фронта. В свою очередь англичане послали русских солдат на греческие острова Крит и Макронис, где они так же, как и в Африке, использовались на тяжелых работах. Многие из них погибли либо пропали без вести. Лишь небольшому количеству удалось вернуться домой[1].

Важным представляется вопрос о динамике изменения морально-психологического настроения личного состава русских бригад по мере затягивания их пребывания на Салоникском фронте. Ряд документов, особенно представленных в работах Ю. Н. Данилова и Ю. А. Писарева, свидетельствуют о нарастании у русских солдат чувства оторванности от родины, осознания бессмысленности пребывания на боевых позициях. Эти чувства усиливались в связи с доходившими до войск сведениями о революционных событиях в России и неясностью военных целей в новых условиях. Так, генерал Данилов позже указывал: «Авторитет офицеров упал, ибо в них хотели видеть остаток прежней власти, против которой шло со всех сторон усиленное гонение. К тому же офицерская масса, привыкшая только к честному исполнению своих обязанностей, оказалась бессильной вступать в словесную дискуссию с хорошо натасканными и часто мало добросовестными агитаторами»[2].

Примечательно, что проникновение массовой революционной литературы и листовок в русские войска отмечалось со стороны противостоявших им частей болгарской армии.

На Салоникском фронте было пролито много русской крови. Генерал Дитерихс в 1917 г. указывал, что из 12 тысяч человек, которых он привез из России, убитые, раненые и контуженые составили до 4400 человек и до 8 тысяч человек переболело в госпиталях[3].

Кости русских воинов разбросаны по всему Балканскому полуострову, но об их подвигах мало знают. В Советской России Первая мировая считалась империалистической войной, и об участии русских войск в военных действиях на Балканах было не принято писать.

---

[1] Там же. С. 136–137.

[2] *Данилов Ю. Н.* Указ. Соч. С. 193.

[3] Там же. С. 184.

inslav

Перечисленным, конечно, не исчерпывается весь комплекс проблем, связанных с участием российских воинов в боевых действиях на Балканах в годы Первой мировой войны. К ним, несомненно, примыкают вопросы о судьбе военнопленных на территории Болгарии и бывшей Австро-Венгрии, тем более что в отечественной историографии и по сей день отсутствуют комплексные работы по этой тематике. А между тем в российских архивах — Российском государственном военном архиве, Российском государственном архиве социально-политической истории, Архиве внешней политики РФ — хранится значительное количество документов, еще не введенных в научный оборот.

Непростой вопрос состоит в том, что, в отличие от негативной позиции И. В. Сталина в отношении советских военнопленных в годы Второй мировой войны, одним из шагов советской власти была постановка задачи по возвращению военнопленных Первой мировой войны на Родину. Очевидно, что данная проблема приобрела в глазах новой власти политическое значение. 18 января 1918 г. СНК РСФСР издал декрет о создании организаций помощи военнопленным — Отдела о военнопленных, гражданских пленных, заложниках и беженцах, Отдела по эвакуации военнопленных и Врачебно-санитарного и Военно-хозяйственного советов. 27 апреля 1918 г. советское правительство приняло решение об объединении всех этих органов в единую организацию — Центральную коллегию о пленных и беженцах (Центропленбеж) при Народном комиссариате по военным делам. При Центропленбеже был создан Отдел помощи русским военнопленным за границей — Загранплен[1].

На состоявшемся в июле 1918 г. V Всероссийском съезде Советов было принято решение об организации всесторонней помощи пленным. Съезд обязал все губернские советы создать специальные отделы по организации помощи военнопленным и при крайне тяжелом положении страны выделил 25 млн. рублей «специально для организации на месте помощи нашим братьям, еще находившимся на чужбине»[2]. Только за шесть месяцев 1918 г. русские военнопленные получили больше продовольствия, чем за 4 года войны[3].

Проблема русских военнопленных стала одним из главных звеньев советско-болгарских отношений в 20-е годы. В Архиве внешней политики РФ и других российских архивах хранится значительное количество малоизученных материалов, в том числе письма русских военнопленных из Болгарии, документы о деятельности миссии Российского общества Красного Креста, которая начала свою деятельность в Болгарии в 1922 г. во главе с И. С. Корешковым, а также Союза возвращения на родину во главе с М. В. Шелепугиным. Интерес представляют материалы об исполь-

[1] *Писарев Ю. А.* Русские военнопленные в Австро-Венгрии в 1917–1918 гг. // История СССР. 1966. № 4. С. 177.

[2] Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 526.

[3] *Писарев Ю. А.* Русские военнопленные... С. 172.

inslav

зовании этих организаций в политических целях как болгарскими коммунистами, так и советским руководством. Например, 16 сентября 1922 г. на имя председателя Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкого поступил доклад штаба РККА о состоянии и деятельности Союза возвращения на родину в Болгарии, Сербии и Греции. Причем в препроводительной к документу было указано: «Организация указанного союза произведена нами совместно с Болгарской коммунистической партией»[1].

И, наконец, проблема «Российский воин на Балканах во Второй мировой войне» в современном прочтении подразумевает намного более широкий спектр вопросов, чем прежде. Она не ограничивается понятием «Освободительная миссия советских войск» или судьбой советских военнопленных, находившихся в балканских странах в годы Второй мировой войны. Очевидно, следует принять во внимание то обстоятельство, что на фронте друг другу противостояли не только военная сила СССР и Германии в лице Красной Армии и вермахта. По другую сторону фронта, в рядах врагов Советского Союза оказались и русские, бывшие воины русской императорской армии — носители так называемой «белой идеи», выходцы из русской военной эмиграции, обосновавшейся в 20-е годы на Балканах. Например, история Русского корпуса на Балканах в составе сил вермахта в Югославии по-прежнему остается весьма не проясненной, особенно с точки зрения историко-философского и морально-психологического осмысления соотношения таких понятий, как «русская национальная идея», «патриотизм» с предательством родины и участием в рядах врагов отечества по идейным соображениям. Отдельным вопросом является рассмотрение на историческом материале особенностей использования германским командованием «антибольшевизма» русских эмигрантов в своих интересах, в том числе для превращения Русского корпуса с его национальной идеей возрождения «единой и неделимой России» в свою противоположность — в орудие в руках германского командования по уничтожению русских своими же русскими.

«Антибольшевизм» в третьем рейхе ловко использовался для реализации планов полного уничтожения Российского государства в любом политическом измерении, независимо от идеологии. В этом ключе глубоким заблуждением и трагедией командования Русского корпуса и его личного состава явилась их вера в то, что война со стороны нацистской Германии была объявлена коммунизму, а не России. Поэтому попытка первого командира корпуса генерала М. Ф. Скородумова придать своей войсковой единице самостоятельный характер и автономию с национальными целями сразу же привела к конфликту с германским руководством и смещению генерала, его временному аресту и замене на генерала Б. А. Штейфона, а также к подчинению корпуса германскому хозяйственному управлению в Сербии во главе с группенфюрером Нейхаузеном[2].

[1] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 73. Л. 141.

[2] Русский корпус. Председатель союза чинов. П-к А. И. Рогожин. Нью-Йорк, 1963. С. 12–24.

inslav

Участие Русского корпуса в боевых действиях против Красной Армии в 1944–1945 гг. приобретало элементы гражданской войны. Что, например, защищал личный состав Русского корпуса под Белградом? Югославскую землю от надвигавшейся угрозы большевиков или силы зла в лице гитлеризма — общего врага как русских, так и народов балканских стран? Этот вопрос и сегодня имеет принципиальное значение.

По-прежнему не исчерпала себя тема, связанная с изучением всех сторон военного присутствия Красной Армии на территории балканских стран в 1944–1945 гг. Ныне эту тематику принято относить к силовому компоненту действия «советского фактора» в странах Восточной Европы. Многомерный характер деятельности Красной Армии в указанный период определяется сложностью задач, которые она решила, спецификой военной обстановки, в том числе в Румынии, Югославии и Болгарии. Главное, что боевые действия и присутствие советских войск на территории указанных стран диктовались необходимостью быстрейшего разгрома фашистской Германии и вывода из войны ее союзников — Болгарии и Румынии. В то же время нельзя не учитывать, что Красная Армия даже по своему названию выражала не столько национально-государственную принадлежность, сколько социально-классовое предназначение, присущее ей с первых дней создания советского государства — революционная армия, «вооруженный отряд мирового пролетариата». Правда, с началом Великой Отечественной войны Советского Союза произошла корректировка официальных идеологических формулировок, определявших задачи Красной Армии. На первый план были выдвинуты патриотические, национально-освободительные цели борьбы против оккупантов. Объективно национально-государственные интересы СССР совпадали со справедливым, освободительным характером Второй мировой войны со стороны сил антигитлеровской коалиции и порабощенных фашизмом народов. Тем не менее «мессианские» принципы пролетарского интернационализма, отражавшие идейные основы советского строя, несомненно присутствовали как в идеологической работе в армии, так и в мировоззрении советских воинов. Они трансформировались в понятие «интернациональный долг» по оказанию помощи народам Европы, стонущим под игом германского фашизма, в задачи по их освобождению, сформулированные И. В. Сталиным в его выступлении по радио 3 июля 1941 г.

Следует признать, что перенос боевых действий Красной Армии за государственную границу СССР в 1944 г. был всесторонне идеологически подготовлен работой советских политорганов в армии, прежде всего ГлавПУ РККА. В связи с введением в научный оборот новых документов, в том числе представленных в книгах Института славяноведения РАН — «Восточная Европа в документах Российских архивов 1944–1953 гг.» и других работах, — созданы дополнительные возможности для дальнейшего углубленного изучения перечисленных вопросов в их конкретном проявлении в каждой из балканских стран, включая Болгарию.

inslav

В качестве примера остановимся на следующем вопросе. В последнее время многие исследователи в оценках внутриполитической ситуации в Болгарии склонны полагать, что развернувшаяся в этой стране после 9 сентября 1944 г. так называемая «дефашизация» приобрела характер массовых репрессий и расправы коммунистов со своими политическими противниками. В этом ключе весьма непроясненными остаются вопросы о позиции советской стороны и международно-правовые аспекты данной проблемы. Как соотносились эти действия правительства Отечественного фронта в Болгарии с международно-правовыми нормами наказания военных преступников, согласованными между главами государств антигитлеровской коалиции и определенными условиями перемирия с Болгарией? Известно, что 22 сентября 1944 г. командование советских войск в Болгарии сообщило, что им были взяты под стражу бывшие члены регентского совета Б. Филов, князь Кирилл, генерал-лейтенант Н. Михов, а также бывший премьер-министр Д. Божилов. Однако уже 26 сентября того же года директивой Генерального штаба Красной Армии командованию 3-м Украинским фронтом запрещалось производить аресты в Болгарии[1].

В соответствии с соглашением о перемирии от 28 октября 1944 г. правительство Болгарии обязывалось сотрудничать в деле задержания лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и суда над ними. В декабре 1944 г., учитывая просьбу болгарского правительства к советскому правительству и с согласия правительств США и Великобритании, советская сторона передала болгарскому правительству бывших регентов Болгарии, а также бывших министров — Божилова, Габровского, Василева, Шишманова, Муравиева, Драганова, высших чинов болгарской армии для осуществления суда над ними болгарским судопроизводством[2].

В то же время, насколько можно судить по наличным документам, представители советского командования и советские офицеры в Болгарии отнюдь не одобрительно относились к массовым арестам офицерского состава болгарской армии, предпринятыми новыми болгарским властями осенью 1944 г. Например, в донесениях, поступавших в Политическое управление 3-го Украинского франта и в ГлавПУ РККА, положение в болгарской армии оценивалось как неблагополучное. В сообщении об аресте всего офицерского состава гарнизона города Ловеч в конце сентября 1944 г. указывалось, что руководители коммунистической организации представили это как «борьбу с фашистскими элементами в стране»[3]. Военный корреспондент газеты «Правда» тогда же сообщал: «Нас повели в тюрьму, обещая показать фашистов. Мы были убеждены, что увидим в тюрьме немецких солдат и офицеров, а увидели болгарских офицеров»[4].

[1] ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 16. Л. 183.
[2] Известия. 1944. 30 дек.
[3] РГАСПИ. Ф. 17. От. 125. Д. 47. Л. 72–73.
[4] Там же.

inslav

Отмечалось также, что вместо национальных болгарских флагов солдатские колонны украшены красными флагами. Как указывалось в документе, аресты офицерского состава имели массовый характер. Пагубные последствия арестов сразу же дали отрицательные результаты на фронте. При первых же стычках с немецкой армией в районе г. Кула 10–13 сентября 1944 г. болгарские части потерпели поражение. Советская сторона рекомендовала для нормализации положения в армии создать специальные государственные комитеты, которые бы на основе фактов объективно определяли «качество» того или иного офицера. Эти соображения были изложены начальнику штаба Болгарской армии П. Илиеву и секретарю ЦК БРП(к) Т. Костову 27 сентября 1944 г.[1]

В политдонесениях отмечалась также общая психологическая неподготовленность болгарской армии и населения к участию в войне против Германии, говорилось о том, что болгары не осознавали размера военной помощи, оказанной Болгарией Гитлеру, приводились примеры, что болгары часто рассматривали немцев как «благодетелей» потому, что «они дали им Македонию и Фракию». Подчеркивалась необходимость решения главной задачи — усиления массовой политической работы по активизации борьбы на фронте против гитлеровцев[2]. Эти факты подтверждают приоритет военных задач, которые решала советская сторона своим военным присутствием в Болгарии в 1944 г.

Дальнейшее изучение темы «Российский воин на Балканах в двух мировых войнах» приобретает особый смысл в современных условиях еще и потому, что ныне вопросам направления российских войск за пределы родины придан государственно-правовой статус, который закреплен 102-й статьей Конституции РФ, Законом об обороне от 15 мая 1995 г., а также Федеральным законом от 26 мая 1995 г. Вместе с тем исторический опыт, свидетельствующий, что решение стратегических, военных и иных задач для России оплачивалось большой кровью ее воинов, а часто последующим непониманием этой жертвенности в глазах потомков, ставит еще много проблем в связи с морально-психологическими и другими критериями «реализации миротворчества», например, такого плана: «русская кровь — только за национальные интересы».

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 47. Л. 76.
[2] ЦАМО. Ф. 392. Оп. 11309. Д. 230. Л. 169–176.

inslav

Н. В. Коровицына
Институт славяноведения РАН

БОЛГАРЫ В СИСТЕМЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ СДВИГОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
(особенности восприятия и адаптации)

Исторический смысл и значение радикальных перемен в Восточной Европе конца XX в., так же как и его середины, можно понять, рассматривая их в широком контексте, исходя из логики эволюции современного мира. Стержнем этой эволюции явились модернизационные волны 50-х и 90-х годов. Модерн, антимодерн, постмодерн и неомодерн — четыре основных этапа всемирно-исторического процесса второй половины XX в.

Послевоенная модернизация, получившая в Восточной Европе характер социалистической, продолжалась до середины 60-х годов. Затем последовал процесс отката, антимодернизации, завершившийся к середине 70-х годов. Всплеск постмодернизационных веяний конца 70-х–80-х годов перешел на рубеже 80–90-х в условиях краха соцсистемы в новую — либеральную — фазу модернизации. Своеобразно проявившиеся в различных регионах мира общественные процессы конца XX в. имели еще более универсальный и интернациональный характер, чем процессы послевоенной модернизации.

В восточноевропейском регионе эти общемировые тенденции нашли одно из наиболее ярких и мощных проявлений, предопределив судьбы и портрет трех поколений населения входящих в него стран. Социализация старшего поколения происходила в условиях форсированной индустриализации и политики выраженного мобилизационного типа. Совершался перевод стран региона в общее русло социально-экономического развития современного мира. Из преимущественно аграрного с большим перевесом сельского населения восточноевропейское общество превращается в индустриальное с преобладанием городского населения и развитой системой образования и освоения культурных ценностей.

На общерегиональном уровне соцмодернизация завершается «Пражской весной» 1968 г. Ею была заявлена необходимость гуманизации социализма, построения «социализма с человеческим лицом». 1968 год дает импульс появлению альтернативных официальным умонастроений, которые получают все более широкую поддержку в среде следующего за поколением соцмодернизации — среднего — поколения. На рубеже 60–70-х

inslav

годов в этой поколенческой среде формируется новая социальная категория — массовая интеллигенция. В следующие годы процессы массовизации восточноевропейской элиты достигают значений, угрожающих сохранению основ существующего режима. Второе поколение интеллигенции усваивает и продолжает идеи шестидесятников. Эти идеи получили наиболее полное проявление два десятилетия спустя в «бархатных» революциях — прелюдии шоковой терапии народов региона. В свою очередь, шоковая реформа служила начальной фазой неомодернизации 90-х годов, которая подчинила себе судьбы младшего поколения наших современников.

Первая волна модернизации, действительно, преобразила социально-экономический облик восточноевропейского общества. Но даже порвав со своими преимущественно сельскими и аграрными корнями, оно еще сохраняло многие базисные черты культуры традиционного типа, в том числе существующие в ее советизированной вариации. Оно имело отчетливую национальную специфику. Вторая волна системных сдвигов в регионе затронула наиболее глубинные пласты сознания восточноевропейца, переводя их в русло процессов теперь уже культурной глобализации. Этот процесс происходил на наших глазах в 90-е годы и сейчас — по мере консолидации новых форм жизни — переживает период своего ускорения.

У истоков обоих этапов модернизации восточноевропейского региона находятся две революции — послевоенная социалистическая и «бархатная» демократическая. Общественные изменения, которые они вызвали, несмотря на совершенно различную, даже противоположную направленность, имели фундаментальный характер. В обоих случаях формировались новая система производства — материального и духовного, — новая система ценностей и новая система власти.

Исторический процесс движим процессом смены господствующих в обществе ценностей. Что же и кто — какие социальные силы — предопределяли этот процесс во второй половине XX века? Для ответа на этот вопрос обратимся к теории межгенерационного культурного сдвига, или тихой революции, созданной современным американским социологом Рональдом Инглехартом.

Его теория утверждает наличие существенных различий между довоенным и послевоенным поколениями. Действительно, образованная восточноевропейская молодежь, рожденная в послевоенные годы, в противовес преимущественно материалистически ориентированным «отцам», но аналогично западноевропейским сверстникам, отдавала приоритет постматериалистическим ценностям, в которых прошла ее социализация. Это группа ценностей, «акцентируемых после того, как люди достигли материальной безопасности, и потому, что они ее достигли», — пишет Р. Инглехарт[1]. Если «материалисты» думают прежде всего об экономическом

[1] *Инглехарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности в изменяющемся обществе//Полис. 1997. N 4. С. 16.

inslav

процветании своего государства и собственном благополучии, об обеспечении закона и порядка, то «постматериалисты» особенно высоко ценят возможность самовыражения и самоопределения человеческой личности, выступают за сохранение свободы слова и охрану окружающей среды. Материалисты стремятся к росту уровня жизни, а постматериалисты — ее качества.

Ценности, усвоенные личностью в период ее формирования в возрасте от 10 до 25 лет, влияют на весь последующий жизненный путь индивида. Поэтому поколение, рожденное на рубеже 40–50-х годов, — период социализации его совпал с послевоенным периодом экономического роста и благополучия — с большей вероятностью выражает постматериалистические ценности, по сравнению с предшествующим поколением, которое сформировалось в период относительного экономического дефицита.

Теория тихой революции была разработана Рональдом Инглехартом в 70-е годы, после выступлений западноевропейского «поколения бунтарей». Эта теория выражает положения известного нам по периоду «реального социализма» так называемого закона возвышения потребностей. Тогда же появляется сам термин «постмодерн», его стилевое течение «New age» как новое поколение или новое время.

Для Восточной Европы перестройка мироотношения, обозначаемая как постмодернизация, была так же реальна, как и для Западной Европы. Общественная система социализма в 50–80-е годы решила задачу повышения уровня экономической и физической безопасности, сформировав одновременно большой контингент постматериалистов, воспринимающих эту безопасность как должное. Последствия тихой революции для Восточной Европы были даже еще более значительными, чем для Западной. Этому способствовала традиционная для восточноевропейцев склонность отдавать приоритет идеальному перед материальным. Она сохранилась и развилась в советский период с его социально ориентированной политикой и гарантированной занятостью. В Восточной Европе гораздо более высокий статус имели семейные ценности, что находило выражение в поддержке родителями даже взрослых детей. Именно в восточноевропейском регионе, где с молодым поколением ассоциировались далеко идущие перспективы «социалистического строительства», появилась ювентология как теоретическая основа молодежной политики.

В среде массовой интеллигенции, которая появляется в 70-е годы, сформировалась центральная фигура постмодерна — массовая личность. Новое время рассматривало ее как преимущественно духовную, а уже не природную и социальную субстанцию. Восточноевропейский интеллигент стал ярким свидетельством завершения эпохи «экономического человека».

Сами восточноевропейские элиты видели главный путь преодоления отсталости своих стран в стратегиях образовательного развития, достигнув на этом пути немалых успехов. Экспансия образовательных возможностей особенно ощутимо проявилась в вузовской среде. Путь туда от-

inslav

крыл переход стран региона на рубеже 60–70-х годов ко всеобщему среднему образованию, который сразу же вызвал резкий рост конкурса в вузы. Отмеченный тогда бум высшего образования стал важнейшей детерминантой смены системы ценностей восточноевропейцев, резко ускорив их переход к новому времени. С этого момента можно с уверенностью констатировать начало тихой революции в Восточной Европе.

Согласно Р. Инглехарту, существует «изрядный временной лаг между экономическими переменами и их политическими последствиями. Через 10–15 лет после начала эры процветания возрастные когорты, чьи годы личностного становления пришлись на этот период, станут пополнять электорат. Может пройти еще десятилетие или около того, прежде чем эти группы начнут занимать в своем обществе позиции власти и влияния; еще одно десятилетие, или около того, — прежде чем они достигнут высших уровней принятия решений. Правда, их влияние станет значительным задолго до этой финальной стадии. Постматериалистам свойственна более высокая развитость, они лучше артикулируют свои позиции, политически более активны — в сравнении с "материалистами". Следовательно, политическое влияние первых, в тенденции, способно быть значительнее, чем вторых»[1].

У ориентированных на общественные изменения постматериалистов уровень благосостояния и образования был выше, чем у остального населения; особенно много их пришло из слоев населения, улучшивших свое материальное положение в период социализма.

Неудовлетворенных всем своим — не только материальным — существованием в польском обществе, по данным 1980 г., менее, чем за полгода до появления движения Солидарность, было втрое больше, чем в 8 ведущих западных странах по состоянию на середину 70-х годов[2]. Протестная активность молодых западноевропейских постматериалистов проявилась на более ранних этапах их биографии, еще в конце 60-х. После этого западноевропейское общество в сильной мере охладело к постматериалистическим идеям, чего нельзя было сказать о восточноевропейском обществе. Там процесс такого роста настроений еще полтора десятилетия набирал силу, реализовавшись в 80-е годы. Протестная активность народов региона периода перестройки и «бархатной» революции была сугубо «постматериалистическим» феноменом.

Итак, двигателем экономических и социальных устремлений восточноевропейцев в рассматриваемый период служило высшее образование. Характерно, что в странах, принадлежавших к числу менее экономически развитых на старте социалистической модернизации, — СССР и Болга-

[1] *Inglehart R.* The silent revolution in Europe: intergenerational change in post-industrial society // American political science review. 1971. N 4. P. 1000.

[2] *Inglehart R., Siemienska R.* Changing values and political dissatisfaction in Poland and the West: a comparative analysis // Goverment and opposition. 1988. N 4. P. 451.

inslav

рии, как и Польше и словацкой части ЧССР, рост высокообразованных контингентов населения и соответственно процессы «массовизации элит» шли опережающими, по сравнению, например, с Венгрией и особенно Чешскими землями, темпами.

В своей ориентации на ценность высшего образования как чрезвычайно высокую и в символическом, и в материальном выражении болгарское и советское общества 60–70-х годов были максимально близки на общерегиональном фоне. В условиях неразвитости системы профессионального образования здесь формировалась полярная структура образовательного потенциала с большой долей его низших и высших звеньев при слаборазвитом среднепрофессиональном звене. Специальности физического труда и особенно сферы обслуживания считались в Болгарии и СССР наименее престижными. Между рангами оценок профессий здесь существовала высокая корреляция, если не практически полное совпадение.

Даже среди рабочей молодежи — людей с жизненным и профессиональным опытом — в Болгарии стремление к получению высшего образования было выражено значительно сильней, чем в остальных странах. Об этом говорила треть молодых рабочих (в СССР — каждый четвертый, в других странах около 10%, а в Чехословакии — менее 3%)[1]. Что же касается студенчества, то треть его в Болгарии и еще больше в СССР в 70-е годы считало открываемую образованием возможность добиться лучшей материальной обеспеченности «совсем неважной». Будущие высокообразованные специалисты в этих двух странах оценивали различные виды труда, исходя прежде всего из их общественной пользы[2]. Так формировались носители постматериалистических воззрений в их восточноевропейском варианте. Для них приоритетными были цели, не имеющие непосредственного материального выражения, а на первый план выходила проблема не уровня, а качества жизни.

Всего среди обладателей среднего образования в Болгарии высшее хотело получить наибольшее количество молодежи — 93%. Другой полюс составляла в регионе Чехословакия с ее 65%[3]. Но зато в конце 70-х годов лишь около 40% болгарских и советских молодых специалистов повторили бы, по их мнению, свой профессиональный выбор: в Чехословакии же доля удовлетворенных этим выбором была вдвое выше. Степень нереализованности профессиональных планов зависела от уровня запросов к труду. Завышенные карьерные и потребительские ориентации второго поколения интеллигенции пришли в противоречие с объективными возможностями существующей системы. Это противоречие, постоянно порождавшее чувство собственной недовостребованности и недооценки, особенно силь-

[1] *Чередниченко Г. А., Шубкин В. Н.* Молодежь вступает в жизнь. 1985. С. 197.

[2] Молодежь и высшее образование в социалистических странах. М., 1984. С. 96, 109.

[3] Трудящаяся молодежь: ориентации и жизненные пути. Будапешт. 1980. С. 207.

inslav

но проявилось в странах с наиболее форсированным характером послевоенного развития. К их числу, безусловно, принадлежала Болгария.

1981–1984 годами западные социологи датируют рост постматериализма[1]. Существовавшая и в западном, и в социалистическом мире политика максимизации экономического роста как кратчайшего пути к получению массовой поддержки правящих элит дала сбой уже в середине 60-х годов. Тогда в результате появления постматериалистически ориентированной группы людей (в социалистическом мире ее представляло первое поколение интеллигенции) произошел сдвиг от преимущественно экономической к неэкономической основе общественного недовольства. Во втором послевоенном поколении постматериалисты, по наблюдениям западных социологов, наиболее склонные к поддержке социальных изменений, становятся доминирующей общественной группой[2]. Непропорционально активным политическим участием в Восточной Европе, как было установлено, отличались люди с высоким социально-экономическим статусом и обладавшие прошлым личным опытом политической несправедливости в большей степени, чем испытавшие экономические затруднения[3].

К началу 80-х годов восточноевропейское общество приобретает социокультурный облик, совершенно измененный по сравнению с периодом не только сорока-, но и двадцатилетней давности. Одновременно с очередной сменой поколений в это время разрушается сложившаяся в социалистическом мире в 50-е годы и сохранявшая относительную стабильность и гомогенность все следующие десятилетия система ценностей. Исследования рубежа 70–80-х годов показывали, что восточноевропейцы, особенно молодежь, нематериалистичны по своему складу. Они ценят счастливую семейную жизнь, которая возглавила иерархию ценностей, выше, чем материальный или профессиональный успех. Особенно это касалось Польши, Болгарии и Советского Союза[4]. Но спустя еще десятилетие в результате усиливающегося отчуждения людей от государственных структур в ходе перестроечных процессов, политики гласности и «революции растущих ожиданий» этот нематериалистический настрой приобрел новую — политическую — форму проявления.

Вместе с тем девальвировались ценности труда и образования. Последнее теряло свою функцию стержня процессов социального структурирования общества. Усилия компартий по созданию технократического потребительского социализма, в конечном счете, привели к ослаблению ав-

[1] *Abramson P. R., Inglehart R.* Generational replacement and value change in six West European societies // American journal of political science. 1086. N 1.

[2] *Inglehart R.* Political dissatisfaction and mass support for social change in advanced industrial society // Comparative political studies. 1977. N 3. P. 469.

[3] *Mason D.* Attitudes towards the market and political participation in the postcommunist states // Slavic review. 1995. N 2. P. 399.

[4] Survey research and public attitudes in Eastern Europe and the Soviet Union. 1981. P. 495.

inslav

торитарных политических режимов при росте значимости позиций образованного класса — специалистов средней и высшей квалификации. Попытка этого класса окончательно освободиться от административных пут и жесткой регламентации в повседневной жизни постепенно сформировала у большинства его представителей отторжение общественной системы в целом. Характерно, что в странах, где рост массовой интеллигенции в 70-е годы был наибольшим, по прошествии времени соответственно сильней проявился и ее революционный пафос.

Преобразовательный настрой образованного класса отражал идею отказа восточноевропейского общества от социалистического проекта модернизации и утверждение ориентаций противоположного этому толка, связанных с досугом, друзьями, потребительством, самореализацией. Воцарившаяся атмосфера «безыдейности» и «нигилизма» стала реакцией на предшествующие жесткость и рационализм.

По данным всемирного опроса по ценностям 1990 г., население СССР и Болгарии сравнительно менее материалистически ориентировано, чем жители большинства других бывших соцстран. Эта ориентация, как оказалось, не коррелирует ни с уровнем жизни, ни со степенью успешности процессов посткоммунистического реформирования. Так, чехи и венгры с их относительно более высокими показателями благосостояния материалистичней болгар. А среди наших соотечественников доля материалистов в 1990 г. была ниже, чем среди поляков[1].

Болгарская исследовательница С. Стаменова установила, что в культурном облике нынешнего среднего поколения различий между, например, Болгарией и Польшей сейчас больше, чем в старшем поколении. У старшего в обеих странах еще преобладает традиционный — трудоцентричный и коллективистский — тип культуры. В среднем же поколении поляков в 1991 г. господствовали частично традиционный, частично современный, характеризующийся тоже трудоцентризмом, но при этом высоким уровнем индивидуализма, тип. В обоих этих типах приоритетны ценности труда над ценностями досуга, забота о материальной стороне жизни. Что же касается Болгарии, то здесь в той же средней генерации, социализированной в период развитого социализма, по-прежнему преобладало постсовременное отношение к труду. Это означает приоритет потребностей более высокого порядка, чем простое выживание или удовлетворение основных экономических нужд[2]. Досуг здесь важней труда. Такой тип личности сформировал период «реального социализма» с его законом «возвышения потребностей» и господством уравнительного принципа.

---

[1] *Рукавишников В., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998. С. 241–242.

[2] *Stamenova S.* Changing work values patterns during the post-communist transformation period//Bulgarian transition: challenges and cognition. Sofia. 1998. P. 149–150.

inslav

Социалистический постмодерн пустил более глубокие корни в болгарском обществе, которое отличается от польского еще и поздним началом процессов либерального реформирования. Мелкое и среднее предпринимательство, вторичная занятость в Польше постепенно завоевывали свои позиции уже с начала 80-х годов. У населения Болгарии возможности получения дополнительных доходов до 1989 г. официально отсутствовали.

С. Стаменова высказывает предположение о перспективах распространения преимущественно современных ценностей среди молодежи и среднего поколения болгарского общества по мере развития процесса посткоммунистической трансформации, или неомодернизации. Это предположение, действительно, подтверждают не только упоминавшиеся выше польские данные, но и данные отечественного социолога В. Г. Андреенкова. Он проанализировал изменения в ценностных ориентациях наших соотечественников в 1991–1999 гг. На протяжении всего этого периода значимость работы постоянно повышалась, а для молодежи — повышалась, как он квалифицирует, «чрезвычайно»[1]. Специфика новой волны модернизации заключается в том, что в отличие от периода социалистической модернизации с ее апофеозом коллективного труда для общества в трудовой этике современного человека стали преобладать индивидуалистические цели. Экономический мотив труда теперь господствующий. Молодежь 1996–1999 гг. ценит работу почти вдвое выше, чем молодежь 1991–1993 гг. Одновременно у всех поколений, в том числе и молодого, упала ценность свободного времени. Можно говорить о возвращении «человека экономического» и отступлении Восточной Европы от постмодерна — в его социалистическом варианте — назад к модерну.

Совершенно иной была ситуация, предшествующая началу нового витка модернизации, характерная для периода «бархатных» революций. Тем более это касалось Болгарии, где в то время господствовали постматериалистические ориентации, акцентирующие требование свободы слова. Здесь, как и в других странах с преобладанием авторитарных форм правления — Румынии, Албании, Чехословакии, — регистрировался явный перевес в количестве «демократов» по сравнению с «рыночниками». В Болгарии разрыв в численности первых по сравнению со вторыми был наибольшим, нежели в других странах. Идея частной собственности для «демократов» менее значима по сравнению с идеей политического плюрализма и ликвидации монополии компартии. Они стремились к смене прежде всего политико-идеологического, а не экономического фундамента общества.

Собственно говоря, желание политических свобод, а не свободного рынка, и стало главным импульсом революций 1989 г. в Восточной Европе. И «демократов» больше всего было в странах с наиболее слабыми в регионе традициями демократии, прежде всего в Румынии и Болгарии.

[1] *Андреенков В. Г.* Изменение ценностных ориентаций // Россия в поисках стратегии: общество и власть. М., 2000. С. 180.

inslav

Причем практически только в Болгарии социологами обнаруживалась статистически значимая зависимость частоты демократических воззрений от возраста и уровня образования, а воззрений реакционных — от сельского места жительства и особенно пола. В остальных странах женщины не были столь «реакционны». Концентрация массовой основы «бархатной» революции в Восточной Европе в среде образованных горожан-мужчин особенно характерна именно для Болгарии, которая в предшествующий период продемонстрировала наиболее последовательную приверженность основным тенденциям социалистической модернизации.

Позитивная оценка нового режима, по данным 1991 г., была наивысшей в Румынии и самой низкой в уже значительно продвинувшейся к этому времени по пути либеральной модернизации Польше. Выше средней эта оценка была также в только что вступивших на путь демократизации Болгарии и Чехословакии, а ниже — в Венгрии, где рыночные реформы начались уже около двух десятилетий назад[1]. Отличительной чертой болгар на фоне других наций было наименьшее количество представителей категории скептиков и колеблющихся в вопросе оценки первых результатов изменения режима. В сумме их насчитывалось вдвое меньше, чем в Польше и Венгрии — популяциях гораздо более осторожных и малодоверчивых по сравнению с болгарской, в которой они составляли до четверти всех опрошенных. Вместе с тем на крайние политические категории — так называемых демократов и реакционеров — в Болгарии приходилось больше всего — 88% опрошенных в 1991 г. Политическое сознание болгар в то время характеризовалось наивысшей степенью поляризации. Надо заметить, что склонность болгар к категоричным оценкам и крайностям проявлялась и при прежнем режиме[2].

Новый политический режим сразу после его установления одобряло 64% болгар, тогда как новую экономическую систему — всего 23%. И это учитывая, что болгары, не имевшие опыта жизни в условиях рыночной экономики, тогда еще меньше других опасались потерять работу. Среди скептиков по поводу свободного рынка в Болгарии было особенно много энтузиастов либеральной демократии. Что же касается энтузиастов свободного рынка, то они, как правило, были и приверженцами демократии[3]. Причем характерно, что если, например, в Польше принципы демократии больше поддерживали люди, довольные своими текущими доходами, в Болгарии ситуация была противоположной. Здесь стремились к реализации этих принципов люди, негативно оценивающие свое экономическое положение. Речь шла главным образом о сверхоптимистических надеж-

[1] *Rose R., Mishler W.* Mass reaction to regime change in Eastern Europe: polarization of leaders and laggards? / / British journal of political science. 1994. N 2. P. 169.

[2] Преходът в България през погледа на социалните науки. София, 1997. С. 87.

[3] *McIntosh M. E., MacIver M. A., Abele D. G., Smelz D.* Public meet market democracy in Central and East Europe, 1991–1993 / / Slavic review. 1994. N 2. P. 505.

inslav

дах на будущий рост собственного благосостояния в условиях демократии.

Новая экономическая система изначально оценивалась болгарами ниже, чем другими восточноевропейцами: к числу ее сторонников в начале 90-х годов в Болгарии относился лишь каждый четвертый. Максимальным был здесь и разрыв в рейтингах этой системы по сравнению с прошлой экономической системой в пользу последней[1]. Вместе с тем только в Болгарии большинство населения в то время идентифицировало себя с какими-либо политическими структурами. В минимальной степени это тогда проявлялось в среде деполитизированных поляков и венгров[2]. Слабые гражданские общества, вышедшие из жестко-централизованной политической системы с приоритетом коллективистских принципов общественной жизни, порождали высокие уровни лояльности населения правящим партиям. Если в Болгарии в 1990–1991 гг. лишь 39% населения не связывало себя ни с одной партией, то в Венгрии и Польше таких людей было 80%[3].

Однако уже по данным конца 1993 г. политика стремительно теряла свое значение в жизни болгар: 23% их не верили уже ни во что, чуть меньше — в Бога, еще 20% — только в себя и в ближайших родственников[4]. Около 70% опрошенных декларировали полное свое неучастие в 1990-е годы в каких бы то ни было протестных акциях и уверенность в невозможности оказывать влияние на политическую ситуацию[5]. Политическая апатия и недоверие стали одним из следствий полной смены социокультурной ситуации в стране.

Среди болгар уже в начале 1990-х годов было значительно больше, чем в соседних странах региона, неудовлетворенных не только уровнем жизни, но и самой жизнью (почти каждый десятый в отличие от, например, поляков, чехов, словаков, среди которых их было не более 2,5%)[6]. Негативные аспекты оценки ситуации в стране постоянно наращивали свой «вес», а позитивные, напротив, его теряли. Положение в стране воспринималось как «нестабильное», «неясное», «тревожное». Психологический дискомфорт и напряжение стали отличительной чертой болгарского массового сознания 1990-х годов.

---

[1] *Роуз Р., Харпфер Кр.* Сравнительный анализ массового восприятия процессов перехода стран Восточной Европы и бывшего СССР к демократическому обществу // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 1996. N 4.

[2] *Rose R., Haerpfer Ch.* Mass response to transformation in post-communist societies // Europe-Asia studies. 1994. N 1. P. 17.

[3] Political culture in East Central Europe. Aldershot, Brookfield. 1997. P. 75.

[4] *Yordanova L.* Youth beliefs and values in Bulgaria // Young people in post-communist Russia and Eastern Europe. 1995. P. 153.

[5] *Владимиров Ж.* Културното наследство срещу демокрацията и пазара (България 1989–1998). София, 1999. С. 189, 190.

[6] Преходът в България... С. 84.

inslav

Экономический «шок», произведенный рыночными реформами, привел болгарское общество в состояние культурного «шока»[1]. Столкновение с реалиями периода неомодернизации было особенно болезненным для восточноевропейских наций, переживших в послевоенный период форсированный тип развития. Социалистическая модернизация сформировала у них уникальный синтез традиционных и постматериалистических ценностей. Феномен этого синтеза был особенно характерен для болгарской культуры, которая в наименьшей степени соответствовала социально-экономическим процессам 1990-х годов.

Процессы стремительного уменьшения реальных доходов населения и возрастания доли людей, живущих в бедности и даже нищете, получили в начале 90-х годов наибольшее проявление в России. Но следующую за ней позицию среди стран посткоммунистического региона по этим показателям занимала Болгария. Здесь примерно такая же, как в России, доля населения принадлежала к числу живущих на грани нищеты[2]. Болгары чаще других отмечали ухудшение своего материального положения в период после 1988 г. Соотношение доходов 20% наиболее богатых и наиболее бедных слоев населения, составлявшее в 1990 г. 2,7:1, уже к концу 1995 г. достигло 6,5:1 и продолжало возрастать до 11–13:1 в 1998 г.[3] Около 80% болгарского населения приблизились в это десятилетие к черте бедности и фактически могут быть отнесены к числу «проигравших» от произведенных реформ[4].

В результате деструктивных процессов первой половины 90-х годов индивидуальные жизненные устремления болгар были минимизированы, и возобладала ориентация на стратегию выживания. Стремление к достижению жизненного успеха застыло на низкой отметке, а боязнь потерять работу стала характерной для большинства занятого населения. К концу десятилетия все меньше болгар стремились к развертыванию экономической инициативы. Всего около 15% их испытали свои возможности в сфере частного предпринимательства[5]. Стратегия жизни болгарина приобрела преимущественно пассивно-оборонительный характер, связанный с обращением к сельскохозяйственной деятельности и натурализацией потребления. Наиболее распространенным (для более чем трети опрошенных) типом экономического поведения в «крайней ситуации» стало возделывание имеющихся в распоряжении людей участков земли. Ни много ни мало 85% всего занятого населения Болгарии в конце 90-х годов производили сельскохозяйственные продукты для собственного потребления и еще почти 10% — на продажу. То есть практически все экономически

[1] *Владимиров Ж.* Указ. соч. С. 180.

[2] *Хахулина Л. А., Тучек М.* Распределение доходов: бедные и богатые в постсоциалистических обществах / /Куда идет Россия?... М., 1995. С. 170.

[3] *Mirchev M.* Dynamics of the social structure in the 1990-s in the light of in poverishment and poverty in Bulgaria/ /Bulgarian transition... P. 202.

[4] *Jeliazkova M.* Poverty and integration. The diverging roads of a society in transition. The case of Bulgaria/ /Ibid. P. 221.

[5] *Владимиров Ж.* Указ. соч. С. 191.

inslav

активные граждане страны связывали возможности своего существования именно с землей. Следующий, по оценке болгар, «ресурс выживания» — ожидание помощи от государства. А надо заметить, что все социологические исследования прошедшего десятилетия свидетельствовали о массовом желании социального порядка, законности и сильной власти. И лишь третьим по степени распространенности видом выхода из положения был для болгар поиск другой работы[1].

Для нации, совершившей в недавнем прошлом форсированный переход от аграрного общества к индустриальному, в которой преобладают горожане в первом поколении, сельскохозяйственная деятельность считается делом малопрестижным. Поэтому в Болгарии, как и в других странах региона, большинство опрошенных, по данным лета 1997 г., в трудный период своей жизни искало поддержки в кругу семьи, у ближайших друзей и коллег. В иерархии жизненных ценностей семья занимала первое место, дети — второе, дружба — третье. Демократия была важна для вдвое меньшей, чем семья, доли людей[2].

Обращение большинства населения Болгарии в кризисный период к традиционным ценностям и примитивным, досовременным формам экономической активности и образа жизни, как и в других странах региона, контрастирует с модернизированным обликом столицы и нескольких крупнейших городов. Там концентрируется новая в сильной мере вестернизированная элита болгарского общества, которая составляет всего 5–8% всего населения. Возможности свободного предпринимательства и получения прибыли сейчас наиболее значимы для молодых болгарских рабочих. Сознание более образованной части молодежи в меньшей степени ориентировано на новые ценности. Взгляды учащихся средних и высших учебных заведений менее материалистичны. Они предпочитают свободу выбора, тогда как молодые рабочие — свободу действий[3].

Процесс проникновения в сознание болгар ценностей неомодернизации сопровождался вытеснением из него сверхприоритетных при прошлом режиме образовательных ценностей. В конце 90-х годов почти половина болгарской молодежи уже не верила, что высшее образование спасет ее от безработицы или малоквалифицированного труда.

С распространением неоматериалистических ценностей согласуется получившее хождение представление о болгарской нации в ее нынешнем виде как о «нации мелких лавочников», работающих в сфере обслуживания, сельского хозяйства, легкой промышленности, информации. Возвышенные идеи уже якобы не могут увлечь такую нацию[4]. Проявлением этого считается отказ от процветавших в конце 80-х годов амбициозных намерений догнать Западную Европу по уровню благосостояния населения

[1] *Владимиров Ж.* С. 199, 236.

[2] *Dainov E.* A nation of shopkeepers. What polls tell us about the tuture shape of Bulgarian society// Преходът в България... С. 99, 113.

[3] *Mitev P.-E.* European attitudes of Bulgarian youth// Bulgarian transition... P. 258.

[4] Ibid. P. 57.

inslav

и демократизации общества. Насаждавшийся же впоследствии комплекс неполноценности по отношению к западным соседям формировал у болгарина сознание третьеразрядности своего статуса на европейском континенте.

Еще в 1996 г. болгары вместе с белорусами отличались от остальных наций региона тем, что в целом не выражали заинтересованности во вступлении в НАТО. Однако к 1998 г. они резко изменили свое отношение к этой организации. Доля сторонников присоединения к ней возросла в течение этих двух лет с 34 до 54%[1]. Западные социологи объясняют позитивную установку населения посткоммунистического региона в отношении новых союзных систем усилением характерной для восточноевропейцев ориентации на патерналистские ценности — привычной потребности в защищенности и поиске гарантий[2].

Неомодерн, акцентирующий идею культурной глобализации, явился серьезным испытанием для всех наций региона. К концу 1990-х годов стало очевидным, что расставание в условиях очередной волны модернизации с жизненно важными элементами традиционного общества может оказать разрушительное воздействие на своеобразный облик восточноевропейского общества, представляющие его национальные культуры. Наиболее консервативные из них — болгарская и чешская — продемонстрировали в 90-е годы, пожалуй, самую высокую устойчивость своих важнейших черт. Вместе с тем эти две нации можно было бы рассматривать в качестве «цивилизационных полюсов» региона.

Как показывает практика, именно болгарская и чешская нации смогли наиболее успешно противостоять ситуации, когда материальное потребление вновь превращалось в доминанту стиля жизни. В Болгарии и Чехии, как и других странах региона, уже значительно продвинувшихся по пути постмодернизации, в этот период сохранялся относительно высокий уровень стабильности иерархии потребностей человека. В мотивации труда здесь дольше, чем в других странах, сохранялся приоритет высших — социально-достижительских — стимулов. Потребность в социальном росте и самореализации, несмотря ни на что, оставалась доминирующей. Усиление впоследствии стимулов жизни, связанных с простым физическим выживанием, объясняется скорее неизбежностью адаптации обеих наций к новой социально-экономической ситуации, чем сменой их достаточно жестких культурных парадигм. В основе их по-прежнему находятся ценности, которые относятся к числу традиционных.

Сравнительное российско-болгарское социологическое исследование 1995–1996 годов продемонстрировало очевидное различие в отношении обоих народов к радикальным переменам в их жизни в результате рыноч-

[1] *Haerpfer C., Milosinski C., Wallace C.* Old and new security issues // Europe-Asia studies. 1999. N 6. P. 1007–1008.

[2] Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 1999. N 6. С. 18.

inslav

ных реформ. Оказалось, в частности, что болгары больше, чем наши соотечественники, боятся утерять черты духовности своего народа. Нашествие индивидуализма и материализма представляется им более серьезной опасностью, чем россиянам, хотя уровень катастрофичности сознания последних по большинству других позиций оказался выше. Потенциальный уровень социальной активности болгар, в частности их готовность осваивать новые профессии и в случае безработицы искать работу по специальности, тоже были выше по сравнению с россиянами. Что же касается разного рода широко распространенных у нас приработков, то в болгарской среде они, действительно, были распространены в гораздо меньшей степени[1]. 82% опрошенных в Болгарии декларировало высокую значимость для себя свободного и самостоятельного труда, дающего сознание личностного роста[2].

[1] *Митев П. Э., Иванова В. А., Шубкин В. Н.* Катастрофическое сознание в Болгарии и России //Социс. 1998. N 10. С. 113, 116.

[2] *Коларова Д.* Ценностните аспекти на българските организации //Икономика. 1996. N 1. С. 38.

inslav

Ю. Ф. Зудинов
Институт славяноведения РАН

ФРАГМЕНТЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ БОЛГАРИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ «ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ВОЛНЫ»

(новые «игроки» на политической арене)

Характерной чертой смены общественного строя в Болгарии, перехода от тоталитаризма, хотя значительно и «размягченного», к плюралистической демократии было многократное расширение круга индивидуальных и коллективных субъектов политической жизни. Особенно интенсивно этот процесс протекал на начальном, именуемом иногда «романтическим», этапе данного перехода (конец 80-х — начало 90-х годов).

Множество граждан Болгарии от первых глотков идеологической и политической свободы впали в некую эйфорию, более или менее искренне уверовав в наступление эры всестороннего прогресса, процветания, в возможность быстрого решения имеющихся в стране острейших социальных, экономических и иных проблем. Воспряли духом убежденные в реальности реформирования социализма, придания ему «человеческого лица» путем перестройки горбачевского типа, обращения к общечеловеческим ценностям и т. п. В активную политику включились и достаточно практичные, расчетливые, те, кто стремился к удовлетворению или узкогрупповых, или личных, нередко раздутых амбиций, считавших себя недооцененными, несправедливо обойденными при прежнем режиме. Однако принципиально важным, главным качественным явлением следует признать выход на авансцену общественной жизни политических сил и соответствующих лидеров, которые априорно отрицали социализм и коммунизм и как идеологию, и как тип социального устройства.

Весьма показательным признаком радикального обновления общественно-политического ландшафта Болгарии явилось интенсивное «партстроительство», институализация многочисленных политических формирований. Этот процесс в начале протекал как бы явочным порядком, не дожидаясь принятия соответствующего нормативного акта. Следует заметить, что «Закон о политических партиях», вступивший в силу в апреле 1990 г., был, с одной стороны, либерален, но, с другой, содержал некоторые принципиальные запреты. Возможность создать партию получили

6 Зак. 3317

Inslav

группы граждан (численностью не менее 50 чел.), обладающие избирательным правом. Партии могли функционировать только в рамках конституции, законов, не посягая на суверенитет и территориальную целостность страны. Запрещалось образование партий на религиозной или этнической основе. Не допускалась деятельность парторганизаций по месту работы, создание партиями своих детско-юношеских формирований[1].

Но, как уже отмечалось, названный закон не явился стартовым сигналом для создания политических партий. Скорее он был призван упорядочить этот процесс, ввести его в определенное правовое русло. К моменту его принятия в стране уже функционировало несколько десятков партий, движений, блоков и т. п., которые преследовали политические цели, т. е. так или иначе стремились войти во власть или приблизиться к ней, влиять на принятие решений.

Основы, исходные пункты образования той или иной политической структуры были различны.

В конце 1989 г. возобновили свою деятельность «исторические партии», запрещенные или распущенные в 1947–1948 гг. С ними в активную общественно-политическую жизнь вновь включились и ряд лиц, начавших ее еще до революции 9 сентября 1944 г. Естественно, уже в силу своей судьбы, традиций они вошли в антикоммунистическую часть политического спектра. Среди них:

— Болгарская социал-демократическая партия (БСДП), член Социалистического интернационала. Председателем Исполнительного совета партии стал старейший болгарский социал-демократ П. Дертлиев, 1916 г. рождения, врач по специальности, подвергавшийся преследованиям по политическим мотивам и в монархической, и в социалистической Болгарии.

— Болгарский земледельческий народный союз «Никола Петков» (БЗНС–Н. П.). Политическая биография его лидера М. Дренчева, 1917 г. рождения, имеющего высшее экономическое и юридическое образование, во многом напоминает биографию П. Дертлиева. Он также не «уживался» ни с монархическим, ни с социалистическим режимами, за что неоднократно подвергался репрессиям.

Названные партии пытались охватить центристскую часть политического спектра, сотрудничать и с левыми силами (предпочтительно с некоммунистами), и с либералами (не крайне правыми). Это не принесло им особых дивидентов, т. к. центризм в болгарском обществе не был популярен. Летом 1990 г. П. Дертлиев безуспешно баллотировался на пост президента Болгарии (президент избирался тогда парламентом). Его не поддержали имеющие большинство депутаты от Болгарской социалистической партии (БСП) — преемницы Болгарской компартии (БКП). С другой стороны, сторонники П. Дертлиева совместно с социалистами работали над новой Конституцией страны и способствовали ее принятию (12 июля 1991 г.) вопреки противодействию правых радикалов. На парламентских

[1] Държавен вестник. София, 1990. 10 април.

inslav

выборах в октябре 1991 г. БСДП и БЗНС–Н. П., выступая в одной блоке, не смогли провести своих кандидатов в Народное собрание.

В конце 1989 г. вновь начали функционировать и другие «исторические партии», в том числе:

— Демократическая партия (ДП). Первым ее лидером в посткоммунистической Болгарии стал Б. Кюркчиев, юрист, 1909 г. рождения, также познавший «прелести» преследований за свои политические убеждения.

— Болгарская радикально-демократическая партия (БРДП). Ее возглавила Э. Константинова, жизненный путь которой выглядел вполне благополучным. Профессор, доктор филологических наук, преподаватель ряда ВУЗов, включая Ягеллонский университет в Польше, автор более десятка монографий, множества статей. Однако все это не помешало ей стать твердым антикоммунистом.

Некоторые общественные объединения, в той или иной мере причастные к сфере политики, возникли на базе «неформальных» организаций диссидентского толка, появившихся в Болгарии на закате «живковской» эры. Они выдвинули из своей среды ряд политических деятелей, в том числе и молодых, и в большинстве своем — демократической (антикоммунистической) ориентации, отличавшихся разной степенью радикализма в своем отрицании социалистического прошлого. Среди них были и те, кто сравнительно комфортно жили при живковском режиме, и диссиденты, конфликтовавшие с этим режимом.

В декабре 1989 г. на основе экологического движения была учреждена Зеленая партия. Ее руководитель А. Каракачанов, 1960 г. рождения, среднее образование получил в СССР, затем закончил философский факультет Софийского университета, был соучредителем Комитета экологической защиты гор. Русе, Клуба за гласность и демократию. Последний был создан в ноябре 1988 г., т. е. за год до ухода Живкова, и назывался тогда Клубом в поддержку гласности и перестройки в Болгарии. Лидер Клуба П. Симеонов, 1942 г. рождения, кандидат философских наук, сотрудник Института социологии. В начале 1990 г. вышел из Болгарской компартии.

Одна из первых неформальных организаций в Болгарии — Независимое общество в защиту прав человека, основанное в январе 1988 г. Его председатель Р. Веденичаров, 1938 г. рождения, закончил Высший химико-технологический институт, защитил кандидатскую диссертацию, член ряда международных научных обществ. В 1992 г. баллотировался на пост вице-президента страны в связке с известным юристом В. Вылкановым, претендовавшим на должность президента. Названная пара, поддержанная БСП, проиграла победителям (Ж. Желеву и Б. Димитровой) сравнительно немного — в соотношении 47:53.

В октябре 1988 г. был создан Комитет защиты религиозных прав, свободы совести и духовных ценностей. Довольно колоритной выглядит личность его основателя — священника Х. Сыбева, 1946 г. рождения. Он закончил Софийский университет по специальности «атомная физика», око-

inslav

ло года стажировался в Физическом институте АН СССР. Затем изучал богословие в Софийской духовной академии, которую закончил в 1985 г., получил сан иеромонаха. За активную общественно-политическую деятельность был отлучен Святым синодом от церкви и стал одним из рьяных публичных антикоммунистов.

Непросто складывался жизненный путь председателя созданного в апреле 1989 г. Независимого объединения Экогласность П. Слабакова. Он работал трактористом, обучался на театральных курсах, заочно получил высшее экономическое образование, поступил в коллектив престижного Сатирического театра в Софии. Явился одним из учредителей Клуба за гласность и демократию. Неоднократно исключался и восстанавливался в компартии, затем вступил в Альтернативную социалистическую партию (АСП), учрежденную в феврале 1990 г.

Председатель АСП Н. Василев, 1946 г. рождения, доктор философских наук, участвовал в создании Клуба в поддержку гласности и перестройки. В 1987 г. был исключен из компартии и уволен из университета за критические высказывания на университетской партконференции в адрес руководства БКП. Вскоре был восстановлен на работе, а в конце 1989 г. — и в партии. Он однако предпочел возглавить самостоятельную партию социалистической ориентации с явным креном в сторону западной социал-демократии.

При живковском режиме семь лет в заключении за свои убеждения находился Л. Собаджиев, 1944 г. рождения, специалист по речному судовождению. В ноябре 1989 г. он явился одним из основателей (став председателем) национального движения «Гражданская инициатива», выросшего из региональной группы того же названия, созданной в гор. Русе в декабре 1988 г.

Весьма заметную роль в развитии политического процесса в Болгарии сыграла Конфедерация труда Подкрепа (Поддержка). Она была учреждена в феврале 1989 г. в гор. Пловдиве и затем превратилась из региональной в общенациональную организацию, альтернативную «казенным» профсоюзам. Президентом Конфедерации стал К. Тренчев, 1955 г. рождения, имеющий высшее медицинское образование, последовательный антикоммунист.

Нередко говорят, что профсоюзы не являются политической организацией. Формально это может быть и так. Но когда при их поддержке избираются депутаты парламента или же под их давлением, нередко подкрепляемым массовыми акциями (митинги, забастовки и т. д.), корректируются партийные и правительственные документы, принимаются соответствующие решения органов государственной власти, уходят в отставку правительства и министры — в этих и иных подобных случаях действия профсоюзов бывает трудно отделить от политических. Или, иными словами, профсоюзная деятельность порой влечет за собой политические результаты. Современная история Болгарии (и не только ее) дает тому немало примеров.

inslav

Свое место в болгарском политическом пространстве обрело и Движение за права и свободы (ДПС), возникшее в январе 1990 г. Его лидер А. Доган, 1955 г. рождения, кандидат философских наук, подвергавшийся преследованиям по идейно-политическим мотивам, был арестован за антигосударственную деятельность и осужден на 10 лет лишения свободы; в декабре 1989 г. был амнистирован.

Многие в Болгарии не без основания считали и считают, что ДПС является политической формацией, базирующейся на этно-религиозной основе, а это запрещено законом. Действительно, электорат Движения составляют главным образом болгарские турки и мусульмане. Известна проявляемая к нему и выражаемая различными способами благосклонность со стороны Турции, приверженность его руководства турецкой модели развития. Свидетельством тому может служить высказывание А. Догана, что путь Болгарии в Европу пройдет через Босфор и исламский мир[1]. Подобные явления в сочетании с исторической памятью народа дали повод для таких, например, резких оценок: «ДПС не является организацией, лояльной по отношению к болгарскому государству. Это — новая протурецкая организация, которая является ставленником Анкары и защищает чуждые для нашей страны интересы»[2].

В свою очередь, ДПС подчеркивает свой светский характер, декларирует приверженность принципам сохранения территориальной целостности страны, единства всего болгарского народа, высказывается за равноправие всех конфессий, против национализма, шовинизма и т. д. В конце концов, несмотря на протесты со стороны ряда организаций, общественно-политических деятелей, включая депутатов парламента, ДПС добивалось, что его в судебном порядке признали легитимной политической партией. Движение неизменно проводит своих представителей в парламент и в местные органы власти.

Необходимо при этом заметить, что болгарские власти сделали немало, чтобы взрыхлить почву для возникновения ДПС. Можно вспомнить так называемый «возродительный процесс», начавшийся в декабре 1984 г. и представлявший собой попытку насильственной ассимиляции болгарских этнических турок, внедрения среди них «болгарского национального самосознания». Они были объявлены «болгарами-мусульманами»; более 800 тыс. граждан этой категории (около 10% населения страны) заставили сменить мусульманские имена на болгарские. Ответной реакцией стало создание нелегальной организации «Турецкое национально-освободительное движение в Болгарии», которую возглавил А. Доган. Она занималась протурецкой пропагандой, экономическим и политическим саботажем[3].

---

[1] Политически лист (приложение к газ. Отечествен вестник. София, 1990. 11 юли).

[2] *Късметсизов М.* «Съвети» на Доган // Зора. София, 1993. № 5. С. 5.

[3] См.: *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи 1944–1999. София, 2000. С. 133.

inslav

Острые коллизии, связанные с положением турецкого нацменьшинства, принимали в Болгарии и другие формы. Летом 1989 г., когда демократические перемены вовсю стучались в страну, а режим Живкова агонизировал, но еще «огрызался», свыше 350 тыс. турок были буквально выдавлены из Болгарии. Такого масштабного «одноразового» исхода послевоенная Европа не знала. Ему предшествовали массовые волнения, для подавления которых были применены жесткие меры. Кстати, А. Доган заявил, что даже находясь в тюрьме, он руководил действиями болгарских турок. В одной из газетных публикаций говорилось, что в то время эти турки «сыграли роль болгарских диссидентов»[1].

Свою политическую нишу должны были искать и другие организации, которые в годы «реального социализма» более или менее комфортно были частью его политической системы, функционируя под крылом и под надзором БКП. После 10 ноября 1989 г. они для обретения собственного лица стали дистанцироваться от коммунистов, подчеркивать свою независимость, самостоятельность. К таким организациям относится БЗНС, бывший союзник БКП, ее младший партнер по управлению. Его лидер В. Вылков, 1936 г. рождения, окончивший Софийский Высший машинно-электротехнический институт, занимавший ответственные посты во внешнеторговых организациях, в МИДе, в руководстве своей партии, заявил, что в новых условиях БЗНС будет занимать центристские позиции. В июле 1990 г. В. Вылков чуть было не стал президентом страны. В пятом туре голосования ему для победы не хватило всего трех голосов парламентариев. В дальнейшем позиции БЗНС ослабевали. В «аграрном секторе» политической арены у него появились соперники, часто выступающие под теми же, с некоторыми добавлениями, названиями. Если на парламентских выборах 1990 г. БЗНС получил 16 депутатских мандатов (В. Вылков оценил этот результат как низкий, но не трагический), то на выборах 1991 г. — ни одного. Справедливости ради нужно добавить, что в первом случае избиралось 400 депутатов, а во втором — лишь 240, так что шансы на «попадание» значительно уменьшились. Впоследствии БЗНС распался на несколько самостоятельных организаций[2].

Названные выше формирования далеко не исчерпывают список тех, кто в условиях развертывания демократии пожелал испытать свои силы в политических баталиях. Так, для участия в выборах в Великое народное собрание, состоявшихся в июне 1990 г. (первые свободные выборы на многопартийной основе в посткоммунистической Болгарии), зарегистрировалось несколько избирательных блоков, в которые вошли более 40 различных организаций, а 32 партии и движения предпочли выступить самостоятельно. На депутатские мандаты претендовали 3090 кандидатов, в том числе более 1400 — в мажоритарных округах, где избиралась половина (200 чел.) депутатского корпуса[3].

[1] Труд (София). 2000. 20 май.

[2] Отечествен вестник. София, 1993. 12 юли.

[3] Политически лист...

inslav

Среди многочисленных соискателей депутатских мандатов были и левые, и правые (с различной степенью «левизны» и «правизны»), и националисты, и монархисты. Очевидно, рядовым гражданам порой было нелегко разобраться в подобном многоцветье, уловить принципиальные различия (если таковые и имелись) между отдельными партиями, особенно если последние использовали в своих названиях стандартные определения. Например: Независимая демократическая партия (образована в январе 1989 г.); Болгарская национально-демократическая партия (март 1990 г.); Болгарский национальный союз «Новая демократия» (март 1990 г.); Болгарский демократический форум (апрель 1990 г.) и др.

Очень скоро выяснилось, что многие из новых партий не имели сколько-нибудь солидной социальной базы, не выражали массовых интересов. Они оказались «фантомами», «однодневками», которые возникали, исчезали, объединялись, дробились и т. п. для решения конкретных задач, например, для обеспечения политической «крыши» каким-то экономическим и финансовым группам, или же создавались под определенные фигуры, стремившиеся к самовыражению через утверждение своих имен на региональном или общенациональном политическом небосклоне.

Большинство из таких партий и движений не собрали минимально необходимых для прохождения в парламент 4% голосов избирателей. Вместе с тем они активно участвовали в «растаскивании» электората. Не преуспев по отдельности, они в совокупности получили около трети голосов, нередко отнимая их у потенциальных союзников, близких по духу, по идеологии организаций, и лишили значительную часть граждан возможности иметь своих представителей в высшем законодательном органе страны.

Во многом аналогичная история повторилась и во время досрочных парламентских выборов в октябре 1991 г. Из принявших в них участие 38 партий и коалиций лишь 3 смогли преодолеть четырехпроцентный барьер. Вне парламента остались организации, за которые в общей сложности проголосовало около 30% избирателей. Среди неудачников оказались не только «молодые» формирования, но и имеющие богатые исторические традиции — БЗНС, БЗНС–Н. П., БСДП. Эта ситуация наглядно проиллюстрировала, помимо всего прочего, остроту проблемы взаимоотношений между отдельными партиями и лидерами, относящимися к демократическому (антикоммунистическому) лагерю.

Стало уже расхожим суждение, что в социалистической Болгарии не сложилась массовая организованная оппозиция, болгарское общество не выдвинуло из своих рядов лидеров, подобных Л. Валенсе, В. Гавелу, не имело таких духовных вождей, как А. Д. Сахаров, А. И. Солженицын.

Сильная, влиятельная антикоммунистическая оппозиция начала формироваться в Болгарии уже после свержения Живкова, и процесс этот протекал весьма быстрыми темпами. Основным ее звеном стал учрежденный 7 декабря 1989 г. Союз демократических сил (СДС) — коалиция около полутора десятков партий, организаций, движений, среди которых пер-

inslav

воначально находились БСДП, БЗНС–Н. П., ДП., БРДП, Зеленая партия, движение Гражданская инициатива и др. (впоследствии состав СДС менялся). Его руководящий орган — Национальный координационный совет (НКС) возглавил Ж. Желев, который стоял у истоков болгарского диссидентства, был одним из основателей Клуба в поддержку гласности и перестройки. Родился в 1935 г, доктор философских наук, член БКП в 1961–1965 гг. Исключен из партии и вынужден был покинуть Софию за критическое отношение к ленинскому определению материи. Возвратился в столицу в 1972 г. В 1982 г. опубликовал книгу «Фашизм», вызвавшую большой общественный резонанс, поскольку в ней четко просматривались аналогии между социалистическим и фашистским типами тоталитарного государства. На защите Ж. Желевым докторской диссертации на тему «Реляционная теория личности» присутствовало около 500 чел. Сам факт допуска к защите известного «вольнодумца» свидетельствовал о наступающих в обществе переменах[1].

СДС изначально создавался именно как антикоммунистическая оппозиция, в качестве которой он пребывал несколько месяцев. Здесь проявилась одна из главных особенностей переходного периода в Болгарии, где, в отличие от других бывших социалистических государств Центральной и Восточной Европы, реформаторская часть верхушки правящей БКП сумела выступить в роли инициатора демократических перемен и последняя не разделила судьбу «братских» партий в остальных странах региона. Вплоть до октября 1991 г. БКП, переименованная в апреле 1990 г. в Болгарскую социалистическую партию (БСП), сохраняла парламентское большинство. В этом — суть «болгарского феномена», когда правящую «тоталитарную» партию не удалось сразу же лишить власти или же, по крайней мере, вытеснить ее на политическую обочину.

Разумеется, в новых условиях не могло быть и речи о всевластии БКП/БСП. Но, даже потеряв в 1991 г. большинство в парламенте, социалисты остались крупной и влиятельной политической силой. Они получили в Народном собрании 106 депутатских мандатов, победивший СДС — 110 и ДПС — 24 (из общего числа 240).

Более того, на выборах в декабре 1994 г. БСП со своими союзниками (БЗНС, А. Стамболийский и политический клуб «Экогласность») получили 43,5% голосов избирателей, принявших участие в голосовании, что дало им 125 мест в парламенте, СДС — соответственно 24,3% и 69 мест, ДПС — 5,7% и 15. Остальные места поделили Народный союз (НС), куда вошли БЗНС, возглавляемый А. Мозер, ДП — 6,5% голосов и 18 депутатских мандатов и Болгарский бизнес-блок (БББ), ориентирующийся на средних и мелких предпринимателей, — 4,7% и 13 мандатов. На одно депутатское место претендовало в среднем 20 кандидатов (в 1991 г. — 15). С другой стороны, постоянно снижалась политическая активность граждан. Если в выборах 1990 г. приняло участие более 90% внесенных в спис-

[1] *Димитров И.* Всичко тече... Спомени. София, 2000. С. 348.

inslav

ки избирателей, то в 1991 г — 83,9%, в 1994 г. — 75,2%. В 1997 г. этот показатель снизился до 58,9%[1].

В рассматриваемый период политический ландшафт Болгарии характеризовался двуполюсной конфигурацией, противостоянием двух главных соперников — БСП и СДС. Оба они переживали противоречивый процесс динамичной трансформации.

БСП, не отрекаясь от своих марксистских корней, от социалистического выбора, но осудив преступления и извращения коммуно-тоталитаризма, декларировала стремление к превращению в современную левую партию, исповедующую ценности демократического социализма, приверженную идеям свободы, справедливости и солидарности, т. е. основополагающим принципам Социалистического интернационала. Она заявила о намерении вступить в эту организацию.

Поскольку, как уже говорилось, БКП/БСП определенное время оставалась правящей партией, на первые роли в управлении страной выдвинулись, естественно, те, кто внес наиболее весомый вклад в падение режима Живкова (хотя сами они в большинстве своем были «птенцами живковского гнезда»).

Лидером БКП и председателем Государственного совета стал П. Младенов (1936–2000 гг.), выпускник МГИМО, сделавший успешную партийную и государственную карьеру. В 1971–1989 гг. — министр иностранных дел (европейский рекорд по длительности пребывания на таком посту) Болгарии, с 1974 г. состоял в руководящих органах БКП. Его письмо в адрес ЦК БКП от 24 октября 1989 г., в котором ответственность за охвативший страну кризис возлагалась на Живкова, в большой степени повлияло на отстранение последнего от власти.

В апреле 1990 г. П. Младенов был избран парламентом (еще «социалистического» созыва) на пост президента Болгарии. В июле 1990 г. подал в отставку, поводом для которой была брошенная им фраза о возможности вызова танков для разгона антикоммунистического студенческого митинга. После отставки и до своей смерти активной политической деятельностью не занимался.

На XIV чрезвычайном съезде БКП (январь—февраль 1990 г.), выдвинувшем П. Младенова на пост президента страны, председателем Высшего партийного совета (ВПС) был избран А. Лилов, 1933 г. рождения, доктор философских наук, член-корреспондент БАН (в 1969 г. закончил аспирантуру в АОН при ЦК КПСС). Прошел различные ступени комсомольской, партийной и научной карьеры. С 1974 г. по 1983 г. — член Политбюро ЦК БКП, стал по существу «вторым человеком» в партийном руководстве, но не избежал живковской опалы. В декабре 1989 г. был введен в реформаторское руководство БКП. Во время августовских событий 1991 г. в Москве занял выжидательную позицию, что отрицательно сказалось на имид-

[1] Статистически годишник на Република България. София, 1997. С. 317.

inslav

же БСП, вызвало трения внутри ее руководства. Поражение партии на парламентских выборах в октябре 1991 г. также подорвало позиции Лилова. Покинув в декабре 1991 г. пост председателя ВПС (оставшись его членом), Лилов стал руководителем Центра стратегических исследований БСП.

Новым лидером болгарских социалистов был избран Ж. Виденов, 32-летний депутат Народного собрания, экономист-международник, окончивший в 1985 г. МГИМО. В январе 1995 г. в 35-летнем возрасте он возглавил и правительство страны. Однако в силу объективных и субъективных причин, приведших к резкому обострению социально-экономической и политической ситуации (нерешительность в проведении реформ, зерновой кризис, необходимость выплачивать 2 млрд. долл. по внешнему долгу, гиперинфляция и др.), Виденов был вынужден подать в конце 1996 г. в отставку с постов и премьер-министра, и руководителя БСП.

У болгарских социалистов опыт руководства правительством был и до Ж. Виденова. Так, в феврале-декабре 1990 г. премьер-министром был А. Луканов (1938–1996), выпускник МГИМО, занимавший и при Живкове высокие партийные и государственные посты, работавший в зарубежных организациях (в частности, был первым секретарем постоянного представительства Болгарии в ООН, постоянным представителем Болгарии в СЭВ), неоднократно избиравшийся в парламент. В 1979 г. стал кандидатом в члены Политбюро ЦК БКП. Явился одним из главных инициаторов и организаторов отстранения Живкова, осуществлял связи противников последнего с советским («горбачевским») руководством. Из-за несогласия с позицией Лилова в отношении августовского путча в Москве Луканов оставил пост заместителя председателя БСП. В дальнейшем все больше сосредоточивал свою деятельность в сфере экономики и бизнеса. В октябре 1996 г. погиб от рук наемного убийцы.

Результаты управления страной социалистами вряд ли поддаются однозначной оценке. На них отразилось множество противоречивых факторов, как внутренних, так и внешних, в том числе и недоверие к социалистическим правительствам со стороны Запада, его кредитно-финансовых институтов. С одной стороны, БСП понимала, что для вывода страны из кризиса нужны радикальные, прежде всего экономические преобразования, а, с другой стороны, они не всегда решались на их последовательное проведение, учитывая высокую социальную цену этих преобразований.

В руководстве БКП/БСП не было единства мнений по вопросам стратегии и тактики партии, конкретных шагов ее адаптации к меняющимся общественным условиям. Были в его рядах и консервативные ортодоксы, и реформаторы. Среди последних видную роль играл А. Томов, 1954 г. рождения, закончивший экономический факультет Ленинградского университета. В 1985–1989 гг. был экспертом и советником при премьер-министре. В феврале 1990 г. был избран в Высший партийный совет, а через несколько месяцев стал заместителем председателя и организационным секретарем партии. В 1990–1991 гг. представлял БСП на должности вице-

inslav

премьера в коалиционном правительстве беспартийного юриста Д. Попова. Кстати, именно это правительство осуществило либерализацию цен на продовольственные товары, что привело к их резкому подорожанию.

В декабре 1989 г. А. Томов основал внутрипартийное течение Движение за демократический социализм; в начале 1992 г. стал одним из учредителей сформировавшегося в БСП Объединения за социальную демократию (ОСД). Будучи сторонником последовательной социал-демократизации партии, он не нашел полного взаимопонимания с Ж. Виденовым и вышел из БСП. В 1993 г. А. Томов создал Гражданское объединение за республику (ГОР), которое совместно с БСДП и АСП образовало коалицию Демократическая альтернатива за республику (ДАР). Она приняла участие в парламентских выборах 1994 г. и немного не дотянула до вожделенного четырехпроцентного барьера, получив около 3,8 % голосов избирателей. В начале 1997 г. А. Томов возглавил новую левоцентристскую организацию — Болгарские Европейские левые (БЕЛ), которая на состоявшихся вскоре выборах получила 14 депутатских мандатов, оттянув, между прочим, на себя немало избирателей, ранее голосовавших за БСП.

Серьезные проблемы организационного, кадрового и иного характера нужно было решать СДС. Многие из них предопределялись сохранением самостоятельности, определенной идеологической специфики вошедших в Союз формирований, несовпадением взглядов среди его руководства. В этой связи известный в стране демократический деятель А. Йорданов отметил, что «первородным грехом» болгарской антикоммунистической оппозиции явилось то, что она сформировалась как коалиция партий и организаций, а не как единое общенациональное движение за демократию, как это произошло в Чехословакии (движение «Гражданский форум»), в Польше (профсоюз «Солидарность»), во многих республиках бывшего Советского Союза. В Болгарии же узкопартийные амбиции старых и молодых лидеров сделали атмосферу в СДС непривлекательной, а межличностные и партийные дрязги оттолкнули от него множество талантливых людей[1].

В публикации другого болгарского автора говорилось, что СДС представлял собой нечто похожее на «паноптикум». В него вошли и искренне верящие в коммунизм, но оппозиционные режиму Живкова, и диссиденты из среды интеллигенции, и представители традиционных партий, и активисты студенческого и экологических движений. Всех их объединяло отрицание «живковизма» и сознание собственной политической слабости. Организации, входящие в СДС, должны были, с одной стороны, бороться с партиями, представлявшими старый режим, а с другой, состязаться с другими антитоталитарными формированиями за улучшение собственных позиций[2].

[1] Век 21. София, 1991. № 41. С. 1.

[2] *Кръстев И.* Полупарламентарният режим. Структура и перспективи на партийната система в България (декември 1989 — октомври 1994 г.) // Политически изследвания. 1995. № 4. С. 393, 395.

inslav

Приведенные оценки выглядели, может быть, несколько мрачновато, но правота их во многом подтвердилась. Оказалось, что строить политическую борьбу главным образом на огульном отрицании прошлого, на агрессивном антикоммунизме не всегда является плодотворным.

В начале 1991 г. в СДС стало усиливаться внутреннее брожение, связанное прежде всего с различными подходами к его стратегии, тактике, организационной структуре. Возобладавшие в руководстве Союза правые радикалы выступили с идеей его трансформации в общенациональное движение, объединяющее все организации, оппозиционные БСП. В свою очередь лидеры БСДП, БЗНС–Н. П., Зеленой партии и др. считали, что СДС должен остаться коалицией самостоятельных партий, сохраняющих свое лицо. В конечном счете названные и некоторые другие организации вышли из СДС, превратившись в его острых критиков. Это, однако, не означало, что все они стали сотрудничать с социалистами.

Внутренние трудности СДС практически не поколебали его роли как главного представителя «несоциалистической» части болгарского общества. Даже находясь в оппозиции, Союз довольно успешно применял тактику «выдавливания» социалистов из властных структур, не пренебрегая и внепарламентскими методами борьбы за власть — митингами, демонстрациями, забастовками и т. п. Эти акции и в то время, и в последующие годы нередко были эффективны. Например, во многом благодаря им ушел с поста президента П. Младенов, подало в отставку правительство А. Луканова (ноябрь 1990 г.). Но они иногда имели явно экстремистский характер, выходили за рамки закона. Так, в августе 1990 г. было подожжено здание Высшего совета («Партийного дома») БСП в центре Софии; в январе 1997 г. демонстранты пытались захватить здание парламента. По поводу последнего события социалистическая газета «Дума» писала, что оно «поставило крест на почти семилетних попытках европеизировать нашу балканскую психику»[1]. Об особенностях этой психики, политического поведения современного человека «балканского» типа, когда «взрывные» эмоции нередко превалируют над законосообразностью, говорят не только вышеприведенные примеры. Можно вспомнить, в частности, как был отстранен от своего поста президент Югославии С. Милошевич и сравнить, как сменяются парламенты, президенты, правительства в государствах Центральной Европы, недавно тоже социалистических.

1 августа 1990 г. Великое народное собрание, где большинство принадлежало БСП, избрало Ж. Желева президентом страны. Вполне возможно, что между СДС и БСП была достигнута договоренность о применении формулы «ваш президент — наш глава правительства». Позднее А. Луканов признал, что имел место «торг» с Желевым, который обещал в случае своего избрания с уважением относиться к своим политическим противникам[2].

[1] Дума. София, 1997. 18 април.

[2] Отечествен вестник. София, 1993. 10 юли; 1994. 3 юни.

inslav

В январе 1992 г. Ж. Желев всенародным голосованием был избран на новый президентский срок. В этом же году разгорелся конфликт между президентом и руководством СДС. Ж. Желев упрекал, в частности, лидера Союза Ф. Димитрова и возглавляемое им правительство за неприятие критики, за попытки монополизировать истину в толковании демократической идеи, за стремление конфликтовать со всеми несогласными с правительственной политикой. Это, предупреждал президент, приведет к потере СДС части своих сторонников, к его изоляции. Желев возражал также против жестких форм декоммунизации, выступил за «антикоммунизм с человеческим лицом», подчеркивал необходимость достижения национального согласия и взаимопонимания с целью успешного и ускоренного осуществления экономических и политических реформ. В ответ в адрес президента прозвучали, главным образом со стороны право-радикального крыла СДС, обвинения в «излишнем либерализме», в «коллаборационизме с коммунистами» и т. п.[1]. Между тем многие оценки Ж. Желева нашли положительный отклик не только у политических противников СДС, но и у организаций и деятелей правого толка, профсоюзов. При этом была выражена тревога, что под предлогом справедливого возмездия за прошлые преступления в стране возродится тоталитаризм, вновь раскрутится маховик репрессий.

Ж. Желев хотел баллотироваться и на следующих президентских выборах в качестве кандидата правых. Но большинство входящих в СДС партий предпочли кандидатуру П. Стоянова, который и был в 1996 г. избран президентом.

После того, как в августе 1990 г. Ж. Желев занял пост президента, председателем СДС был избран П. Берон, 1940 г. рождения, биолог по образованию. Но вскоре по настоянию Желева Берон подал в отставку ввиду того, что в архивах были обнаружены документы, свидетельствующие о его сотрудничестве с госбезопасностью. Досье Берона не было, однако, предано гласности.

Новым лидером СДС стал Ф. Димитров, 1955 г. рождения, закончил юридический факультет Софийского университета, до конца 1989 г. занимался адвокатской практикой. Был одним из учредителей Независимого союза адвокатов, Зеленой партии, монархического союза. В 1991 г. возглавил Центральный избирательный клуб СДС и после победы Союза на выборах занял пост премьер-министра. Правительство Ф. Димитрова провозгласило амбициозный курс на радикальную смену системы, на полный разрыв с социализмом. На практике оно больше преуспело в осуществлении реституции, в развале сельхозкооперативов, в декоммунизации общества, в обострении социальных проблем, в превращении в своих противников недавних союзников (выше говорилось о конфликте между президентом и правительством). Даже лояльный к СДС профсоюз «Подкрепа» выступил организатором акций против антисоциальной политики прави-

[1] Известия. 1992. 2 сентября и 1992. 14 сентября; Дума. София, 1992. 23 септември.

inslav

тельства. В октябре 1992 г. Ф. Димитров не получил вотума доверия в парламенте и подал в отставку. Но его политическая карьера вполне благополучно продолжилась. В 1997 г. он стал представителем Болгарии в ООН, в 1998 г. — и болгарским послом в США.

* * *

Известно, что в политике, в управлении государством самым важным являются не программы, планы и т. п., а реальные результаты. В 1990–1995 гг. в Болгарии трижды проводились парламентские выборы, сменилось шесть правительств различной партийно-политической окраски. Однако это не привело к серьезному прогрессу в деле преодоления социально-экономического кризиса, а, напротив, нередко усугубляло его.

По данным ООН, в 1995 г. по годовому размеру валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения на первом месте среди славянских стран находилась Словения — 9612 долл. Далее следовали: Чехия — 4365, Хорватия — 4018, Словакия — 3260, Польша — 3060, Россия — 2331, Болгария — 1457. Еще ниже расположились Белоруссия — 1006, Македония — 918, Украина — 715 (отсутствуют данные по Боснии и Герцеговине и СРЮ). Для сравнения можно отметить, что средний западноевропейский показатель составил 23153, а швейцарский — 42719 долл.[1]

Довольно незавидное место Болгарии в приведенном перечне объясняется совокупностью внутренних и внешних факторов. Среди последних важную и весьма негативную роль сыграл распад торгово-экономических связей с бывшими социалистическими странами, прежде всего с Россией. В своем внутреннем развитии посткоммунистическая Болгария далеко продвинулась на пути утверждения политической демократии, чего нельзя сказать о темпах и эффективности экономических преобразований. В определенном смысле можно говорить, что экономика оказалась заложницей политики. Борьба за власть и ее удержание часто просто не оставляла времени (или же не хватало воли) для осуществления хозяйственных и финансовых реформ, реальной борьбы с растущей преступностью, коррупцией и др. Это подрывало доверие к стране со стороны зарубежных инвесторов, затрудняло ее включение в европейские интеграционные процессы. В деле формирования эффективной экономики первое посттоталитарное пятилетие было в Болгарии во многом упущено. В социальной сфере ситуация стала гораздо хуже по сравнению с периодом «реального социализма».

[1] *Гусаров В.* Вступят ли славянские страны в третий мир? // Независимая газета. 2000. 4 августа.

inslav

Н. Н. Пономарева
Институт славяноведения РАН

ДУХОВНЫЙ ОБЛИК БОЛГАРИНА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ НАРОДА. БОЛГАРСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Проблемы национального самосознания народа, особенностей национального характера, формирования под влиянием исторических судеб духовного облика народа в целом — одни из важнейших в любой литературе. На определенных этапах они выходят на первый план, доминируют, в другие периоды существуют подспудно, но никогда не исчезают из поля зрения писателей, общественной мысли. Болгарская литература не является в этом отношении исключением. Напротив, испытания, выпавшие на долю народа (многовековый иноземный гнет), обусловили к этим проблемам в ней повышенный интерес.

Типичные черты духовного облика болгарина ярко обозначены в народном творчестве. Это прежде всего сила и мужество, честность и верность, чистота помыслов и готовность к самопожертвованию — черты, общие для фольклорных героев всех народов. Например, таков идеальный образ легендарного героя южнославянского эпоса Крали Марко. Однако особенности исторической участи страны предопределили подчеркивание в болгарских фольклорных произведениях таких нравственных качеств, как стойкость и непреклонность в отстаивании духовных (в том числе и религиозных) ценностей. Так, в одной народной песне турецкий насильник требует, чтобы «балканджи» Йово отдал красавицу Яну в «турецкую веру». И герой жертвует рукой, затем ногой и наконец жизнью, но не предает Яну и свою веру.

Разумеется, в народном творчестве отражаются не только героические черты болгарского характера. Достаточно хотя бы упомянуть образ Хитрого Петра (само имя уже говорит о многом), воплотившего в себе более земные, житейские свойства болгарина, которые тоже помогали ему выстоять в самые трагические для него периоды.

В литературе болгарского Возрождения сущностным моментом в духовных поисках и конкретном поведении персонажей является стремление к национальному освобождению, раскрепощению личности, осозна-

inslav

нию своей значимости как народа (произведения И. Вазова, П. Р. Славейкова, В. Друмева и др.).

В дальнейшем общественно-политическая ситуация в стране предлагала писателям новые и также актуальные темы, в которых отражался нелегкий исторический путь народа, сбросившего с себя цепи иноземного многовекового гнета: крах возрожденческих идеалов в буржуазной Болгарии, раскол общества после Сентябрьского восстания 1923 г., Движение сопротивления в стране, свержение монархии и строительство основ нового государства и др. Нельзя сказать, что в пестроте этой тематики проблема духовного облика болгарина совсем потерялась. Конечно, и в ней она присутствовала, но часто подспудно, уступив первенство другим, более значимым для этих этапов в жизни страны вопросам.

Нелишне отметить, что засилие догматизма в болгарской литературе первых после Второй мировой войны лет отнюдь не способствовало постановке данной проблемы в более широком — социологическом и философском плане. Однако эта неблагоприятная ситуация постепенно менялась, преодолевалась. На дальнейшее развитие болгарской литературы существенное воздействие оказала восторжествовавшая к середине 60-х гг. своеобразная реабилитация в ней человека. На протяжении последующих десятилетий личность заняла главенствующее место в произведениях, обращенных как к современной действительности, так и к истории народа.

В этой связи вполне объясним повышенный интерес в болгарской литературе этого времени к исторической прозе, центр тяжести в которой постепенно перемещался с описания событий на их преломление в судьбах людей, в жизни отдельных личностей. Причем, как правило, писатели выбирали наиболее кризисные периоды из национальной истории, наиболее острые и болезненные проблемы, анализ которых давал возможность представить духовные качества народа, истоки его стойкости в отстаивании и укреплении своего культурного и государственного суверенитета. Это было очень важно, особенно если иметь в виду очевидную в те годы утрату обществом многих ценностей прошлого, угрозу засилия мещанской философии, потребительства, карьеризма и других моральных недугов, а также забвения национальных корней, родовой памяти, равно как и славных страниц истории.

К исторической тематике обратились тогда многие талантливые болгарские прозаики разных поколений и художественного профиля — Ст. Дичев, Д. Мантов, П. Константинов, А. Гуляшки, Слав Хр. Караславов и др. Наиболее яркими, особенно в свете поставленной мной задачи, являются произведения Антона Дончева (р. 1930), Генчо Стоева (р. 1925), Веры Мутафчиевой (р. 1929) и Эмилияна Станева (1907–1979).

Большой и заслуженной популярностью пользуется среди болгарских читателей роман А. Дончева «Час выбора» (1964, болг. «Време разделно») о трагическом событии в истории Болгарии XVII века — насильственном обращении в магометанство родопских болгар. О страшной судьбе, постигшей героев произведения, рассказывают два свидетеля: священник — болгарский поп Алигорко и плененный и принявший ислам французский аристократ по прозвищу Венецианец. Таким образом, в романе присут-

inslav

ствуют как бы две точки зрения на события. Поп Алигорко видит их и оценивает изнутри, как непосредственный и активный участник, а Венецианец — отстраненно, демонстрируя свою непричастность к происходящему. В то же время читателю ясно, что точка зрения первого совпадает с позицией самого автора. Второй свидетель тоже принужден сделать свой нравственный выбор и в результате отказаться от мнимого нейтралитета. Таким образом, точки зрения повествователей сближаются, да и нечеловеческая жестокость фанатика-янычара Караибрахима, осуществляющего эту акцию, вряд ли допускает равнодушный взгляд на происходящее. Судьба героев романа трагична. Только некоторым из них удается сохранить жизнь и веру. Остальные же принуждены принять ислам или мучительную смерть от озверевших турок. Отрекается от своей веры и поп Алигорко; отрекается, чтобы спасти от полного уничтожения родопчан, чтобы было кому чтить память погибших и рассказывать об их героической смерти. Это был непростой выбор, продиктованный человеколюбием и уверенностью, что отступники, несмотря на смену вероисповедания, останутся болгарами, не забудут свой язык и своих предков.

Весь роман — его композиционное построение, характеры героев, развитие сюжета — проникнут духом романтики. Так, образ родопчанина Манола воплощает в себе идеал борца за справедливость, защитника своих ближних и напоминает героев фольклора типа Крали Марко или «балканджи» Йово. Караибрахим, напротив, являет собой олицетворение зла и насилия. Красавица-родопчанка Элица излучает нежность, доброту, обаяние, но в то же время ей присущи также стойкость, непреклонность, сила характера — черты, свойственные народному идеалу болгарской женщины.

Писатель строит свое произведение на основе летописных свидетельств и болгарского фольклора — народных песен, преданий и легенд. Строки народных родопских песен служат эпиграфами ко многим из главок романа, в концентрированном виде передавая суть их содержания. Выбранная художественная манера повествования призвана высветить лучшие стороны болгарского характера, проявившиеся в трагические моменты национальной истории.

Совсем другой художественный облик имеют исторические романы Веры Мутафчиевой. Здесь нет и намека на романтический подход к описанию событий. Автор придерживается трезво-реалистического и в известной мере научно-документального взгляда.

В. Мутафчиева — по специальности и роду деятельности историк с широкими научными интересами, в том числе и к эпохе Средневековья. Этот фактор своеобразно отразился на художественном творчестве писателя. Исторические романы В. Мутафчиевой, разные по тематике, проблемам и манере повествования, объединяют скрупулезная верность фактам и философско-аналитическая мысль, оценивающая их как в контексте описываемой эпохи, так и с точки зрения значения для современности. Болгарский критик Сабина Беляева определяет роль в этих произведениях автора как «активное соучастие»[1]. Для более полного, объективного и

[1] *Беляева С.* Преображенията на героя. София, 1977. С. 89.

inslav

глубокого анализа описываемых событий В. Мутафчиева тоже нередко прибегает к множественности взглядов их свидетелей или участников (романы «Дело Султана Джема»,1967; «Я, Анна Комнина», 1991). Однако в отличие от романа «Час выбора» А. Дончева здесь этот повествовательный прием используется в более усложненной форме: точек зрения не две, а много, и они существенно различны.

Наиболее открытое совмещение автора-ученого и автора-художника находит свое выражение в «Книге о Софронии» (1978). Жанр этого произведения определить нелегко. Основу «Книги» составляет научно-художественное толкование (литературоведческое, текстологическое, историческое, философское) известного произведения видного деятеля болгарского Возрождения Софрония Врачанского «Житие и страдания грешного Софрония». В результате своеобразной реконструкции текста Софрония читатель получает представление о нелегкой и противоречивой судьбе мужественного, целеустремленного и талантливого человека, цель которого пробудить в памяти народа чувство гордости за свое славное историческое прошлое, а также укрепить уверенность в своих силах вернуть утраченную свободу.

Во многом обогатили художественную палитру болгарской исторической прозы повести (которые можно назвать и микророманами) Генчо Стоева «Цена золота» (1965) и «Возвращение» (1976).

В первой книге повествуется о страшной судьбе в ходе Апрельского восстания 1976 г. жителей села Перуштица. Основной акцент в ней ставится не на изображении конкретных эпизодов восстания, а на проблеме судьбы и роли человека в истории, значении его духовного потенциала.

Ужасный кровавый финал попытки восставших болгар сбросить с себя узы иноземного гнета предрешен: восстание плохо подготовлено, и силы сторон несоизмеримы. Это хорошо понимает учитель П. Бонев, который стоит во главе повстанцев. И он сознательно обрекает их на верную смерть, считая, что для завоевания свободы надо пролить много крови, то есть ее заслужить. Но имеет ли он на это право? Г. Стоев не судит своих героев, предоставляя читателю самому делать выводы.

Сквозной темой повести является тема национального достоинства болгар, пробужденного самосознания народа, нравственных критериев человека национального Возрождения, которые выковывались веками в противостоянии насилию. На грани жизни и смерти герои повести должны сделать выбор. И они не колеблясь его делают, каким бы страшным он ни был. Так, окруженные в церкви повстанцы убивают своих жен и детей, а затем и себя, не желая сдаваться на милость башибузукам.

Для крупнейшего болгарского прозаика Э. Станева конец 60-х–70-е гг. были очень плодотворными. Историческая тема в творчестве писателя в этот период выходит на первый план. Прежде всего обращает на себя внимание нетрадиционность в подходе Э. Станева к ее воплощению. Повести «Легенда о Сибине, Преславском князе» (1968) и «Тихик и Назарий» (1977), которые в болгарском литературоведении часто называют романами, и роман «Антихрист» (1970) относятся к философско-исторической

inslav

прозе. Их объединяют постановка проблемы личности в истории, ее самоценности, поиски духовной гармонии в человеке. Материалом художественного исследования служит средневековая Болгария в переломные, кризисные годы ее истории.

Наивысшим достижением в исторической прозе Э. Станева по праву считается его роман «Антихрист». Он представляет собой «житие», исповедь сына царского изографа (иконописца) Энё, в монашестве Теофила. Это полные драматизма и трагизма жизненные приключения героя, но более всего (по определению болгарского критика Бояна Ничева) «приключения его духа»[1]. В то же время это отражение духовных исканий и самого автора, который прямо указывает на своеобразную автобиографичность романа: «Это мои душевные этапы, — утверждает Э. Станев, — через которые я прошел, но спроектированные и перенесенные в другой мир»[2].

Роман посвящен одному из наиболее трагических периодов национальной истории Болгарии — последним десятилетиям XIV века, разрушению и падению под натиском Османской империи болгарского государства. Э. Станев создает образы исторических личностей этого времени — царей Ивана-Александра, Ивана Шишмана, а также религиозных деятелей — Теодосия Тырновского и патриарха Евтимия, в столкновение с которыми вступает герой. Мировоззрение Энё-Теофила выходит за пределы средневекового уровня и несет в себе черты Ренессанса. Подтверждением этого служат непрестанные поиски героем истины, его сомнения и разочарования в христианских догмах, а также и в ереси, осуждение земной тирании — царской власти. Энё-Теофил проходит долгий и трудный путь познания и самопознания. Он уходит из семьи, чтобы стать монахом и приобщиться к таинствам исихазма, увидеть Фаворский свет, но вскоре разочаровывается, обнаружив противоречия между высоким евангельским текстом и действительностью. Богоборчество приводит его в стан субботников. Однако их метания между добром и злом, Богом и Сатаной, аморализм их ересей и поведения в быту отвращают Энё-Теофила и он пытается найти успокоение в обычной жизни, труде, близости к природе, уединении. Но и этот путь оказывается тупиковым, поскольку не утоляет муки духа, не дает ответа на вопрос об истинном предназначении человека. Падение Тырновского царства подсказывает герою его цель в жизни — отдать свои силы, всего себя делу возвращения народу свободы, национальной независимости.

Идеи, заложенные в исторической прозе Э. Станева, не утрачивают своей актуальности. Вечные метания человеческого духа, кризисы и подъемы нравственности и сознания, конфликты между личностью и обществом, между человеком и природой значимы и сегодня. По сути они формируют новый духовный облик современного человека.

---

[1] *Ничев Б.* Художникът и мислителят // Литературен фронт. 1974. 18 юли.

[2] *Сарандев И.* Емилиян Станев. Литературни анкети. София, 1977. С. 63.

inslav

З. И. Карцева
МГУ

ОППОЗИЦИЯ *ХАОС—ПОРЯДОК* В СОЗНАНИИ И ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРИНА
(на материале прозы последнего десятилетия)

Наконец-то ушли в прошлое 90-е годы — такие трудные для большинства стран постсоциалистического пространства. Но они останутся в памяти нынешнего поколения болгар временем политической и экономической нестабильности и трагических «открытий»: оказалось, что в новой Болгарии они никому не нужны — некому заботиться об их благополучии, безопасности и здоровье, об образовании и будущем их детей.

Долгожданная «свобода» от «тоталитаризма» буквально свалилась на головы избалованных прежней государственной опекой людей, не умеющих, а подчас и не желающих самим заботиться о себе, самим отвечать за все в своей жизни. Радужные надежды болгарина на быстрое изменение качества его жизни оказались очередной иллюзией. Вместо ожидаемого порядка и стабильности пришел ХАОС — страшный, бессмысленный и кровавый.

Словно из ящика Пандоры, на волю вырвались злые силы хаоса и стихии гиперактивности, не подвластные каким-либо правилам и моральным нормам цивилизованного общества. И вот это-то отсутствие правил игры, нормативности стало своего рода моделью всеобщей возбуждающей игры без правил, хаоса — в жизни, в делах, в человеческих отношениях.

Деструкцирующий и вызывающий хаос стихии (проявляющийся, кстати, буквально на всех уровнях современной жизни — в том числе и в «варваризации» языка, тоже «освободившегося» от «тоталитарного поведения», в экспансии жаргона, в преобладании фамильярного бытового стиля даже в речевой практике болгарского радио и телевидения), победа манихейского (варварского) типа дискурса, манихейской идеологии, действительно, привел к размыванию семантических различий в таких основных бинарных противопоставлениях, как *свет—тьма*, *истина—ложь*, *добро—зло*, — глобальных по своему значению в жизни человеческого общества, особенно в переходный период, когда самой большой и больной проблемой становится маргинализация жизни и маргинализация сознания, проявляющиеся в асоциальности и аморальности поведения значительной части населения.

inslav

Но что же делать? Как жить с этим? Как реагировать на этот хаос и сумятицу? — Смириться? Бороться? Не замечать? Судя по литературе последнего десятилетия, у современного болгарина все-таки есть несколько вариантов вполне адекватного ответа.

Воинствующее *неприятие* этой новой Болгарии, устремившейся в Европу и забывшей о своем несчастном народе, характерно для значительной части населения страны, главным образом, людей пожилого возраста. Многие из них, действительно, противопоставляют теперешнему хаосу порядок и стабильность прежних лет, ностальгируя, в сущности, по своему прошлому, по той жизни, такой понятной и близкой их сердцу. Однако в *ЛИТЕРАТУРЕ* все далеко не так примитивно просто.

Романы А. Наковского («Карьера одного ничтожества», 1992; «Жизнь мертвого человека», 1994; «Миражи», 1995; «Спираль», 1996; «Зловещая вселенная», 1998; «Другая галактика», 1999), сборники новелл и сатирические миниатюры Ст. Стратиева («Болгарская модель», 1991; «Как стать «другими», 1993; «Стоян», 1995; «Лицо с картин Эль Греко», 1997; «Мотивы для кларнета», 1997), новые романы Г. Стоева («Досье», 1998), Д. Начева («Страх», 2000), А. Томова («Пурпур», 2000), Ст. Цанева («Букашки и Боги», 2000), Б. Райнова («Тихий уголок», 1999) — это вовсе не книги о былом порядке и стабильности. В них и серьезные, мучительные раздумья представителей старшего поколения — людей старой закалки, бывших когда-то «наверху», по-своему честных, истинно «верующих», трагически переживающих сейчас исчерпанность своего жизненного опыта, слом эпохи в пространстве своего исторического времени.

О них, в частности, рассказывает Димитр Начев в своем романе «Страх» (2000), открывающем задуманную автором трилогию «Спасение», — психологически тонком исследовании хаоса в душах этих людей, которые сейчас искренне не понимают, что же произошло, почему нет порядка, куда вообще исчезла их прошлая жизнь — деятельная, осмысленная, но и ... полная страха, сомнений, нарастающего разочарования и безверия.

Богомил Райнов в своем романе «Тихий уголок» (1999) тоже пытается разобраться во всем, понять суть «тоталитарного» прошлого и «демократического» настоящего. Он размышляет о «порядке» минувших лет, откровенно тяготевшем к деспотизму, и о теперешней «свободе», переросшей в анархию; о той, прежней, «жизни по кругу», привычной и бессмысленной, и об этой — такой непредсказуемой, унизительной и страшной. Ведь за пределами этого обжитого «круга», в котором внешне спокойно старается по инерции удержаться главный герой романа — старый писатель и из которого так стремится вырваться его молодой племянник, притаилась опасность: чистые, талантливые, энергичные ребята, пытаясь найти свое место в этом современном хаосе, сгорают там, как мотыльки в огне.

В этих книгах мы подспудно ощущаем боль и стыд болгарина за свой народ и свое несчастное отечество, живущее на подачки нового «старшего

inslav

брата», за унижение нации с величайшими традициями культуры. Грустные и тревожные мелодии отчаянья и боли — лейтмотив значительной части современной болгарской прозы, немного «старомодной» в своей совестливости и доброте к людям. Эта литература не просто тоскует по безвозвратно ушедшей в прошлое спокойной, вполне обеспеченной и такой понятной жизни (хотя есть и это), не просто воинственно тупо отрицает все новое, не замечая хорошего. Она, эта литература, более всего удручена тем, что из жизни и из душ людских уходит главное, что делает их людьми: доброта, сострадание, чувство собственного достоинства и человечность.

Эти «вечные» мотивы звучат, например, со страниц прозаических сборников Станислава Стратиева. Вновь и вновь автор возвращается к вопросам, глобальным для него по своему значению: почему все так плохо? за что это нам, болгарам? Но решает его в этих книгах по-разному.

Где-то (как в сборниках новелл «Последнее кино» и особенно «Лицо с картин Эль Греко») — средствами лирической прозы, тоскующей по дивному, неброскому счастью давней юности, где все было (или казалось?) так надежно, чисто и светло, исполнено радужных надежд или простой щенячьей радости бытия. Где-то («Болгарская модель» и «Стоян») — зло, наступательно, открыто публицистично или же («Как стать «другими») иронически беспощадно. Или, наконец, как в последней, изданной еще при жизни писателя книге «Мотивы для кларнета» — в мучительной, отчаянной попытке не показать слез отчаянья и боли перед страшной, но такой реальной для Болгарии перспективой: потерять свою национальную идентичность, потерять будущее — своих детей, которые, эмигрировав сейчас, станут со временем примерными американцами, канадцами, австралийцами и забудут навсегда, безвозвратно свой язык и свою Итаку — маленькую, такую прекрасную и такую несчастную Болгарию.

Но эти мучающие писателя мысли о безрадостной, горькой судьбе родины (прошлой, настоящей и будущей), о беде или вине соотечественника, которого автор наделяет нарицательным именем Стоян, он пытается скрыть от равнодушных посторонних глаз за язвительно-злой иронией, постоянной кривой усмешкой человека, пришедшего к неутешительному выводу о том, что «Стоян — это судьба», «Стоян — это призвание», «Стоян — это диагноз». «Да, — замечает автор, — такова наша судьба — родиться в Болгарии (и это при наличии стольких-то стран?!). Ну, а дальше уже ничего было поделать нельзя: наше прошлое всегда будет черным, настоящее — историческим, а будущее — светлым» [1].

Вообще в последние годы проблема судьбы Болгарии в мировом историческом и культурном контексте, проблема ее национальной идентичности стала очень болезненной для всего болгарского общества. Не случайно ей посвящены философско-критические работы М. Семова («Болгарская этнопсихология»), И. Еленкова («Новая публичность», «Почему мы

[1] *Стратиев С.* Българският модел. София, 1991. С. 71.

inslav

такие», «Родное и правое»), А. Алипиевой («Национальная идентичность в болгарской литературе» и «Чтение про себя»), Л. Липчевой-Пранджевой («Быстрый сон мифов»), Р. Даскаловой («Между Востоком и Западом» и «О том, что вокруг»), два вышедших тома сборника «Болгарская мера в литературе» и другие работы, в той или иной степени затрагивающие идеи болгарского «европеизма» и «почвенничества».

О болезненности этой проблемы свидетельствует и скандальная, отнюдь не только лингвистическая дискуссия, развернувшаяся в болгарской прессе в 2000 году в связи с заявлением австрийского профессора-слависта Отто Кронштайнера о том, что Болгарии, так активно стремящейся присоединиться к Европе, следует использовать третью, последнюю возможность «европеизироваться», приобщиться к мировой цивилизации, отказавшись от кириллической азбуки в пользу латиницы.

Эти проблемы, в частности, волнуют и многих писателей старшего поколения, пытающихся в истории своей страны найти хоть какие-нибудь новые факты, события, идеи, дающие основание для национальной гордости и последней надежды изверившихся соотечественников.

Роман Стефана Цанева «Букашки и Боги» (2000) — первый прозаический опыт известного поэта и драматурга, очень странная, но, бесспорно, талантливая книга, в которой есть все — и старинные поэтические легенды, и прекрасно написанные страницы добротной художественной прозы, и беллетризованные куски из пьес самого автора, и сухие статистические данные, сопровождаемые саркастическими комментариями писателя, и развернутые исторические справки о времени, например, царя Бориса (IX век) или о первых шагах «коммунистической» власти после 1944 года, есть и затасканные агрессивные клише из арсенала антикоммунистов, и публицистические страстные откровения автора, воюющего со Злом или спокойно, свободно беседующего со своим читателем.

С одной стороны, это действительно хроника, семейная сага, столетняя история болгарского рода Кардамовых — мрачных, нелюдимых, рачительных потомков древнего хана Кардама или, скорее, цыгана-конокрада, в старые времена пойманного с поличным и, как рассказывают старожилы, брошенного в Сухой колодец, до сих пор сохранившийся в зарослях колючек за селом и откликающийся на крик страшными раскатами: «Кардам! Кар-дам! Кар-дам!».

Но это и монолог автора, которому больно смотреть на то, что происходит с его страной. Это вопль отчаяния патриота, разочарованного прежде всего в деяниях коммунистов, 45 лет, как убежден С. Цанев (один из отцов «синего», демократического движения, основателей СДС — Союза демократических сил), угнетавших свой народ, но и разочаровавшегося уже и в своих недавних союзниках-«демократах».

Основная идея романа заключена в словах попа Богомила, главы богомильского движения еретиков, еще в X веке призывавшего своих собратьев по вере «не допускать никакого насилия над собой, каким бы оно ни было и откуда бы ни шло — ни меча, ни слова, ни царя или Бога, даже

inslav

если это насилие продиктовано любовью!»[1]. Автор убежден, что насильно (через кровь) нельзя загонять людей в рай — рай христианства (в IX веке) или рай коммунизма (после 1944 г.). И сейчас, утверждает писатель, надежды нет. Человек проклят. Наша Земля — это слеза Бога, разочаровавшегося в своем творении — человеке. Мы, люди, недостойны своего Создателя...И столетняя история рода Кардамовых, да, собственно, и вся история Болгарии — тому подтверждение... Мы безнадежны. Мы и вправду букашки, муравьи, хотя по Великому замыслу должны были стать Богами... «Двадцать четвертое декабря тысяча девятьсот девяносто девятого года. Сочельник. Мы ждем рождения Спасителя... Чтобы распять его снова»[2].

Так заканчивается эта странная книга писателя, разочаровавшегося во всем, кроме, пожалуй, прекрасной сказки о древней истории своих предков — протоболгар, имевших когда-то и мощное государство, которого побаивались далеко не слабые соседи, и высокоразвитую культуру, отдельные следы-осколки которой и сейчас еще радуют взор пытливых ученых. «Наша древняя история, — пишет автор, — выше нашего теперешнего самосознания. Наверное поэтому мы так боимся проявить свои чувства, свою гордость за наших предков. Потому, наверное, что это лишь подчеркнуло бы наше нынешнее ничтожество»[3].

Александр Томов в своем новом романе «Пурпур» (2000) вроде бы полностью обращен в прошлое — и даже не Болгарии, а Византии XI века, Второй римской империи. Он рассказывает историю большого византийского философа Михаила Псела, близкого ко двору императора, в душе которого бушуют две неудержимые стихии: страстная тяга к знанию и неуемное властолюбие. Автора волнует, по сути, вполне «вечная», вневременная проблема: может ли человек, приблизившийся к огню власти, сохранить себя, свой дух, свой интеллект?

Общеизвестно: власть («пурпур») развращает, абсолютная власть — развращает абсолютно. И это «открытие» как бы перенесено, транспонировано в сегодняшний день. Автор внушает нам, что балканский (болгарский) мир, нынешняя «провинция духа», отстал от Западной Европы по очень простой причине: балканские народы — прямые наследники шумерской, месопотамской, персидской и античной культур, и эта внушительная тень предков столь сильна, что буквально парализует их, недостойных наследников, своим величием. Запад же в свое время отказался от этой мощной силы, создав свой, относительно новый мир — «относительно», потому что в свое время, полагает автор, и он вновь вернется к эллинской, византийской культуре. «Мы, подданные Восточной римской империи, светим отраженным светом... Древние культуры, смешавшиеся в нас и вокруг нас, притупляют наши собственные ощущения, дают гото-

[1] *Цанев С.* Мравки и Богове (хроника на XX век). София, 2000. С. 275.
[2] Там же. С. 412.
[3] Там же. С. 111.

inslav

вые ответы, позволяют лениво возлежать под сенью их лавров»[1], — говорит самый преданный ученик Псела, евнух, от имени которого ведется повествование о драме философа — величии его познаний и падении в пурпур власти.

Современная жизнь так отвратительна, унизительна и страшна для большинства представителей старшего поколения болгарских писателей, что часто они открыто высказывают своему времени обвинение-приговор, как это делает, например, Ивайло Петров в своей повести «Перед тем как мне родиться...», много-много лет дописываемой им и сейчас превратившейся в роман «Перед тем как мне родиться и после моей смерти» (2000): «Сейчас, после смерти, когда мой дух уже облетел весь белый свет вдоль и поперек, я узнал, что этот мир не просто "ущербен", он — чудовищен <...> Кто знает, может быть, на том свете мне удастся осмыслить наконец мое кратковременное земное бытие и понять, какая неведомая сила навязала его мне и зачем вообще понадобилось это бессмысленное страдание. И не окажется ли, что если я и был счастлив, то лишь перед тем как мне родиться и после моей смерти?»[2].

Не случайно, наверное, герои нового фантастического (?), криминального (?) или экзистенциального (?) романа Атанаса Наковского «Другая галактика» (1999) выбирают для себя один из вариантов ухода от хаоса современной жизни, поверив в то, что они — представители «другой» галактики. Эта вера делает жизнь вполне обычных людей захватывающе интересной и осмысленной: в своем «Бюро межпланетарных исследований» они занимаются изучением данных обо всех паранормальных явлениях (типа НЛО, экстрасенсов, колдунов и ясновидящих), пытаясь во всем этом найти главное — открыть тайну своего появления на земле, а стало быть — и путь назад, домой, в свою, «другую галактику». Прекрасная мечта, естественно, оказалась обманом, иллюзией, которую разрушит очередной мошенник в длинном ряду «учителей» в болгарской литературе (вспомним хотя бы ранние комедии Стефана Костова), руководитель группы некто Сокеров, за что и будет убит. И вину за это убийство («убийство иллюзий») возьмет на себя один из «избранных» — писатель-фантаст Пешев. И вот теперь Иван Пешев, сидя в тюрьме, описывает все случившееся, размышляя о главном — почему все они с такой легкостью, так охотно поверили Сокерову: «после коммунизма <...> и после демократии в ее болгарском варианте, отличающемся жаждой власти и личного обогащения — любой ценой, сейчас, а там хоть трава не расти! —, <...> моя душа была как-то на удивление готова принять что-то подобное и поверить в него»[3]. Но иллюзия рухнула, и герою предстоит мучительное для него возвращение в мир «неприветливый и уродливый, как пепелище сго-

[1] *Томов А.* Пурпур. София, 2000. С. 213.

[2] *Петров И.* Преди да се родя и след смъртта ми. Откъс от роман // Литературен форум. Бр. 11. 7–13.XI.2000.

[3] *Наковски А.* Другата галактика. София, 1999. С. 22.

inslav

ревшего дома»[1]. А. Наковский высказывает здесь на первый взгляд совсем простенькую, но очень важную мысль о том, что у человека в жизни должна быть своя, «другая галактика», свой недоступный чужому взгляду и тщательно оберегаемый им «уголок» собственной идентичности, свои способы защиты личности.

По сути, все эти книги писателей старшего поколения говорят о трагической неустроенности сегодняшнего мира, о зыбкости и эфемерности человеческой жизни конца века — времени хаотичного, кризисного и неупорядоченного в своей «эпистемологической неуверенности».

Этой талантливой и добропорядочной литературе, верящей в человека и обладающей «защитным поясом доброты» к людям (Р. Ликова), демонстративно или высокомерно противостоят («сверху» и «снизу») элитарная постмодернистская проза и литература болгарского «андеграунда», по-своему воспринимающие и оценивающие современную жизнь.

Бунт беллетристов (главным образом молодых) «снизу» — против литературы «хорошего письма», «литературности» и «доброго вкуса» — выразился в этосе и стилистике их сочинений, в стремлении соответствовать новому времени и новому (массовому, т.е. «истинному», с их точки зрения) читателю. Таковы «вульгарные», «мобифонные» романы далеко не бесталанного Х. Калчева, с холодной страстью игрока-дельца описывающего новое время в своих циклах «Нерон Волк», «Калигула бешеный», «Цикл Мессалины», «Оратория для Козла и ангорской кошки», «Кровавый шелковый путь», «На охоту за зеленым принцем» и др. Таковы и романы действительно «плохого письма» Т. Благоева («Вокзал-рай»), Р. Чанева и М. Младенова («Толкучка»), С. Полякова («Скажи "нет"» и «Смерть летит»), С. Кисева («Джубокс»)и многие другие творения, с которыми в литературу пришел новый и очень агрессивный «подземный» мир — мир бандитов, спекулянтов, мошенников, проституток и аферистов.

В этом мире, диктующем свои законы, которые лежат по ТУ сторону добра и зла, нужно не рефлексировать, не рассуждать, а действовать. О морали нет и речи — в джунглях, где идет борьба за выживание, она неуместна.

Авторы этих криминальных, главным образом, романов (их болгарское название «криминалета» содержит откровенно негативную коннотацию), прославляющих торжество этического нигилизма, явно ориентируются на «массового» читателя, создавая упрощенные, схематичные, однолинейные сюжеты. Произведения полны агрессии, насилия и секса — в полном соответствии с фрейдовским пониманием сущности Эроса и Танатоса, этих «основных инстинктов» человечества — любви и разрушения (смерти), на которых и строится вся массовая литература, активно оперирующая при этом стереотипами, штампами, «мифами» современности, всем тем мусором, что водопадом низвергается на нас со страниц СМИ и экранов телевизоров.

[1] *Наковски А.* Указ. соч. С. 137.

inslav

Характерно, что для весьма активных персонажей всех этих романов, подлинных «героев своего времени», теперешний хаос — нормальная, естественная среда непосредственного «наивного индивидуализма», жизнь как она есть, с которой они не просто готовы мириться, но и получать от нее удовольствие. И порядок (в смысле установления хоть каких-нибудь правил игры) они восприняли бы как покушение на свою свободу, на свой мир.

Правда, несколько иначе думают их жертвы, люди-«мусор», которых, как полагают наши «герои», нужно безжалостно сталкивать с дороги — слабых и беззащитных. Ведь будущее принадлежит только им — напористым, агрессивным, читателям журнала «Эгоист» и вульгарных таблоидов.

Люди-«мусор», населяющие, например, Дунай-мост — грязную, запущенную территорию вокруг пограничного моста через Дунай (роман Георгия Мишева «Дунай-мост», 1999), с времянками, развалюхами и лачугами, пивнушками из старой жести и бетонных плит, уже ни во что не верят. Пока могли, они боролись за свое выживание — ловчили, шли на мелкие преступления, воровали. Но жизнь убедила их в том, что здесь, в Болгарии, у них нет никакого будущего. И в последней надежде они пытаются эмигрировать, выбраться отсюда через этот мост, соединяющий Болгарию со всем остальным миром — цивилизованным и спокойным. Но в том чистом и светлом мире для них места нет, и их бегство стало их концом.

Нет будущего в этом хаосе и для героев потрясающего в своей оголенной безнадежности романа Христо Запрянова «Ободранная собака» (1997), членов бригады болгарских лесорубов, работающих в Коми АССР. Сюда, в эту стылую темень северных лесов и болот, каждого из них привела своя боль, стремление к свободе — свободе от нужды. Но тяжелый, нечеловеческий труд и унизительный быт превратили их в скотов. Мечтая о добрых делах, они, под грузом обстоятельств своей скотской жизни, не выдерживали, спивались, забывая о том, ради чего, ради какой большой (для каждого из них) цели они приехали в эти мрачные холодные дали, чтобы затеряться в них навсегда.

Свой ответ на вопрос о хаосе и порядке в современной жизни есть и у третьей группы болгарских беллетристов — рафинированной элитарной прозы «медленного чтения» постмодернистского дискурса, прозы, взращенной на трудах семиотиков-герменевтиков, теоретиков постмодернизма и занятой проблемами *самоидентификации* в новом времени хаоса и беспорядка.

Э. Дворянова («Passion, или Смерть Алисы», 1996), К. Радев («Тени Вавилона», 1996), П. Антов («Бегство зайца», 1997), Св. Игов («Елены», 1998), А. Андреев («Новые степени свободы», 1999) и Г. Господинов («Естественный роман», 1999) в нелинейном времени-пространстве своего внутреннего писательского опыта пытаются найти выход из тупика современного хаоса. И этот выход, по их мнению, один (и он в чем-то близок

inslav

рецептам некоторых писателей старшего поколения): не обращать внимания на то, что творится вокруг, а уйти в себя, в свой мир. Он — в согласии с собой, с Природой, со своими принципами, устоявшимися нравственными ценностями, которые стоит защищать как свой последний оплот, свой Сталинград («Сталинград» — название одного из рассказов Ст. Стратиева в сб. «Лицо с картин Эль Греко»).

Но «уход» от современной жизни герои этих очень разных романов осуществляют по-разному и с разной степенью активности.

Для Алисы, героини романа Эмилии Дворяновой, просто не было места в этой жизни, где так много насилия и несправедливости. И она уже давно живет в своем изолированном мире — мире музыки. Причем музыка в этом романе-фуге (так автор сама определяет жанр своего произведения) — не просто источник тематических аналогий, но и организующий принцип повествования и мощный концептуальный лейтмотив. Ведь именно фуга (эта высшая форма *поли*фонической музыки, произведение имитационного склада, основанное на многократном повторении одной и той же темы во всех голосах) и должна была выразить, по замыслу автора, женскую суть героини — флюидную, текучую, меняющую свои формы и не ограниченную никакими рамками. И свое убийство любовником умирающая Алиса принимает как радостное избавление от этой ненужной и тягостной жизни, как воплощение своей детской мечты — выбраться из собственной кожи, так мешавшей ей быть самой собой, выйти из тела, которое «отчаянно желало навсегда перетечь за барьер собственной телесности, за решетку, которая лишь смутно отражала тот, внешний мир»[1].

Молодой герой удивительно чистого, светлого и поэтичного романа Светлозара Игова «Елены» (1998), по воле случая, каким-то чудом оказавшийся в прекрасном и таинственном заповеднике, где он проведет три года наедине с самим собой, поймет в конце концов, что это вынужденное уединение (из заповедника до поры до времени нет выхода) было, очевидно, просто необходимо ему, как отдых после долгой болезни, чтобы вернуться в свой, наш, человеческий мир. Большая часть его жизни прошла за границей, и когда он вернулся на родину и окунулся в этот хаос, то снова почувствовал себя «иностранцем», «чужим». И он подсознательно вновь пытается найти себя — в дивной красоте заповедника «Елените», в любви к Елене и другим женщинам, которых он называет тем же именем, в своей душе, в книгах, понимая, что спасение — здесь: только природа, только тихое счастье в душе способны примирить его с «пошлой трехтактной мелодией жизни». Но поэтичная, светлая сказка о любви и духовных исканиях героя окончилась с его возвращением в реальный мир. И его таинственное исчезновение, гибель, никак не объясняемая автором и очень странная, представляется вполне логичной: в мире хаоса и зла таким людям просто нет места.

[1] *Дворянова Е.* Passion, или Смъртта на Алиса. София, 1996. С. 203.

inslav

Это прекрасно понимает и герой нового романа Георгия Господинова «Естественный роман» (1999) (провозгласившего конец ВСЕМУ — в том числе языку и литературе), по-своему реагирующий на «бездарность повседневности». Молодой писатель, переживший свой «личный апокалипсис» (предательство любимой жены), тоже уходит из этого мира, становится бездомным бродягой, исчезает, растворяется в пространстве, буквально сходит с ума: целыми днями он сидит в соломенном кресле-качалке, курит и размышляет — о «высоком» (Эфир) и «низком» (клозет и мухи), считая это вполне естественным и нормальным. И, как муха, перелетающая с одного предмета на другой (то «высокий», то «низкий»), он пытается соединить в обдумываемом им романе (романе фрагментарном, точнее, фасеточном, как глаз мухи) возвышенное и трагическое с видимой реальностью простого, естественного мира, в котором нет ни страданий, ни хаоса. Но скоро убеждается в том, что людям просто отказано как в трагическом («конца не будет»), так и в возвышенном, а «реально существует лишь повседневность во всем блеске своей бездарности»[1]. Странный, угнетающе бессмысленный бунт одиночки, жалкий протест слабого человека, не вынесшего хаоса постмодерной ситуации нашего времени, где нет ни любви, ни верности, где тебя могут предать самые близкие. И герой просто отворачивается от этой жизни, уходит туда, где ему хорошо — свободно: «Я невидим, я стал частью этого мизерного сортира и не отвечаю за его безобразия»... «Я исчезну массово, сказал он им, я исчезну массово, сказал он им, как динозавры», — напишет он в своем «Последнем эпиграфе»[2].

Вот такими же «динозаврами» и чувствуют себя, к сожалению, многие честные, чуткие ко времени болгарские писатели. Новая жизнь — эта жесткая игра без правил, хаос, навязанный людям, — невыносима, и кажется «естественным», что проще думать о Конце, об Апокалипсисе, об Уходе. Но спасение есть, и его почувствовали уже многие: нужно просто оставаться людьми, сохранив в душе любовь и верность — себе, вечным ценностям и нравственным принципам. И, может быть, (если верить современной науке синергетике, наглядно демонстрирующей на математических, компьютерных моделях процесс зарождения из хаотичных поначалу картин — упорядоченных, вполне осмысленных структур), из теперешней стихии хаоса когда-нибудь родится новый порядок, новый космос, структурирующий более гуманное и справедливое время.

[1] *Господинов Г.* Естествен роман. София, 1999. С. 29.
[2] Там же. С. 108.

inslav

II раздел

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА НА БАЛКАНАХ В XX ВЕКЕ

И. В. Чуркина
Институт славяноведения РАН

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЦЕРКОВЬ НА БАЛКАНАХ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ СЕРБОВ И БОЛГАР

Южные славяне начали активно заселять места своего нынешнего обитания в VI в.

Их новая родина являлась своеобразным мостом между Азией и Европой, по которому велся обмен товарами и культурными достижениями. Обладать этим мостом было очень выгодно, и борьба за него не ослабевала на протяжении многих столетий. В раннее Средневековье она развернулась между двумя самыми могущественными государствами того времени — Византией и Франкской (затем Священной Римской) империями. В сферу их противостояния и вошли южнославянские племена. Борьба за Балканы велась политическими гигантами по нескольким направлениям: путем войн и непосредственного завоевания территорий, а также путем усиления своего политического влияния на них. Последнее достигалось не только дипломатическими методами, но и с помощью мощного идеологического оружия — христианства. Верным сторонником в этом Франкской империи выступал римский папа, а Византии — Константинопольский патриарх. Принятие христианства из рук Рима или Константинополя определило дальнейшее вхождение южнославянских племен в сферу влияния одного из этих двух важнейших центров христианства.

Болгары и сербы попали под влияние Византии, которая в Средние века, несомненно, являлась наиболее развитой в политическом и культурном отношении страной. Они приняли христианство от Константинополь-

inslav

ской патриархии, когда уже имели собственные государства. Это помогло болгарским и сербским правителям создать в своих владениях независимые от Константинополя автокефальные церкви (болгары — в 927 г., сербы — в 1219 г.), которые поддерживали своих государей, являясь опорой национальной государственности. То, что сербам значительно позднее удалось получить свою независимую церковь, чем болгарам, связано с уровнем развития государственности у этих народов. Болгары в IX–X вв. уже имели сильное государство, сумевшее обеспечить автокефальность своей церкви. Для болгарского государя была важна поддержка христианской религии. В ней он видел средство укрепления единства своего народа, состоявшего из двух этнических сообществ — протоболгарского (тюркского) и славянского. Кроме того, принятие христианства давало Болгарии возможность войти на равных правах в круг передовых государств того времени. Неслучайно в одной из первых переведенных в Болгарии на старославянский язык книг «Кормчей» (греч. Номоканон) подчеркивалось: «Два великих дара даны всевышним народу: священство и государственная власть»[1].

Сербы и болгары получили христианство из рук учеников и последователей Кирилла и Мефодия, и одновременно с христианством к ним пришла славянская письменность и книги на родном языке, дававшие им возможность развивать национальную культуру на новом уровне. Крупными культурными центрами, где развивалась славянская письменность, стали в IX–X вв. Охрид и Преслав, основанные учениками Кирилла и Мефодия, пришедшими в эти земли после изгнания их из Великой Моравии (885). Здесь помимо переводов с греческого создавались и оригинальные произведения, например, сочинение черноризца Храбра в защиту славянской азбуки и письменности. В XII–XV вв. переживает расцвет славянская письменность в Сербии, где появляются такие оригинальные произведения, как жития святых, помимо переводов богослужебных книг, переводы греческих и западных романов и др. В Болгарии в XIV в. славилась Тырновская школа, где была проведена реформа старославянского языка и которая оказала влияние на развитие письменности в Русском государстве. Межславянским культурным центром стал Афон, где действовали болгарский, русский и сербский монастыри, между которыми всегда существовали тесные связи. По преданию, сербский святитель Савва ушел на Афон вместе с русским монахом и принял там постриг в русском монастыре Св. Пантелеймона.

Более сложно развивалась государственность Боснии, где в раннем Средневековье также проживали сербские племена. На ее территории государственное образование оформилось к концу XII в. В боснийских землях активно действовали и константинопольские и римские проповедники. Босния приняла христианство от Византии, но в XII в. она попала под

[1] *Бакалов Г.* Религиозни аспекти на държавната идеология в средневековна България // Религия и църква в България. София, 1999. С. 14, 15.

inslav

власть католической Венгрии, которая стремилась укрепить там свои позиции с помощью распространения католичества. В конце XII в. в Боснии появилось богомильство (или патаренство), которое считалось ересью и католиками и православными. Боснийская знать во главе с боснийским государем баном приняла его, желая обезопасить себя и свою страну от своих соседей: католической Венгрии и православной Сербии. Боснийская богомильская церковь в известной степени способствовала укреплению боснийской государственности. Однако из-за своей рыхлой структуры она не смогла стать для нее надежной опорой. Против богомилов боролась как католическая, так и православная церковь. Особенно активно действовали католики, которые организовали против Боснии в первой половине XIII в. несколько крестовых походов под флагом борьбы с богомильской ересью. Для Рима это было тем более актуально, что богомильство стало распространяться и в Далмации. Летописец Фома Сплитский (XIII в.) писал о его успехах среди знати в Задаре. Есть сведения о существовании богомилов в начале XIII в. в Хуме, Омише и других прибрежных городах[1]. Часто инициаторами антибогомильских действий Рима являлись венгерские короли. В Боснии было создано католическое епископство. Однако закрепиться там католической церкви не удалось, и в 1239 г. боснийский католический епископ вынужден был перебраться в село Дьяково, расположенное в Славонии. Накануне окончательного завоевания турками Боснии в 1459–1460 гг. там прекратила свое существование богомильская церковь. Около 12 тыс. богомилов перешло в католичество. Однако, несмотря на это, религиозное сознание многих бывших богомилов из знати оставалось достаточно сложным. Так крупнейший боснийский феодал герцог Стефан Вукчич принял к себе всех богомилов, не желавших стать католиками. Его ближайшим советником был богомильский глава. Но наряду с этим Стефан подерживал тесные отношения с папой, приглашал в свои владения францисканцев для проповеди там католичества, и одновременно строил православный храм, посылал дары в православный монастырь[2]. Однако большая часть боснийского крестьянства оставалась православной, небольшая его часть приняла католичество.

Вторжение на Балканы в конце XIV в. турок-османов привело к уничтожению южнославянских государств. В завоеванных землях мусульманская религия стала привилегированной, принадлежность к ней обеспечивала значительные преимущества. Некоторая часть славянского населения приняла ислам добровольно, в частности многие богомилы из Боснии. Но большинство славянского населения осталось верным христианству. Подверглась исламизации часть болгар, но она носила принудительный

[1] *Ћирковић С.* Историја средњевековне Босанске државе. Београд, 1964. С. 58.

[2] *Акимова О. А., Турилов А. А.* Этническое и культурное самосознание населения Боснии в XV в. // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995. С. 181, 182.

inslav

характер. Болгары занимали территорию в непосредственной близости от главных центров Османской империи — Стамбула (так стали называть Константинополь) и Адрианополя. Поэтому стремление турок исламизировать окрестное население было особенно настойчивым. Первый поход с целью навязать болгарам мусульманство был предпринят султаном Селимом I в 1515 г. Потом такие походы неоднократно повторялись турками в XVI–XVII вв. В результате часть Фракии и Родопы были исламизированы. Но если во Фракии успехи ее ощущались только в городах и некоторых долинах, то в Родопах исламизация приняла массовый характер[1]. Здесь образовалась особая этническая общность — помаки. Они говорили по-болгарски, сохраняли многие болгарские обычаи, в том числе и христианские, но одновременно являлись убежденными мусульманами.

Османское государство дольше, чем любое другое, различало свое население не по национальному, а по религиозному признаку. Неисламские церкви (христианские, иудейские и др.) обладали некоторой автономией, пользовались определенными правами в отношении своих прихожан, прежде всего в семейно-бытовых делах. Здесь церковные власти могли присудить ответчиков не только к церковному наказанию, но и к светскому — аресту, заключению в тюрьме, каторге и пр. Правда, выполнение светских приговоров должно было санкционироваться турецкими властями. Это давало возможность церкви организовывать по своим правилам жизнь своей паствы. Законы шариата на немусульманских подданных империи не распространялись.

В подобных условиях важнейшей чертой, определявшей принадлежность человека к той или иной национальной общности, являлось его вероисповедание, вхождение в ту или иную религиозную общину. Сербы и болгары могли оставаться таковыми только в случае их верности православной церкви. Православная церковь для них была хранительницей их веры, их культуры и традиций, их национальности. Однако между положением православной церкви в болгарских и сербских землях во время турецкого господства существовали значительные различия.

После турецкого завоевания в XV–XVI вв. сербские земли находились в составе Охридской архиепископии, руководимой греками. Но в 1557 г. была восстановлена Печская патриархия, которой стали подчиняться почти все сербские приходы и часть болгарских и греческих. Заслуга в этом принадлежала влиятельному визирю Мехмеду Соколовичу. Он был родом из сербской семьи в Боснии, его христианское имя было Баица. Среди повинностей и налогов, которые христиане должны были платить турецкому султану, самой страшной была дань кровью. Раз в несколько лет турецкие воины отбирали у христианских семей мальчиков. Их отводили в Стамбул, помещали там в специальные учебные заведения, где воспитывали в безусловной преданности султану и исламу. Из этих мальчиков

[1] *Петров П.* Съдбоносни векове за българската народност в края на XIV век — 1912 година. София, 1975. С. 144, 197, 209.

Inslav

формировалась султанская гвардия — янычарский корпус, который считался наиболее боеспособным отрядом турецкого войска. В числе мальчиков, отобранных для янычарского корпуса, был и Баица, получивший мусульманское имя Мехмед. Благодаря своим выдающимся способностям он добился самых высоких должностей при дворе султана, долгое время занимал пост великого визиря. Но Мехмед не забыл тот народ, к которому принадлежал по рождению. Он восстановил Печскую патриархию, первым патриархом которой стал его брат Макарий[1].

Печский патриарх обладал большой властью над сербами — они видели в нем не только хранителя их религии и культуры, но и их государственных традиций. В некоторых церковных документах даже утверждалось, что в руках печского патриарха находится «престол всей сербской земли»[2]. Большинство печских патриархов стремилось к освобождению сербских земель от турецкого гнета. Они обращались за помощью к римскому папе, но их обращение осталось безрезультатным. С начала XVII в. печские патриархи завязывают сношения с русской православной церковью. Поездки сербских иерархов в Россию завершались обычно получением ими различных вспомоществований и даров в виде денежных пособий, религиозных книг, церковной утвари. Но эти поездки не были безопасны: в 1659 г. патриарха Гавриила, вернувшегося из Москвы, турецкие власти обвинили в измене и казнили[3]. Его судьба не испугала сербских иерархов. Спустя тридцать лет (1689 г.) в России побывал архимандрит Исайя. По возвращении на родину он был схвачен и брошен в тюрьму, так как вез патриарху Арсению III и молдавскому господарю письмо от русских царей (Петра и Ивана), в котором они обещали послать войска для освобождения православных от власти мусульман[4]. Обращает на себя внимание факт, что русские власти рассматривали печского патриарха в качестве некоего владетельного князя, представлявшего сербский народ и стоявшего вровень с молдавским светским правителем.

В 1683–1699 гг. Священная лига европейских государств во главе с Австрией вела войну с Османской империей. Первоначально ей удалось захватить почти все сербские земли, в том числе и Печ. Печский патриарх Арсений III Черноевич призвал сербов сражаться на стороне австрийских войск. Но удача оставила последние: в конце 1689 г. южносербские земли были снова заняты турками, жестоко отомстившими местному населению. Особенно пострадали Косово и Метохия. «Все эти земли опустели, — писал летописец, — церкви божии сожжены, монастыри ограб-

[1] *Достян И. С., Карасев А. В.* Православная церковь и складывание сербской нации // Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999. С. 142.

[2] *Радонић Ј.* Римска курија и јужнословенске земље од XVI до начало XIX века. Београд. 1950. С. 165.

[3] *Достян И. С.* Борьба сербского народа против турецкого ига. XIV — начало XIX вв. М., 1958. С. 72, 73.

[4] *Томић Ј.* Срби у великој сеоби (1683–1693). Београд, 1990. С. 107, 108.

inslav

лены и разорены совершенно, люди перебиты, женщины и юноши взяты в плен»[1]. Осенью 1690 г. турки захватили северную Сербию вместе с Белградом. Вслед за австрийской армией по призыву Арсения III на левый берег Дуная на территорию нынешней Воеводины переселилось 60–70 тыс. сербов. В 1737–1739 гг. Австрия снова предприняла войну против османов. И снова печский патриарх Арсений IV Шакабент призвал сербов помогать ей. Но и на этот раз австрийцы проиграли. В 1739 г. произошло второе великое переселение сербов во главе со своим патриархом в Воеводину. Как можно видеть, авторитет патриарха у сербов был очень велик. В одном из австрийских известий 1699 г. сообщалось: «Этот народ схизматиков имеет своим главой как некоего короля патриарха... и за ним они во всем следуют как пчелы за своей маткой»[2].

В результате двух массовых переселений южные сербские земли (Косово и Метохия) опустели, зато территория на левом берегу Дуная была заселена сербами. На новой родине многие из них стали граничарами: за охрану австрийских владений от турецких набегов они получали земельные наделы. В 1690 г. император Леопольд I издал «Привилегии», согласно которым сербам даровалась церковная автономия, представлявшая им известное самоуправление. Центром православной митрополии сербов, образованной в начале XVIII в., стал город Сремски Карловцы. Карловацкому митрополиту подчинялось все православное население Австрии, не только сербы, но и румыны. Сербы решали свои дела на церковных соборах, в которых принимали участие не только православные иерархи, но и представители граничарских офицеров и городов. На соборах избирался митрополит, обсуждались церковные и школьные дела. До 70-х годов XVIII в. митрополит обладал некоторыми судебными полномочиями относительно гражданских дел, имел право назначать офицеров и утверждать статуты сербских ремесленных цехов. Карловацкая митрополия стала важным духовным центром для всех сербов, в том числе и тех, кто находился под властью турок. Особенно возросло ее значение после ликвидации в 1766 г. Печской патриархии, после чего сербские приходы в Османской империи перешли под власть Константинопольской патриархии.

В 1804 г. началось Первое сербское восстание против турок, возглавленное Карагеоргием. Оно продолжалось до 1813 г., и в нем активное участие приняло православное духовенство. Архимандрит Хаджи Мелентий Стефанович и монах Мелентий Никшич руководили крупными повстанческими отрядами; протоиерей Матия Ненадович возглавил в 1804 г. сербскую делегацию в Петербург, которая просила русского императора взять Сербию под свое покровительство.

Сербским повстанцам горячо сочувствовали сербы, проживавшие в Австрии. Карловацкий митрополит Стефан Стратимирович написал политический трактат, который направил в 1804 г. в Россию. В нем он при-

[1] Там же. С. 175, 176.

[2] Историја српског народа. Београд. 1986. Кн. IV. Т. 1. С. 40.

inslav

зывал русское правительство создать обширное сербское государство, включавшее в свой состав как турецких, так и австрийских сербов. Это государство, по мнению Стратимировича, стало бы верным союзником России на Балканах, залогом чего являлась религиозная и этническая близость сербов и русских[1].

Сербская культура в XV–XVIII вв. развивалась и сберегалась в православных монастырях и церквях. Там переписывали старинные сербские рукописи и жития святых, богослужебные книги. Но наряду с этим создавались новые произведения, переработки византийских и русских хронографов, писались новые летописи. На новом месте обитания сербов в Воеводине в первой половине XVIII в. большинство книг переписывалось. Здесь в это время существовала специальная школа переписчиков. Наряду с религиозными книгами уже появились первые книги светского содержания, учебники. С 20-х годов XVIII в. сербские митрополиты стали приглашать в воеводинские школы учителей из России (Максим Суворов, Эммануил Казачинский), которые много сделали для формирования светской сербской школы. В Россию, главным образом в Киевскую духовную академию, посылались молодые сербы, получавшие там образование. Из России в Воеводину шли и печатные русские книги. Сербы пользовались ими особенно с тех пор, когда в 1638 г. была издана последняя книга в старых сербских типографиях[2]. Опасаясь роста влияния России, австрийское правительство в 70-е гг. XVIII в. запретило ввоз из нее книг. Не только письменность, но и другие виды национальной культуры: живопись, архитектура развивались в рамках православной церкви.

После создания в 1815 г. Сербского княжества, автономного в пределах Османской империи, функции сербской православной церкви, связанные с организационно-государственной деятельностью, перешли к государству. Но сербская православная церковь продолжала оставаться важнейшим фактором в новом государстве, которое помогало ей по мере сил. При активной поддержке сербского князя Милоша Обреновича сербская церковь в 1830–1832 гг. вновь обрела автокефалию[3].

Свою церковную организацию имела и Черногория. Горная часть бывшего сербского государства Зеты попала под власть турок в середине XV в. Но благодаря суровым условиям обитания на этой территории и решительному сопротивлению ее жителей, туркам так никогда и не удалось установить там полностью свою власть. Горная Зета (затем Черногория) нерегулярно платила дань турецкому султану, но турецкой администрации там никогда не было. До тридцатых годов XVI в. Черногорией

[1] *Достян И. С.* Планы основания Славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. // Славяне и Россия. М., 1972.

[2] *Бажова А. П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 190, 191, 192.

[3] *Либертос А.* Вселенската патриаршия, национализмът и българският църковен въпрос (1856–1872) // Религия и църква в България. С. 130.

inslav

правила династия Черноевичей. После ее прекращения все больший авторитет среди черногорцев стал приобретать цетинский митрополит (Цетинье — главный политический и религиозный центр Черногории). Цетинская митрополия входила в состав Печской патриархии, а после ее ликвидации в 1766 г. постепенно обрела самостоятельность. В это время сложилось и внутреннее устройство страны. Все ее население разделялось на 12 племен, во главе которых стояли воеводы, часто передававшие власть по наследству. Дела племени обсуждались на племенных собраниях (зборах, скупщинах), на которые имел право прийти любой член племени мужского пола, достигший определенного возраста. В чрезвычайных обстоятельствах собирались общечерногорские скупщины. На них решались вопросы, касающиеся всей Черногории: избирался митрополит, разбирались споры между племенами, объявлялись начало или окончание военных действий и т. д. Митрополиты играли роль не только духовных руководителей народа, но и высших судей, организаторов и предводителей походов черногорцев против турок. Цетинские митрополиты считали себя хранителями государственной традиции средневековой Сербии[1].

Черногорцы всегда активно противодействовали туркам. Во второй половине XVII в. они пытались опереться на Венецианскую республику: в 1648 г. черногорская скупщина даже приняла решение перейти под ее протекторат. Но Венеция не смогла помочь черногорцам, т. к. сама постоянно терпела поражения от турок. В начале XVIII в. черногорцы поменяли внешнеполитическую ориентацию. Особенно возросла роль митрополитов во времена правления Данилы Шчипчевича (1697–1732), основателя династии Петровичей-Негошей. При нем был создан первый общечерногорский орган — суд 12 племенных старейшин, который разбирал споры между племенами, следил за тем, чтобы пресекались попытки кровной мести. Чтобы консолидировать черногорское население, Данила возглавил борьбу против потурченцев (черногорцев, принявших ислам) — в начале XVIII в. многие из них были истреблены или вынуждены покинуть пределы страны. Таким жестоким путем укреплялось внутреннее единство черногорцев. При Даниле были установлены постоянные связи с Россией. В 1710 г. царь Петр I, начиная войну с турками, послал двух своих эмиссаров, черногорцев на русской службе, в Черногорию. Они договорились с митрополитом о совместных действиях черногорцев и русских против турок. Но в 1711 г. русская армия вынуждена была отступить. Черногорские отряды, несмотря на первоначальные успехи, не смогли противостоять османскому войску, которое в 1714 г. вторглось в Черногорию и опустошило ее. Даниле удалось бежать, и в 1715 г. он прибыл в Петербург. Петр I дал ему грамоту, в которой выражал черногорцам благодарность «за храбрые и славные действия». Кроме того черногорский митрополит получил 160 золотых медалей для участников войны и

[1] *Аншаков Ю. П.* Становление черногорского государства и Россия (1798–1856). М., 1998. С. 53.

inslav

5 тыс. рублей для восстановления разрушенных церквей и помощи тем, кто пострадал от турецких насилий, много религиозных книг и церковной утвари. Россия взяла Черногорию под свое покровительство, определила ей ежегодную денежную субсидию, которая ей выплачивалась довольно регулярно вплоть до Первой мировой войны[1]. Отношения с Россией как покровительницей Черногории были закреплены в документе, утверждавшем ее государственное устройство и принятым в мае 1798 г. В частности, там указывалась обязанность Черногории во время войн России выступать на ее стороне, а черногорскому митрополиту после выборов получать подтверждение от российского синода[2].

В конце XVIII в. черногорцам удалось наголову разбить турецкое войско в двух сражениях. В результате этой победы Черногория перестала платить дань султану и стала фактически независимым государством. Черногорская государственность укрепилась во время правления митрополитов Петра I Негоша (1784–1830) и Петра II Негоша (1830–1851), знаменитого сербского поэта. Черногорский митрополит являлся государем страны до 1852 г., когда преемник Петра II, отказавшись принять сан митрополита, провозгласил себя с согласия России наследственным князем. С этих пор православная церковь в Черногории, как и в Сербии, утратила свои государственные функции, оставшись важнейшим духовным и культурным центром черногорцев.

Таким образом, в период турецкого владычества сербам и черногорцам удалось создать свою национальную церковь, которая не только хранила их национальную культуру, сберегала ее государственные традиции, но и защищала их политические интересы. В условиях господства инонационального и иноконфессионального государства православная церковь у сербов и черногорцев выполняла помимо прочего и государственно-организационные функции, что способствовало внутренней консолидации этих народов. И это позволило сербам и черногорцам с помощью дипломатической и военной поддержки России самостоятельно освободиться от турецкого ига и создать свои собственные национальные государства.

В Боснии в период турецкого владычества сложились три религиозные общности: мусульманская, православная и католическая. Они развивались самостоятельно, не смешиваясь друг с другом. В конце турецкого господства (50–70 гг. XIX в.) там насчитывалось приблизительно 45% православных, 35% мусульман, 15–17% католиков[3]. Несомненно, главную роль играла мусульманская общность, в состав которой входили все представители феодального класса, почти все городское население, большая часть свободных крестьян. Босния находилась на границе Османской империи с христианским миром, в организации ее обороны значительную

[1] *Бажова А. П.* Указ. соч. С. 62.

[2] *Аншаков Ю. П.* Указ. соч. С. 56, 57.

[3] *Хевролина В. М.* Православная церковь в Боснии и Герцеговине в 50–70-х годах XIX в. и Россия / / Церковь в истории славянских народов. М., 1997. С. 198.

inslav

роль играли боснийские феодалы. Вследствие этого они обладали довольно большими правами и пользовались определенным авторитетом в правящих кругах Порты. За время турецкого владычества Босния дала 20 великих визиров[1].

Православные по преимуществу были крестьянами. Они считали себя сербами. Боснийские православные приходы после образования Печской патриархии входили в ее состав, а после ее ликвидации перешли под власть Константинопольской патриархии. В период существования Печской патриархии православные иерархи в Боснии были по преимуществу сербами, заботившими о развитии сербской культуры. Центрами ее стали два православных монастыря. В них не только переписывались старые памятники сербской письменности, но и создавались новые, в частности исторические хроники. Но с переходом под власть Константинопольской патриархии положение изменилось. На важнейшие должности в православной церкви Боснии стали назначаться греки. Они не только не способствовали развитию сербской культуры, но даже препятствовали ему. Во второй половине 60-х гг. XIX в. в Боснии при финансовой поддержке России были открыты две семинарии, готовившие священников и учителей. Боснийский митрополит грек Дионисий оклеветал их руководителей архимандритов В. Пелагича и С. Перовича перед турками, и последние были брошены в тюрьму. Их судьбу разделили и другие сербские просветители[2]. В этих условиях сербы Боснии и Герцеговины начали борьбу за свою национальную церковь. В 1860 г. сербское духовенство в Мостаре провозгласило своим митрополитом Иоанникия Памучину, который исполнял митрополичьи обязанности до 1864 г. Однако его не утвердила Константинопольская патриархия.

В XIX в. сербы Боснии и Герцеговины начали активную борьбу против турок под влиянием событий, происходивших в то время в Сербии и Черногории. Некоторые отряды боснийских сербов приняли участие в Первом сербском восстании. В 1852–1853 гг. сербские области в Герцеговине (Зубцы и др.) были охвачены восстанием, во главе которого стоял капитан этой области оружейник Лука Вукалович. Повстанцы на освобожденных областях организовали свое управление. Хотя восстание было подавлено, но и позднее герцеговинские сербы под руководством Луки Вукаловича не раз поднимались против турок. Их не только подерживали, но и инспирировали черногорцы, желавшие присоединить эти области к себе. Последнее крупное выступление Вукаловича произошло в 1862 г.[3].

---

[1] *Вяземская Е. К.* Конфессия и национальность в историческом развитии Боснии и Герцеговины // Роль религии в формировании южнославянских наций. С. 116.

[2] *Поплыко Д. Ф.* Васа Пелагич и Россия. М., 1983. С. 18, 64.

[3] *Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах. М., 1979. С. 91, 167.

inslav

Католики составляли в Боснии и Герцеговине меньшинство. Первыми их национальными будителями стали монахи-францисканцы, которые и являлись единственными представителями интеллигенции среди них[1]. Вплоть до 1878 г., когда Босния и Герцеговина вошли в состав монархии Габсбургов, католики действовали рука об руку с сербами. В 40-е гг. францисканец Й. Ф. Юкич и его соратники выступали как активные пропагандисты иллиризма. Юкич утверждал, что жители Боснии и Герцеговины — босняки или бошняки — являются единым народом, который входит в состав особой южнославянской этнической общности — иллиров. Францисканцы составляли меморандумы султану, в которых требовали равноправия христиан с мусульманами, запрета сгона крестьян с земли, строительства школ и пр. Эти меморандумы публиковались в европейских газетах, рассылались европейским правительствам. В 50–60-е гг. среди католиков было много агентов сербского министра Гарашанина[2].

После вхождения Боснии и Герцеговины в Габсбургскую монархию положение в этно-конфессиональном отношении осталось прежним — три религиозные общины развивались параллельно, не смешиваясь друг с другом. Все просветительские и политические организации образовывались и действовали по религиозному признаку: одни объединяли сербов, другие — мусульман, третьи — католиков. Общебоснийскими были молодежная радикальная Млада Босна, объединявшая учащуюся молодежь, и Социал-демократичесая партия Боснии и Герцеговины. Но обе эти организации объединяли сравнительно небольшое число боснийцев и не оказали заметного влияния на менталитет своих земляков.

Австрийские власти в лице правителя Боснии и Герцеговины Б. Каллая (правил 1888–1903) пытались, обращаясь к традициям средневековой Боснии, создать единую «боснийскую нацию», желая таким образом разорвать связи сербов и хорватов с сербским и хорватским национальными движениями вне пределов провинции. Но все усилия пропали даром, и это должно было признать австрийское правительство. В 1910 г. в Боснии и Герцеговине была введена конституция, по которой они получали парламент. Депутатские мандаты в нем распределялись по этноконфессиональному принципу: сербы (православные) получали 31 мандат, мусульмане — 24 мандата, католики (хорваты) — 116 мандатов и иудеи — 1 мандат[3].

После вхождения Боснии и Герцеговины в состав монархии Габсбургов положение трех основных этно-конфессиональных групп изменилось. Потеряли свои привилегии мусульмане, хотя мусульманские помещики сохранили свои земельные владения. Зато хорваты и сербы получили возможность свободного развития. Хорваты во главе с католическим епископом Сараева Й. Штадлером стали опорой австрийского владычества в захваченных провинциях. Особенно старались францисканцы, отказавшие-

[1] *Dugandžija N.* Religija i nacija. Zagreb, 1983. S. 165.
[2] *Вяземская Е. К.* Указ. соч. С. 119.
[3] Там же. С. 133.

inslav

ся от югославизма и вставшие на националистические позиции, объявив Боснию и Герцеговину хорватскими землями. Сербы, получившие определенные права и укрепившие свои политические и экономические позиции, продолжили борьбу за национальную церковь: они требовали тех же прав для православной церкви в Боснии и Герцеговине, которые имела православная церковь в Воеводине. Полностью этого сербам добиться не удалось. Однако в марте 1880 г. между Габсбургской империей и Константинопольским патриархатом был заключен конкордат, согласно которому православная церковь в Боснии и Герцеговине получала значительную автономию в рамках патриархии, высшие должности в ней перешли к сербскому духовенству.[1] По примеру сербов в 1899 г. боснийские мусульмане начали борьбу за церковно-школьную автономию. Во главе движения встали крупные мусульманские землевладельцы, которых поддерживали широкие круги мусульман. Определенных успехов мусульманам удалось добиться в 1909 г. Австрийское правительство пошло им навстречу, желая заручиться поддержкой мусульманских лидеров после аннексии Боснии и Герцеговины в 1908 г.

Таким образом, вхождение Боснии и Герцеговины в Австро-Венгрию не только не привело к сглаживанию межконфессиональных различий, но даже дало толчок к их дальнейшему развитию.

По-иному сложилась судьба православной церкви в Болгарии. Тырновская патриархия, существовавшая с 927 г. и являвшаяся национальной церковью болгар, была низведена турками до уровня митрополии. Болгарские земли в разное время входили в состав Константинопольской, Охридской, Печской патриархий, а после ликвидации двух последних (1766 г.) находились в Константинопольской патриархии. В Османской империи особую роль играла национальная церковь, которая организовывала народ, хранила его традиции и культуру. Такая церковь имелась у сербов, черногорцев, греков. Болгары же ее не имели. Высшие должности в болгарской церкви занимали по преимуществу греки, мало заботившиеся о болгарской культуре. С середины XVI в. до второй половины XVIII в. не было создано ни одного оригинального болгарского произведения. Однако многие болгарские монастыри и церкви, во главе которых стояли болгарские священники, хранили и переписывали древние болгарские письменные памятники, такие как Синодик царя Борила, представлявший собою своеобразную историческую хронику Болгарии XIII–XIV вв., жития болгарских святых и пр. Церковная служба там велась на славянском языке.

Возрождение болгар началось с появления книги монаха Хилендарского монастыря на Афоне Паисия Хилендарского «История славяноболгарская» (1762 г.). Паисий впервые указал болгарам, что они являются особым народом. В своей книге он призывал болгар не стыдиться своего

[1] *Йовевска М.* Толерантност «към» и «в» сръбския църковнорелигиозен живот. Босна и Херцеговина од края на XIX век // Босна и Херцеговина од средњег века до новијег времена. Београд, 1995. С. 299, 301–303.

inslav

народа, который может гордиться своим прошлым не в меньшей степени, чем греки и сербы[1]. Книга Паисия переписывалась многократно (сохранилось 60 ее рукописных экземпляров) и оказала огромное влияние на болгар.

Впервые она была напечатана в 1844 г. под названием «Царственник», и после этого стала достоянием не только узкого круга болгарских книжников, но и всех грамотных болгар.

С распространением национальных идей среди болгар их неприязнь к грекам возрастала, поскольку в греческом засилье они видели главное препятствие болгарскому культурному развитию. С 30-х гг. XIX в. противоречия между греками и болгарами усилились. Причиной этого был не только рост болгарского национального самосознания, но и всплеск национализма в Греции, получившей незадолго до этого независимость. Правящие круги Греции приняли программу создания Великой Греции, и одним из проводников этой программы стала Константинопольская патриархия. Поводом к дальнейшему обострению противоречий между греческим клиром и болгарами послужило запрещение константинопольским патриархом Григорием V пользоваться Библией на болгарском языке. Этот перевод, сделанный Неофитом Рыльским, вышел в свет в 1840 г. в Смирне. По приказу Григория V греческие священники уничтожали не только экземпляры Библии, находившиеся в продаже, но и те, которые уже были куплены. Их действия вызвали возмущение болгарской общественности. В ответ греческие иерархи стали запрещать славянское богослужение в болгарских церквях. В 1844 г. Архимандрит Неофит Бозвели и митрополит Илларион Макариопольский при поддержке болгарской колонии в Стамбуле обратились с меморандумом к султану. В нем были сформулированы основные требования болгар: замена греческих священников болгарскими, разрешение совершать богослужение на болгарском языке, разрешение беспрепятственно учреждать болгарские школы, издавать болгарские книги и прессу и пр. Эта акция была в известной степени инспирирована французским правительством, желавшим усилить свое влияние на Балканах. В конце 40-х годов болгары выдвинули требование создать самостоятельную болгарскую церковь, независимую от Константинопольской патриархии[2]. Борьба за национальную церковь стала первой формой болгарского национального движения, объединившей широкие круги болгарского населения.

Русское правительство, стремясь сохранить единство православной церкви на Балканах, сначала приняло сторону константинопольского патриарха. Это привело к некоторым успехам католической пропаганды в

[1] *Гюзелов В.* Бележке върху иерархическия статус на българската църква и нейния върховен предстоятел през първия век от покръстването (865–971) // Религия и църква в България. С. 99.

[2] *Макарова И. Ф., Жила Л. И.* Конфессии и формирование болгарской нации // Роль религии... С. 208–209, 211.

inslav

Болгарии, пытавшейся склонить болгар к унии[1]. К концу 60-х гг., осознав, что безоговорочной поддержкой Константинопольской патриархии Россия может потерять симпатии болгар, российские правящие круги стали поддерживать требования болгар. Русский посланник в Стамбуле граф Н. П. Игнатьев, близкий славянофилам, настоял перед правительством Турции на издании указа об учреждении болгарского экзархата, который был обнародован в феврале 1870 г. Этот указ устанавливал самостоятельную болгарскую церковь, главу которой, экзарха, избирало высшее болгарское духовенство. Правда, их выбор должен был утверждаться константинопольским патриархом и турецким султаном. В новый экзархат вошли все болгарские земли. Болгары обрели свою национальную церковь. Но экзархат просуществовал лишь до 1911 г. Новые политические реалии, сложившиеся после русско-турецкой войны и Берлинского конгресса, прежде всего разделение болгарской территории между тремя государственными образованиями (княжество Болгарию, Восточную Румелию и область Эгейской Фракии и Македонии), привели к тому, что роль экзархата как единой болгарской церкви постепенно сошла на нет.

Таким образом, не всем южным славянам удалось создать свою национальную церковь, хотя стремление к этому наблюдалось у всех южнославянских народов. Национальная церковь имела большое значение для южных славян, поскольку они сотни лет находились под властью инонациональных государств. А в условиях инонационального (а часто и иноконфессионального) гнета церковь играла важную роль в консолидации сил народа. Она не только способствовала сохранению его культуры и традиций, но и, выполняя некоторые государственные функции, содействовала его политическому развитию. Однако и там, где не удалось создать национальную церковь, православная церковь в Османских владениях много сделала для сохранения культур и этнического самосознания своего народа.

[1] *Андреев А.* Московският славянски благотворителен комитет и западните религиозни мисии в българските земи (1856–1876) // Религия и църква в България. С. 142–143.

inslav

Е. К. Вяземская
Институт славяноведения РАН

НЕКОТОРЫЕ ФУНКЦИИ КОНФЕССИИ КАК ФАКТОРА РАЗВИТИЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
(на примере боснийских мусульман)

Обращение к данной теме на примере боснийских мусульман — одной из трех ныне существующих современных наций Республики Босния обусловлено рядом соображений. Во-первых, тем, что это самая молодая нация в субрегионе. Во-вторых, она является единственной из трех наций, которая сложилась в рамках исторической территории Босния и Герцеговина в качестве самостоятельной обособленной этнополитической общности, в то время как основное ядро сербского и хорватского этносов формировалось вне границ исторической Боснии. Вся этническая история боснийских сербов и хорватов органически и неразрывно связана с судьбой хорватов и сербов соседних государств. И, наконец, в-третьих, проблемы боснийских мусульман, к сожалению, никогда не относились к числу приоритетных для ученых славистов или балканистов.

В исторической литературе неоднократно подчеркивалась важная роль религии в качестве этнообразующего и этнодифференцирующего фактора в истории балканских народов. В нашем, боснийском, случае роль указанного фактора, как нам представляется, особенно велика.

Влияние конфессионального фактора на развитие этнического, а также и национального самосознания и на становление наций — область малоизученная как исторической наукой, так и науками о человеке вообще — этнографией (этнологией), социальной (культурной) антропологией и другими. Между тем проблема эта чрезвычайно важна для изучения процессов формирования славянских наций вообще и югославянских в частности. Общеизвестно, какую роль сыграли православие и католицизм в этнической дифференциации, позднее национальном размежевании двух родственных народов — сербского и хорватского.

Исламизация, ее причины и обстоятельства распространения ислама — ключевая проблема генезиса боснийско-мусульманского этноса, ибо с исламизации части боснийских славян и берет свое начало этногенез новой общности[1]. Труднообъяснимый переход значительной по численно-

[1] *Babuna A.* Die nationale Entwicklung der bosnischen Muslime. Frankfurt am. M., 1996. S. 29

inslav

сти группы югославянского населения из христианства в мусульманство, естественно, вызывает множество вопросов, предположений, версий и догадок. Задача исчерпывающего объяснения феномена боснийско-мусульманского этноса осложняется скудостью достоверных письменных источников о боснийской истории рубежа XV–XVI вв., когда совершалась эта своеобразная этно-конфессиональная революция. В подавляющем большинстве исторических сочинений на эту тему на первый план выдвигаются факторы насилия, административного принуждения со стороны имперских османских властей, а также корыстолюбие местной славянской элиты, ее стремление сохранить привилегии и власть над феодально-зависимым крестьянством — кметами. Даже непредубежденному исследователю трудно допустить, что могли быть и иные, не связанные с административным произволом и материальными интересами мотивы массового обращения многочисленных групп местного населения Боснии и Герцеговины в мусульманство в XVI в., что ислам мог быть привлекателен для них по другим причинам. Например, своими религиозными догмами, системой нравственных ценностей, во многом сходных с установлениями христианства и иудаизма, обрядами и, наконец, жизненной философией, принципами организации повседневной жизни и быта правоверных. Этнолог из США Тоне Бринга, много лет проведшая в одном из сёл со смешанным мусульманско-хорватским населением недалеко от Сараево, пришла к следующему далеко не стандартному заключению: «Ислам и турки предложили (боснийцам. — *Е. В.*) новый тип идентификации, свободной от страха перед потусторонним миром»[1].

Догмы Корана при этом далеко не всегда соблюдались боснийцами в строгом соответствии с его установлениями. Так, в соответствии с христианской традицией Мухаммед воспринимался как один из многих святых, а не как единственный представитель Аллаха на земле. До сих пор в Боснии в обиходе мусульманина-боснийца существует клятва, которая звучит так: «Sveća mi Muhammeda»[2] [«Свет мой, Мухаммед»].

Есть еще одно и довольно любопытное обстоятельство, проливающее свет на боснийский феномен массовой исламизации. Внимание исследователей привлекло непривычное для средневековой Европы свободное отношение боснийцев к вопросам совести и вероисповедания. Оказалось, что в XV–XVI вв. жители края довольно легко переходили из католицизма в православие и наоборот, и обращение в ислам не вызывало у них священного ужаса[3]. С точки зрения интересующего нас сюжета, еще более

[1] *Bringa T.* Being Muslim the Bosnian Way. Princeton, New Jersey, 1995. P. 17 (№ 8) См. также: *Džaja S.* Bosnien-Herzegowina in der österreichisch-ungarischen Epoche (1878–1918): die Intelligentsia zwischen Tradition und Ideologie. München, 1984. S. 209.

[2] *Balić S.* Bosnien // Brennpunkt Osteuropa. Hgg. Valeria Heuberger, Arnold Suppan und Elisabeth Vyslonzil. Wien; München, 1996. S. 85.

[3] *Malcolm N.* Bosnia. A short history. London, 1994. P. 36. *Bringa T.* Op. cit. P. 16.

inslav

важен тот факт, что проникновение учения Пророка и исламской культуры в Боснию и Герцеговину началось еще до османского завоевания, когда о каком-либо насильственном обращении не могло быть и речи, следовательно, происходило оно добровольно, по свободному выбору боснийцев.

Появление компактных мусульманских поселений в Северной Боснии, а также на территории королевства Венгрия (в частности, в Среме и Бачве) датируется источниками IX–XIV вв., сведения о них сообщаются арабским географом Ягутом ал Хамави (1179–1229 гг.) и мавританским ученым из Испании Абу Хамидом Гарнати (1080–1170)[1].

Таким образом, почва для массовой исламизации страны была подготовлена во времена существования королевства Боснии. Указанное обстоятельство, однако, не дает еще полного ответа на вопрос о причинах массового, внезапного и быстрого обращения в ислам больших групп боснийского населения.

Совершенно очевидно, что свести дело к одному-двум или более отдельным причинам и факторам невозможно, поскольку при таком подходе невольно преувеличивается роль и значение одного показателя в ущерб другим. Исчерпывающее объяснение феномену может дать лишь анализ целого ряда взаимосвязанных факторов с учетом специфики не только боснийской, но и османской. При этом подходить к империи османов и ее исторической роли не следует с высоты XVIII–XIX вв., когда звезда Высокой Порты явно клонилась к закату: в XV–XVI вв. до упадка и разложения империи было еще далеко, сила и могущество ее были в зените, а потенциал еще не исчерпан. Османский режим в условиях феодальной анархии и беспорядка, царивших в Боснии, означал стабильность, господство закона, безопасность личности и имущества подданных, упорядоченность внутренней организации общества. Босния, население которой устало от бесконечных наскоков и давления со стороны Венеции, Венгрии и Ватикана, не хотела быть вековым яблоком раздора между венграми и османами. Османский режим символизировал веротерпимость, которая ослабила заинтересованность основной массы населения — крестьян в защите интересов собственных феодалов. «Эти психологические моменты, — отмечает Смаил Балич, — облегчили процесс исламизации... Часть боснийского народа поставила на османскую карту, перейдя на сторону завоевателей[2]. Словом, новая чужеземная власть в глазах определенной группы населения страны демонстрировала свои соблазны (определенную привлекательность для местных славян имела, как ни странно, даже исламская мистика) и свои преимущества.

[1] См.: *Balić S.* Der Islam im mittelalterlichen Ungarn//Sudostforschungen. 1964/23. S. 19–35. *Idem.* Bosnien//Brennpunkt Osteuropa. Hgg. Valeria Heuberger, Arnold Suppan und Elisabeth Vyslonzil. Wien; München, 1996. S. 85.

[2] *Balic S.* Der Islam... S. 33–34.

inslav

Серьезные разногласия среди специалистов существуют по поводу причин и обстоятельств массового перехода в ислам боснийцев уже в начальный период османского завоевания. В специальной литературе долгое время доминирующей была так называемая «богомильская концепция», сторонники которой напрямую связывали указанный процесс с богомилами и их распрями с католицизмом и православием. Аргументированную критику концепции богомильского «импульса» исламизации Боснии содержат труды видных ученых социалистической Югославии — Я. Шидака и Г. Чубриловича, отрицающих прямую связь и континуитет между богомильством и исламом. Иной точки зрения на богомильство и его связь с исламизацией придерживаются современные турецкие историки (за исключением немногих, таких широко известных ученых, как Кемал Карпат, Халил Иналчык, и ряд других) современной Турции. Они полагают, что перейти в ислам богомилов побудило «ласковое обращение и справедливое управление османов», подчеркивая при этом, что до прихода османов богомилы в течение нескольких столетий «испытывали жестокость и несправедливость со стороны папства и сербов»[1].

Видный югославский историк Ярослав Шидак еще в 1940 г. установил, что богомилы сошли с исторической сцены Боснии и Герцеговины еще до османского завоевания; историк убедился в том, что источники после 1470 г. не содержат никаких свидетельств о богомильской церкви и богомилах[2].

«Классическую» трактовку об османском насилии (насильственном принуждении) и «измене» богомилов христианству решительно отвергают видные современнные исследователи И. Банац, Р. Дониа, Ф. Юниор и др.[3] Американец Файн утверждает: просто не было надобности в

[1] *Sidak J.* Crkva Bosanska i Problem Bogumilstva v Bosni. Zagreb, 1940; *Karpat K.* An Inquary into the Social Foundations of Nationalism in the Ottoman State: from Social Estates to Classes? From Millets to Nations. New Jersey, 1970; *Inalcik H.* The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600. New York, 1973; Bosna-Hersek Bibliografyas? Ankara, 1997. S. XIII.

[2] Новейший обзор литературы вопроса см.: *Malcolm N.* Op. cit. В современной турецкой историографии продолжает господствовать традиционная точка зрения на роль богомилов в исламизации босняков. Об этом свидетельствует, в частности, недавно изданная в Стамбуле библиография работ турецких историков по Боснии и Герцеговине. См.: Bosna-Hersek Bibliyografyas? S. XI. Авторы введения прямо пишут: «Справедливое и благородное правление османов стало причиной того, что боснийские богомилы в массовом порядке приняли ислам». Богомилы, указывается далее в упомянутом введении, были разочарованы в христианстве: «Боснийские богомилы, отвернулись от нетерпимости христианства и примкнули к терпимому исламу». Ibid., S. XIII.

[3] *Banac I.* The Natinal Question in Yugoslavia. Origins. History. Politics. Itthaca; London, 1984; *Donia R. J., Lockwood W. G.* The Bosnian Moslems: Class. Ethnicity, and Political Behavior in a European State // Muslim-Christian Conflicts. 1978. P. 185–207; *Bringa T.* Op. cit. P. 16.

inslav

перемене религии с целью сохранения землевладельцами своей собственности, ибо Османская империя на земельную собственность не покушалась[1].

Тем не менее мифы, связанные с исламизацией, оказались на удивление живучими, став составной частью исторической памяти трёх народов-соседей, пронесших эти мифы через века. Во второй половине XIX в., в пору повсеместного в регионе подъема национализма, они дали новые побеги. Ими подпитывалась новая идеологическая концепция. В ее основе лежало отождествление конфессии с этносом, убежденность в том, что славяне являются христианами от природы, что быть христианами их естественное, самим Богом данное состояние и что отказ от него и переход в другую религию есть не что иное, как предательство славянского племени. В середине XIX в. сей идеологический постулат был развит и дополнен новым конфронтационным тезисом, который гласил: в роковом в сербской истории 1389 г. в сражении на Косовом поле сербам противостояли не только турки-османы, но и славяне-мусульмане. Нелишне отметить, что само превращение катастрофической для сербов битвы на Косовом поле в национальную легенду, в центральный элемент сербской национальной истории также относится к середине XIX в.

Не следует, однако, думать, что сербская народность жила одними только воспоминаниями о случившейся национальной катастрофе и ностальгией по прошлому. Присущие ей энергия и дух предприимчивости позволили ей найти свою нишу в османской системе организации общества. Сербы преуспели. При Мехмед-Паше Секулле (1506–1579 гг.) они добились восстановления Печского патриархата, ставшего центром организации не только духовной, но и социальной и политической жизни.

В отношении церкви и вероисповедания османский режим был сравнительно терпим. От подвластных султану народов османы требовали безусловной покорности, беспрекословного повиновения и, конечно же, исправного внесения дани и выплаты государственных налогов.

Возникновение партикуляристских отношений к Османской империи связано было с поражением империи в войнах с европейскими державами и вынужденным, под давлением тех же держав, началом социальной и политической модернизации Османской империи. Местная мусульманская элита встретила в штыки реформистские устремления Порты. Начался отход боснийского мусульманства от метрополии, что имело определенное значение в осознании им своей этно-национальной идентичности. Процесс многократно ускорился с середины XIX в. в ходе восстаний, вызванных султанскими реформами европейского образца, в частности, восстания под руководством Хусейна Капетана Градешевича, успех которого

[1] *Fine J.* The Bosnian Church: A New Interpretation. A Study of the Bosnian Church and its Place in State and Society from the 13th to the 15th Centuries. New York; London, 1975. P. 382.

inslav

сделал боснийских мусульман на короткий срок полновластными хозяевами своей страны[1].

Указанный процесс размежевания между боснийским мусульманством и империей развивался в условиях углублявшегося отчуждения между консервативной в своих социально-идеологических установках мусульманской общиной Боснии и все более склонявшимся к европейским преобразованиям османским государством; мусульмане продолжали удерживать свои доминирующие позиции. И всеми своими успехами они были обязаны Порте и особому положению страны в системе европейских владений империи, которое было закреплено уже в 1521 г. султанским фирманом о выделении Боснии из состава Румелии в качестве самостоятельного санджака. С тех пор Босния перестала подчиняться румелийскому беглербеку — правителю европейских владений империи, и управлялась непосредственно султаном, имела собственное defterxape (канцелярия, нечто вроде местного правительства). А в 1583 г. статус ее был повышен — Босния стала эялетом. Благами этой своеобразной автономии пользовались в первую очередь мусульмане. Их «естественный» патриотизм, так ярко проявившийся в ходе австро-венгерского вторжения (любовь к родной земле, защита родного очага, веры отцов, чести семьи и т. д.), подкреплялся сугубо прозаическими мотивами. Боснийским мусульманам было, как говорится, за что бороться.

Огромная по территории империя османов, простиравшаяся от Индийского океана до Средиземного моря и Адриатики, отличалась необычайной расовой, языково-этнической пестротой и конфессиональным разнообразием. Ни в одной из крупных стран Европы в описываемое время не было той относительной свободы вероисповедания, которой пользовались порабощенные османами разноязычные народы. Веротерпимость османского образца имела, разумеется, свои особенности. Господствующей в империи была, несомненно, одна религия — ислам, которая являлась государственной религией и формально. Хотя верховный правитель — султан, будучи одновременно халифом, воплощал в своем лице власть светскую и духовную, тем не менее, строго говоря, империя не была по своему устройству теократией. Власть не проявляла особой агрессивности по отношению к другим немусульманским вероучениям. Не отличалась она и миссионерским рвением и не предпринимала чрезмерных усилий к обращению в истинную веру многочисленных «инаковерующих» подданных султана.

Господство государственной религии при этом не обязательно влекло за собой жёсткое подчинение ей других конфессий и церквей. Наоборот, в противоположность религиозной практике европейских государств, неисламские церкви пользовались здесь определенными правами и ограниченной автономией. Католицизм, православие, христианские деномина-

[1] *Babuna A.* Op. cit. S. 24–25.

inslav

ции различного толка, не говоря уже об иудаизме, в османских владениях обладали мерой свободы и самоуправления, достаточной для того, чтобы самостоятельно, без вмешательства со стороны государственной власти организовать свою внутреннюю жизнь. Законы шариата и нормы адата на немусульманских подданных не распространялись. Но зато на них не распространялись права и привилегии, которые имели мусульмане, в том числе и вновь обращенные.

С присоединением Боснии к империи и образованием Боснийского эялета, который практически управлялся самими босняками-мусульманами, для последних открылись невиданные до того возможности и перспективы социальной мобильности в сферах государственного управления и военной службы вплоть до самых высоких ступеней власти. Достаточно сказать, что за все время вхождения в империю Босния дала империи 20 великих везиров[1]. В качестве наместников боснийские паши представляли султана в Сирии, Египте, Йемене, Судане и других подвластных ему странах. Особенно много выходцев из Боснии служило в сопредельной с ней Венгрии, в тех частях этой страны, которые оказались под османским игом. Любопытные подробности деяний босняков в Венгрии приводит в своей монографии крупнейший венгерский тюрколог-ориенталист Лайош Фекете. Поскольку, пишет он, «первыми пашами в Буде были лица балканского происхождения — босняки и другие, — они раздавали посты и привилегии своим родственникам, знакомым, землякам; мухаммеданы, босняки, албанцы, ортодоксальные рацы (православные сербы. — *Е. В.*) на протяжении жизни одного поколения, за несколько лет, изменили социальный состав и структуру всей провинции и создали новое общество, которое обычно называлось турецким миром»[2]. Верой и правдой, не жалея жизни своей, они служили султану на военном поприще. Боснийцы сражались на всех фронтах трех континентов, куда их бросала воля падишаха.

Близость к государственной власти представителей боснийско-мусульманской элиты, их участие в управлении Боснией и Герцеговиной позволило им позаботиться о процветании своей собственной страны.

При Гази Хусрев-беге, наиболее прославленном из правителей вилайета, в Сараево, Мостаре, Травнике было воздвигнуто множество мечетей, мектебов (школ), библиотек, больниц, т. н. «турецких» (общественных) бань, мостов, бассейнов, фонтанов, колодцев, столовых для бедняков и т. д. Самым гениальным его деянием было, пожалуй, создание института *вакуфов*[3], ставшего со временем главным организационным центром про-

[1] *Balić S.* Op. cit. S. 34

[2] Другой венгерский исследователь, Юлиус Немет, подтверждая выводы своего соотечественника, подчеркивает ведущую роль боснийских мусульман в оккупированных областях Венгрии в XV в. См.: *Nemeth J.* Die turkische Sprache in Ungarn im siebzehnten Jahrhundert. Amsterdam, 1970. S. 10–12.

[3] Вакуф — недвижимость, принадлежащая религиозным или благотворительным организациям.

inslav

свещения, культуры и позднее национального движения мусульман в Боснии.

Важные изменения в османский период произошли в языковой сфере. В отличие от своих сербских и хорватских собратьев, язык, которым веками пользовались жители страны, мусульмане называли не сербским, хорватским или сербо-хорватским, а «боснийским», что также должно было подчеркнуть их языковую обособленность. Язык, на котором говорили боснийцы всех трёх вероисповеданий, представлял собой некую причудливую смесь хорватского и сербского диалектов с примесью турецкой лексики и турецких выражений, идиом. Последними преимущественно и чаще всего пользовались, конечно, мусульмане[1]. Многовековое османское присутствие, разнообразные и повседневные тесные контакты боснийских мусульман с османской метрополией и государственными и духовными учреждениями не могли не оказать сильнейшего воздействия на лингвистический процесс.

Процесс обособления языка происходил и по существу, ибо словарный запас боснийских мусульман пополнялся заимствованиями не только из турецкого, но отчасти также из арабского и фарси, являвшимися языками образованности на всем мусульманском Востоке, от Магриба до Индии и Китая. Боснийские интеллектуалы излагали свои сочинения, письма и т. д. на арабском, фарси и турецком языках. Таким образом, разделявшие три народа-этноса конфессиональные различия дополнялись и усиливались языковыми. Тем не менее в XVII–XVIII вв. имели место отдельные попытки устранить этот барьер. Предпринимались они с хорватской стороны, а также боснийскими францисканцами. Хорватские учёные-литераторы П. Витезович в начале XVIII в. и далматинец Андрия Миошич в середине того же века выступили с предложением сделать боснийский язык литературным языком хорватов, имея в виду в перспективе распространить его на всех югославян Боснии, Герцеговины, Хорватии-Славонии, а также южных комитатов Венгрии, которые до конца XVII в. находились под османским господством. Инициативу энергично поддержала католическая церковь в лице хорошо организованного, дисциплинированного и эффективно функционировавшего Ордена францисканцев.

Трезво оценивая силу и влияние боснийского мусульманства во всем регионе, католическая церковь преследовала собственные цели, намеревалась выиграть острое соперничество с ортодоксией, опираясь на эту силу. Орден и монахи-миссионеры много усилий приложили к тому, чтобы сделать боснийский язык «общепонятным и полезным средством коммуникации», ибо без такого средства общения сама церковь не могла рассчитывать на понимание со стороны славянского населения[2].

С середины XVI в. вплоть до самой середины XIX в., т. е. в течение 3-х веков, языком письменности боснийским мусульманам служила архаич-

[1] *Bringa T.* Op. cit. P. XVIII.
[2] *Balić S.* Op. cit. S. 47.

inslav

ная «Bosanica». Переход мусульман Боснии на кириллицу и латиницу начался во 2-й половине XIX в.[1].

Расцвет мусульманской культуры, просвещения и зодчества в Боснии и Герцеговине приходится на период с середины XVI в. до первой половины XVII вв., т. е. с момента, когда после распада королевства Венгрии линия османско-габсбургского военного противостояния откатилась от границ Боснии на север и северо-запад, до возобновления крупных военных действий (повседневные мелкие стычки, не говоря уже о поединках знаменитых богатырей, в счет не шли) на австрийском фронте. Тогда в этой части европейского континента установился своего рода «османский мир», обеспечивший Боснии достаточно длительную передышку, а боснякам возможность резкого повышения своей социальной мобильности и просто обогащения за счет населения оккупированных стран Среднего Подунавья. Доминирующая позиция боснийских славян исламской деноминации (т. е. босняков-мусульман) в подвластных султану землях Венгрии, Хорватии, Венеции, где они держались самоуверенно, вели себя как могущественные господа и полновластные хозяева покоренных земель, как указывают исследователи, имела величайшее значение для духовной жизни балканских славян[2].

На этой почве у части боснийского населения, в первую очередь мусульманского вероисповедания, складывался своеобразный локальный боснийский патриотизм, представлявший собой причудливую комбинацию сугубо местных интересов и представлений с идеями исламского универсализма и османского имперского самосознания. Однако тесная привязанность к исламскому религиозному началу лишила боснийский патриотизм шансов распространиться и на боснийских христиан и обрекла его на самоизоляцию, поскольку ислам накладывал свой отпечаток не только на политические процессы, но и на чисто культурные, придавая им религиозную окраску. Эти негативные явления еще более усугубились в эпоху разложения и упадка османского режима, несмотря на то, что именно в это время произошел разрыв между боснийским локальным патриотизмом, с одной стороны, и имперско-османским, с другой. Более того, с течением времени изменился вектор локального патриотизма. Острием своим он стал разворачиваться против Порты, причем как раз в тот момент, когда последняя начала делать первые робкие шаги в сторону реформ.

[1] *Babuna A.* Op. cit., S. 33.
[2] *Balić S.* Op. cit. S. 48.

inslav

О. В. Соколовская
Институт славяноведения РАН

РОЛЬ ГРЕЧЕСКОЙ КОРОЛЕВЫ ОЛЬГИ В ПЕРЕВОДЕ ЕВАНГЕЛИЯ НА НОВОГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК В 1901 ГОДУ

Как известно, три из четырех Евангелий: Св. Луки, Св. Марка и Св. Иоанна были написаны на койне — языке позднеэллинистической эпохи, а Евангелие Св. Матфея также очень рано перевели на греческий язык. Греческие националисты рассматривали, таким образом, Грецию как единственную хранительницу истинных заветов православной церкви перед лицом остальных единоверных ей христиан и, в частности, ненавистной им «болгарской схизмы»[1].

Однако древний язык Евангелия был труден даже для очень образованных греков[2] и практически недоступен для большинства населения греческого королевства, а значит — для низших чинов греческого войска. Это обстоятельство обратило на себя внимание как частных лиц, так и греческой королевы Ольги, «всегда очень чутко относившейся к потребностям народных классов»[3], т. е. простого человека на Балканах.

Греческая королева Ольга Константиновна Романова (1851–1926), супруга короля эллинов Георга I (1867–1913), урожденная великая княжна, внучка российского императора Николая I и родственница всех трех российских императоров, сменившихся за время ее 50-летнего пребывания в Греции, — Александра II, Александра III и Николая II. Став королевой эллинов в шестнадцатилетнем возрасте в 1867 г., Ольга, по всеобщему признанию, была образцом королевы «по долгу», исключительно верующей, добрейшей женщиной, посвятившей себя полностью воспитанию семерых детей и филантропической деятельности, благодаря которой заслужила уважение греческого народа. Ею построены больницы в Афинах — «Эвангелизмос» — лучшая на Ближнем Востоке, существующая до сих пор, в Пирее — «Русский госпиталь», приюты для бедных и сирот, основана школа сестер милосердия, станция первой медицинской помощи, поднято на новую ступень женское образование. Ольга способствовала лучшим условием торговли греков в России (беспошлинной

[1] АВПРИ. Ф. Политархив 1901. Д. 3532. Л. 160.
[2] *Karólou I. N.* Ολγα, η βασίλισσα των Ελλήνων, Αθήνα, σ. 125–126.
[3] АВПРИ. Ф. Политархив 1901. Д. 3532. Л. 160.

inslav

продаже коринки в России) и т. д. Единственно, что ей не могли простить в греческом обществе, что она, прожив большую часть жизни в Греции и прекрасно владея греческим языком и даже его наречиями, всегда оставалась по духу и по культуре русской и слыла русской патриоткой, чего не хотела отрицать.

Своих детей она воспитывала в очень религиозном духе. Ее глубоким и искренним убеждением, по воспоминанию ее среднего сына принца Николая, был ее «легкий» ответ на все проблемы в жизни «Мы не можем спрашивать о воле Божьей», что помогало ей быть сильной во всех обстоятельствах[1]. Позже, говоря о своих жизненных принципах, она подчеркивала: «Я на политику никогда влияния не имела, не сумела бы иметь и не хочу, у женщины — другие задачи в жизни»[2]. Одной из таких задач стала ее благотворительная и просветительская деятельность.

Российский посланник в Греции в 1901–1902 гг. барон Р. Р. Розен писал: «Она была добрейшей женщиной и полностью посвятила себя всем видам благотворительной деятельности и особенно уходу за больными и ранеными. Во время греко-турецкой войны 1897 г. она ежедневно посещала военные госпитали, пытаясь читать молитвы раненым солдатам, и обратила внимание на то, что язык Святых писаний ...был почти непонятен людям»[3]. Как человек деятельный, королева Ольга, получив устное одобрение Афинского митрополита Прокопия, поручила своему личному секретарю Иулии Сомаки, племяннице профессора Пантаксиди, сделать перевод Евангелия. Законченный уже в декабре 1898 г., перевод был сделан на некой смеси народного языка «демотики» и литературного, и отдан на одобрение православной церкви и на факультет богословия Афинского университета[4]. Дополнительную редакцию Ольга поручила сделать специально созданному для этой цели комитету, куда вошли митрополит Афинский Прокопий Икономидис и два профессора университета — Пантаксидис и Пападопулос.

Константинопольская патриархия в это время одобрила перевод отрывков из Евангелия, сделанный религиозным обществом «Анапласис», и знавшая об этом королева Ольга не сомневалась в том, что и ее перевод также будет одобрен. Однако с конца 1899 г. Синод дважды сообщил королеве, что никогда не одобрит перевод Евангелия «на вульгарный язык низов»[5]. Ответы Синода не укротили решимость Ольги, т. к. она считала их недоразумением. Королева с присущим ей «своеобразным упрямством»,

[1] Nicholas of Greece. My Fifty Years. L., 1926. P. 14.

[2] ГАРФ. Ф. 686. Оп. 1. Д. 94. Письмо Ольги Константиновны Романовой — М. С. Рощаковскому, 11 октября 1917 г.

[3] Baron *Rozen R.* Forty Years of Diplomacy. N. Y. V. 1. P. 183.

[4] *Carabott Philip.* Politics, Orthodoxy and the Language Question in Greece. The Gospel Riots of November 1901 // Journal of Mediterranean Studies. 1993. Vol. 3. N 1. P. 123; Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Νεώτερος Ελληνισμός απο 1881–1913, σ. 174–175.

[5] *Carabott Ph.* Op. cit. P. 124.

inslav

по выражению очевидца событий историка Маркезиниса, которое он считал свойством, как правило, характерным для людей высокого положения, не понимала, что она должна в какой-то момент подчиниться[1]. Ольга упорно продолжала свое дело, имея устное разрешение Прокопия и получив вынужденное согласие правительства[2].

Книга была готова к 1900 г. и состояла из оригинального текста Евангелия, его перевода, а также предисловия, написанного самой королевой. В начале февраля 1901 г. большая часть тиража поступила в продажу для населения по самой низкой цене в одну драхму, а часть тиража Ольга планировала раздать в войсках бесплатно. Через два месяца почти все издание было распродано, и Ольга подумывала о дополнительном тираже или даже новой редакции. Отзывы, присланные Ольге, оказались самыми разными — от поздравлений и поддержки до крайнего возмущения[3]. В связи с этим до сих пор историки спорят, был ли все-таки перевод королевы одобрен общественным мнением или нет, и единого мнения пока не существует. Дело в том, что развернувшаяся в Афинах дискуссия по поводу правомерности перевода Евангелия была лишь частью «языкового вопроса», чрезвычайно острого в Греции в XIX и начале XX в. Сразу после создания новогреческого государства в 1830 г. встал вопрос о едином языке для управления и объединения нации, но даже к началу XX в. общего языка все еще не сложилось. Разница между языком образованной части греков, на котором велось все делопроизводство, обучение, печатались газеты и книги, и языком большинства малограмотного греческого населения была огромна. С начала века существовало движение за демократизацию греческого языка и признание норм новогреческого языка — «демотики» как языка греческой нации (т. н. «демотикисты» или «психаристы», названные по имени наиболее яркого представителя движения Психариса). В основном ими являлись «новые греки», разбогатевшие благодаря социальным и экономическим изменениям в новогреческом государстве, и представители многочисленной греческой диаспоры, составившие капиталы со времен Крымской войны. Они считали, что застывший язык только тормозит развитие страны, придерживались великодержавной греческой доктрины панэллинизма, т. е. создания греческого государства в рамках Византии, и нуждались в поддержке широких слоев населения в Греции.

В свою очередь, наиболее консервативно настроенные представители образованной части греческого общества (пуристы) являлись по сути такими же националистами, как и их оппоненты, считали смертельным для греческой нации грехом что-либо менять в языке в то время, когда Россия и панславизм, как они писали, оказывали сопротивление эллинизму в Ма-

[1] Μαρκεζίνης Σ. Πολιτική ιστορία της νεώτερας Ελλάδας, 1828–1964, v. 11, Αθήνα, 1966. P. 372.

[2] *Carabott Ph.* Op. cit. P. 124–125.

[3] *Augustinos Gerasimos.* Consciousness and History: National Critics of Greek Society. 1897–1914. N. Y., 1977. P. 31–32.

inslav

кедонии[1] и не видели необходимости для перемен, а тем более нужды в переводе Евангелия, язык которого близок литературному языку и понятен им. Они наивно полагали, что перевод приведет к потере Македонии, так как говорящие на болгарском языке крестьяне немедленно потребуют перевода на болгарский и, таким образом, единственная связь их с греческой церковью порвется. Они умышленно игнорировали факт, что уже существовал, например, перевод Евангелия на болгарский язык[2]. Пуристы призывали бороться с теми, кто «совершает преступление против эллинизма и дискредитирует язык, на котором говорил Святой дух, а также дух эллинский»[3].

Одновременно наиболее прогрессивная афинская газета «Акрополис», разделявшая взгляды демотикистов, сообщила читателям, что в продолжение дела греческой королевы также будет печатать на станицах газеты свой перевод Нового Завета. Перевод этот был сделан по инициативе и на средства одного из проживавших в Лондоне богатых греков Александроса Паллиса, активного сторонника демократизации языка, и представлял собой образец еще более упрощенного народного языка.

Этот перевод вызвал гнев наиболее образованной части общества — студентов и профессоров богословского факультета Афинского университета, Константинопольской патриархии, оппозиционных партий, во главе которых стояли пуристы, и многих других организаций, вдохновляемых Синодом. Все они посчитали перевод вульгарным, антинациональным и антирелигиозным, усмотрели в этом деградацию и унижение греческого языка, нации и настоящего духа и значения Евангелия. Паллиса назвали предателем, человеком без родины, агентом панславизма и т. д.[4].

Все эти обстоятельства в октябре-ноябре 1901 г. стали причиной оживленной и даже страстной полемики между афинскими газетами, профессурой и политиками о допустимости перевода Евангелия на новогреческий язык. Большая часть прессы выражала мнение, что переводы нарушают чистоту первоначального евангелического текста.

Агитация против переводов Святого Евангелия как королевой Ольгой, так и Паллисом вызвала в Афинах 5–8 ноября 1901 года крупные уличные беспорядки, в которых, по разным источникам, приняло участие от 25 до 50 тыс. человек, т. е. чуть меньше половины тогдашнего населения Афин[5]. Главными действующими лицами были студенты университета, находившиеся под влиянием отчасти профессоров богословского факультета, отчасти же некоторых лиц политического мира с министром исповеданий и народного просвещения Статисом во главе[6].

Как и любой другой вопрос в Греции, религиозный или философский, вопрос о переводе Евангелия королевой Ольгой моментально принял по-

[1] *Carabott P.* H. Op. cit. P. 120.
[2] *Augustinos G.* Op. cit. P. 31.
[3] Ibid. P. 121.
[4] *Carabott Ph.* Op. cit. P. 126.
[5] Ibid. P. 117.
[6] АВПРИ. Ф. Политархив 1901. Д. 3532. Л. 162. Обзор афинской прессы за 1901 г.

inslav

литический характер. Националистически настроенная оппозиция во главе с Делияннисом воспользовалась ситуацией, чтобы выступить против первого кабинета премьера Теотокиса, последователя реформатора Х. Трикуписа. Розен передавал, что, как и ранее, «греческие политиканы усмотрели и в этом славянскую интригу, происки ненавистного им панславизма, стремящегося внести некоторые согласные с особенностями славянского текста изменения в греческом Евангелии»[1]. Оппозиция усмотрела в деле перевода руку России, которая якобы стремилась отрешить греческую церковь от главного ее достояния — оригинала Нового Завета. Покровительство, оказываемое Россией славянам Балканского полуострова, и помощь в освобождении их от мусульманского ига вызывала раздражение и настойчиво называлась в Греции панславизмом. Вскоре стало ясно, что осуждение перевода Ольги было связано не столько с религиозными, сколько с политическими причинами — ее обвинили в поддержке панславизма, враждебного «законным притязаниям греков в Македонии». Причем сам перевод не получил никаких конкретных лигвистических замечаний, что объяснялось лишь антидинастическими и антиправительственными выпадами; при этом имя королевы Ольги впрямую ни разу не упоминалось.

На следующий день к студентам присоединились и другие слои населения, закрылись магазины и фабрики, народное волнение приняло еще больший размах и оказалось перенесенным на площадь Конституции к королевскому дворцу и направлено теперь главным образом против королевы Ольги, панславизма и афинского митрополита.

Суматохой умело воспользовались, как сообщают наиболее авторитетные греческие историки в «Истории Греческой нации», германские агенты и супруга наследника греческого престола принца Константина — принцесса София, сестра Вильгельма II, которые способствовали распространению антирусских слухов, дабы усилить германское влияние в Греции[2]. Действительно, толпа вскоре уже скандировала «Долой Ольгу!» «Долой Россию!!», но «Да здравствует король!». Парадокс заключался в том, что Георг I был лютеранином, хотя и уважительно относился к православию[3]. Ольга, несмотря на возбуждение толпы, как вспоминает Розен, ежедневно в своем открытом ландо, в сопровождении только одной фрейлины, совершала поездку в Русский госпиталь в Пирее, и ей приходилось проезжать через ревущую толпу. Однако при виде ее толпа «замолкала и, глядя с уважением, расступалась»[4].

На третий день манифестаций 7 ноября 1901 г. мнение консервативно настроенных профессоров богословского факультета (пуристов) обсуждалось на заседании Афинского Синода, имевшего также письмо от Константинопольского патриарха, высказывавшегося против перевода. Как

[1] АВПР. Ф. Политархив 1901. Д. 3532. Л. 160.
[2] Ιστορία του Ελληνικού Εθνους. P. 176–177.
[3] Prince Michael of Greece, Alan Palmer. The Royal House of Greece. L. P. 15.
[4] *Baron R. Rozen*. Op. cit. P. 184.

inslav

известно, первые переводы Евангелия появились еще в XI в. и к началу XIX в. их насчитывалось более 25. Сделанные православными священниками или монахами, некоторые из них были одобрены константинопольскими патриархами. После же создания новогреческого государства появилось множество переводов, сплошь сделанных и оплаченных различными обществами протестантов и кальвинистов и представлявших, в отличие от более древних переводов, настоящую угрозу для православия. Церковь вынуждена была в 1836 и 1839 годах опубликовать энциклики, которые запрещали впредь все попытки переводов, дабы прекратить миссионерскую деятельность различных сект на Востоке и в новогреческом государстве. Греческий Синод, в соответствие с энцикликами, также запретил все переводы на вульгарные наречия.

Однако раззадоренные студенты и толпа не разошлись даже после этого. Во время тысячной манифестации неподалеку от королевского сада у древних колонн храма Юпитера собравшиеся вновь требовали отлучения от церкви виновных и вымазали грязью портрет Афинского митрополита Прокопия, обвиненного в слабости и попустительстве переводу королевы Ольги. Митрополит, воспитанник Киевской духовной академии, всегда сохранявший симпатии к России, был другом греческой королевы, в чем и заключалась для манифестантов его вина. Будучи человеком безупречной честности, Прокопий не вынес такого потрясения, удалился от дел, заболел и скончался весной 1902 г.

По приказанию городского начальства в дело вмешались войска, которым не удалось остановить шествие. Барон Р. Р. Розен доносил из Афин: «Хотя войска вообще очень плохо дисциплинированы и не выказывали никакой охоты действовать против толпы, но... поощряемые окриками и сабельными ударами плашмя своих офицеров, пехота дала несколько залпов (впрочем, холостыми патронами), а кавалерия ходила неоднократно в атаку». В ответ на это войска осыпали градом камней и осколков бутылок, причем некоторые из толпы пустили в ход револьверы. В результате перестрелки погибло 8 молодых людей и 60 человек получили ранения. Список убитых, в качестве народных жертв, тотчас же опубликовали все афинские газеты[1]. На следующий день вновь прошли бурные манифестации, и из Пирея был вызван наиболее дисциплинированный десант с греческих судов, который занял все подступы к дворцу и таким образом остановил дальнейшее кровопролитие. Покушению подвергся также премьер-министр Теотокис, «который вышел, однако, невредим из-под осыпавших его экипаж пуль и камней»[2]. Однако его кабинет немедленно ушел в отставку.

Волнение не прекращалось вплоть до середины декабря под предлогом недостаточности принятых гражданскими и духовными властями наказаний для виновников «профанации Евангелия». Но большинство профессуры и студентов выступили против «непримиримых», считая, что

[1] *Miller F.* History of the Greek People. P. 115–116.
[2] АВПР. Ф. Политархив 1901. Д. 3532. Л. 161–162.

inslav

«вопрос о переводе Св. Евангелия решен уже правительством в смысле, согласном с национальными чувствами, и что дальнейшая агитация по этому поводу может сделаться опасною для истинных интересов эллинизма»[1].

Спустя две недели после событий королева эллинов, огорченная случившимся, в то же время заявила российскому посланнику, что она остается при своем мнении, т. к. первое пробное издание перевода Евангелия разошлось полностью, что, по ее мнению, «служило лучшим доказательством действительной надобности населения в общепонятном тексте Св. Евангелия»[2].

Инициатива королевы Ольги нашла отклик в России среди ее друзей славянофилов и старокатоликов. Генерал А. А. Киреев, бывший наставником королевы во времена ее юности и ее другом, писал Ольге: «С чувством глубокой скорби прочел весть о невероятных событиях, произошедших в Афинах, и чем подробнее я знакомился с делом, тем все более росло у меня негодование против тех из Ваших подданных, которые помешали Вам осуществить прекрасное Ваше намерение, достойное истинной христианки и истинной королевы, но и против тех малодушных, которые не заступились ни за дело, ни за Вас». Рассуждая о случившемся, он восклицал: «Что делать?! Для теперешнего поколения вопросы религиозные играют лишь второстепенную роль. ...Политика — вот α и ω всего! ...Да и религия наша, церковь во многом потеряла свой прежний облик и приняла облик римский. ...Вот почему Константинопольский владыка так трусливо промолчал! Он, и как греческий патриарх, наследник сочинителей окружных посланий, и как политик не сочувствовал Вашему делу!» Многочисленные друзья Ольги в России просили Киреева выразить ей солидарность и сожаление, что она осталась непонятой греческим народом. Киреев писал также: «Как жаль, что письма Ваши (говорю о тоне, в котором Вы описываете афинские события) не могут быть напечатаны! Там так ярко отражается Ваша чистая, кристаллическая душа. Справедливо сказал Вам один из сыновей: ничто хорошее, совершаемое на земле, не обходится без страдания! Так и Вам пришлось пострадать за правду Христову!..» В ответном письме Кирееву от 12/25 января 1902 г. Ольга благодарила всех за слова утешения и писала: «Я думаю, что у меня никогда в жизни не было более горького разочарования — я предвидела столько хорошего от этого перевода, так невыразимо радовалась, что каждый простой человек будет понимать учение Христа... Евангелие на церковно-греческом языке, которое народ не понимает, обратилось в национальное знамя, в один лишь символ народного единения, а суть учения Спасителя остается мертвой буквой для народа... У нас на Востоке невежество к религии и равнодушие к ней приняли колоссальные размеры... Чем же бороться против этого, если не распространением Евангелия на понятном для простого народа языке: чем же современный греческий язык, на кото-

[1] АВПР. Ф. Политархив 1901. Д. 3532. Л. 201.
[2] Там же. Л. 162.

inslav

ром все мы говорим и пишем, хуже всякого другого наречия на белом свете, отчего он единственный не в состоянии выразить смысл Христова учения! Вот что хочется спросить у Патриарха и Синода! Как ни прискорбно различие мнений в церкви, но в данном случае не могу не сказать слава Богу, что есть много архиереев и священников (например, на Крите почти все), находящих, что перевод Нового Завета на более доступный народу язык не только полезен, но даже необходим. ...Под влиянием отца моего я с самого детства привыкла видеть в Православии соединяющее звено всех народностей Востока...»[1]

Обсуждение вопроса об официальном языке и связанного с ним вопроса о переводе Евангелия на более понятное наречие был вновь поднят в 1911 г. во время обсуждения новой конституции Греции после прихода к власти правительства реформаторов-либералов во главе с Э. Венизелосом, стремившихся перевести развитие страны на современные рельсы. Однако «народные страсти разыгрались в такой степени, — передавал российский посланник, — что если бы Венизелос, не находивший нужды в прибавлении к конституции специальной статьи, гарантирующей чистоту языка, не уступил общественному мнению и большинству в Палате, то дело могло бы разрастись до грандиозных размеров и дойти, пожалуй, до кровопролития, как это случилось в 1901 г. по поводу предпринятого, по почину ее величества королевы эллинов, перевода Евангелия». Парламент подавляющим большинством принял две статьи, гласящие, что официальным признается язык, на котором написана конституция, и что текст Евангелия объявляется не подлежащим изменениям, а перевод его на всякое другое наречие без предварительного разрешения эллинского синода также строго воспрещается. Хотя главный реформатор Греции Э. Венизелос оказался в меньшинстве, порядок в столице был сохранен[2].

Сегодня Греция говорит и пишет на едином новогреческом языке — «демотике», но текст Евангелия и службы ведутся по-прежнему на древнем наречии, приятном для слуха, но малопонятном по содержанию для большинства греческого народа. Однако неординарный поступок королевы эллинов — ее попытка позаботиться о душе каждого простого человека, хотя и оказалась неудачной и привела к кровопролитию, не забыт. События 1901 г., в которых искренняя вера и альтруизм греческой королевы Ольги тесно переплелись с «языковой проблемой» и политическими интригами, стали достоянием истории и вошли в нее под названием «Эвангельяка» — «Евангелического конфликта», и являются предметом научного исследования до сих пор. Данная небольшая статья добавила лишь некоторые существенные факты в эту поучительную, но грустную историю.

[1] *Соколовская О. В., Чуркина И. В.* Переписка греческой королевы Ольги Константиновны Романовой с генералом А. А. Киреевым // Славяноведение. М., 1996. № 4.

[2] АВПР. Ф. Политархив 1911. Д. 328. Л. 27.

inslav

Р. П. Гришина
Институт славяноведения РАН

МУСУЛЬМАНСКОЕ МЕНЬШИНСТВО В БОЛГАРИИ: НОРМЫ ПРАВА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Если главной, константной для Болгарии конца XIX и всего XX века была проблема национального объединения «болгарского племени», то своеобразным сопряжением с нею в плане строения государственно-политической и общественной жизни страны являлась по-своему сложная, мусульманская проблема, касавшаяся этнических турок, болгар-мусульман (болгар по происхождению и языку, принявших ислам), татар, цыган и некоторых других, их положения в обществе, их взаимодействия с основным коренным населением и характера этого общения.

Согласно переписи населения 1926 г., титульный этнос — болгары составляли 81,3% из 5479 тысяч человек — общей численности жителей страны. В специально при опросе выделенной графе «мусульмане» было показано 14,4% населения (790 тыс.); они и обозначили основную меньшинственную группу в стране. При этом 76,5% мусульман родным языком назвали турецкий; более 100 тысяч человек из 790 тысяч мусульман указали в качестве родного болгарский язык[1]. Кстати, перепись зафиксировала и другого рода своеобразие: 3788 человек, исповедовавших православие, родным языком назвали турецкий.

Исходной точкой формирования этой этнографической картины стало Освобождение Болгарии в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда, словно в перевернутых песочных часах, подневольное до тех пор болгарское население получало возможность стать хозяином положения, а господствовавшие до тех пор турки, потеряв разом все льготы и привилегии, оказались в совершенно новой и неблагоприятной для себя ситуации.

Условия создания в последней четверти XIX в. нового славянского государства — Болгарского на освобожденной из-под власти турецкого султана территории имели ряд особенностей. Большое значение приобретал тот факт, что освобождение произошло в общем сверху — вме-

[1] Общи резултати от преброяване на населението в Царство България на 31 декември 1926 г. Кн. 1. София, 1931. С. 190–191.

inslav

шательством России извне, хотя и при активной поддержке снизу — со стороны болгарского народа и некоторых его организаций. Но болгарская проблема была только частью сложного международного Восточного вопроса, в разрешении которого стремились участвовать все крупные европейские государства, причем таким образом, чтобы одновременно не позволить России, вышедшей победительницей в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., «хотеть слишком многого» и диктовать свою волю. Отсюда, естественно, на определении принципов государственного устройства Княжества Болгария сказалось влияние как российских политических установлений, так и европейских общественных идей, порожденных революциями середины XIX в. В частности, это относится к вопросам гражданских прав разных категорий населения Княжества Болгария.

Так, уже в статутах Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора от 3 марта 1878 г., явившегося как бы заявкой России на ее видение решения восточного вопроса, от будущих болгарских властей требовалось «в местностях, где болгарское население перемешано с турецким, греческим, валашским и другими, [...] обратить должное внимание на права и потребности этих народностей»[1]. В последовавшем за ним Берлинском трактате от 1 июля 1878 г., который в целом существенно преобразил балканские начертания России, эти положения были не только подтверждены, но и развивались далее: «Различие в религиозных верованиях и исповеданиях, — говорилось в Трактате, — не может служить поводом к исключению кого-либо или непризнанию за кем-либо правоспособности во всем том, что относится до пользования правами гражданскими и политическими, доступа к публичным должностям, служебным занятиям и отличиям или до отправления различных свободнях занятий, ремесел в какой бы то местности ни было»[2].

Этот общий принцип формировавшаяся болгарская политическая элита продекларировала, в некоторой степени конкретизировав его, в Конституции Княжества Болгария 1879 г. В ней было заявлено, что господствующей верой в Княжестве Болгария является православие восточного исповедания, но что иноверцы обладают свободой отправления своих религиозных обрядов; что все болгарские подданные располагают равными правами перед законом; что каждый подданный обязан пройти военную службу, определенную специальным законом; что начальное образование является бесплатным и обязательным для всех подданных.

Но насколько этот общий принцип, каким бы демократическим он ни выглядел, был применим в то время к данной части Юго-Восточной Европы? Реально ли было благополучное сосуществование в рамках европейских цивилизационных подходов, к которым и западные-то европейцы тогда еще не привыкли, двух разных по ментальности народов, исповедовавших непримиримые в средневековом понимании религии и, главное,

[1] Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг. М., 1952. С. 164.

[2] Там же.

inslav

традиционно идентифицировавших себя именно по религиозному признаку? «Принадлежность к разным религиям, — пишет российский этнолог Л. В. Маркова, — проводила резкую грань между людьми одного происхождения»[1]; руководство восточно-православной церкви, продолжает она, считало грехом общение с иноверцами, чтение их книг; что же касается болгар, принявших ислам, то, по тогдашним представлениям, они уже и болгарами не считались[2].

Приведу также важное наблюдение российской исследовательницы И. Ф. Макаровой: еще в XV веке, отмечает она, в Турции была установлена конфессионально-юридическая автономия для иноверных подданных султана, так что вмешательство мусульманских властей в область семейно-брачных и наследственных отношений иноверцев было практически исключено. Эти обстоятельства не могли не способствовать консервации этнокультурного облика болгар, сохранению ими своей самобытности; происходило, заключает И. Ф. Макарова, максимальное ограничение прямых соприкосновений преобладающей части болгарского населения с османскими властями[3].

Учитывая этот специфический историко-генетический фон, нетрудно понять, в сколь сложный казус превращалась проблема нормального гражданского сосуществования столь разных категорий населения в границах Княжества Болгария, насколько были предварительно запрограммированы непонимание и враждебность между ними.

Если определенная закрытость болгарской общности в Султанате тормозила процесс эрозии ее народной культуры, то подобная ситуация зеркально отразилась на стандарте поведения мусульманского населения в Княжестве Болгария, вернее, той его части, которая осталась жить в новом для себя государстве[4]. Стремлению мусульманской общности, включая болгар-магометан, к закрытости, к уходу в себя, к сохранению высокой разделительной стены между собой и православными, да и с болгарами вообще, способствовало отсутствие в течение полутора десятков лет после принятия Конституции, пока организовывались новые государственные структуры, юридических актов, которые более конкретно определили бы ее правовое положение.

Первый такой документ появился в самом конце XIX в., в сентябре 1895 г. Это были «Временные правила духовного управления мусульма-

---

[1] *Маркова Л. В.* Болгары-мусульмане (помаки) // Этнические меньшинства в современной Европе. М., 1997. С. 45.

[2] Там же.

[3] *Макарова И. Ф.* Вселенская церковь и проблема этнической консолидации болгар в XV–XVI вв. // Церковь в истории славянских народов. М., 1997. С. 19–20.

[4] Значительная часть мусульманского населения покинула пределы Болгарии. В болгарской исторической литературе указывается, что после Освобождения из страны уехало около 150 тыс. человек, а до начала 1-й Балканской войны 1912–1913 гг. — еще примерно 250–300 тысяч.

inslav

нами»[1] — своего рода кодекс внутреннего устройства мусульманского меньшинства в Болгарии и его взаимоотношений с органами официальной власти. Правила четко определяли духовную мусульманскую иерархию, вершиной которой был Главный муфтий (что характерно, *назначавшийся указом Князя*). Среднее звено иерархии составляли окружные муфтии, низшее — муфтийские наместники. Число тех и других *определялось Министерством иностранных дел и исповеданий* (МИДиИ). Окружные муфтии избирались «мусульманами, имеющими избирательные права» (цыгане, например, были их лишены согласно шариату), причем результаты выборов подлежали утверждению тем же Министерством. Муфтийские наместники же просто назначались министерским приказом по представлению соответствующих муфтий и «под их ответственность».

Таким образом, при свободе отправления своих религиозных служб мусульманское население не только официально подвергалось организации, но и вплеталось в административно-государственную систему Болгарии. Это становилось тем очевиднее, что, согласно ст. 8 Временных правил, оплата труда всей муфтийской иерархии определялась МИДиИ православного государства, а сами муфтии после решения о их назначении должны были вносить 500 левов в качестве гарантии. В документе указывались, кроме того, правила сношений муфтий с МИДиИ, окружными и околийскими административными властями, а также между собой.

На местном уровне мусульманское население должно было быть организовано в общины, избиравшие свое руководство (настоятельства) для управления мечетями, медресе и другими богоугодными и благотворительными заведениями. Характерно, что в случае злоупотребления доходами от духовного имущества виновные подвергались судебному преследованию не по шариату, а «на общих основаниях». Не менее характерно, что полностью свободными в распоряжении духовным имуществом настоятельства не были: для таких действий, как купля-продажа, обмен и т. п., следовало иметь разрешение надзирающего МИДиИ.

За столь очевидным стремлением Болгарского государства контролировать деятельность муфтийской иерархии и даже назначать ее главу напряженно и с неудовольствием следили в Турции. В сложной балканской ситуации 1908–1909 гг. Турции удалось добиться немалых уступок в свою пользу: в апреле 1909 г. между Болгарией, объявившей себя к тому времени Царством, и Турцией, где происходила «младотурецкая революция», было заключено «Соглашение по муфтийскому вопросу»[2].

Уступки состояли в том, что Соглашением отменялось назначение Главного муфтия посредством царского указа: теперь он должен был *выбираться* муфтиями из их среды. Более того, о результатах выборов

[1] *Георгиев В., Трифонов Ст.* История на българите 1878–1944 гг. в документи. Т. 1. Ч. 1. София, 1994. С. 216–219.

[2] Там же. С. 223–224.

inslav

Шейх-Уль-Ислам — глава турецких мусульман — должен был уведомляться *по официальной дипломатической линии между двумя государствами*; он же затем направлял Главному муфтию Болгарии документы о признании его полномочий. Иными словами, Главный муфтий Болгарии из подчинения главе Болгарского государства переходил в подчинение главе турецкой церкви.

В Соглашении, кроме того, предусматривалось расширение функций как Главного, так и нижестоящих муфтий. Существенным добавлением в документе 1909 г. был пассаж о необходимости предусматривать в государственном бюджете Болгарии, «как это было до сих пор, достаточную сумму для поддержки и управления мусульманскими школами и мечетями в Болгарии».

Улучшению отношений между Болгарией и Турцией подобное соглашение вряд ли могло способствовать. Улучшению взаимоотношений между болгарской администрацией и мусульманской иерархией тоже. Не удивительно поэтому, что как только в результате разгрома Турции в 1-й Балканской войне 1912–1913 гг. международная обстановка в очередной раз изменилась, болгарские власти постарались отыграть ситуацию назад, причем с помощью поддержанного Синодом своеобразного и весьма рискованного с точки зрения законности шага, предприняв в отторгнутых у Турции «новых землях» в Пиринском крае и Родопах, где жили главным образом болгары-магометане, кампанию по насильственному обращению местного населения в христианство. Акция не была продолжительной, ее остановили события 2-й Балканской войны 1913 г.[1], принесшей Болгарии поражение, а Турции, успевшей присоединиться к победителям, успех. По мнению российской исследовательницы Л. И. Жилы, с осени 1912 г. по весну 1913 г. около 150 тысяч мусульман Родоп и Пиринского края вынуждены были отречься от своей веры[2].

Условия Цареградского (Константинопольского) мирного договора 1913 г.[3], который Болгарии пришлось заключить с Турцией, были тяжелыми. Турки мстили жестоко. Примечательна в этом отношении ст. 5 Договора, звучавшая в адрес болгарских властей весьма безапелляционно: «Хюджеты и решения, — говорилось в ней, — утвержденные Главным муфтием и *санкционированные Шейх-Уль-Исламом, должны исполняться надлежащими болгарскими властями* [курсив мой. — *Р. Г.*].

[1] *Манчев Кр.* Националният въпрос на Балканите. София, 1995. С. 267.

[2] *Жила Л. И.* Конфессии и формирование болгарской нации // Роль религии в формировании наций. М., 1999. С. 242.

[3] Цариградски договор между България и Турция за полюбовното уреждане върху една трайна база редът на нещата, създаден след станалите събития подир сключването на Лондонския договор и установяването отношения на приятелство и добро съседство // Кесяков Б. Д. Принос към дипломатическата история на България. 1878–1925. София, 1925. С. 60–67.

8 Зак. 3317

Inslav

В этом случае хюджеты и решения сопровождаются переводом на болгарский язык». Что означало, что в других случаях исходящие из мусульманской иерархии документы на язык титульной нации не должны были переводиться и, подразумевалось, должны были оставаться вне внимания болгарской администрации.

Согласно Договору, Болгария вынуждена была признать ряд новых положений относительно муфтийства, в том числе в сторону расширения самостоятельности муфтий при обязательстве Болгарского государства финансово содержать всю муфтийскую иерархию. Значительная часть последней должна была обладать всеми правами болгарского чиновничества.

Правительство Болгарии обязывалось также учредить за свой счет начальные и средние мусульманские школы в пропорции, установленной Законом о народном просвещении. Обучение в них должно было вестись на турецком языке, но в соответствии с официально утвержденной школьной программой и при обязательном преподавании болгарского языка. Содержание учителей мусульманских школ устанавливалось за счет болгарской казны, наравне с учителями болгарских учреждений. Договором определялись, кроме того, строгие меры в отношении вакуфного имущества, которое никоим образом не могло быть отчуждено; для исключительных случаев предусматривалась полная предварительная компенсация.

Эти унизительные для суверенного государства условия болгарские власти постарались элиминировать, когда в 1919 г. маятник болгаро-турецких отношений перестал делать резкие колебания то в одну, то в другую сторону и остановился на нулевой отметке. В ситуации, когда по завершении Первой мировой войны и Болгария, и Турция оказались в стане побежденных, т. е. в равном положении по отношению друг к другу, болгарские политики предприняли своего рода атаку, чтобы сбросить прежние дискриминационные обязательства и самостоятельно, без давления со стороны Турции, определить правовое положение мусульман в своей стране, закрепив его в специальном документе.

Действительно, в июне 1919 г. в официальном органе «Държавен вестник» (№ 65) поспешно — без какого-либо парламентского обсуждения и лишь как административный документ — был опубликован «Устав духовного устройства и управления мусульманами в Царстве Болгария». Устав вводился вместо «Временных правил 1895 г.», то есть минуя условия прежних двусторонних болгаро-турецких соглашений (хотя некоторые их нормы были учтены) и демонстрируя преемственность в первую очередь именно с внутриболгарскими «Временными правилами».

Одновременно «Устав духовного устройства и управления мусульманами в Царстве Болгария» уже одним своим названием должен был вызывать ассоциации с принципом защиты меньшинств по языку, расе и религии, который наряду с другими принципами демократического устройства будущего мира активно популяризировался в то время западноевропейскими политиками, занятыми подготовкой Парижской мирной конферен-

inslav

ции и выработкой параграфов будущих мирных договоров. Как известно, разделы о защите меньшинств представители западноевропейских держав, по-своему перекраивавшие карту Восточной и Юго-Восточной Европы, потребовали внести в обязательном порядке в мирные договора всех «новых» государств этого региона. При этом речь не шла о какой-либо автономии в пользу того или иного меньшинства, а тем более о создании условий для провоцирования сепаратистских настроений. Ж. Клемансо, например, согласно замечанию болгарского историка Кр. Манчева, вообще полагал, что в перспективе меньшинства подлежат исчезновению и постепенному смыканию с большинством[1], хотя, разумеется, в текстах мирных договоров об этом не говорилось.

Следует отметить, что фактически принудительное включение в мирные договора «новых государств» разделов о защите меньшинств вызвало негодование со стороны польских, чешских, югославянских политических деятелей, считавших это вмешательством во внутренние дела своих стран. Болгарские же политики, учитывая, с одной стороны, доминировавшую в подготовительных комитетах Парижской мирной конференции атмосферу демократических лозунгов и жестов, при нескрываемой жесткости, с другой стороны, отношения победителей к Болгарии, возможно, для смягчения позиции западных держав к своей стране рассчитывали использовать «Устав» как документальное свидетельство согласия Болгарии с принципом защиты меньшинств. С той же целью в состав болгарской делегации, направлявшейся в Париж, были включены, как вспоминал К. Муравиев, два представителя этнических, а точнее — иноверских, меньшинств — турецкого и еврейского. «Их приглашение, — писал К. Муравиев, — было хорошей идеей, так как сейчас, когда нас обвиняют в бесчеловечном отношении к иностранцам, свидетельство этих людей будет полезно»[2].

Как бы то ни было, в июне 1919 г. «Устав духовного устройства и управления мусульманами в Царстве Болгария» появился на свет. Что же было характерными особенностями этого обширного документа, состоявшего из 9 разделов и почти 200 параграфов?

Во-первых, само официальное признание наличия в Болгарии мусульманского меньшинства. При этом какое-либо разграничение на болгар-магометан и турок отсутствовало.

Во-вторых, признание юридическим лицом низовой мусульманской общины (условия ее образования специально оговаривались в «Уставе») и всех следующих по вертикали структур мусульманской иерархии, благодаря чему производилась, при учете мусульманских традиций и установлений шариата, горизонтальная и вертикальная организация всего мусульманского населения и включение его как такового в государственную и общественную систему Болгарии. «Ни один мусульманин, — гласи-

[1] *Манчев Кр.* Указ. соч. С. 226–227.

[2] *Муравиев К.* Договорът за мир в Ньой. София, 1992. С. 143.

inslav

ла ст. 2 Устава, — по религиозным убеждениям не может отказаться от исполнения действующих и обязательных для всех законов, равно как и от предписаний настоящего Устава».

Во избежание кривотолков Устав четко определял положение мусульманского населения, которое в религиозно-административном и судебном отношениях объявлялось находящимся под управлением Главного муфтийства, всей муфтийской иерархии и духовных судов, а параллельно — и под верховным надзором Министерства иностранных дел и исповеданий; в финансовом же отношении — еще и под контролем Министерства финансов и Верховной счетной палаты (ст. 3 и 4).

Таким образом, болгарская администрация связывала деятельность самого института муфтийства с ответственностью перед Болгарским государством. Рядом мер духовные руководители мусульман достаточно жестко включались в систему болгарского государственного аппарата, неся ответственность в качестве *государственных чиновников* перед МИДиИ и перед Министерством финансов, а также перед Верховной счетной палатой, на службе которых они фактически находились и откуда получали жалованье (ст. 3, 5, 96, 102, 104).

Муфтии выступали, таким образом, в двух ипостасях: как духовные руководители мусульман в своих районах и как представители административно-судебных органов системы МИДиИ, а также Главного муфтийства. Соответственно их ответственность устанавливалась как многосторонняя: во-первых, перед дисциплинарным судом Министерства (следует подчеркнуть, что делопроизводство муфтии должны были вести на болгарском языке), во-вторых, перед духовным мусульманским судом и, в-третьих, перед гражданским судом на общих основаниях.

Право назначения муфтиев и муфтийских наместников (по представлению Главного муфтия) и увольнения их как государственных чиновников, принадлежало МИДиИ, причем назначение окружных муфтий оформлялось Царским указом (ст. 96).

Муфтийская иерархия в известной степени была ограничена в правах. Так, без предварительного разрешения МИДиИ эти духовные мусульманские руководители не могли выезжать за пределы Болгарии и даже предпринимать объезда своего района; осуществлять в какой бы то ни было форме сношения с иностранными публичными учреждениями и официальными лицами за пределами Болгарии им разрешалось только через посредство МИДиИ, а внутри страны — через окружные административные органы власти (ст. 101, 103). «Муфтии, — говорилось в ст. 104, — связаны непосредственно с МИДиИ и с Главным муфтийством; связи с другими административными окружными и околийскими властями осуществляются через их руководство; муфтийские наместники связаны с соответствующим муфтием, окружным управителем и околийским началником». К тому же издавать какие-либо документы эти мусульманские чиновники могли только по шариатским делам (ст. 106).

inslav

Не слишком свободен в своих действиях был и Главный муфтий. Его местоположение закреплялось в Софии, а сам он был подчинен непосредственно МИДиИ, через которое осуществлялись его сношения «со всеми властями и ведомствами» (ст. 113) и которое могло уволить Главного муфтия «в случае недобросовестного выполнения им своих обязанностей», Устав определял также, что главный духовный руководитель мусульман «не может отсутствовать на своем посту и выезжать за пределы страны без разрешения» (ст. 123). То есть все связи муфтийской иерархии, особенно внешние, определялись Уставом как строго регламентированные и в максимальной степени контролируемые.

Правда, в отличие от «Временных правил» 1895 г., Главный муфтий, согласно Уставу, должен был не назначаться Царским указом, а *избираться* сроком на 5 лет муфтиями и муфтийскими наместниками из их же среды. Выборы должны были происходить в присутствии начальника вероисповедного отдела МИДиИ и одного из министерских инспекторов, а затем утверждаться Царским указом, после чего МИДиИ предстояло сообщить Шейх-Уль-Исламу о результатах выборов с тем, чтобы Главный муфтий мог получить от последнего законное по мусульманским канонам признание.

Как видим, кардинального разрыва пуповины, соединявшей мусульманское население Болгарии с главой исламской церкви в Турции, не произошло.

Третья характерная особенность «Устава» состояла во вторжении болгарской администрации в закрытую для нее до тех пор, но очень важную зону — имущественную. Традиционно вакуфы, то есть движимое и недвижимое имущество, переданное или подаренное государством или отдельными лицами мусульманской общине, считалось изъятым из гражданского оборота. Именно эта собственность составляла экономическую основу влияния мусульманского духовенства (недаром на недопущении ее секуляризации, то есть обращения конфессиональной собственности в светскую, настаивала в свое время Турция). На местах вакуфами на основе их учредительных актов управляли за определенное вознаграждение специальные лица — мютевелии. «Устав» нарушал эту традицию, хотя и не разрушал ее совсем: согласно соответствующим статьям, право управления вакуфной недвижимостью отбиралось у мютевелий и передавалось настоятельствам мусульманских общин (ст. 168), которые, однако, не могли ничего предпринять без разрешения МИДиИ и Главного муфтийства, если речь шла о покупко-продаже вакуфа, его закладе, обмене и даже просто ремонте (ст. 171, 172). Контроль устанавливался также за всем продвижением документации и переписки, связанных с тем или иным способом использования вакуфа.

Очевидно, целью подобных установлений была смена традиционного распорядителя вакуфным богатством новым распорядителем — *настоятельством* мусульманской общины, то есть институтом, учреждавшимся «Уставом», как подотчетным в определенной степени болгарским влас-

inslav

тям. При этом государство заявляло, что накапливающиеся от использования вакуфов финансовые излишки должны вноситься в Болгарский народный банк на счет общего мусульманского фонда, «возросший капитал» которого в перспективе должен был направляться на содержание мусульманских духовников и учителей, а также на поддержку «известного количества» бедных мусульманских семей и сирот школьного возраста (ст. 179).

Судить, как практически осуществлялось это посягательство государства на права собственника, как известно, всегда чреватое последствиями, на основе имеющихся в нашем распоряжении данных не представляется возможным. Следует отметить, что болгарские исследователи, довольно подробно анализировавшие условия первого послевоенного Договора между Болгарией и Турцией, подписанного 18 октября 1925 г.[1], ни словом не упомянули о проблеме вакуфов, поднимавшейся в ходе болгаро-турецких переговоров. Последнее следует, в частности, из доклада в Москву полпреда СССР в Турции Я. З. Сурица от 23 января 1925 г., в котором он сообщал об обсуждении между представителями Болгарии и Турции вопроса «о вакуфных землях в Болгарии», добавляя при этом, что они занимают «приблизительно половину территории болгарских городов»[2].

Наконец, четвертая, весьма характерная особенность «Устава». Она заключалась в том внимании, которое в документе было уделено повышению общеобразовательного и культурного уровня всего руководства мусульманской иерархии и требовательности к нему. Так, для кандидатов в члены настоятельства мусульманской общины низшей ступени вводились возрастной (не моложе 30 лет), образовательный (не ниже среднего образования плюс грамотность и в турецком и в болгарском языках) и имущественный цензы. Специальные условия предъявлялись кандидатам на должность священнослужителей, в частности, они должны были обладать образованием на уровне медресе или сдать экзамены из области религиозной юриспруденции и ислама, а также из области болгарского административно-государственного права.

Судя по контексту «Устава», процедуры, которые должны были пройти будущие имамы, хатибы и другие священнослужители, являлись *нововведением,* направленным на повышение общекультурных требований к ним и на частичное разрушение закрытости их отношений со своими духовными чадами. Однако достаточных кадров для этого в Болгарии, как явствует из документа, не существовало, и в «Уставе» специально оговаривалось, что священнослужители, не отвечающие указанным требованиям, «остаются на своих местах, пока не будут замещены лицами, имеющими определенный ценз» (ст. 69).

[1] См.: *Куманов М.* Възстановяване на дипломатическите отношения между България и Турция. 1923-1926 гг. // Исторически преглед. 1971. № 2. С. 75–81; *Манчев Кр.* Указ. соч. С. 273–281.

[2] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 23. П. 239. Д. 53197. Л. 77.

inslav

Еще более высокие требования предъявлялись к муфтиям и муфтийским наместникам, составлявшим среднее звено мусульманской управленческой структуры.

Как видим, «Устав» представлял собой сложный многоплановый юридический документ, двумя главными составляющими которого можно считать, во-первых, официальное признание за исламом статуса уважаемого в Болгарии религиозного института, и, во-вторых, установление строгого государственного контроля за всей жизнедеятельностью болгарского мусульманства (включая распоряжение его духовным имуществом) путем соответствующей конфессионально-административной организации этой части населения страны и всей его руководящей духовной иерархии[1].

Отдельно нужно сказать о внимании законодателя к повышению общеобразовательного уровня мусульманского духовенства при одновременном стремлении до некоторой степени ослабить значение шариатского делопроизводства. Так, спорящим сторонам разрешалось вместо шариатского суда обратиться в соответствующий окружной суд или к мировому судье или даже взять уже начатое рассмотрением дело (но только до момента вынесения решения) из шариатского суда и искать счастья в гражданском (ст. 133). Кроме того, в «Уставе» предписывалось приспосабливать некоторые законы гражданского судопроизводства к использованию их в мусульманских духовных судах.

Если к этому прибавить, что болгарское государство брало на себя обязанность финансово поддерживать частные школы, организуемые мусульманскими общинами (о чем ниже), то, полагаю, можно говорить о том, что вся система предлагаемых мер в области просвещения была направлена, по крайней мере теоретически, на повышение культурного и образовательного уровня мусульманского населения, что уже само по себе способствовало бы созданию одного из важнейших условий для постепенного выведения мусульманского меньшинства из маргинального положения, а следовательно, и определенной консолидации болгарского общества.

В 1920-е гг. кое-что в этом отношении было сделано и практически. Но прежде — несколько слов об особенностях болгарской образовательной системы. Четырехлетнее начальное образование было провозглашено бесплатным и обязательным для всех болгарских подданных еще Тырновской конституцией 1879 г. В 1909 г. бесплатным становилось и прогимназическое образование, то есть следующие три года обучения. В 1921 г. и это прогимназическое образование стало обязательным. Сдав экзамены и

[1] Любопытно, что на международной конференции, организованной в 1995 г. Болгарским Хельсинкским комитетом, один из болгарских участников этого форума высказался о Законе о вероисповеданиях 1949 г., имевшем якобы функции государственного надзора и контроля за религиозной деятельностью, как о «знаковом для тоталитарного общества». (Религиозната толерантност в светлината на правата на човека. Международна конференция. София, 14–15 януари 1995 г. София, 1995).

inslav

завершив таким образом обязательную семилетку (так называемое «основное образование»), можно было поступить в гимназию, где обучение длилось еще пять лет. А оттуда уже открывался путь в высшую школу. В Болгарии, таким образом, сложилась интересная и прогрессивная образовательная система со своими отличительными чертами[1].

Благами этой системы могли пользоваться и меньшинственные группы населения, отправляя своих детей на обучение в государственные школы, причем прогимназические классы имелись не только во многих городах, но частично и в селах.

Помимо государственных школ существовали и частные. Во-первых, элитные — французские, американские и тому подобные, а во-вторых, для детей из меньшинственных групп населения — армян, евреев, мусульман. Обучение в последних велось на родном языке учащихся, но с обязательным изучением истории, географии и болгарского языка и, что очень важно, — по программам, официально утвержденным Министерством народного просвещения.

По закону частные школы содержались за счет единородных и единоверских общин. Но в 1920-е гг. частично их стало поддерживать и государство[2], предоставляя им «в вечное пользование, без права собственности и владения» отрезки земель местных общин. В это время на страницах официального издания «Държавен вестник» нередко публиковались царские указы о выделении отрезков земли с целью образования школьных фондов. Например, указ о выделении в селе Памукчи Шуменской околии для содержания болгарской основной школы 300 декаров и для частной турецкой — 240 декаров земли[3]. Характерно, что болгарская и турецкая школы указывались в одном контексте как равные. В некоторых указах речь шла об одних только сельских турецких школах, для поддержания которых в зависимости от обстоятельств выделялось от 25 до 100 декаров земли[4]. Такие указы — далеко не единичный пример. Всего в бюджете Министерства народного просвещения на 1922/23 учебный год предусматривались ассигнования в 3,2 миллиона левов для частных инородных (не только мусульманских) школ[5]. А в бюджете МИДиИ на тот же год — свыше 1,5 миллиона левов «для поддержания иноверского и инославного духовенства».

Эта система действовала более или менее бесперебойно на протяжении 1920-х гг. и некоторое время спустя. Согласно отчету о работе турец-

[1] Подробнее см.: *Чичовска В.* Политиката срещу просветната традиция. София, 1995.

[2] Судя по мотивировке к законопроекту об инородных школах, с которой 19 февраля 1920 г. выступили в Народном собрании депутаты от БРСДП (широких социалистов), до тех пор, несмотря на известную статью Конституции, содержание инородных школ государством не осуществлялось (ЦДА. Ф. 173. Оп. 3. А. е. 1870. Л. 1–1 об.)

[3] Държавен вестник. София, 1922. № 2. 3 април.

[4] Държавен вестник. София, 1922. № 1. 22 март.

[5] ЦДА. Ф. 176. Оп. 4. А. е. 2370. Л. 23.

inslav

ких школ, составленному Учебным комитетом Министерства народного просвещения, в 1929/30 учебном году в Болгарии имелось 783 первоначальных турецких школы с более чем 45 тыс. учащихся и 25 прогимназий с 1400 учащихся; в 1930/31 учебном году эти цифры составили соответственно 693 первоначальных школы с более чем 51 тыс. учащихся и 23 прогимназии с 1260 учащимися. В том же отчете указывалось, что 100 учителей болгарского языка в турецких школах оплачивались государством, как и 97 учителей корана в школах для болгар-магометан[1].

В архивном фонде «Главного муфтийства» сохранились такие любопытные документы, как диктанты для письменного экзамена по болгарскому языку для учащихся Разградского педагогического училища, готовившего учителей для мусульманских школ (1927 г.)[2]; переписка по поводу открытия курсов по подготовке учителей для турецких школ в Мастанлийском округе (1928 г.)[3]; список мусульманских школьных настоятельств, нуждающихся в финансовой помощи со стороны Министерства народного просвещения[4]; письма начальству жандармских отрядов, полицейских комендатур, службам трудовой повинности о предоставлении мусульманам отпуска в связи с мусульманскими праздниками (1933 г.)[5] и другие.

Значительным достижением считалось открытие в Шумене в конце 1920-х гг. мусульманского духовного училища «Нювваб», где стало обучаться 145 человек. Срок обучения в этом медресе составлял пять лет, а условием поступления в него являлось окончание турецкой прогимназии. В 1930 г. в «Нювваб» была введена еще одна ступень образования, рассчитанная на три года.

Об объеме работы «по мусульманской линии» свидетельствует само указание в различных документах из фонда «Главное муфтийство» «мусульманских центров», имевшихся в Карлово, Софии, Старой и Новой Загоре, Кубрате, Кеманларе (Исперихе), Сливене, Враце, Пештере, Разграде, Шумене, Ардино, Видине, Хасково, Пловдиве, Осман Пазаре (Омуртаге), Пашмакли (Смоляне), Свиштове, Русе.

Принимались и специальные меры, которые могли способствовать адаптации населения разных вероисповеданий друг к другу. Например, разрешение не проводить занятий в турецких школах по пятницам, сокращение для учителей этих школ длительности христианских рождественских и пасхальных каникул, а по воскресеньям — не работать учителям болгарского языка, истории и географии[6].

---

[1] Там же. Ф. 177. Оп. 2. А. е. 388. Л. 72–72 об.

[2] Там же. Ф. 471. Оп. 1. А. е. 14.

[3] Там же. А. е. 18.

[4] Там же. А. е. 78.

[5] Там же. А. е. 58, 71–72.

[6] Частни мюсюлмански училища и мюсюлмански вероизповедни общини Сборник от законите, правилниците, наредбите и друго за частните мюсюлмански училища и мюсюлманските вероизповедни общини. Русе, 1931. С. 30.

inslav

Постановления «Устава» и перечисленные меры имели, на мой взгляд, одной из целей помочь обособленному и в известной степени маргинальному мусульманскому населению, с одной стороны, включиться в болгарскую государственно-административную систему, а с другой стороны, создать определенные условия для повышения его образовательного уровня, особенно не ущемляя при этом его прав и традиционную ментальность, ментальность, как пишет Л. В. Маркова, людей феодального общества[1].

Конечно, для успеха дела подобная практика могла быть только долгосрочной, рассчитанной на десятилетия. Она требовала больших и длительных финансовых вложений, а этого в обессиленной войнами и поражениями Болгарии было крайне недостаточно. С учетом этого можно предположить, что среди причин отмеченного нами посягательства государства на пользование мусульманскими вакуфными богатствами была действительная необходимость отпускать на содержание «инородных» школ государственные средства, что на деле, очевидно, становилось лишь послевоенным *нововведением*.

Хотя дискриминации меньшинственных групп в области образования в 1920-е годы официально не проводилось, использовать имевшиеся возможности могли, главным образом, те из меньшинств, кто исторически умел лучше приспособиться к обстановке, — в первую очередь евреи, армяне. Их дети, посещая государственные школы (свои национальные школы еврейские и армянские общины поддерживали преимущественно как своего рода символы), часто оказывались среди наиболее усердных учеников и лучших по успеваемости.

Мусульманское же меньшинство, как правило, таким усердием не отличалось. Следует учитывать, что ежегодно оно теряло значительную часть своего наиболее активного и производительного населения из-за отъезда его в Турцию. Остававшиеся же в Болгарии не очень беспокоились о повышении уровня образования, свидетельством чего может служить, например, тот факт, что они добились разрешения для девочек-мусульманок не посещать школьных занятий. Обучение большинства ограничивалось 1–2 классами, и лишь единицам удавалось закончить прогимназию. Не происходило и обновления школьного образования по тому типу, как это делалось в быстро обновлявшейся Турции К. Ататюрка: неизменными в Болгарии оставались учебники и программы, по-прежнему использовалась арабица вместо латиницы, учителей не хватало. В итоге не удивительно, что неграмотность болгар-магометан в Родопах и накануне Второй мировой войны оставалась массовой.

Помимо нехватки государственных средств, очевидно, недостаточно было и воли болгарских правительств для реализации принятых законов и нововведений «Устава». Как и поддержки со стороны болгарской общественности. А для мусульманского населения памятной оставалась открытая дискуссия в софийской прессе 1919–1920 гг., предметом которой

[1] *Маркова Л. В.* Указ. соч. С. 150.

inslav

была «задумка» о разрушении в столице джамии «как памятника варварства»[1], не исчезал и ужас ожидания нового возможного насильственного крещения[2]. В 1927, 1933, 1935 гг., пишет Л. В. Маркова, произошли новые массовые переселения помаков в Турцию[3].

Для болгарского мусульманства Турция вообще обладала большой притягательностью. Между тем в 1920-е гг. в этой стране произошел глубокий социально-экономический переворот, реформы развивались в темпе крещендо. Благодаря им Турция отбросила феодальные путы и стала превращаться в быстро прогрессирующее светское государство, манящее своим благоустройством. Болгария не поспевала за историческим рывком соседа.

В таких условиях уже через десяток лет после принятия «Устава», основанного в общем на религиозных принципах организации жизни мусульманского населения Болгарии и на известной консервации этого принципа, ориентация на «Устав» стала исторически бесперспективной. Заряд, в него вложенный, не произведя большого действия, раньше времени исчерпал себя.

Остается констатировать парадокс: то, что могла позволить себе сильная власть Ататюрка в отношении *большинства* населения Турции, а именно — произвести отделение религиозных организаций от государства, секуляризацию вакуфного имущества, закрытие медресе, ликвидацию министерства по делам шариата и т. п., не могли позволить себе болгарские власти в отношении своего мусульманского *меньшинства*; обязанные по условиям мирного договора защищать его, правительства Болгарии системой принятых мер фактически способствовали культивированию старых форм и сохранению обособленности мусульманского населения, превращению мусульманской проблемы в «висящую», с годами практически не рассасывавшуюся.

* * *

Официальная болгарская статистика не дает полного представления об изменениях в составе мусульманского населения, в том числе о количестве людей, эмигрировавших в 20–40-е годы в Турцию. Тем не менее неплохо в целом поставленная в Болгарии статистическая служба, более или менее регулярно проводившиеся общие переписи населения и отдельные тематические опросы дают столь обширные сведения, что данные о некоторых важных явлениях извлечь из официальных сборников можно.

К особенностям болгарской статистики в интересующей нас плоскости следует отнести методику регистрации населения не по этническому, а по религиозному признаку (основные группы — православные, мусуль-

[1] Народни права. София. 1919. 11 януари.
[2] *Маркова Л. В.* Указ. соч. С. 153.
[3] Там же.

inslav

мане, иудеи), а также невыделение болгар-магометан из общей графы «мусульмане»; вместе с тем статистические обследования по признаку «родной язык» (в 1926 г.) или «разговорный язык» (в 1934 г.) позволяют, на наш взгляд, путем собственных подсчетов проследить за общей тенденцией соотношения групп турок и болгар-магометан между собой и в составе всего населения Болгарии. Подсчеты, производившиеся автором с округлением официальных данных до десятков единиц в абсолютных цифрах и до 0,1% в относительных, привели его к следующим наблюдениям:

1. Если за 1926–1934 гг. общая численность населения Болгарии выросла примерно на 520 тысяч человек (6078 тысяч в 1934 г.), т. е. на 11%, то на долю мусульман в этом приросте пришлось всего около 4%.

При этом число мусульман, говорящих на турецком языке (т. е. в основном турок), сократилось на 8 тысяч, в то время как число болгар-магометан, наоборот, возросло на 21,2 тысячи (т. е. соответственно −1,35% и +18,7% от уровня 1926 г.)

2. Основными областями концентрации *мусульман, говорящих по-турецки*, в 1934 г. были Шуменская область (310 тыс.), Старо-Загорская (166 тыс.), Бургасская (47,45 тыс.), Плевенская (45,8 тыс.) и Пловдивская (40 тыс.).

Болгары-магометане в наибольшей степени были сосредоточены в Пловдивской области (85,2 тыс.), в которую по административной реформе 1934 г. вошел прежний Татар-Пазарджикский округ, в Старо-Загорской (21,8 тыс.), Плевенской (11,8 тыс.) и Врачанской (10,5 тыс.).

В качестве характерной особенности следует отметить, что официальная статистика не обнаруживает в Болгарии ни одного района-околии (в каждой области их было от 13 до 15), где бы не проживали мусульмане (единственным исключением можно считать Трынскую околию Софийской области, хотя и она все же дала в соответствующую графу цифру «1»). Наличие *православного населения* зафиксировано статистикой также во всех районах страны, включая местности высокой концентрации мусульман. Оба этих фактора позволяют, по нашему мнению, говорить о сравнительно спокойном сожительстве-сосуществовании на бытовом уровне этих групп населения, причем в отдельных местах количественное преобладание одной общности над другой достигало соотношения 1:4, 1:7 и даже 1:10[1].

3. Одним из наиболее важных показателей, определяющих динамику демографических изменений, является индекс естественного прироста населения, рассчитанный из числа рождений и смертей на 1000 жителей соответствующей группы. Данные официальной статистики по этому показателю можно расположить в следующей таблице:

[1] Все расчеты произведены на основании данных из изданий: «Общи резултати от преброяване на населението в Царство България на 31 декември 1926 г.». Кн. 1. София, 1931; «Преброяване на населението на 31 декември 1934 г. Общи резултати». Кн. 1. София. 1938, Кн. 2. София. 1937; «Движение на населението в Царство България през 1924 г.». Ч. 2. София, 1928.

inslav

Естественный прирост населения Болгарии в промилле[1]

год	православные	мусульмане	средний по стране
1924	20,4	21,3	—
1926	19,5	23,5	20,0
1927	13,0	13,2	13,0
1928	15,9	15,8	15,8
1929	13,2	11,8	12,9
1930	16,0	16,1	15,9

Из таблицы следует, что после 1926 г., когда естественный прирост мусульманской общности на 4‰ превысил соответствующие данные у православных, в последующие учтенные статистикой годы эти показатели почти выровнялись, а в 1929 г. даже изменились в пользу православных с превышением в 1,4‰.

Колебание значений приведенных цифр и сам характер этих колебаний не позволяют, на мой взгляд, говорить об устойчивой тенденции значительного превышения естественного прироста мусульманского населения по сравнению с православным.

Столь колеблющиеся данные очевидно не могли дать болгарским властям надежной опоры для выработки четкой и определенной политики в мусульманском вопросе, особенно когда в конце 1920-х — начале 1930-х гг. они оказались на своего рода перепутье. В самом деле, если из-под прежних представлений о решении мусульманской проблемы у болгарских политиков постепенно исчезала почва, то на формирование других представлений нужны были время и новые импульсы. Между тем с конца 1920-х гг. в связи с изменениями, наступавшими в международной обстановке — ослаблением позиций Лиги Наций, усилением роли германского фактора, — для Болгарии некоторые черты реальности, как казалось ее политикам, стал приобретать вопрос о возможности ревизии мирного договора, причем в увязке с воинственными планами Германии. В новой обстановке болгарские власти вскоре ощутили потребность навести «порядок в стране», следствием чего явилось усиление элементов авторитаризма в управлении.

Для мусульманского населения это стало означать потерю шаг за шагом прежде всего возможности содержать частные школы. Еще в октябре 1928 г. были приняты Правила распределения и сбора сумм с иноверского и инородного населения на содержание частных школ, согласно которым в случае, если доходов соответствующей общины от духовного и школьного имущества оказывалось недостаточно для содержания своей частной школы (даже при учете помощи со стороны местного муниципа-

[1] См.: Движение на населението в Царство България през 1930 г. София, 1932. С. 2–3.

inslav

литета, округа или государства), образовавшийся дефицит должен был покрываться за счет членов данной общины пропорционально уплачиваемому каждым из них прямому налогу[1]. Как и последний, школьный взнос становился обязательным, вплоть до принудительного взыскания. Таким образом, для частных школ меньшинственных групп даже начальное образование в ряде случаев теряло бесплатный характер, что больнее всего сказывалось именно на мусульманском населении.

После государственного переворота 19 мая 1934 г. в Болгарии и прихода к власти правительства К. Георгиева последовал новый удар. Царским указом традиционные выборы школьных настоятельств были заменены назначением их членов по определенному регламенту[2]. В ходе административно-территориальной реформы, проводившейся с целью усиления централизации государства, ряду населенных пунктов в районах концентрации мусульманского населения были присвоены новые названия: «Балбунар» стал «Кубратом», «Кеманлар» — «Исперихом», «Егридере» — «Ардино», «Мъстанли» — «Момчилградом» и т. п.

В июле 1940 г. последовал закон о конфискации школьных земель частных учебных заведений[3], что ставило турецкие школы в тяжелейшее материальное положение. В 1942 г. введением закона об изменении и дополнении закона о лицах[4] началась новая кампания по принудительной смене мусульманских имен на православные.

Поворот в политике болгарского государства по отношению ко всем меньшинственным группам населения страны (не только к мусульманам) лишний раз свидетельствует о том, что эта сторона внутренней жизни Болгарии изначально находилась в зависимости прежде всего от внешнеполитических обстоятельств. Касательно мусульман, она зависела вначале от рекомендаций великих держав, по-своему решавших «Восточный вопрос», затем в большой степени от политики Турции, позже еще и от Лиги Наций, потом — от Германии.

Двойственность болгарской официальной линии в отношении мусульман отмечена в исследованиях болгарских историков последнего десятилетия (в прежние годы «мусульманской тематики» болгарская историография как бы не замечала). Кр. Манчев, например, выделяет такие ее стороны, как, во-первых, стремление болгарских властей выполнять предписания мирных договоров (хотя и без особого старания) и, главным образом для того, чтобы добиться благорасположения великих держав к Болгарии в споре балканских государств о македонских землях, а во-вторых, — отсутствие какой-либо государственной программы экономического и культурного развития болгарских мусульман[5].

[1] «Държавен вестник». София. 1929. № 146. 29 януари.
[2] Там же. 1934. № 146. 27 септември.
[3] Там же. 1940. № 168. 30 юли.
[4] Там же. 1942. № 148. 9 юли.
[5] *Манчев Кр.* Указ. соч. С. 266–267.

inslav

Говоря о направлениях болгарской политики в отношении мусульман, Кр. Манчев пишет о «нечетко выраженном желании» властей ограничить численность мусульман путем переселения их в Турцию. Из анализа Болгаро-турецкого договора 1925 г. он заключает, что болгарское правительство вообще не думало о приобщении мусульманского населения к болгарскому народу, а скорее надеялось «оторваться» от мусульман по линии их переселения[1]. Однако оторваться таким образом от трудной проблемы, даже будь подобная линия четко сформулирована болгарскими политиками, вряд ли было возможно без выраженной к тому воли Турецкого государства.

Для суждения о том, как обстояло дело на практике, в нашем распоряжении нет достаточного количества данных. Уровень разработки этого аспекта темы в литературе не позволяет, в частности, достоверно оценить высказанное некоторыми авторами предположение о том, что в 1930-е гг. политика Турции в отношении Болгарии специально предусматривала сохранение в последней значительной части турецкого населения[2]. Манчев отмечает также, что установленная Турцией в середине 1930-х гг. годичная квота приема переселенцев из Болгарии составляла 10000 человек, что, по мнению автора, было меньше годового прироста этой группы населения в Царстве. К сожалению, последний тезис он не подтверждает конкретными выкладками. Но считает нужным указать, что болгарские власти проявляли готовность увеличивать численность людей, выезжающих из страны, и не возражали против того, чтобы отпускать их без оформления документов, хотя Турция не хотела принимать всех подряд[3].

Занимающиеся исследованием этого вопроса авторы подчеркивают, что уезжала из Болгарии в Турцию наиболее активная и образованная часть мусульман. Стремилась уехать и часть помаков, но им труднее было прижиться на новом месте и многие из них возвращались обратно[4].

Проблема имела еще один важный аспект: с середины 1920-х гг. в Болгарии начала пропагандироваться турецкая национальная идея, провозглашенная кемалистами, — «Турция для турок». Основным проводником ее стал основанный в Софии в 1926 г. Союз турецких культурно-просветительных, гимнастических и спортивных обществ под названием «Туран», имевший несколько филиалов в провинции. Через эти общества, существовавшие легально, внутри Болгарии формировался организационный и кадровый потенциал турецкого влияния на местное мусульманское население[5]. Адрианопольский, например, филиал «Турана», возник-

[1] Там же. С. 275.

[2] См.: *Манчев Кр., Дойчинова Е.* Мюсюлманското население от Североизточна България в българската и турската политика. 1919–1939 гг. // Исторически преглед. 1991. № 5. С. 62.

[3] *Манчев Кр.* Указ. соч. С. 278.

[4] *Маркова Л. В.* Указ. соч. С. 153.

[5] *Манчев.* Указ. соч. С. 276.

inslav

ший в 1929 г., ставил своей целью «присоединение к Турции мусульманского населения Родоп»[1].

Лишь после государственного переворота в Болгарии 19 мая 1934 г. деятельность «Турана», как и всех других партий и общественных организаций, была запрещена. И тогда выяснилось, пишет Манчев, что в Болгарии «едва ли уже не существует кемалистская политическая партия, действующая нелегально в пользу Турции»[2]. Открытое преследование кемалистской пропаганды не давало больших результатов из-за закрытости турецких общин. Организуя отпор, в 1935–1936 гг. Министерство народного просвещения произвело массовую замену учителей болгарского языка в мусульманских школах за счет молодых мужчин, связанных с полицией; они должны были следить за учителями-турками и за всем происходящим в турецких селах, а в классах — не слишком стараться в обучении турчат, следуя постулату: чем более просвещен турок, тем более он связан с Турцией и кемализмом, и наоборот.

Вместе с тем обнаружилось, что у части мусульман, и в не последнюю очередь у высшего духовенства, не желавшего терять своих позиций, кемалистская пропаганда вызывала неприятие и даже сопротивление: очевидно, десятилетиями проводившаяся прежде в Болгарском Княжестве и Царстве линия на сохранение и консервацию мусульманских религиозных традиций давала свои плоды. В 1934 г. в Софии, правда, не без помощи болгарской администрации, возникло Общество защитников мусульманской религии в Болгарии. Его целью было отстаивание мусульманской религиозной морали в противовес кемалистской светскости и «Турану».

Отдельно следует сказать о проблеме болгар-магометан. Время, когда в болгарском обществе созрела идея особого отношения к болгарам-магометанам, выделения их из общей мусульманской организации, определить трудно. Однако, пожалуй, именно в связи с активизацией кемалистской пропаганды проблема помаков все более начала привлекать к себе внимание болгарской общественности.

Отдельные представители интеллигенции и раньше выступали перед властями с пожеланиями проведения эффективной государственной политики для преодоления или хотя бы смягчения общественного водораздела между болгарами-христианами и болгарами-магометанами. Так, члены Управительного совета окружного читалищного союза г. Пашмакли в жалобе от 16 января 1927 г. министру народного просвещения на общий недостаток средств для деятельности школ и читалищ округа отмечали, что «интеллигенция Центральных Родоп» считает необходимым «сделать что-то и для читалищ в помакских селах, [...] чтобы семена, которые сеют сегодня болгарские учителя среди помакских детей, родным языком которых является болгарский, не упали на камень»[3].

[1] *Маркова*. Указ. соч. С. 154.
[2] *Манчев Кр.* Указ. соч. С. 277.
[3] ЦДА. Ф. 173. Оп. 4. А. е. 401. Л. 13.

inslav

В 1935 г. со специально подготовленной брошюрой выступил в печати Г. Чичовски (дядя упомянутой В. Чичовской), которого особенно занимала судьба болгар-магометан. В своей работе он писал об ошибочности насильственного крещения в 1912–1913 гг. помаков, что содействовало их отчуждению. Ошибочным он считал и разрешенное одним из министров просвещения освобождение женщин-помачек от обязательного образования. И одновременно Чичовски отмечал как положительную черту то, что болгарское государство оплачивает из своего бюджета труд учителей, обучающих Корану детей болгар-магометан, помогает имамам и муфтиям, ремонтирует и строит мечети. Чичовски призывал открывать школы повсеместно, в самых маленьких населенных пунктах, применять закон об обязательном образовании во всей полноте, приобщать болгар-магометан «к нашей культурной жизни», чему, по его мнению, содействовало бы и привлечение способных среди них к службе в гражданском или военном ведомстве[1].

Приводимые в исторической литературе конкретные сведения о положении болгар-магометан в болгарском обществе отрывочны и разбросаны, их трудно систематизировать. Тем не менее интересно отметить, что, по мнению Л. В. Марковой, в Средних Родопах *издавна* (курсив мой. — *Р. Г.*) усилиями болгар-христиан и родопских просветителей создавались совместные школы и культивировались тесные контакты между двумя конфессиональными группами на бытовом уровне; в Западных Родопах дело шло медленнее[2]. В свою очередь, В. Чичовска указывает, что уже с начала века в Южной Болгарии у помаков были отдельные школы, содержавшиеся, как и болгарские, государством[3]. Опираясь на данные Министерства внутренних дел, она пишет, что в 1945 г. в Южной Болгарии насчитывалось около 150 тысяч помаков[4].

Но очевидно, что применительно ко второй половине 1930-х гг. уже более или менее определенно можно говорить об известных сдвигах в отношении общества и государства к помакам: деятельность болгарских ученых, общественных деятелей, журналистов, приносила свои плоды, способствуя осознанию болгарского происхождения помаков и самими помаками, и властями[5]. Так или иначе, в мае 1937 г. в Смоляне и других селениях Родоп возникло общество «Родина» — светская организация, провозгласившая своей целью интеграцию болгар-магометан в болгарскую общность[6]. В уставе цель общества формулировалась так: взаимное узнавание друг друга, сближение и взаимопомощь между болгарами-магометанами и болгарами-христианами в Родопской области; кроме того,

[1] *Чичовски Г.* Българо-мохамеданският проблем. София, 1935. С. 24–28.
[2] *Маркова Л. В.* Указ. соч. С. 155.
[3] *Чичовска В.* Указ. соч. С. 313.
[4] Там же.
[5] *Манчев Кр.* Указ. соч. С. 280.
[6] *Маркова Л. В.* Указ. соч. С. 154.

inslav

имелись в виду пробуждение и развитие народного чувства у помаков, культурно-просветительская деятельность, культивирование у помаков любви к государству, предохранение народа от всякой иностранной пропаганды и инородных внушений и воздействия, содействие экономическому возвышению Родопского края[1]. В целом, считает Маркова, светская, просветительская деятельность общества «Родина» при уважении к религии, исповедуемой помаками, была положительным явлением, равно как и методы его деликатной разъяснительной работы, рассчитанной на длительное время[2].

Но в 1940-е гг. в связи с новым изменением международной ситуации и установлением все более тесной зависимости Болгарии от Германии с ее тоталитарной расистской идеологией неторопливая просветительская деятельность в Царстве сменилась очередным приливом давления на мусульман. Началась новая кампания по христианизации болгар-мусульман: стала вестись пропаганда за чтение молитв в помакских мечетях на болгарском языке; болгаро-мусульманская община была выведена из состава общины турок, были уволены турки-муфтии, а помакские муфтии сменили имена на христианские. Сменили имена и несколько десятков тысяч жителей Родоп и Пирина, причем для проведения акции был составлен специальный болгарский именник. Власти стали добиваться даже отказа от ношения частей одежды, связанных с мусульманской традицией[3]. Ограничительные меры начала 1940-х гг. вызвали новую волну переселения мусульман из Болгарии в Турцию.

В целом можно сказать, что сложность мусульманской проблемы в межвоенной Болгарии как проблемы общественно-политической интеграции всех ее граждан проистекала из самого уклада болгарского народа, ментальности и психологического состояния населения, только что начавшего вовлекаться в процесс общественной модернизации. Все это в большой мере относится и к представителям правящих кругов Болгарии, которые и сами находились под влиянием вековечных народных традиций и поведенческих стереотипов, унаследованных от времени до Освобождения, и потому оказывались не в состоянии предпринять больших и целенаправленных государственных усилий для решения мусульманской проблемы, будучи к тому же ограниченными в своих действиях разнообразными внешнеполитическими обязательствами.

Вероятно, прав член-корреспондент БАН проф. С. Димитров, ставя вопрос о необходимости в определенной степени разделять турок и болгар-магометан с точки зрения возможности включения «в болгарскую национальную жизнь» каждой из этих групп[4]. Действительно, такой подход,

[1] *Манчев Кр.* Указ. соч. С. 281.

[2] *Маркова Л. В.* Указ. соч. С. 156.

[3] Там же. С. 155.

[4] *Димитров С.* Ще имаме ли научни позиции по проблемите на ислямизацията и съдбините на българите-мохамедани? // Rhodopica. Год. П. 1999. Кн. 1. Смолян. С. 131.

inslav

во всяком случае в отношении помаков, как будто начал реализовываться в Болгарии в последние годы межвоенного периода не без помощи рационального импульса сверху, со стороны государства, но исторического времени для этого было отпущено слишком мало: можно предположить, что существенное изменение и преодоление устойчивого негативизма среди разнородных по каким-либо основаниям групп населения возможно лишь в постепенном и длительном общественном, в известной степени регулируемом процессе, в условиях обновленной социально-политической и экономической реальности — реальности демократически развивающегося и твердо стоящего на ногах в хозяйственном отношении государства. Всего этого в действительности в межвоенной Болгарии не существовало.

С вступлением Болгарии после государственного переворота 9 сентября 1944 г. в новую — «социалистическую» эпоху в попытках коммунистических правительств разрешить «мусульманскую проблему» проявились свои особенности. Были некоторые успехи, но были и огромные просчеты, вроде «возрожденческого процесса» 1980-х гг. Как отмечал спустя более ста лет после Освобождения Болгарии из-под власти османов П. Младенов — один из бывших коммунистических руководителей страны, историческая память болгарского народа сохранила «черные облака османского рабства, с другой стороны, значительное число турецких националистов подвержено ностальгии, не воспринимает того факта, что Болгария уже давно не является частью турецкой империи. К сожалению, после 1878 г. многие турецкие и болгарские правители не смогли возвыситься над злобой, завистью и ненавистью»[1].

Следует признать, что современная Болгария на переломе XX–XXI вв., на новом витке общественно-политической ломки, оказалась с грузом наследственной, до конца не решенной проблемы, хотя, вероятно, и с бóльшим пониманием ее гуманитарно-правового характера.

[1] *Младенов П.* Животът. Плюсове и минуси. Русе, 1992. С. 105.

inslav

Т. В. Волокитина
Институт славяноведения РАН

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ И ПРАВОСЛАВНЫЕ АВТОКЕФАЛИИ НА БАЛКАНАХ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(за кулисами интеграции)

Роль конфессионального фактора в генезисе «холодной войны» привлекла внимание исследователей только в начале 90-х годов. Объясняется это, на наш взгляд, рядом важных обстоятельств. Во-первых, историко-церковная тематика на протяжении многих десятилетий не относилась к числу приоритетных в отечественной исторической науке. Кроме того, ее исследованию серьезно препятствовало состояние источниковой базы и в первую очередь длительная закрытость архивных фондов. Демонстрируемый в наши дни интерес к роли церкви в послевоенной истории обусловлен во многом тем, что церковь, независимо от того, на каком из полюсов мирового противостояния находилась, являлась важным инструментом внешней политики. В полной мере относится это и к Русской православной церкви (РПЦ).

Напомним, что к концу 30-х годов РПЦ как общественный институт стояла на пороге полного уничтожения: резкое сокращение числа храмов привело к тому, что на территории СССР действовало всего около 100 православных церквей, на свободе оставались только 4 епископа, деятельность Священного Синода прекращена, организационная структура РПЦ развалена, материальная база ликвидирована. Созданный в апреле 1923 г. Союз воинствующих безбожников развернул борьбу «с религиозным дурманом во всех его формах». В программе Союза было безапелляционно заявлено, что «...на третьем году "безбожной пятилетки", т. е. к 1935 году, должна быть разрушена последняя церковь, а на ее пятом году в стране вообще не будет произноситься слово Бог»[1].

Ситуация резко изменилась с началом Великой Отечественной войны. Как подчеркивает российская исследовательница Т. А. Чумаченко, это

[1] Малая советская энциклопедия. Т. 8. М., 1930. С. 254; *Торчинов В. А., Леонтюк А. М.* Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. СПб., 2000. С. 429.

inslav

«самое трагическое событие в истории нашей Родины... оказалось спасением для РПЦ»[1]. Именно в годы войны государство осуществило резкий поворот в своей церковной политике, отказалось от антирелигиозной пропаганды и сделало церкви целый ряд послаблений, несколько укрепивших в первую очередь ее материальное и кадровое положение.

Начало нового этапа в государственно-церковных отношениях можно определить с точностью до дня, что нечасто бывает в истории. Такой точкой отсчета стало 4 сентября 1943 г. В этот день И. В. Сталин провел две встречи. С утра он вызвал к себе на дачу полковника госбезопасности Г. Г. Карпова и в присутствии секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова и наркома внутренних дел Л. П. Берии детально обсудил положение дел в РПЦ. Особый интерес Сталина вызвали зарубежные связи Московской Патриархии, ситуация в православных церквах Болгарии, Румынии, Югославии, личности русских иерархов, а также патриархов Иерусалимского и Антиохийского. В конце беседы Сталин заметил, что пришло время создать специальный государственный орган для связи между руководством РПЦ и правительством. Этот орган по делам РПЦ смог бы возглавить Карпов.

Георгий Григорьевич Карпов родился в 1898 г., то есть во время описываемых событий ему было 45 лет. В 1920 г. он вступил в РКП(б); с 1922 г. — сотрудник Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. В феврале 1941 г. включен в состав руководства одного из отделов III-го (секретно-политического) управления, в структуре которого имелось специальное подразделение по «борьбе с церковно-сектантской контрреволюцией». (Заметим, что с начала 20-х годов государство контролировало деятельность церкви с помощью силовых ведомств, сперва ГПУ, затем НКВД.) В феврале 1943 г. Карпов получил звание полковника госбезопасности. Весной этого же года после реорганизации структуры НКВД СССР и выделения из его состава наркомата государственной безопасности (НКГБ СССР) Карпов возглавил 2-е управление (контрразведка). Он, несомненно, являлся отлично информированным и подготовленным сотрудником, и выбор его в качестве руководителя Совета по делам РПЦ не был случайным.

Несколькими часами позже Сталин встретился с иерархами РПЦ — патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием (И. Н. Страгородским), митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием (С. В. Симанским) и экзархом Украины митрополитом Киевским и Галицким Николаем (Б. Д. Ярушевичем). Долгое время эта встреча оставалась легендой в церковных кругах. Подробности ее стали известны сравнительно недавно[2]. Лейтмотив встречи — высокая оценка, данная Сталиным патриотической

[1] *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999. С. 10.

[2] *Алексеев В. А.* Неожиданный диалог // Агитатор. 1989. № 6. С. 41–44; *Одинцов М. И.* Другого раза не было // Атеистические чтения. 1989. Вып. 19 и др.

inslav

деятельности РПЦ, и ясно выраженная готовность содействовать решению ее проблем. Эта готовность простерлась до того, что Сталин предложил финансовую и организационную помощь в проведении Поместного собора для избрания Патриарха (последний раз патриарх избирался 18 лет назад). В ответ на замечание митрополита Сергия, что на подготовку Собора уйдет не менее месяца, Сталин предложил «проявить большевистские темпы». В итоге была достигнута договоренность о проведении Собора уже 8 сентября 1943 г. Благодаря очевидной заинтересованности Сталина, установленный срок, несмотря на условия военного времени, был выдержан: 8 сентября 1943 г. в Москве при участии 19 иерархов состоялся Собор, избравший Патриархом митрополита Сергия[1]. Иерархи приняли благодарственное обращение к советскому правительству, особо подчеркнув «сочувственное отношение» лично Сталина к нуждам русской церкви и обещая приумножить свои труды во имя спасения Родины. Собор также призвал христиан всего мира к объединению «для окончательной победы над общим врагом...». 12 сентября в патриаршем Богоявленском соборе торжественно прошла интронизация нового Патриарха.

Интересно, что во время встречи с иерархами 4 сентября Сталин представил им Карпова как будущего руководителя создаваемого Совета. Реакция на это известие описана в литературе по-разному. По одним сведениям, митрополиты с удовлетворением восприняли данную информацию, заявив, что знают Карпова и с уважением относятся к его назначению[2]. Известный историк церкви Д. В. Поспеловский, напротив, сообщает, что митрополит Сергий выразил удивление: «Но разве это не тот Карпов, который нас преследовал?» — спросил он. — «Тот самый, — ответил Сталин... — Партия приказывала преследовать вас, и он выполнял приказ партии. Теперь мы приказываем ему быть вашим ангелом-хранителем. Я знаю Карпова, он исполнительный работник»[3].

Встает главный вопрос — в чем причина столь решительного шага советского руководства, явно направленного на «замирение» с церковью? Почему это произошло во второй половине 1943 г.?

Изучение архивных материалов позволило исследователям связать ответ на этот вопрос с внешнеполитическим фактором, правда, интерпретируя его по-разному. По мнению одних (В. Алексеев), Сталину важно было продемонстрировать подвижки в церковной политике в канун Тегеранской конференции. Другие (Д. Поспеловский) склонны считать, что в 1943 г. Сталин понимал: «ему предстоит как-то “приручить” католические, православные и протестантские народы Восточной Европы», равно как и собственных западных территорий. Важно было «не отпугивать и не

[1] После смерти Сергия, последовавшей 15 мая 1944 г., Патриархом был избран Алексий (С. В. Симанский).

[2] *Чумаченко Т. А.* Указ. соч. С. 24.

[3] Цит по: *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 190.

inslav

настраивать против себя тамошние церкви». Добиться этого можно было «при наличии в СССР такой церкви, которая, по крайней мере, казалась бы благополучной и процветающей». Этой точки зрения придерживается и М. В. Шкаровский[1].

Изучение архивных материалов Совета по делам РПЦ, сохраняемых в Государственном архиве Российской Федерации, подтверждает серьезность намерений советского руководства использовать РПЦ как инструмент для осуществления геополитических планов[2]. Более того, именно эти планы обусловили столь резкий поворот в церковной политике государства. Вместе с тем ситуация на «внутреннем» фронте в последующие годы (недостаточная «отзывчивость» властей на просьбы об открытии новых храмов, очевидное затягивание рассмотрения соответствующих ходатайств и др.) свидетельствовала о намерении государства не выходить за границы достигнутого с церковью компромисса. Его условия были четко определены и подтверждены на протяжении 1943–1945 гг., в том числе и во время встреч церковных лидеров со Сталиным[3]: в итоге РПЦ приобрела фактически статус покровительствуемой конфессии (отсюда относительная литургическая свобода и некоторая терпимость государства[4]), а взамен обязалась обслуживать государственные интересы в сфере внешней политики и пропаганды. Особую роль предстояло сыграть при этом Отделу внешних сношений Московской Патриархии и возглавившему его митрополиту Николаю, которого нередко сравнивали с церковным министром иностранных дел.

Первыми шагами явилось спешное и активное восстановление внешних контактов Московской Патриархии, целенаправленно ликвидировав-

[1] *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы. С., 1991. С. 336–337; *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 192–193; *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь в 1943–1958 годах // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 36–41.

[2] *Чумаченко Т. А.* Указ. соч. С. 15.

[3] Архивные документы фиксируют, что Сталин дважды встречался с иерархами РПЦ: 4 сентября 1943 г., о чем говорилось выше, и 10 апреля 1945 г. — с патриархом Алексием и митрополитом Николаем (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1013. Л. 175–177).

[4] «Итоги внезапной перемены курса стали поистине ошеломляющими, — пишут В. А. Торчинов и А. М. Леонтюк. — По всей стране в централизованном порядке происходило открытие тысяч православных храмов, а количество церковных общин было вскоре доведено, по некоторым сведениям, до 20 тысяч! Из заключения и ссылок выпускаются епископы... и сразу получают назначение на епархиальные кафедры. Находящиеся в действующей армии бывшие священнослужители демобилизовываются при согласии вернуться к церковной службе... В целях подготовки кадров священнослужителей решили вновь открыть духовные учебные заведения — академии и семинарии. Церковь получила возможность издания религиозной литературы — в том числе периодической... Прекратились дикие шабаши Союза воинствующих безбожников, сопровождавшиеся святотатственным пропагандистским разгулом» (*Торчинов В. А., Леонтюк А. М.* Указ. соч. С. 430).

inslav

шихся государством в 30-е годы. Особенно заметным процесс восстановления связей стал к окончанию Второй мировой войны. На январский (1945 г.) Поместный собор в Москву съехались представители восьми автокефальных церквей, заявившие о своем согласии общими усилиями вести борьбу против Ватикана. Советская сторона рассматривала Ватикан в новой церковной обстановке за рубежом как главного противника.

Благодаря активной поддержке РПЦ в феврале 1945 г. удалось добиться снятия схизмы[1] с Болгарской православной церкви, руководство которой в лице экзарха Стефана заявило о признании «ведущего места [РПЦ] (так в тексте. — *Т. В.*) в большом семействе славянских народов как старшей и передовой среди православных церквей»[2].

В апреле—мае 1945 г. представители Московской Патриархии выезжали в Югославию (епископ Сергий) и Румынию (епископ Иероним), где были торжественно приняты церковными лидерами и руководством этих государств. Во время ответного визита в октябре 1946 г. в Москву патриарха Румынской православной церкви Никодима помимо прочего румынские иерархи высказались в пользу превращения Москвы в центр православия, особо подчеркнув лидирующую роль РПЦ в предстоящей борьбе с католицизмом[3].

В мае—июне 1945 г. новый патриарх Алексий впервые за всю историю РПЦ совершил паломничество в Святую Землю. Очевидно, что инициирована эта поездка была официальными властями и преследовала прежде всего политические цели: Алексий посетил патриархов Иерусалимского, Александрийского и Антиохийского, встречался с главами правительств, видными общественными деятелями. В это же время митрополит Николай побывал в Англии. Основным итогом этой поездки явилось достигнутое с руководством англиканской церкви в лице архиепископа Йоркского единство взглядов на Ватикан как общего врага православия и англиканства.

Не менее плодотворным оказался для РПЦ и 1946 год. В декабре 1946 г. во время Всеславянского конгресса в Белграде митрополиту Николаю удалось достичь договоренности с патриархом Сербским Гавриилом о поддержке сербами позиции РПЦ по таким вопросам, как борьба с Ватиканом, отношение к экуменическому движению и пр. Глава Сербской автокефалии фактически признал главенство РПЦ в славянском церковном мире, заявив, что он «отметает ориентацию на Запад»[4].

Заметим, что оживление контактов с Московской Патриархией непосредственно отразилось на позиции ряда национальных церквей по отно-

[1] Схизма (лишение права общения с другими церквами) была объявлена 16 сентября 1872 г. на Вселенском соборе в Константинополе. Она означала непризнание автокефальности Болгарской церкви, ее изоляцию в православном мире.

[2] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 65. Л. 280.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407. Л. 91–92.

[4] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 104, 105, 148.

inslav

шению к официальной власти. Вернувшись из Москвы, патриарх Румынский Никодим, как отмечалось в отчетном докладе Совета по делам РПЦ за 1946 г., представленном в правительство и ЦК ВКП(б), активно способствовал победе Народно-демократического фронта на выборах 1946 г. Лояльную позицию по отношению к власти занял и патриарх Сербский Гавриил. В упомянутом докладе Совета это напрямую связывалось с беседами осенью 1946 г. между прибывшим в Карловы Вары на лечение Гавриилом и экзархом Московской Патриархии в Чехословакии архиепископом Елевферием, проведенными «по поручению патриарха Алексия»[1].

Важной стороной деятельности РПЦ в послевоенные годы стало воссоединение с Московской Патриархией заграничных православных приходов. К январю 1946 г. был положительно решен вопрос о принятии Чехословацкой православной церкви под юрисдикцию РПЦ. Осенью 1946 г. отчетливо обозначилось намерение патриарха Алексия аналогично решить вопрос и в отношении православной церкви в Польше, которая в 20-е годы объявила о своей автокефалии, т. е. независимости от РПЦ. После окончания войны глава Польской православной церкви митрополит Дионисий, считавшийся «антисоветски настроенным», был отстранен от управления. Польское руководство, заняв твердую позицию в пользу автокефалии, в то же время выражало настойчивые пожелания, чтобы вопрос о руководителе польской церкви был решен патриархом Алексием. На Алексия «мы смотрим как на главу всех славянских церквей», — заявил в беседе с Г. Карповым в ноябре 1946 г. министр юстиции Польши Г. Свентковский[2]. В июне 1948 г. Священный Синод РПЦ согласился с самостоятельностью польского православия.

Довольно активно и поначалу успешно шло воссоединение с Московской Патриархией русских эмигрантских приходов, охватив Германию, Австрию, Венгрию, Великобританию, Францию и другие страны. Более того, процесс этот вышел за пределы Европы, распространившись в Америке, Азии, Африке.

Подводя итоги работы Совета в 1943–1946 гг., Г. Карпов в докладе Сталину особо подчеркнул, что после окончания войны в центре внимания Совета находилось «расширение сфер влияния и деятельности РПЦ за границей». Только в 1945–1946 гг. представители Московской Патриархии побывали в 17 странах, сумели привести под юрисдикцию РПЦ 5 митрополитов, 17 епископов и 285 православных приходов. В эти же годы СССР посетило 13 заграничных церковных делегаций. Все внешнеполитические мероприятия Совета, направленные на воссоединение русских православных церквей за границей с Московской Патриархией и укрепление ее связей с православными церквами, особенно в славянских и народно-демократических странах, преследовали основную цель — ис-

[1] Там же. Л. 107.

[2] Там же. Оп. 2. Д. 10. Л. 39.

inslav

пользовать РПЦ «в качестве канала для проведения нашего влияния за рубежом», — констатировалось в докладе[1].

Но эта деятельность была лишь частью более обширного и амбициозного плана советского руководства по созданию в Москве Вселенского центра православия, своего рода «Московского Ватикана». Этот план возник не на пустом месте, а опирался и учитывал позицию определенной части православного клира. В «верхах» РПЦ после войны оживились мечты о Москве — Третьем Риме, к 1946 г. обозначилась идея проведения в столице Вселенского собора для решения вопроса о присвоении Московской Патриархии титула Вселенской[2]. Разделялись подобные настроения и некоторыми авторитетными руководителями заграничных православных приходов. Одним из таких деятелей был глава Западноевропейской русской епархии митрополит Евлогий, который еще в ноябре 1944 г. после освобождения Парижа сообщил патриарху Алексию о желании выйти из-под юрисдикции Константинополя и восстановить связи с Московской Патриархией. Настроения Евлогия в то время, отраженные в воспоминаниях, поражают своей эмоциональностью: «Огромная непобедимая Россия, от Ледовитого океана до Индийского (мечта!), гроза пограничных сильных держав, покровительница малых, сестра родная всех славян... и Москва — кто знает! — быть может, всемирный центр Православия...»[3].

В советских планах создания в Москве мирового религиозного центра постепенно определились главные составляющие. Они и обозначили основные направления внешнеполитической деятельности РПЦ. Их было три. Первое — Ватикан. На завершающем этапе войны советская сторона попыталась несколько нормализовать отношения с центром католицизма, что отразило, помимо прочего, и реакцию Москвы на определенную двойственность внешней политики Ватикана[4]. Продвижение советских войск на Запад, в районы традиционного католического влияния, обусловило отказ Москвы от былой религиозной нетерпимости к католическим общинам в западных районах СССР. Одним из проявлений «нового» отношения явилось, в частности, возобновление деятельности католической семинарии в Латвии. Советское руководство сочло необходимым также

[1] Там же. Оп. 1. Д. 149. Л. 95, 98, 101, 108.

[2] Журнал Московской Патриархии. 1946. № 9. С. 56; *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999. С. 302.

[3] Цит по: *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь при Сталине... С. 291.

[4] Во внешней политике Ватикана соседствовали взаимоисключавшие друг друга тенденции: например, оказание моральной поддержки оккупированной Польше и нежелание открыто осудить лидеров германского нацизма, отказ провозгласить после нападения Германии на СССР «крестовый поход» против коммунизма и вместе с тем активное сотрудничество ватиканской и немецкой дипломатии ... (Подробнее см.: *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь при Сталине... С. 296.)

inslav

зафиксировать свою позицию в вопросе о религиозной терпимости, используя визит в СССР американского католического священника польского происхождения Ст. Орлеманьского. 4 мая 1944 г. в беседе с Орлеманьским Сталин фактически согласился письменно, в столь любимой им форме ответов на задаваемые вопросы (вопросы эти предстояло сформулировать Орлеманьскому), гарантировать, что католическая церковь в Польше не будет подвергаться преследованиям. «Если в Америке действительно полагают, что советское правительство собирается предпринять репрессии по отношению к католической церкви, то это просто дико... Никаких религиозных репрессий не должно быть и не будет. Советское правительство предпримет репрессии против тех, кто преследует религию», — заявил Сталин[1].

Провозглашенный курс начал реализовываться на практике: после освобождения летом 1944 г. Львова новые власти смогли установить нормальные отношения с руководством греко-католической (униатской) церкви. В декабре 1944 г. делегация униатов посетила Москву.

Однако явная демонстрация советской стороной желания нормализовать отношения с Ватиканом не принесла ожидаемых результатов. Более того, папа Пий XII выступил в начале 1945 г. с рядом заявлений, враждебных СССР, коммунистам, призвав одновременно к установлению «мягкого мира» и милосердию к побежденным в войне. В Москве стали также известны намерения Ватикана начать борьбу с леворадикальными элементами в странах, где католицизм являлся ведущей конфессией, организовав с этой целью комитеты «Акцио Католика» (Католического действия)[2]. Эти обстоятельства, наряду с обострением отношений между партнерами по антигитлеровской коалиции, а затем и осложнением ситуации на международной арене, привели к тому, что советская сторона, а следовательно, и РПЦ начала переходить на все более жесткую позицию по отношению к Ватикану. Последний теперь объявлялся «защитником фашизма», стремящимся усилить свое влияние в послевоенном мире.

Внешнеполитическая стратегия Москвы предполагала устранение этого влияния, в первую очередь в странах, вошедших в сферу советских интересов. Однако, понимая бесперспективность борьбы с католицизмом как вероисповеданием, Москва решила, что удар должен быть нанесен по его организационной структуре. Стремлением было добиться разделения католической церкви на национальные, независимые от центра, то есть от папы, церкви. Оформилась задача «освободить католицизм от папизма». К концу 1946 г. в Совете по делам РПЦ была сформулирована программа борьбы с Ватиканом, предполагавшая: а) окончательную ликвидацию униатской церкви в СССР; б) подготовку проведения аналогичных акций за границей (например, в Чехословакии, Югославии); в) резкое осуждение

[1] Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. 1944–1948 гг. М., 1999. С. 60.

[2] *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь при Сталине... С. 298.

inslav

папизма «с догматической точки зрения»; г) выпуск специального сборника материалов против Ватикана «для заграницы»; д) создание для борьбы с Ватиканом «альянса христианских церквей» в виде международного движения во главе с РПЦ при возможном участии в нем и всех других вероисповеданий[1].

Вторым, не менее важным направлением внешнеполитической деятельности РПЦ, особенно на Балканах, являлось экуменическое движение, главная цель которого, как официально объявлялось, состояла в осуществлении вселенского объединения христианской церкви для разрешения церковных вопросов. Заметим, что советская сторона считала, и не без оснований, подобную формулировку целей экуменистов «формальной», подчеркивая активную политическую направленность движения.

По мнению Москвы, экуменизм активно использовался прежде всего американцами в целях подчинения православных церквей славянских стран на Балканах и изоляции РПЦ. Однако в отношении экуменистов, представленных англиканской и другими протестантскими церквами, предполагалось применять более гибкую тактику: не исключалась, например, возможность временных блоков с «прогрессивными элементами» среди экуменистов, настроенными оппозиционно к американцам. Внимательно отслеживая ситуацию в экуменическом движении и, в частности, учитывая наличие в нем сил, готовых создать при участии РПЦ центр, противостоящий американскому влиянию, советское руководство в течение определенного времени колебалось в своих оценках экуменизма. Отражая эти колебания, патриарх Алексий в апреле 1947 г. писал главам православных церквей о том, что РПЦ «не решается одна, без обеспечения себе поддержки со стороны братских церквей, ни войти в ряды сотрудников экуменического движения, ни выразить этому движению обоснованный, хотя и горький для него отказ»[2].

Позиция Москвы в этом вопросе, несомненно, формировалась под сильным, если не сказать определяющим, влиянием внешнеполитических установок экуменистов, касавшихся послевоенных реалий. Так, на конференции в Женеве в 1946 г. экуменисты потребовали пересмотра Потсдамских решений в отношении Германии, заявили о необходимости борьбы против марксизма и пр.[3]. Тем не менее еще и в 1947 г. советская сторона допускала возможность сотрудничества при условии доминации РПЦ и других религиозных организаций СССР в экуменическом движении. Были выработаны условия участия в нем РПЦ, которые предполагалось предъявить во время переговоров русских иерархов с архиепископом Кентерберийским: а) обеспечение чисто церковной деятельности этого движения, то есть отказ от политических выступлений, и б) существенное расширение представительства православных церквей во главе с РПЦ, в

[1] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 112–113.
[2] Там же. Оп. 2. Д. 65. Л. 3.
[3] Там же. Оп. 1. Д. 149. Л. 114.

inslav

том числе в руководстве движения. (Согласно действовавшему положению, в руководящих органах экуменического движения православным церквам предоставлялось лишь 17 мест из 90, а для участия в совещаниях 85 из 450[1].) Однако достичь соглашения с возглавлявшей экуменическое движение англиканской церковью не удалось, как не удалось в конечном счете добиться и ее вступления в создававшийся антиватиканский церковный блок.

И, наконец, третье направление внешнеполитической деятельности РПЦ определялось советским руководством как борьба против блока некоторых православных церквей Ближнего Востока — «агентуры империалистов» в этом регионе. Речь шла о намерении американцев создать в Египте Союз восточных патриархов — объединение глав христианских церквей, в первую очередь патриархов Александрийского и Коптского. По имевшейся в Москве информации, активную деятельность в этом направлении развернул апостольский легат папы римского в Каире Артур Хюгс[2].

Нетрудно заметить зависимость перечисленных направлений от внешнеполитических, точнее, геостратегических устремлений Москвы. Так, «средиземноморские» планы Сталина (Греция, Турция, Израиль) обусловили пристальное внимание к восточным патриархам, а подчеркнутый интерес к экуменическому движению и Ватикану вполне укладывался в русло создания и укрепления советского блока в Восточной Европе.

На пути реализации намеченного советская сторона столкнулась со значительными препятствиями, заставившими существенно скорректировать первоначальные планы. Так, в частности, случилось с идеей проведения в Москве по инициативе РПЦ Всемирной конференции христианских (некатолических) церквей мира, выдвинутой Советом по делам РПЦ еще в марте 1945 г. Этот грандиозный замысел, открывавший возможность распространения советского влияния фактически на весь христианский мир, получил поддержку «инстанции» и лично Сталина[3]. Однако реальная церковная обстановка, выдвинувшая на первый план разрешение вопросов униатской церкви, обусловила новый подход к созыву конференции: ему должно было предшествовать намеченное на сентябрь 1947 г. в Москве совещание глав православных церквей, на котором предполагалось создать исполнительный орган нового международного христианского движения во главе с РПЦ. По расчетам советской стороны, именно на плечи этого нового органа легла бы задача подготовить созыв Всемирной конференции христианских церквей.

Развернулась масштабная подготовка совещания. Была разработана и повестка дня, включавшая девять вопросов, причем пять из них предполагалось осветить в докладах представителей РПЦ. Главными, несомнен-

[1] Там же.
[2] Там же. Д. 412. Л. 69.
[3] *Чумаченко Т. А.* Указ. соч. С. 63–64.

inslav

но, были вопросы с яркой политической окраской: отношение Ватикана к православию за последние 30 лет и Православная церковь и экуменическое движение. Тщательно продуманы были и стимулы для будущих участников: в начале 1947 г. готовилась торжественная передача Иерусалимской, Сербской, Александрийской и Антиохийской церквам подворий в Москве, Ленинграде и Киеве, а также денежные подарки главам Константинопольской, Греческой, Кипрской, Албанской и Сербской церквей.

К середине февраля 1947 г. планы несколько изменились: на сентябрь было назначено проведение так называемого Предсоборного совещания для обсуждения возможностей созыва в Москве в 1948 г. Вселенского собора. Основная цель последнего — решение вопроса о присвоении Московской Патриархии титула Вселенской. Но и этот план реализовать не удалось. После отхода от дел из-за болезни Константинопольского патриарха Максимоса, настроенного лояльно к РПЦ, позиция Константинополя ужесточилась. С ним солидаризировались Греческая и Кипрская церкви, отказавшиеся от участия во Всеправославном соборе. Мотивация отказа была убедительной и канонически выдержанной: правом созыва Собора такого масштаба обладала лишь Вселенская (Константинопольская) Патриархия. М. В. Шкаровский обратил внимание на то, что причины срыва проведения Предсоборного совещания в Москве коренились также и в широкой кампании по компрометации РПЦ в западной прессе, в активной и явно недооцененной Москвой роли Ватикана, его усилий, направленных против реализации «московского замысла», в разностороннем давлении, оказывавшемся Западом на православных иерархов, включая и щедрую материальную помощь[1].

Выход из создавшейся обстановки был найден в предложении Совета по делам РПЦ созвать в июле 1948 г. в Москве совещание глав православных церквей под благовидным предлогом — празднования 500-летия автокефалии русской церкви. Получив согласие «инстанции», Совет начал активную подготовку этого мероприятия. Действовал он в тесном контакте с другими министерствами и ведомствами, в первую очередь с Министерством иностранных дел СССР. Определенный круг задач ставился при этом перед советскими дипломатическими представительствами за рубежом. В письме Г. Г. Карпова заместителю министра иностранных дел В. А. Зорину от 16 апреля 1948 г. формулировалась, например, просьба дать указание посольствам оказывать всяческое содействие в организации поездки церковных делегаций в Советский Союз, собирать сведения об откликах в церковных кругах на саму идею проведения совещания, составить подробные характеристики членов делегаций. «В отдельных случаях, — подчеркивалось в письме, — когда это будет вызываться необходимостью, [следует] принять возможные меры к включению в состав делегаций лиц, благожелательно настроенных к Московской Патриархии». «В особенности, — писал Карпов, — следует уделить внимание тем странам Ближнего Востока, в которых под давлением американских и англий-

[1] *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь при Сталине... С. 302.

inslav

ских кругов православные церкви не могут свободно принять те или иные решения в отношении созываемого Московским Патриархом совещания». Следует заметить, что в Совете не питали иллюзий по поводу позиции Константинополя: «...нет оснований рассчитывать на приезд в Москву Вселенского Патриарха, но весьма важно присмотреться, как будет воспринято приглашение... патриархом Максимосом и его окружением и какие меры будут приниматься со стороны американских кругов в отношении Константинопольской церкви», — подчеркнул Карпов[1].

В докладной записке Г. Г. Карпова, представленной в Совет министров СССР К. Е. Ворошилову 9 мая 1948 г., отмечалось также, что маловероятно участие в совещании представителей Александрийской, Греческой и Кипрской церквей. «Таким образом, — писал Карпов, — совещание не будет носить характера вселенского, но оно будет, по существу, представлять преобладающую часть православного мира, так как в нем примут участие все основные православные церкви. ...Московское церковное совещание... будет иметь значение как демонстрация сплочения большинства православных церквей вокруг Русской церкви, как выражение единства этих церквей в деле поддержки антиимпериалистических демократических сил в их борьбе против поджигателей новой войны»[2].

2 июля 1948 г. Г. Г. Карпов направил обстоятельную записку А. Я. Вышинскому о положении в православном мире в канун открытия совещания. Отмечая «рост престижа Московской Патриархии и усиление ее влияния среди православных церквей стран новой демократии», руководитель Совета с тревогой констатировал активность Запада, «англо-американских реакционеров», направленную на отрыв церквей в Балканских странах от РПЦ. В подтверждение этого вывода Карпов привел факты посещения Софии, Белграда и Праги (в таком контексте Чехословакия попала в число Балканских стран. — *Т. В.*) видными деятелями экуменического движения Кохберном и Тобиасом, а также англиканским епископом Горслеем с целью приобщить Болгарскую и Сербскую церковь к экуменическому движению, расколов тем самым объединение православных церквей, складывающееся вокруг Московской Патриархии на Балканах, получить в результате возможность вмешательства во внутренние дела славянских стран. Карпов подробно охарактеризовал действия советской стороны, включая РПЦ, позволившие, по его словам, достичь к началу совещания «единства линии поведения всех делегаций по основным вопросам повестки для совещания». «Линия» эта заключалась в «осуждении антихристианской и антидемократической сущности папизма и отказе от участия православных церквей в экуменическом движении»[3].

Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют охарактеризовать методы, с помощью которых достигалось упомянутое единство. Надо сказать, что диапазон их был достаточно широк. В Албании, напри-

[1] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 412. Л. 12–13.
[2] Там же. Д. 289. Л. 153.
[3] Там же. Д. 412. Л. 58–60, 62.

inslav

мер, где церковь находилась на грани лишения ее автокефалии, удалось несколько укрепить ее положение. Дело было в том, что в Албанской православной церкви к январю 1948 г. в результате арестов за сотрудничество с итальянскими и немецкими оккупантами имелся всего один епископ, а одним из условий автокефальности было наличие не менее четырех иерархов такого ранга. Поэтому в апреле 1948 г. делегация РПЦ во главе с епископом Нестором прибыла в Тирану с задачей не просто, как значилось в одном из документов, нанести «ответный визит»[1], но, и это было главным, возвести в сан епископа албанских священников. Первым стал архимандрит Паисий (Пашко) Водица, который рассматривался в Москве как наиболее вероятный глава Албанской православной церкви. Водица обещал полную поддержку РПЦ на совещании в Москве. Этому не могло помешать даже то обстоятельство, что, по признанию албанских священников, они только в январе 1948 г. «впервые слышали» об экуменическом движении[2] и вряд ли имели подробное представление о его целях и задачах. Укрепление Албанской православной церкви, ее «привязка» к Московской Патриархии были высоко оценены в Совете: РПЦ приобретала в Албании «аванпост для борьбы с католицизмом»[3].

Иначе обстояло дело в Болгарии: экзарх Стефан был известен своими широкими связями, длительными контактами с экуменистами, горячим сторонником идей которых являлся. По рекомендации Москвы Г. Димитров и В. Коларов смогли убедить Стефана в необходимости порвать с экуменистами, отказаться от участия в предстоявшей в августе 1948 г. в Амстердаме ассамблее экуменического движения. Взамен Стефану был обещан патриарший сан, о котором он мечтал. Экзарху было прямо сказано, что вопрос о сане будет решен «в зависимости от его линии поведения на московском совещании и ...отношения Болгарской церкви к правительству Отечественного фронта»[4]*.

[1] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 456. Л. 23.

[2] Там же. Л. 22–23; Оп. 1. Д. 412. Л. 61; Д. 417. Л. 28, 47, 7.

[3] Там же. Д. 417. Л. 28.

[4] Там же. Д. 412. Л. 61.

* Документы тем не менее свидетельствуют, что Стефан, принявший условия компромисса, испытывал, уже находясь в Москве, мучительные колебания насчет правильности своих действий. Отчасти это отразилось в его противоречивых высказываниях и выражавшихся, особенно в конфиденциальных беседах с православными иерархами, сомнениях. Поведение и контакты Стефана, как и всех других участников совещания, тщательно контролировались и анализировались советскими спецслужбами, опиравшимися на своих информаторов в церковной среде. Советская сторона все настойчивее склонялась к негативным оценкам личности и действий Стефана. «Хитрый политик и дипломат», «двуличный человек», «хитрый прожженный политикан», «типичный хамелеон» — это лишь некоторые характеристики Стефана, содержавшиеся в регулярных донесениях Совета в правительство о ходе совещания. Подводил черту общий вывод о том, что поведение Стефана «требует к себе особого внимания» (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 289. Л. 21; Д. 290. Л. 54, 126, 93).

inslav

В Румынии, где удалось установить тесные контакты с церковным руководством, прежде всего с новым патриархом Юстинианом (Никодим скончался в феврале 1948 г.), Совет по делам РПЦ, со своей стороны, активно воздействовал на министра культов Стояна Станчиу, которому «были даны необходимые рекомендации», касавшиеся совещания в Москве[1]. Итогом явилось полное согласование позиций.

Для привлечения на сторону РПЦ Польской православной церкви были использованы промосковские настроения части приходов, стремившихся под юрисдикцию Московской Патриархии. 22 июня 1948 г. автокефалия, предоставленная Польской церкви в 1924 г. Константинополем, была объявлена недействительной и подписан акт о даровании автокефалии Московской Патриархией [2]. Иными словами, оставаясь независимой, Польская православная церковь фактически признала патронат РПЦ.

Единство позиций было достигнуто и с Сербской православной церковью, хотя в это время положение ее «верхов» серьезно осложнилось в связи с началом советско-югославского конфликта. Руководитель правительственной комиссии по вероисповеданиям генерал Джурич фактически запретил патриарху Гавриилу поездку в Москву, пригрозив лишением сана и невозможностью вернуться на родину. Реакция Гавриила была резкой: по полученным в Москве сведениям, диктат руководства лишь укрепил намерение сербского патриарха участвовать в совещании. Благодаря вмешательству МИД СССР конфликт удалось разрешить. Гавриил приехал в Москву, где в беседах с советскими представителями и деятелями РПЦ критически отзывался о режиме в Югославии, личности Тито, характере государственно-церковных отношений[3]. Советская сторона исключительно высоко оценивала позицию Гавриила, которая позволяла рассчитывать, и не без оснований, на поддержку Сербской православной церкви в борьбе с Ватиканом и экуменизмом, а также и на распространение промосковских настроений в среде православных верующих.

Среди методов, используемых Москвой, большое значение имела материальная поддержка руководства православных церквей. Здесь, надо сказать, не было изобретено ничего нового: этот испытанный прием широко применялся еще до советской власти. Понятно, что, оказывая материальную помощь, советская сторона рассчитывала на определенные встречные шаги и, как показывают документы, не без оснований. Так, в ноябре—декабре 1946 г. щедрая помощь была оказана Восточным патриархам — Иерусалимскому и Антиохийскому в обмен на обещанную ими поддержку Московской Патриархии, в частности, в борьбе с Ватиканом и «карловацким» Синодом[4]. Совершавший эту поездку митрополит ленинградский

[1] Там же. Д. 412. Л. 62; Оп. 2. Д. 456. Л. 12.

[2] *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 258–259.

[3] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 290. Л. 125.

[4] Созданная в Карловцах (Югославия) эмигрантская церковная группировка, осуждавшая сотрудничество РПЦ с государством. После Второй мировой войны Карловацкий синод возглавил митрополит Анастасий (А. Грибановский).

Inslav

Григорий сообщал в совет по делам РПЦ, что и Александрийский патриарх Христофор «очень нуждается», что его отношение к Русской церкви было бы более благоприятным, если ему будет оказана материальная помощь[1]. Для «урегулирования отношений» с Константинопольским патриархом Максимосом было решено также в 1946 г. послать в Турцию митрополита Крутицкого Николая «с подарком» — 50 тыс. долларов США[2]. Несмотря на то, что турецкое правительство длительное время не давало въездной визы, визит все же состоялся. Его итог был, несомненно, позитивным: Вселенский патриарх отказался, вопреки сильному давлению со стороны официальных турецких властей, осудить с амвона греческих коммунистов — участников Гражданской войны[3]. В мае 1947 г. 555 тыс. инвалютных рублей (это соответствовало 30 млн. левов) получила в виде займа «для специальных целей» болгарская церковь. Экзарх Стефан добивался этого с 1945 г. Совет министров СССР принял позитивное решение по этому вопросу весной 1946 г. после консультации с Г. Димитровым. Димитров одобрил подобный шаг, подчеркнув, что он усилит позиции сторонников ориентации на РПЦ в Болгарии[4].

Частично представить размах финансовой помощи зарубежным церквам позволяют архивные материалы, согласно которым по решению советского правительства, например, только на 1947 г. были предусмотрены расходы в сумме 1 238 500 инвалютных рублей. Из них 820 тыс. были переданы Московской Патриархии безвозмездно «для использования в специальных (секретных) целях», а остальная сумма инвалюты покрывалась по соответствующему курсу в советских рублях за счет средств Московской Патриархии[5]. (Справедливости ради заметим, что на финансовые рычаги активно нажимали и экуменисты, гарантировавшие материальную помощь православным церквам Болгарии, Югославии, Чехословакии за отказ от поддержки ими РПЦ[6]).

В июле 1948 г. открылось совещание в Москве. Внешне оно было достаточно представительным, собрав делегатов от 11 автокефальных церквей из 13 существовавших. Однако из четырех восточных патриархов не приехал ни один. Митрополит Эмесский Александр представлял Антиохийского и Александрийского патриархов. Две делегации — Константинопольского патриарха во главе с экзархом по Европе митрополитом Германосом и Греческой (Элладской) церкви во главе с митрополитом Хризостомосом прибыли лишь на празднества 500-летия автокефалии РПЦ и в последующей работе совещания не участвовали. Таким образом, прогноз Совета по делам РПЦ подтвердился: было очевидно, что привести мировое православие под власть Русской православной церкви не удастся.

[1] ГА РФ. Ф. 6991. Д. 149. Л. 109.
[2] Там же. Л. 110.
[3] *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь при Сталине... С. 288.
[4] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 124, 129, 266, 267.
[5] Там же. Л. 122.
[6] Там же. Л. 277; Д. 290. Л. 54; Д. 412. Л. 59–60.

inslav

Совещание смогло лишь решить задачу-минимум: создать регионально-ограниченный восточноевропейский блок православных церквей под руководством РПЦ. В его основание были заложены единогласно принятые «Обращение к христианам всего мира», направленное против Папы римского и Америки как «гнезда протестантизма», постановления «Ватикан и Православная церковь», «Экуменическое движение и Православная церковь», а также резолюция «Об англиканской иерархии», явившаяся фактическим отказом в признании законности существования последней. Подтекст этого был очевиден: англиканская церковь рассматривалась как претендентка на европейское лидерство[1].

Итак, амбициозные и далеко идущие планы создания Православного Ватикана в Москве не были реализованы, всемирно-христианского антипапского движения создать не удалось. Более того, католическая церковь сумела в 40-е гг. в ряде стран укрепить свои позиции, успешно противостоять, как, например, во Франции и Италии в 1947–1948 гг., влиянию коммунистов, оттеснив последних с авангардных политических рубежей, и в целом «утяжелить» свой политический вес в международных делах. Неэффективной можно, на наш взгляд, признать и антиэкуменическую деятельность РПЦ. В августе—сентябре 1948 г. в Амстердаме на ассамблее экуменического движения был создан Всемирный совет церквей (ВСЦ), в организации которого участвовали и три автокефальные православные церкви.

Вместе с тем неправильно было бы отрицать или недооценивать роль РПЦ во внешней политике советского руководства в первые послевоенные годы: являясь специфическим инструментом в реализации геостратегических замыслов, Московская Патриархия, несомненно, способствовала обеспечению стабильности на восточноевропейском участке фронта «холодной войны», причем в сложный переходный период, когда в странах региона шло утверждение режима народной демократии, и восточный, советский блок находился в стадии формирования.

[1] *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь при Сталине... С. 303.

inslav

III раздел

БАЛКАНЫ — ЗОНА СТОЛКНОВЕНИЯ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Ар. А. Улунян
Институт всеобщей истории РАН

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ РОССИЙСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ НА БАЛКАНСКИЙ РЕГИОН С КОНЦА XIX ВЕКА ДО 90-Х ГГ. XX ВЕКА
(проблемы исторической политологии)

Одним из важных аспектов международных отношений, имеющих влияние на их развитие, являются пространственно-политические взгляды правящих элит государств. Несмотря на всю дискуссионность самого термина «правящая элита», его использование закономерно для характеристики тех социально-политических слоев, которые в силу своего институционального статуса занимаются определением и проведением как общего политического курса, так и принятием решений по конкретным политическим вопросам. Особенность имиджелогического иерархического расположения, или позиционирования, отдельных географических регионов, стран и континентов в представленческой модели мира как тех, кто принимает решения[1], так и референтных групп[2], выполняющих роль экспертно-аналитических сообществ, связующего звена между институтами власти, а также между самой властью и обществом, определяется прежде всего восприятием и интерпретациями национального интереса этими

[1] *Jervis R.* Perception and Misperception in International politics. Princeton, 1976.

[2] Подробнее см.: *Улунян Ар. А.* Русская геополитика: внутрь или вовне? (Российская научная элита между Западом и Востоком в начале XX века) // Общественные науки и современность. 2000. № 2.

inslav

субъектами. Закреплению соответствующих пространственно-политических представлений способствует комплекс исторических, общественно-политических, этно-культурных, естественно-географических и конкретных событийных факторов. При этом стереотип как целостный образ объекта «превращается в стереоструктуру объекта (она может экранироваться далее в разных проекциях и тем самым получить самостоятельное существование в новой функции)»[1].

Само определение внешнеполитического курса во многом представляет собой социальный процесс. Вполне справедливым можно считать утверждение, что «члены принимающей решения элиты получают ценности, восприятие и ожидания относительно мировой ситуации от широких слоев общества»[2]. Одновременно сам процесс принятия решений во многом «является как бы комбинацией новой информации и старых воспоминаний»[3]. Характерно, что образ Балкан как особой геополитической зоны в представлениях российской правящей элиты, эволюционируя на протяжении нескольких хронологических этапов, сохранял в течении ста последних лет отдельные статичные черты.

В так называемый имперский период (конец XIX в. — 1917 г.) Балканы рассматривались ею как зона жизненно важных российских интересов в контексте противоборства великих держав. Сам полуостров выступал в ее представлениях в роли составной части более общего региона, включающего в себя такие элементы, как Средиземноморье, Черноморско-Кавказский район, Ближний и Средний Восток, Переднюю Азию. Поэтому есть достаточно на то оснований, чтобы говорить о существовании в представлениях российской правящей элиты региона, который объединяет широкое геополитическое поле, напоминающее по форме дугу и простирающееся от крайних пределов восточного Средиземноморья на западе до Ирана и Афганистана на востоке.

Особенности развития геополитики как науки определились на протяжении первых 15 лет XX века и прежде всего в работах иностранных ученых — британца Х. Макиндера, шведа Челлена и немцев Р. Ратцеля и К. Хаусхофера. В российской действительности кристаллизация геополитического метода проходила в рамках таких научных дисциплин, как география и прикладная статистика, которые в первую очередь были связаны с выработкой конкретных моделей государственного устройства самой Российской Империи, а не окружающего ее мира. Именно в этом контексте и развивалась так называемая отечественная антропогеография[4]. Стратегические оценки российских военных ученых также касались в той или иной степени места и роли России в системе международных коорди-

[1] *Левашов В. И.* Введение в психосемиотику. С.-Пб., 1994. С. 47.

[2] *Farrands Ch.* State, Society, Culture and British Foreign Policy// British Foreign Policy. Tradition, Change and Transformation//Ed. by M. Smith, St. Smith, B. White. London, 1988. P. 51.

[3] *Deutsch K.* The Analysis of International Relations. L., 1978. P. 85.

[4] *Синицкий Л.* Очерк истории антропогеографических идей. М., 1909.

inslav

нат, частью которых являлись так называемые конфликтные зоны, объявленные для России жизненно важными: Балканы, черноморские проливы, Передняя Азия и Дальний Восток. При этом первые из них соединяли в себе одновременно стратегическую и идейно-политическую заинтересованность, основанную на этно-конфессиональных принципах.

Конец XIX — начало XX вв. были отмечены рядом крупных военно-политических конфликтов как регионального, так и более широкого, глобального масштаба. Бóльшая часть их была связана в той или иной степени с европейским континентом, так как или географически, или политически в них были задействованы европейские государства. Все эти события лишь усилили поиск концептуальной системной основы возможного алгоритма развития пространственно-политической картины мира, прежде всего в европейском регионе. В то же время немаловажное значение для европейских государств имели также их колониальные («заморские») владения. Борьба за колонии, влияние на континенте, стремление к территориальному переделу или, наоборот, к сохранению своих владений, т. е. все то, что связано с функционированием сложившихся государственных образований в Европе, начало приобретать новые, непохожие на существовавшие ранее при развитии мировых конфликтов черты. В этой связи вполне естественным становился процесс поиска «смыслового ключа» происходящих изменений, способного объяснить с позиций системного подхода механизм мировой политики.

«Россоцентризм» разработок российских референтных групп отвечал общей тенденции эволюции геополитических взглядов правящей элиты страны. Примечательна и сама аргументация мотивов внешнеполитической деятельности России, излагавшаяся представителями правящей элиты в начале XX в. и сочетавшая традиционализм с новым пониманием национального интереса. В записке «Задачи военной политики России на Востоке» министр иностранных дел М. Н. Муравьев писал: «Россия, не раз поднимая меч в защиту угнетенных единоверных народов, никогда не руководствовалась теориями "оппортунизма" и не прибегала к оружию с целью достигнуть невызываемой насущною потребностью материальной выгоды, пользуясь лишь невзгодами своего соседа. Россия всегда и повсюду смело становилась лицом к лицу с своим врагом или соперником **в ту именно минуту** (так в документе. — *Ар. У.*), когда того требовали ее государственные интересы либо когда приходилось победоносно отражать воздвигаемые против нее козни»[1].

В этом контексте Балканы рассматривались как нестабильная зона потенциальных этно-конфессиональных и этно-территориальных конфликтов, требующая сохранения, а точнее, консервации существующего

[1] АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 191/187. Задачи военной политики России на Востоке. Автор — Министр иностранных дел М. Н. Муравьев. Записка была «высочайше одобрена» 25 января 1900 г.

inslav

положения в ней в целях недопущения серьезного открытого европейского военно-политического противостояния. В этих условиях геополитика как метод и наука, занимающаяся определением зависимости общественно-политических институтов, социально-политического и экономического развития государств от их географического расположения, использовалась весьма активно. Уже априори в геополитических взглядах российской правящей элиты конца XIX в. и вплоть до 1917 г. существовало устойчивое восприятие конкретных стран региона. Основными элементами их образа (а от этого зависела и соответствующая оценка) были этническая и конфессиональная близость к России или удаленность от нее; династические связи с Россией; историческая роль в ее судьбах; значение конкретной страны для взаимоотношений России как с государствами полуострова, так и с Европой; возможность обеспечения российских территориальных интересов в регионе. Именно в это время в геополитических воззрениях российских правящих кругов усиливается борьба между двумя подходами в восприятии Балкан: между *традиционализмом* прежних этноконфессиональных исторических оценок и *новациями* при формулировании национальных интересов России. Первое из них было наиболее отчетливо выражено «Группой прогрессивных общественных деятелей» в период Балканских войн в контексте общей темы «Россия между Западом и Востоком»: «У всех русских людей, сочувствующих славянам и алчущих достойных проявлений великодержавности России, накопились за эти месяцы и горечь, и досада, и озлобление от действий непонятных, от упорного молчания по адресу русского общества и необыкновенной, скажу легкомысленной, откровенности по отношению не только иностранных, а иногда и заведомо враждебных дипломатов, и даже представителей иностранной печати. Ясно стало, что европейской Турции наступил конец. Ясно стало, что у Тройственного согласия вырос новый грандиозный союзник, на место вероятного противника. Двойной выигрыш, следовательно, для нас. Надлежало только, немедленно, протянуть руку помощи, включить Балканский союз целиком в нашу систему, этим достигнуть безусловного военного преобладания в Европе и, следовательно, сделаться хозяевами мира и войны. А так как мы, по существу, миролюбивы, то это означало торжество мира над германским милитаризмом»[1]. Однако восприятие самой России со стороны представителей высших слоев общества стран региона было отнюдь не однозначным. Практически все те из них, кто наблюдал за ситуацией «изнутри», отмечали или то, что «до тех пор, пока эта необъятная страна не станет управляться по-людски, ей нельзя верить»[2], или что российские «руководящие сферы» больше всего

[1] Группа прогрессивных общественных деятелей. Интересы на Балканах и правительственное сообщение. Статьи А. Н. Брянчанинова, В. Д. Плетенева, Д. И. Семиза и проф. М. П. Чубинского. СПб., 1913. С. 3, 8, 10.

[2] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 69. Л. 125. Донесение болгарского военного агента в Санкт-Петербурге майора Сирманова генералу Налымову. 25 января 1909 г.

inslav

боятся не военных событий вне страны, а внутренней революции, которая «вспыхнет» и «сметет Россию»[1].

Понимание фрагментарности балканского геополитического пространства, каждый из этногосударственных элементов которого имеет разновекторную направленность, находило достаточно своеобразное выражение в восприятии конкретных стран региона правящей российской элитой. Так, для характеристики политического вектора развития соответствующей страны региона задействовался старый понятийный аппарат. Конкретные общественно-политические силы балканских стран продолжали рассматриваться с использованием «терминологической дихотомии» как *русофильские* и *русофобские*. При этом первая из характеристик появилась в российском внешнеполитическом «словаре» в годы греческого восстания 1821 г., а вторая — после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и применялась сначала исключительно для обозначения конкретного направления общественно-политической жизни Болгарии. Процесс становления национальных интересов стран региона оказался фактически незамеченным российской правящей элитой; любые попытки определения самостоятельного внешнеполитического курса рассматривались Санкт-Петербургом не иначе как либо враждебные происки иностранных держав, либо как «политическое русофобство» внутренних сил. Единственной страной, которая имела право серьезно влиять на внутриполитическое положение в государствах региона, считалась в этой связи Россия, имевшая этно-конфессиональные связи с большинством населявших полуостров народов. Однако этот во многом пропагандистский аргумент постепенно переставал рассматриваться как единственный. Дискуссионность вопроса о месте и роли России на континенте в культурном и геостратегическом отношении усилилась в конце XIX — начале XX вв. в связи с рядом международных конфликтов, в числе которых были ближневосточный кризис 1894–1897 гг., русско-японская война 1904–1905 гг., боснийский кризис 1908–1909 гг., Балканские 1912–1913 гг. и Первая мировая войны. В этой связи вполне естественной стала повторная публикация в 1916 г. работы российского славяноведа В. И. Ламанского «Три мира Азиатско-Европейского материка», впервые увидевшей свет в начале 90-х гг. XIX в. и нашедшей широкую интерпретацию среди представителей научной элиты на протяжении первого десятилетия XX в. Уже в самом названии книги выявилась нехарактерная для того времени хорологическая (пространственная) система координат, когда за начало отсчета бралась Азия, движение от которой шло на Запад, а не наоборот, от Запада к Азии, как это делалось обычно исследователями и в России и за рубежом.

Систематика и логика концепции Ламанского продолжала оставаться актуальной для представленческих геополитических архетипов отечественной научной элиты и в первые предреволюционные годы XX в. По-

[1] Там же. Л. 118. Письмо Р. Кошутича из Санкт-Петербурга сербскому министру Н. Пашичу. 8 марта 1909 г.

inslav

строения Ламанского включали «двухблоковую» конструкцию, базирующуюся на историко-культурных характеристиках: «1) собственной, или так называемой западной, т. е. романо-германской или католическо-протестантской Европы и 2) собственной Азии, с древними и средневековыми цивилизациями ее исторических племен и народов, и с варварством и полудикостью ее разнообразных племен и народов исторических или полуисторических»[1]. Эта простая на первый взгляд схема традиционалистского вида, тем не менее, была намного сложней, чем казалась. Система координат в ней включала трехчленную конструкцию, каждый из элементов которой назывался *миром*: «1) собственно Европа; 2) собственно Азия и 3) средний мир, т. е. ненастоящая Европа и ненастоящая Азия»[2]. Последний из них представляет особый интерес для понимания места России в отношении Запада и Востока. Средний мир Ламанского «обнимал всю русскую империю и в так называемой Азии совершенно почти совпадает с ее политическими границами»[3], а также «часть прежних польско-литовских земель Пруссии», часть Силезии, Чехию, Моравию, южную Истрию, часть Каринтии, Крайну, Венгрию, Румынию, Сербию, Черногорию, Герцеговину, Боснию, Болгарию, европейскую Турцию с Константинополем, с приморьем Сирии и Малой Азии с Азиатской Турцией, Кавказ.

В основу решения вопроса о месте России, по мысли большинства представителей отечественной научной элиты, вошли экономическая целесообразность и «государственные возможности страны», под которыми понимался широкий спектр исторических, культурологических и социальных факторов. При этом ориентирование в системе координат «Запад — Восток» проводилось ими по-разному. Экономические основы, людские ресурсы в сочетании с историко-культурной составляющей определяли позицию российских общественных деятелей по данному вопросу: «В перенесении центра тяжести нашей политики в область, недоступную реальному влиянию русской культуры, заключалась первая ложь, πεώτου ψεύδου* нашей внешней политики, приведшей к Цусиме и Портсмуту... Теперь пора признать, что для создания Великой России есть только один путь: направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область — весь бассейн Черного моря, т. е. все европейские и азиатские страны, "выходящие" к Черному морю... Основой русской внешней политики должно быть, таким образом, экономическое господство в бассейне Черного моря. Из такого господства само собой вытекает политическое и культурное преобладание России на всем так называемом Ближнем Востоке»[4]. В российской

[1] *Ламанский В. И.* Три мира Азиатско-Европейского материка. Пг., 1916. С. 3.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 9.
* πεώτου ψεύδου — первая ложь (*греч.*)
[4] *Струве П.* Patriotica. С. 77–79. «Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества» (январь 1908 г.).

inslav

правящей элите подобный культурологическо-геостратегический подход имел вполне практическое содержание и выражался в тезисе: «Ныне турецкие проливы Босфор и Дарданеллы с неизбежностью станут рано или поздно русским достоянием, ибо здесь проходит главный торговый путь России, нахождение которого в руках иностранной Державы может грозить Отечеству неисчислимыми бедствиями»[1].

Геополитическая картина Балкан как региона, сопряженного в геостратегическом отношении с Азией, представлялась правящей российской элитой одновременно и как буфер Российской империи на юго-востоке, и как объект ее внешнеполитических интересов. Фактически уже на этом этапе можно говорить, что Балканы — это зона нестабильности, чреватая для Империи серьезными последствиями и требующая в силу этой особенности физического присутствия в той или иной форме. Именно в этом контексте рассматривается на протяжении первых 17 лет XX в. так называемая «историческая проблема» Проливов. Первая Балканская война внесла коррективы в подобные представления, усилив в них восприятие в глазах правящих российских кругов элемент самостоятельности балканских государств и исходящей уже, в связи с этим, угрозы национальным интересам России от растущей активности этих стран, преследующих на международной арене свои национальные интересы в форме этнотерриториальной ревизии.

* * *

Общественно-политические трансформации российской действительности, проходившие на фоне мирового военного конфликта, в конечном счете привели к установлению большевистской диктатуры. Определяющим фактором для процесса формирования геополитических взглядов новых правящих кругов России являлся революционный императив. В идейно-теоретических построениях, основывавшихся на пространственно-политическом подходе к социальным и экономическим процессам, Балканы рассматривались как элемент широкого *европейского поля*, являясь одновременно мостом между *революционным островом* — Россией (определение, использовавшееся в геополитических схемах большевизма) и Европой, а также частью центрально-европейского региона (куда входили Германия, Венгрия, Польша) — детонатора революционного процесса на западе от российских границ.

Идейно-теоретические и практические основы революционной геополитики закладывались российскими большевиками, но их адаптация к национальным условиям конкретной страны доверялась именно структурировавшимся и проходившим процесс организационного формирования местным коммунистическим партиям. Особое значение в период 1917–1923 гг. большевиками придавалось условиям подготовки и проведения коммунистических переворотов, которые в силу объективных причин

[1] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4127. Л. 13 (об). Копия секретного письма Морского министра Министру иностранных дел. С.-Петербург, 8 мая 1913 г.

inslav

сопровождались бы гражданскими войнами. Это должно было стать главным направлением деятельности новосозданной организации — Коминтерна. Анализ ситуации в балканском секторе давался в официальной коминтерновской интерпретации однозначно: «На Балканском полуострове клокочет классовая борьба, которая переходит в гражданскую войну. Не сегодня-завтра коммунизм одержит полную победу на всем Балканском полуострове»[1].

Концептуальные основы революционных замыслов были раскрыты одним из военных деятелей большевизма М. Тухачевским в лекции в Генеральном штабе, прочитанной 24 декабря 1919 г. Суть его теоретических рассуждений сводилась к выдвижению ряда взаимосвязанных тезисов: «гражданская война разрывает государство на два, а иногда и на несколько островов классовой диктатуры»[2]; особое значение для проведения широкомасштабного восстания имеют так называемые *жизненные* и *мертвящие* центры. Их характеристика была следующей: «**Жизненные центры**. Восстание обычно имеет место в каком-либо крупном центре производства или политической власти. Этот центр быстро становится душой общего восстания. На него начинают (так в тексте. — *Ар. У.*) восстания соседних центров и таким путем восстание охватывает целую область... **Мертвящие центры**. Кроме "жизненных центров" в гражданской войне имеют место еще и "мертвящие центры". Таковыми будут, например, для пролетариата области, населенные богатыми, мелкобуржуазными элементами...»[3]. В этой связи большое значение играло *направление* «революционного удара».

Пространственная категория обретала политическое содержание, выделяя территориальную базу революции — Восток и район ее последующего распространения — Запад[4]. Место России «географически» и «политически» определялось между сильным Западом и пробуждающимся Востоком[5].

Революционные события в Германии и Венгрии (где на непродолжительное время была установлена коммунистическая диктатура) порождали у большевиков, а также радикальной интернационалистской части европейской социал-демократии, перешедшей на позиции большевизма, иллюзии скорой победы мирового коммунистического восстания. В случае удачи революции в Венгрии победоносное шествие коммунизма было бы

[1] Да здравствует Первое мая! Да здравствует коммунизм! // Коммунистический Интернационал (далее КИ), 1919. N 1. С. 25.

[2] *Тухачевский М. Н.* Стратегия национальная и классовая // Тухачевский М. Н. Война классов. Статьи 1919–1920. М., 1921. С. 7.

[3] Там же. С. 12, 13.

[4] *Зиновьев Г.* Перспективы пролетарской революции // КИ, 1919. N 1. С. 42.

[5] Эта мысль, как свидетельствовал Н. Бухарин, была высказана В. Лениным в частном разговоре с ним. *Вольфсон М. Б.* Союз Советских Социалистических Республик (СССР) и капиталистический мир (Опыт политграмоты). Ленинград, 1925. С. 290; *Бухарин Н.* Кризис капитализма и коммунистическое движение. М., 1923. С. 23, 24.

inslav

обеспечено фактически во всем восточноевропейском секторе и юго-западном направлении[1].

Сама идея «прихода» социалистической революции на Запад с Востока поднимала роль «срединного пространства» — той части Европы, где располагались новообразованные государства: Чехословакия, Венгрия, Польша, Балтийские страны, а также страны Балканского полуострова.

В коминтерновском подходе к положению на юго-востоке Европы превалировали в 1919–1920 гг. два аспекта, выделение которых из массы других было обязано доминировавшим в Коммунистическом Интернационале российским функционерам, — это, во-первых, использование исторических аналогий и, во-вторых, существование представлений о балканском регионе как о части Восточной или даже Средней Европы. В воззвании Председателя ИККИ Г. Зиновьева к пролетариату *балканско-дунайских* (выделено мной. — *Ар. У.*) стран это нашло свое полное отражение: «По своему географическому и экономическому положению балканско-дунайские страны давно уже были втянуты в сферу интересов империалистических государств. Стремление царско-капиталистической России к Средиземному морю, империалистической Австрии и Германии к берегам Эгейского моря, к Малой Азии и Месопотамии, борьба Англии, Франции и Италии за преобладание на Средиземном море, в Египте, на Месопотамии, — все это встречалось и переплеталось на Балканском полуострове, являвшемся центральным узлом дорог к югу и к Ближнему и к Дальнему Востоку...»[2]. Призыв к созданию *Балканской* или *Балканско-Дунайской* социалистической советской республики[3], таким образом, расширял балканскую географическую перспективу до степени более широкой, включающей и «дунайскую» составляющую (что, правда, не конкретизировалось): Австрию, Чехословакию и Венгрию.

В то же время именно в 1920 г. в Коминтерне начинают появляться и первые, пока не совсем четко артикулированные, пространственно-политические подходы к «классификации» глобальных проблем по географическому принципу, отличавшиеся от российского видения этих вопросов. Во многом это объяснялось вовлечением в информационно-аналитическую работу ИККИ выходцев из различных регионов Европы, включая государства Балканского полуострова и центральную часть континента. Здесь сказалось несколько факторов, среди которых главными были национально-культурные традиции; образование, полученное в этих странах и наложившее свой отпечаток на представленческие подходы к географическим реалиями, и т. д. Так, в частности, бывший министр революцион-

[1] *Троцкий Л.* Меморандум о «восточной ориентации» в ЦК РКП от 5 августа 1919 г. // The Trotsky papers. 1917–1922. Ed. and annotated by J. M. Meijer. L., 1964. V. 1. 1917–1919. P. 626.

[2] *Зиновьев Г.* К пролетариату балкано-дунайских стран... // КИ, 1920. № 9. С. 1405–1406.

[3] Там же.

inslav

ного Венгерского правительства 1919 г. Е. Варга, занявшийся экономическим и социально-политическим прогнозированием для нужд «мировой революции» и возглавлявший так называемый Статистико-информационный институт ИККИ, отмечал: «Капиталистический мир в его настоящем положении... распадается на пять больших областей или хозяйственных групп: 1) Англия с ее мировой колониальной империей; 2) Америка и южно-американские штаты... 3) Средняя Европа; 4) Россия; 5) Японо-китайская группа мировых держав»[1]. При этом Средняя Европа, как отмечал автор, «была поделена раньше между несколькими великими державами: Францией, Германией, Италией, Австро-Венгрией и Россией, которая, владея Польшей, далеко вдавалась в пределы Средней Европы...»[2]. Последнее уточнение особенно важно для понимания места революционной большевистской России в Европе, как его видели в коминтерновских кругах. Потеря Польши в данном контексте *лишала* Россию возможности выступать в роли среднеевропейского государства, удаляла ее (если вообще не отделяла) от этого важного в стратегическом и экономическом отношении региона.

Так называемый спад революционной волны, признанный и самими большевиками, а также постепенное изменение состава правящей большевистской элиты повлияли и на трансформацию ее внешнеполитических взглядов. В достаточно жесткой форме это было сформулировано в следующем виде: «Нам, может быть, придется перейти к традиционной политике старого царского времени, когда Россия вела более активную политику на Балканах. Если у нас будет перспектива революции на Балканах, то мы должны со своей стороны занять в балканском вопросе позицию более активной политики»[3]. К весне 1925 г. советское военное ведомство, определив «главнейших противников», разработало военно-оперативные планы на случай боевых действий с ними. В число этих государств вошли Польша, Япония, а также балканские страны — Румыния и Турция. Делались и определенные наметки «плана войны на Среднем Востоке»[4]. Таким образом, вероятность балканского направления угрозы для Советского Союза побуждала коминтерновских аналитиков серьезно рассматривать социально-политический потенциал региона. В свою очередь, советское партийно-государственное руководство постепенно переходило на позиции прагматизма и отказа от революционного романтизма, что, разумеется, не исключало использование им революционной терминоло-

[1] *Варга Е.* Хозяйственное положение капиталистической Европы // КИ, 1920. N 14. С. 2723.

[2] Там же.

[3] РГАСПИ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 39. Л. 98. Протокол №2. Второе заседание VII конференции Балканской Коммунистической Федерации. 9 июля 1924 г.

[4] Там же. Ф. 76. Оп. 3. Д. 377. Л. 32. Справка по подготовке войны и комплектованию.

inslav

гии или отказ от идеи «коммунизации» геополитического пространства. Так, в частности, в специальной записке И. Сталина одному из секретарей Исполкома Коминтерна Д. Мануильскому, посвященной геоидеологическому вопросу, каковым становился для Москвы сплав национальных и социальных проблем за пределами СССР, четко ставилась задача использования этих проблем именно в контексте региональных реалий: «резолюция (имелась в виду резолюция V Конгресса Коминтерна, проходившего 17 июня — 8 июля 1924 г. — *Ар. У.*) по национальным вопросам Средней Европы и Балкан в общем хороша. Ее можно было бы пустить в печать немедля же от имени Конгресса. Я бы советовал только сделать некоторые изменения в тех пунктах, где говорится о **присоединении** украинских и белорусских территорий к СССР. Лучше было бы исправить это в том смысле, что речь идет о **воссоединении** разорванных империалистическими державами на части Украины и Белоруссии. Так будет скромнее и осторожнее. Иначе могут обвинить Конгресс, что он заботится не об освобождении национальностей, а о приращении территории России. На деле мы от такого исправления ничего не проиграем, ибо все равно все эти разорванные части сомкнутся в свое время в СССР (больше им некуда ткнуться)»[1].

Фактически с середины 20-х гг. и до начала Второй мировой войны геополитический образ Балкан для советской правящей элиты определялся рядом черт. Во-первых, это восприятие региона как части более широкой полосы, протянувшейся по западной границе СССР и носящей название «санитарный кордон». Во-вторых, отношение к Балканам как к несамостоятельному геополитическому элементу более широкого европейского поля в силу общественно-политического устройства государств региона. В-третьих, Балканский полуостров в геополитических взглядах советской правящей элиты представал однозначно алармистски-конфронтационным в силу восприятия этого региона как одного из очагов *возможного мирового конфликта*. В то же время проявилась определенная диверсификация в характеристике балканских стран. Так, в частности, Румыния рассматривалась как «плацдарм потенциальной агрессии против СССР» (в силу известных территориальных проблем), Югославия — как «база концентрации антисоветских сил» (из-за политики югославских властей в отношении русских эмигрантов), Болгария — как государство, «стремящееся к ревизии Версальской системы и способное на авантюры», Греция — как «средиземноморский форпост британского империализма». Создание военно-политических объединений на востоке и юго-востоке Европы — Малой, Балканской и Балтийской Антант способствовало доминированию в геополитических взглядах советской правящей элиты крайне алармистской конфронтационной схемы: *Балканы как геополитический регион*

[1] Там же. Ф. 495. Оп. 10-а. Д. 357. Л. 2. Письмо И. Сталина Д. Мануильскому. 31 июля 1924 г.

inslav

представляются одним из потенциальных очагов новой мировой войны в силу «внутренних» и внешних условий[1].

Формально сама геополитика подвергалась в марксистской и большевистской пропаганде серьезной критике как лженаука, являющаяся якобы плодом империалистической политики. В то же время в официальных изданиях, таких, например, как Малая Советская Энциклопедия, наряду с инвективами в адрес геополитики признавалась необходимость «учитывать» со стороны советской внешней политики ее основные положения на «Востоке и в колониальном вопросе»[2]. Военные также призывали брать в расчет теорию Х. Маккиндера «о сердцевине»[3].

Новый этап эволюции геополитических взглядов советской правящей элиты в отношении Балкан пришелся на время Второй мировой войны и последующий период. Именно в это время начинается возвращение, если так можно сказать, к представлениям о регионе как особой части европейского геополитического пространства. Фактически произошло его выделение в геостратегическом отношении и возобновление традиционализма начала XX в. в восприятии полуострова советскими правящими кругами. Формирование так называемого *Pax Sovietica* определило характер воззрений на Балканы со стороны кремлевского руководства. Во-первых, этот регион рассматривался с позиций исторически обусловленного присутствия в нем России (теперь СССР) — сначала в форме физического (т. е. военного), а затем как тесно связанного с СССР и зависимого от него. Во-вторых, историко-политическая составляющая объединялась уже в середине-конце 40-х с геостратегической, а именно: Балканы рассматривались как часть не только европейского геополитического поля, но и как естественный элемент балкано-средиземноморско-черноморско-кавказско-переднеазиатской дуги (в американской геостратегической концепции она получила название «Северного пояса»). Парадоксально, но факт: стремление заполучить Проливы в 1945–1946 гг., югославско-советский конфликт, албано-советский конфликт и особая позиция Румынии, присутствие Греции и Турции в противостоящем Советскому Союзу блоке — НАТО, — все это вписывалось в геополитические взгляды советской правящей элиты в виде вполне определенной модели деления стран на «наши» и не «наши». Достаточно симптоматичными в этом контексте стали идейно-политические взгляды, выраженные И. Сталиным применительно к ситуации в глобальном масштабе, но имевшие и «конкретное измерение»: «Возможно, что при известном стечении обстоятельств борьба за мир разовьется кое-где в борьбу за социализм, но это будет уже не современное движение за мир, а движение за свержение

[1] Подробнее: *Улунян Ар. А.* Коминтерн и геополитика: Балканский рубеж. 1919–1938. М., 1997.

[2] Малая советская энциклопедия. М., 1929. Т. 2. С. 441.

[3] *Parker W. H.* Mackinder. Geography as an Aid to Statecraft. Oxford, 1982. P. 184.

inslav

капитализма. Вероятнее всего, что современное движение за мир, как движение за сохранение мира, в случае успеха приведет к предотвращению **данной** войны, к временной ее отсрочке, к временному сохранению **данного** мира, к отставке воинствующего правительства и замене его другим правительством, готовым временно сохранить мир»[1].

Идеологическая составляющая восточноевропейской политики Кремля самым тесным образом переплеталась с геостратегическими целевыми установками, что отчетливо выявилось в секретном письме ЦК КПСС в ЦК Союза Коммунистов Югославии 10 января 1957 г., когда отношения между двумя странами вновь перешли в плоскость конфронтации. В нем, в частности, говорилось: «Вы (югославы) постоянно выступаете против военных блоков, в том числе против Варшавского договора, и заявляете, что Югославия не входит ни в какие блоки и пакты. Однако нельзя не считаться с тем, что Югославия участвует в Балканском пакте, а югославские военные органы сотрудничают с военными кругами Греции и Турции. Тем самым через партнеров по Балканскому союзу, являющихся одновременно членами НАТО, Югославия, по сути дела, хотите вы или нет, оказывается связанной с агрессивным Северо-Атлантическим блоком, а через Турцию и с Багдадским пактом...»[2].

На протяжении последующих лет Балканы превращаются в один из важных элементов геостратегического окружения и, одновременно, «внутренней системы» *Pax Sovietica*. Общее представление о них формируется в советском руководстве с использованием такого параметра, как **удаленность** или **приближенность** к позициям Кремля на международной арене. В этом контексте геополитическая система полуострова рассматривалась как сочетающая элементы потенциальной угрозы (Греция, Турция), враждебности (Албания), нестабильного союзничества (Румыния, Югославия) и близости (Болгария)[3]. Диверсификация геополитического пространства во многом повторила представленческую матрицу начала века, основным содержанием которой была непредсказуемость и способность каждого из государств изменить конфигурацию пространства.

Разнонаправленность внешнеполитических векторов балканских государств повторяла картину начала века. 2 января 1990 г. политбюро ЦК КПСС в секретном протоколе своего заседания, одним из пунктов которого был вопрос «О событиях в Восточной Европе и позиции СССР», уже делало запрос в МИД, КГБ, Министерство обороны и, конечно, Международный отдел ЦК. «Процесс» пошел. 20 марта 1990 г. на свет появился документ, который затем был принят на очередном заседании политбюро 5 апреля того же года как «руководство к действию». Что же усматривали его авторы и на что надеялись? В этом сверхсекретном материале делался прогноз: «В обозримом будущем бывшие компартии восточноевропейских

[1] *Сталин И.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1953. С. 36.
[2] ЦХСД. Ф. 89. П. 45. Д. 83. Л. 11.
[3] *Улунян Ар. А.* Греция и Турция: Взгляд из аппарата ЦК КПСС, 1946–1958 // Сталин и холодная война. М., 1998.

inslav

стран — возможно, за исключением Болгарии, — скорее всего, будут в оппозиции... курс на развернутый переход к рыночной экономике, которым пойдут страны этого региона, неизбежно вызовет потребность создания блока левых сил как политического противовеса, способного защищать социальные интересы трудящихся». В ЦК остались верны себе: так или иначе, но протест оппозиции должен был привести к усилению левых, которые исторически были связаны с СССР. Ставка на «левый марш» в условиях полного провала социализма представлялась спасительной соломинкой. Единственное, чего не могли точно определить в Кремле, так это какими именно будут левые в 90-х. Это считалось не столь существенным, так как история как будто бы, по мнению советского руководства, подтверждала тезис: независимо от того, как определяют себя левые, они имманентно тяготеют к Москве. Но именно здесь СССР подстерегали очередные трудности: с идеологическим наследием коммунизма в самом Советском Союзе дела обстояли неважно. Пропагандистские заявления о том, что КПСС является якобы авангардной партией советского рабочего класса, к весне 1990 г. исчерпали себя со всей очевидностью даже для партийной номенклатуры, не шедшей, однако, дальше констатации фактов. В секретной аналитической записке партийной Академии общественных наук, направленной в Политбюро, ее авторы, увидев этот факт, все продолжали его объяснять по-прежнему: «Наряду с обоснованным отказом от иллюзий, устаревших идеологических догм, имеет место некоторый сдвиг массового сознания в другую крайность — к неприятию социалистического выбора, огульному отрицанию пройденного исторического пути... Особую озабоченность вызывает позиция значительной части рабочего класса. Его вера в успех перестройки, отношение к В. И. Ленину не является сегодня авангардной. Это относится не только к рабочей молодежи, но и к зрелому поколению»[1].

Шли месяцы, и Восточная Европа все больше превращалась в «головную боль» Кремля. Распались Варшавский пакт и СЭВ. Дрейф большинства государств региона в сторону Запада становился все более очевидным. Коммунистические диктатуры в отдельных странах Восточной Европы, какими бы они «мягкими» и «умеренными» не были, рухнули.

22 января 1991 г. в секретном постановлении Секретариата ЦК КПСС был указан, как казалось его составителям из аппарата, «верный путь». Директивный стиль партдокумента едва ли мог подействовать на реалии. Жизнь шла не по законам партии. Но тем не менее авторы «постановляли», чтобы восточноевропейские «государства проводили по отношению к нам дружественную политику, не были бы источниками антисоветизма, не играли роль внешнего катализатора национального сепаратизма и центробежных тенденций в Советском Союзе, не выступали проводниками политики сил, не оставивших планы перекройки политической карты Европы; из восточноевропейского региона ни при каких обстоятельствах не должна исходить реальная или потенциальная угроза военной безопасно-

[1] РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 543. Л. 28.

inslav

ти Советского Союза. При любом развитии событий страны региона должны оставаться свободными от иностранных баз и вооруженных сил»[1].

Процесс создания новых государств, продолжавшийся в регионе на протяжении XX в. и вылившийся в его конце в радикальные этно-территориальные изменения, «заторможенные» в начале века, возобновил традиционализм восприятия российской правящей элитой балканского геополитического пространства. Последовавшие в 80–90-е гг. XX в. изменения породили в ней ощущение «потери» Балкан[2]: вновь, как и в начале века, категориально-оценочный представленческий аппарат стал, несмотря на явную его неприменимость в прежних формах, включать схемы катастрофическо-конфликтного содержания: «потеря» Россией Балкан; «уход» России с Балкан; «русофобство» и «русофильство» политических сил и внешнеполитических ориентиров как критерии, определяющие отношения между Россией и соответствующими странами полуострова. Балканы как геополитический регион рассматривался российскими правящими кругами в виде законного домена России, которая стремится сохранить на них статус-кво, невзирая на стремление государств полуострова определить свои национальные приоритеты и выступать с разнонаправленными внешнеполитическими программами. Оценка отношения этих государств к России делалась через призму традиционалистских историко-политических и этно-конфессиональных подходов к государствам региона, чему в немалой степени способствовало общественное мнение внутри самой России. Сами Балканы виделись как источник потенциальных конфликтов на европейском континенте, способных перерасти в конфликт между Россией и Западом. Алармизм публичных оценок одновременно скрывал еще один немаловажный аспект, а именно: стремление российских правящих кругов не допустить территориальных изменений на полуострове не только с тем, чтобы избежать цепной реакции в регионе, но и чтобы помешать возникновению прецедента, способного повлиять на ситуацию в самой России. Объективно, геополитические взгляды российской правящей элиты в отношении Балкан предполагали на протяжении XX в. установление в государствах региона родственных российскому политических режимов, что являлось проявлением классического геополитического принципа «расширения одномерного пространства».

Реперными точками Балканского геополитического пространства выступили «сербский вопрос», проблема черноморских проливов и в целом средиземноморско-черноморско-кавказская «дуга». В этой связи можно утверждать, что упоминавшиеся ранее «исторические черты» образа региона в геополитических взглядах российской правящей элиты, несмотря на весь их эволюционный путь, сохранялись в той или иной степени вплоть до конца XX в.

[1] ЦХСД. Ф. 89. П. 20. Л. 8. Подробнее: *Улунян Ар.* Старая площадь и «единая Восточная Европа» в 50-е — 90-е годы. Советская коммунистическая доктрина и геополитика// /История европейской интеграции. 1945–1994. М., 1995.

[2] Подробнее см.: *Романенко С. А.* Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств. М. 2000. С. 457–461.

inslav

Г. Никова
Институт истории БАН

БОЛГАРИЯ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ
(социальный и экономический ракурс)

В результате стечения ряда обстоятельств историческое развитие Болгарии в XX веке оказалось самым тесным образом переплетено с геостратегическими интересами Германии и Советского Союза. Для того чтобы лучше понять весь драматизм произошедшей в середине столетия резкой смены внешнеполитических приоритетов этой страны, необходимо не только рассмотреть дипломатический ход событий, но и заглянуть в глубинные пласты, определяющие долгосрочные тенденции исторического развития. Судьба Болгарии, расположенной на важном географическом перекрестке, в принципе предопределяется геополитической стратегией больших игроков в мировой политике, и потому возможности самостоятельного выбора для нее ограничены. Восстановленное после распада Османской империи болгарское государство сохранило пестрый этнический состав и не сумело объединить все территории, населенные болгарами. Это явилось поводом для постоянной вражды с соседними странами. Болгарская экономика, обособившаяся в рамках более крупного, балканского экономического пространства, была недостроенной в структурном отношении и малопригодной для самостоятельного функционирования. Процесс ее модернизации начался с определенным запозданием, что предопределило сохранение ее аграрного характера и сильной зависимости от внешних рынков. Для того чтобы выстоять и защитить свои интересы, Болгария, как и любое другое сравнительно небольшое балканское государство, нуждалась в покровительстве какой-либо из великих сил и сознательно искала его. Внешнеполитическое покровительство создавало ей также надежное внешнеэкономическое партнерство и, соответственно, гарантии экономического процветания, без которого ни одно государство не может обеспечить свою политическую и социальную стабильность на длительную перспективу.

Несмотря на то, что в предшествовавший Второй мировой войне период Германия играла первостепенную роль в болгарской экономике, историография Болгарии долгое время ограничивалась подчеркиванием лишь

inslav

негативных моментов германского влияния[1]. Однако исследование тенденций хозяйственного и технологического развития Болгарии в годы накануне и во время самой войны неизбежно приводит к необходимости отказаться от традиционных стереотипов и дать более объективную и полную оценку этому наиболее динамичному периоду болгаро-германских отношений. Ибо если взглянуть на эти отношения прежде всего сквозь призму технологического воздействия Германии, то они несомненно получат позитивное измерение.

Определенного уточнения требуют и оценки послевоенного периода. Исследуя процесс советизации, историки делают основной акцент на идеологических аспектах и пренебрегают тем фактом, что у Болгарии был статут побежденного государства. Как бывший сателлит «третьего рейха», она лишалась своего суверенитета, а соглашение о перемирии от 28 октября 1944 г. диктовало ей ультимативные политические и экономические условия. Заступничество советских представителей во время переговоров по вопросу болгарских территориальных интересов способствовало утверждению мнения, что Болгария оказалась едва ли не в числе наиболее облагодетельствованных побежденных стран. На экономические положения мирного договора почти не обращалось внимания. Однако дешифровка этих лаконичных текстов показывает, что их последствия были не намного легче последствий Нейиского договора. Учитывая эти обстоятельства, новая политическая верхушка страны вынуждена была в принципе быть более услужливой. За постоянно демонстрировавшейся дру-

[1] В плане фактографии этот период исследован в болгарской историографии весьма подробно: *Натан Ж., Хаджиниколов В., Беров Л.* Икономиката на България до социалистическата революция. Т. I. София, 1969. С. 605–630; *Тодоров Н., Беров Л.* Стопанска история на България, 681–1981. София, 1981. С. 345–390; *Беров Л.* Към въпроса за външнотърговската ориентация на българския фашизъм 1929–1944 // Трудове на Висшия икономически институт «Карл Маркс». Т. I. София. 1954. С. 123–221; *Беров Л.* Външната търговия между България и Германия между двете световни войни (1919–1939)//БГОВ. Т. I. София, 1972. С. 259–322; *Беров Л.* Германският капитал и България през годините на Втората световна война // БГОВ. Т. II. София, 1979. С. 243–304; *Беров Л.* Голямата компенсационна сделка срещу български тютюни през 1934 и българо-германската търговия в навечерието на Втората световна война //БГОВ. Т. III. С. 318–338; *Коен Д.* Ограбването и разоряването на българското стопанство от германските империалисти през Втората световна война. София, 1966; *Коен Д.* Българската индустрия и империалистическа Германия през Втората световна война // БГОВ. Т. I. София, 1972. С. 303–325; *Коен Д.* Поземлената политика на България през Втората световна война и Германия // БГОВ. Т. IV. София, 1989. С. 351–393; *Коен D.* Buddget Finansing of the Wartime Economy (1939–1944). (Organisation and General Trends) // Bulgarian Historical Review. 1994. N 1; *Коен D.* Bulgaria's Wartime Revenue (1939–1944) // Bulgarian Historical Review. 1995. N 2. P. 43–68; *Николов Р.* Българско-германските военноикономически отношения 1941–1944. София, 1991.

inslav

жеской и идеологической привязанностью нередко проглядывало и «раболепие побежденных»[1].

* * *

В годы Первой мировой войны Германия лишилась своего колониального тыла. Она вынуждена была расширять свои рынки в Европе и искать новые формы экономического сотрудничества. Еще во время войны родилась идея создания «большого экономического пространства», включающего Юго-Восточную Европу. Ее автором был германский политолог и либеральный демократ Фридрих Науманн. Бесспорно, важнейшими мотивами для направления германской экономической экспансии на юго-восток Европы стали географическая близость и перспективы создания взаимодополняющих экономических структур.

В годы мирового экономического кризиса идея «большого экономического пространства» нашла свое организационное воплощение в деятельности Союза германских промышленников (Mitteleuropäischer Wirtschaftstag — МВТ)[2]. Основанная в 1931 г. в Германии, эта организация финансировалась исключительно за счет частных средств. Она возникла с целью противостояния кризису и должна была путем оживления экспорта отвечать жизненным интересам германских промышленных кругов. МВТ быстро завоевала сторонников в широких кругах хозяйственников, и лишь за несколько лет в нее вошло более 130 ведущих немецких фирм. Наибольшую активность Союз развил в межвоенный период, а окончательно прекратил свою деятельность летом 1944 г.[3]. Своими новаторскими идеями он оказал определенное воздействие и на внешнеэкономическую политику «третьего рейха».

Основной замысел руководителей данной организации состоял в том, чтобы при помощи широкой программы создать общий рынок Германии и Юго-Восточной Европы[4], обладающий повышенными потребительскими возможностями. Момент был выбран крайне благоприятный, поскольку разразившийся в конце 20-х и начале 30-х годов экономический кризис затронул прежде всего производителей сельскохозяйственной продукции и сырья, каковыми являлись и страны региона. Кризис сильно ограничил возможности для экспорта их традиционных товаров в индустриальные

[1] Это констатировали советские военные наблюдатели, посетившие Болгарию после установления власти Отечественного Фронта.

[2] *Schönfeld R.* Deutsch-südosteuropäische Wirtschaftsbeziehungen in der Zwischenkriegszeit. Der Mitteleuropäische Wirtschaftstag// Südosteuropa. Kontinuität und Wandel. Ausgewählte Beiträge von Roland Schönfeld. München, 1995. S. 195–210.

[3] Организация прекратила свое существование после попытки антигитлеровского путча.

[4] Программа включала прежде всего балканские государства — Югославию, Румынию и Болгарию, а также Венгрию.

inslav

страны Европы. В то же время на европейский рынок с пшеницей, фуражом и другой сельскохозяйственной продукцией выходят мощные заокеанские конкуренты и Советский Союз[1].

Сторонники МВТ предложили провести реструктуризацию и развить экономический потенциал стран региона до такой степени, чтобы он был в состоянии производить все сырье, необходимое для германской промышленности, и в то же время расширять потребление более качественных германских промышленных товаров. Они выдвинули тезис, что открытие рынков для экспорта германских товаров невозможно без существенного улучшения жизненного уровня населения региона. По их мнению, указанной цели можно было достичь только путем «планомерной и всесторонней индустриализации», а германская промышленность призвана ускорить этот процесс с помощью прямых инвестиций, передачи технологического и управленческого опыта, а также обучения кадров[2].

С середины 30-х годов организация разработала множество программ для Юго-Восточной Европы. Естественно, во главу угла ставилась модернизация сельского хозяйства, являющегося основной отраслью региона. Цель программы заключалась в том, чтобы поднять производство в этой отрасли до уровня, который мог бы удовлетворять нужды германского импорта. Одновременно программа ставила также задачу накопления капитала в сельском хозяйстве, что позволило бы расширить рынок импорта соответствующих немецких машин и техники.

Другая сфера деятельности МВТ — ускорение геологоразведки в Юго-Восточной Европе. В 30-е годы страны региона эксплуатировали лишь незначительную часть своих запасов минерального сырья. Чтобы ограничить рисковые капиталовложения, МВТ развил идею о том, что необходимо провести предварительные исследования, с помощью которых будут выявлены богатые и надежные рудные месторождения.

Третий акцент в деятельности МВТ — создание нового поколения высококвалифицированных специалистов, которые смогли бы применять германские технологические образцы и организационный опыт в экономике отдельных стран. Союз стал инициатором проекта, целью которого было повышение квалификации местных сельскохозяйственных и промышленных рабочих, а также предоставление возможности способной молодежи из Юго-Восточной Европы учиться в немецких высших технических и экономических училищах.[3] Во второй половине 30-х годов было

[1] *Schönfeld R.* Aussenwirtschaftliche Integration in der Krise: Deutschland und Jugoslawien 1931–1937 // Südosteuropa. Kontinuität und Wandel. S. 163.

[2] *Schönfeld R.* Deutsch-sudosteuropäische Wirtschaftsbeziehungen... S. 202–208.

[3] Студентов данного региона посылали учиться и в Австрию — в престижный горно-геологический институт в Леобене и в Высшее училище мирового хозяйства в Вене.

inslav

учреждено и два специальных фонда, предоставлявших стипендии студентам и стажерам.

Болгарская экономика являлась важной составляющей в германских планах создания общего рынка с Юго-Восточной Европой. Несмотря на то, что Болгария восстановила свою независимость позже других балканских государств, до периода балканских войн она быстрыми темпами шла по пути своей индустриализации. Однако тяжелые условия Нейского мирного договора оказали сильное стагнирующее воздействие на развитие болгарского хозяйства. Мировой экономический кризис нанес ей новый серьезный удар и усилил экономическую изоляцию страны.

В создавшихся условиях договор о торговле и судоходстве с Германией, подписанный в апреле 1932 г., т. е. до прихода к власти Гитлера, имел исключительно важное значение для выхода страны из экономической изоляции. Благодаря ему оживление болгарской экономики началось еще до окончания мирового экономического кризиса, продолжавшегося до 1934 г.

Двустороннее торговое соглашение гарантировало экспортные квоты контингентов на длительную перспективу. Зафиксированные в таможенных приложениях к нему пошлины на болгарскую пшеницу, ячмень, кукурузу, фураж и пр. были на 40–75% ниже принятых в Германии, а некоторые важные статьи экспорта вообще освобождались от всех ввозных экспортных пошлин и такс. В список болгарского экспорта были включены почти все сельскохозяйственные и промышленные товары, производившиеся в стране[1]. Расширенный экспортный потенциал Болгарии давал ей возможность ввозить из Германии весь спектр товаров, необходимых для развития ее экономики. Более того, одновременно с ввозом современного германского оборудования и аппаратуры в болгарских отраслях экономики и на отдельных предприятиях внедрялись технические новшества, передавался технологический и организационный опыт[2].

Установленные договором финансовые льготы и благоприятная правовая основа способствовали развитию частной инициативы в двусторонних экономических отношениях, а также широко открывали дорогу проектам МВТ. С помощью германских фирм происходило своеобразное реструктурирование земледелия. За счет экстенсивных зерновых увеличивались площади, засеваемые сортовыми семенами, масличными и дающими волокно культурами. Для улучшения местного овцеводства из Германии начали ввозить породистых животных и присылать специалистов по их разведению. С их помощью была создана опытная станция «Клементина», положившая начало научным экспериментам в области селекции более продуктивных пород в животноводстве. По инициативе МВТ в

[1] ЦДА. Ф. 284. Оп. 2. А. е. 24. Л. 47–49, 70.

[2] *Георгиева М.* Към въпроса за неуспешното «догонващо» развитие на «периферните» държави в Югоизточна Европа и България през междувоенния период // Демократически преглед, 10/96-Пролет 97. София, 1997. С. 427.

inslav

Болгарии начали создаваться так называемые «образцовые села»[1]. В них поставлялись лучшие сельскохозяйственные машины и механизмы, внедрялись самые современные методы орошения и удобрения, разведения скота и птицы, производства фуража и молочных продуктов, засеивались семена элитных сортов и т. д.[2].

Путем глубокого бурения эксперты МВТ определили размеры свинцово-цинковых и хромовых месторождений в Болгарии. Они стали инициаторами создания смешанных рудодобывающих акционерных обществ «Пирин» и «Эрц», оснащенных самым современным для своего времени оборудованием[3].

По линии двух специализированных фондов многие болгарские студенты и стажеры получили возможность обучаться в Германии и Австрии[4].

Разработанная МВТ в конце 30-х годов концепция ускоренной индустриализации Юго-Восточной Европы оказала несомненное воздействие на деятельность созданной в апреле 1940 г. секретной германо-болгарской правительственной комиссии по экономическим вопросам. Уже в ноябре 1940 г. при ней была учреждена и двусторонняя промышленная комиссия. Ее основной целью стало осуществление «тесного и планомерного сотрудничества между национальными индустриями двух стран». Для установления постоянных контактов между соответствующими отраслевыми союзами обоих государств промышленная комиссия практически разбилась на целый ряд отраслевых подкомиссий — по текстильной, химический, керамической, стекольной, бумажной и другим отраслям. Они поставили перед собой задачу разработать совместные заключения о производственных мощностях имевшихся в стране промышленно-отраслевых производств, а также наметить перспективы их развития путем выявления, какая конкретно техническая помощь необходима для их модернизации и приспособления к германским стандартам. Для того чтобы избежать взаимной конкуренции как на болгарском, так и на внешнем рынке, впервые был поставлен вопрос и о необходимости специализации в промышленном производстве. Предусматривалось даже, что ряд болгарских специализированных химических производств будет удовлетворять нужды не только Болгарии и Германии, но и всей Юго-Восточной Европы[5].

[1] В Болгарии было создано два таких «образцовых села» — Мрамор близ Софии и Долни Луковит в Северной Болгарии. Необходимые для этого начинания болгарские консультанты предварительно были обучены в Германии.

[2] *Schönfeld R.* Deutsch-sudosteuropäische Wirtschaftsbeziehungen... S. 202–204.

[3] Акционерное общество «Пирин» производило свинцово-цинковую руду. Германский капитал составлял в нем 89%. Акционерное общество «Эрц» производило хромовую руду и гашеную известь. Германский капитал составлял в нем 98%.

[4] ЦДА. Ф. 284. Оп. 2. А. е. 39. Л. 18.

[5] Там же. А. е. 35. Л. 20; а. е. 39. Л. 38–47.

inslav

Проблемы, обсуждавшиеся на заседаниях двусторонних подкомиссий, опровергают распространенное убеждение, что «третий рейх» рассматривал Болгарию лишь как источник сельскохозяйственного сырья и продовольствия. Многие решения подкомиссий, бесспорно, способствовали модернизации болгарской экономики. Высококачественной техникой и аппаратурой самых престижных германских фирм были переоборудованы все ведущие министерства, учебные, научные и культурные заведения Болгарии. Среди них — Софийский университет, кинофонд «Българско дело» и др. По линии комиссии шло финансирование и двух болгаро-германских научных институтов — сельскохозяйственного им. кайзера Вильгельма и Института конъюнктурных исследований, которые сыграли важнейшую роль в развитии экономики Болгарии. По-прежнему поощрялось создание образцовых сельскохозяйственных ферм и лесных хозяйств[1]. Все это способствовало тому, что в массовом общественном сознании, в обучении и воспроизводстве местной интеллигенции начали утверждаться германские производственные и технологические образцы.

Под предлогом необходимости выделения средств для финансирования совместных проектов Рейхсбанк наложил лимит на переводы болгарских поступлений от двусторонней торговли. Бóльшая часть их была преобразована в инвестиционные боны и оставлена в Германии. Введенный переводной лимит во многом способствовал формированию большого активного сальдо Болгарии. Однако с связи с неблагоприятным для Германии развитием военных операций в 1942 г. деятельность двусторонних отраслевых комиссий практически прекратилась, а реализация совместных проектов была отложена до лучших времен. Германская правительственная комиссия по экономическим вопросам начала полностью контролировать торговлю Царства Болгария не только со странами, оккупированными «третьим рейхом», но и с нейтральными государствами, устанавливать в одностороннем порядке экспортные контингенты, цены, пошлины и курсы валют. Болгарским представителям становилось все труднее отстаивать национальные интересы. До разрыва дипломатических отношений с Германией в сентябре 1944 г. на нее приходилось 89% болгарского товарообмена (71,3% импорта и 88,6% экспорта). В результате несбалансированного товарообмена в 1944 г. активное торговое сальдо Болгарии, остававшееся в Рейхсбанке, достигло 738,6 млн. рейхсмарок, которые не возвращены и по сей день[2].

Конъюнктура военного времени укрепила и экономические позиции германских фирм в Болгарии. Некоторым из них были предоставлены особые льготы[3]. Расширению поля их деятельности способствовало и принятие в 1942 г. в Болгарии закона об осуществлении надзора за имуществом

[1] Там же. А. е. 46. Л. 68–108; а. е. 43. Л. 6–8.
[2] Там же. Ф. 136. Оп. 8. А. е. 182. Л. 18; Ф. 132. Оп. 3. А. е. 10. Л. 12.
[3] Там же. Ф. 173. Оп. 6. А. е. 2253, 2267, 2295, 2527.

inslav

подданных США, Великобритании и ее владений[1]. Деятельность французских подданных в области стратегических производств на болгарской территории тоже была ограничена. Французские фирмы, действовавшие в горной промышленности и особенно в сфере добычи руд цветных металлов, были вытеснены германскими[2].

Во время войны Германия имела долевое участие в большинстве иностранных фирм в Болгарии. Германский капитал был вложен примерно в 162 акционерных общества и более чем в 40 предприятий. Там немцам принадлежал основной пакет акций. Германские граждане имели небольшую долю и в других болгарских или иностранных акционерных обществах, зарегистрированных в стране[3]. Немецкие предприятия существовали во всех стратегических отраслях экономики — судостроении, вагоностроении, металлообрабатывающей промышленности, в строительстве и производстве стройматериалов, добыче руды и концентратов для цветных металлов, производстве электроэнергии и электроматериалов и др. Численность занятых на многих германских фирмах намного превышала среднюю по стране численность работающих на одном промышленном предприятии. На них было занято и немало высококвалифицированных инженерно-технических кадров[4].

Таким образом, значительная часть занятых в болгарской промышленности была уже адаптирована к германским методам работы. Одно только число германских нововведений — лицензий, патентов, маркировочных знаков и пр., внедренных в Болгарии до середины 40-х годов, превышало 6000. Они использовались во всех отраслях[5]. К середине 40-х годов Германия превратилась в основного и почти единственного внешнеэкономического партнера Болгарии. Болгарская экономика оказалась технологически связанной с германской. Рассекреченные в последние годы архивные материалы показывают, что радикальное прекращение этих взаимоотношений было вовсе не столь безболезненным для Болгарии, как это представлялось до недавнего времени. В результате разрыва дипломатических отношений с Германией 5 сентября 1944 г. страна оказалась в полном внешнеполитическом вакууме, который быстро стал заполняться Советским Союзом.

Еще в октябре 1943 г., в ходе подготовки Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, Министер-

[1] Принятие закона мотивировалось тем, что эти государства также наложили арест и секвестр на свою задолженность Болгарии и болгарское имущество на своей территории. АМВнР. Ф. 1731. Оп. 6. А. е. 2010; оп. 1. Д. 49, преписка 432. Л. 5; ЦДА. Ф. 136. Оп. 1. А. е. 5. Л. 3).

[2] ЦДА. Ф. 284. Оп. 2. А. е. 43. Л. 10; А е. 46. Л. 42.

[3] АМВнР. Оп. 1. П. 35, пореден 293. Л. 1–5; д. 46, преписка 378. Л. 1–6; д. 51, преписка 468. Л. 1–2.

[4] ЦДА. Ф. 147. Оп. 3. А. е. 1855. Л. 24–27.

[5] Там же. Ф. 136. Оп. 11. А. е. 689. Л. 75.

inslav

ство иностранных дел Советского Союза разработало свою позицию по вопросу об условиях капитуляции европейских сателлитов «третьего рейха», предусматривавшую оккупацию их Красной Армией[1]. Одновременно Госплан СССР начал подготовку стратегии послевоенного развития советской экономики, базировавшуюся на присвоении всех германских ресурсов на территории этих стран[2].

В пункте 12-м Соглашения о перемирии с Болгарией, подписанного 28 октября 1944 г., германское военное имущество в стране рассматривалось как военный трофей, который болгарское правительство обязывалось передать в распоряжение Союзного (Советского) Главнокомандования[3]. В соответствии с этим пунктом в качестве трофеев Советскому Союзу были переданы самые большие болгарские торговые корабли, 40 000 железнодорожных вагонов и другие транспортные средства. На советском буксире был отведен и сухой док варненского порта[4]. На основании пункта 17-го Соглашения о перемирии две бывших германских судостроительных верфи «Кораловаг» и «Нептун» в Варне стали выполнять заказы только для нужд советского морского командования. Их производство финансировала авансом болгарская государственная казна. Таким же образом финансировались советские заказы в корабельных и машинных мастерских в Русе, в портовых мастерских Бургаса и Лома[5].

Учрежденная в Болгарии Союзная контрольная комиссия (СКК) включала представителей СССР, США и Великобритании, но по статуту подчинялась Советскому Главнокомандованию. При советской миссии в СКК была сформирована экономическая секция. Она имела право контролировать и все интересующие ее авуары в Болгарском народном банке (БНБ) и в Болгарском земледельческом и кооперативном банке (БЗКБ), в частности, следить за счетами, в которые вписывались доходы иностранных фирм. Тем самым секция имела возможность контролировать внешнеторговую политику страны, а также все развитие ее экономики[6].

В отличие от клирингового соглашения с Германией, по которому производились также поставки для ее армии, советские войска болгарское государство должно было содержать за счет своих собственных средств.

---

[1] *Büttner R.* Ursachen der ausgebliebenen Sowjetisierung Finnlands: der finische Kriegsaustritt 1944 // Probleme der Sowjetisierung in der SBZ/DDR und in anderen Staaten des sowjetischen Machtbereichs 1945–1969. Analysen und Vergleiche. S. 1.

[2] *Laufer J.* Die SMAD, die Moskauer Zentrale und die Sowjetisierung der SBZ 1945 bis 1949 // Probleme der Sowjetisierung in der SBZ/DDR... S. 2.

[3] Външна политика на Народна република България. Сборник от документи и материали в два тома. Том I. 1944–1962. София, 1970. С. 18.

[4] ЦДА. Ф. 1. Оп. 7. А. е. 505. Л. 1, 3, 6, 7; АМВнР. Оп. 1. Д. 55, преписка 488. Л. 79.

[5] ЦДА. Ф. 136. Оп. 1. А. е. 128. Л. 25; а. е. 82. Л. 9.

[6] АМВнР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3, преписка 20. Л. 2; ЦДА. Ф. 136. Оп. 1. А. е. 71. Л. 40.

inslav

Пока продолжались военные действия, болгарское правительство снабжало продуктами питания, горючим, оборудованием и всеми другими необходимыми материалами не только советские войска, находившиеся в стране, но и 3-й Украинский фронт, а также части советского Черноморского флота. Поставки должны были производиться часто и в значительных размерах, что плохо отражалось на снабжении населения и болгарских войск[1]. СКК и советские войска размещались в бесплатных квартирах. Оплату их международных и внутренних телефонных разговоров также брала на себя болгарская сторона[2]. По требованию советской миссии в СКК за символическую плату в марте 1945 г. Болгария предоставила строительные материалы для восстановления Севастополя[3]. Даже по окончании войны лишь на содержание Союзного (Советского) Главнокомандования уходило около 1/6 общего месячного бюджета страны[4].

Еще в 1945 г. Советский Союз взял в свои руки добычу всех полезных ископаемых в Болгарии. Правила эксплуатации, погрузочно-разгрузочных работ и вывоза руды из Болгарии, Чехословакии и Саксонии устанавливались НКВД и осуществлялись под руководством 1-го Главного управления при Совете министров СССР[5]. В том же году образовалось и строго засекреченное советско-болгарское горнорудное общество для эксплуатации урановых месторождений в Болгарии. Условия деятельности общества диктовались непосредственно НКВД и лично Л. П. Берия. С болгарской стороны управление осуществляло Министерство внутренних дел. В данном случае вообще нельзя говорить ни о каком сотрудничестве, это было откровенное навязывание советского диктата над добычей этого сырья, имеющего исключительное военно-стратегическое значение[6].

Вопрос о германском имуществе за границей окончательно решился на Потсдамской конференции, проходившей с 17 июля по 2 августа 1945 г. Подготовленное 2 августа совместное коммюнике признавало право Советского Союза удовлетворять свои репарационные требования к «Третьему рейху» «путем изъятий в германской зоне, оккупированной СССР, и за счет соответствующих германских вкладов за границей»[7]. Из проци-

[1] АМВнР. Д. 106, преписка 1134. Л. 27; оп. 1. Д. 48, преписка 420. Л. 20–21; ЦДА. Ф. 136. Оп. 1. А. е. 110. Л. 18, 22; а. е. 130. Л. 28–29; а. е. 583. Л. 69–70; а. е. 582. Л. 190.

[2] ЦДА. Ф. 136. Оп. 1. А. е. 582. Л. 7; а. е. 114. Л. 45.

[3] Там же. А. е. 110. Л. 16; а. е. 585. Л. 56; а. е. 137. Л. 8; а. е. 113. Л. 18.

[4] Там же. Ф. 136. Оп. 1. А. е. 101. Л. 3; а. е. 99. Л. 7; а. е. 110. Л. 39,66.

[5] ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Особая папка Л. П. Берии. Д. 150. Л. 14–16.

[6] ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2, Особая папка В. М. Молотова. Д. 104. Л. 14; Д. 103. Л. 328–329, 337–338, 343–443; Особая папка Л. П. Берии. Д. 144. Л. 183–184.

[7] АМВнР. Оп. 1. Д. 31, преписка 304 а. Л. 35; оп. 1. П. 42. Оп. 1, пореден 420 а. Л. 1; Берлинската конференция на ръководителите на трите съюзни държави — СССР, САЩ и Великобритания. 17 юли — 2 август 1945. Сборник документи. София, 1987. С. 395–397.

inslav

тированного расплывчатого текста видно, что Советскому Союзу была предоставлена большая свобода толкования по своему усмотрению его прав на германскую собственность в Восточной Европе. В отношении Болгарии СССР предъявил особые претензии на присвоение не только активов, но и всех германских пассивов. На практике он претендовал как на сохранившееся движимое и недвижимое имущество, так и на денежные долги германских подданных, проживавших в Болгарии, на непокрытые убытки германских акционерных обществ и на долги, которые должны были вернуть Германии болгарские частные, государственные и общинные организации, а также физические лица и пр. Кроме того, не делалось различия между германской и австрийской собственностью, то есть определение «германская» толковалось как «немецкая». Весьма своевольно советская сторона трактовала и собственность на внедренные германские технологические новшества. В данном случае она учитывала лишь их происхождение, не интересуясь, кто является их обладателем на практике.

При сведении балансов немецких предприятий выяснилось, что у них больше долгов, чем доходов. Кредитная задолженность явилась результатом несбалансированного экспорта, ущерба, нанесенного во время бомбардировок, замораживания деятельности большей их части после разрыва отношений с Германией и т. д.

Сам закон о передаче СССР декларированной немецкой собственности был принят Народным Собранием 31 мая 1946 г. В Болгарии создавалось Управление советским имуществом, а самые крупные германские фирмы были преобразованы в 159 болгаро-советских предприятий. Более незначительные германские доли, оставшиеся в других обществах, выкупило болгарское государство. Оно же покрыло и кредитную задолженность бывших немецких предприятий, восстановило Управлению советским имуществом все потери и ущерб, причиненные немецкой собственности. Были выплачены и денежные средства, а также стоимость товаров, мебели, оборудования и др., конфискованных для нужд Советской армии у 65 немецких фирм[1]. В 1947 г. болгарские предприятия и учреждения оказались вынуждены передать тому же управлению использовавшееся на них оборудование, машины, аппаратуру, инструменты и пр., поставленные немецкими фирмами. Многие предприятия лишились своих основных средств производства и оказались перед угрозой закрытия[2].

В 1948 и 1952 гг. бывшие немецкие предприятия, многие из которых уже не функционировали, недвижимое имущество, часть машин, оборудования, концессий, патентов и лицензий были проданы обратно Болгарии. В 1954 г. советское правительство продало и свою часть, основывавшуюся также на бывшей германской собственности, четырем болгаро-

[1] АМВнР. Оп. 1. Д. 48, преписка 427. Л. 92–94, 107.
[2] Там же. Оп. 2. Д. 24, преписка 392. Л. 22, 57, 98.

inslav

советским обществам — ТАБСО, Корбсо, Горубсо и Совболстрой. Этот долг выплачивался в течение 10 лет, то есть до середины 60-х годов.

Переход в собственность СССР немецких активов обременил болгарскую экономику тяжелыми текущими торговыми и валютными платежами, а также возмещением убытков, которые Советский Союз определял в одностороннем порядке. Точно подсчитать суммы, выплаченные по этим своеобразным репарациям, весьма трудно. Выплаты производились многократно, в форме товаров, в левах и долларах по разным курсам. Некоторые из них фиксировались в двусторонних соглашениях, другие осуществлялись по текущим счетам[1]. На практике бывшие германские предприятия были окончательно возвращены Болгарии после того, как СССР стал уже основным внешнеэкономическим партнером Болгарии, а страна интегрировалась в экономическое сообщество восточного блока. Бóльшая их часть прекратила свою деятельность, а некоторые из немногих сохранившихся переоснащались советскими машинами и технологиями. Советский Союз вывез из Болгарии все перспективные германские технологические образцы — оборудование, технику, патенты, маркировочные знаки и т. д. Использование германского оборудования и технологий сохранилось только там, где не существовало аналогичных советских образцов.

Какова оказалась судьба так называемой «германской креатуры» в Болгарии? Значительная часть работавших в стране немцев покинула ее еще одновременно с выводом германских войск. Судьба остававшихся в стране германских подданных решалась в Москве. По отношению к ним применялась тяжелая карательная санкция — интернирование с полной конфискацией имущества, вплоть до личных вещей. Молодые мужчины и женщины немецкого происхождения были отправлены в советские трудовые лагеря[2]. Почти все болгары, участвовавшие в управлении немецкими предприятиями, подверглись аресту и попали под санкции «народного суда». Бóльшая часть болгарских представителей в дипломатических и торговых миссиях в Европе предпочли стать невозвращенцами.

Парижский мирный договор, подписанный 10 февраля 1947 г., лишал Болгарию сумм, которые ей обязывалась выплачивать Германия согласно договорам, заключенным в период с 1 сентября 1939 г. по 8 мая 1945 г. В отличие от некоторых иных сателлитов, например Финляндии, в силу соглашения о перемирии Болгария обязывалась принять участие в заключительном этапе войны против «Третьего рейха», но по мирному договору не получила права на репарации от Германии. Размеры же ее репараций в пользу Греции и Югославии определялись в 70 млн. долларов, часть из них впоследствии была сокращена, но страна оказалась обремененной

[1] ЦДА. Ф. 136. Оп. 11. А. е. 689. Л. 11–12, 75.

[2] Подробнее см.: *Никова Г.* Московското съглашение за примирие и преследванията в България на поданиците на Германия и нейните сателити // Исторически преглед. Кн. 3. 1994–1995. С. 88–132.

inslav

тяжелыми реституционными требованиями[1]. Болгарское правительство вынуждено было погашать с высокими процентами компенсацию за невыплаченную предвоенную финансовую и торговую задолженность. От Болгарии потребовали даже начать выплачивать несправедливо навязанный ей еще Лозаннской конференцией 1922/23 гг. «оттоманский долг», который не был погашен ни одним предвоенным правительством. Согласно мирному договору, болгарское государство обязывалось привести в полную исправность собственность Объединенных Наций и компенсировать понесенные ими потери. В соответствии с указанным пунктом Болгарии предъявлялись рекламации с требованием возмещения убытков на сумму, составлявшую миллионы английских фунтов стерлингов, французских и швейцарских франков и пр. Страна лишалась всего движимого и недвижимого имущества за границей. Болгарские авуары и ценные бумаги, открытые счета для выплаты внешнего долга, весь золотой запас страны, находившийся в швейцарских банках, были блокированы. Проведенная в конце 1947 г. национализация иностранных фирм прибавила к старым долгам новые, и размер рекламаций так разбух, что выплатить его стало практически невозможно[2].

По категоричному настоянию советской делегации в мирный договор с Болгарией не включалось положение, которое бы специально визировало восстановление ее суверенитета[3]. В то же время договор создавал правовую основу для расширения сферы внешнеэкономических отношений. Однако он вступал в силу лишь с 15 сентября 1947 г., а летом того же года было положено начало экономическому разделению Европы. Опасаясь за свое лидерство, Советский Союз отказался включиться в восстановительные программы «плана Маршалла». Он навязал свое решение и всей Восточной Европе, при этом вообще не интересуясь болгарским мнением[4].

Осенью 1947 г. ЦК ВКП(б) отбросил концепцию «национального пути» к социализму и ускорил процесс внедрения в Восточную Европу советской политической и социально-экономической модели. Созданное в это же время Коминформбюро превратилось в один из основных инструментов осуществления идейного поворота. Проведенная в конце 1947 г. национализация не только ограничила частную инициативу, но и окончательно вытеснила из Болгарии западный капитал, а также на десятилетия вперед посеяла недоверие к стране и обусловила ее изоляцию от мировой

[1] Външна политика на Народна република България. Сборник от документи и материали в два тома. Том I. 1944–1962. София, 1970.

[2] См.: *Никова Г.* Финансовите задължения на България към Великобритания, Франция и Швейцария след Втората световна война // Исторически преглед. Кн. 9. 1991. С. 36–51.

[3] Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953. Том 1. 1944–1948. Москва, 1997. С. 390.

[4] См.: *Никова Г.* Планът Маршал, европейските сили и България // Исторически преглед. Кн. 4–5. 1993. С. 56–74.

inslav

экономики. В 1948 г. СССР предпринял настоящее экономическое и технологическое вторжение в Болгарию. Только в этом году было заключено более 28 экономических договоров, предусматривавших также прибытие в страну советских специалистов[1].

Весной 1948 г. внешнеполитический отдел ЦК ВКП(б) подготовил целый пакет мер с конкретной целью осуществить кардинальные перемены в руководстве восточноевропейских государств[2]. Осенью того же года внедренные в систему болгарской госбезопасности представители советских секретных служб начали плести паутину политических процессов и подготовили смену партийно-политического руководства в Болгарии. Инсценированный ими «тайный заговор, направленный на выход страны из-под советского влияния», стал основанием для ареста и предания суду почти всех хозяйственных и военных руководителей. На практике при прямом участии советского посольства и частей НКВД в Болгарии совершился негласный переворот, а ее правительство стало контролироваться непосредственно советскими советниками.

Во второй половине 1949 г., пока осуществлялись правительственные перемены, заседало только Бюро Совета министров. С начала 1950 г. экономические советники, «советские товарищи» Кузнецов, Мадолев, Ступов и Кучеренко начали регулярно участвовать в заседаниях Совета министров. Правда, их высказывания не протоколировались, но само их присутствие являлось достаточно показательным и внушающим уважение[3]. Советские советники были внедрены и в силовые министерства.

В ходе так называемых «трайчокостовских процессов»[4] и новой волны чисток в 1949–1953 гг. подверглись аресту и осуждению на длительные сроки заключения как руководящие хозяйственные деятели, так и представители технической интеллигенции, получившие высшее образование или находившиеся на специализации в Германии и Австрии. Среди них были министр финансов Иван Стефанов, министр электрификации, путей сообщения и строительства Манол Сакеларов, его сотрудник Борис Нанов, заместитель министра в том же министерстве Любомир Кай-

[1] См.: *Никова Г.* Съветското икономическо проникване в България след Втората световна война // Исторически преглед. Кн. 2. 1996. С. 105–133.

[2] Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. С 69.

[3] ЦДА. Ф. 136. Оп. 5. А. е. 2865.

[4] Имеются в виду прежде всего процесс против Трайчо Костова и еще 11 руководящих хозяйственных деятелей, процесс против промышленников, процесс против заместителей министров, процесс против П. Кунина и М. Сакеларова, процессы против инженеров-строителей и процессы против горных инженеров. (Подробнее см.: *Nikova G.* The Blow against the Stale Leadership of Bulgaria (1949–1953// Bulgarian Historical Review. 1997. N 2–3. P. 108–131; *Она же*: «Големият заговор» в България (1949–1953 г.) // Лица на времето. Т. II. 1997. С. 69–98; *Она же*: Политическите процеси в България 1949–1953 г.// България. в сферата на съветските интереси (Българо-руски научни дискусии). София, 1998. С. 64–73.

inslav

ряков, заместитель министра торговли Димитр Кочемидов, директор Статистического института Иван Тутев, главный директор общества «Булгарплодэкспорт» Иван Панов, главный директор общества «Деспред» Иван Калушев, директор объединения «Индустрия» Михаил Герасимов, директор государственного торгового предприятия «Индустриалимпорт» Стефан Унтенберг, начальник отдела государственного торгового предприятия «Булгариндустриалэкспорт» Иван Кехлибаров, главный директор Объединения по установке оборудования Тодор Пиперков и др. Бóльшая часть преданных суду в 1953 г. болгарских инженеров-строителей также являлась немецкими воспитанниками, а почти все горные инженеры — стипендиатами МВТ.

Одной из главных причин массовых арестов в руководстве министерства электрификации, путей сообщения и строительства стал отказ М. Сакеларова заменить германские строительные нормативы советскими. Арест значительной части руководящих лиц в системе министерства промышленности, по всей вероятности, был вызван принятым в 1948 г. по докладу министра Петко Кунина постановлением Совета министров о привлечении германских специалистов к проектированию и строительству новых промышленных объектов[1]. В ходе проведенной в 1949 г. проверки выяснилось, что внешнеторговые предприятия по традиции продолжали держать больше всего своих представителей в Берлине и Вене[2]. Осенью того же года директора почти всех центральных управлений этими предприятиями подверглись аресту. К 1951 г. из системы министерства внешней торговли были уволены абсолютно все кадры, работавшие там в 1949 г. Сокращения затронули даже технический персонал (секретарш, машинисток и пр.).

Весьма показательны и обвинения против других арестованных и осужденных в 1949–1953 гг. болгарских хозяйственников и торговых работников. Они обвинялись в негативном отношении к советскому опыту и советским специалистам, в пренебрежении к советской экономической и технической литературе, в том, что позволяли себе оппонировать советникам или представителям Управления советским имуществом в Болгарии, и пр.

В 1949 г. Советский Союз определил и условия, на которых его специалисты работали в Болгарии. В это же время создается и утверждается Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), обособляется «социалистический рынок». Уже на своей второй сессии в августе 1949 г. СЭВ запретил кредитование и комплексные поставки заводов из стран Запада. На той же сессии был принят и специальный документ, зафиксировавший принципы и условия научно-технического сотрудничества в рамках социалистического сообщества[3].

[1] ЦДА. Ф. 136. Оп. 1. А. е. 151. Л. 157.

[2] ЦПА. Ф. 1. Оп. 5. А. е. 381. Л. 19–20.

[3] О деятельности СЭВ подробнее см.: *Никова Г.* Съветът за икономическа взаимопомощ и България. София, 1989; *Она же.* Consolidation of Scientific and

inslav

К середине 50-х годов болгарская экономика уже перестроилась для работы в соответствии с советскими технологическими стандартами. Были созданы и новые местные кадры, обученные по этим стандартам. В октябре 1956 г. советское правительство лишь констатировало, что «в странах народной демократии созданы свои квалифицированные национальные кадры во всех областях хозяйственного и военного строительства», и предложило отозвать из этих стран своих экономических советников и специалистов[1].

* * *

Стечение исторических обстоятельств обусловило тот факт, что накануне Второй мировой войны болгарское народное хозяйство вынуждено была осуществить интеграцию с германской, а после войны — с советской экономикой. В экономическом плане выбор партнера в обоих случаях был для Болгарии явлением безальтернативным. Рассекреченные в последние годы архивные документы показывают, что внешнеполитическая переориентация стоила стране многих жертв и огромных финансовых убытков. Ее последствиями стали тотальная смена элит, полный технологический переворот, третирование не только гуманитарной, но и технической интеллигенции, разрыв традиционных внешнеэкономических связей и изоляция от международного разделения труда. Насажденные обеими великими силами тоталитарные политические модели и крайне централизованное управление в конечном счете превратили Болгарию в сателлита, чье развитие полностью контролировалось извне. Внедрение сильно идеологизированной советской модели привело, помимо этого, к коренному изменению политической и социально-экономической структуры общества и его системы ценностей.

Перевела Е. Валева

Technical Cooperation as a Form of Mutual Assistance between Bulgaria and the CMEA Member-countries // Bulgarian Historical Review. 1988. N 3. P. 10–32.

[1] РГАНИ. Ф. 89. Оп. 45. Д. 13. Л. 2–6. Действительно, причин для того, чтобы сделать подобный вывод, было много. Свое влияние оказали как новый политический курс Н. С. Хрущева, так и революционные события в Венгрии. Однако в принятой декларации не рассматривался вопрос о представителях КГБ, посланных в государства-сателлиты в помощь службам госбезопасности, министерствам внутренних дел и обороны. Институт советских советников сохранялся там до начала 90-х годов. (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 11. Д. 48. Л. 1–6).

inslav

Е. Л. Валева,
Институт славяноведения РАН

БОЛГАРИЯ В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДРАМА СТРАНЫ И ЦАРЯ БОРИСА III

Важной задачей исследователей является освещение истории в лицах и образах, ее персонификация. В данной статье, посвященной внешней политике Болгарии накануне и в начальный период Второй мировой войны, а также борьбе великих держав за внешнеполитическую ориентацию этой страны, особое внимание уделено личности болгарского царя Бориса III Саксен-Кобург-Готского, который с середины 30-х годов сосредоточил непосредственное управление страной в своих руках. Представляется важным высветить роль царя Бориса в самый тяжелый момент истории Болгарии XX века, показать внутренние и внешние условия, в которых он действовал и принимал судьбоносные для страны решения, показать всю безвыходность ситуации, в которой он оказался. Можно без преувеличения сказать, что здесь тесно переплелись и человеческая драма, и трагедия страны.

Уже накануне войны царь Борис, игравший ключевую роль при выработке внешнеполитического курса Болгарии, осознавал противоречивость складывавшейся ситуации. С одной стороны, он намеревался сделать все возможное, чтобы Болгария осталась в стороне от надвигавшейся бури, поскольку хорошо помнил военную катастрофу 1918 г., когда его страна выступала в союзе с Германией. С другой стороны, Борис понимал, что именно новая мировая война, которой он так опасался, может разрушить Версальскую систему, ликвидировать статус-кво, установленный Нейиским мирным договором 1919 г., несправедливым в глазах почти каждого болгарина. Поэтому было бы нереалистичным не видеть определенной симпатии в болгарском обществе к германскому ревизионизму. Однако, учитывая то обстоятельство, что все соседние государства были объединены против Болгарии в пакты и союзы (именно с целью сохранения статус-кво), София говорила о своих ревизионистских устремлениях очень осторожно, всегда при этом подчеркивая, что она выступает лишь за мирное их разрешение.

Накануне Второй мировой войны Болгария провозгласила нейтралитет и стремление к мирной ревизии Нейиского мира. Несмотря на силь-

inslav

ное дипломатическое давление со стороны великих держав, царь Борис и болгарское правительство не спешили примкнуть к той или иной группировке и занимали выжидательную позицию, понимая, что в напряженной обстановке предвоенного соперничества цена маленькой Болгарии будет неуклонно повышаться и позволит ей лавировать до того момента, пока не станет ясно, участие в каком из блоков позволит ей извлечь для себя максимальную выгоду при минимальных потерях. В секретной директиве № 19 о «позиции Болгарии при создавшейся международной обстановке», которую премьер-министр Г. Кьосеиванов направил 19 апреля 1939 г. всем болгарским дипломатическим представительствам за границей, говорилось, что «Болгария проводит и будет проводить до тех пор, пока это окажется возможным, самостоятельную политику, не связывая себя никакими обязательствами» и что «в конечном счете Болгария придерживается выжидательной политики». В то же время в директиве отмечалось: «Наши экономические связи с Германией, которая поглощает более 75 % нашего экспорта, делают для нас невозможным, независимо от политических соображений, присоединение к демократическим государствам против тоталитарных государств». А поскольку оружие Болгария вынуждена приобретать почти исключительно у немцев, она «подвергается опасности того, что с германской стороны ей будут поставлены политические условия»[1]. Таким образом, уже накануне войны начала обозначаться линия болгарских правящих кругов на сближение с Германией.

С началом войны правящие круги Болгарии оказались в новой ситуации. Было ясно, что страна, расположенная в районе, где скрестились интересы могущественных сил, не сможет долго оставаться в стороне от конфликта, что рано или поздно ей будут предъявлены требования обеими воюющими группировками. Борьба дипломатии двух блоков за Болгарию приняла более интенсивный характер.

15 сентября 1939 г. правительство Кьосеиванова заявило о нейтралитете Болгарии в начавшейся мировой войне. Учитывая сложность международной обстановки, непосредственную угрозу со стороны Турции, неподготовленность Болгарии к войне, болгарским дипломатам за границей вменялось в обязанность настойчиво подчеркивать миролюбие и нейтралитет Болгарии, разъясняя при этом, что Болгария, не отказываясь от требования ревизии Нейиского договора, надеется добиться разрешения этого вопроса мирным путем по окончании войны. В этом же духе были выдержаны многочисленные высказывания царя Бориса и других болгарских политических деятелей в начальный период войны. Маневрируя

[1] Текст директивы № 19 опубликован в ряде исследований. См., напр.: *Валев Л. Б.* Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период Второй мировой войны). М., 1964. С. 20–21; *Генчев Н.* Външнополитическата ориентация на България в навечерието на Втората световна война // Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет. Т. LXI. Кн. III. София, 1968. С. 171.

inslav

между великими державами — Германией, Англией, Францией, Италией и Советским Союзом, царь Борис в контактах с представителями этих держав стремился доказать, сколь выгоден для каждой из них нейтралитет Болгарии.

Национал-социалистская Германия была носителем тех тенденций в европейской политике, от усиления которых Болгария объективно могла ожидать выполнения своих ревизионистских требований, прежде всего возвращения Южной Добруджи Румынией и получения выхода к Эгейскому морю от Греции. Тем не менее осторожный царь Борис пытался избежать рискованного одностороннего выбора. Решение своих территориальных проблем Болгария стремилась искать в договоренности с несколькими великими державами.

В конце 1939 — начале 1940 г. Болгария придерживается линии на сдержанное и дозированное улучшение отношений с СССР, но без перехода критической черты — заключения политических договорных обязательств в виде пакта о взаимной помощи. В отношениях с Германией Болгария продолжает «шагать в ногу» и согласовывать с ней все свои важнейшие внешнеполитические действия. Германия пока (до весны 1940 г.) еще не проявляет особой политической активности на Балканах и ее вполне устраивает прогерманский нейтралитет Болгарии, подкрепленный теснейшими экономическими связями между обеими странами.

В обстановке международной нестабильности и неопределенности, а также острой политической борьбы внутри страны Борис III решает окончательно монополизировать решение вопросов внешней политики. С этой целью он распускает ненадежный с его точки зрения парламент — рассадник различных политических настроений, а также избавляется от премьер-министра Кьосеиванова, который стал вызывать недоверие царя своими амбициями проводить самостоятельную политику. В середине февраля 1940 г. царь Борис отстранил его от власти и назначил премьер-министром профессора археологии Богдана Филова, известного своими прогерманскими взглядами. При Филове решение всех, даже мельчайших вопросов управления целиком перешло в руки царя[1].

Первым видимым успехом внешней политики Болгарии под руководством царя Бориса было решение добруджанской проблемы. Болгарская дипломатия еще с апреля 1940 г. начала подготовительную кампанию за возвращение Южной Добруджи. Кампания была встречена великими державами благосклонно. Неожиданно не только СССР, но и Германия, Англия, Италия и даже США проявили заинтересованность в приписывании себе заслуги возможного мирного разрешения болгаро-румынского спора.

Царь Борис, беседуя с советским полпредом А. А. Лаврищевым в июле 1940 г. о современном положении Болгарии, говорил, что «она окружена со всех сторон представителями различных крупных государств, которые

[1] *Димитров И.* Иван Багрянов. Царедворец, политик, държавник. София, 1995. С. 31.

inslav

постоянно стоят с микроскопами и рассматривают Болгарию. Они рассматривают через свои микроскопы каждый внутренний поступок, каждый шаг того или другого министра, каждое сообщение в печати и анализируют все эти факты по-своему»[1]. Такое исключительное внимание к Болгарии затрудняет деятельность государственного руководства как во внутренней жизни, так и во внешней политике, жаловался Борис. На самом деле болгарское правительство само привлекало внимание к своим внешнеполитическим проблемам, стремясь решать их с помощью великих держав, играя на их противоречиях, порой даже прибегая к шантажу.

В первые дни июля 1940 г. советское правительство уведомило болгарское, что оно поддерживает требования Болгарии по поводу Южной Добруджи и будет их поддерживать на будущей международной конференции, на которой они были бы поставлены[2].

Английский посланник в Софии Дж. Ренделл спустя несколько дней также заявил министру иностранных дел Болгарии И. Попову о признании Англией болгарских прав на Добруджу. Как записал в своем дневнике Лаврищев, посетивший в эти дни Ренделла, англичанин очень «сожалел о том, что Англия, которая была связана с антиревизионистскими настроениями Франции, не могла раньше сделать этого заявления». «Болгария бесспорно получит Добруджу, — говорил Ренделл, — только вопрос, от кого она ее получит». Он досадовал, что Англия не опередила в этом деле Германию и не возвратила Добруджу Болгарии еще два года назад[3].

Американский посланник в Софии Д. Эрл также встречался с Поповым и после этой встречи докладывал 27 июня в Вашингтон: «Теперь, когда румынский территориальный вопрос поднят Россией снова, болгарские претензии по поводу Добруджи будут рассмотрены, поскольку они столь справедливы, что даже и дьявольский суд не мог бы их отвергнуть»[4].

Факты свидетельствуют о том, что с самого начала болгарское правительство решает искать поддержку своих требований главным образом у Германии. Это было доминантой во всей дипломатической деятельности Болгарии летом 1940 г. При этом неизменно присутствовал следующий аргумент: Южную Добруджу Болгария должна получить при решительном содействии Германии, в противном случае свои политические дивиденды извлекут Советский Союз и коммунисты внутри самой Болгарии.

Еще в июне 1940 г. царь Борис предупредил германского посланника Г. Рихтхофена, что после занятия Бессарабии Советским Союзом в Бол-

[1] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 13. Д. 133. Л. 44.

[2] См.: *Сирков Д.* Външната политика на България. 1938-1941. София, 1979. С. 233.

[3] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 13. Д. 133. Л. 51.

[4] Цит. по: *Груев Ст.* Корона от тръни. Царуването на Борис III. 1918–1943. София, 1991. С. 324.

inslav

гарии непременно начнутся массовые выступления за возвращение Добруджи. Напомнив ему об активности болгарских коммунистов, царь заметил, что положение станет невыносимым, если Болгария не получит хотя бы обещание со стороны Германии. Иначе может возникнуть опасность «насильственного переворота, который в будущем приведет к установлению тесных связей с Москвой»[1]. Тогда уже новый режим в Болгарии получит Южную Добруджу от Советского Союза. Царь же предпочитает получить ее из рук Германии.

15 июля А. Гитлер в письме к румынскому королю посоветовал ему «договориться одновременно как с Болгарией, так и с Венгрией на разумной основе»[2] (Венгрия по Трианонскому мирному договору 1920 г. потеряла Трансильванию, которая была присоединена к Румынии. По 2-му Венскому арбитражу в августе 1940 г. Северная Трансильвания передавалась Венгрии). 26 июля А. Гитлер и И. Риббентроп пригласили в Зальцбург румынских премьер-министра и министра иностранных дел. В условиях военного усиления Германии летом 1940 г. и безнадежного положения Румынии, часть которой была оккупирована союзником Германии — СССР, предложение Гитлера румынскому правительству урегулировать добруджанский вопрос равнялось приказу.

Присоединение Южной Добруджи в сентябре 1940 г. к Болгарии согласно Крайовскому соглашению — несомненно, крупный успех политики царя Бориса. Как известно, это оказалось единственным территориальным приобретением Болгарии, которое признали все государства, независимо от того, к какому из воюющих блоков они принадлежали, и которое было сохранено за ней по окончании Второй мировой войны.

С середины сентября 1940 г. начинается быстрая эскалация советско-германских противоречий на Балканах. Германия и СССР являются к этому времени главными международными факторами на Балканском полуострове.

Важнейшим оружием Германии в дипломатической и политической борьбе за внешнеполитическую ориентацию балканских стран стал заключенный 27 сентября 1940 г. Тройственный пакт. Сразу же после подписания пакта Гитлер начал активно добиваться присоединения к нему ряда государств. 16 октября предложение подписать пакт было сделано и Болгарии, причем в ультимативной форме[3].

Тактика лавирования, избранная царем Борисом, оказалась подвергнутой серьезному испытанию. По-прежнему надеясь, что удовлетворение территориальных притязаний Болгарии может произойти без утери ею нейтралитета, Борис пишет 22 октября личное письмо Гитлеру, в котором высказывает мнение, что в настоящий момент присоединение Болгарии к пакту было бы преждевременным и опасным, поскольку существует

[1] Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP). Serie «D». Bd. X. S. 46.
[2] Ibid. S. 183.
[3] ЦДА. Ф. 176. Оп. 8. А. е. 17. Л. 31.

inslav

угроза нападения со стороны Турции и Греции, а Болгария совершенно не подготовлена в военном отношении. Царь предлагал фюреру еще раз обсудить, «безусловно ли необходимо изменение проводившейся до сих пор недвусмысленной и хладнокровной политики Болгарии, которая по сей день держит под угрозой наших и Ваших врагов. Это имело бы последствием немедленное израсходование наших скромных сил, не говоря о том, что полная мобилизация привела бы к застою в хозяйственной жизни и производстве страны»[1]. Этим письмом Борис начал свою ловкую тактику затягивания дела, которую ему удалось продолжить до марта 1941 г.

С письмом Бориса в Берлин направляется царский советник Б. Морфов. Однако Гитлер демонстративно отказывается его принять, и письмо вручается госсекретарю Э. Вайцзеккеру. Спустя несколько дней Вайцзеккер заявляет болгарскому посланнику в Берлине П. Драганову, что Риббентроп настаивает на присоединении Болгарии к пакту и дает болгарскому правительству на размышление еще несколько дней[2]. Драганов в разговоре с госсекретарем подчеркнул, что царь, как и прежде, придерживается «последовательной прогерманской политики, хотя на нее и наброшена мантия нейтралитета»[3]. Письмо царя якобы вовсе не содержит отказа присоединиться к пакту, но содержит предложение прислать для обсуждения этих вопросов болгарских премьер-министра и министра иностранных дел.

Тем временем начавшаяся в конце октября 1940 г. итало-греческая война развивается неожиданным образом: следует контрнаступление греческой армии. Германия вынуждена прийти на помощь своему союзнику. В директиве Главного штаба германских вооруженных сил предусматривается оккупация Северной Греции немецкими войсками и их прохождение в случае необходимости через территорию Болгарии. В связи с этими планами возобновляется натиск германской дипломатии на Болгарию. После безрезультатной беседы Риббентропа с Драгановым 14 ноября германское министерство иностранных дел приглашает царя Бориса на встречу с Гитлером. Вместе с министром иностранных дел И. Поповым болгарский монарх тайно вылетает 17 ноября 1940 г. в Берхтесгаден, где находилась резиденция фюрера.

Этот визит состоялся спустя несколько дней после другого, более известного в истории, — визита В. М. Молотова в Берлин 12–13 ноября 1940 г. Как известно, основное внимание Молотова на переговорах с руководителями «Третьего рейха» было обращено на Юго-Восточную Евро-

[1] България — своенравният съюзник на Третия райх. Документална колекция. Ред. В. Тошкова и др. София. 1992. С. 11; ADAP. Serie «D». Bd. XI/I. S. 310–311.

[2] См. Генчев Н. Указ. соч. С. 374.

[3] Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA AA). Bestand: Büro des Staatssekretärs. Akten betr. Bulgarien. Bd. I. Донесение Вайцзекера в МИД Германии от 25. 10. 1940.

inslav

пу и, в частности, на Болгарию, тесно связанную с проблемой Черноморских проливов.

Директивы, полученные Молотовым от Сталина перед поездкой, а также телеграммы, которыми они обменивались во время пребывания Молотова в Берлине, раскрывают подлинные цели и расчеты советской политики.

Один из пунктов сталинских директив гласил: «Болгария — главный вопрос переговоров, должна быть, по договоренности с Германией и Италией, отнесена к сфере интересов СССР на той основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию»[1]. Еще более откровенно геополитические интересы СССР раскрыты в телеграмме Сталина Молотову от 13 ноября, в которой подчеркивалось, что «безопасность черноморских районов СССР нельзя считать обеспеченной без урегулирования вопроса о проливах. Поэтому заинтересованность СССР в Черном море есть вопрос обороны берегов СССР и обеспечения его безопасности. С этим органически связан вопрос о гарантировании Болгарии со стороны СССР, ибо обеспечение спокойствия в районе проливов невозможно без договоренности с Болгарией о пропуске советских войск для защиты входов в Черное море»[2]. В другой телеграмме, направленной Молотову в тот же день, Сталин уточнял, что мирное разрешение вопроса о проливах «не будет реальным без нашей гарантии Болгарии [и] пропуска наших войск в Болгарию как средства давления на Турцию»[3]. В ответной телеграмме Молотов писал: «Вашу телеграмму с разъяснениями о Черном море получил. Сейчас иду на завтрак и на беседу с Гитлером. Нажму на Черное море, проливы и Болгарию»[4]. Размещение советских войск в Болгарии становилось основным вопросом безопасности Советского Союза в районе Черноморских проливов.

В ходе переговоров Молотов неоднократно поднимал вопрос о советских гарантиях Болгарии и заверял, что СССР ни в коем случае не хочет вмешиваться во внутренний порядок страны. Когда же Молотов поставил перед фюрером вопрос, какую позицию займет Германия в случае предоставления Болгарии советской гарантии, подобной той, что Германия и Италия предоставили Румынии, Гитлер, в свою очередь, спросил, просила ли Болгария Москву о таких гарантиях, как Румыния просила об этом Германию. Молотов ответил уклончиво, дав понять, что он не требует от

[1] Директивы И. В. Сталина В. М. Молотову перед поездкой в Берлин в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1995. № 4. С. 78. См. также: *Волков В. К.* Советско-германские отношения во второй половине 1940 г. // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 9.

[2] Цит. по: *Безыменский Л., Горлов С.* Накануне (Переговоры В. М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г.) // Международная жизнь. 1991. № 8. С. 105.

[3] Там же.

[4] Там же.

inslav

фюрера окончательного ответа, а только просит высказать свое предварительное мнение. Гитлер же возразил на это, что он не может высказать свою позицию, не переговорив предварительно с Муссолини[1].

В последний день переговоров, 13 ноября, на встрече Молотова с Риббентропом, германский министр сделал предложение Советскому Союзу присоединиться к Тройственному пакту, обрисовав перспективы сотрудничества СССР с державами оси. Молотов ответил уклончиво, однако спустя две недели, 25 ноября 1940 г., германскому послу в Москве В. фон Шуленбургу было сообщено, что СССР готов на определенных условиях положительно рассмотреть вопрос о присоединении к Тройственному пакту. Молотов передал Шуленбургу Приложение, в котором излагались эти условия. Среди них было следующее: «Если в ближайшие месяцы будет обеспечена безопасность СССР в Проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР, и организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды»[2]. В приложении предлагалось также составить 5 секретных протоколов. Один из них касался признания того, что Болгария находится в сфере безопасности СССР, в связи с чем считается необходимым заключение советско-болгарского пакта о взаимопомощи. Как известно, ответа на эти предложения с германской стороны не последовало, поскольку Гитлер преследовал на ноябрьской встрече в Берлине чисто дезинформационные цели.

Можно себе представить, как напряженно следили за ходом берлинской встречи в Софии. 17 ноября царь Борис и Попов прибыли в резиденцию фюрера с твердым намерением не подписывать Тройственный пакт главным образом из-за страха перед СССР. На настойчивое требование Гитлера присоединиться к пакту болгарский монарх повторил уже известные аргументы: неподготовленность Болгарии к войне, экономические выгоды, которые Германия получит, если Болгария не будет втянута в военные действия, опасность со стороны Турции и, конечно, возможность ухудшения отношений с СССР[3]. Царь напрямик спросил Гитлера, зондировался ли вопрос о присоединении его страны к Тройственному пакту во время недавней встречи с Молотовым. Гитлер избежал прямого ответа, но сказал, что «большевики зондировали наше мнение о возможном создании военных баз в Болгарии», и подчеркнул, что Германия поддержит

[1] ADAP. Serie «D». Bd. XI/I. S. 470–471; *Безыменский Л., Горлов С.* Указ. соч. С. 111–112.

[2] ДВП СССР. 1940 — 22 июня 1941. Т. XXIII: В 2-х кн. Кн. 2 (часть 1). 1 ноября 1940 — 1 марта 1941. М., 1998. Док. 548. С. 136–137.

[3] Научен архив на Българската академия на науките (НА БАН). Сб. IV. Спомени на Ст. Мошанов. Т. IX. Съпротива и капитуляция. Л. 18–19; *Филов Б.* Дневник. София, 1986. С. 211.

inslav

болгарскую сторону в вопросе об отказе от создания советских баз лишь в том случае, если Болгария подпишет Тройственный пакт. «Шантаж был очевиден, — рассказывал впоследствии царь Н. Мушанову, видному болгарскому политику, лидеру Демократической партии. — Надо было вырваться из клещей, в которые меня зажал Гитлер, приняв в принципе присоединение к пакту, но оставив открытым вопрос о дате присоединения»[1].

Таким образом, и на этом этапе попытки Германии включить Болгарию в свою коалицию потерпели провал. Это была своего рода сенсация: никто не ожидал от этой маленькой балканской страны такого сопротивления. Тем не менее встреча царя Бориса с Гитлером вызвала крайнее раздражение в Москве. 18 ноября болгарский посланник И. Стаменов имел беседу с Молотовым, который в разговоре прибегал попеременно к угрозам и обещаниям. Во время ноябрьской встречи в Берлине, подчеркнул Молотов, на его вопросы о Болгарии ему постоянно отвечали, что надо выяснить позицию Италии по болгарским вопросам. Что это значит? Существует ли договор или итальянские гарантии Болгарии? «Если Болгария нуждается сейчас в какой-либо гарантии, то такую гарантию ей дал бы сейчас СССР. При этом нынешний внутренний режим и государственный строй Болгарии, — подчеркнул Молотов, — должен остаться таким, как он есть и как этого хочет сама Болгария»[2]. Далее Молотов спросил, вступит ли Болгария в Тройственный пакт, как это сделали Венгрия, Румыния и Словакия. Россия, прибавил Молотов, не потерпит, чтобы Болгария превратилась, подобно Румынии, в марионеточное, «легионерское» государство, и предлагает Болгарии помощь товарами, валютой и расширением закупок болгарских товаров. Если бы СССР оказался перед фактом получения Болгарией гарантии своей безопасности со стороны какой-либо другой державы, это ухудшило бы и испортило советско-болгарские отношения. Одновременно Молотов действовал «и пряником», говоря о поддержке Советским Союзом болгарских территориальных претензий по отношению к Греции и Югославии. В конце разговора Молотов напомнил Стаменову о советском предложении заключить с Болгарией пакт о взаимопомощи, которое было сделано в сентябре 1939 г., и тогдашний ответ Кьосеиванова, что если возникнет необходимость, то болгары попросят советских гарантий. После того как Молотов вышел, телеграфировал в Софию Стаменов, присутствовавший на встрече Деканозов «сказал мне более ясно, что может быть теперь наступил момент, о котором говорил Кьосеиванов»[3].

Без колебаний царь Борис и премьер-министр Филов отвергают новое советское предложение, о котором говорилось в телеграмме Стаменова:

---

[1] НА БАН. Сб. IV. Т. IX. Л. 19.

[2] ДВП СССР . Т. XXIII. Кн. 2 (часть 1). Док. 532. С. 110. ADAP. Serie «D». Bd. XI/2. S. 542;.

[3] АМВнР. Оп. 1ш. А. е. 272. Д. 34. Л. 238–239.

inslav

«Обсудили ее в тот же вечер с Царем и Поповым и решили ответить отрицательно», — записал Б. Филов в своем дневнике[1]. Спустя несколько дней, 24 ноября 1940 г. в Москву был направлен ответ, в котором под предлогом того, что Болгария не чувствует себя в опасности и не нуждается в гарантиях, отвергалось советское предложение о пакте[2].

Советский зондаж, в свою очередь, обеспокоил немцев. 21 ноября посланник Германии в Турции Ф. фон Папен, проезжая через Софию, встречается с царем. Он предупреждает Бориса об опасностях, которые таит в себе советская гарантия, и излагает преимущества присоединения Болгарии к Тройственному пакту. Однако царь повторяет аргументы, высказанные Гитлеру[3].

В ходе беседы со Стаменовым советская дипломатия скорее всего хотела предварительно прозондировать позицию болгарской стороны, а затем уже приступить к конкретным действиям. 25 ноября 1940 г. в Софию прилетает генеральный секретарь Наркоминдела А. А. Соболев с предложением заключить пакт о взаимной помощи. Болгарский политический деятель Ст. Мошанов так записал высказывание об этом царя Бориса: «Не прошло и недели [после возвращения царя из Берхтесгадена. — *Е. В.*], как наступил один из самых неприятных дней в моей жизни — миссия Соболева. То, что я считал шантажом со стороны Гитлера, — требование Советским Союзом баз в Болгарии — Соболев предложил нам под видом пакта о взаимной помощи. Если Гитлер недвусмысленно угрожал мне своими войсками, Сталин оказывает нажим через мой собственный народ»[4]. Царь Борис имел в виду организованную болгарскими коммунистами массовую кампанию за принятие советского предложения, вошедшую в историю Болгарии под названием «Соболевской акции».

В основных пунктах советское предложение повторяло предыдущее, сделанное осенью 1939 г. Встретившись поочередно с Филовым и с царем Борисом, Соболев ознакомил их с советским предложением. Оно состояло из 12 пунктов. Исходя из общих интересов Болгарии и СССР, говорилось в нем, Советский Союз возобновляет свое предложение о заключении пакта о взаимной помощи, «который поможет Болгарии в осуществлении ее национальных устремлений не только в Западной, но и в Восточной Фракии». В соответствии с пактом СССР обязывался оказать Болгарии всяческую, в том числе и военную, помощь в случае угрозы ей со стороны третьей державы или группы стран. Болгария же должна была оказать помощь СССР в случае возникновения реальной угрозы интересам Советского Союза в Черном море или в районе проливов. Особо оговаривалось, что пакт никоим образом не затрагивает внутренний режим,

[1] *Филов Б.* Дневник. С. 211.

[2] ADAP. Serie «D», Bd. XI/2. S. 578; ДВП СССР . Т. XXIII. Кн. 2 (часть 1). Док. 549. С. 138.

[3] Ibid. S. 546–547.

[4] НА БАН. Сб. IV. Т. IX. Л. 20.

inslav

суверенитет и независимость Болгарии. Кроме того, СССР выражал готовность помочь Болгарии деньгами, продовольствием, вооружением и другими материалами — в форме займов, а также обещал расширить закупки болгарских товаров. Особый интерес представляет последний, 12-й пункт предложенного пакта: «При условии заключения пакта о взаимной помощи с СССР отпадают возражения против присоединения Болгарии к известному пакту трех держав. Вполне вероятно, что и Советский Союз в этом случае присоединится к Тройственному пакту»[1].

Миссия Соболева была настолько секретной, что болгарский посланник в Москве узнал о том, что советский дипломат должен остановиться в Софии «по дороге» в Румынию на конференцию по Дунаю, уже после его отлета. «Явно хотели Вас застать врасплох и боялись, как бы их не опередил Гитлер, и поэтому ввели меня в заблуждение, что Соболев летит в Бухарест рейсовым самолетом», — доносил Стаменов в Софию (на самом деле Соболев вылетел спецрейсом). «У меня создалось впечатление, — продолжал посланник, — что они готовы на все, лишь бы подписать с нами пакт». В конце разговора Молотов, сообщивший Стаменову о миссии Соболева, не удержался от запугивания: если болгары надеются остаться «в изоляции» (т. е. нейтральными), то в этом много иллюзий[2].

Болгарские лидеры, имевшие перед глазами пример балтийских государств, прекрасно понимали, что подписание подобного договора привело бы к постоянному вмешательству СССР не только во внешнюю, но и во внутреннюю политику Болгарии, тем более что болгарские коммунисты в этот период резко активизировали свою деятельность, используя широко распространенные в Болгарии русофильские чувства. Царь Борис в разговоре с Н. Мушановым раздраженно сказал: «Я считаюсь с этими чувствами, но не оставлю ворота овчарни открытыми для того, чтобы вошел волк. Даже в принципе не могу разговаривать о помощи со стороны большевиков. Тот факт, что прежде чем прислать к нам Соболева, они проводили зондаж у немцев, показывает, что путь к болгарским базам идет через Берлин. Миссия Соболева имеет лишь тот результат, что поколебала меня в моем решении еще потянуть время в вопросах с немцами»[3].

Ответ болгарского правительства на соболевское предложение был однозначно отрицательным. «Вчера были вчетвером (премьер-министр, министр иностранных дел, внутренних дел и военный министр. — *Е. В.*) у царя для обсуждения предложения Соболева и решили его в принципе отвергнуть», — записал Филов в своем дневнике[4]. В очень осторожной, но достаточно категоричной форме болгарское правительство, ссылаясь на возможное осложнение отношений с Германией, с которой уже давно

[1] АМВР. II Народен съд. А. е. 14. Л. 42; ADAP, Serie «D». Bd. XI/2. S. 646.
[2] АМВнР. Оп. 1ш. А. е. 272. Д. 34. Л. 247.
[3] НА БАН. Сб. IV. Т. IX. Л. 20.
[4] *Филов Б.* Дневник. С. 211–212.

inslav

ведутся переговоры о вступлении Болгарии в Тройственный пакт, отклонило советское предложение. Письменный ответ министр иностранных дел И. Попов передал 30 ноября советскому посланнику А. А. Лаврищеву[1].

Миссия Соболева вызвала, естественно, огромное раздражение в Берлине, где полным ходом шла подготовка к нападению на СССР. С декабря 1940 г. Гитлер уже демонстративно игнорировал своего бывшего союзника — СССР, а затем и вовсе стал действовать наперекор ему, и в первую очередь на Балканах. «Миссия Соболева» и подписание 18 декабря 1940 г. плана «Барбаросса» завершили первый этап советско-германского противоборства на Балканах, когда он носил дипломатический характер. С начала 1941 г. СССР и Германия вступают в открытую политическую борьбу за Балканы и Болгарию в частности.

Натиск на царя Бориса со стороны Германии и СССР (Англия и США тоже не бездействуют, но их позиция имеет уже второстепенное значение), а также со стороны внутренней левой (коммунисты) и правой (националистические прогерманские организации «Национальные легионы», «Ратник», Союз офицеров запаса и другие) оппозиции был огромен. Международные события и внутренняя ситуация завлекли монарха в капкан, и чтобы выбраться из него, Борис должен был принять судьбоносное решение. Тактика лавирования царя ни для кого не была загадкой. Вот как описывает положение болгарских властей в этот период венгерский посланник в Софии Юнгерт (Михай Арноти) в своем донесении министру иностранных дел Венгрии И. Чаки от 13 декабря 1940 г.: «Руководители болгарской внешней политики в последние месяцы попали в очень сложную ситуацию в связи со своей позицией постоянного лавирования. Одна за другой великие державы хотели нажать на них с тем, чтобы они заняли определенную позицию». Даже Англия 25 ноября предупредила Болгарию, что если та вступит в Тройственный пакт, Англия не поддержит независимость и территориальную целостность Болгарии после войны. Болгария находится на перепутье. «Чрезмерная хитрость привела их [болгар. — *Е. В.*] к этой неприятной и трудной ситуации. Хотят быть со всеми в одинаково хороших отношениях, чтобы обеспечить себе помощь всех при реализации своих территориальных притязаний»[2]. Но крайний момент сделать выбор наступил.

В доверительном разговоре с лидером буржуазной оппозиции Н. Мушановым[3], состоявшемся 19 декабря 1940 г., царь признал, что в принципе принял решение дать согласие на прохождение германских войск через территорию Болгарии, если Германия вновь поставит вопрос об этом.

[1] ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 2 (часть 1). Док. 564. С. 159.

[2] Magiar Orszagos Leveltar (MOL). K. 63. 1940 — 5t. Bulgaria. 4–5. old.

[3] Запись о разговоре сделана племянником Н. Мушанова Ст. Мошановым в его мемуарах.

inslav

«Я не могу пренебречь германскими гарантиями перед большевистским натиском, — сказал Борис. — А времени терять нельзя. Если бы была хоть малейшая возможность другого выхода, я бы ее не упустил». Царь не мог принять и совета английского посланника Ренделла — дать хотя бы один артиллерийский залп против переправляющихся через Дунай германских войск, чтобы продемонстрировать свое несогласие: «Легко ему говорить, когда есть Ла Манш между бельгийским берегом и Англией! Иначе мой "коллега" и приятель Джордж V плавал бы по морям на какомнибудь дредноуте как "летучий голландец"». «Дилемма одна: Германия или Россия. Это две силы, которые будут решать судьбу Европы. Чувства Вам говорят — Россия, но если Вы послушаете голос разума, то ответите — Германия!»[1]. Это означало, что внутренне царь уже был готов к принятию решения, ставшего для страны роковым.

1940 год — последний год сопротивления царя Бориса — подходил к концу. Но еще в последний день этого года, 31 декабря, Гитлер с большим раздражением писал Муссолини: «И Болгария уклоняется от вступления в Тройственный пакт и от принятия четкой внешнеполитической ориентации. Последствием этого является растущее давление на Болгарию со стороны Советской России. Если бы царь сразу вступил в наш пакт, никто не посмел бы оказывать на него нажим. Самое худшее при этом — отравление общественного мнения, которое не является невосприимчивым к коммунистической заразе»[2].

В первый день нового, 1941 года болгарский премьер Б. Филов отправился в Вену для продолжения переговоров с Гитлером и Риббентропом по вопросу о вступлении Болгарии в Тройственный пакт. «С их точки зрения мы должны войти как можно быстрее, с нашей — следует дождаться удобного для нас момента», — записал Филов в дневнике[3]. Болгарский премьер следовал указаниям царя, настаивавшего, чтобы подписание пакта состоялось одновременно с вступлением германских войск на болгарскую территорию — с тем, чтобы предотвратить негативную реакцию, как внешнюю, так и внутреннюю. Можно согласиться с мнением болгарского историка И. Димитрова, который писал: заключить «...преждевременный союз с Германией, когда еще неясен исход войны, — это, по мнению царя Бориса, не отвечало интересам режима, династии. Избежать этого союза — это было ему не под силу. Вопрос стоял так: во-первых, как этот неизбежный, навязанный обстоятельствами, не отвечавший интересам Болгарии союз связать с ее интересами, оправдать этими интересами, и во-вторых — как его оправдать в глазах общественного мнения»[4]. С точки зрения царя Бориса, присоединение к Тройственному пакту можно было

[1] НА БАН. Сб. IV. Д. III. Л. 21–22.

[2] ADAP. Serie «D». Bd. XI/2. Dok. № 586.

[3] *Филов Б.* Дневник. С. 215.

[4] *Димитров И.* Професор Богдан Филов и неговият дневник // Филов Б. Дневник. С. 101.

inslav

оправдать только одной исторической задачей: национальным объединением.

По возвращении в Софию Филову оставалось окончательно убедить царя в неизбежности подписания пакта. После артистически разыгранной сцены (царь ломал руки и говорил, что «предпочитает отказаться от престола или броситься в объятия России») Борис выслушал доводы Филова и «признал их правоту»[1].

Болгаро-германские переговоры и быстро меняющаяся военная обстановка на Балканах в конце 1940 — начале 1941 г. вызвали бурную дипломатическую активность Англии и США на Балканском полуострове. Они в последний раз попытались удержать Болгарию от вступления в Тройственный пакт.

Английская дипломатия отказалась в своих отношениях с Болгарией от всяких уговоров, заманчивых обещаний и встала на путь открытых угроз. Английский посланник в Софии неоднократно в официальном порядке заявлял болгарскому правительству, что в случае выступления Болгарии против Греции или появления немецких войск на болгарской территории, безразлично, с согласия ли болгарского правительства или без него, Англия немедленно порвет дипломатические отношения с Болгарией, а английская авиация будет бомбить промышленные и военные объекты на болгарской территории. В середине января Форин Офис официально предупредил болгарского посланника в Лондоне Н. Момчилова, что Англия будет считать присутствие германских войск в Болгарии за болгарское соучастие в германских операциях против нее[2].

Неожиданную активность проявила на этот раз и американская дипломатия. В январе 1941 г. президент Рузвельт послал в Софию своего эмиссара полковника У. Доновена, который встретился с Поповым, Филовым и с царем Борисом. Заверяя царя в неизбежности благополучного для Англии исхода войны, Доновен просил его не пропускать немецкие войска через свою территорию для нападения на Грецию. И угрозы, и обещания (по некоторым сведениям, Доновен имел поручение пообещать болгарам американские гарантии их независимости и выход к Эгейскому морю, если только София будет проводить политику дружественного Англии нейтралитета[3]) были напрасны.

Вот как охарактеризовал миссию Доновена сам царь Борис, рассказывавший о ней руководителю культурно-политического отдела германского МИДа Твардовскому. «С иронией рассказывал царь о посещении американского полковника Доновена, который ему вновь продемонстрировал, сколь политически наивны американцы, — писал Твардовски. — Доновен

[1] *Филов Б.* Дневник. С. 222–223; ЦДА. Ф. 95. Оп. 1. А. е. 2. Л. 130. (дневник царского советника Л. Лулчева).

[2] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 10. Д. 117. Л. 36; см. также: *Генчев Н.* Указ. соч. С. 409.

[3] Bundesarchiv-Koblenz. R. 63/209. S. 12–13.

inslav

не имел понятия о политических отношениях и об истории Балкан; это его, судя по всему, и не интересовало. Он выдвинул перед ним требование оставаться нейтральным, оказать вооруженное сопротивление попытке прохода Германии [через Болгарию. — *Е. В.*] и положиться на великодушие Англии и Америки. Когда царь ему сказал, что о великодушии в понимании Англии Болгария достаточно узнала за последние 20 лет, Доновен возразил, что теперь речь идет о существовании Болгарии; если она сделает неправильный выбор, то будет уничтожена. Для него, царя, эта посылка эмиссаров и речи этого господина являются признаком слабости Америки»[1]. Если даже учесть, что высказывание царя предназначалось для ушей немца, его ирония все же выглядела скорее искренней. Американское требование, чтобы Болгария в одиночку оказывала вооруженное сопротивление германской оккупации, выглядело в глазах царя просто циничным, поскольку ни США, ни Англия не могли реально оказать ей никакой эффективной помощи. Возможно, впрочем, что американцы и не рассчитывали всерьез, что болгары выполнят их требование, а только хотели укрепить царя в его сдержанности по отношению к немецким планам. На все доводы Доновена царь Борис ответил: «Болгария придерживается политики мира, но положение на Балканах от нее не зависит»[2]. Разумеется, царь скрыл от американца, что именно в день его прибытия в Софию болгарское правительство приняло решение не оказывать сопротивления вступлению германских войск в Болгарию.

Последние попытки удержать Болгарию от подписания Тройственного пакта делает и советская дипломатия. 13 января 1941 г. было опубликовано заявление ТАСС, в котором говорилось: «В иностранной прессе распространяется сообщение со ссылкой на некоторые круги Болгарии как на источник информации, что в Болгарию уже переброшена некоторая часть немецких войск, что переброска последних в Болгарию продолжается с ведома и согласия СССР, что на запрос болгарского правительства о пропуске немецких войск в Болгарию СССР ответил согласием. ТАСС уполномочен заявить, что: 1) если немецкие войска в самом деле имеются в Болгарии и если их дальнейшая переброска в Болгарию действительно имеет место, то все это произошло и происходит без ведома и согласия СССР, так как германская сторона никогда не ставила перед СССР вопроса о пребывании или переброске немецких войск в Болгарию; 2) в частности, болгарское правительство никогда не обращалось к СССР с запросом о пропуске немецких войск в Болгарию и, следовательно, не могло получить от СССР какой-либо ответ»[3]. Заявление ТАСС выдавало тот факт, что позиции СССР в Болгарии окончательно утрачены и что он ничем не может помешать вторжению Германии в зону его интересов.

[1] ADAP. Serie «D». Bd. XI/2. Dok. N 713. S. 1000.
[2] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Пап. 10. Д. 117. Л. 36.
[3] Правда, 1941. 14 января.

inslav

Однако ни серьезные предупреждения советской дипломатии, ни английские угрозы, ни «ухаживания» американской дипломатии не могли остановить заработавший механизм присоединения Болгарии к державам оси.

Не следует забывать и чисто военный фактор: решение о присоединении было принято в тот момент, когда в соседнюю Румынию вступил мощный контингент гитлеровских войск, готовившихся к балканской операции.

20 января 1941 г. после 8-часового обсуждения решение о вступлении Болгарии в Тройственный пакт было одобрено Советом министров Болгарии.

Однако даже когда Болгария была уже крепко привязана к балканской операции вермахта, царю Борису удалось оттянуть вступление в пакт до конца февраля. Лишь после подписания 17 февраля болгаро-турецкой декларации о ненападении, после получения из Берлина подробных инструкций о том, как и когда следует уведомить Москву, Стамбул и Белград о предстоящем присоединении, после урегулирования с Германией всех военных и хозяйственных вопросов Болгария подписала 1 марта 1941 г. Тройственный пакт. В тот же день авангардные части армии фельдмаршала В. Листа переправились через Дунай, а на следующий день вся его 680-тысячная армия вступила на территорию Болгарии.

Пример болгарского царя Бориса лишний раз продемонстрировал печальную участь малых стран, в особенности расположенных в зоне скрещения геостратегических интересов великих держав. Они всегда являются яблоком раздора и фактически не могут отстаивать свои подлинные национальные интересы. В исключительно трудной международной обстановке царь Борис приложил максимум усилий для того, чтобы оградить свою страну от разгоравшегося военного пожара, а когда стало очевидно, что это невозможно — как можно дольше оттягивать момент вступления в союз с Германией. Отчасти это ему удалось — в годы Второй мировой войны Болгария была поставлена в иные условия, чем некоторые другие страны региона. Участие в войне стоило ей минимальных потерь. С другой стороны, учет царем Борисом традиционно русофильских чувств болгарского народа имел своим результатом то, что Болгарии — единственному из германских сателлитов — удалось сохранить дипломатические отношения с Советским Союзом на протяжении почти всей войны и не направить на Восточный фронт ни одного солдата.

inslav

В. Тошкова
Институт истории БАН

СОВЕТСКИЕ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ НА БАЛКАНАХ В 40-Е ГОДЫ XX ВЕКА (по материалам Национального архива США)

Задолго до победы во Второй мировой войне правящие элиты СССР и США сосредоточивают свое внимание на организации послевоенного мира. Ответственность за подготовку соответствующих материалов, касавшихся государственно-политического устройства в мирное время, была возложена на специально созданные комиссии и комитеты в каждой стране.

Администрация Рузвельта имела определенное преимущество во времени, поскольку еще в апреле 1941 г. в ее недрах возникла идея «оживления умирающего Консультативного комитета по проблемам внешней политики». Она была сформулирована помощником государственного секретаря и начальником отдела особых исследований Л. Пазвольским в меморандуме заместителю госсекретаря С. Уэлсу от 11 апреля. Касаясь «принципиальных функций» комитета, он особо подчеркнул важность дискуссий по вопросу об «организации мира», состоявшихся в 1940 г. после возвращения Уэлса из Европы. Это предложение было конкретизировано в письме государственного секретаря К. Хэлла Ф. Д. Рузвельту от 22 декабря 1941 г. В нем сообщалось, что сформулированное президентом пожелание, чтобы Государственный департамент «продолжил и расширил объем своей работы по подготовке к эффективному участию этой страны (США. — *В. Т.*) в решении обширных и трудных проблем международных отношений» удовлетворено: в структуре департамента будет создан специальный комитет под председательством К. Хэлла. Президенту предстояло утвердить его состав, куда предполагалось включить несколько правительственных служащих и известных лиц, не входивших в администрацию, но обладавших необходимой квалификацией для выполнения поставленных задач. Задачей комитета являлись подготовка аналитических материалов и рекомендаций, предназначенных президенту с целью «превратить в программу внешней политики и конкретных мероприятий общие принципы, заложенные в Атлантической хартии» и в других официальных документах, а также изучение вопросов общей безопасности, ограничения вооружений, международного сотрудничества. Был поставлен

inslav

вопрос о финансировании деятельности комитета из государственного бюджета. В письме предлагалась следующая структура нового подразделения — три подкомитета, сферами внимания которых по первоначальному замыслу являлись политические и территориальные проблемы, проблемы вооружений, а также экономики и финансов. Подготовка обобщающих записок, проектов меморандумов и других документов возлагалась, главным образом, на отдел особых исследований при Государственном департаменте, однако при необходимости следовало привлекать к работе другие департаменты, официальные службы и неправительственных экспертов. В 1942 г. подразделения Консультативного комитета уже начали проводить регулярные заседания[1].

Что касается аналогичных советских структур, то они возникли на протяжении 1942–1943 гг. Речь идет о комиссиях Наркомата иностранных дел, руководимых В. М. Молотовым (позднее М. М. Литвиновым), И. М. Майским и К. Е. Ворошиловым. Советское «отставание» несущественно. Гораздо важнее, что некоторые концепции, цель которых — гарантировать безопасность СССР после войны и сохранить мир в течение продолжительного времени, идентичны американским. СССР и США проявляют взаимный интерес к послевоенным намерениям друг друга[2].

Иллюстрацией пристального внимания американской стороны к замыслам и целям Москвы являются протоколы заседаний вышеупомянутых подкомитетов. Важное место в них принадлежит анализу позиции советского руководства по дискуссионным политическим и территориальным вопросам, окончательное решение которых связывалось с итогами войны.

Еще в 1941–1942 г. в Государственном департаменте всесторонне рассматривалась позиция советского правительства, предполагавшая восстановление границ СССР, существовавших к июню 1941 г., содействие формированию «дружественных правительств» в граничивших с СССР странах и, как следствие этого, обретение прочных гарантий национальной безопасности Советского Союза. В это время американская сторона прогнозирует, что СССР будет стремиться завоевать доминирующие позиции в Восточной Европе[3].

Различные обстоятельства и факторы влияют на интенсивность, с которой сформированные экспертные группы обсуждали будущий геополитический ландшафт старого континента. Они отражались и на мотивации дававшихся руководству рекомендаций. Так, советско-британские договоренности в Москве (декабрь 1941 г.) и вызванные ими превентивные

[1] National Archives, Washington, D. C. (NA), RG 59, Notter File: The Advisory Committee on Post War Foreign Policy (General).

[2] *Pechatnov Vl.* The Big Three after World War II: New Documents on Soviet Thinking about Post War Relations with the United States and Great Britain / / Cold War International History Project (CWIHP), Working Paper No. 13.

[3] *Davis L. E.* The Cold War Begins: Soviet-American Conflict over Eastern Europe. Princeton University Press. Princeton-New Jersey, 1974. P. 70–74.

inslav

обращения в Государственный департамент генерала Сикорского с призывом не допустить нового «тайного» и «неблагоприятного» для Польши соглашения[1] явились ощутимым импульсом к активным обсуждениям в Консультативном комитете претензий Кремля по части послевоенного устройства.

Советско-британские переговоры — важная составляющая политической практики трудно утверждавшихся союзнических отношений. Их состояние зависело не только от реального вклада в разгром стран «оси», но и от удовлетворения претензий отельных участников антигитлеровской коалиции. Именно в силу этого, разделяя тревогу польского правительства в эмиграции, руководство Комитета нацелило экспертные группы на обсуждение вопроса о «регулировании» и «контроле» за спорными территориями в Европе.

В качестве самостоятельного объекта возможных советских интересов и геостратегических устремлений при эвентуальном согласии Запада признать приоритет Москвы американская сторона рассматривала Юго-Восточную Европу. В марте 1942 г. внимание экспертов было направлено на Болгарию, Румынию и Венгрию с прилежащими к ним «соседними территориями, включая Фракию и Буковину». При постановке задач указанным подкомитетам предлагалось, во-первых, рассмотреть довоенную ситуацию в «проблемных районах» и, во-вторых, обсудить «концептуальные проблемы» с целью «определить политические позиции» и связать «территориально-политические аспекты с чисто политическими»[2].

В рамках территориально-политического аспекта прочно утвердилась тема «региональной федерации», о чем свидетельствовали проведенные в 1942 г. в политическом подкомитете дебаты. Особый интерес вызвала постановка вопроса о «политической федерации» как «средстве обеспечения безопасности». В подготовленных к обсуждению 16 мая 1942 г. материалах был сформулирован тезис о том, что подобный союз явился бы «формой защиты от экономической и политической эксплуатации [Так в тексте. По смыслу следует читать: экспансии. — *Прим. переводчика.*] великих сил»[3]. С этим утверждением соседствовало опасение, что «национальный антагонизм» не только не изжил себя, но и обострился за годы войны. В силу этого в материалах доминировал вывод, что неразумно было бы ожидать от восточноевропейских стран объединения. Вместе с тем указывалось, что другой удовлетворительной альтернативы политической федерации нет. Ее реализация доказала бы, что «взаимная ненависть» между народами в регионе слабее «ненависти» к соседним великим державам — Германии и России. Поэтому внушенное восточноевропейцам

[1] NA, RG 59, Hotter File, Committee on Territorial Problems, Minutes T-3. Meeting of March 28, 1942.

[2] Ibid.

[3] Ibid. Box 55, Minutes P-II. Meeting of May 16, 1942.

inslav

чувство, что они представляют собой силу, превратилось бы в «новый конструктивный фактор» их дальнейшего развития.

Согласие с идеей федерирования мотивировалось также и интересами Соединенных Штатов. Их замыслы достижения постоянной стабильности в Европе базировались на том, что с помощью федерации можно будет держать под контролем Германию и Советский Союз и установить баланс сил с Великобританией.

Концепция восточноевропейской оборонительной конструкции эволюционировала в дискуссии 27 июня 1942 г., однако основное ее предназначение было сохранено[1]. С. Уэлс высказался за разделение предполагаемого Восточноевропейского союза на «Северную восточноевропейскую группу» и «Балканскую группу» с тем, чтобы создать «буфер», не подчиненный ни Германии, ни Советскому Союзу, ни Великобритании. К Балканской буферной зоне были отнесены Греция, Болгария, Югославия и Румыния. Среди участников дискуссии возобладало мнение, что именно эти страны станут объектом исключительного интереса России.

На заседании 9 октября 1942 г. предметом обсуждения стала «советская сила и амбиции» в Восточной Европе[2]. Перед экспертами был поставлен важнейший вопрос: «Каковы возможные границы России на западе и как удержать ее в этих пределах?». Предварительные выводы включали несколько вариантов. Самый неприятный был связан с констатировавшимся бессилием США и Великобритании воспрепятствовать каким-либо решением продвижению СССР на Запад не только до Берлина, но и до Адриатики. Отсюда акцент на другую возможность сопротивления этому, возможность, связанную с расчетом на роль правящих режимов в странах, которые в конце войны предстояло оккупировать. В разъяснениях по этому поводу проскальзывала надежда на то, что, вероятно, «националистические правительства» Румынии и Венгрии могли бы противостоять СССР вооруженным способом. Весьма смело звучали предположения о возможном применении американской стороной военной силы, чтобы предотвратить «чрезмерное» советское продвижение на запад.

В контексте поиска американской стороной убедительной контраргументации против политических и территориальных претензий Москвы обсуждалась и будущая принадлежность Буковины и Бессарабии. Было сформулировано категорическое утверждение, что Бессарабия «должна быть включена в реконструированную Россию». Не возникло возражений и против «общего утверждения», что «Россия имеет право восстановить статус великой державы и установить западную границу по крайней мере по состоянию на 1938 год».

Аналитический прогноз определял и будущие обязательства США. Неприятные воспоминания о «последней войне», в ходе которой США безуспешно пытались «потушить русскую революцию», исключали для Ва-

[1] Ibid. Minutes P-17. Meeting of June 27, 1942.
[2] Ibid. Minutes T-23, October 9, 1942.

inslav

шингтона силовой вариант «восстановления старых режимов вторично». Данная констатация покоилась на убеждении, что «коммунистические революции» в странах Восточной Европы неизбежны. Это под сомнение не ставилось. Сомнения вызывало поведение «революционных» правительств, а именно перспективы объединения восточноевропейских стран с СССР. Более реальным считался вариант их превращения в «сателлитов» Москвы. В этом случае вопрос о «допустимых» границах не имел для СССР никакого значения.

Американские эксперты испытывали острую нехватку информации как о советских замыслах, так и об отношении Кремля к инициативам Лондона и Вашингтона, направленным на оказание военной помощи СССР и разработку подходов к послевоенному обустройству мира.

Для удовлетворения информационного голода специалисты занялись изучением советской прессы. В результате были подготовлены документы, анализирующие «советские военные цели». В примечании к меморандуму под номером Т-200 отмечено, что авторами использовались газеты «Правда», «Известия» и журналы «Коммунистический интернационал», «Большевик», «Мировая экономика и политика», «Партийное строительство» за период с июня 1941 по 7 октября 1942 г.[1].

Содержание документа, однако, выходило за рамки элементарного подбора цитат из подцензурных советских изданий. Аналитики сконцентрировали свое внимание на событиях, обойденных «полным молчанием», а также изучили материалы, вошедшие в идеологические клише. К первой группе принадлежала тема «региональных блоков или конфедераций». По некоторым ее аспектам, например, предложению о польско-чехословацкой конфедерации от ноября 1941 г., имелись лишь краткие сообщения ТАСС. Ко второй группе отнесены речи Сталина и статьи известных советских государственных деятелей, которые восславляли партию большевиков, марксистско-ленинское учение и содержали резкую критику «капитализма и империализма».

Наряду с антиимпериалистической риторикой американские аналитики подметили и обнадеживающие тенденции, выраженные в заявлениях советских руководителей о готовности СССР противостоять любым попыткам агрессии после войны, участвовать в экономическом восстановлении Европы, хотя предпочтение советская сторона отдавала не объединению мелких и слабых государств, а всеевропейской организации. В документе было обращено внимание на политику Кремля в тех районах, которые не считались «советскими».

Для характеристики позиции СССР авторы указали на один из призывов ЦК ВКП(б) к 1 мая 1942 г.: «...Пролетарии всех стран, объединяйтесь на борьбу с немецко-фашистскими узурпаторами!». Доктринальный подтекст содержался также в призыве к объединению коммунистов всего земного шара с советскими коммунистами в борьбе против «немецко-фашист-

[1] Ibid. RG 43, Ph. Mosely, B. 30, F. The Soviet Union, T-200.

inslav

ских орд». Производили впечатление категоричность и убежденность заголовка статьи редактора «Правды» Г. Александрова «Огромная сила большевистских идей», помещенной в номере от 10 апреля 1942 г.

Под углом зрения использования старой коминтерновской традиции во внешнеполитических целях СССР и для контроля за его идеологическими партнерами была откомментирована резолюция Всеславянского конгресса, проведенного в Москве в августе 1941 г. Наряду с осуждением «панславизма» как «крайне реакционного» течения в резолюции содержались лозунги «славянской солидарности» и «национального патриотизма». Проведенные публичные акции и пропагандистские клише о славянской солидарности под эгидой «великого русского народа» расценивались в меморандуме как попытки вмешательства Москвы в подготовку национальных руководств в странах Восточной Европы *еще* в разгар военных действий против стран «оси». Аналогично расценено было замалчивание советской стороной «четнического движения» генерала Дражи Михайловича, а также солидарность с румынскими военнопленными, выступившими против Антонеску — своего подлинного «врага» (январь 1942 г.).

Болгария отнесена в меморандуме к разделу «нейтральных стран». Мотивация — сохранившиеся болгаро-советские дипломатические отношения и отсутствие болгарских частей на Восточном фронте. Не углубляясь в истину, авторы документа акцентировали внимание на тех официальных заявлениях, в которых подчеркивалось «огромное расположение» СССР к Болгарии и ее народу, а также содействие советской стороны при решении вопроса о Южной Добрудже в пользу Болгарии. Приводилась цитата из комментария С. А. Лозовского, в то время являвшегося не только заместителем наркома иностранных дел, но и заместителем начальника Совинформбюро: болгарский народ и его правители — все они являются жертвой гитлеровской Германии. Более того, отказ болгарской стороны от советского предложения о заключении пакта взаимопомщи с СССР (миссия А. Соболева в ноябре 1940 г. в Софии) Лозовский оправдал «сильным нажимом» со стороны Берлина. Но при этом заметим, что всего лишь два месяца спустя во время переговоров с А. Иденом Кремль займет суровую позицию: за союз с Третим рейхом Болгарию следует наказать, отняв порт Бургас и районы южнее, чтобы таким образом вознаградить Турцию[1].

14 сентября 1943 г. политический подкомитет подготовил дополнительный меморандум о «советских целях военного времени»[2]. Основой послужили советские газеты и журналы, изданные за период между 7 октября 1942 и 1 июня 1943 г. Автор обширного материала добросовестно проследил эволюцию взглядов высшего советского руководства на «роль России в войне». Отмечены, например, изменения «советской концепции»

[1] *Ржешевский О.* Война и дипломатия. Документы, комментарии. 1941–1942. М., 1997. С. 11–25.

[2] NA. RG 43, B. 30, F. The Soviet Union, T 200a. September 14, 1943. Subject: Soviet War Aims as Presented by Soviet Sources.

inslav

политического характера и значения войны. Они выразились в растущем поиске «вдохновения в русской истории». Этот аспект, по мнению автора, восстанавливал связь между прошлым и настоящим России и особенно между «имперскими традициями великих царей и ленинско-сталинской политикой». Абсолютизация советского вклада в разгром стран оси предопределяла «особый вес и значение всех действий и деклараций СССР, прямо адресованных оккупированным странам», что, естественно, должно было стимулировать превращение Советского Союза в «серьезную международную силу, способную оказывать свое влияние на международную обстановку и изменять ее в интересах трудящихся». Непосредственную связь с исключительными заслугами советского народа в борьбе против «общего врага» имел и отмеченный автором «русский национализм», поддержанный указаниями вышестоящих органов раскрывать и пропагандировать «великую историческую миссию русского народа».

Более глубокий смысл американские наблюдатели находили в роспуске Коминтерна. По их мнению, не в интересах Москвы было копировать такие приемы собственной революционной экспансии, которые бы ограничили круг участников просоветского антифашистского похода на Балканы[1].

Июньские дискуссии 1944 г. в политическом подкомитете отразили необходимость реагировать на неожиданные для американской стороны аспекты «реальной политики», проводимой союзниками США. Без особого энтузиазма, с недомолвками в повестку дня включен вопрос об определении «сфер влияния» Великобритании и СССР. Известие о британско-советской «договоренности», согласно которой Греция и Югославия отошли к британской зоне ответственности, а Румыния и Болгария — к советской, привез из Каира известный корреспондент «Нью Йорк Таймс» Сайрус Сульцбергер. В комитете это сообщение было уточнено: Черчилль потребовал от американского президента принять этот план, который будет в силе «лишь в течение краткого времени»[2].

Будучи противником разделения мира на «сферы влияния», Рузвельт неохотно согласился, установив при этом срок действия соглашения — 3 месяца. Однако распределение «ответственности» в отношении Балкан усилило интерес Вашингтона к военнополитическим амбициям Москвы после освобождения советской территории от агрессора. Потенциальные возможности расширения советского влияния на Балканах — часто встречающаяся тема в материалах тех звеньев Госдепартамента, которые были призваны отслеживать ситуацию и вырабатывать принципиальные установки. Однако расчеты относительно политической судьбы германских союзников оказались проваленными наступлением Красной Армии в юго-западном направлении, не случайно совпавшим с радикальными события-

[1] Ibid. B. 30.

[2] Ibid. RG 59, Notter, B. 138, F. Policy Committee, Minutes, June 26, 1944, June 28.

inslav

ми в Бухаресте и Софии. Смена правительств в Румынии и Болгарии и превращение их территорий в советскую оперативную зону на юго-востоке Европы привели к переоценке американской стороной возможных советских претензий в этом регионе. Признавая преимущества, которыми каждая из трех союзных держав пользовалась в оккупированных ее войсками странах, США пытались договориться или завоевать известные преимущества (или равные права) на территориях, занятых СССР. Эта задача стала частью более обширной программы, отразившей цели Соединенных Штатов в «большой тройке» на завершающей стадии войны. Позиция Государственного департамента была изложена в «меморандуме президенту» от 6 сентября 1944 г. в связи со встречей Рузвельта и Черчилля в Квебеке (Канада). Исходя из убеждения, что «солидарность» трех великих держав будет иметь огромное значение для послевоенного мира, авторы документа вместе с тем определили как возможные недоразумения, так и пути их преодоления:

«Существует опасность, — подчеркивали они, — что советское правительство сочтет дружеские отношения проявлением слабости и продолжит свои действия, полагая, что сможет получить все преимущества от сотрудничества с Соединенными Штатами и Великобританией, независимо от характера проводимой в отношении своих соседей политики. Так может произойти, если британцы и мы не продемонстрируем более убедительно, что Советский Союз должен следовать согласованным международным принципам, что будет не только исключительно полезно для него самого, но и крайне необходимо для продолжения его сотрудничества с западными государствами...»[1].

Приближение победы не облегчило американской стороне поиски наиболее перспективного подхода к оценкам действий Москвы. При этом многие прогнозы относительно усиления амбициозности советской стороны и роста ее претензий на влияние в мире начали подтверждаться по мере реализации военно-политических планов советского руководства на освобожденных территориях. Почти безошибочным оказался вывод о том, что Балканы останутся «регионом потенциального конфликтного давления», но на этот раз соперничать будут Великобритания и СССР, как и предрекавшаяся «опасная возможность» установления «коммунистической диктатуры на территориях, оказавшихся в состоянии дезорганизации», где имеет успех руководимое коммунистами движение Сопротивления, хотя населению Балкан не особенно импонирует коммунистическая идеология[2].

С учетом этого в Государственном департаменте были выработаны основные принципы, которых американское правительство намеревалось

[1] Ibid. RG 59, 740. 0011 EW/9-644. Memorandum to the President, September 6, 1944. Subject: Anglo-American-Russian Relations; U. S. Relations with the Soviet Union.

[2] Ibid. Notter, B. 138, Policy Committee, Attachment B to Minutes of August 3, 1944, Reports on Greece and Yugoslavia.

inslav

придерживаться, независимо от характера территориального и политического устройства Восточной и Юго-Восточной Европы после войны. Они уточнены таким образом, чтобы, соответствуя либеральным устоям Соединенных Штатов, американские интересы не могли бы на этом этапе быть приравнены к интересам Великобритании или Советского Союза. Эти принципы включали в себя:

«1. Право народов самим, без внешнего вмешательства, избирать и защищать тот тип политической, социальной и экономической системы, который они пожелают...

2. Одинаковые возможности для торговли, передвижения и свободы вести переговоры через правительственные учреждения или частным образом, независимо от того, какая экономическая система действует в данной стране.

3. Равное и неограниченное право получения информации аккредитованными представителями официальной прессы, радио, кинохроники и информационных агентств других стран в соответствии с возложенной на них обязанностью сбора информации для распространения среди населения; право отправлять собранную информацию безо всяких препятствий и дискриминации за пределы страны.

4. Предоставление возможности американским филантропическим и образовательным организациям осуществлять свою деятельность в соответствующих странах, рассматриваемых как наиболее облагодетельствованная нация.

5. Всесторонняя защита американских граждан и содействие и защита законных американских экономических прав, реальных или потенциальных»[1].

В ходе дискуссий, возникших при обсуждении перечисленных принципов и их формулировок, звучали голоса о том, что во многих случаях их воплощение в жизнь потребует компромиссов. Но одно ясно — они явятся проверкой готовности московской правящей элиты соблюдать некоторые универсальные нормы демократии.

Проверка началась с наблюдения за исполнением «соглашений» о перемирии с бывшими сателлитами Германии — Румынией, Болгарией и Венгрией через Союзные контрольные комиссии. Совместная деятельность в составе СКК в Бухаресте, Софии и Будапеште давала возможность членам американских миссий накопить впечатления о советской военно-политической и дипломатической практике путем общения в рамках СКК с официальными представителями местной власти, политических партий и оппозиции[2]. Тесные контакты создавали предпосылки и для конфлик-

[1] Ibid. B. 137. Report to the Policy Committee Regarding United States Interests and Policy in Eastern and Southeastern Europe and the Near East, PC-8 (2nd Revision). November 1, 1944.

[2] *Boll M.* Cold War in the Balkans: American Foreign Policy and the Emergence at Communist Bulgaria, 1943–1947. The University Press of Kentucky, 1984.

inslav

тов, явившихся почвой, на которой проклюнулись первые ростки «холодной войны».

Выводы американских дипломатических и военных наблюдателей свидетельствовали о том, что речь шла не только о победе над агрессором: основная цель Кремля связывалась прежде всего с необходимостью охранять «безопасность» Советского Союза. В силу этого большинство советских инициатив, вызвавших критику за границей, американские специалисты объясняли именно стремлением советской стороны обеспечить «период мира» для СССР любой ценой. По их оценкам, такой подтекст имели советское противодействие идее «региональных блоков», требование СССР принятия «единодушных решений» в Совете безопасности ООН, «радикальные чистки реакционных элементов» в освобожденных странах, поддержка «марионеточных режимов» во всех соседних странах. Было отмечено также «теплое» и «одобрительное отношение» советского руководства к Болгарии. «Особые привилегии», предоставлявшиеся этой стране, объяснялись «сочетанием» традиционной русской благосклонности к славянам-болгарам, стратегическим местоположением Болгарии (соседство с оккупированной англичанами Грецией), удовлетворением деятельностью правительства Отечественного фронта, «энтузиазмом болгар при проведении чисток» и «унизительной и угодливой покорностью болгарских делегатов во время переговоров о перемирии»[1]. Отношение советской стороны к Румынии, являвшейся частью стратегического периметра западных границ СССР, было более сдержанным. По мнению автора доклада, она продолжала оставаться для Советов «ужасным ребенком», и они не скрывали своего недовольства отказом Бухареста от максимального сотрудничества и выполнения своих обязательств по перемирию. Чтобы как-то воздействовать на обстановку, заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский отправился в румынскую столицу, где провел несколько недель[2].

1945 год — год победы антигитлеровской коалиции, обернулся столкновениями, свидетельствовавшими о том, что будущее сотрудничество союзников вряд ли будет безоблачным. На конференциях в Ялте в феврале и Берлине (Потсдаме) в июле 1945 г. пришлось прилагать усилия для снятия напряжения, возникшего при рассмотрении спорных вопросов, — особенно при определении статуса бывших сателлитов и освобожденных от гитлеровской оккупации стран Восточной и Центральной Европы. Отслеживая комментарии советской стороны в связи с завершением встречи в Крыму, американская миссия в Москве пришла к выводу о том, что принятые в Ялте решения созвучны взглядам Кремля и будут использованы для достижения советских внешнеполитических целей. Примером яви-

[1] NA, RG 218, B. 17, F. 111, Harriman to the State Department, Moscow, January 10, 1945, Tel. No 90.

[2] Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы Российских архивов / Отв. ред. Т. А. Покивайлова / М., 1998. С. 59–63.

inslav

лась отставка румынского правительства во главе с Радеску. Это событие было подано советской прессой как результат «неспособности» кабинета Радеску установить «демократическими средствами порядок» в стране, что привело к «доминации профашистских элементов» в тылу Красной Армии[1].

Доказательства несовместимости взглядов вчерашних союзников на устройство и перспективы развития все еще неподеленной Европы американские представители находили очень часто. Попытки сблизить позиции путем компромисса и заявлений о терпимости к чужому мнению, предпринятые посланником президента Марком Этриджем во время его специальной миссии в Бухарест, Софию и Москву, были малоэффективными: оказать серьезную поддержку прозападной оппозиции в этих странах не удалось. Возникшие в 1946 г. осложнения отношений стремительно нарастали, вызвав у администрации США серьезные опасения, что СССР готовит нападение на Турцию[2]. 1946 годом датируется первый серьезный кризис, возникший в «рожденной по расчету» коалиции. По мере его развития американская сторона постоянно углубляла свой интерес к балканским замыслам Кремля. Интенсивно обсуждался в то время вопрос о возможном «конфликте политических целей» Соединенных Штатов и Советского Союза. В докладе «особого комитета» при Координационном комитете Государственного департамента и департаментов войны и флота«политические цели России» были четко определены как «экспансионистские, односторонние и резко расходящиеся с целями Объединенных Наций, за исключением лишь тех случаев, когда это выгодно [СССР. — *В. Т.*]». Подчеркивалась приверженность советского руководства, объяснявшаяся желанием продолжать властвовать, идее «внешней угрозы» и догме, что «коммунизм и социализм не могут сосуществовать»; «советское могущество» объяснялось «тоталитарным контролем в России и ее сателлитах», состоянием мирового коммунистического движения, «хаотическими политическими и экономическими условиями», возникшими в результате войны.

Трудности, испытывавшиеся американцами в поиске приемлемых путей разрешения возникших противоречий, проистекали из характерной для их политического мышления «презумпции»: независимо от того, хотят русские или нет развязать вооруженный конфликт, война окажется «неизбежной», если Советы не откажутся от реализации своих нынешних политических целей. По мнению составителей меморандума, несомненно, хорошо знакомых с советской действительностью, в тот момент было невозможно убедить русский народ в том, что логика советского руководства, согласно которой коммунизм и капитализм несовместимы, а

[1] NA, RG 218, B. 17, P. 111, Harriman to the Secretary of State, Moscow, March 15, 1945, Tel. No 757.

[2] *Mark E.* The War Scare of 1946 and Its Consequences // Diplomatic History, Vol. 21, Number 3, Summer 1997. P. 383–415.

inslav

коммунизм — «единственная надежда масс», являлась ошибочной. Одновременно авторы самокритично признавали, что на фоне пропаганды преимуществ демократии многие американцы «искренне» упрекают собственное руководство за то, как демократические принципы применяются по отношению к национальным меньшинствам в США и к колониальным народам. Среди возможных объектов критики в адрес американской администрации указывались расхождения между заявлениями о проводившейся «демобилизации» и одновременным ростом числа американских военных баз, продолжавшимся производством атомного оружия и военным сотрудничеством с Британской империей.

Признание «грехов» и за Америкой не изменило соотношения «прегрешений» в пользу Москвы. Среди преимуществ, которыми располагали США, была и ООН, поскольку «цели России» не совпадали с целями этой организации. Это обстоятельство подтолкнуло Государственный департамент к «умному» использованию сложившейся обстановки с тем, чтобы «мобилизовать мировое общественное мнение против советского экспансионизма» и заставить Россию сообразовывать свои действия с международными правовыми нормами, учитывая «чувствительность» русских к массовым настроениям. По сути дела, политика, на которую ориентировалась американская дипломатия, сводилась к обеспечению «общественной поддержки» послевоенной трансформации, согласовывавшейся с законом, и лишению таким образом России претензий на то, чтобы быть «другом» и «лидером» колониальных и бедных народов, а также нацменьшинств.

Вытеснение СССР с занятых им позиций предполагалось завершить поддержкой американских обещаний о «будущей экономической безопасности этих народов». Демонстрировавшиеся усилия по поддержанию международной безопасности подкреплялись заверениями в том, что Вашингтон не собирается использовать атомное оружие в агрессивных целях, рассматривая его лишь как «репрессивную меру против агрессии», что американская сторона найдет эффективные способы регулирования процесса атомного вооружения.

Фактически нейтрализация советского влияния при недопущении опасной конфронтации с СССР превратилась в главную задачу американской военно-политической элиты. В силу этого в заключениях экспертов Координационного комитета предпочтение отдавалось политике, способной «не допустить» или «отсрочить» столкновение между Америкой и Россией, выиграв время в расчете на изменение «русских политических целей». Вместе с тем авторы подготовленного комитетом доклада считали необходимым, чтобы американские руководители проявляли твердость в своих отношениях с Москвой в рамках ООН, способствовали росту дипломатического и морального престижа Америки, в основе которого лежали военное преимущество (обладание атомным оружием) и экономические возможности.

inslav

В заключительном разделе доклада содержалась рекомендация приложить все усилия для устранения «любой ценой» угрозы войны со стороны Советского Союза, не компрометируя, однако, «фундаментальные интересы и безопасность США». В значительной мере эта формулировка скрывала корыстную цель выиграть время для того, чтобы посеять недоверие среди русских к собственному руководству и изобрести способы «эффективного прорыва закрытого информационного поля России». Определялась также задача наступления против коммунистической пропаганды. Здесь основным методом должна была стать помощь и содействие экономическому процветанию государств Европы. Не были забыты и «побежденные вражеские государства», где союзникам предстояло навести порядок вместо «политического хаоса»[1].

Что касается внешнеполитических планов советской стороны, то в США при их оценках акцент неоднократно делался на тех действиях Москвы, которые были направлены на создание советского военного потенциала. По мнению американцев, эти планы, как и возможные действия по их реализации, имели целью «полностью» подчинить страны-сателлиты мирным путем, «установить контроль над стратегическими районами», вызвать «дезинтеграцию» возможностей капиталистических стран к сопротивлению и достичь их «полной изоляции».

Опираясь на конкретные данные, авторы доклада Объединенного комитета стратегического наблюдения от 25 июля 1946 г. отметили реальные достижения Кремля. Это — размещение значительных оккупационных сил на подконтрольных Советскому Союзу территориях, полное подчинение армейского командования в странах-сателлитах Советского Союза в Восточной Европе, «чистки» в отношении всех заподозренных в антисоветских настроениях. Подозрения в агрессивных замыслах СССР по отношению к Западной Европе или Турции вызвало у американских специалистов размещение советских воинских частей в Германии, Польше и на Балканах. Под этот же воинственный знаменатель было подведено и блокирование советской стороной американского участия в гражданской авиационной программе по созданию совместных воздушных кампаний в Восточной Европе, Финляндии, Иране, Манчжурии, что заметно усиливало советские стратегические позиции. Масштаб советской угрозы определялся с учетом констатировавшегося контроля СССР над Черным морем и с «продолжавшимися усилиями» установить такой контроль и над Проливами. К советским планам были отнесены в докладе попытки создать «марионеточные режимы» на Балканах, в Турции и Иране, чтобы обеспечить коридоры для выхода к Адриатике, в Восточное Средиземноморье и к Индийскому океану. Все это объяснялось целью расширения советского влияния на Среднем Востоке, что означало бы угрозу «доступу западных сил к значительным нефтяным залежам в этом районе».

[1] NA, RG 165, Entry 421, B. 251, ABC Russia. Subject: A Report by Special Committee of SWNCC.

inslav

Нельзя не отметить прозорливость, с которой в документе отмечены меры, предпринятые Москвой в целях окончательно включить подвластные страны в «советскую сферу влияния». Среди них — создание смешанных предприятий, требование выплаты репараций, изъятие торгового флота и промышленных объектов. Не был упущен и существенный «кадровый» элемент политики Кремля — использование находившихся в СССР военнопленных не только в экономике, но и с целями их «индоктринации», то есть превращения в носителей советских идей. Такие военнопленные рассматривались как «советские агенты». Для укрепления советских позиций в соседних странах использовалась Русская православная церковь, исламские, а также различные иностранные культурные организации[1].

Что касается «турецкого кризиса», то он превратился в проверку не только серьезности советских намерений на Балканах, но и готовности США противостоять Москве. Трудно или даже невозможно было бы дать ответ на вопрос, решился бы Сталин снова воевать и притом так скоро, в условиях, когда его партнеры еще не подписали мирные договоры и если Москва не располагала информацией о решении президента Трумэна любой ценой защитить Турцию. Тем не менее можно все же допустить, что едва ли Кремль позволил себе подобную авантюру с непредсказуемым исходом. Поэтому более правдоподобной является гипотеза, согласно которой «война нервов», воплощенная в реальные военные маневры и серьезную антитурецкую пропаганду, планировалась не столько с целью вызвать американскую реакцию, сколько продемонстрировать свою силу и, угрожая Западу, консолидировать просоветские силы и «законным путем» устранить с политической сцены прозападную оппозицию. Во всяком случае американская администрация столкнулась с различными коллизиями, инициированными Москвой и связанными с послевоенным структурированием Юго-Восточной Европы, которые давали американцам возможность более объективно оценить шансы будущего сосуществования Востока и Запада. Для американцев объем разумных компромиссов приобретал все более ограниченный вид, особенно по отношению к странам Юго-Восточноевропейского региона, являвшегося в силу своего геостратегического положения приоритетным для СССР. Данная тенденция отчетливо проявилась перед вступлением в силу мирных договоров.

Проблемы реализации «военных статей» договоров бывшими сателлитами Германии обсуждались американскими и английскими военными представителями на специальном заседании в Софии. 23 июня 1947 г. они констатировали, что проведенные ко времени заседания обсуждения касались лишь процедурных вопросов и имели «негативный результат». В целях «эффективного осуществления» мирных договоров участники заседания высказали совет правительствам США и Великобритании «выработать и принять ряд основных правил, технических мер и условий», ко-

[1] Ibid. Information on Probable Soviet Line of Action as Given at P and O Conference, 20 June 1946.

inslav

торые позволили бы американским и английским представителям в этих странах «атаковать, а не отступать», контролируя их выполнение. Призывы проявить твердость были основаны на убеждении, что правительства Болгарии, Венгрии и Румынии не имели намерения выполнять условия мирных договоров и намеревались проводить «преднамеренную политику лавирования и обмана», «молчаливо» поощряемую и одобряемую аккредитованными в этих странах советскими официальными лицами[1].

Осенью 1947 г. Вашингтон оказался перед лицом нового вызова — был создан Коминформ. 10 октября от имени директора Центральной разведывательной группы США был подготовлен меморандум, предназначенный президенту Трумэну. В документе анализировались «непосредственные» и «долгосрочные цели» новой организации, возможное отражение ее деятельности в Западной Европе, «цели советской тактики»[2].

Непосредственные цели Коминформа, определившие перемену в стратегии и тактике Кремля, характеризовались следующим образом:

— «усилить коммунистический контроль и интеграцию политики коммунистов в сателлитных районах»;

— более эффективно координировать действия компартий в странах-сателлитах и компартий Западной Европы с тем, чтобы воспрепятствовать восстановлению последней с помощью США. Тактические сбои и ошибки в процессе синхронизации действий, допущенные компартиями в странах-сателлитах, оцениваются советской стороной как негатив, снижающий эффективность позиции СССР, противопоставленной американской программе экономического восстановления Европы. Эти ошибки в синхронизации действий и тактики заключались, как отмечалось в меморандуме, например, в казни Н. Петкова в тот момент, когда итальянский коммунистический лидер П. Тольятти защищал перед своими соотечественниками права человека, или в провале попыток чехословацких коммунистов помешать принятию правительством первоначального решения об участии в «плане Маршалла»;

— «предупредить коммунистические партии Франции и Италии, а также других западноевропейских стран, что они не являются сами себе хозяевами, а должны соотносить свои действия с политикой и планами Кремля».

Что касается долгосрочных целей Коминформа, то они определялись, главным образом, как расширение сфер его влияния, подавление противников из числа «социалистов и демократов» и создание «крепкого ядра, состоящего из идеологически непоколебимых коммунистов, способных действовать открыто или использовать нелегальные методы в случае необходимости».

Тем не менее предполагаемые намерения Кремля не шокировали аналитиков Центральной разведывательной группы. Оценив в значительной

[1] Ibid. June 24, 1946.

[2] Ibid. RG 218, B. 19, F. 123. Central Intelligence Group. Memorandum for the President, 10 October 1947.

inslav

мере правильно замыслы Сталина, они не стали драматизировать ситуацию, преувеличивать возможности нового «издания» Коминтерна по мобилизации мирового коммунистического движения и объявлению войны лагерю капитализма. Произведенный публикацией декларации Коминформа эффект американцы охарактеризовали как типичное для советской пропаганды желание поразить «наблюдателей, колеблющихся и оппортунистов в Западной Европе солидарностью и жизненной силой коммунистической организации в отличие от расколотого и страдающего всевозможными пороками капиталистическо-социалистического мира, поддерживаемого Соединенными Штатами». Это намерение Кремля в меморандуме было усилено констатацией нескрываемого желания советской стороны объявить войну «поддерживаемой США восстановительной программе» и, вероятно, «воскресить надежду на свои возможности, заставить пацифистов в Соединенных Штатах и Соединенном Королевстве оживить свою деятельность».

Внимательному рассмотрению подверглась и негативная ситуация, в которой оказались компартии Франции и Италии. Прогнозировалась потеря ими голосов на выборах, связанная, в частности, с тем, что их членство в Коминформе явилось разоблачением, сбросило с коммунистов «националистическую маску», а лидеры предстали перед обществом как «послушные слуги Кремля». В меморандуме подобная ситуация была оценена как благоприятное обстоятельство, связанное со «значительным» укреплением позиций «умеренных некоммунистических партий в правительствах Западной Европы» при отсутствии угрозы экономического кризиса. Коминформ вносил нечто новое и в «советскую тактику». Фактически его создание, по мнению Вашингтона, означало признание Москвой того факта, что шансы западноевропейских компартий прийти к власти с помощью «парламентских средств» уменьшились. Предпочтение явно должно было быть отдано «подрывным действиям». В свою очередь, это доказывало: «Советский Союз убежден, что предстоит пережить экономический коллапс сначала в Европе, а затем в США».

Заключительные фразы меморандума констатировали, что Коминформ — это «первое публичное признание создания блока», который призван обеспечить Кремлю «мировое господство». Кроме того, авторы документа подчеркивали понимание советской стороной, что подобные расчеты оттолкнут те западные демократические элементы и просто симпатизирующих СССР, которые совсем недавно надеялись на возможность политического сотрудничества с компартиями в собственных странах, на компромисс между Востоком и Западом.

Надежды, действительно, оказались поколеблены, и отношения между СССР и США вступили на опасный путь государственно-политической и идеологической конфронтации. Усилия к этому прикладывали обе стороны.

Перевела Т. Волокитина

inslav

А. С. Стыкалин
Институт славяноведения РАН

СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ (1954 — ЛЕТО 1956 ГГ.) И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ВЕНГРИИ

Успешно развивавшиеся в самые первые послевоенные годы отношения между СССР и Югославией резко ухудшились в 1948 г. Значение советско-югославского конфликта, хорошо изученного прежде всего в работах Л. Я. Гибианского[1], далеко перешагнуло рамки двусторонних связей. «Народно-демократические» режимы Центральной и Юго-Восточной Европы посредством созданного в 1947 г. Коминформа были плотнее пристегнуты к СССР, стали инструментом осуществления его внешней политики, все более конфронтационной в условиях «холодной войны» и направленной как против стран блока НАТО, образованного в 1949 г., так и против титовской Югославии. Носившая антиюгославский характер пропагандистская истерия распространилась на всю советскую сферу влияния: по сути дела, можно говорить о психологической войне, в ходе которой страна, к 1948 г. наиболее далеко продвинувшаяся на пути «социалистического строительства» по советскому образцу, была неожиданно для многих отторгнута от «народно-демократического» лагеря и объявлена едва ли не главным врагом.

Особенно ощутимо антиюгославская кампания проявилась в балканских странах, а также в Венгрии. Геополитическое положение страны на стыке Центральной Европы и Балкан, наличие обширной границы с «ревизионистской» Югославией способствовали тому, что в военно-стратегических планах Кремля на случай перерастания «холодной войны» в горячую Венгрии отводилось чрезвычайно важное место. После состоявшегося в сентябре 1949 г. в Будапеште фальсифицированного судебного процесса по делу Л. Райка и его товарищей, на котором ряд видных деятелей венгерского коммунистического движения был обвинен в антигосударственной деятельности в пользу «клики Тито», венгерско-югославская

[1] См., в частности: *Гибианский Л. Я.* От первого до второго совещания Коминформа // Совещания Коминформа. 1947/1948/1949. Документы и материалы. М., 1998; *Он же.* Коминформ в зените активности: создание организационной структуры и третье совещание // Там же.

inslav

граница стала местом сосредоточения большого количества войск и боевой техники, возникла реальная угроза перерастания психологической войны в вооруженный конфликт с непредсказуемыми последствиями[1].

Только после смерти Сталина 5 марта 1953 г. складываются предпосылки для нормализации отношений между СССР и его союзниками, с одной стороны, и Югославией, с другой. Уже на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 г. министр иностранных дел СССР В. М. Молотов заявил: «Президиум ЦК пришел к выводу, что нельзя дальше продолжать проводившуюся в последнее время линию в отношениях с Югославией. Стало ясно, что поскольку нам не удалось решить определенную задачу лобовым ударом, то следует перейти к другим методам. Было решено установить с Югославией такие же отношения, как и с другими буржуазными государствами, связанными с Северо-Атлантическим агрессивным блоком, — послы, официальные телеграммы, деловые встречи и пр.[2]». Приведенная в словах Молотова оценка роли Югославии на международной арене явно искажала реальное положение. Оказавшись в состоянии блокады со стороны СССР и стран «народной демократии», Югославия в начале 1950-х годов была вынуждена активизировать экономические связи с Западом, но при этом последовательно дистанцировалась от блока НАТО, подчеркивая свой нейтралитет. Все-таки устами Молотова (кстати, наиболее жесткого ортодокса в советском руководстве, менее других склонного к преодолению сталинского наследия в том числе и в югославском вопросе) была однозначно заявлена готовность к определенному компромиссу. Уже летом 1953 г. происходит обмен послами. После годичного выжидания 22 июня 1954 г. Н. С. Хрущев от имени ЦК КПСС направил письмо в ЦК СКЮ, в котором предлагалось провести встречу на высоком уровне в целях преодоления наслоений в двусторонних отношениях. Тито в ответном письме от 11 августа благосклонно отнесся к этому предложению, подчеркнув в то же время решимость Югославии не поступаться самостоятельностью своей внешней политики[3]. К осени 1954 г. фактически сходит на нет антиюгославская пропаганда в советской прессе, распускаются антититовские организации югославских коммунистов-эмигрантов,

[1] Подписанный в феврале 1947 г. мирный договор с Венгрией сохранял за СССР право держать на территории страны только воинские части, необходимые для поддержания коммуникационных связей с советской зоной оккупации в Австрии. В 1949 г. в обстановке резкого обострения советско-югославских отношений численность контингента Советской Армии в Венгрии была увеличена, причем по инициативе венгерской стороны (Györkei Jenő-Horváth Miklós. Adalékok a szovjet katonai megszállás történetéhez // Szovjet katonai intervenció 1956. Bp., 1996. 8. o.).

[2] Пленум ЦК КПСС. Июль 1953 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. N. 1. С. 164–165.

[3] Подробнее см.: Советско-югославские отношения. Из документов июльского пленума ЦК КПСС (вступительная статья А. Б. Едемского) // Исторический архив. 1999. N. 2.

inslav

начинают изыматься из широкого обращения книги и брошюры, содержащие выпады, «находящиеся в противоречии с политикой нормализации отношений между СССР и Югославией»[1]. 20 октября «Правда», использовав в качестве повода 10-летие освобождения Белграда от фашистских захватчиков, провозгласила тезис о братстве народов двух стран. О готовности пойти на сближение с Югославией говорилось и 6 ноября на торжественном заседании по случаю 37-годовщины Октябрьской революции. 28 ноября представители советского руководства посетили югославское посольство в Москве по случаю Дня независимости ФНРЮ. 20 декабря были начаты переговоры о торговых отношениях, завершившиеся в январе 1955 г. подписанием соглашения о товарообмене на 1955 г.

Между тем в постсталинском «коллективном руководстве» КПСС к 1955 г. обнаружились серьезные разногласия в вопросе о пределах сближения с Югославией. В первую очередь они были связаны с особой позицией В. М. Молотова, принципиально отрицавшего ее принадлежность к числу стран, строящих социализм. Но большинство советских лидеров, включая Н. С. Хрущева, придерживалось иной точки зрения. Критикуя формировавшуюся с начала 1950-х годов югославскую систему самоуправления за отступления от образцовой советской модели, они в то же время не оспаривали социалистического характера общественных отношений в этой стране и в силу этого всерьез задумывались о возвращении Югославии в советский лагерь[2]. Более того, вопреки явному противодействию Молотова, стремление вовлечь Югославию в орбиту советского влияния весной 1955 г. становится одной из приоритетных задач советской внешней политики.

Медленно, но неуклонно развивавшийся процесс нормализации двусторонних отношений набрал полную силу к концу весны 1955 г., когда приехавший в Белград Н. С. Хрущев принес И. Броз Тито извинения за допущенные при жизни Сталина «ошибки». Притом что в соответствии с «духом времени» главная ответственность за разрыв отношений с Югославией была возложена на Л. Берию[3], белградская встреча 27 мая —

[1] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 138. Л. 117.

[2] Как отмечалось, в частности, в докладе Н. С. Хрущева на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 г., «по экономической структуре и по классовой природе государственной власти Югославию нельзя отнести к государству буржуазного типа» (Там же. Оп. 30. Д. 88. Л. 140).

[3] Лидер венгерских коммунистов М. Ракоши, встречавшийся с Хрущевым в Бухаресте через несколько дней после советско-югославских переговоров, вспоминал впоследствии: «В ходе переговоров, — рассказывал Хрущев, — Вукманович (С. Вукманович-Темпо — член Исполкома ЦК СКЮ. — *А. С.*), видимо, выполняя заранее отведенную ему роль, несколько раз замечал, что за разрыв советско-югославских отношений Берия не может нести главную ответственность, которую возлагают на него советские товарищи. Основного виновника следует искать выше. Тем самым он хотел подчеркнуть ответственность Сталина». Тогда Хрущев, обращаясь к Тито, с улыбкой сказал: «Если товарищ Тито намерен по-

inslav

2 июня 1955 года наглядно продемонстрировала желание руководства КПСС пойти на гораздо более решительное, чем предполагалось в 1953 г. и даже в 1954 г., сближение с режимом Тито. После июньских переговоров заметно активизируются всесторонние (экономические, торговые, культурные) связи с Югославией.

Оживление советско-югославского диалога стало решающей предпосылкой нормализации отношений Югославии с европейскими странами «народной демократии», союзниками СССР. Процесс этот был непростым и в каждом конкретном случае имел свою специфику. Как отмечалось в документах МИД СССР, особенно трудно в силу разных причин происходило налаживание взаимопонимания Югославии с Венгрией, Болгарией и Албанией[1].

В конце 1940-х годов, контролируя из Москвы антиюгославскую кампанию, Сталин и его окружение поддержали стремление М. Ракоши в Венгрии играть роль первой скрипки в оркестре. После этого делается понятнее, почему Тито и его окружение, пойдя на сближение с Советским Союзом, вместе с тем продолжали подчеркнуто дистанцироваться от венгерского руководства. Правда, некоторые дружеские жесты, не ускользнувшие от внимания советской дипломатии, были сделаны в начале 1955 г. в адрес реформаторски настроенного премьер-министра Венгрии Имре Надя, в котором лидеры нейтральной ФНРЮ не без оснований увидели политика, готового поставить во главу угла национальные приоритеты и в силу этого своего потенциального союзника. Однако после отстранения в апреле 1955 г. Имре Надя с поста по обвинению в «правом уклонизме» позиции Ракоши вновь усилились, что никак не могло способствовать нормализации венгеро-югославских отношений[2].

ссориться с какой-либо страной, то я предлагаю ему послать на переговоры обязательно товарища Вукмановича». Все засмеялись, и этот вопрос больше не поднимался. «Развенчивать Сталина мы никому не позволим», — сказал нам тогда т. Хрущев» («Людям свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши. Публикацию подготовили В. Середа, А. Стыкалин и др. // Исторический архив. 1999. № 1. С. 6).

[1] См. подготовленную в ноябре 1955 г. справку МИД СССР об отношениях стран народной демократии с Югославией: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 404. Л. 12–35; См. также политический отчет посольства СССР в ФНРЮ за 1956 год: Там же. Д. 405. Л. 92–115. В справке V Европейского отдела МИД СССР «О состоянии венгеро-югославских отношений» (8 февраля 1956 г.) также отмечалось, что «урегулирование отношений между Венгрией и Югославией происходит гораздо медленнее и с большими трудностями, чем урегулирование отношений между Югославией и другими странами народной демократии» (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 191. Д. 39. Л. 8).

[2] См. запись состоявшейся 15 марта 1955 г. беседы посла СССР Ю. В. Андропова с министром иностранных дел ВНР Я. Болдоцким, говорившим о проявленной с югославской стороны инициативе активизировать отношения с Венгрией

inslav

Подписание 2 июня 1955 г. Хрущевым и Тито Белградской декларации, воспринятое руководством Венгерской партии трудящихся (ВПТ) как сигнал к перемене курса Венгрии в отношении Югославии[1], означало, что в обозримом будущем неизбежен пересмотр «дела Райка». Вопрос этот впервые открыто поставил в самой Венгрии весной 1955 г. журналист М. Гимеш, за свою неслыханную по тем временам дерзость исключенный из партии. Однако спустя считанные месяцы дело сдвинулось с мертвой точки. В июле И. Броз Тито выступил с резким публичным заявлением в адрес венгерских лидеров, настаивая на внесении ясности в «дело Райка». После всех примирительных жестов Москвы в отношении Белграда Ракоши уже не мог проигнорировать такое заявление. 8 августа на митинге в Чепеле он в довольно обтекаемой форме признал несостоятельность прозвучавших в ходе суда над Райком обвинений против Югославии. Главная ответственность за раздувание в Венгрии антиюгославской истерии в связи с этим судебным процессом была возложена на Л. Берию и его венгерского коллегу, председателя Управления государственной безопасности Г. Петера, арестованного еще в январе 1953 г. Признания полной невиновности самого Райка и осужденных вместе с ним коммунистов тогда, однако, не последовало. Хотя Ракоши и попытался заверить югославских лидеров в том, что с венгерской стороны все будет сделано для восстановления дружеских отношений, в Белграде его выступление было встречено с немалым скептицизмом. Югославы ждали от Ракоши не только большей внятности в переоценке «дела Райка»[2], но и реабилитации тех нескольких сот человек (представителей югославянских меньшинств Венгрии, а также граждан Югославии), которые были осуждены по ложным обвинениям в шпионаже в пользу ФНРЮ. Венгерская сторона пошла навстречу, освободив в конце 1955 — начале 1956 гг. большинство из них и предоставив желающим право переселиться в

(АВП РФ. Оп. 36. П. 181. Д. 5. Л. 17–19). См. также справку МИД СССР от 4 декабря 1956 г. «К вопросу о поддержке Имре Надя и его политики югославским руководством» (Там же. Оп. 37. П. 191. Д. 39. Л. 86).

[1] См. материалы заседания Политбюро Центрального руководства (ЦР) ВПТ от 7 июня 1955 г., где обсуждались итоги советско-югославской встречи на высшем уровне и извлекались выводы для Венгрии: Magyar Orszagos Levéltár. 276 f., 53 cs., 235 o. e.

[2] В ноябре 1955 г. в своем выступлении на пленуме ЦР ВПТ Ракоши вновь не смог обойти «проблемы Райка». Он признал необходимость пересмотреть это дело, однако так, чтобы это нанесло наименьший ущерб партийному руководству. Советские лидеры, которых «дело Райка» затрагивало не столь непосредственно, как Ракоши, к этому времени уже более откровенно говорили перед узкой партийной аудиторией о том, что оно было сфабриковано в целях дискредитации югославского руководства. В этом смысле характерно выступление Н. С. Хрущева на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 г. (Исторический архив. 1999. N. 2).

inslav

Югославию. Эта мера (как и снятие в те же месяцы противотанковых заграждений на венгеро-югославской границе) была позитивно воспринята в Белграде, в то время как затяжка с полной реабилитацией Райка еще долго давала повод для критики венгерских властей[1].

Другой причиной сохранявшейся натянутости в двусторонних отношениях была неурегулированность вопроса о взаимных финансовых претензиях[2]. Венгеро-югославские переговоры по этим проблемам, начатые в сентябре 1955 г., проходили очень трудно, неоднократно прерываясь. Югославия последовательно настаивала на том, чтобы ВНР полностью выплатила долг по репарациям, установленным на основании Парижского мирного договора 1947 г. (включая пени за прежние невыплаты), и кроме того, компенсировала убытки, образовавшиеся в результате разрыва торговых отношений в 1948 г. Как заметил в беседе с советским дипломатом в феврале 1956 г. секретарь миссии ФНРЮ в Будапеште, очевидно выражавший мнение официального Белграда, «вопрос о финансовых пре-

[1] Как отмечалось в относящейся к ноябрю 1955 г. справке МИД СССР об отношениях стран народной демократии с Югославией, «в своих взаимоотношениях с венграми югославы большое внимание уделяют вопросу о пересмотре "дела Райка", выдвигая его в ряде случаев в качестве условия дальнейшего развития венгеро-югославских отношений». Так, в беседе с сотрудником посольства СССР в Венгрии 7 ноября 1955 года работник югославской миссии, заявляя, что улучшению двусторонних отношений препятствует венгерская сторона, указал прежде всего на то, что венгры не провели пересмотра процесса Райка, направленного непосредственно против Югославии. По словам югославского дипломата, в венгерских тюрьмах все еще содержалось около 200–300 человек, осужденных в свое время за симпатии к Югославии. Венгерские дипломаты, беседуя с советскими коллегами, в свою очередь, обращали внимание на то, что нерешенность вопроса о Райке дала югославам повод отказаться от обмена парламентскими делегациями с Венгрией и от возведения миссий в ранг посольств (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 404. Л. 26). Как явствует из документов, в МИД СССР считали излишними требования полной реабилитации Райка, выдвигавшиеся со стороны ФНРЮ как условие нормализации венгерско-югославских отношений. Так, в справке от 8 февраля 1956 г. высказывалась та точка зрения, что после выступления Ракоши в Чепеле 8 августа «вопрос о деле Райка фактически был решен». Составители справки не могли все же не признать, что «осадок» от этого дела «продолжает сказываться на венгеро-югославских отношениях» (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 191. Д. 39. Л. 9). Впоследствии, в конце 1956 г., когда под влиянием венгерских октябрьских событий советско-югославские отношения заметно осложнились, в документах МИД СССР усиленно муссировался тезис о том, что югославы сознательно использовали нерешенное дело Райка в целях дискредитации венгерского руководства (См., например, политический отчет посольства СССР в ФНРЮ за 1956 г.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 405. Л. 104–105).

[2] 7 марта 1956 г. министр иностранных дел ВНР Я. Болдоцкий признал в беседе с советником посольства СССР В. Астафьевым, что эта проблема являлась «серьезным препятствием в деле нормализации отношений с Югославией и по другим линиям» (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 187. Д. 7. Л. 215).

inslav

тензиях к Венгрии не является только экономическим вопросом — это одновременно и политический вопрос». В 1941 г., сказал он, Венгрия вместе с Германией напала на Югославию и венгерские войска оккупировали югославскую территорию, а после 1948 г. именно в Венгрии антиюгославская пропаганда достигла высшей точки. Ввиду всего этого, по его словам, «было бы невозможно объяснить югославскому народу отказ от большей части претензий к Венгрии»[1]. Хотя первоначально заявленная претензия на выплату 523 млн долларов была со временем уменьшена Югославией до 200 млн, а затем и до 150 млн, Венгрия сочла завышенной и эту сумму, переговоры зашли в тупик и отношения настолько обострились, что в Белграде в конце 1955 г. всерьез задумывались над тем, чтобы отозвать из Будапешта большую часть югославского дипломатического корпуса[2]. Проблему удалось урегулировать только 29 мая 1956 г., когда было подписано соглашение, по которому Венгрия обязалась в течение 5 лет погасить товарными поставками задолженность Югославии в размере 85 млн долларов США. В подписании этого соглашения сыграла свою роль обоюдная заинтересованность в реконструкции хорватского порта Риека, которому после восстановления нормальных двусторонних отношений снова предстояло стать «морскими воротами» Венгрии (Югославия рассчитывала на поставку из Венгрии оборудования, с помощью которого можно было бы увеличить пропускную способность этого порта на Адриатике, чего очень хотели и в Венгрии)[3]. При этом сумма выплат, установленная в ходе переговоров, по-прежнему расценивалась венгерским общественным мнением как завышенная. 24 июля венгерский журналист в беседе с советским дипломатом В. А. Крючковым (впоследствии руководителем КГБ) говорил: хотя рабочие и положительно относятся к нормализации отношений с Югославией, нередко можно слышать, «не слишком ли велика плата в 85 млн долларов за оскорбления, нанесенные Тито в период недружественных отношений стран демократического лагеря с Югославией»[4].

Помимо финансовых претензий к ВНР, в Югославии открыто высказывали недовольство в связи с положением сербского и хорватского на-

[1] Там же. Л. 149.

[2] Советская сторона в начале 1956 г. склоняла венгров пойти на определенные уступки Югославии. Позже, в конце 1956 г., в документах МИД СССР доминировала точка зрения о том, что выдвигая «явно неприемлемые и необоснованные требования», Югославия пыталась использовать неурегулированный финансовый вопрос в целях навязывания Венгрии своего пути социалистического строительства (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 405. Л. 104).

[3] См. запись беседы советника посольства СССР в Венгрии В. Астафьева с министром иностранных дел Венгрии Я. Болдоцким от 5 марта 1956 г. (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 187. Д. 7. Л. 207–208).

[4] Там же. Д. 9. Л. 202.

inslav

циональных меньшинств в Венгрии. Речь шла, в частности, о том, что южные славяне не были представлены в местных советах, а также об отсутствии должных условий для обучения детей на сербскохорватском языке. В феврале 1956 г. МИД ВНР впервые после 1948 г. разрешил посланнику Югославии Д. Солдатичу и его подчиненным выехать в район компактного проживания югославянских нацменьшинств в Венгрии. Интерес к этой поездке был в Белграде столь велик, что «Борба» 15 февраля сообщила о ней на первой полосе. Югославский дипломат Н. Раденович рассказывал советскому коллеге В. Казимирову о весьма негативных впечатлениях, вынесенных им от посещения Южной Венгрии[1]. Посольство СССР в то время признало претензии Югославии отчасти обоснованными[2].

Чтобы пойти навстречу пожеланиям Белграда, в Будапеште были предприняты конкретные шаги по активизации югославянских меньшинств в культурной жизни[3]. Сменилось руководство входившего в состав Отече-

[1] Раденович говорил, что в южном венгерском городе Мохаче, где проживало 6–8 тыс. южных славян, «нет ни одной школы, где обучение велось бы на сербском или хорватском языках, хотя такие школы были и при Хорти и даже во время войны. Сейчас имеется лишь одна читальня, которая, однако, возглавляется директором-венгром. Раденович считает, что венгерские власти проводят политику "мадьяризации" югославского нацменьшинства. В Мохаче осталось лишь несколько сотен лиц югославского происхождения, умеющих правильно говорить на родном языке, некоторых еще можно понять, когда они говорят по-сербски, а многие совершенно не знают родного языка. Раденович сказал, что, насколько ему известно, положение других нацменьшинств в Венгрии тоже не блестящее, однако никакое другое меньшинство не было в таком стесненном положении, как югославское (особенно после 1948 г.), за исключением, может быть, немецкого». За последнее время, продолжал Раденович, «положение изменилось лишь в том смысле, что представители югославского нацменьшинства стали смелее, свободнее ставить соответствующие вопросы, а практически сделано еще очень мало» (Там же. Д. 7. Л. 150–151). В другом документе говорилось о том, что в селах со смешанным венгерским и сербским населением около Сегеда существуют ненормальные отношения, проявляются взаимное недоверие и даже отголоски вражды, питавшейся антититовской пропагандой прежних лет; югославы вели замкнутую жизнь, не участвовали в венгерских праздниках и т. д. (Там же. Л. 49).

[2] «Несмотря на известную пристрастность и предубежденность Раденовича, некоторые его высказывания относительно положения югославского нацменьшинства в Венгрии, видимо, в какой-то мере соответствуют действительности», — так стажер посольства СССР В. Казимиров резюмировал итоги своей беседы с Раденовичем (Там же. Л. 151). О нехватке сербских и хорватских школ в Венгрии, а также о проблемах, связанных с «моральной реабилитацией, материальной компенсацией, трудоустройством и т. д.» представителей южнославянских меньшинств, осуждавшихся ранее за связь с титовской Югославией, см. также в записке посольства СССР в Венгрии «О состоянии венгеро-югославских отношений» от 23 августа 1956 г. (Там же. П. 191. Д. 39. Л. 69–70).

[3] Как отмечалось в названной записке от 23 августа, «в областях, населенных меньшинствами, стали часто проводиться «национальные недели» с обширными

inslav

ственного народного фронта ВНР Демократического союза южных славян Венгрии, который после 1948 г. служил важным инструментом в антититовской пропаганде режима Ракоши. Югославских политэмигрантов-коминформовцев, до тех пор возглавлявших союз, переводят на другую работу[1].

Наконец, преодолению натянутости в двусторонних отношениях мешали неоднократно высказывавшиеся с венгерской стороны претензии в связи с излишней «развязностью» югославских дипломатов, контактировавших в Венгрии с «нежелательными» элементами. Секретарь ЦР ВПТ Л. Ач говорил 12 января 1956 г. советскому послу Ю. В. Андропову, что «югославская миссия в Будапеште поддерживает тесные связи со многими лицами, неприязненно и даже враждебно настроенными по отношению к народно-демократическому режиму». Именно на основе этой информации строились, по его мнению, донесения о положении в Венгрии и о развитии венгеро-югославских отношений, посылаемые в Белград. Особое недовольство вызвал тот факт, что югославская миссия, получив из Белграда текст лекции, прочитанной Э. Карделем в Норвегии[2], стала распространять его в учебных заведениях Будапешта[3]. Весьма раздражали и «нездоровый» интерес югославских дипломатов к событиям внутриполитической жизни Венгрии, их склонность задавать «провокационные» вопросы — о судьбе вдовы Райка и т. д.[4].

программами культурных мероприятий. Такие недели проведены в областях Баранья, Шомодь и в других местах» (Там же. Л. 69). 19 декабря 1955 г. в одном из главных театров Будапешта в присутствии всех членов Политбюро ЦР ВПТ прошел вечер, посвященный культуре национальных меньшинств Венгрии (Там же. П. 187. Д. 7. Л. 150).

[1] Там же. Л. 55.

[2] Главный идеолог режима Тито Э. Кардель, посетив осенью 1954 г. Норвегию, выступил там с лекцией о югославской системе самоуправления, имевшей международный резонанс.

[3] Л. Ач назвал странными подобные действия югославской миссии и посланника Солдатича, который, как он считал, своей деятельностью «слабо содействует улучшению и укреплению венгеро-югославских отношений». 30 января V Европейский отдел МИДа проинформировал о содержании этой беседы посла СССР в ФНРЮ Н. П. Фирюбина (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 191. Д. 39. Л. 4). О «засоренности дипломатического аппарата и журналистских кругов Югославии неблагожелательными элементами», о настроениях югославских дипломатов, по его мнению, не соответствующих целям улучшения отношений с Венгрией, говорил 19 января советнику посольства СССР В. Астафьеву зав. балканским отделом МИД ВНР (Там же. П. 187. Д. 7. Л. 54).

[4] Там же. Подобного рода вопросы югославских коллег тщательно фиксировались, найдя отражение в справке посольства СССР в Венгрии от 23 августа 1956 г. под красноречивым заголовком: «О деятельности работников югославской миссии в Будапеште, мешающей нормализации венгеро-югославских отношений» (Там же. П. 191. Д. 39. Л. 74–81). По жанру она более всего напоминает донос.

inslav

Новая ситуация в развитии венгерско-югославских отношений возникла после XX съезда КПСС (14–25 февраля 1956 г.). При всей непоследовательности в выявлении сущности сталинизма решения XX съезда дали мощный импульс реформаторским силам в странах советского лагеря, ведь критика тех или иных сторон тоталитарной системы, за которую прежде представители оппозиционно настроенной интеллигенции подвергались нещадным гонениям, вдруг получила неожиданную поддержку из самой Москвы. Что касается югославских коммунистов, то они связывали с XX съездом КПСС надежды на более решительную критику Сталина и, в частности, публичное возложение на него ответственности за разрыв советско-югославских отношений в 1948 г.[1]. Ход съезда в целом удовлетворял многих из них. «Если дела и дальше будут идти в этом направлении, то можно ожидать, что на следующем съезде будут открыто критиковать ошибки, допущенные во время Сталина», — резюмировал свои ожидания один из дипломатов, назвавший XX съезд «качественным скачком» в развитии КПСС[2].

Надо сказать, что благодаря знаменитому закрытому выступлению Хрущева в конце работы съезда с острой критикой деятельности Сталина итоги XX съезда даже несколько превзошли подобные ожидания. Некоторые факты, приведенные Хрущевым, независимо от его желания настолько сильно компрометировали всю систему, породившую беззакония, что югославы, еще в марте получившие текст выступления Хрущева, так и не решились полностью его опубликовать, изложив в «Борбе» 20 марта толь-

Впрочем, оценивая различного рода трения между югославскими дипломатами и венгерскими функционерами, МИД СССР по крайней мере до середины лета — начала осени 1956 г. не всегда был безоговорочно склонен становиться на сторону последних. В справке МИД, относящейся к ноябрю 1955 г., например, отмечалось: «ослаблению напряженности отношений между Венгрией и Югославией препятствует тот факт, что венгры недостаточно тактично относятся к югославским дипломатам. По наблюдениям румынского посла в ВНР Клежа, венгерские товарищи недружелюбно относятся к югославам; работники МИД ВНР на приемах говорят с ними в повышенном тоне, часто спорят по пустякам, иногда проявляют грубоватость. Со стороны же югославских дипломатов в отношении венгров наблюдается определенная предубежденность» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 404. Л. 26).

[1] См., например, записи бесед сотрудника посольства СССР в Венгрии с югославскими дипломатами, состоявшихся в дни съезда: АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 187. Д. 7. Л. 148–149.

[2] Там же. Л. 148. Впрочем, с югославской стороны высказывалось и более скептическое отношение к XX съезду. Так, военный атташе в Будапеште Дробац говорил 9 мая советнику посольства СССР, «что, по его мнению, решения XX съезда КПСС только по форме отличаются от прошлых решений, а содержание их остается старым, поскольку во главе КПСС остались те же руководители, и что культ личности в Советском Союзе не изжит» (Там же. П. 191. Д. 39. Л. 76).

inslav

ко общие его положения. Полностью секретный доклад Хрущева был опубликован в Югославии только в 1989 г.

Наряду с Польшей движение с требованием демократизации существующего режима весной 1956 г. достигло наибольшего размаха в Венгрии. В марте и апреле на многих партийных собраниях (особенно в среде будапештской интеллигенции) звучала острая критика в адрес М. Ракоши за неспособность и нежелание извлечь уроки из решений XX съезда, раздавались требования довести до конца реабилитацию жертв незаконных репрессий и, в частности, полностью пересмотреть дело Л. Райка. Как отмечалось в советских дипломатических донесениях за март 1956 г., это дело крайне болезненно воспринималось многими членами партии: они не верили в виновность одного лишь Г. Петера и непричастность к неблаговидным действиям других руководителей ВПТ[1]. Особенно много вопросов в связи с Райком возникало в свете продолжавшегося сближения СССР и его союзников с Югославией: трудящимся непонятно, почему осенью 1949 г. Тито именовали не иначе как «цепным псом» американского империализма, а сегодня называют товарищем, — говорил советскому дипломату работник аппарата ВПТ[2].

Столкнувшись с непривычно резкой критикой, Ракоши был вынужден пойти на уступки — в конце марта, выступая на партактиве в Эгере, он признал полную несостоятельность обвинений против Райка и осужденных вместе с ним коммунистов. (Вскоре после этого Верховный суд Венгрии провел юридическую процедуру реабилитации.) Вместе с тем, желая оградить себя от ответственности, первый секретарь Центрального руководства ВПТ переложил ее на М. Фаркаша, министра обороны в 1948–1953 гг., действительно в немалой мере причастного к репрессиям. Решением мартовского пленума ЦР ВПТ 1956 г. была создана специальная партийная комиссия для изучения дела М. Фаркаша в связи с его непосредственным участием в фабрикации незаконных обвинений против Райка и многих других коммунистов (включая высокопоставленных военачальников) в 1949–1951 гг. Возглавивший комиссию руководитель будапештской парторганизации И. Ковач 30 марта доверительно говорил Ю. В. Андропову о намерении высших органов ВПТ «провести расследо-

---

Все-таки советское посольство уже в дни съезда имело основания констатировать: «в поведении югославских дипломатов заметно значительное изменение в сторону более дружественного и более любезного отношения к советским дипломатам» (Там же. П. 187. Д. 7. Л. 147).

[1] Там же. Д. 8.

[2] Там же. Д. 7. Л. 42–44. Вопроса о корнях «дела Райка» не мог не задать Ракоши интервьюировавший его 21 марта корреспондент «New York Times». Первый секретарь ЦР ВПТ повторил дежурную версию о том, что его ввели в заблуждение махинации Берии, излюбленным методом которого было смешивать «правильные вещи» с клеветой.

inslav

вание дела Фаркаша как можно организованнее и не дать ему возможности переложить свою вину на т. Ракоши»[1].

После XX съезда КПСС задача дальнейшего сближения с Югославией, вовлечения ее в орбиту советского влияния продолжала считаться приоритетной на восточноевропейском направлении советской внешней политики. Поскольку межгосударственные отношения к этому времени вполне нормализовались, на очереди был следующий шаг — установление тесных межпартийных связей между КПСС и Союзом коммунистов Югославии, что предполагало общность подходов к наиболее принципиальным вопросам мирового коммунистического движения. Между тем последовательная линия Югославии в активизировавшемся с 1955 г. диалоге двух стран не давала оснований для чересчур оптимистических прогнозов в отношении пределов такого сближения. Режим Тито, с начала 1950-х годов проводивший активную и независимую внешнюю политику, отнюдь не проявлял склонности оказаться в роли советского вассала. Таким образом, концепция отношений внутри «народно-демократического» лагеря и — шире — международного коммунистического движения подлежала определенной корректировке с тем, чтобы отразить своеобразие не только советско-китайских[2], но и советско-югославских отношений. Провозглашенный на XX съезде тезис о многообразии путей перехода к социализму скрывал в своем подтексте именно такую направленность, сама постановка этого вопроса была в 1956 г. актуальна прежде всего из-за невозможности подгонки под общий ранжир как китайской, так и югославской специфики; характерно, что и в отчетном докладе Н. С. Хрущева от 14 февраля ссылка на Югославию содержалась как раз в разделе, где обосновывалось многообразие форм перехода к социализму[3]. Формальная ликвидация Коминформа в апреле 1956 г. также в известной мере явилась актом доброй воли в отношении Югославии, поскольку в антиюгославской кампании конца 1940-х — начала 1950-х годов именно Коминформ был

[1] Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Редакторы-составители Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 53.

[2] Тезис о том, что социалистический лагерь возглавляется двумя странами, СССР и КНР, впервые прозвучал в феврале 1955 г. на сессии Верховного Совета СССР в докладе министра иностранных дел В. Молотова об основных направлениях внешней политики СССР. Он отразил готовность КПСС во имя единства мирового коммунистического движения пойти на компромисс с Китаем, в известной мере поделившись с ним своей руководящей ролью. Подробнее см.: *Чуканов М. Ю.* Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» в контексте своего времени // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917 — 1990-е годы). М., 1999.

[3] «В Федеративной Народной Республике Югославии, где власть принадлежит трудящимся, а общество базируется на общественной собственности на средства производства, в процессе социалистического строительства складываются своеобразные конкретные формы управления хозяйством, построения государственного аппарата» (Правда. 15 февраля 1956 г.).

inslav

главным инструментом, а утратив после 1953 г. подобную роль, он сразу же потерял свое прежнее значение. (Кстати сказать, всего за 4 месяца до ликвидации Коминформа, 14 декабря 1955 г., Н. С. Хрущев на пресс-конференции в Дели говорил о целесообразности сохранения такой формы общения и сотрудничества компартий, как Коминформ)[1]. Образовавшийся с ликвидацией Коминформа вакуум предстояло чем-то заполнить, однако весной 1956 г. в вопросе о новых формах осуществления советского влияния в странах Восточной Европы не было полной ясности, о чем свидетельствует хотя бы то, что во второй половине февраля 1956 г. на совещании представителей компартий, прибывших в Москву в связи с XX съездом КПСС, обсуждалась идея создания вместо Коминформа ряда региональных объединений компартий[2]. Новая концепция отношений со странами «народной демократии», ассимилирующая фразеологию XX съезда КПСС и вместе с тем обеспечивающая сохранение завоеванных при Сталине позиций СССР в Восточной Европе (а по возможности, даже их приумножение за счет Югославии), с огромным трудом обретала свои очертания.

Важным шагом на пути продвижения к ней была призвана стать встреча советских и югославских лидеров в Москве в июне 1956 г. Визит И. Броз Тито в Советский Союз, длившийся более 20 дней (с 1 по 23 июня), проходил с большой помпой. Многотысячный митинг советско-югославской дружбы на стадионе «Динамо» 19 июня должен был символизировать полное преодоление взаимного недоверия. В угоду сближению с Тито в Москве готовы были даже пойти на существенные кадровые перестановки. Буквально в день приезда Президента ФНРЮ происходит «смена караула» на Смоленской площади — стопроцентного ортодокса и консерватора В. М. Молотова, продолжавшего сохранять особую позицию в югославском вопросе, заменил более молодой, либеральный (конечно, по кремлевским меркам) и мобильный Д. Т. Шепилов, имевший репутацию главного интеллектуала партии. С первых недель своего пребывания во главе МИДа он развил активную деятельность. Постоянные поездки нового министра за рубеж и его встречи с иностранными лидерами настолько резко контрастировали с дипломатическим стилем предшественника, что заставили наблюдателей во всем мире проводить аналогии с челночной дипломатией Дж. Ф. Даллеса. Несколько большая открытость внешней политики СССР способствовала укреплению советского влияния, в част-

[1] Сообщения о критике Коминформа югославскими дипломатами были одним из общих мест в донесениях посольства СССР из Венгрии. По мнению югославов, существование Коминформа приносило СССР огромный вред тем, что давало западной пропаганде повод указывать на наличие мирового коммунистического заговора.

[2] См. запись заседания Президиума ЦК КПСС от 22 февраля, выполненную заведующим общим отделом ЦК КПСС В. Н. Малиным: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Как известно, эта идея так и не была реализована.

inslav

ности, в странах «третьего мира» — Москва в это время попыталась, и небезуспешно, разыграть восточную карту, сделать своим союзником активизировавшиеся после Второй мировой войны антиколониальные движения в странах Азии и Африки. Путь в «третий мир» также мог лежать отчасти через сближение с Югославией, ставшей в середине 1950-х годов одним из инициаторов движения неприсоединения (еще до его формального провозглашения в 1961 г.).

При всей серьезности приготовлений сверхзадача переговоров так и не была решена. Осознавая экономическую выгоду сотрудничества с СССР[1], Югославия в то же время нисколько не хотела поступаться своим суверенитетом и продолжала дистанцироваться от советского лагеря, не проявив, в частности, никакого желания к вступлению в ОВД и СЭВ. Тем не менее московская июньская встреча 1956 г. ознаменовала собой новый шаг в сближении советского блока со страной, после 1948 г. на протяжении ряда лет находившейся на положении «отщепенца». Среди вопросов, поднимавшихся в ходе бесед, был и венгерский. Учитывая роль режима Ракоши в антиюгославской кампании прежних лет, в июне 1956 г. Тито прямо дал понять Хрущеву: пока у власти в Венгрии находится Ракоши, желаемая Москвой нормализация венгеро-югославских отношений весьма проблематична. Принципиально не желая встречаться с Ракоши, Тито демонстративно ехал в СССР не через Венгрию, а через Румынию, то есть более дальним путем, не скрывал он своего отрицательного отношения к Ракоши и по приезде в Москву[2].

Надо сказать, что ко времени приезда Тито в СССР комиссией по «делу Фаркаша» был собран большой материал, раскрывающий непосредственное участие Ракоши в организации репрессий. И. Ковач, постоянно информировавший Ю. Андропова о ходе работы комиссии, 7 мая снова заверил его в своем желании «смазать» роль Ракоши[3]. Однако в реальности в работе комиссии с самого начала негласно проявилась совсем иная установка — заготовленный ею компромат призван был при необходимости послужить и против первого секретаря. Более того, начиная с мая часть руководства ВПТ, осознавая крайнюю непопулярность Ракоши и его очевидную политическую обреченность, в интересах укрепления собственных пошатнувшихся позиций предприняла за его спиной первые, пока еще

[1] 2 февраля 1956 г. в Москве был подписан договор о предоставлении Советским Союзом Югославии большого займа и товарного кредита на выгодных условиях.

[2] См. его беседу с венгерским послом от 21 июля в: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 229. Проблемы венгеро-югославских отношений в 1956 г. в тесной связи с советско-югославскими отношениями в тот период затрагивал в своих работах Л. Я. Гибианский. См.: *Gibianszkij Leonyid*. A szovjet-jugoszláv kapcsolatok és az 1956-os magyar forradalom // 1956-os Intézet Évkönyv 1996/1997. Bp., 1997. 137–151 o.; *Гибианский Л. Я.* Н. С. Хрущев, И. Броз Тито и венгерский кризис 1956 года // Новая и новейшая история. 1999. N. 1.

[3] См. запись беседы Ю. Андропова с И. Ковачем от 7 мая в: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 71–75.

inslav

очень робкие попытки повлиять через посла Ю. В. Андропова на Москву и добиться признания ею необходимости кадровых перемен на вершине власти в Венгрии. Инстинкт самосохранения оказывался сильнее личной преданности вождю. Членам Политбюро, включая второго человека партии Э. Гере, все более приходилось свыкаться с мыслью о том, что ради спасения системы придется, очевидно, пожертвовать первым секретарем партии[1].

В атмосфере, сложившейся после XX съезда КПСС, мысль об устранении Ракоши путем «дворцового переворота» уже не была утопией — его позиции значительно ослабли. Так, под давлением Политбюро первый секретарь ЦР ВПТ выступил 18 мая на будапештском партактиве с непривычно острой самокритикой, публично, перед широкой аудиторией признав свою ответственность за культ личности и репрессии. Об ослаблении позиций Ракоши свидетельствовало и то, что он так и не смог помешать следствию по «делу Фаркаша», чреватому крайне нежелательным исходом для него самого, как и не смог воспротивиться предварительному выдвижению кандидатур своих политических оппонентов Й. Реваи и особенно опасного для него Я. Кадара в Политбюро. Начав терять опору в лице своих ближайших соратников (чьи козни не были для Ракоши секретом), он теперь видел главного союзника в Андропове и рассчитывал почти исключительно на поддержку Москвы. «Ракоши чувствовал надвигавшуюся опасность, судорожно искал выход, пытался советоваться с Москвой... неоднократно обращался за помощью к нашему послу в Будапеште Ю. В. Андропову, интересовался его личным мнением», — вспоминает В. Крючков, в то время третий секретарь посольства СССР в Венгрии[2].

Когда внутри руководства ВПТ встал вопрос о доверии Ракоши и советское посольство должно было занять определенную позицию, Андропов однозначно продолжал связывать интересы Москвы с поддержкой первого секретаря ЦР ВПТ, воспринимавшегося им как гарант стабильности в Венгрии. Естественно, что его мнение отражало точку зрения советского руководства, упорно делавшего ставку на Ракоши, что подтвердилось и в ходе рабочей (в определенном смысле инспекционной) поездки в Будапешт члена Президиума ЦК КПСС М. А. Суслова как раз в дни пребывания Тито в СССР (7–14 июня)[3]. И после завершения переговоров с югославским лидером в Москве некоторое время еще продолжали склоняться к мысли о том, что альтернативы Ракоши в Венгрии нет. Это под-

[1] Подробнее см.: *Стыкалин А. С.* В преддверии взрыва. Углубление политического кризиса в Венгрии и политика СССР (март—октябрь 1956 г.) // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997. С. 38–68; *Он же.* A szovjet nagykövetség és az MDP-n belüli harc 1956 tavaszán — kora őszén (Советское посольство и внутрипартийная борьба в ВПТ весной — ранней осенью 1956 г.)//Multunk. Politikatörténeti folyóirat. Budapest, 1998, N. 2. 23–49 o.

[2] *Крючков В.* Личное дело. Часть первая. М., 1996. С. 45–46.

[3] Поездка М. Суслова была вызвана растущей обеспокоенностью руководства КПСС положением в Венгрии — активизацией внутрипартийной оппозиции,

inslav

твердила и состоявшаяся 22–23 июня в СССР встреча руководителей компартий стран Восточной Европы. Как можно судить по его выступлению на Политбюро ЦР ВПТ сразу же по возвращении, первый секретарь вернулся из Москвы в Будапешт неразуверенный в поддержке своей персоны советским руководством в тот момент, когда он более всего в ней нуждался[1].

Совещание представителей компартий стран «народной демократии» было посвящено в первую очередь экономическим вопросам. Но на следующий день после его окончания, 24 июня, в отсутствие югославских и китайских представителей состоялась еще одна беседа, на которой обсуждались итоги визита в СССР Тито, а также внутриполитическая ситуация в странах Восточной Европы после XX съезда КПСС. Подписанная перед этим советско-югославская декларация носила явно компромиссный характер со стороны СССР. По справедливому наблюдению югославского посла в СССР В. Мичуновича, отраженному в его дневнике, в ней и речи не было ни об «идеологическом единстве», ни о «социалистическом лагере»[2]. Знаком компромисса в отношении Югославии была и критика Сталина в постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» именно за его роль в разжигании советско-югославского конфликта[3]. Однако названную декларацию отнюдь не собирались положить в основу новой доктрины восточноевропейской политики Советского Союза. Чтобы в корне пресечь любую попытку извлечения нежелательных для Москвы выводов из этого документа в других странах Восточной Европы, «русские... ясно дали понять лидерам стран лагеря, что то, что они подписали с Тито, не имеет значения для политики СССР по отношению к государствам и коммунистическим партиям стран лагеря»[4].

трениями внутри Политбюро, о чем Андропов, нагнетая страсти, систематически информировал Москву. См. донесения Андропова, относящиеся к маю-июню 1956 г. в: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Раздел I. Записку М. Суслова в ЦК КПСС по итогам своей поездки см. там же (С. 85–87).

[1] Протокол выступления М. Ракоши на Политбюро ЦР ВПТ 28 июня см.: Az MDP Politikai Bizottság 1956. június 28-i ülésének jegyzőkönyve. Az 1956. júniusi moszkvai kommunista csúcstalálkozo és Magyarország // Társadalmi Szemle. Bp., 1993. 2 sz.

[2] Анализ наблюдений Мичуновича в связи с подписанием этой декларации см.: *Чуканов М. Ю.* Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» в контексте своего времени. С. 158–160.

[3] «Грубый произвол, приведший к конфликту в отношениях с Югославией в послевоенный период», был назван в нем в числе ошибок Сталина, которые «нанесли ущерб развитию отдельных сторон жизни Советского государства, тормозили, особенно в последние годы жизни И. В. Сталина, развитие советского общества, но, само собой разумеется, не увели его в сторону от правильного пути развития к коммунизму» (Правда. 2 июля 1956 г.).

[4] См.: *Чуканов М. Ю.* Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» в контексте своего времени. С. 159; *Mićunović V.* Moskovske godine 1956–1958. Zagreb, 1977. S. 93.

inslav

Применительно к Венгрии это прозвучало как предупреждение не в адрес Ракоши, положение которого во главе ВПТ уже всецело зависело от Москвы, а в адрес некоторых из его политических оппонентов, все более видевших в титовской Югославии своего рода путеводную звезду. (Тезис о большой популярности югославского опыта среди оппозиционно настроенных венгерских коммунистов стал летом 1956 г. общим местом в донесениях советских дипломатов из Будапешта). Ракоши же из итогов июньской встречи мог почерпнуть для себя совсем другое: напуганный размахом критических выступлений дома и в некоторых соседних странах и раздосадованный публикацией в американской прессе[1] своего секретного доклада, Хрущев призывал лидеров стран социалистического лагеря к более жесткой реакции на оппозиционные настроения, оживившиеся после XX съезда КПСС. «Нельзя забывать, что к врагам мы должны применять власть. Нельзя властью злоупотреблять, как это делал Сталин, но употреблять ее надо. Вражеским устремлениям нужно противопоставить госбезопасность, суды, репрессивные органы», — говорил он[2]. Мнение Москвы стало для Ракоши тем более ценным козырем, что в день многосторонней встречи, 24 июня, дома произошло событие, вызвавшее немалое раздражение первого секретаря: главная газета партии «Szabad Nép», все более попадавшая под влияние реформаторски настроенной части партаппарата, опубликовала статью в поддержку дискуссионного клуба молодых коммунистов, так называемого Кружка Петефи, и развернувшихся на его заседаниях дискуссий, к этому времени уже явно выходивших из-под контроля партийного руководства.

Таким образом, в Москве Ракоши получил не только заверения в поддержке, но и напутствия в борьбе с формировавшейся оппозицией. Однако последующее развитие событий внесло заметные коррективы в представления лидеров КПСС о путях укрепления в Венгрии монополии правящей партии. Прежде всего, 28 июня в польском городе Познани демонстрация рабочих, выступивших за улучшение условий труда, вылилась в вооруженные беспорядки, подавленные с помощью войск. 73 человека погибли, более 300 получили ранения. Познаньские волнения, ставшие первым серьезным испытанием на прочность заявленной с трибуны XX съезда КПСС готовности к преодолению сталинского наследия, наглядно проде-

[1] «Причесанный» текст доклада Хрущева, разосланный ЦК КПСС с грифом «не для печати» в местные партийные организации для ознакомления широкого круга коммунистов и беспартийного актива на собраниях и переданный также лидерам стран «народной демократии», попал из Польши в США, где был опубликован одновременно в «New York Times» и «Washington Post» 4 июня, причем ответственность за публикацию взял на себя госдепартамент США. Аутентичность опубликованного текста не была в то время ни подтверждена, ни официально опровергнута советской стороной.

[2] См. в изложении Ракоши: Az MDP Politikai Bizottság 1956. június 28-i ülésének jegyzőkönyve. Az 1956. júniusi moszkvai kommunista csúcstalálkozo és Magyarország // Társadalmi Szemle. Bp., 1993. 2 sz., 94 o.

inslav

монстрировали всему миру, что на подобные эксцессы в советском лагере будут и впредь реагировать только силой.

В Венгрии в те же дни происходят события, которые перепуганные партийные функционеры тут же окрестили «идеологической Познанью». Дискуссия по проблемам печати на собрании Кружка Петефи 27 июня превзошла все предшествующие не только по количеству участников, но и по накалу страстей, остроте критических выступлений в адрес партийной верхушки. Напутствия, полученные в Москве, придали Ракоши уверенности в борьбе с оппонентами. Происходят исключения из партии, инициируется шумная кампания в прессе. Однако курс на ужесточение вызывал сильное противодействие, и не только в среде интеллигенции, но даже среди части партаппарата. В этих условиях, опасаясь углубления кризиса власти, некоторые влиятельные члены руководства ВПТ (оставшиеся при этом сторонниками жесткой линии в отношениях с оппозицией) активизировали нажим на советского посла с тем, чтобы добиться наконец согласия Москвы на смену лидера партии. В целях компрометации Ракоши, ставшего настоящей обузой для своих коллег, был дан ход свидетельским показаниям находившегося в тюрьме бывшего шефа безопасности Г. Петера. Комиссия по «делу Фаркаша», которой предстояло на ближайшем пленуме ЦР отчитаться о своей работе, собиралась огласить письмо Петера перед партактивом.

Оживление оппозиционных сил вызывало тем большую обеспокоенность в руководстве ВПТ, что в нем видели проявление более общей тенденции. Посетив 6 июля Андропова для того, чтобы поделиться опасениями относительно «очень и очень серьезной» политической ситуации, член Политбюро ЦР ВПТ Э. Гере попытался подвести посла к далеко идущему выводу, который, надо сказать, имел под собой некоторые действительные основания. Истоки переживаемых трудностей он видел в том, что в международном коммунистическом движении все яснее «начинает выкристаллизовываться» правое течение, которое отличают приверженность тезису о «национальном коммунизме», требование ограничить влияние Москвы. Ясно, что в роли главного форпоста этого течения выступала Югославия. Венгерская внутренняя «реакция», говорил Гере, так «наглеет» именно потому, что получает постоянную моральную поддержку со стороны югославской прессы. «Борба», «Политика», югославское радио недоброжелательно высказывались о внутренней политике ВПТ и, в частности, не скрывали своего раздражения в связи с исключением из партии писателей Т. Дери и Т. Тардоша за резкие выступления в дискуссии о печати[1]. Более того, Югославия, по словам Гере, имела в Венгрии

[1] Накануне беседы Гере с Андроповым, 5 июля, председатель Совета министров ВНР А. Хегедюш обратил внимание посланника ФНРЮ Д. Солдатича на недопустимый, по его мнению, тон выступлений югославской прессы в связи с внутренними венгерскими событиями. Ему было сказано, что все эти публикации не выражают официальной точки зрения (См. справку МИД СССР от 12 де-

inslav

разветвленную сеть агентуры, оппозиционно настроенные представители интеллигенции, поддерживая связи с югославской миссией, систематически информировали дипломатов о внутриполитических событиях. Что касается активистов Кружка Петефи, то они и не скрывали своих симпатий к югославским концепциям социализма[1].

Миссия ФНРЮ в Венгрии, как и посещавшие Будапешт югославские журналисты, действительно стремились к установлению контактов со все более открыто заявлявшей о себе антиракошистской оппозицией внутри ВПТ, воспринимая ее не только как потенциального партнера СКЮ в межпартийных отношениях, но и как естественного союзника Югославии в отстаивании ею независимого внешнеполитического курса. Сообщения об активности югославских эмиссаров в этом направлении содержатся во многих донесениях посольства СССР в Венгрии за лето 1956 г. При этом, не ограничиваясь контактами с интеллигенцией и реформаторами из партаппарата, с середины лета югославы все активнее пытались навести мосты к венгерскому рабочему классу. Посещая будапештские предприятия, они пропагандировали преимущества югославского пути[2]. Венгерские коммунисты-реформаторы проявляли встречную активность. Они всерьез интересовались экономической моделью югославского социализма (в немалой мере при этом идеализируя ее) и видели одновременно в Югославии пример социалистического государства, сумевшего в чрезвычайно трудных условиях отстоять свой суверенитет [3].

При все возрастающем влиянии югославского фактора на внутриполитическую жизнь Венгрии обращает на себя внимание та планомерность

кабря 1956 г. «Отношение Югославии к событиям в Венгрии». АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 191. Д. 39. Л. 80, 97). Следует сказать, что вопреки противодействию властей в Венгрии получила широкое хождение венгероязычная югославская газета «Magyar Szó», издававшаяся в Нови Саде, весьма популярны были также передачи радиостанции Нови Сада на венгерском языке, а принадлежавшая перу В. Дедиера биография Тито, изданная для югославских венгров, передавалась из рук в руки (Там же. П. 187. Д. 9. Л. 55–56).

[1] См. телеграмму Ю. Андропова в МИД СССР от 9 июля о беседе с Э. Гере в: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 137–142. В других, более ранних беседах с Андроповым Э. Гере и А. Хегедюш также отмечали, что оппозиционные элементы все чаще выдвигают в качестве примера югославский опыт строительства социализма, противопоставляя его советскому пути. См. записи бесед от 19 и 26 июня: Там же. С. 89–92, 118–124.

[2] Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 211.

[3] Писатель И. Кирай в беседе с советским дипломатом В. Крючковым 12 июля заметил, что «идут разговоры о создании в Венгрии подлинно национальной коммунистической партии по примеру Союза коммунистов Югославии, в котором очень многие видят блестящий пример партии, смело отстаивающей национальные интересы своего народа. Эти люди на одну линию с Тито ставят Имре Надя, которого, как и первого, считают подлинным выразителем чаяний народа» (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 148–149).

inslav

и последовательность, с которой венгерские лидеры (даже не столько Ракоши, политическая карьера которого уже висела на волоске, сколько Гере) через советское посольство настраивали Москву против Белграда. Вероятно, догадываясь об аналогичных шагах, предпринимавшихся Тито против руководства ВПТ, последнее стремилось перехватить инициативу в деле формирования в свою пользу мнения официальной Москвы относительно причин неурегулированности венгеро-югославских отношений. Эта задача была нелегкой, потому что в свете решений XX съезда КПСС политическая конъюнктура благоприятствовала лидерам Югославии как жертвам сталинских «искажений», а не скомпрометировавшему себя проведением твердой сталинистской линии руководству Венгрии. Для понимания тогдашней позиции Москвы интересно, что даже такой ортодокс, как К. Е. Ворошилов, в своей докладной Президиуму ЦК КПСС о встрече с Ракоши в конце июня замечал: что касается нормализации отношений с Югославией, то Ракоши, кажется, еще «не сбросил с себя груз прошлого», «у него еще много настороженности и неуверенности»[1].

Конечно, в руководстве ВПТ (мыслившем и действовавшем все менее в унисон с мыслями и действиями своего первого секретаря) отдавали себе отчет в том, что наметившееся сближение Москвы и Белграда есть малозависящая от Венгрии реальность, с которой необходимо считаться. Тот факт, что фигура Ракоши оказывалась препятствием на пути нормализации венгеро-югославских отношений, при этом не упускался из виду, когда надо было выискивать аргументы, чтобы склонить Москву к отказу от поддержки первого секретаря ЦР ВПТ. Так, премьер-министр А. Хегедюш в беседе с Андроповым 19 июня выражал сожаление, что даже в дни пребывания Тито в СССР Ракоши продолжает видеть в сближении с Югославией одни только отрицательные стороны[2]. Не могло не быть принято во внимание и еще одно обстоятельство: в силу популярности в Венгрии югославской модели улучшение отношений с ФНРЮ и СКЮ должно было способствовать повышению авторитета руководства ВПТ у себя дома. После ожидавшегося в обозримом будущем ухода Ракоши его преемникам предстояло решать непростую задачу — ликвидировать ненужную напряженность в отношениях с южным соседом и в то же время по возможности нейтрализовать югославское влияние на собственную оппозицию.

Рассмотрев на своем заседании от 12 июля телеграмму Андропова от 9 июля и прийдя к выводу о чрезвычайной сложности обстановки в Венгрии, Президиум ЦК КПСС срочно командировал в Будапешт А. И. Микояна, которому была дана установка «облегчить положение Ракоши»[3]. Од-

[1] См. записку К. Е. Ворошилова в Президиум ЦК КПСС от 26 июня 1956 г.: Там же. С. 97–100. Ворошилову пришлось убеждать Ракоши в том, что Югославия сейчас «стоит на правильном пути», и Венгрии надо идти на сближение с ней.

[2] Там же. С. 89–92.

[3] Там же. С. 149.

inslav

нако действия Микояна в ходе его миссии в Венгрию с 13 по 21 июля отнюдь не свидетельствовали о его связанности этой установкой — можно сделать предположение, что в советском руководстве не было единства в вопросе о дальнейшей поддержке Ракоши, и хотя в записи заседания Президиума от 12 июля эта задача была зафиксирована со всей определенностью, не исключалось, по всей видимости, и альтернативное решение: Микоян получил необходимые полномочия на то, чтобы в канун пленума ЦР ВПТ самому разобраться на месте в ситуации и определить, целесообразно ли и дальше делать ставку на Ракоши или же интересы сохранения советского влияния в Венгрии требуют пойти на уступку силам, добивающимся удаления этого политика, не только полностью скомпрометировавшего себя организацией незаконных репрессий, но и (что было важнее для Москвы) не способного вывести страну из состояния перманентной нестабильности.

Пленум ЦР ВПТ прошел 18–21 июля в соответствии с заранее разработанным сценарием. В условиях, когда в венгерском обществе все активнее заявляла о себе демократическая оппозиция, Э. Гере и его соратники по Политбюро пошли на то, чтобы пожертвовать своим вождем ради спасения системы и сохранения собственного положения в ней. Решение пленума о смещении Ракоши было подготовлено внутри партии, людьми из ближайшего окружения первого секретаря. Москва в лице А. И. Микояна сочла целесообразным отказаться от первоначальной ставки на Ракоши и поддержала в качестве его преемника Гере, так и не решившись на большее — в интересах укрепления политической стабильности в Венгрии сделать ставку на Я. Кадара и других умеренных реформаторов в руководстве ВПТ, еще не утративших доверия в более широких партийных кругах (что же касается более радикальных реформаторов во главе с бывшим премьер-министром И. Надем, то на них по-прежнему лежало клеймо правоуклонистов). Приглушив на некоторое время остроту накопившихся в венгерском обществе противоречий, июльский пленум позволил выпустить пар и отсрочить развязку, однако не мог кардинально изменить ситуацию из-за компромиссности, половинчатости принятых на нем решений.

Западная пресса, комментируя итоги июльского пленума, делала акцент (вероятно, преувеличенный) на роль югославского фактора, рассматривала отставку Ракоши как новую победу «сильного человека на Балканах» в его противостоянии Кремлю, не прекратившемся и после кончины Сталина, лишь принявшем иные формы. «Маршал Тито должен быть доволен», — так резюмировала 23 июля свое сообщение о венгерских событиях газета «New York gerald tribune», прямо назвавшая югославского лидера главным «виновником» отставки Ракоши (Приезд Микояна из Венгрии в Югославию сразу после пленума лишь усилил впечатление о непосредственной вовлеченности руководства СКЮ во все произошедшее). Несколько осторожнее отреагировала в тот же день на результаты пленума лондонская «Times». Лишь только будущее покажет, писала она, удов-

inslav

летворится ли маршал Тито заменой Ракоши на столь же одиозного сталиниста Гере. Впрочем, и «New York gerald tribune» готова была признать, что «назначение Эрне Гере преемником Ракоши станет переходным моментом, только временным разрешением вопроса», ибо Гере слишком близко ассоциируется с линией Ракоши, чтобы удовлетворить оппозиционные силы в Венгрии, а как глава экономической политики в прежние годы был скомпрометирован пагубным курсом на форсированную индустриализацию.

Югославская пресса, не скрывавшая своего удовлетворения по поводу отставки Ракоши, считала это все же лишь первым шагом. «После смены Ракоши господствует оптимистическое оживление. Устранено одно серьезное препятствие, однако это еще не все», — писала газета «Политика» 20 июля. Хотя в беседе с Микояном 21 июля Тито и обещал, что печать Югославии не будет поддерживать венгерскую внутрипартийную оппозицию[1], ее более чем сдержанное отношение к избранию Гере проявилось довольно отчетливо[2]. «Партийные наблюдатели не думают, что этот компромисс (уход Ракоши и приход к руководству Гере) будет устойчивым. Сторонники Имре Надя попробуют взять контроль над партией в свои руки», — писала 7 августа газета «Република». А главная газета СКЮ «Борба» 23 августа отмечала, что «логика развития, происходящего сейчас в Венгрии, требует полной реабилитации не только личности Имре Надя, но и политики, за проведение которой он боролся».

Позиция югославской прессы, конечно, не могла не отражать мнение руководства ФНРЮ. Замена М. Ракоши на Э. Гере не удовлетворяла лидеров Югославии, поскольку означала сохранение власти в Венгрии у прежней команды. После июльского пленума тактика поддержки Югославией венгерской внутрипартийной оппозиции оставалась в силе, по-прежнему сохранялась и напряженность в официальных двусторонних отношениях. Видя в Гере переходную фигуру, Тито не склонен был форсировать процесс венгеро-югославского сближения, ожидая прихода к власти в Венгрии более национально ориентированных политических сил. Утвержденное на июльском пленуме письмо ЦР ВПТ в ЦК СКЮ с предложением о более тесных межпартийных контактах лежало без ответа без малого

[1] См. запись беседы Ю. Андропова с Э. Гере от 23 июля в: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 205.

[2] Как отмечалось в записке посольства СССР, «по всем данным они (югославы. — *А. С.*) хотели бы видеть на этом посту т. Кадара. На это довольно прозрачно намекала во время пленума и югославская печать». По мнению советского посольства, «отклики югославской прессы на последние внутриполитические события в Венгрии и, в частности, на июльский пленум вылились в газетную кампанию с вмешательством во внутренние дела Венгрии. Эта газетная кампания, явившаяся недружественным актом по отношению к Венгрии, имела целью поощрение и подбадривание венгерских оппозиционеров в их выступлениях против руководства ВПТ» (Справка «О состоянии венгеро-югославских отношений» от 23 августа 1956 г. АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 191. Д. 39. Л. 71–72).

inslav

два месяца[1]. Руководству КПСС, заинтересованному в нормализации отношений своих сателлитов с Югославией, пришлось взять на себя посредническую роль, инициировав встречу Тито и Гере в Крыму в начале октября 1956 г. Итогом этой встречи явилась поездка делегации ВПТ в Белград 15–23 октября, в самый канун венгерской революции.

При этом надо иметь в виду, что развитие событий начиная с середины 1956 г. привело к новому охлаждению в советско-югославских отношениях. Не только в Венгрии, но повсеместно коммунисты-реформаторы, критикуя практику сталинской эпохи, нередко противопоставляли советскому опыту (равно как и опыту стран «народной демократии») идеализировавшуюся ими югославскую модель социализма. На это неизменно указывалось в донесениях советских посольств из большинства восточноевропейских столиц. И в СССР силы, выступавшие за обновление социализма, проявляли немалый интерес к югославскому опыту. Из многих документов явствует, что уже летом 1956 г. руководство КПСС видело опасность формирования в лице Югославии альтернативного идеологического центра в мировом коммунистическом движении, создающего реальную угрозу раскола в нем. В ходе сентябрьских-октябрьских встреч с Тито Хрущев предпринял попытки мягкого увещевания югославского руководства, не желавшего «идти в ногу» с социалистическим содружеством, как того хотелось советским лидерам.

В условиях обострявшегося осенью 1956 г. кризиса сталинской системы в Венгрии югославская модель продолжала притягивать к себе венгерских реформаторов. Югославский фактор, выступая в разных ипостасях, оказывал еще большее, чем прежде, влияние на внутриполитическую ситуацию в Венгрии. Однако это уже тема другой статьи.

[1] Это письмо венгерский посланник в Югославии Ш. Куримский вручил Тито 21 июля (См. подробную информацию посольства СССР в Венгрии от 10 августа о посещении Куримским Тито в: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 228–231). Констатировав успе́хи, достигнутые в нормализации межгосударственных связей между ВНР и ФНРЮ, и выразив сожаление по поводу роли ВПТ в развернувшейся с весны 1948 г. антиюгославской кампании, ЦР ВПТ высказался за восстановление товарищеских и братских отношений между двумя партиями. Ответ ЦК СКЮ, в котором Тито выразил согласие на встречу представителей двух партий, предложив провести ее в ближайшем будущем, был направлен венгерской стороне только 11 сентября. Обмен письмами см: Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956. Budapest, 1995. 99–100, 116 o.

inslav

К. В. Никифоров
Институт славяноведения РАН

ЮГОСЛАВИЯ 1990-Х ГОДОВ: КРИЗИС ОБЩЕСТВА И РАСПАД ГОСУДАРСТВА

События 90-х годов в бывшей Югославии привлекли к себе самое пристальное внимание во всем мире. Много статей было опубликовано сразу же, по горячим следам. В основном это были сообщения журналистов с места событий. Но были и более серьезные работы. Два сербских исследователя Д. Станкович и З. Малтарич попытались составить библиографию югославского кризиса с 1991 по 1996 годы. В нее вошли две с половиной тысячи наименований, причем сами авторы признают, что эта библиография далеко не полная, что им мешали многие факторы и прежде всего введенные против Югославии санкции[1].

В то же время разобраться в этом пестром калейдоскопе работ чрезвычайно трудно даже специалистам. Довольно долго почти никто не мог понять того, что происходит в Югославии, почему во вроде бы благополучной стране вдруг разразилась такая ожесточенная и кровопролитная война. Такое понимание отсутствовало не только на Западе, но и в странах Восточной Европы, включая Россию, причем даже в политической элите, среди официальных лиц.

Тому было несколько причин. Первая — почти полное незнание Балкан, их истории, традиций, менталитета населяющих полуостров народов.

Возьмем Россию, где югославистика все-таки была достаточно развита, а связи с Сербией имеют богатую историю. Тем не менее практически все ведущие дипломаты, отвечавшие в России в 90-е годы за югоурегулирование, чрезвычайные и полномочные послы в Белграде и других столицах новых югославских государств не имели в своей предыдущей деятельности никакого отношения к Югославии. Для многих из них Югославия ничем не отличалась, скажем, от Зимбабве. Известен факт, когда министр иностранных дел А. Козырев на одном из первых заседаний комитета по международным делам Верховного Совета «путал Словению и Славонию, думал, что все народы этого региона — православные, не знал, где находит-

[1] *Stanković D., Maltarić Z.* Svetska bibliografija o krizi u bivšoj Jugoslaviji. Beograd, 1996.

inslav

ся Дубровник»[1]. Президент Б. Ельцин, похоже, тоже так до конца и не выучил названия югославских мест и постоянно путал фамилии даже главных действующих лиц югославских событий. Хотя, в отличие от руководства МИДа, «на генетическом уровне» его все же интересовала судьба сербов.

Или Соединенные Штаты Америки. Даже «архитектор Дейтонских соглашений» Р. Холбрук после своего назначения на роль главного лица в переговорах по югославскому урегулированию невероятно мало знал о народах, которые жили в бывшей Югославии. Он просто шокировал офицеров миротворческих сил, когда впервые приехал в Сараево. Холбрук, например, думал, что Босния практически полностью мусульманская страна, хотя, по любым подсчетам, более половины ее населения составляют христиане (сербы и хорваты). Он был также очень удивлен, когда узнал, что сербы не вторглись на территорию Боснии, а сами были боснийцами, по крайней мере, с VII века, со времени переселения славян на Балканы[2]. В целом Холбрук и члены его балканской команды считали себя посланцами «цивилизованного мира» и высокомерно «по-ковбойски» называли территорию Республики Сербской «землями индейцев»[3].

Так думали не только дипломаты во главе с Р. Холбруком. Многие американцы, запутавшись в лабиринтах балканской истории, вообще пришли к выводу, что понять ее западному человеку просто невозможно. Не случайно подлинным бестселлером, выходившим массовыми тиражами, стала в США книга журналиста Роберта Каплана «Балканские привидения: путешествие сквозь историю». Каплан нарисовал жуткую картину балканской истории, где действуют мифические, кровожадные люди. Классический пример — румынский Дракула. В общем, вся история Балкан — это ответвление от нормального развития человечества[4]. Показательно, что именно по книге Роберта Каплана знакомились с балканской историей президент США Билл Клинтон и его жена Хилари.

Второй и, наверное, главной причиной того, что понять суть югославских событий было сложно, являлась «информационная война», которую развернуло против сербов большинство корреспондентов западных СМИ. Американский журналист П. Брок обработал 1500 статей из газет и журналов, вышедших на Западе в начале югославского кризиса, и пришел к выводу, что «соотношение публикаций против сербов и в их пользу составляет 40:1»[5]. Но об этом уже было много сказано и написано, и нет нужды повторяться. Напомним только, что на первых порах и российская пресса почти бездумно пересказывала западные публикации и сводки западных телеграфных агентств.

---

[1] См.: *Гуськова Е.* Смогла бы Россия отдать Куликово поле? // Независимая газета. 1999. 23 апреля.

[2] *Belof N.* Jugoslavija — jedan rat koji se mogao izbeći. Beograd, 1999. S. 91–92.

[3] *Holbruk R.* Put u Dejton. Od Sarajeva do Dejtona i posle. Beograd, 1998. S. 1–16.

[4] *Kaplan R.* Balkan ghosts: a journey through history. N. Y., 1994.

[5] Цит по: *Гуськова Е.* Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии. М., 1998. С. 7.

inslav

В «информационной войне» Запада были и некоторые любопытные моменты. Во-первых, в миротворческие контингенты западных стран (в частности, США и Голландии) были призваны из резерва ученые-историки. Эти военные историки имели задачу не только «собирать данные для будущих поколений», но и наукообразно обосновывать политику своих государств[1].

Во-вторых, на службу были поставлены даже известные фирмы, занимавшиеся рекламой и предоставлением услуг в сфере общественных связей (так называемые «PR-компании»). Недаром говорят, что современный мир — это во многом виртуальный, «пиаровский» мир. Возможно, в Югославии «пиаровские» технологии впервые распространились в таком масштабе и на внешнеполитическую сферу.

Известно, например, о деятельности американской компании Ruder Finn Global Public Affaires. Ее клиентами были руководители Хорватии и мусульманской части Боснии. Хорватское правительство, в частности, платило «Рудер-Финн» за оказываемые услуги 10000 долларов в месяц. Компания согласовывала с заказчиками свою деятельность с тем, чтобы привлечь внимание к событиям в бывшей Югославии со стороны конгресса США, администрации американского президента, этнических групп в Штатах и особенно американских и международных служб новостей.

Директор «Рудер-Финн» Т. Харф хвастался тем, что за несколько минут его фирма рассылала информацию по сотням адресов. «Скорость — существенный элемент, — подчеркивал он. — Если какая-то информация работает на нас, мы немедленно закрепляем ее в общественном сознании. Потому что мы прекрасно знаем, что лишь первые сообщения имеют значение и запоминаются. Опровержения же малоэффективны».

Фирма внедрила в общественное сознание ряд штампов («концлагерь», «геноцид», «массовые изнасилования»), неразрывно связанных якобы с деятельностью сербов. Особенно Т. Харф гордился тем, что ему удалось привлечь на свою сторону влиятельных лиц еврейского происхождения и еврейские общественные организации. Это было очень непросто, учитывая, что именно со стороны хорватов и помогавшим им боснийских мусульман проводилась политика геноцида в отношении евреев в годы Второй мировой войны. В Сербии же антисемитизма практически никогда не существовало[2].

Иногда казалось, что такое широкомасштабное, откровенное вмешательство в югославские события западных государств во главе с США носило даже маниакальный, иррациональный характер. Его невозможно было объяснить провозглашенными целями: расширением так называе-

[1] См.: *Џамић Д.* Босанско бојиште сумрака (Босна 1992–1997). Београд, 1998. С. 31–33.

[2] Как это делается. (Отрывок из книги Ж. Мерлино «Правду о Югославии нелегко говорить») // Национальные интересы. 1999. №2. С. 18–21; см. также: *Гуськова Е.* Вооруженные конфликты ... С. 6–7.

inslav

мой «зоны демократии» в Европе или чисто гуманитарными соображениями. Сегодня, через 6 лет после Дейтонских соглашений и спустя 2 года после натовской агрессии против Югославии в связи с косовскими событиями, стало окончательно ясно, что этими словами лишь прикрывалась начатая США борьба за мировое господство.

После некоторых колебаний США посчитали, что являются единственным победителем в «холодной войне» и имеют право на гегемонию в современном мире. Фактически это было началом борьбы за «передел уже поделенного мира». Где-то такой передел шел мирным путем, путем добровольного вступления в блок НАТО Польши, Чехии и Венгрии, где-то, как в Югославии, — военным.

В целом можно сказать, что если почти весь XX век был веком идеологического противостояния, то теперь оно оказалось замененным противостоянием геополитическим. И основным узлом геополитических противоречий в 90-е годы стали именно Балканы. Кстати, сегодня центр этого геополитического противостояния перемещается на Кавказ и в район Каспийского моря. Хотя и на Балканах Запад будет пытаться завершить решение ряда задач. Это убедительно показала 78-дневная агрессия НАТО против Югославии. Косовские события во многом повторили боснийские. Они могут повториться вновь, например, в Черногории или где-нибудь в другом районе. Кроме того, перемещающийся с северо-запада на юго-восток бывшей Югославии кризис теперь грозит перекинуться и на Македонию.

Инициированный Западом передел мира, по крайней мере на ближайшее время, поставил крест на романтической мечте о единой «Большой Европе», о Европе, по словам Ш. Де Голля, от Атлантики до Урала, о горбачевской идее общеевропейского дома, о Европе без разделительных линий и блокового противостояния. В этом плане 90-е годы XX века оказались для Европы временем разочарования.

Еще большим разочарованием обернулись эти годы для югославских народов. Ведь именно по территории бывшей Югославии прошли новые разделительные линии. Все югославские народы оказались поставлены перед задачей нахождения своего места в новых условиях. Кстати, и вся Восточная Европа, включая Россию, сегодня также находится в поисках своей идентичности.

Словенцы объявили себя частью Центральной Европы, не имеющими никакого отношения к «диким» Балканам. Хорваты попытались сделать то же самое, но получилось у них намного хуже. Истоки своей государственности они стали искать в Независимом государстве Хорватии времен Второй мировой войны, возвращать флаги, государственную атрибутику, песни тех времен. Другого государства, исключая ранее Средневековье, у них не было, но для остальных югославянских народов и прежде всего сербов это было недобрым знаком возвращения к временам хорватских фашистов-усташей. Только после смерти первого хорватского президента Ф. Туджмана в декабре 1999 г. у Хорватии появился более реальный шанс присоединения к общеевропейским структурам.

inslav

Сербам, которые вдруг снова оказались разделенным народом и у которых был насильственно отторгнут край Косово, было хуже всех. Они очень долго не могли понять, что происходит, почему вдруг весь мир ополчился против них. Этот народ, привыкший к достаточно высокому для Восточной Европы уровню жизни, в одночасье оказался отброшенным далеко назад. Да и геополитически и даже географически Сербия оказалась отброшенной к периоду до начала Балканских войн. Самым тяжелым было положение хорватских и боснийских сербов, ставшими национальными меньшинствами в потенциально враждебном этническом окружении, а также сербов в Косово. Сербам свыкнуться с этим было особенно тяжело, так как давно подмечено: это — малый народ с самосознанием большого. Сегодня сербы из Косово изгнаны, хорватских сербов фактически уже не существует, а боснийские, хотя и сохранились, но находятся, по существу, под оккупацией сил НАТО.

Тем не менее боснийские сербы все же создали свою государственность. Казалось почти невероятным, что кучка провинциальных сербских интеллектуалов из Сараево во главе с Р. Караджичем смогла организовать и повести за собой полуторамиллионную крестьянскую массу, создать впервые после Твртко I (вторая половина XIV в.) сербское государственное образование в Боснии. К слову сказать, из двух вице-президентов Республики Сербской один — Н. Колевич — был филологом, крупным специалистом по творчеству В. Шекспира, другая — Б. Плавшич — профессором-биологом. Известным ученым, знатоком немецкой классической философии был министр иностранных дел А. Буха. Похожей биографией обладали и другие руководители боснийских сербов. Их было совсем немного, квалифицированных кадров катастрофически не хватало. Например, в министерстве иностранных дел было всего человек пять, имевших определенный потенциал и подготовку для данной работы. И все-таки, в отличие от единой Боснии, Республика Сербская была реальностью.

Условия «осажденной крепости» — война, международные санкции, а с августа 1994 г. и блокада со стороны Югославии (Сербии и Черногории) — привели к тому, что боснийские сербы попытались опереться на свои традиции, веру, язык, на четническое движение времен Второй мировой войны. Официальной государственной религией у них вновь стало православие. На официальном уровне отмечались все религиозные церковные праздники. В школах Республики Сербской был в обязательном порядке введен такой забытый в коммунистические времена предмет, как Закон Божий. Все образование и вся официальная документация были переведены на «кириллицу» и даже на белградский, «экавский», в отличие от традиционно распространенного в Боснии «екавского», вариант сербскохорватского языка. Кстати, в самой Сербии до сих пор, наряду с «кириллицей», достаточно широко распространена «латиница». А в Черногории «латиница» явно преобладает.

Боснийские, точнее, герцеговинские хорваты, не только полностью слились с хорватами из Хорватии, но даже стали там наиболее жестким,

inslav

националистически ориентированным элементом. По сути, в Республике Хорватия они играют ту же роль, что и западные украинцы на Украине.

Наконец, боснийские мусульмане, хотя и претендовали на гегемонию во всей Боснии, также попытались выделиться из общей боснийской массы. Они стали, например, выдумывать себе неславянские или, по крайней мере, отдельные от сербов и хорватов корни, называть себя боснийцами (бошняками). Это название подхватили и за рубежом. Но оно, как и прежнее самоназвание «мусульмане», не совсем удачно. Как будто живущие в Боснии сербы и хорваты уже не являются боснийцами, то есть жителями этого края. И наоборот, трудно назвать боснийцами мусульман, проживающих в соседнем сербском Санджаке (Рашке), хотя этнически они практически ничем не отличаются от мусульман Боснии.

Особая роль и здесь принадлежала религии. Причем в условиях войны, той же «осажденной крепости», ислам у боснийских мусульман стал быстро приобретать экстремистскую, фундаменталистскую окраску. Поставщиками такого направления ислама в Боснию стали моджахеды — добровольцы из Ирана, арабских и других мусульманских стран. Приглашая их в Боснию, правительство А. Изетбеговича фактически экспортировало вместе с ними и самый фанатичный исламский фундаментализм. Кстати, на первые после Дейтонских соглашений выборы в так называемой «мультиэтнической», «мультикультурной» Боснии партия А. Изетбеговича шла с характерным лозунгом: «Одна страна — одна религия».

Напомним, что попытки создания «боснийской нации» из мусульман (например, как наследников особой богомильской традиции) предпринимались еще во время австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины. Тогда была даже напечатана «Грамматика боснийского языка», якобы в чем-то отличающегося от сербскохорватского. После начала современного югославского кризиса на территории боснийских мусульман вновь начали спешно создавать «собственный язык», менять некоторые слова, например, сербскохорватское приветствие «здраво» на арабское — «мерхаба». Официальные документы, которые подписывало руководство боснийских мусульман, составлялись на боснийском языке. Сегодня в дейтонской Боснии существует, например, три варианта паспортов: для каждой национальной общины на своем языке — сербском, хорватском и боснийском.

После раздела сербскохорватского языка на сербский, хорватский и боснийский уже появляются попытки создания еще и четвертого — «черногорского языка». В частности, в него, в отличие от сербского, добавлен еще один звук, изменено написание некоторых слов[1]. Предпринимаются также попытки доказать самобытность черногорцев, их коренное отличие от сербов. Некоторые черногорские интеллектуалы почти стыдятся своего балканского происхождения, утверждают, что черногорцы — вовсе и

[1] См. например: *Јокановић Д.* Је ли Његош знао црногорски // Глас црногораца. 1999. 12 новембра.

inslav

не балканцы, а неотъемлемая часть конгломерата средиземноморских народов. Параллельно с сербской в Черногории появилась своя никем не признанная автокефальная церковь, так называемая «Дуклянская академия наук» и т. п.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что, конечно, югославский кризис возник не на пустом месте. На этапе идейного кризиса коммунизма и изменения политического режима республиканские элиты в бывшей Югославии не смогли трансформироваться в демократические. Не помог даже относительно высокий уровень жизни. Одновременно образовавшийся после распада Союза коммунистов Югославии вакуум не мог быть заполнен другими общеюгославскими государственными структурами. Общий югославский рынок был к тому времени уже разрушен, республики все больше замыкались в своих границах. В них образовались мощные национальные элиты, рвавшиеся к власти и получившие ее в результате первых альтернативных выборов в 1990 г.[1].

Однако и Запад вел себя на Балканах, как «слон в посудной лавке». Недавно умершая известная английская исследовательница, политолог и журналист Нора Белофф в своей последней книге «Югославия — война, которой можно было избежать» писала, что «если бы не вмешательство извне, то конфликта в Югославии можно было бы избежать, а Югославское государство в том или ином виде сохранить»[2]. Наверное, это не совсем так. Но можно согласиться с тем, что невежественное, высокомерное вмешательство Запада в дела Югославии только затягивало конфликт, приводило к новым жертвам, и человеку на Балканах становилось жить все хуже и хуже. Так было и в Первую мировую войну, и во Вторую, так было и в 90-е годы уходящего века. Иногда кажется, что пора оставить этого человека в покое, вернуться к старому лозунгу «Балканы — балканским народам».

[1] Подробнее о формировании в югославских республиках «этнократических кланов» см.: *Волков В.* Трагедия Югославии (1991–1995) // Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000.

[2] *Belof N.* Jugoslavija — jedan rat ... S. 11–12.

inslav

А. В. Карасев
Институт славяноведения РАН

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО КОСОВСКОГО КОНФЛИКТА

Для лучшего и более полного понимания современных событий в Юго-Восточной Европе необходимо хотя бы в общих чертах представлять генезис тех процессов, которые привели к этим конфликтам. Албанская и сербская историографии доказывают, что именно албанцы или сербы имеют больше исторических прав на Косово и Метохию. Одни жили здесь раньше других, первыми освоили эту территорию в хозяйственном и культурном плане, соорудили здесь свои исторические памятники и т. д. На эту историографическую полемику наложилась кампания в западных средствах массовой информации в период максимального обострения кризиса в 1998–1999 гг., когда, как правило, дело изображалось таким образом, что сербы подвергают албанцев всяческим притеснениям. Тем самым создавалось впечатление, что в этом межэтническом конфликте всегда были угнетаемые (албанское население Косова и Метохии) и угнетатели (сербы). Однако на самом деле историческая картина не столь проста. В этническом конфликте не бывает только одной правой стороны. И в данном случае оба народа имеют свои права на эту территорию. Проблема заключается в выработке такого решения, которое гарантировало бы и защищало в равной степени права обеих конфликтующих сторон.

Албанская национальная программа появилась в конце XIX века. В отличие от других балканских народов — сербов, греков, болгар, румын — до начала Великого восточного кризиса (1875–1878 гг.) у албанцев не было такой национальной программы. У них господствующее положение занимали религиозные и региональные формы самосознания.

Все попытки балканских христиан привлечь албанцев к участию в совместной борьбе против господства Османской империи за национальное освобождение и модернизацию своего общественного строя практически не дали результата. В начале восточного кризиса (1875–1878 гг.) албанцы, находившиеся в рядах турецких регулярных и иррегулярных (башибузуки) войск, сражались против христианских повстанцев.

Создание Албанской лиги в 1878 г. не было результатом только внутренних освободительных процессов в албанском обществе, так как албанцы запаздывали в своем развитии по сравнению с другими народами. Здесь

12 Зак. 2017
inslav

не обошлось без внешних воздействий. Албанская Лига была орудием в руках сначала турецких властей, а потом и некоторых великих держав для сохранения Османской империи. В Константинополе в апреле 1878 г. был создан Албанский центральный революционный комитет (в состав этого комитета входили: Абдул Фразери, Паско Васо, Сами Фразери, Зия Приштина, Яни Врето и др.), который занимался организацией сопротивления со стороны албанского населения против освободительных акций Сербии, Черногории и Греции. Абдул Фразери публиковал в иностранной печати заявления протеста албанского населения против подобных действий вышеупомянутых христианских государств. Согласно донесениям французского консула в Салониках Крижевского, турецкие власти распределяли оружие среди албанского населения, в мечетях проводились тайные собрания, в работе которых вместе с албанскими вождями участвовали и эмиссары из Константинополя.[1] Таким образом манипулировали интересами албанского народа. Доказательством этого утверждения является тот факт, что Османская империя сразу же распустила Албанскую Лигу, едва она стала выдвигать требования более широкой автономии от центральных властей.

Отнюдь не случайным совпадением было создание Албанской Лиги одновременно с подготовкой к проведению Берлинского конгресса 1878 г. Попытка России обеспечить здесь свои интересы при помощи создания крупного славянского государства — Великой Болгарии, как это было предусмотрено мирным соглашением между Россией и Османской империей, подписанным в Сан-Стефано (1878 г.), вызвала энергичное противодействие со стороны других европейских великих держав. Хотя границы Великой Болгарии включали в себя значительные территории, населенные преимущественно сербским и греческим населением, турецкие власти при поддержке английской дипломатии считали, что албанцы будут наилучшим средством в борьбе против славянской и вообще христианской «угрозы». Великие европейские державы стремились создавать на Балканах такие государственные образования, которые бы гарантировали осуществление их стратегических целей на Балканах. Англия в конце прошлого века очень опасалась усиления влияния России в этом регионе и рассматривала национально-освободительную борьбу славянских народов на Балканах как средство, используемое Россией для укрепления здесь своих позиций.

В Косово и в Метохии, как и в областях современной западной Македонии, преобладал воинствующий тип ислама, носителем которого было население горных областей северной Албании, постепенно осуществлявшее стихийную экспансию в более культурные и плодородные районы этих областей.

История Албании и развития албанского народа в действительности гораздо сложнее, чем ее хотят иногда представить. Это относится и к территории современного Албанского государства, и к соседним государствам, где албанцы составляют национальные меньшинства. Религиозная

[1] Косово и Метохија. Београд, 1998. С. 4.

inslav

гетерогенность и ярко выраженное племенное деление албанского населения были и остаются источником постоянных междоусобных столкновений и конфликтов, которые делают это государство весьма нестабильным. Это «неустойчивое» состояние молодого государства представляет собой угрозу прежде всего для неалбанского населения в самой Албании и вокруг нее. Надо иметь в виду, что в течение столетий на территории современной Албании существовали крупные славянские поселения, славянская топонимика в значительном объеме сохранилась в этих районах до наших дней. В новое время, начиная с создания первого албанского государства в 1912 г., а особенно во время правления албанского коммунистического диктатора Энвера Ходжи, значительная часть неалбанского, прежде всего славянского, населения подверглась процессу государственной ассимиляции, проводившейся и репрессивными методами.

Крупные изменения этнического состава населения в Косово находится в непосредственной связи с последствиями турецких завоеваний в Юго-Восточной Европе, особенно с войнами европейских христианских государств с Османской империей в конце XVII века. Значительные часть христианского населения Европейской Турции, прежде всего Косово и Метохии и северной части Македонии, выступили на стороне европейских государств после осады Вены (1863 г.) и поддержали их усилия, направленные на вытеснение турок из Европы. После поражения европейцев в 1690 г. это христианское население Османской империи подверглось жестокой мести со стороны турок и стало жертвой в сущности первых массовых этнических чисток в истории. Опустошительные турецкие военные походы создали условия для распространения албанского этноса со своих исконных территорий на земли своих соседей, как славян, так и греков. Лишь в XVIII веке албанские скотоводы из горных районов начинают спускаться в плодородные области Косова и Метохии, где большинство населения составляли православные сербы, а также в западную Македонию от Скопье до Битолы, которые были населены сербским и македонским славянским населением.

Этот процесс албанского освоения этих территорий сопровождался многочисленными массовыми актами насилия, направленных на разрушение компактного сербского этнического массива (насильственная исламизация, различные виды грабежей, конфискаций, разрушение православных церквей). Об этом сообщают многочисленные путешественники, прежде всего католические миссионеры и монахи. Среди ватиканских источников, свидетельствующих об этих процессах, есть и донесение скопского архиепископа Матии Масарека 1764 года. В окрестностях Джаковицы архиепископ отмечает недавно возникшие колонии албанцев, которые покинули свои горы и переселились в плодородную Метохию. Как отмечает архиепископ, эти албанские переселенцы в Сербию не выполняют заповедей Христова Евангелия, он быстро принимают ислам, вытесняют католиков и православных из их сел и занимают их земли[1].

[1] Там же. С. 6.

inslav

Похожие процессы происходили и в албанско-греческих пограничных областях. Во время Османской империи имели место миграции албанского населения и на греческие земли, в особенности в Эпир. С усилением национально-освободительного движения греков Османская империя использовала албанцев-мусульман для того, чтобы с их помощью обеспечить свое господство над возможно большей территории в Эпире и Фессалии. Великоалбанская идеология объясняла это следующим образом: «От берегов Бояны и до Янины живет единый и гомогенный народ. От Янины и до залива Амбрасия располагается территория, принадлежность которой албанцам оспаривается религиозной греческой и другими пропагандами. Албанцы на этой территории господствуют, если не своим числом, то благодаря своей силе и способности к сопротивлению»[1].

Еще одним свидетельством того, что Косово и Метохия, о которых албанские авторы говорят как об албанских землях, были в Средние века областями, населенными сербами, является то, что именно здесь были сооружены самые известные и знаменитые памятники сербской архитектуры и сербской духовности. Только в Косово и Метохии было построено около 1400 монастырей, церквей и других сербских архитектурных памятников. Самые знаменитые среди них — Патриаршая церковь в Печи, монастыри Баньска, Грачаница, Дечани, Св. Архангела в Призрене, Богородицы Ливийской в Призрене...

Самые значительные изменения в этнической структуре населения этой части Старой Сербии произошли в период с середины XVIII века до середины XIX века и в период от Берлинского конгресса 1878 г. до освобождения этих областей от османской власти в 1912 г. Косово и Метохия сегодня являются примером такого этнического столкновения, при этом радикальный исламизм албанского сепаратистского движения весьма умело маскируется европейской фразеологией и европейскими символами.

Многочисленные свидетельства иностранных авторов сообщают различную информацию об этнических, политических и конфессиональных обстоятельствах в этих областях. В качестве примера можно привести сообщаемые Иосифом Милером данные, относящиеся к 1838 году, о конфессиональной и языковой структуре населения в Метохии — в Печи, Призрене и Джаковице; в Печи сербы (православные и мусульмане) составляли большинство (92,09%), а албанцы (католики и мусульмане) составляли 4,17%. В Призрене сербы, мусульмане и христиане, составляли 73,68% от всего населения, которое насчитывало 24 950 чел. Албанцев (мусульман и католиков) насчитывалось 16,63%. И только в Джаковице албанцы составляли большинство населения — 80,76% (албанцы католики и мусульмане), в то время как сербы (православные и мусульмане) составляли 18,06%[2].

Местом заседания Албанской Лиги 1878 г. был выбран Призрен, город в Старой Сербии, на периферии албанского этнического простран-

[1] Велика Албанија: замисли и могуче последице. Београд, 1998. С. 12.
[2] Косово и Метохија. С. 9.

inslav

ства. Это, без сомнения, является свидетельством максималистских албанских целей Лиги. Именно здесь нужно было создать мощную преграду на пути дальнейшего усиления сербского национально-освободительного движения. Поэтому не случайно, что заседание Лиги не было проведено на территории Албании, например в Драче, Валоне, Тиране или какомлибо другом месте. Области вокруг Албании, такие как Косово, Метохия, современная западная славянская Македония и северный Эпир, куда переселись значительные массы албанского населения в основном в XVIII и в течение XIX века, после Великого восточного кризиса 1875–1878 гг. стали называть «албанскими землями». И Албанская Лига, основанная перед открытием Берлинского конгресса, считала своей задачей не допустить освобождение «албанских земель» соседними народами. Документы Албанской Лиги проливают свет на сущность этого движения. Заседания Лиги проходили в призренской мечети, специфической особенностью ее Статута (Карарнаме) был ислам. Во всех 16 статьях Статута нигде специально не упоминаются албанцы и Албания, напротив, здесь говорится только в общей форме о «нации и отечестве», о «стране», о «нашем крае», «балканской стране» «на Балканах» и тому подобное. Политическим субъектом Союза (Лиги) выступают мусульмане; в статье 7 говорится о необходимости заключения Союза с «нашими мучениками-земляками и представителями исламской религии на Балканах», в заключительной 16 статье выход из Союза квалифицируется как отпадение от ислама.

Программы так называемой Печской Лиги 1899 года и так называемой Второй Призренской Лиги 1943 года основывались на очень близких к уже описанным идейных принципах. Само собой разумеется, что цели этих программ после вытеснения турок из Европы в 1912 году и создания независимого албанского государства претерпели определенные незначительные изменения, вызванные необходимостью приспособления их к новым политическим реалиям и новым государствам, поддерживающим это движение. Характерной чертой идейной программы Великой Албании является требование создания полностью этнически чистого албанского государства и отрицание любой концепции многонационального государства. В соответствии с такой программой после Берлинского конгресса начались организованные этнические чистки неалбанского населения в тех областях, которые были провозглашены «албанскими землями». Только из Старой Сербии (тогдашнего Косовского вилайета) в период с 1876 по 1912 год были вынуждены выселиться около 150 000 православных сербов. Очень похожие идеи мы находим и у Измаила Кемал Бега Влоры, председателя первого албанского временного правительства. Как председатель правительства он требовал от великих держав очистить «албанские территории» от славян и греков. В другом месте он хвалил албанцев за то, что они своими ружьями и насилием изгнали «христианских славян»[1].

[1] Велика Албанија... С. 38

inslav

После первой Балканской войны 1912 года, в которой албанцы выступали на стороне Турции, конференция послов в Париже приняла решение о признании Албании независимым и суверенным государством (до этого в 1920 году Албания была принята в Лигу Наций). Хотя конференция послов в Париже в принципе утвердила границы, которые в основном совпадали с решениями Лондонской конференции, окончательное разграничение между Королевством сербов, хорватов и словенцев и Албанией было установлено протоколом о разграничению Международной комиссии в Фиренции 26 июля 1926 года.

Албанское государство включало в себя большую часть албанских этнических территорий. Естественно, что на Балканах, где в особенности в период османского господства имели место крупные миграции и смешение различных народов, языков и религий, не было возможности провести четкие и чистые в этническом плане границы. Определенное количество албанцев, как уже упоминалось, в XVIII и XIX веках расселилось в Косово и Метохии, остались в границах Королевства Сербии, но в то же время несколько десятков тысяч сербов, православных и мусульман, остались во вновь созданном албанском государстве. Согласно решению великих сил большое количество греков также остались на территории албанского государства. Области, права на которые предъявляла великоалбанская пропаганда, никогда не входили в состав албанского государства. Однако некоторые албанские политические лидеры, потерявшие свои привилегии после распада Османской империи, не желали мириться с границами новых государств на Балканах. Они сразу же развернули подрывную деятельность, целью которой был распад этих государств, прежде всего Сербии и Греции. Эта подрывная деятельность, получившая свое наибольшее развитие накануне Второй мировой войны, имела непосредственную поддержку фашистских государств, прежде всего фашистской Италии.

Правительство Королевской Югославии стремилось способствовать возвращению сербов в Косово и Метохию. Значительное количество сербских семей вернулось, было немало и новых переселенцев. Сербские власти вели борьбу с радикально настроенными элементами среди косовских албанцев.

Албанская ирредентистская деятельность в межвоенный период пользовалась значительной поддержкой со стороны фашистских государств, заинтересованных в уничтожении только что созданного югославского государства (Королевской Югославии), которое они называли продуктом «версальской системы». На первом месте здесь была фашистская Италия. Однако помимо Италии Третий коммунистический интернационал (Коминтерн), штаб-квартира которого находилась в Москве, тоже придерживался похожих взглядов. «Косовский комитет», члены которого находились на великоалбанских позициях, в начале 1920 года установил связи с Коминтерном; в декабре 1921 г. один из лидеров этой организации Барам

inslav

Цури нанес визит советскому представителю в Вене и вел с ним переговоры по проблеме Косова и Метохии, он также передал советскому дипломату меморандум с изложением программы Комитета.

Фашистская Италия оказывала непосредственную поддержку акциям албанских террористов в Югославии после Первой мировой войны. Руководители этого албанского движения Хассан Приштина и Мустафа Кроя получали помощь от итальянского правительства вначале в размере 50 000 лир в месяц, позже около 200 000 лир в месяц, а с сентября 1927 года — значительно более значительную сумму. Итальянское правительство осуществляло координацию деятельности хорватских и болгарских фашистов во главе с Анте Павеличем и Иваном-Ванцом Михайловым, а также координировало и действия Насана Приштины и других лидеров сепаратистского великоалбанского движения югославских албанцев.

С 1939 года подрывная деятельность фашистской Италии, направленная против Черногории и Югославии, становится еще более активной и организованной. Как известно, 7 апреля 1939 года Италия оккупировала и аннексировала Албанию. Граф Чано уже в июле 1939 года дал инструкции албанским эмигрантам по проведению акций в Эпире, в Косово и в Метохии, он часто повторял, что косовско-албанский ирредентизм — это «нож, приставленный к сердцу Югославии!». В том же году в Риме было открыто специальное бюро для организации албанского ирредентистского движения. Италия оказывает всестороннюю помощь и поддержку новым руководителям великоалбанского «Косовского комитета» — Бедри Пеяния и Ибрахиму Джакову. В Албании создается албанская фашистская партия; во время своего визита в Тирану граф Чиано обещает быстрое претворение в жизнь проекта Великая Албания. В начале 1940 года секретарь албанской фашистской партии Коль Биба заявил в Скадаре, что в скором времени Италия аннексирует югославские и греческие территории, которые населяют албанцы. В Тиране в том же году был сформирован новый «Косовский комитет» во главе с Черим-бегом Махмудбеговичем из Печи.

Вскоре после начала Второй мировой войны нападением фашистских сил на Югославию, во главе которых стояли Германия и Италия, было начато претворение в жизнь проекта «Великая Албания». Большая часть территории Косова (кроме Подуевского, Вучитырновского и Кососвскомитровского срезов) и сел Метохии была присоединена к фашистской Великой Албании. Часть территории Гнилян, Урошевского среза к северу от Пасьяна; Качаник, Витина и Сериничка жупа были присоединены к только что созданной Великой Болгарии. Области западной Македонии, в том числе Тетово, Гостивар, Кичево, Дебар, Струга и Св. Наум, также вошли в Великую Албанию. В апреле 1941 года в Вене было подписано соглашение, которым определялась демаркационная линия между Великой Албанией и Болгарией, однако болгары не были удовлетворены этим разграничением.

inslav

Мустафа Кроя, председатель марионеточного правительства Албании, 30 мая 1941 года прочитал лекцию о естественных исторических корнях Великой Албании в Королевской итальянской академии. В июне 1942 года он посетил Косово и Метохию и на встрече с албанскими лидерами открыто говорил, что «необходимо добиваться того, чтобы сербский этнический элемент на Косово был как можно скорее заменен. Всех сербов, издавна живущих здесь, надо квалифицировать как колонистов и в этом качестве при помощи албанских и итальянских властей отправлять их в концентрационные лагеря в Албании. Сербских переселенцев нужно убивать». Таким образом, еще раз было продемонстрировано, что в рамках великоалбанской национальной программы нет места ни для каких других народов, кроме албанцев.

За четыре года существования оккупационного режима было сделано очень много для претворения в жизнь великоалбанского проекта на Косово и Метохии. Местные албанцы, пользуясь содействием своих соотечественников из Албании и действуя под защитой оккупационных сил, совершили массовые преступления по отношению к сербам. Согласно данным американских специальных служб (Office of Strategic Service), албанцы с апреля 1941 года до августа 1942 года уничтожили около 10 000 сербов[1].

Священники сербской православной церкви подвергались арестам и становились жертвами убийц. Епископ рашко-призренский Серафим был арестован и интернирован в Тирану, где он и скончался 13 января 1945 года. На оккупированных итальянцами территориях, находившихся под контролем итальянских властей, албанцы убили 14 священников и одну монахиню. В том числе зверским образом был убит старейшина монастыря Девич Дамаскин Бошкович; священники Лука Попович, Урош Попович и Слободан Попович были убиты во время отправления Святой литургии.

После оккупации Италией этих территорий начались не только этнические чистки в рассматриваемых районах, но также систематически стали реализовываться великоалбанские политическая и культурная программы во всех сферах жизни. Незначительное число сербских детей, которые посещали школы на территориях, оккупированных Италией, были вынуждены учиться на албанском языке. Та же картина имела место и по отношению к детям в западной Македонии. Было проведено массовое насильственное выселение сербов с территорий Косова и Метохии, а сюда из Албании переселилось несколько десятков тысяч албанцев из Албании (по мнению некоторых историков, количество этих албанских переселенцев достигало 100000 человек). До апреля 1942 года на южных границах Сербии под немецкой оккупацией находилось около 60000 беженцев из Метохии и тех частей Косова, которые вошли в состав Великой Албании. Эти события значительно изменили этническую структуру населения этой части Сербии и Югославии и в сущности явились одним из важней-

[1] Велика Албанија... С. 46.

inslav

ших условий для успешного продолжения реализации великоалбанской программы после окончания Второй мировой войны уже при коммунистическом режиме. Подобная политическая деятельность коммунистических олигархов из среды албанцев из Косова и Метохии (Ходжа, Нимани, Дева, Бакали, Власи) пользовалась полной поддержкой и одобрением со стороны государственного и партийного руководства титовской Югославии.

Немцы после капитуляции фашистской Италии способствовали созданию в 1943 г. так называемой «Второй призренской лиги» в Призрене. Лига была создана под руководством немецкой военной разведки — Абвера, ее возглавляли Джафер Дева, Бедри Пеяни, Исмет Криезиу и др. Террор над сербским населением продолжался до марта 1944 г., после чего начал постепенно ослабевать.

В межвоенный период коммунистическое движение, возглавляемое Коминтерном, в своих планах уделяло много внимания деятельности албанских ирредентистов. В 1928 году албанскими иммигрантами в СССР была основана Коммунистическая группа Албании. Как и в других районах Югославии, где после 1928 году начало устанавливаться сотрудничество между коммунистами и различными фашистскими группировками, которых коммунисты называли «национально-революционными группами», и на Косово югославские коммунисты рассчитывали на сотрудничество с крайними албанскими националистами. В частности, в резолюции, принятой на четвертом съезде Коммунистической партии Югославии, который проходил в Дрездене в 1928 г., указывалось, что партия выражает солидарность революционных рабочих и крестьян с «албанским национально-революционным движением в лице Косовского комитета и призывает рабочий класс оказывать всестороннюю поддержку борьбе разделенного на части, угнетенного народа за создание независимой и объединенной Албании»[1].

Несколько позже, в середине 1937 года, Коммунистическая партия Югославии основывает Областной партийный комитет Косова и Метохии, который явился основой для создания в будущем автономии этой области в коммунистической Югославии. Практически все административно-территориальное деление титовской Югославии полностью повторяло предвоенную организационно-территориальную структуру Коммунистической партии.

Целый ряд решений югославских коммунистов во главе с Тито доказывает, что руководство Коммунистической партии Югославии последовательно проводило в жизнь свою стратегию ослабления сербского фактора в будущей Югославии, в свою очередь албанский фактор являлся одним из средств осуществления данной стратегии. На это обращали внимание и иностранные наблюдатели во время Второй мировой войны. Член

[1] Косово и Метохија. С. 15.

inslav

британской военной миссии на юге Сербии, майор Джон Хеникер Майдзор, бывший в то время главой локальной миссии союзников при партизанском штабе Сербии, в конце 1944 года отметил: «Я верю в заявление Тито, что будущее Косова его не интересует. Он бы отдал эту область Албании в том случае, если она выскажет такое пожелание»[1]. Только если иметь в виду наличие подобной глобальной национальной стратегии Коммунистической партии Югославии, становится ясно, почему коммунистическое руководство новой Югославии не предприняло никаких мер по исправлению последствий насильственного изменения этнической структуры населения этой части Сербии, имевшего место в период фашистской оккупации.

Было бы естественно ожидать, что изгнанные сербы будут возвращены в Косово и Метохию и снова получат свои земельные владения после окончания Второй мировой войны, и таким образом будут исправлены последствия фашистской агрессии против югославского государства. Однако вместо этого новая коммунистическая власть во главе с Тито приняла 6 марта 1945 года решение о «Временном запрете возвращения колонистов в прежние места их проживания» (хотя в данном случае речь шла не только о переселенцах, но и о сербах, которые жили здесь издавна). В этом документе, в частности, отмечалось следующее: «В последнее время отмечаются факты возвращения и переселения семей колонистов (переселенцев), которые ранее были расселены в Македонии, Косово и Метохии, Сремеи Воеводине, на прежние места их проживания без разрешения народных властей». Поэтому было принято решение о том, что «временно запрещается возвращение колонистов в места их прежнего проживания и пусть все остаются на своих местах». Вскоре после освобождения от оккупантов, 3 августа 1945 года, был принят «Закон о пересмотре выделения земельных наделов колонистам и сельскохозяйственным заинтересованным лицам в Македонии и в Косовско-Метохийской области». 2 ноября 1945 года был принят еще один «Закон о пересмотре выделения земельных наделов колонистам и сельскохозяйственным заинтересованным лицам в Народной Республике Македонии и Автономной Косовско-Метохийской области».

Таким образом, изменения в этническом составе Косова и Метохии, произошедшие во время оккупации этих районов фашистской Италией и фашистской Германией во время Второй мировой войны и санкционированные руководителями югославских коммунистов, значительно усилили позиции албанцев в этих районах. Все то, что произошло затем в титовской Югославии, означало на деле только усиление великоалбанской политической идеологии, которая в новых политических условиях была умело замаскирована коммунистическими лозунгами «братства-единства» и ложным по сути интернационализмом.

[1] Косово и Метохия. С. 15.

inslav

Югославские коммунисты остались последовательными сторонниками стратегии Коммунистического интернационала в плане оказания содействия крайне националистическим политическим течениям «малых народов». На практике албанская политическая олигархия использовала все доступные средства государственной власти (полицию, просвещение, суды, учреждения культуры), которые в этой части Сербии находились полностью в руках албанцев, для проведения политики вытеснения сербов из Косово и Метохии и подготовки почвы для их включения в будущую Великую Албанию. Албанское национальное меньшинство в Сербии имело свою Академию наук Косова в Приштине (по всей вероятности, это уникальный случай в мировой практике, когда национальное меньшинство имеет свою академию наук), Университет с преподаванием на албанском языке, радио и телевизионные передачи на албанском языке, а также весьма многочисленные другие учреждения. Со стороны албанской олигархии имели место злоупотребления предоставленными албанцам весьма широкими автономными правами, которые превосходили все европейские стандарты автономии для национальных меньшинств. В 70-х годах в Косово выпускалось 10 газет на албанском языке, несколько научных журналов. Имевшуюся в их распоряжении полноту власти они использовали для индоктринации албанского населения и прежде всего молодежи в духе великоалбанской национальной идеологии.

Своего максимального развития албанская шовинистическая пропаганда достигла в период 1975–1980 гг. после принятия Конституции Югославии 1974 года, которая предоставила автономным областям в Сербии атрибуты государственности и федеральной конституционности. Границы между Югославией и Албанией на деле практически не существовало. В период золотого века сталинизма в Тиране, когда тогдашний албанский режим выступал инспиратором идеологии ненависти по отношению к сербам, практически каждый день в Косово и Метохию приезжали делегации из столицы Албании. Практическое отсутствие демократических начал и каких бы то ни было демократических свобод в Албании компенсировалось тенденциозными исследованиями и трудами. С 1975 по 1980 год (согласно до сих пор еще не совсем полным данным) 237 профессоров и преподавателей из Албании читали лекции и вели занятия в Университете Приштины и других учебных заведениях в Косово и Метохии (среди них был и нынешний президент Албании Мейдани); 62 профессора и преподавателя из этой автономной области в составе Сербии побывали в этот период в Албании; 183 исследователя из университета в Приштине проходили научную стажировку в Албании, а 62 ученых из Албании — в Приштине. Больше 20% всех учебников, которые использовались в школах Косово и Метохии, прежде всего в области гуманитарных наук, были ввезены из Албании[1].

[1] Велика Албанија... С. 49.

inslav

В начале 1982 г. на IX съезде Союза коммунистов Сербии отмечалось, что постоянно прогрессирует тревожная тенденция выселения из Косово сербов и черногорцев, албанские националисты выдвинули лозунг создания «этнически чистого» Косова[1].

В конце 80-х гг. Милошевич, пришедший к власти под лозунгом возврата Косова Сербии, приступил к выполнению своей программы. Вопреки распространенному мнению он не ликвидировал вообще автономию Косова и Метохии. На самом деле автономные права этой области были ограничены по отношению к тем, которые она получила по конституции 1974 г. В 1988 г. скупщина Сербии приняла поправки к республиканской конституции, существенно ограничивающие полномочия краевых органов власти. Этим актом Воеводина и Косово лишались части законодательных и судебных функций. Однако албанская элита Косова и Метохии при поддержке значительной части населения не согласилась с таким вариантом автономии и объявила бойкот сербским властям в Косово и всем органам местного самоуправления и администрации, которые были созданы в соответствии с новыми законами республики Сербии. Имели место массовые акции протеста косовских албанцев.

Ответом на сепаратистские выступления и акции протеста в связи с ограничением автономии явились массовые демонстрации сербов (в некоторых митингах в Белграде в 1988 г. участвовало около 1 млн. человек). В 1989 г. были смещены со своих постов, а затем арестованы руководители Косово, введен комендантский час.

Албанцы создали свое подпольное правительство и даже проводили свои подпольные выборы в свой тоже нелегальный парламент. Албанское население бойкотировало даже школы, которые работали под руководством новых органов власти, созданных сербскими властями в Косово. В январе 1990 г. массовые демонстрации вновь охватили Косово. При разгоне демонстрантов были убитые и раненые. Сербская общественность также не оставалась равнодушной. Студенты Белградского университета вышли на демонстрацию перед зданием скупщины СФРЮ под лозунгом «Не отдадим Косово!».

Сербские власти ввели на территорию автономной области значительные силы полиции и войск. Сербская полиция неоднократно подвергала арестам и разгоняла нелегальные заседания албанского парламента в Косово во главе с Руговой. Албанское население бойкотировало и все выборные кампании по избранию сербской скупщины, скупщины Югославии, президента Сербии и Югославии. Бесспорно, имели место и различные нарушения со стороны сербской полиции.

Надо отметить, что все попытки Милошевича переселить в Косово сербских беженцев из Хорватии и Боснии и Герцеговины успехом не увенчались. Эти люди, уже хлебнувшие столько лиха, не хотели ехать в Косо-

[1] Косово и Метохија. С. 17.

inslav

во. Милошевичу не удалось достигнуть и реальной договоренности с умеренными албанскими лидерами на Косово. Это объяснялось прежде всего тем, что практически все лидеры косовских албанцев требовали предоставления Косову статуса республики в рамках новой Югославии, а на это Милошевич пойти не захотел.

Несмотря на значительную напряженность в отношениях между сербскими властями и албанским населением до 1998 г. не было значительных всплесков насилия в этом районе. Резкое обострение началось с весны 1998 г., когда Освободительная армия Косова начала свою террористическую деятельность в этой области.

Надо сказать, что политическая программа лидеров ОАК мало чем отличается от проанализированных выше великоалбанских программ. Они также считают конечной целью своей борьбы создание Великой Албании с включением в нее Косова и Метохии, западной Македонии и южной части Черногории. Великодержавный проект «Великая Албания» с его центральной идеей «все албанцы должны жить в одном государстве» представляет собой не только поздний и последний пример национального романтизма XIX века, он ставит под вопрос международно признанные границы, угрожает стабильности во всей юго-восточной Европе и может вызвать новую балканскую войну. Еще большим анахронизмом является попытка создания любой ценой этнически чистой Великой Албании.

Кульминацией современного Косовского кризиса стала вооруженная агрессия сил НАТО против СР Югославии. Весь мир стал свидетелем 78 дней интенсивных бомбардировок, более 3000 боевых вылетов. В результате был нанесен большой ущерб народному хозяйству Югославии, были жертвы среди гражданского населения. В итоге с точки зрения развития межнационального конфликта НАТО (внешний фактор) открыто встал на сторону албанцев-экстремистов, а не заняли разумную позицию оказания давления на обе конфликтующие стороны, чтобы заставить их прийти к соглашению за столом переговоров и прекратить вооруженные действия, то есть добиться снижения уровня данного конфликта и перевода его от жесткой конфронтации в более цивилизованное русло.

Ценой огромных разрушений и новых жертв среди гражданского населения СР Югославии НАТО заставило сербские войска и полицейские силы покинуть Косово. Вооруженное противостояние прекратилось, албанские беженцы вернулись. Но теперь бежали сербы (от 250 до 350 тыс. человек по разным оценкам), а горстка оставшихся подвергается террору со стороны албанцев.

В планы албанских экстремистов входит создание Великой Албании — то есть собственно нынешняя Албания, все Косово, часть Македонии, южная часть Черногории, это уже было реализовано во время Второй мировой войны. Новый очаг напряженности на Балканах не исчез. Вместо идиллии полиэтнического Косова, где будут мирно жить все национальные группы под мудрой опекой НАТО и Европы, получился исход сербов из Косово. Если в ходе вооруженных конфликтов в Косово в 1998–1999 гг. между силами ОАК и сербской армией и полицией большое коли-

inslav

чество албанцев вынуждены были покинуть Косово, то теперь ушли сербы. В пропагандистских целях западные государства во много раз преувеличили количество жертв среди албанского населения в Косово. Международная комиссия их, однако, не обнаружила сотни тысяч трупов гражданского албанского населения. Сербы не могут отказаться от Косова. Значит, в следующем веке возможен новый виток косовского кризиса.

В конце сентября — начале октября 2000 года Югославия снова стала ареной очередного политического кризиса. В результате выступлений оппозиции президент Милошевич вынужден был признать свое поражение на досрочных выборах президента СР Югославии. Новым президентом СР Югославии стал Воислав Коштуница. Уход Милошевича не мог не повлиять на ситуацию вокруг Косова.

Возможен ли теперь компромисс с косовскими албанцами в рамках Югославии (например, с более умеренной частью албанских политиков, часть албанского населения все-таки приняла участие в выборах нового югославского президента, несмотря на объявленный радикальными албанскими партиями бойкот этих выборов)? Коштуница занимает в этом вопросе четкую позицию сохранения территориальной целостности Югославии.

Вновь обострилась обстановка в Косово накануне выборов в местные органы управления, участились нападения на сербских жителей Косова и их дома. Выборы в местные органы управления состоялись 28 октября 2000 г. За ходом выборов наблюдало около 1000 иностранных наблюдателей, выборы прошли без эксцессов. Жители Косово избирали депутатов 30 общин. Всего в выборах приняли участие 19 партий и 2 коалиции, а также некоторое количество независимых кандидатов. Главными соперниками на выборах выступали Демократический союз во главе с известным албанским политиком Ибрагимом Руговой и Демократическая партия во главе с Хашимом Тачи. Ругова придерживается умеренных взглядов и выступает за мирные методы решения острых вопросов. Однако своей целью эта коалиция открыто ставит достижение независимости Косова. Как заявляет сам Ругова: «мы выступаем за достижение независимости уповая на бога и на поддержку друзей».

Возглавляющий Демократическую партию Косова в прошлом один из лидеров Освободительный армии Косова Хашим Тачи объединяет албанских радикалов и выступает за немедленное отделение Косова от Югославии. Он заявил, что мы создадим независимое Косово и оно станет членом НАТО.

Победу на выборах одержала умеренная партия под руководством Руговы. Глава миссии ОБСЕ в Косово Даг Эвертс назвал это «печальным решением». По его мнению, многие сербы, находящиеся на Косово, с удовольствием бы пошли на выборы, если бы не этот бойкот. Ибрагим Ругова назвал эти выборы «значительным шагом на пути к независимости Косова». Как отметил этот политик, мы продолжим нашу борьбу за независимость Косова и интеграцию национальных меньшинств в косовское общество.

inslav

Глава миссии ООН в Косово Бернард Кушнер назвал эти выборы важным шагом к демократии. Всего в списки для голосования было внесено 900 тысяч человек. Из них 100 тысяч — представители сербского меньшинства. Сербские политики и политические партии отказались участвовать в выборах, считая их чисто албанскими. Однако западные наблюдатели не усмотрели никакой дискриминации на этих выборах. Глава МИД Германии Йошка Фишер просто выразил сожаление по поводу неучастия сербского населения в выборах. Верховный представитель Европейского Союза по внешней политике Хавьер Солана выразил свое полное удовлетворение ходом выборов.

Белград выступил против проведения этих выборов. Это еще одно доказательство того, что и новая власть в Белграде не может уступить Косово албанцам. Белград подчеркнул, что это недемократические выборы и что не созданы условия для участия в голосовании большого числе сербов, и не только сербов (представителей других национальностей), беженцев из Косова, вынужденных покинуть эту область после введения туда миротворческих сил НАТО под давлением албанцев.

В Югославии отказываются признавать итоги выборов. Представители президента Коштуницы подчеркнули, что эти выборы на деле стали лишь легализацией моноэтнического, то есть албанского общества, в крае, которое сложилось после вынужденного ухода из Косова большей части представителей неалбанского населения.

Однако эти последние выборы не решили косовской проблемы. Противостояние небольшого количества сербов на Косово и албанцев продолжается. Миротворцы НАТО не могут служить вечным разделителем между ними и гарантом мира в этой области. Большинство албанских политиков выступает за предоставление Косово независимости. В качестве легального инструмента для волеизъявление жителей Косова они планируют проведение референдума по этому вопросу. В сложившейся сейчас здесь ситуации исход подобного референдума предсказать нетрудно. Однако предоставление Косово независимости противоречит резолюции 1244 Совета безопасности ООН. Сербские политики, в том числе и новый режим в Белграде, никогда не согласятся с таким развитием событий. С другой стороны, «реинтеграция» Косова в Югославию на новых демократических началах с учетом современной ситуации в Косово представляется очень трудной задачей. Лидеры косовских албанцев постоянно повторяют, что любое сохранение зависимости Косова от Белграда будет означать шаг назад по отношению к ситуации, создавшейся после ввода миротворцев в Косово.

Сейчас на пути цивилизованного урегулирования этого конфликта снова нагромождено огромное количество насилия . А ведь албанцы и сербы веками жили вместо на этой территории и не всегда жестко конфликтовали друг с другом. Правда, теперь такое мирное урегулирование очень осложнено.

Проблему урегулирования ситуации в Косово, конечно же, надо рассматривать шире, с учетом всех обстоятельств, ставя на первое место

inslav

интересы стабильности и безопасности на Балканах. Речь должна идти о выполнении ключевых положений резолюции 1244 Совета Безопасности ООН относительно предоставления краю широкой автономии и реального самоуправления, но при условии сохранения суверенитета Югославии на этих территориях. Основой деятельности местной администрации должно стать создание в Косово атмосферы безопасности и межнациональной терпимости, которая позволила бы сотням тысяч сербских и других беженцев вернуться к своим очагам.

Экономические аспекты урегулирования косовского кризиса имеют сейчас очень важное значение. Важно поставить в повестку дня и проблему компенсации нанесенного народному хозяйству Югославии ущерба. Важную роль в решении этой задачи должны сыграть и страны Европейского Союза.

inslav

Н. Д. Смирнова
Институт всеобщей истории РАН

БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС (КОСОВО) В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ. ВЗГЛЯД В XXI ВЕК

Традиционный интерес России к Балканам органично связан с проблемами ее национальной безопасности. По мере расширения границ государства возрастало значение поисков торгово-экономического выхода в Европу и на Ближний Восток через южные ворота. К началу XX века усилилось значение политических и военно-стратегических факторов в рамках обеспечения российских интересов.

В межвоенный период балканское направление исчезло как самостоятельная часть внешней политики России. Причиной стало и вытеснение России из балканского региона, и изменение ее внешнеполитических задач. Речь шла о принятии в СССР установки на мировую революцию, для развития которой осуществлялась поддержка революционных движений вообще и на Балканах в частности. Балканы рассматривались советской дипломатией как изначально враждебный СССР регион в целом, как «санитарный кордон». Диктаторские монархические режимы, утвердившиеся в большинстве балканских государств, проводили жесткую антикоммунистическую линию как во внутренней, так и во внешней политике, как бы оправдывая это определение.

В конце 1939 — начале 1941 г. была предпринята окончившаяся неудачей попытка возродить традиции в духе политики царской России. Тогда советская дипломатия стремилась разграничить «сферы интересов» в Европе, договорившись с Германией и Италией. Относительно балкано-черноморского региона ею предусматривалось предоставление гарантий безопасности Советскому Союзу со стороны проливов. Речь шла также о строительстве базы для сухопутных и военно-морских сил СССР в районе Босфора и Дарданелл на условиях долгосрочной аренды[1].

После окончания Второй мировой войны советская дипломатия стремилась расширить и улучшить свои стратегические позиции в Восточном

[1] ДВП СССР. Т. XXIII, в 2 кн. М., 1995. Кн. 1. с. 373–374; I documenti diplomatici italiani. Nona serie: 1939–1943. V. V. Roma, 1965. P. 89.

inslav

Средиземноморье в целях обеспечения интересов национальной безопасности. Открылась реальная возможность создать по периметру границ от Балтики до Черного моря системы взаимоотношений, гарантирующей суверенитет каждой страны при условии неучастия во враждебных блоках и предусматривающей разрешение возникающих проблем политическими средствами. Однако этого не произошло, и обеспечение национально-государственных интересов СССР достигалось насаждением режимов, копирующих советскую модель. Внешняя политика была унифицирована на идеологизированной, так называемой классовой основе, что привело в конечном итоге к ослаблению, а затем и к утрате Советским Союзом позиций на Балканах, завоеванных в годы Второй мировой войны.

Разрыв с «ревизионистской» Югославией в 1948 г. спровоцировал появление на политической сцене в 1953–1954 гг. Балканского пакта между Грецией, Турцией и Югославией, который не превратился в направленный против СССР военно-политический союз только по причине внутренних разногласий среди его участников. Ликвидация единственной на тот момент средиземноморской советской военно-морской базы во Влёре (Албания) по постановлению Президиума ЦК КПСС в марте 1961 г., а затем и последовавший за этим разрыв отношений с Албанией в декабре того же года привели к подрыву военно-стратегических позиций СССР в Восточном Средиземноморье и на Балканах[1]. Из шести балканских стран только две — Болгария и Румыния — входили в советский блок, окончательно утративший возможность выступать с политической инициативой в регионе.

Постепенное размывание идеологических и иных барьеров в конце 80-х годов, ослабление блоковой конфронтации в Европе создали в период горбачевской перестройки объективные предпосылки для выработки новых принципов отношений между СССР и странами Юго-Восточной Европы. Но им не суждено было превратиться в реальность. Успешно развивавшееся в 80-е годы межбалканское сотрудничество, прерванное распадом Югославии, также потерпело неудачу. Интеграционные процессы остановились.

Крушение коммунистических режимов сопровождалось сложными и противоречивыми процессами перехода этих стран к рыночной экономике и демократии. Наметившееся в конце советской эпохи ослабление политических и экономических связей (в 1989 г. Болгария осталась единственной союзницей СССР) вылилось в фактический уход из Восточной Европы Советского Союза и России как его составной, а затем и самостоятельной единицы.

Критики политики М.С. Горбачева в отношении Восточной Европы упрекали его (и его внешнеполитическую команду во главе с Э. А. Шеварднадзе) в сдаче позиций, в добровольном уходе из традиционной сфе-

[1] *Решетников Л., Смирнова Н.* Советско-балканский конфликт. Как это было // Коммунист. 1990. № 9. С. 111.

inslav

ры интересов России. Некоторое время спустя, когда западные державы стали предпринимать коллективные усилия по урегулированию положения на Балканах, российская пропаганда выработала другую, ставшую стереотипной трактовку происшедшего: нас вытесняют из региона. Эта тенденция перекладывать ответственность за собственные просчеты в политике или за неблагоприятно складывающиеся обстоятельства на происки извне сохранялась на протяжении последнего десятилетия XX века.

Вооруженное противостояние на территории бывшей Югославии дестабилизировало обстановку на Балканах в целом. Россия, ослабленная собственными внутренними неурядицами, не смогла взять на себя роль консолидирующей силы ни в политической, ни в экономической областях. Она проиграла мирное соревнование с Западом, даже еще не начав его. Причины? Можно обозначить три наиболее важные.

Первая, самая очевидная, — общая слабость, характерная для всех стран, образовавшихся на постсоветском пространстве. Для России это состояние усугублялось осознанием потери лидерства в Восточной Европе. Можно спорить о том, какую цену пришлось заплатить за это всем членам бывшего социалистического сообщества, но объективная реальность такова, что распад его привел к ослаблению всех входивших в него стран.

Вторая — изменчивость российской внешней политики, теоретики и практики которой не смогли совместить имперские идеи царских и советских времен с новой концепцией национальных интересов.

Наконец, третья — инертность, вытекающая из отсутствия планирования политики в контексте понимания геополитических задач. Так что скорее можно говорить о непонимании этих задач. В итоге долгосрочные интересы России на Балканах не только не были сформулированы МИДом, но и не находили отклика в политической элите.

У российских политиков и дипломатов в период балканского кризиса 1989–1999 гг. вошло в привычку считать удачей откладывание вопроса на будущее, а если решение принималось, то часто оно основывалось на импровизации и на иррациональных импульсах. Достаточно вспомнить отношение к признанию откалывавшихся одну за другой республик Югославии.

Эволюция российской политики в косовском вопросе многое говорит о внешней политике России в целом. Косовский вопрос как таковой или положение в Косово (статус края и его изменения, положение с правами человека, демографические проблемы, состояние экономики) многие годы не имели никакого значения для Москвы[1]. Интерес проявился только тогда, когда невразумительная позиция российской дипломатии в период боснийского кризиса стала подвергаться справедливой критике со сторо-

[1] Подробнее см.: *Смирнова Н.* Конфликт в Косово как часть «албанского вопроса» // Косово: международные аспекты кризиса. Московский центр Карнеги, 1999.

inslav

ны оппонентов МИДа, то есть правительства и президента. Нужен был весомый аргумент в полемике с Западом, причем равновеликий популистской позиции Думы. В результате получилось то, что мы имели к концу 1999 г.: Россия осталась индифферентной к трагедии косовских албанцев и потерпела поражение в защите косовских сербов. А это, между прочим, две стороны одной медали.

В структурах, определяющих внешнюю политику России, будь то МИД или различные специализированные комитеты, укоренились стереотипы, порожденные тенденциозной (причем, современной) сербской интерпретацией косовской проблемы. Албанская точка зрения просто была неизвестна, как неизвестна она и сейчас. Незнание (и нежелание знать) того, каковы предистория косовского кризиса и положение дел в крае, привело российскую дипломатию к игнорированию проблемы и к априорной поддержке белградских акций. Но внешне это прикрывалось формулой: все, что происходит в Косово, является внутренним делом Сербии. Вместе с тем, уже накануне кризиса, т. е. в конце 80-х годов, положение в крае было чревато возможными осложнениями: самый густонаселенный район Югославии, самый бедный экономически, самый сложный в демографическом плане, Косово являлось инородным телом в федерации славянских республик. Впервые вошедшее в состав Сербии после Балканских войн 1912–1913 гг., оно создавало проблемы для центральной власти сначала ирредентистскими настроениями в среде албанской элиты, а затем (уже в социалистической Югославии) самой высокой в Европе рождаемостью, что объективно вело к формированию в Косово моноэтнического общества в перспективе.

Во время развития косовского кризиса набирал силу и утвердился в массовом сознании, в том числе и россиян, стереотип о значительном влиянии религиозного фактора на развитие событий в балканском регионе. Первоначально возникнув в годы боснийской войны как объяснение того, почему единый по происхождению и языку народ вовлечен в ожесточенное братоубийственное противостояние (дескать, все дело в разнице между конфессиями), религиозная подоснова косовского конфликта выглядела более просто, если не примитивно: албанцы-мусульмане борются против православных сербов.

Однако дело в том, что у албанцев на всем протяжении истории этого народа не было религиозных войн и религиозной нетерпимости. Как говорил албанский просветитель и общественный деятель конца XIX в. Васо Пашко Шкодрани, религией албанца является албанизм, то есть осознание принадлежности к одному народу. Албанцы исповедуют православие, католицизм, ислам (суннизм и в малой степени шиизм) и бекташизм (запрещенный в середине XIX в. официальным исламом дервишский орден). Иностранные наблюдатели, посещавшие Албанию на рубеже веков, отмечали, что люди всех вероисповеданий посещают православные монастыри, а деревенские жители могут пригласить либо мусульманского ходжу, либо католического священника, лишь бы было кому совершить обряд

inslav

погребения покойника. В одной семье и крестят, и обрезают ребенка, наконец, могут переменить веру «назло попу». В послевоенной (коммунистической) Албании все религии были запрещены, несколько поколений ее жителей ни разу не переступили порога церкви, мечети или молитвенного дома (текке). Режим Тито был веротерпимее, и в этом плане косоварам более повезло, чем их соплеменникам в Албании[1].

В современных условиях чрезвычайно хрупкого мира на Балканах важно не увлекаться умозрительными схемами и не рассуждать о некоей «мусульманской дуге» или о борьбе против «исламского фундаментализма (вариант — мусульманского терроризма) от Филиппин до Косово», а видеть опасность возникновения вполне реальных политических сил, культивирующих национал-шовинизм в обществе, и о социально-экономических условиях, в которых эти силы могут восторжествовать. Сражаясь с виртуальными ветряными мельницами, политики рискуют потерять то немногое, что оставило им прошлое. Так, например, в первом году нового века Сербия неудержимо откатывается на столетие назад и остается одна, без Черногории и Косово.

В этой связи важен анализ упущенных возможностей российской дипломатии в деле сохранения мира в Косово, ибо нестабильность в регионе наносит серьезный ущерб российским интересам.

Осуждение бомбардировок НАТО югославской территории явилось единственно возможной реакцией России на этот акт. Но все ли было предпринято российской дипломатией для того, чтобы предотвратить то, что случилось 24 марта 1999 г.? Дисбаланс в расстановке сил в Европе в связи с самоликвидацией Организации стран Варшавского договора и с распадом СССР поставил перед Россией вопрос, как надо строить отношения с НАТО. Разбирательства на российском политическом Олимпе в начале 90-х гг. зафиксировали прочную зависимость внешней политики от внутренней. Позиция российской правящей элиты, равно как и правительства РФ, формировалась под влиянием обстоятельств, во-первых, преимущественно внутреннего порядка, а во-вторых, имеющих, как правило, лишь отдаленное отношение к сути конфликта. Фактически она служила не для обеспечения национальных интересов страны на международной арене, а в основном для удовлетворения различными группировками российской политической элиты своих интересов внутри страны[2]. Дебаты о «расширении НАТО на Восток» и о виновности в этом российских внешнеполитических ведомств стали частью межпартийной борьбы. Россия не смогла создать новую систему безопасности вместо развалившейся, и начался процесс так называемого расширения НАТО на Восток,

[1] Подробнее об этнорелигиозных проблемах региона см.: *Иванова Ю. В.* Косовский кризис. Этнические аспекты проблемы // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. № 128. М., 1999.

[2] *Давыдов Ю.* Проблема Косово в российском внутриполитическом контексте // Косово. Международные аспекты кризиса. С. 251–253.

inslav

который на деле вылился в стремление на Запад государств Восточной Европы и ряда бывших республик Советского Союза[1].

НАТО не представляет непосредственную военную угрозу для России, но нет ничего хорошего в приближении НАТО к нашим границам. План действий 19 стран-участниц операции по «принуждению к миру» в Косове свидетельствовал о том, что НАТО пришла на Балканы всерьез и надолго. Российские политики обвиняли Запад в том, что он использовал феномен нарушения прав человека и угрозу гуманитарной катастрофы в Косово в своих целях. А почему российская дипломатия не могла поступить так же, но в благородных целях — в целях поддержания мира не военными, а политическими методами? Россия обязана была предотвратить конфликт, чтобы не допустить НАТО. Опыт боснийского урегулирования свидетельствовал о том, что постконфликтное разбирательство будет стоить России дороже, чем превентивные усилия.

К моменту подписания Дейтонских соглашений по Боснии, когда стало ясным, что следующей целью Милошевича будет Косово, у России уже имелся положительный опыт решения схожих проблем с Татарстаном и отрицательный с Чечней. Почему же российская сторона не использовала метод превентивной дипломатии, не обсудила проблему с югославскими коллегами по-дружески? Но для этого нужно было бы знать, как минимум, точку зрения руководства косовских албанцев, а такие попытки даже не предпринимались. Игнорируя по примеру Милошевича умеренное крыло косовских албанцев в лице Ибрахима Руговы, Москва косвенно способствовала усилению радикальных элементов в крае. Личные контакты Милошевича с Руговой начались только в июле 1998 г. Но и тогда российская дипломатия заняла роль пассивного наблюдателя, продолжая жаловаться на то, что ее вытесняют из региона американцы.

Эта тенденция проявилась летом 1998 г., когда с согласия контактной группы по Косово в переговоры между Белградом и Приштиной включился американский специальный посланник Кристофер Хилл. Его аппарат подготовил 8 вариантов соглашения по Косово, что интенсифицировало поиски компромиссных решений. Но в российском МИДе разработки Хилла не принимались всерьез.

Тем не менее Россия сыграла позитивную роль в создании дипломатической миссии наблюдателей в Косово в июле 1998 г. и миссии ОБСЕ в октябре того же года (Verification Mission).

Несомненным успехом российской дипломатии стало предотвращение удара НАТО по Югославии во время осеннего кризиса 1998 г. Именно активная роль российских посредников сделала возможным подписание соглашения Холбрук—Милошевич и предотвращение гуманитарной катастрофы. Широкомасштабные операции югославской армии, прокладывавшей «коридор безопасности» вдоль албанской границы, были остановлены, тяжелое вооружение выведено, а около 300 тыс. перемещенных лиц из

[1] *Бовин А.* Россия и НАТО: отдаляющиеся планеты/ /Известия. 1999. 29 апреля.

inslav

числа гражданского албанского населения получили возможность вернуться в свои дома.

Переговоры в Рамбуйе в феврале 1999 г. носили сложный и противоречивый характер. Компромиссный вариант решения по Косово, подготовленный контактной группой, являлся в тех обстоятельствах наилучшим вариантом решения проблемы. Но, увы, он не прошел. Виноват был Белград, ибо сербы не подписали бы самый хороший проект с тем составом албанской делегации, которую считали нелегитимной. Российская дипломатия, понимая, что соглашение не будет работать без содействии внешней военной силы и отвергая, тем не менее, военное приложение к основному тексту, не предлагала своего решения. Бомбардировки можно было бы предотвратить, если бы российская дипломатия заняла позицию, аналогичную той, что была в октябре 1998 г. Ситуация повторялась. Сербы стали вводить армию, албанское население побежало спасаться в горы. Из Москвы Милошевичу был дан, по всей вероятности, ложный сигнал о поддержке, что укрепило его жесткую позицию и стало впоследствии основанием для упреков. Таким образом, в том, что произошло в Югославии и, в частности, в Косово, частичная вина лежит на России.

В целом, российская политика в отношении Косово развивалась сначала по линии от полного пренебрежения к существу проблемы в начале 90-х годов до неохотного вовлечения в международные усилия во второй половине десятилетия. Все последующие события свидетельствуют в пользу того, что в России не было и нет представления о том, какой должна быть ее балканская политика. Отсутствовало перспективное политическое планирование. В итоге косовская проблема перешла в следующий век с туманной перспективой ее разумного решения.

Тем не менее заключительный этап балканского кризиса — война в Косово, по всей вероятности, стала последним масштабным вооруженным конфликтом на территории бывшей Югославии — позволяет сделать некоторые заключения о перспективах обеспечения национально-государственных интересов России на Балканах, что укладывается в более широкую формулу, а именно создание системы безопасности.

Представляется несомненным, что нынешняя Россия не располагает реальными возможностями воздействия на балканские государства, какие имела царская Россия или до известной степени Советский Союз. Вступление России в цивилизованный европейский мир предполагает к тому же ее отказ от любых проявлений имперской политики, характерных для ее прошлого. Действительный внешнеполитический интерес России лежит прежде всего в утверждении стабильности на Балканах[1]. Поэтому ее миссия должна носить посреднический характер, а не грешить откровенной односторонностью (просербской ориентацией), как это было на всем протяжении балканского кризиса 1991–1999 гг. Учет интересов

[1] *Смирнова Н., Языкова А.* Балканы в российской политике XIX–XX веков// Европейский альманах. История, традиции, культура. 1977. М., 1998. С. 64–65.

inslav

каждого из партнеров в процессе политического урегулирования является непременным условием успеха России в восстановлении связей в регионе в полном объеме.

Ликвидация последствий балканского (косовского) кризиса и гибкая политика России в тесном взаимодействии с Западом позволит ей реализовать свой экономический потенциал. Участие в программах Пакта стабильности для Балкан предоставляет такие возможности. Известно, что топливно-энергетический комплекс Балкан замкнут на Россию. Технические, на первый взгляд, вопросы транспортировки казахстанской и азербайджанской нефти способствуют решению в том числе судеб реинтеграционных процессов на экономической основе на всем постсоветском пространстве от республик Средней Азии до Восточного Средиземноморья — исторической зоны безопасности России.

inslav

Г. К. Венедиктов
Институт славяноведения РАН

ЯЗЫКОВОЙ ВОПРОС У СЛАВЯН НА БАЛКАНАХ В НЕДАЛЕКОМ ПРОШЛОМ И В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

События последнего десятилетия XX века на Балканах привели к значительным переменам не только на политической карте этого региона, но и в языковой ситуации у балканских славян. Из двух государств недавнего прошлого со славянским населением — Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) и Болгарии — больше всего эти перемены коснулись Югославии и связаны они с распадом этого государства. Состоявшая из шести республик (Сербии, Хорватии, Черногории, Боснии и Герцеговины, Македонии, Словении) СФРЮ очень быстро распалась на пять самостоятельных, независимых государств — Югославию (включающую Сербию и Черногорию), Хорватию, Боснию и Герцеговину, Словению и Македонию. При этом наиболее значительные изменения в языковой ситуации произошли в бывших республиках СФРЮ, население которых говорило на сербохорватском языке.

Основное славянское население СФРЮ говорило на трех языках: сербы, черногорцы, боснийцы-мусульманы[1] и хорваты — на сербохорватском (Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина, Хорватия), македонцы — на македонском (Македония), словенцы — на словенском (Словения). Кроме них в СФРЮ были и национальные меньшинства славян — болгары, русины и другие, говорившие на родном языке — болгарском, русинском и других. Сербохорватский, македонский и словенский имели в СФРЮ равноправный статус официальных языков — каждый в своей соответствующей республике и в СФРЮ в целом. Ни один из них не имел статуса языка государственного. Литературные языки сербохорватский, македонский и словенский, как и прочие современные литературные языки дру-

[1] Мусульманы — самоназвание местных славяноязычных мусульман. В СФРЮ они составляли 8,9% всего населения государства (2,0 млн из 23,7 млн). Большая часть мусульманов проживала в Боснии и Герцеговине, где они составляли 39,5% населения этой республики. Встречающееся в литературе обозначение славяноязычного мусульманского населения СФРЮ, а теперь Боснии и Герцеговины, этнонимом «боснийцы» не представляется правомерным. Этот этноним охватывает всех жителей Боснии — мусульман, сербов, хорватов и других.

inslav

гих народов, были полифункциональны. Конституция СФРЮ гарантировала равное право употребления этих языков во всех сферах коммуникации — в бытовом общении и общественно-политической жизни, образовании и культуре, науке и журналистике и так далее. На практике, однако, полифункциональность каждого из трех названных языков в некоторых областях общественной жизни многонациональной СФРЮ не была и едва ли могла быть в равной мере реализуемой. Так, в югославской армии в качестве единого и общеобязательного языка был принят сербохорватский. Многоязычие (и даже двуязычие) в армейских структурах единого государства в принципе недопустимо, ибо оно подрывало бы управляемость вооруженных сил.

Сербохорватский выступал и в качестве языка межнационального общения в пределах СФРЮ. Такой статус этого языка не декларировался официально, но de facto признавался и на практике реализовывался. Обучение сербохорватскому языку в школах Словении и Македонии (так же как словенского и македонского языков в школах сербохорватскоязычных республик) не было обязательным, но словенцы и македонцы овладевали им в разной степени через непосредственные деловые и прочие контакты, средства массовой информации, обучение в Белграде, Загребе, Сараево, Нови Саде и других культурных и деловых центрах на сербохорватской территории, а мужское население также и через службу в армии и иных военизированных структурах. Вследствие этого в Словении и Македонии складывалось соответственно словенско-сербохорватское и македонско-сербохорватское двуязычие, в разной мере охватывавшее отдельные слои населении этих республик. Словенско-македонское двуязычие имело, видимо, очень ограниченные рамки и социально значимым фактором в общей языковой ситуации в СФРЮ не было.

Большая функциональная нагрузка сербохорватского языка по сравнению с македонским и словенским объясняется и тем, что он является родным языком преобладающей части населения СФРЮ, и уже одно это обстоятельство придавало ему особый вес и предопределяло его бóльшую роль в языковом обеспечении отдельных сфер общественной жизни федеративного государства.

На большей функциональной нагрузке сербохорватского языка сказалось и то, что столица СФРЮ Белград и другие крупнейшие центры культурной и общественно-политической жизни — Загреб, Сараево, Нови Сад — расположены в сербохорватскоязычных республиках. Следствием этого было то, что сербохорватский был не только языком живой коммуникации большей части населения этого государства, но и языком преобладающего здесь потока общественно-политической, художественной, научной и прочей информации, направлявшейся ко всему многонациональному населению через печать, радио, телевидение, кино и другие средства.

Особый социолингвистический характер сербохорватского языка заключался в СФРЮ и в кодифицированном варьировании элементов разных уровней его структуры (фонетики, грамматики, лексики), одна сово-

inslav

купность которых определяла его восточный или сербский вариант (разновидность), другая — западный или хорватский. Реально сербохорватский литературный язык ко времени распада СФРЮ функционировал в двух указанных вариантах, чему предшествовала, начиная с середины XIX века, непростая история установления кодификаторами Белграда и Загреба единых норм данного языка на всей территории его распространения, так и не приведшего к их унификации. Как известно, в Сербии и Черногории функционировал восточный (сербский) вариант сербохорватского литературного языка, в Хорватии — западный (хорватский). В Боснии и Герцеговине — географически срединной части СФРЮ — в целом не было предпочтения какого-либо из этих вариантов и не было особого третьего варианта, а практика функционирования сербохорватского языка в этой республике показывает, что одной частью своих норм он тяготел здесь к западному, другой — к восточному варианту.

Вот как характеризует состояние сербохорватского языка в целом крупнейший сербский лингвист проф. Павле Ивич незадолго до своей кончины (он умер в 1999 г.), отвечая на вопрос «Является ли язык сербов, хорватов, черногорцев и мусульманов одним языком, как учил нас Вук Караджич?». «Этот язык, — сказал П. Ивич, — один, но он не везде полностью одинаков. В нем, как и в любом другом языке, есть диалекты, но и на уровне литературного языка у нас могут оказаться расхождения на национальной и географической основе. В Сербии литературный язык преимущественно *экавский*, а в Боснии и Герцеговине, Черногории и Хорватии *екавский*. Есть и лексикальные различия между Сербией и Хорватией. Так, например, в Сербии говорят *позориште*, в Хорватии *казалиште*. Таковы же отношения и между словами *хлеб* и *крух*, *хемија* и *кемија*, *организовати* и *организирати*, *општина* и *општина*. В таких случаях Черногория идет вместе с Сербией, а Босния и Герцеговина занимают промежуточное положение, притом что несколько больше количество совпадений с Сербией, нежели с Хорватией»[1]. Всеми признается, что различия между восточным и западным вариантами сербохорватского литературного языка минимальны, если сравнивать в этом отношении сербохорватский с другими языками. По данным одних ученых различия между восточным и западным вариантами составляют 3% всех языковых единиц[2], по данным других ученых — до 7%[3].

С распадом СФРЮ ситуация в существовавшем до того едином сербохорватском языковом пространстве значительно изменилась. Территория этого языка оказалась разделенной границами между тремя вновь возникшими независимыми государствами — Югославией (Сербия и Черногория), Хорватией, Боснией и Герцеговиной. Это — одно из важнейших язы-

[1] *Јевтић М.* Ивићеви ранији и садашњи разговори. Београд, 1998. С. 87.

[2] *Brozović D.* Standardni jezik. Zagreb, 1970. S. 36.

[3] *Янкович С.* Вариантное расслоение сербскохорватского стандартного языка и боснийско-герцеговинский стандартноязыковой тип // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 34.

inslav

ковых последствий дезинтеграции СФРЮ, которое сразу же сказалось на положении сербохорватского языка на Балканах. В рамках вновь возникших государств на базе общего для соответствующих республик языка происходит конституирование двух его вариантов в самостоятельные (отдельные) языки — сербского в современной Югославии (Сербии и Черногории; о Черногории см. также и ниже) и хорватского в Хорватии. Это происходит при очевидном стремлении с обеих сторон, особенно хорватской, к возможно большему взаимному дистанцированию этих литературных языков, во-первых, и целенаправленной поддержке стабилизации местных особенностей языка сербов и хорватов, во-вторых. Можно сказать, что потенциальные возможности для сравнительно быстрого конституирования самостоятельности сербского и хорватского литературных языков были заложены в самом факте существования кодифицированных в рамках сербохорватского литературного языка двух его вариантов — сербского и хорватского, и произошедшие в СФРЮ в конце XX века политические события привели к реализации этих возможностей.

Более неожиданным — в сравнении с сербским и хорватским — может оказаться появление нового славянского языка — боснийского, как его называют в существующей литературе, в нынешней Боснии и Герцеговине. Во всяком случае, сейчас здесь предпринимаются немалые усилия представить язык муслиманов как отдельный язык, функционирующий, согласно известным Дейтонским соглашениям, наряду с сербским и хорватским. В Сараево, столице Боснии и Герцеговине, создаются учебные пособия — грамматики, словари этого языка; некоторые из них уже опубликованы[1]. На этом языке ведется обучение в школах, где большинство учащихся дети муслиманов. Ведется и усиленная пропаганда боснийского языка за пределами Боснии и Герцеговины. В Библиотеку иностранной литературы в Москве, например, стали поступать от боснийских издателей книги из Боснии и Герцеговины с условием, чтобы библиотека вводила их в фонд как литературу на боснийском языке и выделила этот язык в каталоге как самостоятельный.

Очевидно, что никто не может отказать муслиманам в праве называть свой язык боснийским, С лингвистической точки зрения, однако, для признания их языка отдельным славянским языком, отличающимся от сербского и хорватского, пока, кажется, веских оснований нет, потому что в нем нет таких фонетических, грамматических или лексических особенностей, которыми бы он отличался от языка других народов Боснии и Герцеговины — сербов и хорватов, пользующихся соответственно сербским и хорватским литературными языками. Кроме того, под боснийский лите-

[1] См., нарпимер, изданные в 1999 г. книги Дж. Яхича: *Jahić Dž.* Bosanski jezik u 100 pitanja i 100 odgovora. Sarajevo, 1999; *Jahić Dž.* Školski rječnik bosanskog jezika. Sarajevo, 1999; *Jahić Dž.* Bošnjacki narod i njegov jezik. Sarajevo, 1999. В 2000 г. была издана грамматика боснийского языка: *Jahić Dž., Halilović S.; Palić I.* Gramatika bosanskog jezika. Zenica, 2000.

inslav

ратурный язык невозможно подвести какую-либо особую местную диалектную базу, так как в Боснии и Герцеговине распространен тот же новоштокавский диалект, который лежит в основе и сербского и хорватского литературных языков.

Трудно сказать определенно, как пойдет развитие рождаемого политическими обстоятельствами боснийского языка. Но, кажется, нельзя все же исключать того, что пока еще не всеми современными лингвистами признаваемый боснийский как однозначно отдельный славянский язык со временем может встать в один ряд с самостоятельными южнославянскими языками, как это имело место с македонским.

Конституированием сербского и хорватского и попытками придать статус самостоятельного языка боснийскому «дробление» сербохорватского языка может не ограничиться. Есть наглядные свидетельства того, что некоторые деятели Черногории объявляют язык черногорцев черногорским и предпринимают реальные шаги по его кодификации. Уже издан ряд книг и статей о грамматике, правописании и функционировании этого языка[1]. При этом утверждается, однако, что черногорский как язык особый, а не совершенно новый, выделяется на тех же основаниях, на каких выделяются сербский, хорватский и боснийский[2]. Считается, что введением термина «черногорский язык» название языка черногорцев приводится в соответствие с их самоназванием как отдельного народа. Очевидно, что дальнейшая судьба провозглашаемого черногорского языка в ближайшее время будет в немалой степени определяться внутриполитическим положением в Черногории. Если здесь одержат верх силы, стремящиеся к отделению Черногории от Сербии и объявлению Черногории независимым государством, то развитие этого языка может пойти по пути постепенного отдаления его от сербского и расширения в нем элементов местных говоров, что в перспективе может привести к реальному обособлению черногорского литературного языка.

Приходится, таким образом, констатировать, что сербохорватский как общий язык населения обширного региона в бывшей СФРЮ в настоящее время как бы уже не существует. Вследствие дезинтеграции этого государства он «распался» на ряд языков по прежним отдельным республикам, ставшим несколько лет назад независимыми государствами. Оказавшись разделенным новыми государственными границами, сербохорватский язык, однако, в целом остался неизменным на всех уровнях своей структуры в живом употреблении подавляющей части своих носителей.

Некоторые изменения произошли и происходят в структуре литературных языков, функционирующих в новых государствах в настоящее

[1] *Никчевић В.* Црногорски језик. Генеза, типологија, развој, структурне одлике, функције. Цетиње, 1993; *Nikčević V.* Pravopis crnogorskog jezika. Cetinje, 1997.

[2] *Nikčević V.* Crnogorski jezik // Языки малые и большие... In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi. (= Slavica Tartuensia, IV). Tartu, 1998. C. 116.

inslav

время. Изменился в них и сам статус этих языков: согласно действующим в них конституциям, официальными языками признаны сербский в Югославии, хорватский в Хорватии и боснийский (наряду с сербским и хорватским) в Боснии и Герцеговине.

Сербохорватский теперь некоторыми учеными характеризуется уже как язык бывший. Показательно, например, в этом отношении уже само заглавие недавно опубликованной статьи австрийского слависта Г. Невекловского «Языковое состояние на территории распространения *бывшего* сербскохорватского языка» (курсив наш. — *Г. В.*)[1]. Показательно также и то, что в некоторых статьях сербохорватский в списке современных славянских языков уже отсутствует, но в нем содержатся не только сербский и хорватский, но и боснийский[2].

Другие ученые, правда, более осторожны в оценке сложившейся социолингвистической и языковой ситуации на бывшей территории распространения сербохорватского языка и, в частности, статуса языков, провозглашаемых и описываемых национально-ангажированными деятелями новых государств. Так, А. Д. Дуличенко, авторитетный специалист в области славянских литературных микроязыков, составитель и редактор опубликованной в 1998 г. книги «Языки малые и большие...», предпосылает разделу «Языки новые...» этой книги, открывающемуся статьей В. Никчевича «Черногорский язык», следующее примечание: «Помещаемые в настоящем разделе тексты посвящены новейшим экспериментам создания литературных языков на местной диалектной основе. Печатая их, мы преследуем чисто научные цели. Таким образом, ни о какой поддержке языкового и этнического сепаратизма нет и речи»[3]. Не представляя здесь тексты В. Никчевича как образец некоей литературной обработки черногорских говоров, А. Д. Дуличенко вместе с тем, таким образом, рассматривает язык этих текстов как «новейший эксперимент создания» черногорского языка на местной диалектной основе, а не как установленный в своих нормах, кодифицированный язык.

Сложившаяся после распада СФРЮ языковая ситуация на бывшей территории распространения сербохорватского языка требует глубокого и разностороннего научного анализа. Один из трудных для осмысления вопросов — почти мгновенное (в пределах длительной истории языка) исчезновение этого языка с карты южнославянских языков. Сложности возникают и с установлением некоторых лингвонимов — наименований языков. Если «сербский язык» и «хорватский язык» как лингвонимы вряд ли у кого-либо в настоящее время могут вызвать возражения, то лингвоним

[1] Славяноведение. 2001. № 1. С. 39.

[2] См., например: *Lubaś W.* Socjolingwistyczne podłoże przemian w położeniu języków słowiańskich w czasie transformacji państwowych i ustrojowych // Z polskich studiów slawistycznych, seria IX. Językoznawstwo. Warszawa, 1998. S. 187–188.

[3] См.: Языки малые и большие... In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi. (= Slavica Tartuensia, IV). Tartu, 1998. С. 116.

inslav

«боснийский язык» («bosanski jezik»), который настойчиво внедряют и пропагандируют в своих изданиях некоторые муслиманские деятели в Боснии и который входит в употребление и в научных трудах ученых других стран, не кажется бесспорным и безупречным. Дело в том, что этот лингвоним неизбежно ассоциируется с этнонимом «боснийцы» и топонимом «Босния», между тем как лингвоним «боснийский язык» относится только к языку муслиманов, а этноним «боснийцы» охватывает также сербов, хорватов и других жителей Боснии.

Нынешняя языковая ситуация вносит существенные коррективы в славистическую подготовку кадров. В университетах разных стран произошла или происходит переориентация обучения сербохорватскому языку на обучение вновь конституируемых славянских языков. В западноевропейских и американских университетах уже появились отдельные кафедры сербского и хорватского языков. Кое-где открылись и кафедры боснийского языка. Необходимость обоснования новой системы преподавания славянских языков большей части населения бывшей СФРЮ встала и перед славистическими кафедрами российских университетов. В Московском университете, например, как пишет заведующий кафедрой славянской филологии В. П. Гудков, «главным ориентиром в организации преподавании языка сербов, черногорцев, хорватов и муслиманов (мусульман) на филологическом факультете... служат собственно лингвистические показатели и критерии, а не фактор национально-языкового сепаратизма и национальной ангажированности. Иначе говоря, применяется подход к языку, который может быть условно назван материально-субстанциальным и который предполагает представление учащимся (с целью усвоения ими) в первую очередь общего литературно-языкового корпуса»[1].

Такова в общих чертах нынешняя языковая ситуация на землях, которые еще совсем недавно занимал общий для сербов, хорватов, черногорцев и муслиманов сербохорватский язык.

Что касается Словении, то с обретением ею государственной независимости изменился статус словенского языка, который стал теперь ее государственным языком и распространил свои функции на все коммуникативные сферы словенского общества. В стране сузилось употребление сербохорватского языка, выступавшего здесь ранее в качестве языка межнационального общения. В собственно структуре словенского языка за истекшее десятилетие наблюдается сокращение лексических заимствований из сербохорватского и рост заимствований из западноевропейских языков.

Сходным образом изменилось положение македонского языка в Македонии. Македонский стал здесь официальным языком государства, выступает и в функции языка межнационального общения. Однако языковая ситуация в последние годы в Македонии сильно осложнилась в связи

[1] *Гудков В. П.* Концептуальный базис преподавания и изучения сербохорватского языка на Славянском отделении Филологического факультета Московского университета // Гудков В. П. Славистика. Сербистика. М., 1999. С. 168.

inslav

с резкими выступлениями албанских сепаратистов, принявшими весной 2001 г. характер открытого вооруженного мятежа против государственной власти страны. Как известно, в Македонии в настоящее время албанцы составляют не менее четверти всего ее населения. Албанские политические партии и их лидеры заняли по отношению к государственной власти жесткую, агрессивную позицию по многим вопросам, в том числе и языковому. Они требуют, чтобы Македония стала федеративным государством с установлением отдельных албанских институтов административного устройства. Они требуют также предоставления албанской автономии в Западной Македонии, что, естественно, может явиться реальным шагом на пути отделения этой области от Македонии и присоединения ее к Албании. В связи с этим албанские сепаратисты требуют признания за албанским языком конституционных прав, равных с правами македонского языка. В районах компактного проживания албанского населения сепаратисты открыто игнорируют македонский язык и кириллическое письмо в общественных учреждениях. Крайнему напряжению ситуации в Македонии, как известно, способствовали недавно произошедшие события в Косово. Как именно разрешится острый македонско-албанский конфликт в Македонии, сказать затруднительно. Сейчас можно, очевидно, лишь предполагать, что и при самом благоприятном его разрешении в рамках существующего государства положение албанского языка скорее всего изменится.

В Болгарии, в отличие от СФРЮ, после крушения режима Тодора Живкова никакого территориально-государственного переустройства не произошло. Не изменилась в Болгарии и языковая ситуация. Болгарский язык, естественно, сохранил статус официального языка государства. Национальные меньшинства сколько-нибудь серьезных языковых проблем здесь не создают. Не произошло и ощутимых изменений в развитии самого болгарского языка, если не считать мощного потока лексических заимствований из западноевропейских языков (особенно английского), хлынувшего в него в последние годы.

Несколько лет назад на Балканах произошло событие, которое следует рассматривать как важный шаг на пути смягчения противостояния Болгарии и Македонии по вопросу о македонском языке.

Вопрос о македонском языке и сопряженный с ним клубок других вопросов, составляющих так называемый македонский вопрос в целом, в 70–90-е годы XX века стал предметом острейшей полемики между болгарскими и македонскими учеными на международных съездах славистов, других научных форумах, в многочисленных научных трудах и публицистических статьях, в средствах массовой информации. Он был одним из источников, порождавших напряженность в межгосударственных отношениях между Болгарией и СФРЮ. Суть разногласий касается статуса македонского языка, его истории и территории распространения. Как известно, функционирующий ныне в Республике Македонии литературный язык болгарская сторона не считает отдельным, самостоятельным славянским языком и рассматривает его как региональную форму болгарского

inslav

языка, а все славянские говоры на территории этого государства, в Пиринской Македонии в Болгарии, в Эгейской Македонии в Греции относит к говорам болгарского языка. Македонская сторона язык и литературный и народный (говоры) в Республике Македонии, а также в Пиринской и Эгейской Македонии считает македонским, имеющим многовековую историю.

В 90-е годы XX века, когда Македония стала независимым государством и объявила македонский своим официальным языком, языковой вопрос стал тормозом в развитии межгосударственных отношений между Болгарией и Македонией. Дело в том, что согласно существующей практике международные соглашения составляются на языках договаривающихся сторон, что и фиксируется в конце текста таких соглашений, протоколов и других документов с указанием самих этих языков. В официальных кругах Болгарии, и не только в них, не соглашались с тем, чтобы в такого рода документах содержалось указание на македонский язык. Согласие на такую формулу означало бы, что Болгария фактически признает самостоятельность македонского языка, на что власти идти не хотели.

Толчком к разрешению вопроса о македонском языке послужило, судя по всему, намерение политического руководства Болгарии и Македонии ввести свои страны в структуры Европейского союза и НАТО. Известно, что одним из непременных условий вступления какой-либо страны в НАТО является отсутствие у нее территориальных споров или претензий к другим странам. Чтобы снять подозрения в возможных взаимных территориальных претензиях, София и Скопье в феврале 1999 г. сначала парафировали, а затем и подписали важную декларацию, предложившую компромиссное разрешение македонского языкового вопроса. Суть этого компромисса заключалась в том, что болгарская сторона согласилась с формулой об официальных языках двух стран, на которых будут заключаться межгосударственные протоколы и другие документы. Поскольку официальный язык в Македонии — македонский, то, следовательно, болгарская сторона в феврале 1999 г. фактически признала самостоятельность этого языка. Со своей стороны, Скопье согласилось не применять в отношении Болгарии статью 49 своей конституции, согласно которой Республика Македония «проявляет заботу о положении и правах представителей македонского народа в соседних странах и переселенцах из Македонии, способствует их культурному развитию и укрепляет с ними связи»[1].

Так прагматически как будто разрешился чрезвычайно тяжелый и острый вопрос о македонском языке и территории его распространения на уровне межгосударственных отношений. В общественных же кругах обеих стран, в том числе и научных, отношение к принятому их руководством политическому решению вопроса о македонском языке, насколько нам известно, было и остается неоднозначным. Приведет ли достигнутое соглашение к полному решению македонского вопроса, покажет будущее.

[1] Македония. Путь к независимости. Документы. М., 1997. С. 121–122.

inslav

П. Е. Кандель
Институт Европы РАН

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ДО И ПОСЛЕ КОСОВСКОГО КРИЗИСА

Тема «Россия и славянство» занимала умы российского общества большую часть XIX века и вплоть до I-й мировой войны. «Россия и Запад» — проблема еще более давняя. Неудивительно, что сформировались устойчивые стереотипы восприятия этих сюжетов, которые об их приверженцах говорят зачастую больше, чем об изучаемом объекте. Не менее естественно, что традиционные представления, примененные к совсем нетрадиционной действительности постсоветской России, оказываются всего лишь предрассудками, с им свойственной силой укорененности и с их же эвристическим бесплодием.

При этом объективное содержание навязчивых идей не меняется ни от их происхождения — американского, европейского или российского, ни от степени их наукообразности или эстрадности, ни от их функционального назначения — обслуживания антироссийской или антизападной политики. «Западоцентричная» по внутреннему посылу концепция «конфликта цивилизаций» С. Хантингтона пытается ограничить внешнюю активность России рамками православно-славянского ареала и оказывается зеркальным отображением «геополитических» конструкций сторонников Г. Зюганова, а З. Бжезинский, В. Новодворская и В. Жириновский, неутомимо воюющие с «Россией-империей» или ее славословящие, выглядят близнецами, по недоразумению переодевшимися в разные одежды. Если рассматривать настоящее лишь как «историю, опрокинутую в день сегодняшний», можно найти немало кажущихся логичными оснований считать склонность к «имперской политике», «православно-славянскую солидарность» или наследственную вражду к Западу непременными и органичными характеристиками российского самосознания. Все это без какой-либо «презумпции невиновности» априорно вменяется сегодняшней России не только ее западными недоброжелателями. Такой диагноз охотно принимают на веру и многие российские «западники». Те же самые клише, переиначенные с противоположным оценочным знаком, определяют мировоззрение отечественных «антизападников».

Между тем в социологическом зеркале вырисовывается совсем иная картина. Суждения российских граждан о Европе и США, об отношениях

inslav

России с ее западными партнерами не только не укладываются в рамки задаваемых идеологем, но нередко более рациональны, чем претендующие на концептуальность их интерпретации.

Антиюгославская операция НАТО не только стала поводом для самой серьезной размолвки России и Запада после окончания «холодной войны», но и обозначила наступление новой эпохи в мировой политике. Вторжение чеченских боевиков в Дагестан, взрывы в российских городах и вторая военная кампания в Чечне (прямом российском аналоге югославского Косово, если отрешиться от принципиально разного международно-правового и внешнеполитического контекста) ознаменовали поворот во внутреннем развитии России. Логично поэтому рассматривать реакцию общественного мнения на эти важнейшие события как тест для проверки: насколько приписываемые ему свойства действительно соответствуют массовым настроениям? Не менее интересно, как они повлияли на общественное мнение? Чтобы правильно понять это, необходимо восприятие двух этих параллельных кризисов поставить в более широкий контекст внешнеполитических воззрений россиян и их оценок взаимоотношений России с западными державами. В подобной работе только сухие цифры могут быть решающим аргументом, что поневоле превращает ее в тематический обзор результатов социологических опросов[1]. Однако они либо остаются малоизвестными, либо столь превратно толкуются, что, собранные вместе, создают впечатление едва ли не сенсации. Это скрасит, хочется надеяться, вынужденную скуку перелистывания страниц, испещренных процентами голосов опрошенных.

Тема «Россия и Запад»[2] в сознании россиян, как и в объективной реальности, имеет несколько различающихся аспектов. Лишь разделяя их, можно корректно замерить и выявить позиции граждан. Культурно-историческое самоопределение в координатах Восток-Запад не сводимо к связанному с ним выбору оптимального типа общественного строя. Оценка фактических и желательных взаимоотношений России с западными государствами не тождественна национальным симпатиям-антипатиям. При смешении этих разных феноменов в обобщенно-нечетком, а иногда и преднамеренно провоцирующем вопросе легко получить однозначный ответ, очень удобный для столь же однозначных трактовок. Однако в действи-

[1] Обилие цифр потребовало ограничить чрезмерное количество сносок. Основной массив приводимых данных составляют результаты опросов, проводившихся в 1998–2000 гг. Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) и Всероссийским Центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Они имеются в Интернете на страницах ФОМ (http://www.fom.ru) и ВЦИОМ (http://www.wciom.ru). При отсутствии сноски следует обратиться к данным указанного опроса на соответствующей странице Интернета.

[2] В данной работе Запад и Европа рассматриваются как синонимы, кроме тех случаев, когда исследования конкретно выделяют США и западноевропейские государства. Это соответствует бытующему в массовом сознании обобщенному стереотипу «Запада», подразделяющемуся на два подвида: «Европа» и «Америка».

inslav

тельности он будет характеризовать взгляды не столько опрашиваемых, сколько вопрошающих.

Скажем, в одном из исследований Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП) (октябрь 1998 г.) ориентации населения проверялись, в частности, и через ответы на альтернативные пары суждений, каждое из которых нельзя считать вполне корректным, ибо заключает в себе два по существу разных подвопроса. При таком навязанном выборе лишь 28,3% предпочли ответ «Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны, к которым она тяготеет духовно и экономически». 71,3% определились в пользу иного мнения: «Россия — особая страна, западный образ жизни ей чужд»[1]. В более раннем исследовании (июнь-июль 1998 г.) того же института, по-видимому, аналогичным способом было установлено, что «идею превращения России в обычную цивилизованную страну» разделяют лишь 15% россиян[2].

Подобные результаты при желании легко трактовать как свидетельство антизападной предрасположенности, хотя не меньше оснований рассматривать их как простую и вполне здравую констатацию того, что Россия и Запад — миры сильно отличные, переживающие разные исторические эпохи и решающие принципиально различные задачи.

Малая продуктивность таких вопросов-ловушек доказывается иными результатами тех же самых исследований, когда ставившиеся вопросы точнее фокусировались на реальных проблемах, а не на искусственных и идеологизированных оппозициях, и подразумевали большее доверие к разуму опрашиваемых. Выясняется, что россияне довольно самокритично оценивают свою страну как среднеразвитую (36,7%) и слаборазвитую (52,3%). Вполне логично поэтому, что в координатах Запад (США, Франция, Германия) — Восток (Китай, Япония, Индия) при оценках по 11 бальной шкале российская экономика больше напоминает «восточные» (51,3%), чем «западные» страны (22,8%), при 25,9% ответов в точке равноудаленности. Однако соотечественники вполне сознают европейский характер своей культуры (59,8% ответов в «западной» части шкалы, 23,6% — в центре, 16,8% в «восточной»). По параметру *национальный характер* та же тенденция выглядит более сглаженной и отражает акцентирование собственного своеобычия (39,1% в ответов в центральной графе, 44,3% — в «западной» части при наиболее высоких значениях по мере приближения к середине, 16,8% — в «восточной»). Полученные данные можно описать в идеологических терминах, что и сделали авторы, как свидетельство «европейско-евразийского» характера страны в восприятии ее граждан[3]. Правомернее вывод о достаточно трезвой и близкой к реальности неидеологизированной самооценке. Однако в любом случае нет оснований говорить о каком-то «антизападничестве».

[1] Население России в условиях кризиса: умонастроения, оценки, прогнозы // Осенний кризис 1998 г.: Российское общество до и после. М., 1998. С. 231.

[2] Граждане России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? // Там же. С. 73.

[3] Там же. С. 74–75.

inslav

Прямой опрос фонда «Общественное мнение» (23–24 января 1999 г.) о самоидентификации россиян подтвердил явное доминирование европейской над азиатской, при характерно высокой доле не готовых к однозначному выбору. С суждением, что Россия по своим традициям, культуре, истории ближе к Европе, согласились 45%, к Азии — 16%, затруднились ответить — 38%.

Иное дело — мнения граждан России о типе желаемого общественного строя, который также имеет свою цивилизационно-культурную привязку. Поэтому сделанный выбор значим для темы Россия—Запад. Не стоит только забывать очевидное: маркировка этого идеально-типического образа по его цивилизационной принадлежности является лишь косвенной. Прямые ответы на упрощенные вопросы и в этом случае не способны адекватно представить всей сложности спектра мнений. Так, например, опросы ВЦИОМ (апрель 1997 г., февраль 1998 г., март 1999 г., сентябрь 1999 г.) о том, «какого типа государством вы хотели бы видеть Россию в будущем?» дали следующую картину: «государством, подобным развитым странам Запада» — 47%, 43%, 48%, 39%; «социалистическим государством типа СССР» — 21%, 22%, 20%, 25%; «государством с совершенно особым устройством и особым путем развития» — 18%, 16%, 21%, 25%; «империей, монархией, подобной той, которая была в России в 1905–1917 гг.» — 5% ,4%, 4%, 3%; затруднились ответить — 8%, 12%, 7%, 9%[1]. Предпочтения «западного» будущего явно выражены, но налицо и стойкий раскол общества относительно путей его развития. Если рассматривать его в рамках оппозиции «западники—самобытники» или «модернисты—традиционалисты», то и те и другие имеют почти равный удельный вес.

Общественное сознание, однако, отделяет свои социальные идеалы от конкретного выбора оптимального политического устройства и экономического уклада. В данном контексте отмеченная разделительная линия оказывается размытой, а оба идеологически обозначенных сегмента общества реструктурируются по совсем иным основаниям. Так уже упоминавшееся исследование РНИСиНП (октябрь 1998 г.) показало, что граждане, высказывая отношение к желаемой форме государственно-политического устройства, в большинстве отдают предпочтение различным «западным» моделям: лишь 19,5% определилось в пользу «системы советов (как СССР)», а 1,5% желали бы иной, не названной формы. В то же время 25,4% выбрали «президентскую республику (как в США)», 14,0% — «парламентско-президентскую республику (как во Франции)», 9,7% — «парламентскую республику (как в Германии)», 3,7% — «конституционную монархию (как в Англии)». Примечательно, что только у коммунистов выбор был довольно жестко определен партийной принадлежностью (70,3% из них за «систему советов»). У сторонников «самостоятельного

[1] Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 3. С. 90; 2000. № 1. С. 42 (Далее: Мониторинг...).

inslav

русского пути» наиболее высока доля затруднившихся определиться — 26,4%, а 10,9% из них подтвердили приверженность «советам». Но даже среди них «особость» не доминирует: 57,4% близки разные «западные» республиканские модели, 5,3% симпатизируют английской конституционной монархии.

Вместе с тем своеобразие российской действительности и ее очевидные отличия от «западной» сильно дают себя знать в социально-экономической сфере. Переход к рыночной экономике считают «прогрессивным шагом» — 9,3%, а «в целом положительным явлением, содержащим и отрицательные аспекты» — 37%. «Грубой ошибкой» признали его 11,7%, а «сознательным разрушением России» — 27,3%. Государственный капитализм полагают оптимальным экономическим строем 64,4% (41,9% — за государственную экономику с элементами частной собственности, 22,5% — за рыночную экономику с элементами государственного регулирования), плановое социалистическое хозяйство — 13,7%, свободную рыночную экономику — 8,7%[1].

Любопытным уточнением дискуссий о том, насколько вестернофобия свойственна современному российскому обществу, выглядят результаты исследования, проведенного РНИСиНП. Опрашиваемым было предложено составить перечни «дружественных» и «враждебных» государств. В списке «дружественных» лидирует Белоруссия и важное место занимает Украина, но за ними поставлены США, Франция, Германия и Великобритания. Нашлось здесь место для Японии и Китая (с равным рейтингом). Одновременно США возглавляют список «враждебных» государств, где после «Чечни» значатся также Япония, прибалтийские страны, Афганистан, Китай, Германия... Однако полного отождествления государств с национальными общинами в массовом сознании нет[2].

Для выявления исторических корней симпатий и антипатий в межгосударственных отношениях показательны данные опроса ВЦИОМ (август 1999 г.). Среди стран, которые «в целом сделали для человечества в XX в. больше полезного», вслед за Россией (34,4%) были названы: Япония (33,4%), США (22,7%), Великобритания (7,3%), Германия (6,7%), Китай (5,8%), Франция (4,6%). Проверка «от противного» с вопросом «какая страна принесла больше вреда человечеству в XXв.?» дала следующие результаты: Германия (48,0%), США (28,2%), Ирак (11,2%), Россия (10,4%), Израиль (6,1%), Япония (4,7%), Великобритания (1,5%), Франция (1,1%)[3]. Не удивительно, что после двух мировых войн, германского нацизма и многолетней советско-американской конфронтации именно Германия и США собрали наибольшее число негативных исторических оценок. Примечательно, однако, что они занимают значимые места одновременно в обоих списках. И хотя исторический фон формирования се-

[1] Население России в условиях кризиса... С. 224–229.
[2] Мониторинг... 1998. № 2. С. 45–46.
[3] Там же. 1999. № 5. С. 61–62.

inslav

годняшних представлений россиян о «западных» государствах неблагоприятен, наследственность и стойкие предрассудки выражены слабо и влияют на восприятие Запада много меньше, чем события дня сегодняшнего. Они способны актуализировать негативный опыт прошлого. Однако и в этих случаях в эволюции общественного мнения поражает не столько объяснимая податливость к возвратным порывам исторической памяти, сколько высокая сопротивляемость им.

Подобная характерная черта особенно заметна на отношении российских граждан к США, которое по понятным причинам выделяется из комплекса Россия—Запад. Между тем и антиамериканской предубежденности не обнаруживается, хотя временные резкие перемены в восприятии Соединенных Штатов гражданами России явно прослеживаются. Согласно данным ВЦИОМ, в 1996 г. «скорее благоприятное» мнение о США имело 72%, «скорее неблагоприятное» — 18%. По позитивности оценки Соединенных Штатов россияне превосходили французов, мексиканцев, японцев, немцев и сербов[1]. К декабрю 1998 г. соотношение позитивных и негативных суждений мало изменилось: 67% к 23%. Но в марте 1999 г. после нападения НАТО на Югославию произошел крутой перелом — 39% к 49%, подтвержденный и в апреле — 33% к 53%. Однако уже в августе данная пропорция стала приближаться к докризисной: 50% к 33%, в сентябре — 61% к 25%[2]. При этом, несмотря на кризис, россияне в целом благожелательнее к США, чем американцы — к России. Так, по данным службы Гэллапа (март—май 1999 г.) о позитивном отношении к России заявили 46% опрошенных граждан США, о негативном — 49%[3]. Антироссийская кампания в американских СМИ принесла свои результаты, и в последующем это соотношение ухудшилось еще заметнее: 38% к 58%[4]. Уместно предположить: приписываемая российскому массовому сознанию наследственная вестернофобия не столько отражает реальность, сколько вызвана проецированием на Россию в обратном отражении русофобии, не чуждой западному общественному мнению. Объективным оправданием и объяснением западных предубежденностей по отношению к России и призваны служить вменяемые ей пороки.

Между тем анализ взглядов российских граждан на развитие взаимоотношений России с западными государствами еще более наглядно подтверждает отсутствие выраженной антизападной предвзятости, хотя и показывает естественную ситуативную реакцию на присущие им противоречия и конфликты. Так, по данным ВЦИОМ, при оценке «Что принесло России сближение со странами Запада?» в 1994 г. положительные ответы («больше пользы») явно доминировали над негативными («больше вреда»): 47% к 19%. К марту 1999 г. это соотношение заметно измени-

[1] Мониторинг... 1995. № 5. С. 6.
[2] Там же. 2000. № 1. С. 44.
[3] Пульс планеты. Америка. 1999. 21 мая. С. 11.
[4] Дипкурьер (приложение к «Независимой газете»). 2000. № 6. С. 7.

inslav

лось: 38% к 23%[1]. Аналогичные опросы ФОМ не только еще более выпукло отражают ту же тенденцию, но и показывают, когда и по каким причинам произошел перелом. В мае 1998 г. пропорция позитивных и негативных ответов составляла 47% к 31%, в июне 1999 г. — 39% к 36%. Между этими датами — кризис 17 августа, затяжной и малоуспешный торг в связи с долгами и кредитами и, наконец, война НАТО с Югославией. Однако, несмотря на все эти события, западный вектор сотрудничества остается предпочтительным. Опросы ФОМ на тему: «со странами каких регионов мира Россия должна укреплять экономические и политические отношения в первую очередь?» — принесли следующие результаты:

	Май 1998	Июнь 1999
Со всеми странами мира	28	27
Со странами Западной Европы	23	21
С США и Канадой	18	13
Со странами Азии	9	16
Со станами Восточной Европы	5	6

При сохранении довольно сильной «прозападной» установки установившаяся модель взаимодействия России и Запада россиян явно не устраивает, а политика западных держав подвергает «западнические» симпатии серьезным испытаниям. Так, по опросу ФОМ (январь 1999 г.), где выяснялась не общая оценка взаимоотношений, а именно финансовые и экономические связи России с Западом, 60% против 22% посчитали, что они приносят ей больше вреда, чем пользы. Ограничение притока западного капитала для защиты российской экономики полагали более оправданным, чем привлечение его в Россию для ее подъема, в мае 1998 г. 44% против 36%, в июне 1999 г. — 49% против 29%. В ответе на вопрос: «Следует ли России сейчас укреплять взаимовыгодные связи со странами Запада или стремиться ликвидировать зависимость от него?» (ВЦИОМ, сентябрь 1998 г., май 1999 г., август 1999 г.) выбрали первый вариант — соответственно 46%, 35%, 40%, второй — 41%, 52%, 43%. К сентябрю 1999 г. доля первых выросла до 61%, к январю 2000 г. — до 68%, сторонники дистанцирования от Запада составили соответственно 22% и 19%[2]. Подобный разброс мнений о целях российской политики на западном направлении можно оценить как слишком благожелательный для западных партнеров. Ведь с утверждением, что «главная цель Запада — превратить Россию в третьеразрядную страну, в свой сырьевой придаток», в сентябре 1994 г. было согласно 57%, в августе 1995 г. — 62%, весной 1998 г. со схожей точкой зрения — 75%[3].

[1] Мониторинг... 1999. № 3. С. 7.
[2] Там же. 2000. № 1. С. 42–45.
[3] Там же. С. 42.

inslav

Известно, что российское общество крайне негативно восприняло антиюгославскую операцию НАТО. Хотя в опросе ВЦИОМ вскоре после начала бомбардировок (27–30 марта 1999 г.) объяснительно-оправдательные мотивы, соответствующие официальной натовской версии, были заложены в саму формулировку вопроса («Вооруженные силы НАТО нанесли ракетно-бомбовые удары по Югославии для того, чтобы заставить ее допустить на территорию провинции Косово миротворческие силы НАТО, которые могли бы прекратить кровопролитные столкновения между сербами и албанцами в этом регионе. Какие чувства у вас вызвало это сообщение?»), навязчивая подсказка не сработала. Возмущение эти действия вызвали у 52%, тревогу — 26%, страх — 13%, одобрение и понимание — у 3%. Действия альянса без санкции Совета Безопасности ООН осудило 90%. Агрессивную политику США и НАТО посчитали причиной обострения косовского конфликта (ВЦИОМ, март 1999 г., апрель 1999 г.) — 48% (позднее — 56%), провокации албанских сепаратистов — 13% (11%), жестокость югославских властей 7% (9%)[1].

Между тем и при таком понимании 62% были за то, «чтобы Россия вместе со странами Запада добивалась мирного решения конфликта вокруг Косово», и лишь 18% полагали целесообразным, «чтобы Россия решительно противостояла попыткам НАТО и США навязать Югославии унизительные условия урегулирования конфликта». Если в феврале 1999 г. до нападения НАТО на Югославию соотношение между сторонниками согласованного с другими западными странами решения косовского конфликта и приверженцами собственной особой линии составило 38,7% к 30,7%, то в августе — 41,5% к 33,4%[2]. Примечательно, что в марте 1999 г. лишь 33% ожидали нового витка «холодной войны» в отношениях России и НАТО, а 41% полагал, что постепенно отношения вернутся к прежнему уровню, а в августе — 17% против 52%[3]. Суть и причины довольно противоречивой реакции россиян будут рассмотрены особо. Здесь же достаточно констатации, что даже в остроконфликтной ситуации массовое сознание не проявило наклонности к прямой конфронтации с западными державами. Напротив, отчетливое стремление сохранить сотрудничество, несмотря ни на что, свидетельствует, по крайней мере, об отсутствии антизападной одержимости и скорее предполагает обратное: довольно стойкую, хотя и не очень обоснованную надежду на взаимопонимание.

Интересное исследование, непосредственно посвященное взаимоотношениям России и Запада в представлениях россиян, было проведено в пяти российских регионах (Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Санкт-Петербурге и Самаре) в конце 1998 г.[4] К сожалению, геог-

[1] Там же. С. 43.

[2] Там же. 1999. № 2. С. 76; 1999. № 5. С. 60.

[3] Там же. 2000. № 1. С. 44; 1999. № 5. С. 60.

[4] *Дзялошинский М., Дзялошинская М.* Россия в Совете Европы: что знают и что думают об этом россияне // Право знать: история, теория, практика. Бюллетень Комиссии по свободе доступа к информации. 1999. № 25. С. 2–3, 5, 7.

inslav

рафическая избирательность, выделение трех отдельных когорт (население, сотрудники средств массовой информации и работники властных структур) и многократно завышенная доля лиц с высшим образованием (70,8% среди всех опрошенных) лишает исследование общероссийской репрезентативности. По сути, предметом изучения оказываются умонастроения специфического слоя, наиболее нацеленного на сотрудничество с Западом: преимущественно высокообразованной части населения крупных промышленных и культурных центров, имеющих достаточно развитые связи с западными странами и структурами. Но именно этим и поучительны результаты данного проекта, позволяющие сопоставить их со среднероссийскими. Заслуживает внимания и методика опроса, позволившая точнее представить спектр мнений. Так, проверка рабочей гипотезы о наличии ментальной, подсознательной установки, определяющей отношение к Западу, как к культурной и цивилизационной идентичности, показала: данное отношение не полярно, что обычно предполагается, а нередко и навязывается социологами, но более сложно дифференцировано. Авторы проекта выделили четыре группы: «изоляционистов» (или «почвенников»), исходящих из принципиальной несовместимости российской и европейской цивилизации (10,3% в среднем по массиву опрошенных); «унитаристов» с противоположной установкой (41,4%); «конвергентов», полагающих, что две цивилизации имеют области соприкосновения и сотрудничества, но говорить о полном совпадении основных ценностей нельзя (39,5%); не определившихся (12,4%). Данные об установках по выделенным когортам дают следующую структуру (в % по столбцам):

Установка	население	Органы власти	СМИ
«изоляционисты»	12,2	5,0	6,6
«конвергенты»	34,7	41,3	36,4
«унитаристы»	38,3	47,5	47,9
затруднившиеся с ответом	14,8	6,3	9,1

Был задан достаточно широкий набор альтернатив для определения готовности России и Запада к сотрудничеству. Соответственно, и позиции опрашиваемых могли быть выражены полнее. Оценки распределились следующим образом (в среднем по массиву опрошенных): 38,3% полагали, что обе стороны готовы к долгосрочному сотрудничеству; 9,9% считали, что «этого не хочет Запад», а 13,5% — «определенные круги в России»; 18,3% солидаризировались с мнением, что неготовность к сотрудничеству характерна для обеих сторон.

Привлекает внимание отсутствие жесткой и однозначной взаимосвязи между исходной установкой и оценкой готовности к сотрудничеству России и Запада. Даже у «изоляционистов» (36,9%) и «конвергентов»

inslav

(38,8%), не говоря уже о «унитаристах» (51,5%), наиболее выражено мнение о взаимной готовности России и Запада к долгосрочному сотрудничеству, хотя в первых двух группах и преобладают разного рода сомнения. Вместе с тем и среди «унитаристов», казалось бы, изначально ориентированных на взаимопонимание, доля скептиков составила в целом 39,5%. Это либо заставляет поставить под вопрос методологическую безукоризненность распределения опрашиваемых по установкам, либо требует в новом свете взглянуть на социологические стереотипы и степень их соответствия реальному общественному мнению. Между тем и в среднем по массиву опрошенных, и среди населения, и в других выделенных когортах вырисовывается типологически схожая картина: признание обоюдной готовности России и Запада к сотрудничеству набирает наибольшее число сторонников (от 37,5% до 39,7%), но в целом доля скептиков несколько выше, чем оптимистов. Все это позволяет сделать несколько теоретически значимых выводов.

Устоявшееся разделение на «западников» (в данном исследовании «унитаристов») и «почвенников» («изоляционистов») не только теоретически примитивно и не отражает объективной проблематичности выбора, стоящего перед страной. Подобная бинарная оппозиция представляет и очень грубый социологический инструмент (с малой «разрешающей способностью»), не позволяющий с должной полнотой выразить многокрасочную палитру подлинных взглядов россиян. «Западники» оказываются не столь одержимыми «вестернофилами», как это им нередко ставится в вину. «Почвенники» вовсе не выглядят такими ограниченными «вестернофобами», какими они кажутся и по речам иных глашатаев российской самобытности, и по словам их критиков. Сторонники сосуществования-сотрудничества двух несхожих миров составляют довольно значительную группу даже в специфически выделенном и потенциально наиболее «прозападном» сегменте российского общества. В целом же общественное мнение реалистичнее и трезвее, чем предполагается навязываемыми ему мифами. Сдается, оно более готово к адекватному восприятию сложности действительных альтернатив, нежели наука и политика. Отношение к Западной Европе и США остается значимым ориентиром российского массового сознания. Оно столь же неоднозначно, сколь противоречивы и их взаимоотношения с Россией, но само по себе не детерминировано историей и к ней не сводимо. Предзаданная вражда ему свойственна много меньше, чем ситуативность. Удивляет и требует осмысления скорее стойкая установка на неконфронтационное взаимодействие с западными партнерами, не всегда оправданное их поведением.

Не обнаруживается в российском обществе и сильной наклонности к «православно-славянской солидарности» как к императиву внешнеполитического выбора. В мире идей объяснение международных отношений цивилизационно-конфессиональной принадлежностью государств стало ныне модным поветрием и на Западе, и на Востоке. В этом смысле любые предпочтения «своих» равно легитимны для всех стран. Однако в случае с Россией ее «особость» проявляет себя совсем иным образом.

inslav

Собственно, сам характер нынешней религиозности склоняет к тому, чтобы не переоценивать социальную значимость веры в самосознании россиян. За десять последних лет доля тех, кто считает себя религиозным, православным человеком, выросла с 34% до 44,5%, число неверующих снизилось с 64% до 45,5%[1]. Но согласились с тем, что массовое обращение к религии носит показной характер — 62,7%, не согласились — 9,6%. «Религию моего народа» как приоритетный параметр национально-государственной самоидентификации избрало лишь 5,5%, в то время как другие получили признание более 20–30%[2]. Еще примечательней, что православие как «идею, которая могла бы объединить российское общество» выбрали только 4,4% (даже среди тех, кто считает себя «православными», лишь 5,9%)[3]. Вряд ли можно поэтому говорить сегодня о сколько-нибудь серьезном влиянии конфессиональности на внешнеполитические воззрения российских граждан.

Общим местом социологических исследований, начиная с советских времен, стала констатация сравнительно малого удельного веса этнического компонента в самосознании русских. Уже поэтому правомерно усомниться, что принадлежность к славянской метаэтнической общности способна быть значимыми фактором их внешнеполитического выбора. Эти сомнения подтверждаются и социологическими исследованиями. Так однотипные опросы ВЦИОМ в 1992 и 1999 гг. показали сохранение доминирующих интернационалистских установок в российском обществе и довольно стабильный уровень ксенофобии — примерно 30%.

Примечательны для нашей темы результаты ответов на открытый вопрос о национальных симпатиях и антипатиях, где перечень этно-национальных групп, вызывающих какие-либо эмоции, формируется самими опрошенными. Существенен при этом не только процент голосов симпатизеров или недоброжелателей. Само отсутствие в списках означает, что данная национальность привлекла внимание менее 1% опрошенных.

Выясняется, что наиболее высокую и устойчивую симпатию вызывают белорусы и украинцы (последние, впрочем, иногда являются и объектом слабовыраженной неприязни). Наибольшую и даже возрастающую антипатию вызывают «кавказцы» (целиком и порознь), а среди них особенно чеченцы. Менее выражены, но также стабильны антисемитские установки. В целом же среди объектов национальных фобий преобладают народы постсоветского пространства (с которыми есть достаточно большой опыт непосредственного общения).

Перечисление национальных симпатий в большей мере отражает культурно-исторические влечения — не случайно в нем, помимо постсоветских собратьев, значимые места занимают народы Западной Европы, и американцы, и японцы[4].

[1] Мониторинг... 1999. № 4. С. 22; 1998. №1. С. 81.
[2] Там же. 1998. № 1. С. 81–82.
[3] Там же. 2000. № 1. С. 92.
[4] Там же. 1999. № 3. С. 57–58.

inslav

Показательно, однако, что ни в одном перечне не фигурируют сербы и болгары, не говоря уже о других славянских или «православных» народах «дальнего зарубежья». В то же время «инославные» грузины и армяне воспринимаются скорее как вызывающие неприязнь «кавказцы», чем как «братья по вере». Можно, конечно, усмотреть «православно-славянскую солидарность» в особой предрасположенности к белорусам и украинцам, но уместен вопрос: почему она ограничивается лишь территорией СССР? Думается, что «православно-славянская общность» является в сопоставлении с реальными умонастроениями чрезмерно обобщающей и качественно неточной характеристикой. Особая близость с белорусами и украинцами характеризует скорее крайне слабо выраженную этническую, языковую и культурную дистанцию, позволяющую массовому сознанию воспринимать их как части некоего единого целого («субэтнические общности», выражаясь более наукообразно). В любом случае следует признать отсутствие выраженных симпатий конфессиональной или метаэтнической природы, способных ощутимо влиять на внешнеполитический выбор россиян за пределами «ближнего зарубежья».

Стоит заметить, что Россия по уровню ксенофобии парадоксальным образом выглядит вполне «европейской», если не сказать «более европейской» страной, чем члены Европейского Союза. Так, в России, по опросу ВЦИОМ (март 1999 г.) полагали, что «слишком большое влияние» в обществе имеют иностранцы — 22,1% («слишком малое» — 13,2%, «такое, какое нужно» — 15,2%), евреи — 23,9% (соответственно — 10,7%, 16,4%), приезжие с Кавказа — 30,6% (14,0%, 10,0%)[1]. В ЕС, по данным «Евробарометра» (октябрь—ноябрь 1997 г.), считали, что в их странах проживает слишком много иностранцев — 45% (много, но не слишком — 40%, не много — 10%). Правда, присутствие людей других национальностей или рас сочли обеспокоивающим лишь 13% и 15% опрошенных. Согласных, что иностранцев из Южного Средиземноморья, желающих работать в ЕС, следует принимать без ограничений, оказалось — 13%, с ограничениями — 60%, не согласных — 21%. Тот же вопрос, относящийся к иностранцам из стран Восточной Европы — кандидатам на прием в ЕС, дал следующие результаты: принимать без ограничений — 12%, с ограничениям 59%, не принимать — 23%[2]. Хотя сравнение не вполне идентичных вопросов нельзя считать строго корректным, оно все же правомерно. Описывается один и тот же комплекс ощущений, подпитываемых однотипными интересами. Выясняется, что «дурные наклонности», изобличающие-де «неевропейскость» России, вовсе не чужды европейцам, несмотря на утверждаемые ими либерально-интернационалистские ценности.

«Косовский» тест на «православно-славянскую солидарность» подтвердил, что таковая определяет внешнеполитический выбор лишь незначительного числа россиян. Подобная ориентация не является ни домини-

[1] Мониторинг... 1999. № 6. С. 86.

[2] Eurobarometer. 1997. № 48. P. 68–72.

inslav

рующей, ни наиболее распространенной даже среди сторонников тех идейно-политических сил, которые эти идеи и проповедуют (избиратели Г. Зюганова). Показательны результаты опроса ВЦИОМ (октябрь 1998 г.) в момент первого обострения косовского кризиса: «Слышали ли вы, что происходит в Косово, и если да, на чьей стороне ваши симпатии?[1]»

На стороне	всего	Избиратели Б. Ельцина	Избиратели Г. Зюганова
сербов	15,5	15,4	24,0
албанцев	4,1	3,1	5,9
Ни на той, ни на другой	42,5	44,8	34,4
Ничего не слышал	12,8	11,8	9,5
Затрудняюсь	25,1	24,9	26,2

Заметно преобладало, таким образом, равноудаленное отношение к участникам конфликта.

Другой опрос (ФОМ, август 1999 г.) подтвердил эту тенденцию еще выразительней. Отвечая на вопрос: «Должны ли российские миротворцы быть нейтральными ко всем сторонам конфликта, защищать преимущественно сербов или албанцев?» — 72% высказалось за нейтральность, 11% — за преимущественную защиту сербов, 2% — албанцев.

В суждениях о виновниках обострения конфликта на Балканах мнения разделились. Неизменно выделяются НАТО и США, на которых и возлагается главная ответственность. Провокации албанских сепаратистов и жестокость югославских властей получили почти сходно негативную оценку, но привлекли куда меньше внимания. Все исследования подтверждают: на восприятие событий российским общественным мнением решающим образом повлияло не отношение к сербам и албанцам, достаточно отрешенное и не выявляющее сильных этнических или конфессиональных предпочтений, но нападение НАТО на Югославию и его последствия для России.

Реакция россиян на косовские события позволяет подвергнуть проверке еще один устоявшийся стереотип, вменяющий России «имперско-милитаристский синдром» — склонность к силовой политике в зоне традиционных интересов былой державы. Логично в таком случае было бы ожидать массовой поддержки прямому вовлечению России в конфликт, посылке добровольцев или активной военной помощи пострадавшей и дружественной стороне. Не менее естественным было бы стремление к установлению с ней союзных отношений или, по меньшей мере, желание жесткой конфронтации с НАТО. Должно было встретить одобрение и ак-

[1] Мониторинг... 1998. № 6. С. 76.

inslav

тивное навязывание российских миротворческих сил. Опросы, однако, показывают совсем иное.

В октябре 1998 г., когда натовские бомбардировки были еще гипотетической угрозой, за оказание военной помощи Югославии в этом случае высказались 19,9%, против — 62,7%. При этом не обнаруживалось значимых расхождений между электоратами Ельцина и Зюганова[1]. В апреле 1999 г. (ВЦИОМ), когда угроза стала реальностью, за активное вовлечение России в военный конфликт с НАТО на стороне Югославии выступило 8%, за то, чтобы ни в коем случае не дать втянуть себя в этот конфликт, — 86%. Против направления добровольцев высказалось 73%. Большинство предпочло политическое давление на страны альянса через ООН и другие международные организации, посреднические усилия России, оказание гуманитарной помощи Югославии. Даже нашумевший марш российских десантников в Приштину был встречен со смешанными чувствами: гордость и удовлетворение — 28%, огорчение и негодование — 26%, недоумение — 15%. Отправка российских миротворцев на Балканы вызвала весьма сдержанное отношение. Впрочем, россияне достаточно негативно оценивают участие России в миротворческих операциях даже в «ближнем зарубежье». И на этой «имперской территории» воздержание от силовых действий и втягивания в постсоветские конфликты остается явной доминантой в российском общественном мнении, несмотря на массовую ностальгию по СССР, активную поддержку объединения с Белоруссией, тяжелое положение соотечественников в постсоветских государствах.

Серия опросов ФОМ (апрель 1999 г.) показала, что стабильное и подавляющее большинство (более 70%) рассматривают антиюгославскую операцию НАТО как прямую угрозу безопасности России. Число считающих НАТО агрессивным блоком с февраля 1997 г. к марту 2000 г. возросло с 38% до 56%, оборонительным — снизилось с 24% до 17%. К июню 1999 г. расширение НАТО на восток расценивали как угрозу безопасности России 66% против 14%, при высокой степени солидарности приверженцев самых антагонистических политических сил. Намерение балтийских государств вступить в альянс сочли тревожащим 53% при 21% безразличных и 18% — не выказавших беспокойства. Еще в феврале того же года к перспективе вхождения в НАТО бывших советских республик отрицательно относились 42,2%, положительно — 10,7%, равнодушно — 27,2%.

В данном контексте кажется совершенно неожиданным, что после прекращения военных действий (ФОМ, 21 июля 1999 г.) большинство (45% против 32%) полагало необходимым для России укреплять сотрудничество с НАТО. Число сторонников вступления самой России в Североатлантический Альянс составило к марту 2000 г. 30%, противников — 43%, считающих это в принципе реальным — 39%, нереальным 32%.

[1] Там же.

inslav

Адекватными превентивными мерами против продвижения НАТО к российским рубежам представляются политические и дипломатические усилия, призванные не допустить этого, — 25%, наращивание собственной военной мощи — 22%, оборонительный союз с государствами вне НАТО — 16%. При этом даже среди сторонников укрепления сотрудничества с НАТО доминирует уверенность, что его расширение на восток — угроза для России, которой необходимо противодействовать.

Все это невозможно объяснить исходя из гипотезы «имперско-милитаристского синдрома» российского массового сознания. Однако многое становится понятным, если констатировать, что болезнь, ему свойственная, имеет совсем другой диагноз — «пацифистско-изоляционистский синдром» (подвариант «пацифистско-западнический»). Наиболее типичные его характеристики можно описать следующим образом: максимальная сосредоточенность общественного мнения на внутренних (в первую очередь социально-экономических) проблемах страны и сдержанно-неодобрительное отношение к любой внешнеполитической активности, способной отвлечь от решения этих задач; стремление избегать конфликтов даже в угрожающих ситуациях и не лишенная лукавства вера в чудодейственную эффективность несиловых методов в политике; прямой запрет на использование силы и нелегитимность подобных действий среди подавляющего большинства населения; крайне низкий уровень доверия к государству в целом, его политическим институтам и силовым структурам при вызванном усиливающимся чувством незащищенности растущем запросе на повышение их значимости; очень высокая ценность мира и стабильности в системе приоритетов россиян, сказывающаяся и в чрезмерно завышенной самооценке собственного миролюбия; склонность уйти от вызовов и угроз окружающего мира либо посредством самоизоляции, либо присоединением к превосходящей силе.

Происхождение подобного довольно устойчивого комплекса ощущений можно объяснять и датировать по-разному. Правомерно усмотреть в этом реакцию на ход и исход первой чеченской кампании или на межнациональные конфликты как на Балканах, так и в соседних постсоветских государствах. Еще более справедливо видеть в таких умонастроениях отдаленное следствие непомерной цены победы в Великой Отечественной войне — главном и поистине всенародно эпическом событии новейшей национальной истории. Допустимо расценить эти установки как определенный урок, вынесенный из «эпохи войн и революций» в целом. Логично увязать их с «комплексом жертвы», присущим, как доказывает Л. Гудков, советскому и постсоветскому массовому сознанию[1]. Настойчивое желание избавиться от давления окружающего мира, либо отгораживаясь от него, либо подлаживаясь, но не соучаствуя, можно рассматривать как внешнее проявление «социальной астении», свойственной, по мнению

[1] *Гудков Л.* Комплекс «жертвы». Особенности массового восприятия россиянами себя как этнонациональной общности / / Мониторинг... 1999. №3. С. 55–57.

inslav

Ю. Левады, российскому обществу[1]. Вспомним, во времена Хрущева и Брежнева, вызывающие ныне сильную ностальгию, единственно эффективным лозунгом официальной пропаганды была «политика мира и разрядки напряженности», которая на обыденном языке формулировалась еще непритязательней: «все что угодно, лишь бы не было войны».

Можно, напротив, считать пацифистский настрой проявлением достаточно рационального осознания и слабости России и приоритетности для нее внутренних экономических проблем. Не случайно главными элементами не навязываемой сверху, а стихийно формирующейся национальной идеи («идеи, способной сегодня объединить общество» на языке социологических опросов) стали «стабильность» (50%), «законность и порядок» (42%), «достойная жизнь» (31%), а лишь затем «сильная держава» (28%) и «возрождение России» (26%)[2]. При этом 78% уверены, что страна должна быть «великой державой», но лишь 14% полагает, что она таковой является. Однако и запрос на «великодержавность» имеет не «милитаристское», а достаточно «мирное» содержание: высокий экономический потенциал (64%) и высокий уровень благосостояния (63%), уважение со стороны других стран (35%) и великую культуру (31%), наконец, военное могущество (35%)[3].

Между тем «внешнеполитическое вегетарианство» подразумевает, что и окружающие не являются «хищниками». Несколько идеализированный образ Запада, успешно соперничающий в сознании русского общества с демонизированным его обликом, также исключал возможность подобного «неевропейского» агрессивного поведения в Европе. В действительности произошло прямо противоположное. Поэтому именно оскорблением пацифистских ожиданий и наглядной демонстрацией их несостоятельности объясняется и сама резкая реакция российского общества на натовские бомбардировки Югославии и вторжение чеченских боевиков в Дагестан, и ее достаточно противоречивый характер. Именно эти два конфликта сообща и идентично повлияли на эволюцию общественного мнения в России. В обоих случаях радикальные перемены в настроениях явились прямым следствием практического попрания не нашедшего отзыва миролюбия. Социологические исследования очень точно это зафиксировали.

Согласно опросу ВЦИОМ (февраль 1999 г.), использование военной силы для решения стоящих перед Россией внешнеполитических проблем полагали недопустимым — 68,3%, допустимым — 17,2%, затруднились ответить — 14,6%. Весьма показательна структура ответов на дважды задававшийся вопрос (в марте и июле 1999 г.): допустимо ли применение в нынешней ситуации военной силы против Чечни? Утвердительно ответили — 11,4% (позднее 21%), отрицательно — 64,6% (49%), за нанесе-

[1] *Левада Ю.* Человек лукавый: двоемыслие по-российски // Мониторинг... 2000. № 1. С. 26.

[2] Мониторинг... 1999. № 4. С. 6.

[3] Там же. 1999. № 3. С. 8–9.

inslav

ние только ракетно-бомбовых ударов по базам боевиков высказалось 10,0% (11%), за проведение лишь наземной операции специальными подразделениями — 6,7% (12%), затруднились — 6,3% (8%)[1].

Еще в мае 1998 г. (ФОМ) 61% против 27% полагал, что конфликты между российскими и чеченскими властями можно решить с помощью переговоров. Хотя и тогда число сторонников более жесткой линии по отношению к Чечне составило 44%, более гибкой — 34%, «такой, как сейчас» — 7%. К сентябрю того же года ужесточение курса стало более популярным: 67%, 16%, 6%.

Между тем последующий выбор россиян (ВЦИОМ, октябрь—ноябрь 1999 г., декабрь 1999 г., март 2000 г.) оставался однозначным, но резко контрастировал с прежними предпочтениями населения. Продолжать наступление федеральных войск считали необходимым 62%, 70%, 73%, вступить в переговоры с руководством Чечни — 27%, 22%, 19%.

Таким образом, реакция россиян на события в связи с Косово и Чечней свидетельствует не о проявлении давних подспудных имперско-милитаристских наклонностей, но о начавшемся изживании былого «пацифистского» синдрома. И оно не столько вызвано внутренними собственными импульсами массового сознания, сколько спровоцировано внешним миром. Это само по себе не обязательно предполагает возвращения к вражде с Западом или роста милитаристских настроений, хотя и создает для подобной эволюции режим наибольшего благоприятствования. Реактивность и функциональность общественного мнения, свидетельствующие о неутраченной способности учиться и извлекать уроки, дают основания для осторожного оптимизма. Правомерно предположить: дальнейшая его эволюция будет больше зависеть от внутреннего (в первую очередь социально-экономического) развития России и от того, насколько конструктивной будет западная политика по отношению к ней, нежели от внушаемых массовому сознанию идеологем. Но это предполагает и большую ответственность отечественной элиты перед своей страной, и более разумное поведение западных партнеров. Пока и то и другое вызывает сомнение.

[1] Мониторинг... 1999. № 2. С. 76.

inslav

СПИСОК НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБЛЯЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	— Архив внешней политики Российской империи
АВП РФ	— Архив внешней политики Российской Федерации
АМВР	— Архив на министерство на вътрешните работи (София)
АМВнР	— Архив на министерство на външните работи (София)
АС	— Архив Србије (Белград)
АСАНУ	— Архив Српске Академије Наука и Уметности (Београд)
БГОВ	— Българо-германски отношения и връзки
ГА РФ	— Государственный архив Российской Федерации
ДВП	— Документы внешней политики
МОЭИ	— Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств (1878–1917)
ОНС	— Обикновено Народно събрание
РГАНИ	— Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	— Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА	— Российский государственный военный архив
СД	— Стенографски дневници
и. с.	— извънредна сесия
р. с.	— редовна сесия
ЦАМО РФ	— Центральный архив Министерства обороны Российской федерации
ЦДА	— Централен държавен архив (София)
ЦХСД	— Центр хранения современной документации

inslav

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю 5
Предисловие 7

I раздел. Мироощущение и ментальность балканских народов. Национальные идеалы, ценности и герои

Г. Г. Литаврин. Этнос — народность — нация 15
Г. Марков. Балканы и «балканизация». Историческая судьба балканских народов в XX веке 24
А. Л. Шемякин. Сербское общество на рубеже XIX–XX вв.: традиционализм и модернизация. Взгляд изнутри 31
О. Н. Исаева. Образ царя Фердинанда в донесениях российских дипломатов 50
Г. Д. Шкундин. Портреты болгарских дипломатов периода Первой мировой войны: Димитр Ризов и Симеон Радев 59
Т. Ф. Маковецкая. Болгария: конец 1918 — начало 1920 гг. Облик власти 78
А. Н. Горяинов, М. Ю. Досталь. Профессор С. Б. Бернштейн о болгарском менталитете (по воспоминаниям ученого) 91
Л. В. Ревякина. Коминтерн и судьба «левых» в балканских крестьянских партиях 98
А. С. Аникеев. И. Броз Тито — национальный герой? Аберрация идеологизированного сознания 107
Т. В. Никитина. Администрация Э. Венизелоса и модернизация Греции (первая треть XX в.) 119
Е. Г. Круговая. «Черные полковники» в Греции: кто они? 130
Н. В. Васильева. Российский воин на Балканах в двух мировых войнах: исторические цели и реалии поведения (дискуссионные аспекты) 138
Н. В. Коровицына. Болгары в системе цивилизационных сдвигов второй половины XX века (особенности восприятия и адаптации) 147
Ю. Ф. Зудинов. Фрагменты общественно-политической жизни Болгарии в период первой «демократической волны» (новые «игроки» на политической арене) 161
Н. Н. Пономарева. Духовный облик болгарина в контексте истории народа. Болгарский исторический роман второй половины XX века 175
З. И. Карцева. Оппозиция хаос—порядок в сознании и жизни современного болгарина (на материале прозы последнего десятилетия) 180

inslav

II раздел. Демографическая и конфессиональная картина на Балканах в XX веке

И. В. Чуркина. Национальная церковь на Балканах как фактор национальной консолидации сербов и болгар 190

Е. К. Вяземская. Некоторые функции конфессии как фактора развития этнонациональных процессов (на примере боснийских мусульман) 204

О. В. Соколовская. Роль греческой королевы Ольги в переводе Евангелия на новогреческий язык в 1901 году 213

Р. П. Гришина. Мусульманское меньшинство в Болгарии: нормы права и их реализация в период между двумя мировыми войнами 221

Т. В. Волокитина. Русская церковь и православные автокефалии на Балканах после Второй мировой войны (за кулисами интеграции) 244

III раздел. Балканы — зона столкновения геостратегических интересов

Ар. А. Улунян. Геополитические взгляды российской правящей элиты на Балканский регион с конца XIX века до 90-х гг. XX века (проблемы исторической политологии) 260

Г. Никова. Болгария между Германией и Советским Союзом (социальный и экономический ракурс) 275

Е. Л. Валева. Болгария в начале Второй мировой войны: драма страны и царя Бориса III 291

В. Тошкова. Советские геостратегические замыслы на Балканах в 40-е годы XX века (по материалам Национального архива США) 307

А. С. Стыкалин. Советско-югославское сближение (1954 — лето 1956 гг.) и внутриполитическая ситуация в Венгрии 323

К. В. Никифоров. Югославия 1990-х годов: кризис общества и распад государства 346

А. В. Карасев. Исторические корни возникновения современного косовского конфликта 353

Н. Д. Смирнова. Балканский кризис (Косово) в контексте национальной безопасности России. Взгляд в XXI век 369

Г. К. Венедиктов. Языковой вопрос у славян на Балканах в недалеком прошлом и в настоящее время 377

П. Е. Кандель. Российское общественное мнение до и после косовского кризиса 386

Список наиболее употребляемых сокращений 403

inslav

Главный редактор издательства:
И. А. Савкин

Художественный редактор:
А. В. Самойлова

Корректоры:
А. О. Брезман
Т. А. Брылева

Оригинал-макет:
Е. Н. Ванчурина

ИД № 04372 от 26. 03. 2001 г.

Издательство «Алетейя»:
193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 13
Телефон издательства: (812) 567–2239
Факс: (812) 567–2253
E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 02.11.2000. Подписано в печать 24.02.2001.
Формат 60×88/16. 30 п. л. Тираж 1200 экз. Заказ № 3317.
Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Printed in Russia

inslav

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЕТЕЙЯ»: НОВЫЕ КНИГИ О ГЛАВНОМ

Санкт-Петербургское издательство «Алетейя» существует с 1992 г. (первоначально как редакционно-издательская группа, с марта 1993 г. как самостоятельное предприятие). Его создатели — молодые философы, два выпускника философского факультета С.-Петербургского Университета. Это обстоятельство предопределило выбор названия для издательства (в переводе с языка древнегреческих мыслителей на современный русский «алéтейя» означает «истина», «правдивость», «открытость») и выбор основного направления в деятельности нового издательства: издание и распространение классического наследия, т. е. сохранившихся первоисточников по мировой и отечественной истории, классической литературе, религии, философии, а также издание современных исследований по основным отраслям гуманитарного знания.

Визитная карточка издательства — быстро ставшие известными книжные серии: «Античная библиотека» (издается с 1993 г.), «Византийская библиотека» (издается с 1996 г.); «Памятники религиозно-философской мысли» (издается с 1993 г.); «Исследования по истории русской мысли» (издается с 1996 г.), «Российские социологи» (издается с 1996 г.), французская серия «Gallicinium» (издается с 1998 г.); «Античное христианство» (издается с 1998 г.), «Российские психологи. Петербургская научная школа» (издается с 1998 г.),

inslav

«Классики русской философии права» (издается с 1999 г.), мемуарная «Петербургская серия» (издается с 1999 г.) и некоторые другие. Всего, включая многочисленные внесерийные издания, «Алетейя» выпустила в свет уже более 300 названий книг.

Издательство «Алетейя» сегодня — это:

— высококачественные переводы классических и современных философских, научных и т. д. текстов на русский язык с основных древних и любых современных языков;

— академическая подготовка публикуемых текстов (научный комментарий, сопроводительные статьи, справочный аппарат), осуществляемая лучшими специалистами в своей области;

— высокое качество полиграфического исполнения и художественного оформления изданий (лучшие материалы и лучшие типографии города) при сжатых сроках прохождения заказа;

— возможность размещения и сопровождения малотиражных полиграфических заказов (книги в твердых переплетах, тиснение фольгой) на самых льготных условиях;

— эффективная технология оптовой торговли специальной, научной литературой, удачный опыт представления лучших образцов отечественного научного книгоиздания на крупнейших книжных ярмарках России и Европы (во Франкфурте, Лондоне, Париже, Лейпциге, Барселоне, Варшаве и др.).

Наши книги знают, ценят, любят и ждут во многих уголках нашей необъятной России, откуда мы получаем сотни писем благодарных читателей с повторяющимся вопросом: где можно приобрести очередные книги издательства «Алетейя»?

Отвечаем:

это можно сделать, заказав их через отдел «Книга — почтой» Санкт-Петербургского Дома Книги, прислав заказы по адресу:

191186, Санкт-Петербург,
Невский проспект, дом 28,
e-mail: motja@cbs.spb.ru,
тел.: (812) 219-6301.

inslav

Книги нашего издательства продаются и в Москве:

магазин «Библио-Глобус» (м. «Лубянка»);

в книжной лавке «У Сытина» (тел.: (095) 156-8670; проезд Черепановых, 56);

Московский Дом Книги (м. «Арбатская»);

магазин «У Кентавра» (м. «Новослободская», Миусская пл., д. 6; тел. (095) 214-5446);

магазин «Ad marginem» (м. «Павелецкая», 1-й Новокузнецкий пер., д. 5/7; тел. (095) 951-9360);

еженедельная книжная ярмарка в «Олимпийском» (м. «Проспект мира»).

В Петербурге весь ассортимент книг издательства «Алетейя» представлен в специализированных магазинах и отделах:

Дом Книги (Невский пр., 28, отдел «Общественных наук и учебной литературы»);

в магазинах издательства Санкт-Петербургского университета (Университетская набережная, д. 7/9);

Российская Национальная (б. Публичная) Библиотека (м. «Гостиный Двор», книжный киоск при входе в Научные Читальные Залы на площади Островского);

в магазинах и киосках «Академкниги»;

в магазинах издательско-торгового дома «Летний Сад»: Большой пр. П. С., 82 (тел. (факс) (812) 232-2104); В. О., Менделеевская линия, 5; Невский пр., 3;

в ассортиментном кабинете «Петербургского книжного центра» (Стремянная ул., 20) тел. (812) 113-1012;

на еженедельной книжной ярмарке в ДК им. Крупской (м. «Елизаровская»).

Среди книжных новинок издательства особенно хочется отметить наши новые переводы, первые издания на русском языке:

— «Древнегреческая элегия»;

— Гигин «Мифы», «Об астрономии»;

— Нонн Панополитанский «Подвиги (Деяния) Диониса»;

— М. Нильссон «Греческая народная религия»;

— Евагрий Схоластик «Церковная история»;

— А. Мацейна «Великий инквизитор», «Тайна беззакония»;

— Ж. де Местр «Санкт-Петербургские вечера»;

— Дарет Фригийский «Повесть о разрушении Трои»;

— Н. Аббаньяно «Мудрость жизни», «Мудрость философии»,

inslav

«Введение в экзистенциализм»;

— Дж. Беркли «Алкифрон, или Мелкий философ»;

— Дитрих фон Гильдебранд «Что такое философия?», «Новая Вавилонская башня», «Сущность христианства», «Сущность любви»;

— К. Барт «Очерк догматики»;

— Ж.-П. Сартр «Идиот в семье»;

— Симона де Бовуар «Второй пол» и многие другие.

К бесспорным успехам издательства можно отнести трехтомную «Историю Византии» выдающегося русского историка-византиниста Юлиана Кулаковского, «Алексиаду» Анны Комниной, новое русское издание Павсания «Описание Эллады» (в 2-х томах), издание итоговой книги размышлений об истоках и судьбах русской литературы Дмитрия Лихачева «Историческая поэтика русской литературы», а также возвращение из небытия книги знаменитого русского мыслителя Алексея Лосева «Имя», собранной на основе материалов, переданных его семье из архивов ФСБ, авторскую версию «Основ средневековой религиозности» Л. П. Карсавина, сборник исторических свидетельств «Суд над Сократом», сочинения в двух томах основателя русской социологии М. М. Ковалевского («Социология», «Современные социологи»), книги серии «Античное христианство» с параллельными текстами и многие другие издания.

Издательство «Алетейя»
(Санкт-Петербург)

в серии «АНТИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА»
выпустило в свет

В разделе «Литература»:

— Марк Валерий Марциал «Эпиграммы» (1994 г.);

— Ювенал «Сатиры» (1994 г.);

— «Античные поэты об искусстве» (1996 г.);

— Гигин «Поэтическая астрономия» (1997 г.);

— Катулл «Избранная лирика» (в новых переводах с параллельными текстами) (1997 г.; издание 2-е, исправленное — 1999 г.);

— «Древнегреческая элегия» (1997 г.);

— Ф. Ф. Зелинский «Аттические сказки»;

— Лукиан «Сочинения» в 2-х томах (2000 г.);

— Арат «Явления» (2000 г.).

inslav

В разделе «История»:

— Ксенофонт «Греческая история» (1993 г.) (вышло три издания);

— Арриан Флавий «Поход Александра» (1993 г.);

— Геродиан «История императорской власти» (1995 г.);

— Аммиан Марцеллин «Римская история» (1994 г.) (вышло три издания);

— Аппиан «Римские войны» (1995 г.);

— Секст Юлий Фронтин «Военные хитрости» (1996 г.);

— «Греческие полиоркетики. Вегеций: Краткое изложение военного дела» (1996 г.);

— Павсаний «Описание Эллады» в 2-х томах (1996 г.);

— Гигин «Мифы» (1997 г.);

— «Суд над Сократом» (сборник исторических свидетельств) (1997 г.);

— Нонн Панополитанский «Деяния Диониса» (1997 г.);

— Дарет Фригийский «Повесть о разрушении Трои» (с параллельными текстами) (1998 г.);

— Гай Светоний Транквилл «О жизни цезарей. О блистательных мужах» (1998 г.);

— «Первый Ватиканский мифограф»;

— Евтропий «Бревиарий от основания Города» (2001 г.).

В разделе «Философия»:

— Ксенофонт «Сократические сочинения» (1993 г.);

— Плотин «Сочинения» (1995 г.).

— А. Ф. Лосев «Античная философия истории»;

— Сенека «Философские трактаты» (2001 г.);

— Ямвлих Халкидский «Комментарии на диалоги Платона» (2000 г.).

В разделе «Исследования»:

— Вяч. Иванов «Дионис и прадионисийство» (1994 г.);

— В. С. Дуров «Нерон, или Актер на троне» (1994 г.);

— Е. В. Герцман «Музыка Древней Греции и Рима» (1995 г.);

— П. Гиро «Частная и общественная жизнь греков» (1995 г.);

— П. Гиро «Частная и общественная жизнь римлян» (1995 г.);

— А. С. Степанова «Философия древней Стои» (1995 г.);

— Ф. Ф. Зелинский «Из жизни идей» (1995 г.);

— Ф. Ф. Зелинский «Соперники христианства» (1995 г.);

inslav

— Ф. Ф. Зелинский «Возрожденцы» (1997 г., 2-е издание — 1999 г.);

— Ф. Ф. Зелинский «Древний мир и мы» (1997 г.);

— В. В. Латышев «Греческие древности». Часть 1 — «Государственные и военные древности», часть 2 — «Богослужебные и сценические древности» (1997 г.);

— М. Нильссон «Народная греческая религия» (1999 г.);

— М. В. Скржинская «Скифия глазами эллинов» (1999 г.);

— М. В. Скржинская «Будни и праздники Ольвии» (2000 г.);

— Т. Гомперц «Греческие мыслители» (в 2-х томах) (1999 г.);

— Р. Пёльман «Очерк греческой истории и историографии» (1999 г.);

— А. А. Тахо-Годи, А. Ф. Лосев «Греческая культура в мифах, символах и терминах» (1999 г.);

— «Ранняя греческая лирика» (1999 г.);

— Ф. Ф. Зелинский «Римская империя» (пер. с польского) (1999 г.);

— Д. О. Торшилов «Античная мифография: мифы и единство действия» (1999 г.);

— Э. Р. Доддс «Греки и иррациональное» (2000 г.);

— А.-Ж. Фестюжьер «Личная религия греков» (2000 г.);

— Ю. В. Шанин «Олимпия. История античного атлетизма» (2001 г.).

В серии «ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА» вышли следующие книги:

В разделе «Источники»:

— Анна Комнина «Алексиада» (1996 г.);

— Иордан «О происхождении и деяниях гетов (Гетика)» (1997 г.);

— Иоанн Кантакузин «Диалог с иудеем» (перевод с греческого);

— Прокопий Кесарийский «Война с вандалами. Война с персами. Тайная история» (перевод с древнегреческого, издание 2-е, исправленное и дополненное);

— Евагрий Схоластик «Церковная история»;

— Олимпиодор Фиванский «История» (с параллельным греческим текстом).

— Преподобный Симеон Новый Богослов «Прииди, Свет истинный. Избранные гимны» (2000 г.);

inslav

— Павел Орозий «История против язычников. Книги I–III» (2001 г.).

В разделе «Исследования»:

— Ю. А. Кулаковский «История Византии» в 3-х томах (1996 г., готовится новое издание);

— Е. В. Герцман «В поисках песнопений греческой церкви. Преосвященный Порфирий Успенский и его коллекция греческих музыкальных рукописей»;

— А. П. Рудаков «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии»;

— И. П. Медведев «Византийский гуманизм»;

— Г. Г. Литаврин «Как жили византийцы»;

— Г. Г. Литаврин «Византийский лечебник XIV в.»;

— А. А. Чекалова «Константинополь в VI в. Восстание Ника»;

— А. П. Каждан «Византийская культура»;

— М. В. Бибиков «Византийская историческая проза»;

— И. В. Кривушин «Ранневизантийская церковная историография»;

— А. П. Лебедев «Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века»;

— А. П. Лебедев «Очерки внутренней истории Византийско-восточной Церкви в IX, X и XI веках»;

— А. П. Лебедев «Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века (От начала Крестовых походов до падения Константинополя в 1453 г.);

— А. П. Лебедев «История разделения Церквей»;

— А. П. Лебедев «Церковная историография...»;

— А. П. Лебедев «История Константинопольских соборов IX века»;

— О. Р. Бородин, С. Н. Гукова «История географической мысли в Византии»;

— А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин «Византия и южные славяне»;

— А. А. Васильев «История Византийской империи» в 2-х томах;

— Я. Н. Любарский «Византийские историки и писатели»;

— Г. Г. Литаврин «Византия и славяне»;

— С. П. Карпов «Латинская Романия»;

— «Византия между Востоком и Западом»;

— В. П. Буданова «Готы в эпоху Великого переселения народов»;

— Е. Ч. Скржинская «Византия, Италия, Русь»;

— О. Р. Тафт «Византийский церковный обряд»;

inslav

— свящ. О. Климков «Опыт безмолвия. Человек в миросозерцании византийских исихастов (2001 г.);

— игумен Иларион (Алфеев) «Жизнь и учение св. Григория Богослова» (2001 г.);

— игумен Иларион (Алфеев) «Преподобный Симеон Новый Богослов и Православное Предание» (2001 г.);

— игумен Иларион (Алфеев) «Христос — Победитель ада. Тема сошествия во ад в восточно-христианской традиции» (2001 г.);

— Л. А. Беляев «Христианские древности. Введение в сравнительное изучение» (2000 г.).

Издание «Византийской библиотеки» на сегодня является приоритетной задачей издательства, поэтому и планы выпуска новых книг здесь наиболее обширны. В наших ближайших планах выпуск в свет следующих уже подготовленных для печати книг:

— Михаил Пселл «Хронография. Малые исторические сочинения»;

— «Советы и рассказы Кекавмена»;

— Константин Багрянородный «Об управлении империей»;

— М. В. Бибиков «Византийские источники по истории Древней Руси»;

— Прокопий Кесарийский «Война с готами (перевод с древнегреческого, издание 2-е, исправленное и дополненное)

и многие другие книги.

Из внесерийных изданий наиболее заслуживают внимания:

первое издание на русском языке сочинений великого французского мыслителя Жозефа де Местра в 3-х томах («Размышления о Франции», «О папе», «Санкт-Петербургские вечера»);

полное собрание сочинений Г. Адамовича;

«Курс русской истории» в 4-х книгах замечательного русского историка Е. Ф. Шмурло;

первая публикация на русском языке итоговой книги Ж.-П. Сартра «Идиот в семье» и многие, многие другие книги.

Издательство приглашает к сотрудничеству
авторов, переводчиков, редакторов.

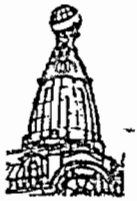
inslav

Телефон редакции: (812) 567–2239,
fax: (812) 567–2253
E-mail: aletheia@spb.cityline.ru
Пишите нам по адресу: Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, 13, издательство «Алетейя»

Наши книги в Интернете:
http://www.petropol.com
http://www.biblio-globus.ru

Для получения книг почтой заказы направляйте по адресу:
199034: Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.
Издательство Санкт-Петербургского университета,
отдел «Книга — почтой»
факс (812) 218–4422, тел. (812) 218–7763,
а также заказав их через отдел «Книга — почтой»
Санкт-Петербургского Дома Книги,
прислав заказы по адресу:
191186, Санкт-Петербург, Невский пр., 28

inslav

Санкт-Петербургский  ДОМ КНИГИ

191186, Санкт-Петербург
Невский проспект, 28
Тел.: (812) 219-6438
Факс: (812) 311-9895

Р/с 40603810000000000001
ОАО инвестиционный
ТЕХНОХИМБАНК
к/с 30101810000000000755
БИК 044030755

ГП магазин № 1 «Санкт-Петербургский Дом книги»
«Книга — почтой», ИНН 780802974

«Санкт-Петербургский Дом книги»
отдел «Книга — почтой»
рассылает по России наложенным платежом
книги и журналы

Обращаясь к нам, укажите тематику,
по которой Вы желаете получить
списки книг и журналов

В нашем отделе Вы также всегда сможете
заказать все новые книги
издательства «Алетейя» (Санкт-Петербург)

Адрес **Санкт-Петербургского Дома Книги:**
191866, Санкт-Петербург,
Невский пр., 28

Адрес **издательства «Алетейя СПб.»:**
193019, Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, 13

inslav

Человек на Балканах

XX век

irusbey